

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

VI.

Digitized by the Internet Archive
in 2013 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсењева. Е. А. Биратынскаго. Барона Брамбеуса. О. В. Булгарина. А. О. Восѣкова. О. П. Глики. П. П. Греча. В. П. Григоровича. Д. В. Давыдова. П. П. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Капеловскаго. Н. В. Кирѣевскаго. Казака Луганскаго. П. П. Козлова. П. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. П. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. О. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. П. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорельскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Шанько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. П. П. Скобелева. П. М. Свиньрева. П. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. П. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевьрева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. П. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. Н. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЬ СЪ СЫНОМЪ.

№ 41

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1854 года Сентября 27 дня.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Э З И Я.

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА

ИМПЕРАТОРУ

А Л Е К С А Н Д Р У I.

Къ чему всеобщее волненье
Во градъ, созданномъ Петромъ,
Передъ дворцомъ Его въ пьнье
И на Невѣ орудій громъ?
Къ чему полночные герои
Стоять сомкнувшись тѣсно въ строн?
Къ чему стекается народъ,
Изъ странъ далекихъ привлеченный? —
Великому, въ сей день священный,
Всликій память воздаеть.

Предметъ всеобщаго восторга,
 Предметъ безчисленныхъ похвалъ,
 Давно ль Тебя какъ полубога
 Миръ цѣлый радостно встрѣчалъ!
 Давно ль изъ края въ край вселенной
 Лишь Ты гремѣлъ, Благословенный!
 Когда Твой славный минулъ вѣкъ,
 Другъ другу мы не довѣряли
 И, мнится, смертию лишь познали,
 Что Ты былъ также человекъ.

Приносятъ дань страны чужія
 Великой памяти Твоей.
 Европа знаетъ дни былые,
 Союзомъ связанныхъ Царей,
 Когда, рука съ рукой державной,
 Ты съ ними текъ стезею славной,
 Стезей неслыханныхъ побѣдъ:
 Твой каждый шагъ кунула битва!
 И раздавалась молитва
 Спасенныхъ царствъ Тебѣ во слѣдъ.

Подъ звукъ Твоей гремящей славы,
 При блескъ вѣковѣчныхъ дѣлъ,
 Въ премирнѣ Твоей державы
 Гигантскій замыселъ созрѣлъ —
 И величавый, и прекрасный!
 Кумиромъ ставъ земли подвластной,
 Ея сыновъ постигнулъ Онъ;
 Изведалъ духъ Его великій,
 Что мысль любимаго Владыки
 Они исполнять безъ препонъ.

По-Русски брата Царь прославилъ.
 Изъ пѣдръ земли Онъ взялъ скалу
 И предъ дворцемъ своимъ поставилъ.

Въковъ губителную мглу
 Минетъ планеты сей обломокъ!
 Я зрю, какъ поздній мой потомокъ
 Стоитъ, невольнo пораженъ,
 Гиганта взоромъ измѣряя, —
 И тихо имя Николла
 Съ благоговѣньемъ шепчетъ онъ.

Но вотъ — народъ склонилъ колѣни,
 Святою вѣрою горя!...
 И вдругъ, какъ-бы при видѣ тѣни
 Благословеннаго Царя,
 Ура! — промчалось вдоль ээира.
 Какой пѣвецъ, какая лира
 Воспѣтъ достойна торжество,
 Гдѣ Русь, сквозь слезы умиленья,
 Свершаетъ теплыя моленья
 И Царь предъ ней какъ божество!

М. МАРКОВЪ.

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
 ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.**

Въ день Его тезоименитства.

=

Надежда Русскаго народа!
 Звезда полночныя страны!
 Потомокъ доблестнаго рода,
 Подъ чьей державой свершены
 Дѣянья славы. Въ день блаженный,
 Въ сей день ихъ памяти святой
 Нашъ Невскій, нашъ Благословенный,
 Блещать, Наслѣдникъ, предъ тобой.

И съ торжествомъ возникло пѣнье;
 Стремится Вѣра въ свѣтлый храмъ;
 Царя и Русскихъ умиленье
 Возносить ангель къ небесамъ.
 Предсталъ владѣтель полуміра,
 Кипитъ блистающая рать,
 Гранить готовъ, въ сѣни ээира,
 Вѣка, народы удивлять.

И громъ на сушѣ раздается,
 И громъ бросаютъ корабли,
 Пылаетъ кровь и сердце бьется
 На славу, въ честь родной земли.
 И въ ихъ надзвѣздной, горней сѣни,
 Земную родину любя, —
 Взгляни! — двухъ Александровъ тѣни,
 Съ небесъ взираютъ на тебя.

Владѣя подданныхъ сердцами,
 Какъ благодать, Ихъ жизнь цвѣла.
 Да будутъ вѣчно образцами
 Двухъ предковъ славныя дѣла.
 Тебѣ Имъ вслѣдъ стремиться должно,
 И вслѣдъ державнаго Отца:
 Умножь еще, когда возможно,
 Сіянье Русскаго вѣнца.

Одинъ — вождемъ на бранномъ полѣ,
 Въ Ордѣ народныхъ правъ щитомъ,
 Великъ въ бояхъ и въ мирной долѣ,
 Смирялся духомъ предъ крестомъ, —
 И онъ противниковъ грозою,
 На свѣтлыхъ Невскихъ берегахъ
 Вѣнчался славою землею,
 Петлиной славой въ небесахъ.

Другой, какъ ангель утѣшенья,
На радость взору и сердцамъ,
Былъ посланъ небомъ на спасенье
Земль родной, чужимъ странамъ;
Не утрашенъ пришельцевъ тмою,
Спасая край родимой свой,
Онъ спасъ высокою душою
Законы Истины святой.

Предъ Нимъ палъ вождь непобѣдимый,
Парижъ надменный сверженъ въ прахъ,
И нашъ орелъ неотразимый
Ужъ вѣетъ на его стѣнахъ;
Вступилъ, — враждебному народу
Блаженство съ миромъ возвратилъ,
И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ Московскій озарилъ.

И преселясь, по царствъ славномъ,
Отъ насъ въ удѣль бсзсмертный свой,
Онъ ожилъ въ Братъ намъ державномъ
И въ той красѣ, и съ той душой:
И духъ вождя, и гражданина,
Сіяетъ намъ въ Царь младомъ,
И жаръ священный семьянина,
Подъ свѣтлымъ благостью вѣнцомъ.

Война вдругъ праведно пылаетъ,
И новый край Россіи данъ;
И дерзкій блескъ луна теряетъ
И перейденъ уже Балканъ;
И предъ Стамбуломъ онъ явился
Какъ Божій гнѣвъ съ огнемъ, мечемъ,
Но милосердъ, — остановился,
И удержалъ въ десницѣ громъ.

О, славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ
 Мечемъ побѣдъ войну пресѣкъ;
 Но тотъ славнѣй, кто, на престолѣ,
 И мудрый Царь, и человекъ;
 Кто льетъ щедротой дни золоты,
 И въ сердцахъ кто хранить возмогъ
 Тѣ добродѣтели святыя,
 Которыхъ образомъ, Самъ Богъ.

И я, колѣни преклоняя,
 Я чувство родины дѣлю,
 За вѣнцесца Н и к о л а я
 Всѣхъ благъ Подателя молю,
 И за Царицу, нашу радость,
 Любовь Его безцѣнныхъ дней,
 И за Твою святую младость,
 Весны и радуги яснѣй.

И сердце Русское трепещеть,
 Народной славою кипить,
 Она какъ солнце всюду блещеть,
 Вездѣ и всѣмъ благотворить.
 Творецъ всего! услышь моленье:
 Храни и царство, и Царя;
 Надеждамъ дай благословенье.
 О, съ нами Богъ! Ура! ура!

50-е Августа.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

БОЖІЙ СУДЪ.

=

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхъ Господ-
немъ

Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Саверинской.

Правда, весело было служить ей: столь добродѣтельна,

столь благосклонна графиня была; но и тяжкую должность

съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.

Съ самаго ранняго утра, до самыя позднія ночи,

былъ онъ всечасно на службѣ ся, покоя не зная,

если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!

Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье

было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ

легкую службу. За то и его отличала графиня:

вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья

ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ

мать, а не такъ какъ съ слугой господа. И было пріятно

ей любоваться прекраснымъ, невпнинымъ лицомъ Фридолина.

То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть

грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты

съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лука-
вымъ

бъсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь

въ сердце его заронить подозрѣнье: «Счастіемъ завиднымъ

«Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ су-
пругъ

«Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангель

«Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спокойно:

«Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней.» Забли-
стали

Грозно у графа глаза. Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ,

Женская вѣрность слово пустос. На ней опираться

То же, что строить на зыбкой водѣ. Берсися, какъ хочешь,

Все обольстителъ отыщеть дорогу къ женскому сердцу.

Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основанъ :

Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Савернскаго графа?

« Правда, коварно отъѣтствовалъ Робертъ; подобная дерзость

« Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья

« Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,

« Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу, и, служа ей,

« Въ сердце развратномъ желанья таить.» Что слышу! воскликнуть

Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И живъ онъ? —

« Все объ немъ говорятъ, государь! а я, изъ почтенья

« Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ. Что самимъ вамъ

« Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной

« Тайной.» Злодѣй! говори! въ изступленъ ужасномъ воскликнуть

Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ

Дерзкій? « Пажъ Фридолинъ! Онъ молодецъ, лицомъ миловиденъ

(Такъ шигель предательски Робертъ, а графа бросало

Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ.) Возможно ль, чтобъ сами

« Вы не видали того, что каждому видно! За нею

« Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая

« Васъ, за столомъ онъ служить; за стуломъ ея, какъ волшебной

« Силой какою окованъ, стоитъ онъ и рдѣетъ.

« Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается

« Въ нежной любви.» Признается! « И дажъ молитъ о взаимномъ

« Чувствѣ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости сердца,

« Скрыла отъ васъ, государь, безумство такос; и сама я

« Лучше бы сдѣлала, когда бы смолчала: чего вамъ страшиться?»

Графъ не отъѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались

Въ это время они къ огромной литейной палатѣ :

Тамъ постоянно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
 Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало.
 День и ночь работники тамъ суетились вокругъ горновъ,
 Пламя питая; какъ вихорь взвивалися искры, свистали
 Страшно мѣхи; колесо подъ водою, средь брызжущей пѣны,
 Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя безпрестанно,
 Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
 Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: исполните въ точ-

ности

Волю мою: того, кто первый прійдетъ къ вамъ и спросить:
 «Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» безъ всякой пощады
 Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось. Съ до-

вольнымъ

Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову.
 Души ихъ были суровѣй желѣза. Съ удвоеннымъ рвеніемъ

спова

Стали работать мѣхами они, и убійствомъ зарапѣ
 Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
 Съ злобною радостью къ графу наушникъ позвалъ Фридолина.
 Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ, не медля ни мало,
 Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у работниковъ горна,
 Сдѣлали ль то, что я приказалъ. — Исполнено будетъ,
 Скромно отвѣтствуетъ пажъ и готовъ ужъ итти, но подумалъ
 Вдругъ: не дать ли ему и она приказанья какого?

Вотъ онъ къ графинѣ идетъ и ей говоритъ: господиномъ
 Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
 Будетъ и вамъ чего повелѣть? Ему съ благосклоннымъ
 Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ хо-

тѣлось

Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, помолися
 Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
 Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
 Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣсть: колоколь звон-

кимъ

Голосомъ звалъ Христіанъ на молитву. *Отъ встрѣчи Го-*
сподней

Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ, и въ церковь съ смиреннымъ,

Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо: Жатва была, и все поселяне работали въ поля.

Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился

Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмъ. *Господу
Богу*

Прежде свой долгъ отдадимъ, потомъ господину. Съ такою Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы, Сголу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святыя Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно Долгъ исправлять министрапта: и тамъ и тутъ на колѣни, Руки сжавъ, становился; звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро Провозглашаемо было священное Sanctus; когда же Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя Бога въ безкровной Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и упали Все на колѣни предъ Господомъ, въ груди себя поражаая, Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.

Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ, Въ храмъ свершалъ. Наконецъ, окончивши службу святую, Громко священникъ воскликнулъ: *vobiscum dominus*, вѣр-ныхъ

Благословилъ; и вышелъ изъ церкви народъ. Тогда онъ, приведши

Все въ порядокъ, и чаши, и ризы, и книги, и утварь,

Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши

Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,

Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратися, Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ спросилъ. И оскалить

Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень

Горна. Онъ тамъ! (проревѣвъ синоватый ихъ голосъ) какъ должно,

Прибрашъ, и графъ насъ похвалитъ. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ,
обратно

Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя сго издалика,
Графъ не повѣрилъ глазамъ. Несчастнѣй! Откуда идешь ты?
«Изъ лѣсу прямо!» — Возможно ль? ты вѣрно промышкалъ въ
дорогъ? —

«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; пове-
ленье

«Ваше призывъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
«Выслушать въ церкви объдно она приказала. Исполнивъ
«Водо ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.»

Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ? — «Не понятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
«Было на горнѣ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ дол-
жно,

«Прибрашъ, и графъ насъ похвалитъ!» — А Робертъ? спросилъ,
леденъя

Въ ужасѣ графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ
былъ мною

Въ лѣсъ? — «Государь, ни въ лѣсу ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣ-
тилъ

«Роберта.» — Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И съ крот-
кой

Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ

Прямо къ супругъ, и ей (хотя сокровеннаго смысла

Рѣчи сго она не постигла) сказалъ, представляя

Много юношу, робко предъ ними склонившаго счи:

Онъ, какъ дитя, непороченъ! Нѣтъ ангела на небѣ чище.

Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и Всевышній силы.

В. ЖУКОВСКИЙ.

ЭЛЕГИЯ.

=

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. ПУШКИНЪ.

НА ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА

АЛЕКСАНДРУ I.

=

«Воздвигну!» Рекъ: — и мощною рукою
Отторгнуль отъ скалы гигантскую громаду,
И водрузилъ глаголь о славѣ вѣковой
И завѣщалъ его Петрову граду. —
Вѣка пройдутъ надъ нимъ дивясь и вторя клики:
Благословенному Великій!

30-е Августа.

А. БИСТРОМЪ.

П Р О З А.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

=

I.

ПРОЩАНІЕ СЪ КАСПИЕМЪ.

=

2. Апрѣля, 1854. Дербендъ.

Я быстро скакалъ по берегу; я предался волѣ бѣшеннаго моего скакуна. Прочь съ дороги, прочь!... Брызжутъ искры, пыль кипитъ по слѣду; вѣтеръ уноситъ окрестность! Сладко, легко сердцу летѣть съ быстротою мысли; отрадно убѣгать отъ пространства и времени. О, есть, есть упоеніе въ быстротѣ; есть Поэзія въ скачкѣ, когда свѣтъ бѣжитъ мимо очей, и духъ занимается будто въ восторгѣ любви! Скорость — есть сила, механическая сила всѣхъ вѣковъ и особенно нравственная сила нашего. Скорость есть уже сила, говорю я, а быть сильнымъ обворожительно! Впередъ же, впередъ, конь мой!.... А, ты закусилъ брошенныя удила, ты несешь, ты пытаешь сбить меня! Бей, неси! Я найду звѣря люте тебѣ для твоего укрощенія....

И я направилъ разъяреннаго карабахца прямо въ прибой Каспійскаго Моря.

Видали ль вы, когда молнія падаетъ въ волны? Одинъ мигъ, — и она погасла. Одинъ мигъ, — и конь мой сталъ среди валовъ, изумленный ихъ ревомъ и плескомъ. Какъ дикіе степные кони, разметавъ гриву на вѣтеръ, стадами рыскали, прыдали они кругомъ,

набѣгали , отбѣгали вдаль ; и онъ строптиво , недоверчиво поводитиъ своимъ раскаленнымъ и чернымъ какъ уголь глазами , вздувалъ дымныя ноздри , обнюхивалъ незнакомыхъ ему товарищей , и , каждый разъ когда всплески расшибались въ пѣну о грудь его , онъ злобно отряхалъ брызги съ ушей , билъ копытомъ песокъ и , оскаливъ зубы , готовился грызнуть неуловимыхъ зачинщиковъ . Я трепалъ его по крутой шеѣ , и наконецъ онъ смиренно сталъ , лишь повременно вздрагивая отъ набѣга всплесковъ .

Буйный , съверный вѣтеръ гналъ волны свистящими криками своимъ на берегъ , какъ гонитъ орелъ лебединое стадо . Сѣро было небо ; лучи солнца рассыпались вѣеромъ сквозь летучія струи облаковъ , и порой зажигали бисерною радугою брызги надъ валами . Я склонилъ наветрѣчу этому привѣтному дождю лице свое , я полной грудью вдыхалъ вѣтеръ родины , — и мнѣ чудился , въ гармоническихъ переливахъ его , говоръ родныхъ , давно разлученныхъ со мною , голоса друзей давно погибшихъ для сердца , пѣніе соловьевъ надъ Волховымъ , звонъ столичнаго колокола ! Мнѣ казалось , онъ напоенъ дыханіемъ милой , свѣжестію снѣговъ , ароматомъ цвѣтовъ туманной отчизны моей ; онъ вѣялъ , пахалъ на меня помпками юности , и на кличъ сердца отозвались всѣ любимыя мечты былаго : онъ слетѣлись какъ ласточки , засверкали какъ звѣзды , брызнули изъ земли какъ цвѣты . Вы ли это яркія чувства , блестящія грѣзы наяву , огнистыя частицы моего бытія , божественные отрывки времени , которые обнялъ я на мигъ и потерялъ на вѣчно ? Вы ли ?... Я жадно желалъ васъ , я долго ждалъ васъ.....

Все исчезло ! Только вѣтеръ шумитъ , только бужуеть море .

Что жъ воспоминаніе какъ не вѣтеръ , вѣющій изъ

минушаго, играющій волнами воображенья? Счастливъ, кто поймалъ на лету хоть одинъ мигъ этого живаго воспоминанія, будто воскресшую ласточку полсъ оцъпенѣнія зимы.

Праздникомъ моему сердцу было такое самозабвеніе: то было отрадное чувство, перевитое съ горестною мыслию. Послѣдній разъ передъ разлукой любовался я Каспіемъ: завтра я долженъ сказать ему послѣднее — прости!

Негостепріимное, пустынное, печальное море! я однако жъ съ грустью покидаю тебя. Ты было вѣрнымъ товарищемъ моихъ думъ, неизмѣннымъ наперсникомъ чувствъ моихъ. Въ твои горькія воды лились горькія слезы мои; въ твоихъ кипучихъ волнахъ охлаждалъ я пылкое сердце; къ тебѣ уходилъ отъ людей, бѣжалъ отъ самого себя. Шумъ твоихъ непогодъ заглушалъ, безмолвилъ мои душевныя бури; голосъ челоуѣка спикалъ передъ величественнымъ глаголомъ Природы, вѣчно однозвучнымъ и всегда разнообразнымъ, нарѣчіемъ знакомымъ и непонятнымъ вмѣстѣ.

Нѣтъ, порой я понималъ тебя, море! Душа разговаривала съ тобой, погруженная въ какую-то магнетическую дрему. Не только отголосокъ, но и отвѣтъ пробуждался въ ней на зовъ твой. Ты шептало мнѣ про свои заветныя преданія; я пропикалъ въ твои заповѣдныя тайники; я разгадывалъ чудеса твоихъ безднъ, бѣгло читалъ твои дивныя руны, которыя пишешь ты зыбью на песокъ взморья, прибоемъ на груди скалъ. Лестная, напрасная мечта! Съ прежней загадкою уходилъ я съ береговъ твоихъ. Многимъ и часто раскрываешь ты лоно свое, но какъ могла, не какъ книгу. Подобно небу ты замкнуто для опыта; подобно ему ты доступно лишь мысли, безпрестанно измѣнчивой и такъ перѣдко обманчивой. Еще таки

человѣкъ вооруженнымъ взоромъ проникъ до млечнаго пути и буравомъ пронзилъ глубоко оболочку земную; но чей глазъ, чей лотъ досягнулъ до дна твоихъ хлябей? Кто, до сихъ поръ, срывалъ твое влажное покрывало? Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана, и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы ¹ или зерна жемчуга ². Непзмѣримый вѣчный сѣнникъ пожираетъ тебя, какъ скоро ты дерзнешь покататься на его хребтѣ и не сумѣешь понять его языка, разгадать его загадокъ. Вездѣ, всегда любилъ я море. Я любилъ и люблю его тиши, когда бездна, сомкнувшись зеркаломъ, молчитъ словно полная, какою-то божественною думою; и дномъ ея — лежать небеса, и звѣзды плаваютъ въ ея влагѣ. Люблю я зыбь его дыханія и бой жизни въ вѣчноюномъ, лазуревомъ его лонѣ, всеобновляющемъ, всеочищающемъ. Люблю его туманы, которые посылаетъ оно жаждущей землѣ, черезъ небо, гдѣ морскія воды терпятъ горечь свою. Но больше всего, страстнѣе всего, люблю я бури и грозы на морѣ. Люблю ихъ въ часъ дня, когда солнце прѣбываетъ лучемъ черныя тучи и огненнымъ каскадомъ обливаетъ купы валовъ, рышущихъ по влажной стени; другія съ боя тѣнятся въ свѣтлозарный кругъ, загораются, воютъ отъ ужаса, и стремглавъ окунаются въ глубь, чтобъ затушить

¹ Въ самомъ дѣлѣ, что такое янтарь? Древесная смола, говорятъ минералогы: но почему жъ она теперь не плавится? почему до сихъ поръ не нашли въ недрахъ горы этого *междупотопнаго* ископаемаго?...

² Страхъ люблю Ученыхъ! кому-то изъ нихъ вздумалось сказать, что жемчугъ есть болѣзнь перламутра, и всѣ набожно повторяютъ это сказаніе, не разсуждая ни мало, что болѣзни свойственны только органической природѣ, а черепъ жемчужной устрицы не что иное какъ известнякъ. Если называть болѣзнію образованіе, почти всеобщее въ ихъ родѣ, жемчужныхъ зеренъ, то придется причислить къ бородавкамъ всѣ капсельники, патеки и сталактиты.

пламенѣющія кудри; другія перегоняются съ косатками, чудовищами, которыя съ безобразіемъ моржа соединяють быстроту ласточки *. Иные бросают снопы радугъ въ грудь смѣлаго корабля, презирающаго весь стихіи, и землю, отъ которой отторгся, и воздухъ, который разсѣкаетъ, и воду, которую топчетъ онъ. Гордо бросается онъ въ битву съ валами, рѣжетъ, разшибаетъ, мнетъ ихъ, такъ, что кажется, будто великаны зыбей, пабѣгая на него съ угрозою, ниспадають съ блестящею улыбкой, разсынаются врозь какъ прахъ, летящій съ колеса!

Люблю ихъ и въ часъ ночи, когда блѣдный мѣсяцъ подымаетъ изъ-за тучъ свой черепъ какъ мертвецъ изъ могилы, и неслышно идетъ по небу, влача за собой черезъ море бѣлый саванъ. Тогда валы возникаютъ какъ тѣни Оссіановскихъ героевъ, въ воропеной бронѣ съ бѣлыми кудрями по плечамъ, со звѣздами брызговъ надъ шлемомъ. Яростно бѣгутъ они въ бой, гонятъ, достигаютъ другъ друга; сшибаются, сверкають сталью и падаютъ въ ночь, раздавленные другими ратниками, ихъ настигшими! А тамъ, вдали, грозно гуляютъ исполнны смерти, надѣвъ тучу вмѣсто шлема, и пѣня въ молоко бездну моря стопами: еще шагъ, и онъ задавитъ корабль!... но перунъ грянулъ, адъ и небо дрогнули отголосками; смотрите! — исполни палъ, застрѣленный молнією.

Люблю видѣть безсильный гнѣвъ твой, море, на каменные берега, непускающіе тебя замить землю. Ты крутишься и шипишь тогда, какъ змѣй, уязвляя пята скаль. Ты прыдаешь на нихъ и грызешь ихъ,

* Косатки, или дельфины, плавають съ невѣроятною быстротою, то прямо, то черезъ голову колесомъ, и въ пять минутъ верѣдко скрываются изъ виду. Замѣчательно, что дельфинъ и ласточка, быстрѣйшіе до сихъ поръ извѣстные плователи, имѣють одинаковое устройство тела: полукругъ, для разрѣза влани, и кливъ, чтобъ она скользила назадъ. Лучшіе корабли ходокп строятся наподобіе дельфина.

какъ тигръ, съ ревомъ и воемъ. Какъ хитрый чело-
вѣкъ; подрываешься ты подъ ихъ основы, точишь, пи-
лишь, разстраиваешь рапы, напесниныя временемъ;
несутомимо разишь своими влажными перунами. Ты
хочешь поглотить, затопить по-прежнему землю, ко-
гда-то въ тебѣ зачатую, и потомъ всразъ тобою покры-
тую. Прочь, второй Сатурнъ! тебѣ не пожрать свое-
го дитяти; ты далъ ему лишь тѣло, но Богъ вдохнулъ
въ него душу, — челоуѣка. Ей ли, ему ли быть жертвою
стихій?...

Да! я видѣлъ не одно море, и полюбилъ всѣ, кото-
рыя видѣлъ; но тебя, Каспій, но тебя — болѣе дру-
гихъ: ты былъ моимъ единственнымъ другомъ въ не-
счастіи; ты хранилъ и тѣло, и духъ мой, отъ пстльнiя.
Какъ обломокъ кораблекрушенiя выброшенъ былъ я
бурею на пустынный берегъ Природы, и, одинокъ,
я немлстно узналъ ее, и научился безкѣрыстно на-
слаждаться ею. Я не ждалъ жатвы полей или добычи
леса; я не вымучивалъ у моря ни рыбъ, ни драгоцен-
ностей; я не искалъ въ немъ средствъ жизни или
свѣтскихъ прихотей; я просилъ у него совѣтовъ для
разумнiя жизни, для обузданiя прихотей. Не овла-
деть стихiями, а сродниться съ ними жаждалъ я; и
сладоствъ былъ бракъ сердца, — сына земли, съ мы-
слию, — дочерью неба.... Здѣсь челоуѣкъ не заслонялъ
отъ меня Природы; толпа не мѣшала мнѣ сливаться
со всеменною. Она ясно отражалась на душѣ моей, я
сладоствно терялся въ ея неизмѣримомъ кругу; гра-
ницы между *я* и *она* исчезали. Самозабвенiе сплавля-
ло въ одно безмятежное, тихое, святое наслажденiе, —
частную и общую жизнь; распускало каплю времени
въ океанъ вѣчности.

Но кромѣ того меня влкло къ тебѣ сходство твоей
судьбы съ моею судьбою. Ниже другихъ и горче

другихъ твои воды ¹. Заключено въ песчаную тюрьму дикихъ береговъ, ты одинокое стонешь, не сливая волнъ твоихъ ни съ кѣмъ. Ты не въдаешь ни прилива, ни отлива, и даже въ порывѣ гнѣва не можешь перебросить буруна своего за черту, указанную тебѣ перстомъ довьчнымъ. И кто знаетъ, какъ поглощаешь ты столько огромныхъ рѣкъ, падающихъ въ жерло твое, столь мало отдавая данн воздуху? И кто разгадалъ твои огнедышащія подводныя волканы, рядомъ съ волканами, извергающими грязь ²? Кто скажетъ намъ, сколько народовъ, потерявшихъ имя, протекло по забережьямъ и по волнамъ твоимъ? сколько безименныхъ жертвъ пожрано твоей пучиной? На тебѣ нѣтъ слѣду первыхъ, нѣтъ крови вторыхъ: только гдѣ-гдѣ обломки, изверженные на берегъ, значаютъ, сколько драгоценнаго похоронено въ твоей глубинѣ.

Не лѣта, а бури бросаютъ морщины на чело твое, бури — страсти небесъ. Страшенъ, мутенъ, шуменъ бываешь ты тогда: за то, порой, прозрачный и тихій, ты даешь лучамъ солнечнымъ и взорамъ челоуѣка купаться въ своемъ лонѣ, и засыпаешь, играя раковинками приморья какъ младенецъ, напѣвая лепетомъ самъ себя колыбельную пѣсню!

Да, Каспій! во мнѣ есть много стихій твоихъ, въ те-

¹ Гумбольдтъ доказалъ, что поверхность Каспійскаго моря, ниже горизонта другихъ морей, кажется, 500 футовъ: следовательно, мѣтніе, будто оно имѣетъ подземную связь съ Индійскимъ Океаномъ, падаетъ само собою; если бъ это существовало, оно необходимо пришло бы въ уровень съ другими. Воды океана содержатъ отъ 50 до 45 частей соли на 1000; Каспій до 60 на 1000. Мертвое Море до 440 на 1000. Жаръ не имѣетъ вліянія на соленость океана, но всегдашній холодъ полюсовъ осаждаетъ изъ воды соль прежде ея замерзанія.

² Сопки, извергающія грязь, находятся почти на всѣхъ островахъ сосѣднихъ Бакъ, а огненные фонтаны, бьющіе изъ моря, на Каспій не въ рѣдкость.

бъ много моего, много кромѣ воли и познанія вещей. Ты не можешь быть иначе какъ есть, — а я могъ!... Скажу вмѣстѣ съ Байропомъ: «Терны, мною пожатые, взмелѣяны собственною рукою: они грызутъ меня, кровь брызжетъ. Пускай! Развѣ не зналъ я, каковы плоды должны созрѣть отъ подобнаго стѣмени!»¹

Величественъ вѣнецъ изъ лучей, плѣнителенъ изъ вѣтвей лавра или дуба, миль изъ благовопныхъ цвѣтовъ: но чѣмъ же не вѣпокъ изъ терновъ?...

Прощай, Касій, — еще разъ, прощай! Я желалъ видѣть тебя, а увидалъ нехотя. Не охотно расстаюсь я съ тобой, но свидѣться опять не хочу... Развѣ ты постелешь волны свои широкимъ путемъ на родину!

Я послѣдній разъ взглянулъ на грозную, прекрасную картину бурнаго моря. Валы широкими грядами катились къ берегу, вздымали головы, загибали всплески, и, кипя, распыскивались въ пѣну о плиты и башни сбитой ими стѣны², взбѣгали на песокъ, и потомъ далеко обнажали его. Какой-то туманный дождь сорванныхъ вихремъ верхушекъ клубился надъ поверхностію моря, — а оно, яркій хамелеонъ, зеленѣло, синѣло, бѣлѣлось, сверкало и меркло мгновенно...

Когда я, скрѣпивъ сердце, поворотилъ коня, мнѣ показалось, будто море и вѣтеръ слили свою гармонию въ жалобу, будто волны какъ маленькіе братья прыдали, просились ко мнѣ на сѣдло. Я далъ поводъ, и обрадованный конь однимъ прыжкомъ вынесъ меня на сушу.....

Когда я въѣхалъ въ городъ, щеки мои были влажны, — но не отъ брызговъ моря.

¹ Child Harold's pilgrimage.

² Несомнѣнно, что древнія Дербентскія стѣны далеко входили въ море, и сомкнуты были плотной съ воротами, которая образовала за собой безопасную пристань. Часто плавая и ныря тамъ, я, можно сказать, ослзалъ ихъ основанія.

II.

ГОРНАЯ ДОРОГА ИЗЪ ДАГЕСТАНА ВЪ ШИРВАНЪ
ЧРЕЗЪ КУНАКЕНТЫ.

=

11 Апрѣля, 1834. Шамаха.

Долой съ коня! — нѣтъ возможности держаться въ сѣдлѣ по такой крути. Иду, и кованые каблукки мои скользятъ по камнямъ, грудь хочетъ разорваться отъ напряженія, — да мнѣ это не первышка! Завиваю хвостъ коня околоруки, и конь почти волокомъ возноситъ меня въ гору; нечего сказать: премное средство совершать живописныя путешествія! Пригласилъ бы я съ собой какого-нибудь Петербургскаго щеголя, протанцовать галонадъ по этимъ острымъ кремнямъ: передъ лицомъ — подковы лошади; справа утесъ, котораго такъ и подмываетъ рухнуть вамъ на голову; слева обрывъ до дна ада; назадъ крутая, витая, скользкая лѣстница, построенная водопадами подъ руководствомъ Кавказскихъ чертей, — и, если опъ не разлетится въ курительный порошокъ отъ здѣшнихъ вихрей, или не изорвется въ пашлытки на шипахъ скалъ и терновниковъ, до полу-дороги, то навѣрно ему на полжизни станетъ разказовъ и на всю жизнь раскаянїя. За то, что за дивныя виды на каждомъ шагу, при каждомъ поворотѣ ущелїя! Проложите сюда чугушную дорогу, освѣтите газомъ пещеры — логовища барсовъ, нажарьте изъ нихъ котлетовъ на парахъ, и постройте гостиницы тамъ, гдѣ блеститъ теперь винтовка горскаго разбойника, — такъ будьте увѣрены что Англинскіе милорды и набобы не пожалюютъ тысячь фунтовъ стерлинговъ, за виды, которыми пользуюсь я теперь за восемь копѣекъ на версту*.

* За Кавказомъ поверстная плаша на лошадь и версуну 2 коп. серебромъ, равно по большимъ и проселочнымъ дорогамъ.

Рѣдѣть лѣсъ, и я безъ сожалѣнiя раскланиваюсь съ нимъ; онъ нагъ, онъ не одѣлся еще въ общiй мундиръ весны, — въ зелень. Онъ не дастъ ни прiюту отъ дождя, ни тѣни отъ солнца. Немногiе, заржавленные непогодою пни провожаютъ меня до границы лѣсорастенiя, и машутъ какъ вѣдьмы длинными сухими космами плюща. Теперь ужъ около меня однѣ купы кустарниковъ вылезли изъ разсѣлинь, будто кочующiя семьи цыганъ, и грѣются на солнышкѣ; а вотъ эти два терна вцѣпились другъ другу въ волосы, — ни дать ни взять наши Русскiе мужички на ярмаркѣ; а вотъ ужъ только чахлый вересъ качаетъ головою, словно не вѣрить, дожить ли ему до завтра, и потихоньку кашляетъ отъ вѣтра. Вотъ одинъ мохъ краснѣетъ по скаламъ, точно румяна по щекамъ старушки. Это уже послѣдняя борьба органической жизни съ неорганическою Природою: далѣе Природа спитъ безпробуднымъ, каменнымъ сномъ, завернувшись въ саванъ вѣчнаго снѣга; далѣе уже растутъ одни знаки восклицанiя, и водятся только вѣтры вьюги и восторги чувствительныхъ путешественниковъ.

Какъ ни расположенъ я былъ шутить всѣмъ и надъ всѣмъ, но когда достигъ до вершины хребта, отдѣляющаго Кубинскую область отъ Шамахинской, когда оглянулся кругомъ, я обомлѣлъ отъ наслажденiя, какъ-будто неожиданно встрѣтивъ глазъ на глазъ ее, — душу моею души; какъ-будто ангелъ принесъ мнѣ вѣсть прощенья. Здѣсь, да! здѣсь, гдѣ больше неба, чѣмъ земли, человекъ долженъ съ досадою бросить кисть и рѣзецъ; забыть свой блѣдный, блѣдный, нищенскiй языкъ. Нѣтъ силы выразить, нѣтъ средства удержать въ себѣ чувства удивленiя, которое заставляеть перекинать сердце черезъ край; которое зажигаетъ душу и разсыпаетъ ее врозь лучами.....

Взгляните на востокъ: тамъ, вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ яснѣетъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское Море. Но кто скажетъ, гдѣ границы горъ съ моремъ; гдѣ кончится море, и начинается небо? Вотъ она, — эта гармонія, слышимая одной душою, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ мостъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровень со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышитъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ черноту тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ, кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно выются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается вамъ изъ мрачныхъ рамъ ущелия, живая, яркая, блестящая, какъ вешній сонъ юности; недоступная и далекая какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, выникаютъ, выглядываютъ другъ изъ-за друга; то пззубренные дождями, то пробитыя навывметъ трещинами, нидѣ чернѣя дремущимъ лѣсомъ, тамъ красуются полосами снѣговъ или разсыпаясь въ холмы, которые, какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ, сидятъ подъ тѣнію палатъ Падшаха міра.

А между-тѣмъ облака тянутся надъ хребтами, какъ вереницы перелетныхъ гусей; или взбираются по ребрамъ утесовъ подобныя стадамъ горскихъ овновъ, оставляя пряди волны своей на острыхъ, какъ тернія, гребняхъ; или отдыхаютъ какъ верблюжій караванъ, богатый грузомъ дождей, у башни Керванъ-Сарая. Вотъ одна туча, расширивъ крылья словно бѣлый орелъ, зыблется надъ пропастью, хочетъ пасть и за-

сыпать ее..... Другая ужь пала, и замерзла на темь Шахъ-Дага, но не теперь, — пѣтъ, въ день творенія! Такая жь туча и подь погамн мошми : снѣгъ ея такъ чистъ, что грѣхъ пятнать его слѣдомъ своимъ. Боишь-ся дохнуть, чтобъ не затмитъ паремъ этого свѣтлаго неба, чтобъ не заразить тлетворнымъ дыханіемъ чело-вѣка тонкій нагорный воздухъ. И кажется, право, здѣсь никогда еще не былъ чело-вѣкъ: такъ все дико, пустынно и дѣвственно кругомъ! Нигдѣ не видать ни замка, ни города, ни селенья; нигдѣ ни борозды, ни дороги. По крутизнамъ чуть замѣтны кой-гдѣ черные слѣды молній, да стежки, проторенныя вѣшними потоками; и одни лишь потоки говорятъ съ окрестностью, свергаясь по камнямъ или низвергая ихъ долу; да ропщеть лѣсъ, да вѣтеръ свищетъ порою. Не слышно подковы путника или тонора селянина: здѣсь царствуетъ Природа, а не люди.

Но прійдетъ время, люди пайдуть на тебя, и ты ушьешься ихъ потомъ, какъ теперь рососо небесь, и они заселятъ твои завѣтныя ущелія и тѣсныны, запымятъ тебя высѣвками общественной жизни, загрязнятъ, притопчуть до самой маковки; источать твое сердце рудниками и каменоломнями, извлекутъ наружу твои внутренности; выворотять, исказять, обстригутъ тебя; увѣшаютъ побрякушками своего ничтожества, заставятъ работать на свою жадность, сдѣлають тебя наемникомъ своихъ прихотей; научатъ вѣтры горь свистать свои жалкія пѣсни, принудятъ водопады твои молоть кофе, и въ дѣвственныхъ снѣгахъ твоихъ станутъ холодить мороженое. Конечно, чело-вѣкъ выиграетъ, но поэтъ проиграетъ въ эту перемѣну. Онъ не пайдетъ тогда ни одного пустынного уголка, гдѣ бы спрятать отъ свѣта сердце свое, гдѣ бы могъ онъ наединѣ вдохнуть въ себя Природу, и на свободѣ выплакать душу звуками. Мелочные люди выживуть даже

шакаловъ изъ пещеръ, отнимутъ гнѣзда у орловъ, и подложатъ въ нихъ кукушкины пестрыя яйца: однимъ словомъ и наконецъ, удобство убѣтъ величіе равно въ области мысли, какъ въ области общежитія. Ты будешь красивѣе, Кавказъ, но будешь ли ты прекраснѣе? Ты можешь стать лучше, — но лучше такъ какъ есть !

Мнѣ такъ отрадно и легко, — такъ легко, что кажется, будто изъ плечъ моихъ развиваются, разцвѣтаютъ крылья; кажется, стоитъ ударить пятой въ этотъ порогъ небожителѣй, и улетѣть за взорами въ небо, умчаться домой, къ звѣздамъ — сестрамъ ! О, великую, божественную мысль зарыла Природа въ сердца горъ, этихъ каменныхъ исполиновъ земли; чистою радостью увѣнчала ихъ темя ! Здѣсь никакъ не передъ нею съ благоговѣніемъ, потому что достигаешь сюда съ опасностію, потому что отсюда легче разгадываешь ея промысль. Снизу, глядя на эту громаду горъ, изумленіе поразжаетъ человека; по сверху уже удивленіе, то есть, сознаніе прекраснаго овладѣваетъ вами, — сознаніе гордое и независимое, потому что оно склоняется предъ тѣмъ, что лучше насъ. Прекрасное есть заря истиннаго, а истинное лучъ божества, преломленный о вѣчность. Вотъ почему это чувство возникаетъ въ душѣ, какъ воспомнаніе былаго ! Оно знакомо, оно родственно ей. Гляжу на Кавказъ — и, кажется, я не впервые здѣсь; кажется, колыбель моя качалась волнами вонъ того водопада, и вѣтры горъ убаюкивали меня въ сонъ; кажется, я бродилъ по этимъ хребтамъ во дни моего ребячества, когда Божій міръ былъ моимъ ровесникомъ !!

И кто жъ сказалъ, что я не былъ ровесникомъ міру? Развѣ пылинки, составляющіе мое тѣло не современны ему? Развѣ душа моя не жила довѣчно въ лонѣ Провидѣнія?.....

Спускаюсь къ Ширвани, странѣ солнца, самой богатой хлѣбомъ въ Кавказской Области. Передо мной развивается изумрудное море холмовъ, пересѣченное черными хребтами, и задвинутое отъ сѣвера заснѣженными горами Лезгистана, Казикумукомъ и Ели-су; отъ запада стѣною Карабахскихъ горъ. Конь мой скользитъ на хвостъ, или мѣтко перепрыдываетъ съ обломка скалы на другой обломокъ, заваливающей узенькую тропику, по которой и черезъ которую съ шумомъ несутся ручьи тающихъ снѣговъ. Иногда, огибая уголъ утеса, онъ храпитъ и пятится назадъ отъ испуга, не находя опоры для копытъ, — а пропасть ущелия зияетъ и рычитъ внизу, какъ пасть чудовища, какъ гортань неизмѣримаго удава, котораго обаятельное дыханіе непреодолимо влечетъ къ себѣ жертву изъ глубн лѣса, и можетъ высосать жаворонка даже изъ выси небесъ. Брось поводъ, отдай свою душу Богу, а тѣло коню; не пускай своего взора слетѣть съ края пропасти, въ которую боится заглянуть самое солнце, не пускай, или онъ увлечетъ за собою и сердце твое

— Чапаръ-Ханъ! * гдѣ же Шайтанъ-кюприсси, чортовъ мостъ, которымъ меня столько пугали? Гдѣ онъ? Или сбѣжалъ какъ самъ его строитель, въ отчаяніи отъ хитрости и смѣлости человѣка?

— Мы ужъ давно его переѣхали, отвѣчаетъ погонщикъ.

Такъ бываетъ со всеми нашими страхами: ждешь ихъ лицомъ къ лицу, — глядь, ужъ они за нами!

— Однако жъ, говоритъ словоохотный чапаръ очень довольный, что я завелъ съ нимъ рѣчь: однако жъ,

* Чапаръ, гонимецъ, извозчикъ, погонщикъ. Чапаръ-хане — почтовой дворъ.

ага, чорту въ самомъ дѣлѣ не стало житья отъ нашего брата, человѣка. Съ вашего приказа сказать, жилъ онъ сперва при дворѣ Персидскаго Падишаха, но такъ какъ онъ не сумѣлъ хвостомъ своимъ выводить такіе же выкрутасы, какъ выводятъ мирзы на Ферманахъ, и спина его не смогла сгибаться въ 25 перевертовъ, какъ у всякаго придворнаго, такъ его бѣднягу отдубасили однажды по пятамъ и вытолкнули за высокій порогъ Шегиншаха ¹. Съ разбитымъ посомъ и поджавши хвостикъ удралъ, убѣжалъ онъ въ городъ ². «Дай-ка, подумалъ онъ, пушусь я въ торговлю. Горожане народъ глупый: я видалъ, какъ придворная сволочь надуваетъ ихъ, и на сладкія слова удить червончки изъ ихъ кармановъ.» Вотъ и продалъ онъ ножевщику рога свои на черенки, вмѣсто оленьихъ. Радъ чортъ абасамъ, — а не знаетъ того, что они оловянные. Поймали, схватили его чауши съ поддѣльными деньгами, — никто не беретъ чорта на поруки, — давай фелакку ³, валяй его по пятамъ. Насилу вырвался; бѣжить, мляга, безъ оглядки въ поле. Гадаеть, думаетъ, умомъ разумомъ раскидываетъ. Заживу, говорить, съ поселянами. Поселяне люди простые, черные, темные: обмануть ихъ — бездѣлка; ихъ развѣ лѣнивый не обманываетъ!» Вотъ и попадаетъ ему навстрѣчу мужичокъ. — *Селямъ алейкюмъ — Алейкюмъ селямъ!* — Куда идешь, добрый человѣкъ? — Вдоль по дорогъ. — Славная погода! — Да, лучше нельзя выдумать для того, кто хочетъ утопиться! — Аа, подумалъ чортъ: фазанъ самъ летитъ на ястреба; не уйдетъ монхъ когтей его душенька. Надо

¹ Государя-Государей.

² Восточные народы безпрестанно употребляютъ плеоназмы: *Гюръ, бахъ, гляди, смотри, Пилды, куртарды, сдѣлалъ, кончилъ*, и т. п., вы услышите десять разъ на минуту.

³ Фелакка, доска съ двумя скважинами, въ которыя продеваютъ ноги виновнаго: вздергиваютъ пяты вверхъ и бьютъ палками.

поживиться хоть чугой его *, покуда онъ вживъ. — А съ чего тебѣ принала охота топиться? спрашиваетъ чортъ селянина. — Да ѣсть нечего!... такъ хоть напиться вдоволь. — Хорошо, братъ, и это: а если я помогу тебѣ?—О, такъ навѣчно я рабъ твой! Ты мой будешь ханъ, господинъ, отецъ родной, *валлахъ*, *биллахъ*, *тамлахъ*!—Послушай, мужичокъ! вотъ что мы сдѣлаемъ: купимъ сѣмянъ, да засѣемъ поле; это твое дѣло; только три четверти урожаю мнѣ, а четверть тебѣ. Согласенъ ли ты? — У мужичка сыплются искры изъ глазъ отъ радости, а сердце словно медомъ обливается. — Не только три четверти, я все что взойдетъ сверхъ земли, тебѣ отдаю: съ меня довольно и корней. — По сказанному, какъ по писанному, ударили по рукамъ. Чортъ заложилъ одному факиру шубу свою за два томапа. Накупилъ мужичокъ сѣмянъ петрушки и рѣдьки, моркови и рѣпки, засѣялъ огородъ въ три переклика; а чортъ мой ночей не спитъ, днемъ не присядеть, таскаетъ воду, отпугиваетъ воробьевъ и безъ кожи дрожитъ; все барышей дожидается. Поспѣло все, сняли все на огородъ. Мужикъ, человекъ совѣстный, отдалъ всю траву чорту сполна, себѣ взялъ одни коренья. Диво да и только чорту — мужикъ разъялся и разжился, а его травы и на базарь не пускаютъ. «Постой, разсуждаетъ онъ: теперь меня не проведешь. Я въ одинъ разъ на два раза умнѣе сталъ.» Опять идетъ къ мужичку, опять даетъ ему сѣмянъ. — Только, пріятель: говоритъ, не осуди; въ это лѣто бери себѣ стебель, а корень-то изволь отдать мнѣ. Мужикъ ударилъ рукой въ руку.—И то дѣло! говоритъ онъ: надо квитъ на квитъ навести. — Счетъ онъ; только счетъ не овощи, а жита. Взросло все какъ изумрудъ, палилось какъ золото: жнеть мужичокъ въ полный серпъ, да посмѣивается, а чортъ дивится пуще прежняго: его корешковъ даже ослы не ѣдятъ! До-

* Чуга — кафтанъ.

гадался однако онъ, и хотъ поздно, а вложилъ палець въ ротъ. — Ахъ, вы проклятые людишки! вскричалъ бѣсъ, хвостомъ вытирая слезы: меня перехитрили во всемъ, а я же у васъ за все про все виновать; на меня вы все-таки выючите небылицы да напраслины. Живите себѣ одни: я между вами лишній! — Ударился въ землю, и съ тѣхъ поръ у насъ про него ни слуху ни духу. Изъ чортовой кожи, что осталось въ закладѣ у факира, тотъ сшилъ себѣ шубу, и, говорятъ, болтаютъ сосѣди, будто перепродалъ ее нашему кадію.

=

III.

ПОСЛѢДНЯЯ СТАНЦІЯ КЪ СТАРОЙ ШАМАХЪ.

=

Чертовская дорога — божественные виды! Я уплаченъ съ лихвой за все труды и опасности.

Передъ закатомъ солнца примчался я въ небольшую деревушку, — имя ея стерлось, — послѣдній мензиль * къ Шамахъ. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалъ я такихъ бѣдныхъ мазанокъ и землянокъ: ни деревца подлѣ дома, ни садика кругомъ деревни; должно быть, жители въ лѣтніе жары откочевываютъ въ горы. Впрочемъ, въ Азіи, не то что въ Россіи: близость большихъ горъ не обогащаетъ, а нищитъ селенія. Надо гонцу коня? — взять изъ подгородной. Надо беку или назиру курочку или барашка? — послать въ подгородную. Задумали вмѣстѣ погулять на свѣжемъ воздухѣ? — ѣдемъ въ подгородную. Окружныя селенія платили дань и гнѣву и радости правителя области. Никто не смѣлъ сказать: — я завтра на своей арбѣ ѣду въ

* Мензиль собственно значить ямъ, гостиница, станція, но Татары употребляютъ это слово за переездъ и за самое разстояніе. Они говорятъ *туфенкъ-мензилье*, перестрѣль, и *хошъ-мензиль*, выгодный ямъ.

лѣсь за дровами, — или — дочь моя сегодня будетъ твоей женою. У селянина не было ничего вѣрнаго кромѣ палокъ и податей; но за то уже палки и подати падали на него безъ счета и безъ завѣта. И между тѣмъ Кавказцы вздыхаютъ по старинѣ! «То-то было золотое времечко!» говорятъ они. О люди, люди! когда и гдѣ уживетесь, помиритесь вы съ настоящимъ?.....

Ущеліе расходитя здѣсь долиною. По ней увертывается отъ взоровъ рѣчонка. Окружныя горы уже не обрывисты, какъ слогъ Державина, а закруглены какъ стихи Языкова. Много яркой зелени, — и нигдѣ ни дуба, ни скалы. Лишь кое-гдѣ пролетныя облака случайно бросаютъ поэзію на какую-нибудь вершину. О, я теперь избалованъ Природою какъ счастливый любовникъ, причудливъ какъ знатный баринъ: я и глядѣть не хочу на обыкновенное.

Стада, съ бляніемъ и ржаніемъ, возвращались съ паствы. Народъ въ кружку спорилъ и шумѣлъ за очередь; я, раскинувшись на буркѣ, спокойно курилъ трубку, и попеременно затягивался то сладкимъ дымомъ Америки, то чистымъ вечернимъ воздухомъ Азіи. Почти нагіе ребятишки прыгали около меня; подальше, ворча съ недовѣрчивостію, огромныя собаки обнюхивали пришельца; еще дальше женщины черпали большими кувшинами воду, и возвращались, поставивъ ихъ на голову. Всѣ звенья Природы, начиная отъ мыслящаго существа до безчувственного камня, звучали какое-то младенческою, библейскою простотою. Только здѣсь, только на Востокъ, поймете вы картины и обычаи книгъ Ветхаго Завета. Героглифъ станетъ для васъ буквою, загадка — живымъ словомъ.

Въ четверть часа все было готово: кони осѣдланы и обовычены. — Далекъ ли въ городъ? — Два агача, бигюмъ — Полно! не слишкомъ ли? — А можетъ

и слишкомъ: кто мѣрялъ! — Глядь на часы, — почти семь. Дай-то Богъ къ ночи поспѣть въ шелковое царство, въ городъ столь знаменитый въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ, что ни царь-царевичъ, ни король-королевицъ, ни Иванъ купецкой сынъ не смѣли съѣсть на коня безъ «сѣделчка Черкаскаго и уздечки шелку Шемаханскаго».

Подводятъ добрыхъ коней, — добрыхъ потому только, что не кусаются. Ногу въ стремя, пагайку въ руку, — и былъ таковъ! Поднимаюсь на крутой, прекрутой подъемъ высокой превысокой горы. Достигъ вершины, топчу тающій снѣгъ, спѣшу поклониться западающему солнцу за черныя горы Карабаха. Оно уходило какъ паша въ неприступныя ворота своей крѣпости, въ толпѣ янычаръ — облаковъ, блестящихъ золотомъ и багрецомъ. О, нельзя вообразить не видя, нельзя описать увидѣвши, всю прелесть здѣшнихъ сумерекъ! Какой-то пѣкный, прозрачный, фіолетовый туманъ задерживаетъ своею дымкою горы. Какъ спзый голубь слетаетъ съ вышины на родную кровлю, такъ слетаетъ на землю духъ сумерекъ, и вы, кажется, слышите въяніе крыль его, чувствуете на лицѣ росу, имъ отрясенную съ благоуханныхъ перьевъ. И все молчать, все, отъ говора Природы до страстей чловѣка, будто склоненныхъ въ благоговѣйное безмолвіе молитвы, которую небо встрѣчаетъ благословіемъ. Да! горы не даромъ были древле первыми храмами, благодареніе единственною молитвою. Мою душу, по крайней-мѣрѣ, какъ цвѣтъ не-троны-меня, всегда сжимала рука несчастія, и только въ тишинѣ покоя развертывалась она съ ѳиміамомъ мольбы. Когда левъ смерти рыкалъ вблизи, когда молніи замолніями разбивали мое сердце, я, признаюсь, считалъ робостью вымаливать у Всевышняго пощады, я думалъ оскорбить Вѣчную справедливость мыслію, чтобы позднее

раскаяніе или безвременная молитва могли изменить судьбы промысла. Я преклонялъ тогда голову, и говорилъ—Да будетъ Твоя воля! Но когда Богъ отгонялъ своимъ дыханіемъ волны моря, и они, расхлынувъ, стеной стояли вдаль, алчныя, но беспильныя пожрать меня; когда мнѣ дарилъ Онъ рѣдкія, — о, какъ рѣдкія минуты! — за то некупленные, чистыя, святыя минуты радости! — тогда я молился безкорыстною молитвою; и благодарность, эхо благотворительности, извлекала изъ очей сладкія слезы умиленія, — слезы, которыхъ не могло бѣдствіе изъ нихъ высечь. Путь жизни моей провела Судьба по терпамъ и камнямъ, сквозь ночь и облака; но и мнѣ порой светили звѣзды, и я умѣлъ благословлять каждый лучъ, до меня достигшій. И чаще всего, и чище слетали на меня искры благодати, когда я скитался по вершинамъ горъ: я душой постигъ тогда хвалебный гимнъ — «Слава Богу въ вышнихъ и на земли миръ!...»

Съѣзжаю, и опять вздымаюсь на хребты. Земля дремлетъ въ объятіяхъ неба. Какъ прекрасно небо! Гляжу, и не могу наглядѣться, — да и можно ли взоромъ выпить безконечность! можно ли пресытить сердце красотою вѣчной и неподражаемой! Вечеръ несмысленнымъ крикомъ своимъ стираетъ румянецъ съ лица запада. Облака играютъ по небосклону, и, что мигъ, мѣняютъ свои дивные образы, утопая въ юномъ мракъ. Ну, право, небо мечтаетъ теперь! облака его ходятъ теперь на видѣнія засыпающаго праведника! они принадлежать равно землѣ и небу, той и другой жизни! Вотъ и ночь: она щедро осыпала звѣздами сводъ неба, и ярко, потаинственно, сверкаютъ онѣ подъ голубымъ черепомъ: это вѣдь мысли вселенной, вѣчно свѣтлыя, вѣчно неизмѣнныя; это буквы, изъ коихъ мы едва угадываемъ одно цѣлое слово, — и это слово —

Б О Г Ъ !

Ъдемъ, ъдемъ: нѣтъ конца дороги. Шамаха раза два выглянула было изъ волнъ тумана, да и захлебнулась имъ. Утонула, бѣдненькая! Я впрочемъ и не одинъ разъ утонулъ было въ болотахъ, въ каждой ложбинкѣ, образованныхъ тающими снѣгами: лошадь вдругъ увязала по грудь, и вытащить ее стоило всякой разъ по крайней мѣрѣ десяти ударовъ плетью и двадцати проклятій Татарскихъ и Русскихъ въ переплетъ. Хоть бы мѣсяць взошелъ! Легокъ напомянь, онъ какъ-разъ прыгнулъ на небо. Идетъ неидетъ, свѣтитъ не свѣтитъ; то съ облаками въ гулочки играеть, то за звѣздочками гоняется, - авѣдь нѣтъ, чтобы путемъ посвѣтить доброму человѣку! Эй, мѣсяць, не забывай своей службы, не ссорься со мною: не то я выведу тебя на чистую прозу!

Начинается разборъ ясному мѣсяцу!

Во первыхъ возрастъ этого стараго франтика очень двусмысленный. Одни говорятъ: онъ можетъ годиться въ дѣдушки землѣ. Служилъ будто въ старинныя времена кометою; шатался какъ вѣчный жидъ по цѣлой вселенной, и мѣнялъ мимоходомъ системы міровъ, какъ мы системы философій; потомъ будто затянула его центровлекулная страсть земли, и съ тѣхъ поръ онъ остепенился, произвелъ невѣроятнѣе прочимъ въ планеты-спутники, и доселѣ волочится за землею; вмѣшивается въ ея приливы и сумасшедшіе дома, пышитъ на нее своими платоническими волканами, да изрядка задобриваетъ посылками аэролитовъ и боллитовъ *. Увѣряютъ, что пятна, которыя поэтѣмъ кажутся глазами и носомъ и ртомъ мѣсяца, а простоло-

* Всегдашняя безоблачность мѣсяца доказываетъ, что тамъ нѣтъ воды, и даже атмосферы подобной нашей. Вотъ почему вѣроятно что лунные волканы могутъ взбросить сквозь рѣдкую среду камни до невѣроятной высоты, такъ, что иные изъ нихъ попадутъ на лучъ земной центровлекулной силы.

днцамъ нашимъ изображеніемъ Каина, осужденнаго, будто-бы, носить вѣкъ трупъ убитаго имъ брата, есть тѣнь огромныхъ лунныхъ горъ и дно рывинъ, неозаренныхъ солнцемъ. Но всего вѣрнѣе, что эти пятна — морщины старика мѣсяца. Известно, что мягкость и жидкость несомнѣнные признаки или, лучше сказать, неотъемлемыя качества молодости; а онъ иссохъ, какъ остовъ, зачерствѣлъ какъ артельный хлѣбъ, и вѣрно растрескался и сморщился какъ сморчокъ.

Другіе, и между прочими докторъ Велланскій, утверждаютъ, что мѣсяць между планетами не старѣе любаго пака; что у него не прорѣзалась еще на бородѣ растительная жизнь; но что всѣ періоды органической Природы прійдутъ къ нему жидкимъ путемъ, своєю чередою; что онъ превратится въ комету, сорвется съ своего 28-дневнаго пути, и въ какой нибудь прекрасный вечеръ мы узнаемъ, что онъ улетѣлъ за тридевять небесъ, путешествовать для образованія ума и сердца. Вотъ тебѣ и поминай какъ звали! Разоренье тогда поэтамъ и будочникамъ: на чемъ тогда будутъ первые печь свои посланія, чѣмъ посыпать свои поэмы? на что падѣясь, воровать будетъ послѣднимъ постное масло изъ фонарей? Многимъ жаль будетъ мѣсяца, а мнѣ право не жаль. Давно бы пора согнать этого мысача съ неба! Таскается себѣ съ фонаремъ, словно частный приставъ, и во всѣ закоулки заглядываетъ. Благодаря его милости, я раза два чуть чуть не попался ревнивцу: ну, да это дѣло прошлое, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Правду сказать, за мѣсяцомъ водятся и добрыя качества: напримѣръ учтивъ, злодѣй, какъ нельзя болѣе; придворный земли, онъ съ роду не оборачивался къ ней задомъ; ухаживаетъ за ней, вертится около, а все глазъ съ нее не сводить, вѣчно ей улыбается. Я однако жъ думаю, что онъ, какъ Испанскій гидальго

Равудо де Колибрадось, потому только не показываетъ спины, что она у него еще хуже лица. Впрочемъ это одна догадка, основанная на томъ, что мѣсяць любитъ ископи блистать на чужой счетъ, и въ долгъ безъ отдачи пользуется лучами солнца, какъ-будто-бы онъ былъ членъ «вѣчнаго цеха» Русскихъ сочинителей, которые тебя обкрадываютъ, да тебя же бранять, а когда не стало чужбинки, такъ вырѣзываютъ изъ своей спины доскуты и подновляютъ ими брюхо.

Какой-то Нѣмецъ, — Нѣмцы хитрый народъ! — наглядѣлъ въ телескопъ, будто въ луиъ есть крѣпости, построенныя въ видѣ звѣзды; есть дороги и огромная стѣна поперекъ всего ихъ свѣта: «вѣроятно отъ пасаднаго вѣтра, который тамъ свирѣпствуетъ вѣчно въ одну сторону», замѣчаетъ преважно Иванъ Ивановичъ. Чудная вещь, непонятная вещь! Ну, пускай ужъ на мѣсяць люди, какъ саламандры, могутъ пить пламень вмѣсто воды: да отъ чего жъ, прости Господи, могутъ быть тамъ вѣчные вѣтры, когда нѣтъ воздуха?

Однако жъ, какъ ни бесплоденъ, какъ ни безлюдненъ мѣсяць, а Александръ Македонскій, которому мало стало одного отца и одного свѣта, страхъ жалѣлъ, что нѣтъ дороги въ эту прекрасную землю. Онъ хотѣлъ завоевать его, и построить тамъ бивакъ для своей фаланги. Я хоть и не Македонскій, но тѣмъ не менѣ Александръ, и, грѣшный человекъ, имѣю самъ страстишку къ завоеваніямъ. Вотъ почему объявляю въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ, что беру луну за себя, а въ ожиданіи случая на паролетѣ съѣздить туда лично для вступленія во владѣнне по законамъ, дѣлаю оную колоніею монахъ мечтаній, загороднымъ домомъ наслажденій монахъ. Да признаться, сказать, и прежде этого объявленія, лучшіе романы моего воображенія совершались на плоскости мѣсяца, какъ лучшія повѣсти моей дѣйствительности на его свѣтъ.

Я помню ночь, свѣжую благоуханную ночь Сѣвера — свѣтлую ночь Петербурга весною. Это было еще въ ту пору жизни, когда юность растеть и живетъ не на счетъ земли, а на счетъ воздуха, подобно цвѣтку въ первую пору его взбѣга. Нева колыхалась вдами, облечена въ сотканье сумрака и свѣта; надъ головой лепетали кленовые листья; она, первеница моей любви, скончалась головою на грудь мою. Мои объятія обвивали ея станъ какъ поясъ; ея кудри окружали перстнями руки мои; она переливала вздохи мои въ мои уста; мое сердце билось отголоскомъ ея сердца, какъ-будто оно слилось воедино.... То была не минута страсти, но минута упоенія, — долгая, безмятежная, сладостная, минута, въ которую два существа и весь окружный мѣръ исчезаютъ, сливаясь въ гармоніи и радости. Она подняла томныя очи, и съ нѣгой глядѣла въ меня, и съ обольстительнымъ укоромъ роптала. — «Зачѣмъ ты полюбилъ меня?» — Спроси у мѣсяца, зачѣмъ онъ свѣтитъ, милая! было моимъ отвѣтомъ.... Слова, которыя теперь возбуждаютъ во мнѣ насмѣшливую улыбку, — эти простые слова были выраженіемъ чистаго, юнаго чувства; вырвались безъ думы изъ души, и проникли въ душу.... новый жаркій поцѣлуй запечатлѣлъ.

О юность, юность! самые пороки твои нерѣдко бываютъ внушеніемъ Природы, а не пряной привычки, не разврата, умышленно подогрѣтаго кислотами. А между прочимъ, что ни говори, будто теплоты въ мѣсячномъ свѣтѣ незамѣтно по самому чувствительному термометру, — я этому не вѣрю. Лучъ мѣсяца можетъ расплавить женское сердце или, по-крайней-мѣрѣ, разогрѣть его до взаимности и до невѣрности, разумѣется, если самое близкое къ ней сердце имѣетъ съ ея сердцемъ химическое сродство. Надо только подбавить къ нимъ нѣсколько сладкихъ словъ, рукопожа-

тій и объятій, да раздуть хорошенько вздохами. Все такъ главное разлагающее начало тутъ мѣсяць: за что жъ, ради самого Меркурія, за что жъ называютъ луну дѣвственною и цѣломудренною? за что ее отдали въ вѣчное и потомственное владѣніе звѣроловицѣ Діанѣ? Миѣ до сихъ поръ не удавалось видѣть ночной охоты, по-крайней-мѣрѣ, за звѣрьми. Ну, да пусть такъ: Діана была охотница не до однихъ оленей, и только днемъ травила собаками дерзкихъ Актеоновъ за то, что они заставляли ее безъ корсета; а тихомолкомъ ночью порой каталась съ неба цѣловать красавчика Эндиміона. Пускай ужъ не было правды въ языческомъ небѣ: да за что жъ на крещеной землѣ ея не будетъ? Я формально протестую противъ платоническихъ титуловъ мѣсяца, и докажу, что онъ былъ виновникомъ или участникомъ тысячи тысячъ паденій. Забудьте, милостивые государи и милостивѣйшія государыни, — это до васъ касается, — забудьте *ragin beau clair de lune*, какъ хитро стелеть онъ дорожки свѣта, заманиваетъ въ непроницаемыя тѣни свои любящихся; какъ замысловато пугаетъ, превращая далекіе предметы въ страшлищъ, для того, чтобъ сблизить любовниковъ; и потомъ какъ льстиво украшаетъ лица ихъ, какъ искусно скрадываетъ недостатки: подъ его лучемъ все прелестно, все очаровательно! А между-тѣмъ онъ лезетъ въ васъ свѣжее пламя, какъ мороженный пуншъ; брызжетъ на васъ росниками, будто кузнецъ на уголья, чтобъ сильнѣе разгорѣлись. Будь у меня красавица жена или дочь, ни за что не пущу гулять ихъ по мѣсяцу, ни за что не пущу мѣсяца въ ихъ комнаты.

Да и однимъ ли любовникамъ помогаетъ рогатый и рогаосный мѣсяць? Прочтите Базиля Галля, этого Делля, просоленнаго въ морской водѣ, Капитана Базиля Галля, которымъ спятъ и бредятъ Англійскіе и

Французскіе журналы, и вы увидите, что мѣсяць плутуетъ нерѣдко за одно съ контрабандистами, и покровительствуетъ морскимъ разбойникамъ, а про земныхъ разбойниковъ, про Горцевъ спросите у меня: я расскажу вамъ много любопытнаго про этихъ рыцарей мѣсяца, хотя они никогда не были кавалерами ордена мѣсяца.

— Кстати, чапаръ! не водятся ли здѣсь разбойники?

— Разбойники? теперь? отвѣчаетъ онъ теперь не слышно! Вотъ ужъ больше мѣсяца не убили ни одного человека. Грабятъ-то грабятъ порой..... Все молодежь тѣшится: ну да это бездѣлцы! *пуць затъ!* А вотъ встарину.....

— *Аггіере*, гарунъ! назадъ! тубо! Не слушаетъ, бестія! Прочь, говорю я. Ну что жъ встарину, чапаръ?..... Даешь себѣ, да и только! Вѣрно на зверя напалъ.

Лягавая собака моя такъ и заливалась, и, роя землю лапами, махая ушами, то наскакивала, то отпрядывала опять. Уже не разбойникъ ли, чего добраго?..... Я взвелъ курокъ пістоleta, ударилъ усталаго коня, и вскакалъ на курганъ, надъ бурьяномъ котораго лаялъ гарунъ пристуномъ. Мѣсяць билъ прямо на его вершину, и на ней.....

Во всѣхъ горахъ Кавказа есть обычай воздвигать родъ бсѣдокъ надъ могилами *шейховъ*, или *тировъ*, т. е. людей, угодившихъ Аллаху мусульманскимъ благочестіемъ. Нерѣдко ихъ ставятъ въ память умершихъ въ Меккѣ или убитыхъ на войнѣ въ чужбинѣ. Каждый проѣзжіи отрываетъ кусочекъ отъ одежды, вяжетъ его на вѣтки, нарочно тамъ воткнутыя, молится за душу покойника, и проситъ у неба счастливаго пути. На курганъ, на который вскакалъ я, не было часовни, но лежала необтесаная плита, и на ней

человѣческой черепъ, и въ зубахъ этого черепа сверкала какая-то серебряная монета. Я содрогнулся, глядя на этотъ бездушный остатокъ чловѣка. Онъ былъ необыкновенно страшень; глаза его будто чернѣлись, зубы скаплились; онъ, казалось, поворачивался и отгрызался отъ собаки.....

На зовъ мой чапаръ пріѣхалъ туда же, взглянулъ, и поблѣднѣлъ какъ саванъ. «Аллахъ, Аллахъ! на какое проклятое мѣсто мы заѣхали!... Я держался нарочно вдаль отъ этого кургана, и, смотрите, заѣхалъ къ нему. Ага, это не даромъ! Ага, оторвемъ въ жертву по лоскутку, — и прочь! Аллахъ да сохранитъ насъ!»

И чапаръ, бросивъ жертву, былъ ужъ далеко. Ужасъ написанъ былъ на его лицѣ, когда я догналъ его. Онъ оглядывался, погоняя коня.

— Кто схороненъ въ этой могилѣ, чапаръ? Зачѣмъ противъ правовѣрнаго обычая валяется черепъ на гробовой доскѣ?

— Великій грѣшникъ зарытъ тамъ; великое проклятіе тяготѣетъ надъ этимъ мѣстомъ.....

Мы ѣхали тихо, и чапаръ долго рассказывалъ мнѣ тайную повѣсть о злодѣѣ, котораго души не принялъ самъ адъ, котораго голову извергла земля. Я передамъ вамъ ее:

ЧЕРЕПЪ-ЧАСОВОЙ.

.....

— Кто идетъ? закричалъ часовой у въѣзда въ Шамаху.

Я протиралъ съ изумленіемъ глаза: какъ быстро упалъ я изъ минувшаго къ воротамъ Шамахи, и какъ не кстати! Однако дѣлать нечего *. Я отвѣчалъ:

* Мы очень сожалѣемъ, что неожиданный пріѣздъ въ Шамаху лишилъ насъ повѣсти о «Черепѣ часовомъ», которая уже начиналась и,

— Солдать.

— Да кто-именно-съ? прибавилъ часовой, увидя, что я проезжій.

— Александръ Марлинскій.

— Пожалуйте открытый листъ!

=

IV

ПЕРЕЪЗДЪ ОТЪ С. ТОПЧИ ВЪ КУТКАШИ.

=

14 Апрѣля, 1834.

.....
Колыбельною пноходью шла моя лошадь, и сердце вздремало, зыблясь на вешнихъ звукахъ и ароматахъ. Глазами я бродилъ кругомъ, но память летала надъ минувшимъ; память занесла меня въ дебри Сибири, на дикій берегъ Лены.

Я поднялъ голову: надо мной склонялось шатромъ унылое, полярное небо; передо мной тянулась цѣпь Кангаласскаго Камня, возникали его хребты, щетинясь кедрами и сосной, какъ стада огромныхъ дикобразовъ. Съ ружьемъ за плечами, задумавшись, стоялъ я верхомъ на берегу одного изъ пустынныхъ озеръ, дремлющихъ вѣчно у подножія Якутскихъ предгорій, стоялъ очарованный дикою поэзією сѣверной Природы.

безъ сомнѣнія, была бы столь же прелестна, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера знаменитаго повѣствователя. Но мы можемъ предвѣщать нашимъ читателямъ удовольствіе, тѣмъ большее, что оно не заставитъ долго ждать себя; авторъ, безъ шутокъ, обѣщавъ намъ рассказать дѣла объ этомъ черепѣ, въ непродолжительномъ времени. Мы должны еще порадовать любителей прекраснаго таланта Г. Марлинскаго извѣстіемъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, издать вполнѣ дневникъ свой по Кавказъ, который искрестилъ онъ въ разныхъ направленіяхъ, и живописуетъ съ такимъ эффектомъ. *Библ. для Чит.*

То было въ Сентябрь мѣсяць, но уже при начаткахъ зимы. Листъ палъ, или падалъ, съ жалобнымъ шорохомъ отрываемый вѣтромъ отъ родныхъ вѣтокъ. Нагія березы и тальники дрожали, казалось отъ холода, и тѣснились въ частыя купы. Въ облакахъ, чуть видны, неслись клиновидныя всренницы запоздалыхъ, усталыхъ гусей, летящихъ къ новому лѣта Юга, — неслись, роняя на вѣтеръ печальныя крики. Далекій городъ за густой занавѣсой тумана то возникалъ со своими башнями и колокольнями, то испарялся будто мечтаніе сна. Слева, изъ одной пади вился дымокъ бѣлою струйкою, — вѣрно съ юрты бѣднаго Якута, — и онъ былъ единственнымъ признакомъ челоуѣка въ пустырь, гдѣ дорогу никогда не рѣзало колесо, а землю рало; все, кромѣ этого дыма, было мертво и пусто кругомъ; вопросъ остался бы тамъ безъ отвѣта, кликъ безъ отголоска.

И вотъ облака стали падать клубами ниже и ниже, будто сѣрыя волки, отряхая дождь съ мохнатой шубы. Онъ сѣялся мелкими зернами, и тихо, тихохонько, падалъ туманомъ, не возмущая поверхности озера, не колебля сухаго листа, который обшзывалъ онъ изморозью. Вдругъ пахнулъ вѣтерокъ изъ ущелія, и тамъ, гдѣ за мигъ волновались полупрозрачныя пары, леталъ и плавалъ уже бѣлый снѣжокъ, легкій, чистый, блестящій, будто пухъ прямо съ крыльсвъ ангела, не померклый еще отъ прикосновенія къ землѣ. Онъ порхалъ, онъ кружилъ, онъ вился и вздымался опять, будто не рѣшаясь разстаться съ воздухомъ, будто не хотя упасть на болото. Еще повѣвъ вѣтерка, еще взоръ; и все измѣнило видъ, все засіяло: косвенныя лучи солнца пронзили облако и зажгли снѣжный туманъ яркими полосами. Казалось, млечный путь, со своими міриадами звѣздъ просыпался съ неба или солнце вышло изъ него цвѣтами сѣвернаго сіянія!

Кристаллы инія, перемѣшанные съ каплями дождя, то сверкали золотомъ и пурпуромъ въ оранжевой струѣ свѣта, то померкали яхонтами въ фіолетовой полосѣ; и вновь загорались, и опять гасли. Каждое дыханіе холода изъ пасти ущелія заставляло блѣднѣть этотъ потокъ замерзающаго воздуха и оживляющаго свѣта; каждый приливъ лучей растоплялъ снѣгъ въ алмазные пскры, между тѣмъ какъ золотыя нити отъ облаковъ до земли сновались и перевивались. Наконецъ начало оцѣпенѣнія перемогло: мгла задушила небосклонъ, все померкло. Снѣгъ уже падалъ хлопьями, опушая вмѣсто листьевъ деревья и прибрежный тростникъ озера, тусклаго какъ свинецъ. Вотъ двѣ дикія утки свистя крыльями, пали на него. Я осторожно снялъ съ плеча ружье, нацѣлилъ, и, бацъ, съ съдла..... Выстрѣлъ сверкнулъ и грянулъ глухо: на срединѣ озерка, взрытаго дробью, трепетались несчастныя пташки..... — «Шль, пептунъ!»

Я очнулся.

И не леденящая, не безжизненная Природа Полюса, но оживающая, но живая, воскресшая Природа Востока красовалась передо мною; свѣжая прелестью весны, полна желаній и обѣтовъ, какъ невѣста. Она блещетъ, цвѣтетъ, поетъ жаворонкомъ, воркуетъ горлицею, вздыхаетъ нѣгою наслажденія въ вѣтеркѣ, кипитъ ключемъ. Влюбленное солнце пьетъ ея ароматическое дыханіе, пѣжитъ ее теплотою, цѣлуетъ лучами, и съ каждымъ поцѣлуемъ печатлѣетъ новыя красоты на ея смѣющемся личикѣ. О, моя душечка, ты обворожительна теперь! Со всѣмъ уваженіемъ къ чужой собственности, я готовъ кинуться на грудь твою съ съдла, и обнять тебя, расцѣловать тебя. Да! электрическій огонь восточной весны льетъ кипяткомъ юности въ грудь, бросаетъ измѣническія искры причудъ въ зарядный ящикъ воображенія. Въ воздухѣ

слышится чей-то милый голосъ, атласный шелестъ какого-то платья, благоуханный повѣвъ прерывнаго дыханія. Сердце замираетъ, духъ занимается: оглянулся, — ѣдешь въ скучномъ сотоварниществѣ собственной тѣни!..... Мое почтеніе!

Я очнулся отъ того, что прямо въ лицо мнѣ рубилъ крупный дождикъ, хоть солнце пекло и сіяло: вы бы сказали, воздухъ таетъ каплями нѣги, и эти капли, едва касались деревьямъ и лугу; на лету превращались въ зеленые листики, въ бѣлые, въ розовые, въ лиловые цвѣты; раскидывались вѣромъ, вспыхивали букетами, обвивались гроздами; трепетали крыльшиками какъ бабочки; распушались перьями ко инбри. Казалось, летучая радуга разбилась въ дребезги, и, принявъ цвѣтѣчное тѣло, улеглась, раскинулась на землю. Въ одинъ мигъ, точь въ точь театральная декорация: чуть зеленыющій лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, вспрыснутый дождемъ, развернулъ свою яркую зелень, убрался въ вѣнокъ цвѣтенья, радостно замахалъ въ воздухъ своими кудрями и руками. Безъ всякой метафоры, цвѣты распускались подъ стопами и привѣтно помавали головками навстрѣчу. Жаворонки, — небесные колокольчики, звонили въ вышннѣ; по холмамъ весело блѣяли стада барановъ; пахарь далъ вздохнуть быкамъ своимъ, и снявъ шапку, съ благодарнымъ умилеиємъ глядѣлъ на небо, и благодатная влага смывала съ лица его капли ѣдкаго пота. То былъ праздникъ Природы. То была радость человека. Земля сверкала и благоухала какъ жертвенникъ!...

— Въ горахъ Лезгистана промчался громъ.

Я оглянулся окрестъ: вся Шекинская долина, цвѣтушая будто украинна рая, потоплена была въ волнахъ свѣта. Я взглянулъ направо, на стѣну горъ, дѣля-

щую Шеку отъ Аваріи: тамъ хмурилась черная почь. Грозовыя тучи съ рокотомъ катились по зубчатому гребню хребта, и стремглавъ свергались въ Куткашинское ущеліе, заливая его мутнымъ водопадомъ ливня. Изъ средины ихъ, видѣлось, будто чья-то огромная рука брасается молніями, а сквозь разорванныя тучи мелькаетъ кровавый горизонтъ другаго міра. Вотъ, со скаль на скалу, черезъ зѣвъ тѣснины перекинулась воздушнымъ мостомъ радуга. Смѣло стояла она въ вышинѣ, ярко играла своими отливами на спозомъ полѣ тучъ. Картина была восхитительна; никогда отъ рожденія не видалъ я и можетъ-быть никогда впередъ не увижу, въ такомъ близкомъ горизонтѣ, дожда при ясномъ солнцѣ, радуги надъ молніею, грозы рядомъ съ вѣдромъ!

И я долго любовался этимъ дивнымъ сочетаніемъ, — любовался тѣмъ болѣе, что въ немъ отражалась какъ въ зеркаль душа моя!. Надъ бурей судьбы, надъ мракомъ отчаянія возникала радуга надежды, озаряя мнувшее утѣшеніемъ, а будущее опытомъ. А тамъ, въ недоступной вышинѣ, всходили къ небу ничѣмъ не омрачаемые, ничѣмъ не возмущаемыя ледники, — послѣдняя ступень земли къ небу, символъ чистоты и міра души, цѣль и награда мудраго.

Баловни счастія, поклонники суеты свѣтской, есть ли въ вашихъ галереяхъ такія картины, въ вашихъ дворцахъ такія сокровища, въ вашемъ быту такія наслажденія? Жалкіе самохвалы, вы убили наслажденія, желая собрать или услышь ихъ; вы задушили Природу, стараясь подражать ей; исказили ее, украшая! Могутъ ли краски, вымученныя изъ земли, передать холстинѣ красоты земныя? Могутъ ли благовонія, вываренныя изъ мертвыхъ цвѣтовъ, быть сладостнѣе аромата живыхъ? Для притупленныхъ чувствъ вашихъ пужны бульоны, эссенціи, потрясаю-

шіе звуки, пестрые букеты. Но какой букетъ, скажите мнѣ, выразитъ всю прелесть луга, гдѣ каждая семья цвѣтовъ живетъ въ своемъ кругу растеній; каждая травка есть необходимое звено для стройности цѣлаго, необходимый оттѣнокъ вѣчной мысли Провидѣнія, связывающей полезное съ прекраснымъ!

О, прійдите, пріѣзжайте сюда, полюбуйтесь на эти горы, упейтесь воздухомъ этихъ долинъ, отдайте хоть разъ Природы, и вы признаетесь тогда, какъ смѣшны и ничтожны погремушки, за которыя вы ссорились хуже ребятъ. Ужели ваша мишура лучше радуги; ужели вашъ хрусталь милѣе звѣзды, или вѣтки ваши свѣтлѣе вѣтви Божія? Прійдите! этотъ прекрасный, новый для васъ міръ отдастъ вамъ; эти сокровища разсыпаны передъ вами: они чисты и дѣвственны, какъ въ первый часъ изъ купели потопа. Наслажденія эти не куплены раскаяніемъ; они не унижаютъ, а высятъ душу; не гнетутъ лице чловѣка поклономъ къ землѣ, а умиленіемъ вздымаютъ его къ небесамъ. Вотъ вамъ серебро водопадовъ: на немъ нѣтъ зеленой ржавчины предательства Іуды; вотъ вамъ золото въ перьяхъ фазана: оно не звучитъ укоромъ; вотъ вамъ багрянецъ зари: это не кровь; вотъ алмазы дождя, — они вѣдь не охрусталѣвшія слезы!

Нѣтъ! напрасенъ призывъ: люди любятъ свои оковы и неохотно покидаютъ уютные, раззолоченные гробы, выстроенные ими душъ своей. Да и зачѣмъ бы они пришли сюда сквозь тысячу опасностей, трудовъ и неудобствъ, зачѣмъ? Могли ли бы ихъ пресыщенныя чувственностію, или окостенѣвшія въ безчувствіи сердца перелетѣть за очарованный кругъ наслажденія Природою?..... Они принесли бы сюда, вмѣсто искренняго, истиннаго удивленія, поддѣльныя похвалы, лицемѣрную скуку; падутые вос-

торги, которые начинаются восклицаніями, а кончатся зѣвками. Или, что хуже того, неспособные ощущать величіе, они бы стали унижать его карикатурами, кощунствовать надъ нимъ съ презрѣніемъ невѣжества; наводить смѣхъ толпы на людей, которые предаются созерцанію, и остро подтрунивать надъ тѣмъ, чего они не въ состояніи постичь, или чему подражать пѣтъ у нихъ душевнѣшки, либо воли. И толпа будетъ рукоплескать имъ: ей странное нравится больше нежели прекрасное, новое больше нежели вѣчное: притомъ же ей страхъ весело, когда ихъ обрызгиваютъ грязью, изъ которой она создана; когда валять все высокое въ болото, въ которомъ она квакаетъ.

Песчанья души! можетъ ли что изящное отразиться или произрасти на нихъ?

Усталая буря ушла въ пещеры Лезгистана; чуть слышно было, какъ она ворчитъ за горами. Облегченныя отъ груза облака улеглись по вершинамъ, а вершины гасли безъ зарн, потому что солнце исчезло въ туманномъ западѣ безъ прощанья. И вотъ, изгороды стали чаще, сады гуще, кой-гдѣ проглядывали высокія, соломой крытыя, кровли домовъ изъ зеленаго потопа плодовыхъ и шелковичныхъ деревьевъ. Вся дорога перерыта была деревянными водопроводными жолобами. Вода сочилась, струилась, журчала вездѣ. Наконецъ, у стопы огромной, зеленою подернутой горы, на поворотѣ въ тѣснину, по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки, открылось мнѣ мѣстечко Куткаши. Такъ какъ всякой домъ окруженъ особымъ садомъ для шелководства, то селеніе растянуто и разбросано на нѣсколько верстъ, безъ всякаго порядка, безъ улицъ, кромѣ проѣзжей дороги. Перѣхавъ по мостку рѣчку, я долженъ былъ, несмотря на усталость, добраться до самаго конца мѣстеч-

ка, чтобы, по заведенному здѣсь обычаю, предстать передъ свѣтлыя очи бека, одного изъ налчныхъ владѣтельныхъ князей Куткашинскаго магалла. Домъ его, кромѣ величины, ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ; за то обнесенъ былъ каменною стѣною, и у воротъ возвышалась небольшая изъ плитъ съ перилами площадка. Фонтанъ князь съ нею рядомъ. Спрыгнувъ съ коня, и отдавъ подержать ружье, потому что представляться съ ружьемъ за плечами считается въ Азіи неучтивостью, я взошелъ на ступеньки эстрады, на которой сидѣлъ со своими приближенными бекъ, наслаждаясь прохладою вечера и вѣчнымъ наслѣдіемъ восточныхъ владѣтелей, — бездѣльемъ. По мѣсту, въ срединѣ полумѣсяца, мнѣ нельзя было ошибиться, къ кому обратиться обычное привѣтствіе. Всѣ встали, и молодой, едва ли двадцатилѣтній бекъ, очень красивой наружности, очень учтиво, но довольно холодно отвѣчалъ на мой селямъ. Замѣтно было, что онъ не усталъ еще разгрызать важность горскаго князька, хоть это худо мирилось съ нагольною овчинною шубою, накинутою на плеча. Впрочемъ не думайте, что нагольная шуба, окрашенная сверху копотью ольхи, можетъ служить предосуденіемъ богатству или знатности. Ни мало. Горскія власти не прихотливы, и грозный ханъ охотно завертывается въ тулупъ изъ косматыхъ овчинъ наравнѣ со своимъ нукеромъ. Ампрамъ-бекъ кажется такъ его называли, — пригласилъ меня садиться, и мигнулъ, чтобы подали трубку, но я отказался отъ того и другаго: мнѣ крѣпко хотѣлось на боковую. «Прошу одной кровли на ночь и трехъ лошадей на зарѣ», сказалъ я беку: «кромѣ этого душа моя не имѣетъ нужды ни въ чемъ, — только въ вашей благоклонности.»

Бекъ, перебирая янтарныя четки, отвѣчалъ, что

все, что я изволю приказать, будетъ исполнено какъ ферманъ. Спросилъ въ заключеніе, пѣтъ ли еще какой ему «службы» на мою пользу, — и, на отрицательный отвѣтъ мой, мы раскланялись, размѣнявшись привѣтами, изъ которыхъ, само собой разумѣется, не повѣрили другъ другу ни въ одномъ словѣ.

И не даромъ. Юзъ-бани, которому приказано было отвести мнѣ квартиру, задумалъ сбыть меня съ рукъ на половину, принадлежащую другому беку, находящемуся на службѣ въ Россіи, двоюродному брату Амирама. Повели меня по мытарствамъ. Насилу нашли старосту другой половины Куткашей, но убѣдить принять меня не могли. «Не наша очередь,» говорилъ тотъ. «Да вѣдь бекъ, кромѣ того, принялъ этого господина: онъ вашъ гость, а не нашъ.» Юзъ-бани спорилъ; и другой кричалъ; я наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и такъ грозно зашевелилъ своей нагайкою, какъ левъ, готовый броситься на добычу шевелить хвостомъ своимъ. Это пѣмое краснорѣчіе подѣйствовало лучше всѣхъ доводовъ. Проводникъ мой пошелъ далѣе, заклинаясь, что юзъ-бани другой половины великой плутъ, между-тѣмъ какъ я увѣренъ былъ что онъ — того втрое плутоватѣе. За пустымъ деревяннымъ базаромъ на площади, указалъ онъ мнѣ домъ. «Извольте снимать выюки, сказалъ мнѣ юзъ-бани: знатная квартира, ага; *валлахъ, биллахъ*, лучше этой нѣтъ въ цѣломъ городѣ! Все прозжіе генералы въ ней останавливаются. Вамъ будетъ здѣсь привольно, какъ рыбѣ въ водѣ. Хозяинъ богатъ и старъ какъ чортъ, а между-тѣмъ у него двѣ молодыя женки.» Вѣдь набѣду жъ моей головѣ замѣшалась тутъ молодыя женки! Сердце у меня юкнуло, когда юзъ-бани сказалъ мнѣ про нихъ. Думаю, не быть добру: — такъ и есть. Заныхавшись прибѣжалъ блѣбородый,

беззубый старичишка, загналъ всѣхъ своихъ женщинъ въ анбаръ, браясь — зачѣмъ онъ берется не за свое дѣло, выносить изъ одной комнаты перины да сундуки, да глядѣть на проезжихъ, не закрывъ даже лица чадрою. Хитрянки не охотно повиновались, лукаво улыбались черезъ плечо, и, я думаю, не хуже Европейскихъ женщинъ восклицали внутренно противъ укора стараго мужа, будто не ихъ дѣло *глядѣть* на прохожихъ, и варварскаго зарюка закрывать *даже* лице. Господи, Боже мой! да чтожъ послѣ этого останется показывать?

Заперши на замокъ вѣрность своихъ сожительницъ, ревнивецъ подошелъ къ намъ, пзмѣрилъ меня глазами, привелъ два аршина съ половиною моего роста въ Татарскую мѣру на локти; вглядѣлся, не подкрашены ли у меня усы; закинулъ даже числительный, испытующій взглядъ въ самый ротъ, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли у меня зубы; потомъ сдѣлалъ вѣрную посылку тройнаго обратнаго правила — «чѣмъ старѣе, тѣмъ неспособнѣе», и со страху, чтобъ это не обратилось въ правило товарищества, столь гибельнаго для лбовъ мужей, давай браниться съ юзъ-башею, зачѣмъ онъ безъ круга, безъ очереди ставитъ къ нему на постой! Вотъ, всего не болѣе полугода назадъ, стоялъ у него полковникъ, да и тотъ, слава аллаху, былъ старикъ старикомъ, и едва передвигалъ погни отъ лихорадки. «Когда я заговорилъ съ нимъ по-Татарски, и безъ того сѣрое лице ревнивца стало сѣрымъ въ яблокахъ: у него упали руки при мысли, что я могу безъ толмача наказать его женамъ вздоровъ съ три короба. «*Агамъ, гѣзіомъ, джашымъ!*» мычалъ онъ, увиваясь около меня: господинъ мой, глазъ мой, душа моя: возми другую квартиру!... Я пришлою всего, чего захочешь; приму, пожалуй, твоихъ спутниковъ; буду холить твою собачку: только, для

общаго Бога! не оставайся у меня самъ!» Я расхотался искренности и привѣтливости мусульманскаго супруга; но, цѣня свой сонъ, не хотѣлъ нарушить чужаго. Я пожелалъ домашняго мира старику, и велѣлъ указать себѣ иной ночлегъ. Тамъ, съ просьбою взять въ свое владѣніе домъ и въ свое покровительство всю семью, меня было упрятали въ чуланъ, и если бъ я собственно особою не сдѣлалъ новаго дѣла владѣній, то мнѣ пришлось бы ночевать въ огромномъ кувшинѣ съ пшеномъ, подъ страхомъ видѣть свой носъ отъѣденнымъ крысами.

Я скоро заснулъ у камелька подъ шумомъ чайника, подъ ропотъ моего челоуѣка на то, что хозяинъ не давалъ дровъ. А хозяинъ говорилъ, что дровъ вѣрно принести другому; а воды нѣтъ потому, что еще не нарядили очереднаго кувшина. «Сказано, что Азія: такъ Азія и есть!» ворчалъ мой Щербаковъ.

Я спалъ какъ убитый.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

О

СОГЛАСОВАНИИ ВОСПИТАНІЯ

СЪ РАЗВИТИЕМЪ

ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

=

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевные способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дѣтяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ — юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли — ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ вишній, или общественный, и внутренний, или нравственный, бывають ангеломъ-хранителемъ чловѣка.

Большею частию рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: онѣ будутъ въ состояніи приобрести всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще несвязывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія постороннія понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснить предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей, слишкомъ рано учить дѣтей, губить юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семь возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать: видитъ оно въ семь зеркалѣ нежность и любовь, и въ немъ отражаются тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе силъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока

дѣтя еще походить на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дѣтя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; лобуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодаренія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ избѣженные дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства — зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умеренности и воздержанію. Сынъ добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дѣтя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастья, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте

только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно переступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растений жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство — довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нечто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умилеціемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Пѣвннй цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца, и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ Христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумъ

ніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся на развитія, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пецись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ одиѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разуміе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ успленіи ся собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что жь принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитъ отъ постепеннаго пріавленія тяжести увеличивается сила: такъ успли-

вается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человеческого слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощію наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы неспримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ Краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это съ одной стороны уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія, самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ Искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слѣшкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной; для самаго здоровья

необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной; дѣтская благодарность и покорность родителямъ — принадлежности перваго періода, — здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался: то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и не рѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость и подобныхъ; но крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не подобно питать душу однимъ только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ вѣншею обязанностию, раскрываетъ мало-помалу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь подобно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попече-

ніе о благополучіи ближняго. Возбудить сіи чувствованія — долгъ домашняго и общественаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ; то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій — начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы опростить оныя для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Въмѣстѣ съ симъ излагается Православное ученіе Вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе Религій не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро Божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что должно быть для человека священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія — юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаій образуются Науки о Богѣ, человекѣ и Природѣ, чувствованія творять идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники

жизни нашей, принимаемая въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля чловѣка, главнѣйшій предметъ воспитанія. Она получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а напротивъ воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности и чувства, одушевляйте ихъ любовію къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями; и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и Искусства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши; сердце требуетъ своихъ предметовъ, и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Возвышенныя чувства волнуютъ грудь юноши; онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеаль счастья. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполне раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ чловѣческихъ знаній.

Кто жъ руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ-подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна; въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранить попечительная мать; отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ; онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую действовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ;

такъ образуется его воля. На поприщъ жизни наставникъ нашъ — внутренній голосъ совѣсти, а Провидѣніе — звѣзда путеводная; отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Не рѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; не рѣдко человекъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранее внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, послѣдовательность; каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямого пути къ своему счастью. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ — разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга, и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ: то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цель нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія: многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроизведенный чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишень главной опоры — бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самую Природою отличается отъ другаго. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика — постоянного отлично отъ вѣтренаго — чувствительнаго не такъ, какъ суроваго — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ — одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему Природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставляя себя образцомъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ-быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое-либо направленіе становится господствующимъ, гдѣ одна какая-либо способность развѣрывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ, нужныхъ къ составленію цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитаніи, когда одна изъ низшихъ силъ присвоитъ себѣ господство. Такъ иногда воображеніе превращаетъ желанія въ страсти, чувство въ извѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утопченнымъ изслѣдованіямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочія, производитъ односторонность, и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вниманіе.

маніе на законъ развитія, обнаруживающійся постояннымъ стремленіемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

И такъ два, повидимому противоположныя, правила представляются воспитательно: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности; потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ; Природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрерывно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы гениемъ, не есть какая-либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ какой-либо особенной силѣ душевной. Посему не искореняйте въ челоуѣкѣ того, къ чему Природа его назначила; но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго, и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе семя сбережете и возрастите. Воспитательно не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями, — умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородетвованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологій касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ

способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца Христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ Вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Онѣ не пріобрѣтаются изученіемъ; но человекъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усваиваетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согреваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ Природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

ПРОФЕССОРЪ ДАВЫДОВЪ.

ВИСЯЩІЙ ГОСТЬ.

=

**ПРОИСШЕСТВІЕ НЕПРАВДОПОДОБНОЕ, ПОТОМУ
ЧТО ИСТИННОЕ.**

=

Какъ это случилось, что, въ теченіе пятидесяти столѣтій до Рождества Христова, и восемнадцати столѣтій послѣ Рождества Христова, люди не знали ни достоинства разбойниковъ, ни прелести разбойничьей жизни? что они только теперь спохватились, что въ свѣтъ нѣтъ ничего занимательнѣе, прекраснѣе, возвышеннѣе, изящнѣе порядочнаго разбойника?.... Это вѣрно отъ того, что человѣчество, ведомое историческою судьбою народовъ, неуклонно стремится болѣе и болѣе къ совершенству, и теперь уже подвинулось къ нему довольно близко. Я думаю, это отъ того!

Какъ бы то ни было, но, подвинувшись къ совершенству, теперь и самъ я вижу, что предметъ самый богатый, самый достойный пера поэта, прозаика и философа, есть разбойникъ. Посмотрите, сколько людей прославилось въ наше время великими писателями и мудрецами, описывая только добродѣтели разбойниковъ и разбой добродѣтельныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть честнѣе и кротче изверга, душегубца? что для общества вреднѣе честнаго челоуѣка, который никому не свернулъ головы?.... Это, кажется, не требуетъ ни какихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что это уже неоспоримо доказано во всѣхъ повѣйшихъ Французскихъ Романахъ, не считая самой повѣйшей диссертациіи великаго

защитника воровъ, Г. Виктора Гюгò: зри Claude Gueux. Ежели такъ, давайте же мнѣ изверговъ, головорѣзовъ, мучителей, каторжниковъ, великихъ плутовъ, великихъ воровъ, великихъ романтическихъ героевъ, — я буду великимъ писателемъ! Давайте ножи, топоры, плахи, палцы; давайте ужасъ и смерть, — сто, двѣсти, тысячу смертей, — какъ можно болѣе смерти и крови! Кровь есть лимонадъ модной Словесности. Этотъ слогъ есть слогъ Жанена. Позвольте мнѣ сдѣлаться великимъ писателемъ черезъ разбойниковъ! У васъ тоже будетъ Юная Словесность.

Вы не хотите дать мнѣ этой бездѣлицы?... А, вы не хотите, чтобъ я достигъ литературной знаменитости черезъ разбойниковъ! Такъ скажу вамъ правду, что я и самъ не хочу этого. Однако жъ, надо шествовать съ вѣкомъ; надо же и у насъ говорить что-нибудь о разбойникахъ, когда вся просвѣщенная Европа бредитъ ими и поэзіею живописнаго ихъ ремесла, — а то назовутъ насъ певѣждами, людьми лишенными образованности и тонкаго вкуса. Поистинѣ, случай весьма затруднительный! Какъ быть?..... Для спасенія чести нашей изящной прозы, я готовъ пожертвовать собою и воспѣть какой-нибудь разбойничій подвигъ, — но съ условіемъ, что это будетъ въ первый и послѣдній разъ моей жизни, что потомъ никогда уже не станете требовать отъ меня подобнаго самоотверженія. На этомъ условіи, — дѣлать нечего, — перекрестясь, расскажу вамъ нѣчто по сей части: расскажу простой анекдотъ, который рассказывали мнѣ вѣрные люди, прекрасно рассказывающіе всякіе анекдоты. Онъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, какъ доказательство дивныхъ путей Небеснаго правосудія.

Въ двухъ верстахъ отъ.....

Еще одно условіе: позвольте, чтобъ мой разбойникъ былъ безъ добродѣтелей. Я рассказываю простой анекдотъ, только для вашей потѣхи, быть-можетъ и для вашего наставленія, а не для того, чтобъ прослыть философомъ юной литературной школы: притомъ же я ставлю себѣ въ честь не понимать ея философіи.

Въ двухъ верстахъ отъ В - а, стоитъ загородный домъ, — деревянный, съ зеленою крышею, уже не новый, — подъ лѣсомъ, при болотѣ, за рѣкою, на возвышеніи, въ некоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Въ этомъ домѣ живетъ обыкновенно все лѣто и часть осени Гаврило Михайловичъ П***, отставной капитанъ, уѣздный судья и очень добрый человекъ, какъ все уѣздные судьи В-ой губерніи.

Въ Августъ мѣсяцъ 1850 года, поутру, въ воскресенье, почтеннѣйшій Гаврило Михайловичъ съ почтеннѣйшею Прасковьею Егоровною, своею супругою, отправились, въ бричку, въ городъ, за разными дѣлами, петершанскими отлагательства, — въ церковь помолиться Богу, къ протопопу напиться настойки, къ прокурору откушать ботвиньи, къ предводительницѣ узнать о билетяхъ, къ откупщику прочесть С.-Петербургскія Вѣдомости, къ губернатору поиграть въ бостонъ. Чуть господа за ворота, люди тоже со двора: дворецкой къ свату въ деревню, лакей въ гости къ пріятелямъ, поваръ въ кабакъ за водкою, поваренки на рѣку за раками, Прохоръ съ Дарьею въ лѣсъ за орѣхами, Васька съ Наташей въ болото за черникою и тому подобнымъ. Въ домъ осталась одна Дуня, — Дуня, единственная въ цѣлой В-ой губерніи, бѣлая, розовая, стройная, веселая, добродѣтельная, царячивая, — горничная по своему званію, — по качествамъ души, любимица Прасковьи Егоровны, — предметъ частыхъ прогулокъ Гаврилы

Михайловича въ дѣвичью, — жертва противозаконной страсти канцеляристовъ Уѣзднаго Суда къ поцѣлуньямъ, — идоль, для котораго губернаторскій лакей, воспитанный такъ же, какъ и она, въ столицѣ, въ большомъ свѣтѣ, на Невскомъ Проспектѣ, никогда не успѣвалъ дочистить сапоговъ своему господину, къ немалому соблазну всей губерніи. Одинъ онъ въ тѣхъ странахъ былъ въ состояніи понимать ея чувства; одна она въ томъ городѣ умѣла оцѣнить его образованность. Они обожали другъ друга, какъ только пламенные души обожаются въ Петербургѣ, у Казанскаго Моста, и были счастливы, какъ только можно быть счастливымъ въ провинціи.

Дѣвушки, оставшись однѣ въ домѣ, всегда боялись воровъ. На этомъ основаніи Дуня заперла наружную дверь ключемъ; и, чтобъ не думать о ворахъ, пошла поглядѣться въ зеркало, въ ожиданіи несравненнаго лакея, котораго предварила она наканунѣ, что господа на весь день уѣдутъ въ городъ. Дуня весело поправляла свои локоны, потягивала платочекъ на груди, и пожимала кушакъ, напѣвая сквозь зубы, —

Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнуть. —

какъ вдругъ послышалось легкое стучаніе въ двери. — Это онъ!..... — И она стрѣлою полетѣла отворить ему. — Ахъ!!.... это не онъ!

— Это я! отвѣчалъ ей грубымъ, сильнымъ голосомъ, тихонько вмыкаясь въ двери, огромный мужчина въ изорванной байковой шинели и грязной безцвѣтной фуражкѣ; черный, давно небритый, съ страшными рыжими усами и краснымъ носомъ, съ разбитымъ лбомъ, синими губами и убійственнымъ взглядомъ, — прямой тиць председателя записныхъ посѣтителей городскихъ кабаковъ, или одна изъ тѣхъ адскихъ фигуръ, какія можно видѣть только на картинахъ

Сальватора Розы, совершенно почернѣвшихъ отъ времени въ тѣняхъ, и сохранившихъ яркія краски на освѣщенныхъ выпуклостяхъ, какъ-будто нарочно для того, чтобъ придать болѣе ужаса дикому ихъ выраженію.

Дуня въ испугѣ отскочила на нѣсколько шаговъ, и, вздохнувъ изъ глубины сердца, еще разъ произнесла въ душѣ: Это не онъ!!..... Между-тѣмъ незнакомецъ съ краснымъ носомъ вошелъ въ сѣни, преспокойно замкнулъ двери, и ключъ положилъ въ карманъ.

— Чего вы хотите? Кто вы таковы? вскричала Дуня. Начто берете ключъ?.....

— Не бойся, душенька! отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я пришелъ къ тебѣ въ гости. Верно тебѣ скучно одной въ домѣ?

— Извините!..... Зачѣмъ вы берете ключъ?

Онъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ ней и потрепалъ ее по лицу. Она отскочила еще далѣе.

— Зачѣмъ замкнули вы дверь?..... Отдайте ключъ! Я стану кричать.

— Понапрасну! Вѣдь я знаю, что никого нѣтъ на мызѣ.

-- Вотъ новость! Пришелъ, и заперъ дверь замкомъ, какъ въ своемъ домѣ!

— Я всегда замыкаю дверь, коли мнѣ случится быть наединѣ съ такою красавицею, какъ ты, голу-бушка!

И опять потрепалъ онъ ее по лицу своею жесткою и неопрятною рукою. Она отскочила въ уголъ съ негодованіемъ.

— Но кто вы таковы?..... Это очень нехорошо, такъ, безъ всякаго знакомства, шалить и беспокоить дѣвушекъ.....

— Къ знакомцамъ я не хожу въ гости, отвѣчалъ онъ холодно, перемѣняя выраженіе лица. И эти слова прознесъ онъ такимъ грубымъ, такимъ хриплымъ, нещернымъ голосомъ, что насквозь пронзилъ имъ бѣдную дѣвушку.

Дуня во всѣхъ переднихъ и въ уѣздныхъ канцеляріяхъ слыла очень храброю: не такъ то легко можно было уходить се! Не одному дерзкому канцеляристу такъ оцарапала она лице ногтями, что онъ будетъ помнить се, и дослужившись до столоначальническаго сана. Дуня по-истинѣ дѣлала честь Петербургской добродѣтели. Но робкій провинціальный канцеляристъ съ пальцами, упитанными чернильною влагою, бездѣлица для дѣвушки, получившей воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Невскаго Проспекта: совсѣмъ иное дѣло небритый бродяга, плечистый и гадкій, въ байковой шинели, съ рыжими усами и фіолетовымъ носомъ. Его бы всякая испугалась. Дуня начала плакать.

— Не плачь, родная! Я не сдѣлаю тебѣ ни какого вреда, сказалъ онъ, смягчая голосъ и примкнувъ къ ней поближе.

Она испугалась смягченнаго голоса еще болѣе, и выпрямила руки впередъ, чтобъ не допустить его къ себѣ.

— Спрашиваю, кто вы таковы? вскричала она наконецъ въ отчаяніи, но съ притворною въ лицѣ смѣлостью, огонь которой постепенно погасалъ подъ катящимися слезами. Прошу тотчасъ сказать, кто вы?

— Кто я?

— Да, кто вы?... Вашъ чинъ, имя, фамилія?

— Я воръ.

— Воръ!! повторила она со страхомъ, и поблѣднѣла какъ снѣгъ.

— Моя фамилія воръ, а мой чинъ разбойникъ, при-
мелвилъ онъ, и улыбулся, нѣжно глядя ей въ гла-
за; но улыбка среди его лица походила на отблескъ
плесени, плавающей по мужъ грязи, освѣщаемой лу-
ною. Это слогу хорошихъ Повѣстей о разбойникахъ,
и вы видите что дѣло идетъ не на шутку: послѣ этой
фразы должно ожидать всѣхъ ужасовъ. Дуня ощу-
тила отъ нея (отъ улыбки, а не отъ фразы, а можетъ
и отъ фразы)..... холодную дрожь во всѣхъ членахъ.
Видя однако жъ, что онъ только издвѣается надъ ея
страхомъ, она немножко ободрилась, и быстро возра-
зила дрожащимъ еще голосомъ:

— Разбойникъ?... Фу! какой гадкой чинъ!

— У всякаго свое званіе!... Прежде у меня было
другое, но теперь нахожу..... Дай мнѣ, красавица, че-
го нибудь повѣсть. Я уже третій день ничего ртавъ не
отвѣдалъ. Позавтракаемъ вмѣстѣ, а потомъ.....

Онъ внезапно закинулъ свою руку за ея шею,
и хотѣлъ поцѣловать въ самый ротикъ. При видѣ
щетинистой бороды и страшныхъ усовъ, такъ дерзко
лѣзущихъ на приступъ, при видѣ этого краснаго, от-
вратительнаго носа, уже почти касавшагося ея щеки,
она одушевилась гнѣвомъ, злостью, силою, какую со-
общаетъ только опасность въ минуту гибели, и от-
толкнула его отъ себя.

— Извините, господинъ разбойникъ!... Это нейдетъ!
Прошу напрасно не пугать меня: я знаю, зачѣмъ вы
сюда пришли!

— Знаешь?... А зачѣмъ?

— Ужъ мнѣ одной вѣдать объ этомъ! Только позволь-
те себѣ доложить, что это очень нескѣпливо..... я
буду жаловаться. Сейчасъ отдайте мнѣ ключъ, и
убирайтесь отсюда!

— Завтракъ! грозно вскричалъ незнакомецъ.

— Цѣтъ завтрака! вскричала Дуня. Кушанья ни ка-кого цѣтъ въ цѣломъ домѣ. Ступайте завтракать въ ка-бакъ. Отъ васъ уже и такъ несетъ сивухою: вы уже, видно, хорошенько позавтракали.

— Какъ, цѣтъ кушанья? возопилъ онъ адскимъ ревомъ, сморщилъ усы, и устремилъ на нее сверкающій взоръ, хватаясь правою рукою за сапогъ. — Видишь ли!..... И показалъ ей широкой пожъ, на которомъ пестрѣли мелкія полосы черной грязи, слѣды недавно добытой крови и гдѣ-то наскоро обтертой о траву. Видишь ли, что я шутить съ тобою не намѣренъ?

Дѣвушка оцѣпенѣла. Онъ остолбенилъ ее своимъ ехиднинымъ взоромъ, который съ умысломъ напрягалъ всю силу и вонзалъ въ неподвижныя ся зѣницы.

— Завтракъ!

— Сейчасъ.

— Мигомъ! Мнѣ не досугъ.

— Берите, сударь, что вамъ угодно: въ шкафу есть вчерашнее жаркое и наливки.

— Проводи меня въ комнаты. Поставь все, что есть, на столъ. Шевелись!

Дуня, у которой колѣни тряслись отъ страха, блѣдная, разстроенная, тихо пошла къ шкафу, стоявшему въ передней. Онъ спряталъ ножъ въ сапогъ, и не отставалъ отъ нея ни на шагъ. Хлѣбъ, водка, соль, масло, сыръ и жареная телятина мгновенно были перенесены на столъ, на которомъ недавно завтракали сами хозяева, передъ выѣздомъ въ городъ. Онъ усѣлся, и, взявъ Дуню за руку, посадилъ ее подлѣ себя.

— Ну, что? сказалъ онъ, съ волчьею жадностью пожирая телятину, и поглядывая изъ подлобья на свою сосѣдку. Я напугалъ васъ порядкомъ?

— Конечно!... Всякая можетъ перепугаться!

— Напрасно вы прекословили! Если бъ вы тотчасъ меня послушались.... За ваше здоровье!... Выпейте со мною рюмочку, для компаніи.

— Я водки съ роду не пью.

— Жалко! А водка славная!..... Какъ васъ зовутъ?

— Катериной Николаев.....

— Врешь!... Неправда! вскричалъ онъ громъ, набитымъ яствою, и посмотрѣлъ на нее сурово. Я знаю, что тебя зовутъ Авдотьею Еремьевною.

— Зачѣмъ вы спрашиваете, коли знаете?

— Спрашиваю, чтобъ испытать твою откровенность. Славная водка!... Нѣтъ ли еще такой?

— Есть еще одна бутылка въ шкафу.

— Пожалуйста, принеси ее сюда.

— Вотъ она!

— Спасибо! Позвольте же теперь поцѣловать васъ за то.

Дуня уже не смѣла сопротивляться, и смиренно подверглась жестокому поцѣлюю. Онъ чуть не расцарапалъ ей щеки своей тернистою бородою. Она только потеряла это мѣсто.

— Мало ли что я знаю? присовокупилъ онъ, проглотивъ третью рюмку водки. Вотъ, напримеръ сказать, я знаю, что повытчикъ принесъ вчера Гаврилу Михайловичу полторы тысячи рублей отъ Ивана Ивановича Ф***, котораго дѣло поступило въ Уездный Судъ на прошедшей недѣль. Такъ ли?

— Быть можетъ!

— Ну, а гдѣ Гаврило Михайловичъ держитъ свои деньги?

— Право, не знаю!

— А я знаю! Мы найдемъ ихъ..... Авдотья Еремьевна! душенька! голубушка!.....

— Что вамъ угодно?

— Миѣ желательно, чтобъ вы улыбаались.

Бѣдная Дуня принуждена была улыбаться. Гость былъ въ отчужденномъ расположеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ, съ нею. Дуня тоже мало по-малу забыла о страхѣ: она поднялась на бойкость, защищалась, гдѣ слѣдуетъ, даже хохотала, стараясь поддѣльною веселостію прикрыть свое омерзѣніе, и пламенно молясь Богу, чтобы гадкій гость съ краснымъ носомъ скорѣе наѣлся, напился и ушелъ, и чтобъ несравненный Иванъ скорѣе пришелъ вознаградить ее своею чувствительностію за это ужасное мученіе.

Увы! Иванъ, отпросившись у губернатора, шелъ къ ней изъ города, дорогою, скорымъ шагомъ, съ сердцемъ исполненнымъ нѣги и надежды. Онъ не шелъ, а летѣлъ; любовь пріобрѣла къ его сапогамъ собственныя свои крылья. Онъ летѣлъ стрѣлою. Но на пути была штофная лавка: штофныя лавки есть на всѣхъ путяхъ. Онъ хотѣлъ пролетѣть мимо. Но въ штофной лавкѣ были его пріятели, его друзья. Онъ завернулъ къ нимъ на минутку, только на минутку — и нашлся вмѣстѣ съ ними. Это случилось противъ его воли: самъ онъ былъ отъ этого въ отчаяніи.....

Но это была одна изъ достопамятнѣйшихъ побѣдъ дружбы надъ любовью.

Между-тѣмъ гадкій бродяга допивалъ шестую рюмку водки. При седьмой онъ призадумался, нахмурилъ брови и скривилъ губы, какъ бы отъ припадка внутренней боли; черная тѣнь прошла метучимъ облакомъ по его глазамъ и лицу, и онъ невзначай вскопчилъ со стула, толкнувъ неумышленно Дуню, которая чуть не упала ему подъ ноги. Онъ съ безпокойствомъ огля-

нулся во все стороны, потомъ взялъ со стола бутылку съ водкою, хлѣбъ и кусокъ мяса, положилъ все это въ бездонный карманъ подъ шинелью, и сказалъ :

— Благодарствую за хлѣбъ за соль..... за угощеніе-съ. Гаврило Михайловичъ прячетъ свои деньги въ этой конторкѣ, не правда ли?..... Ну, что жь, говори! Видишь, что я не такой злой, какъ тебѣ, душенька, сначала показалось. Я добрый человѣкъ! Я тебя люблю..... очень люблю!..... Скажи только, какъ бы лучше хотѣла ты умереть?..... Чтобъ я тебя зарезалъ, э?.... или чтобъ я тебя повѣсилъ, вотъ на примѣръ, на этой балкѣ? Говори смѣло, моя любезная Дуня.....

— Что вамъ за охота страшать меня такъ неблагопрійственно? возразила дѣвушка съ улыбкою на устахъ и со слезами на глазахъ, не вѣря, чтобъ гадкій шалуиъ съ краснымъ носомъ говорилъ это серьезно.

— Что жь не отвѣчаешь? сказалъ онъ, пристально осматривая конторку и находящійся въ ней замокъ. Желая знать..... хочешь ли скорѣе..... быть... повѣшенной, аи..... О!.... Гаврило Михайловичъ запираетъ свои деньги двумя замками?..... Постой!.... Не такіе мы отпирали.

И, говоря это, онъ вынулъ изъ кармана желѣзный инструментъ, которымъ тотчасъ принялся отпирать замокъ конторки. Дуня, остолбенѣвшая и дрожащая всемъ тѣломъ, стояла посреди комнаты.

— Ну, что?.... Говори смѣло, Авдотья Еремѣевна! Не можешь рѣшиться?.... Экой чертовской замокъ!.... Авдотья Еремѣевна!.... Я, сударыня, ожидаю отъ васъ отвѣта.... Давно ужъ не попадалъ мнѣ такой крѣпкій ящикъ!... Скажешь ли, или нѣтъ?

Крыша конторки отскочила вверхъ съ трескомъ.

— Охъ, сколько тутъ добра Божьяго! Ассигнаціи!.... и червонцы!.... и часы!.... Не ходятъ: видно перпорчены.... Перстень!..... Онъ мнѣ не нуженъ. Вотъ этотъ алмазь я возму: это все взятки?....

Такъ разсуждая съ самимъ собою и Душею, онъ поспѣшно пряталъ въ карманъ и за пазуху найденныя въ ящикъ деньги, часы и драгоценности; потомъ быстро оборотился къ омертвѣлой дѣвушкѣ.

— Теперь слушаю ваше рѣшеніе, сударыня! Не теряйте времени, и говорите: какою смертію желаете вы умереть?

— Да что вы, сударь! Какъ вамъ не стыдно?... Эти шутки уже, право, некстати!

— Я не шучу, любезнѣйшая.

— Что жъ я вамъ сдѣлала? Вы взяли, что вамъ было угодно: я не препятствовала.....

— Оно такъ; но, извольте видѣть, я не люблю оставлять послѣ себя свидѣтелей: я пстреляю ихъ всѣми средствами. У другихъ никогда не спрашиваю согласія; но какъ вы, сударыня, такая милая, такая хорошенькая, вѣжливая, то предоставляю вамъ самимъ избрать себѣ родъ смерти. Я люблю вѣжливость; я тоже воспитанъ въ Петербургѣ.....

Ей все еще не вѣрилось, чтобъ онъ говорилъ правду.

— Ну, говори скорѣе; мнѣ недосугъ. Оставимъ церемоніи. Мнѣ очень жалко, но ты должна погибнуть отъ моей руки. Я не дуракъ, оставлять тебя въ живыхъ, чтобъ ты послѣ рассказывала, какіе у меня усы, носъ, глаза, платье, что я здѣсь дѣлалъ, и куда ушелъ. Ну, Авдотья Еремьевна! отвѣчай проворнѣе.

Каждое слово хладнокровнаго мучителя поражало ее новою смертію; вся ея кровь, вся жизнь сбѣжалась и заключилась въ сердце; члены ея оледенѣ-

ли, и обильныя слезы струились уже по безжизненному лицу. Она зашаталась и упала на землю. Падая, она ухватилась за его ногу, начала цѣловать ее.

— Прости меня! кричала она, рыдая. Прости мнѣ жизнь, отецъ, судья, благодѣтель!.... Клянусь Богомъ, клянусь Пречистою, не скажу никому ни словечка!.... Пусть лишусь Царствія Небеснаго, если произнесу хоть полслова!..... Ради Христа, ради Святаго Чудотворца Николы, сжался надо мной!.... Буду за тебя вѣкъ молиться, какъ за отца роднаго, спасителя, брата.....

Непоколебимый извергъ страхнулъ ее съ своей ноги, и толкнулъ въ грудь. Тщетно протягивала она къ нему умоляющія руки и взоры; тщетно старалась смягчить каменное сердце всѣмъ, чѣмъ только послѣднее отчаяніе и любовь къ молодой и розовой жизни могутъ одушевить слова, голосъ и слезы слабаго, пѣжнаго созданія. Гранитъ растаялъ бы отъ теплотворной ихъ силы: злой человекъ сдѣлался еще жестче и свирѣѣе. Выходя изъ терѣбія, онъ поймалъ ее за волосы, отвалилъ голову ея навзничь, выхватилъ ножъ изъ сапога, и замахнулся, чтобъ вонзить его въ горло.

— Ай!... Христа ради! завизжала несчастная дѣвушка, пораженная видомъ ужаснаго орудія. Лучше повѣсить!.... лучше повѣсить!.... Отецъ родной, не закальвай!.... пощади меня!.... Ужъ лучше повѣсь!

— Ну, видишь! сказалъ онъ съ кровавою усмѣшкою: теперь-то умѣешь говорить! Зачѣмъ же вдругъ этого не сказала? Хотя я много потерялъ времени, но нельзя не оказать милости. Ты такая любезная!... Не бось, Дуня! Умрешь пріятнымъ образомъ. Отъ пока умирать скверно. Я самъ желалъ бы,

чтобъ меня повѣсили, вмѣсто того, чтобъ съчъ кнутомъ, ежели когда нибудь поймають. Пойдемъ искать веревки!

Бѣдная дѣвушка, лишенная силъ и памяти отъ страха, холодная какъ ледъ, трепещущая, безъ мысли, безъ чувствованій, повиновалась во всемъ жестокимъ его повелѣніямъ. Беревка скоро была приискана, и мучитель возвратился съ своею жертвою въ ту же комнату, гдѣ еще стояли остатки ужаснаго завтрака. Онъ погрозилъ что зарѣжетъ ее тотчасъ, если она осмѣлится хоть шагомъ тронуться съ мѣста; поставилъ стулъ на столникъ, и вскочилъ на него съ необыкновенною ловкостью. Просунувъ веревку между поперечною балкою и потолкомъ, онъ вынулъ ножъ изъ-за сапога, отрѣзалъ лишнюю ея длину, ножъ на-время заткнулъ за балку, и сталъ завязывать веревку двойнымъ узломъ. Дуня стояла неподвижно посреди комнаты; жаръ и холодъ быстро пролетали по ея тѣлу; передъ ея глазами мелькали яркіе огненные цвѣта; она ничего не видѣла, только молилась Богу, приносила покаяніе за грѣхи, поручала себя всемъ Святымъ, и мысленно прощалась съ возлюбленнымъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, безцѣнная! приговаривалъ душегубецъ, продолжая работу. Увидишь, какъ ловко я тебя повѣшу!..... Для меня это дѣло не новое..... Вотъ уже все готово, только надо попробовать, крѣпка ли веревка. Мнѣ очень было быдосадно, если бъ ты сорвалась и поломала себѣ ребра. Моя и твоя польза требуетъ..... Вынь стулъ изъ-подъ меня!

Дуня безчувственно подошла къ столнику, и взяла стулъ изъ подъ его ногъ, тогда какъ онъ, держась обѣими руками за веревку, обвивавшую правую

его руку почти по локоть, чтобъ удостовѣриться въ ея крѣпости, повисъ на ней всею тяжестью своего тѣла.

— Оттащи столнкъ въ сторону!

Дуня оттащила столнкъ.

— Хорошо!... веревка славная! Сдержала бы не одну тебя, — тебя и меня вмѣстѣ.

Тутъ онъ пустилъ веревку, и хотѣлъ скочить на полъ; хотѣлъ, вѣроятно, удивить злополучную дерзкимъ и опаснымъ прыжкомъ; но приготовленная для нея петля, скользя по рукъ, вдругъ сомкнулась у самой кисти. Палачъ Дунн дѣйствительно самъ повисъ — за руку.

Онъ уже висѣлъ, негодай! Онъ ощущалъ пронзительную боль подъ кистию, и еще не хотѣлъ дать уразумѣть дѣвушкѣ о своемъ приключеніи, чтобъ она имъ не воспользовалась и не убѣжала. Онъ старался достать лѣвою рукою до кисти, но тяжесть косвенно висѣщаго туловища препятствовала ему привести плеча въ уровень. Онъ вдругъ сталъ неустово метаться и вертѣться въ воздухъ, надѣясь разорвать веревку: и это оказалось бесполезнымъ! Если бъ, по крайней мѣрѣ, ножъ былъ у него въ сапогѣ! Онъ могъ бы отрѣзать имъ веревку; не то, отрѣзать свою кисть, и спастись бѣгствомъ. По-несчастію, ножъ остался на балкѣ! Какъ тутъ быть?...

Онъ придумалъ еще одно средство, — отчаянное, послѣднее: совокупилъ весь свой духъ и свои силы; раскачался на веревкѣ и прыгнулъ всѣмъ тѣломъ вверхъ, какъ удавъ, издали бросающійся на быка, чтобъ обвить и смять его въ своихъ кольцахъ. Онъ хотѣлъ ухватиться ногами за балку и добраться до ножа..... И это не удалось!

Тяжесть дюжого туловища, поднятаго въ воздухѣ на упругости членовъ одной руки, насильственность движеній, давленіе накрѣпко сжатаго узла, причиняли извергу мученія настоящей пытки: кости у него вывертывались и рвались; вѣтъ кровь лилась въ рукавъ изъ подъ веревки, прорѣзавшей кожу; внутри кровь изъ руки и груди съ жаромъ неслась въ голову. Поминутно казалось, будто рука, разорвется. Онъ ужъ желалъ бы, чтобы она лучше разорвалась! Опасеніе скорого возвращенія людей, страхъ быть пойманымъ въ этомъ положеніи, нетерпѣніе, досада, злодѣянія, разбой, казнь, — вся его преступная жизнь, — всѣ странныя ожиданія его жизни сперлись въ мутномъ его воображеніи, затруднили его, взволновали и заставили разлиться волнами горькаго отчаянія по мрачнымъ пронастямъ души его. Холодный потъ выступилъ на его чель. Несмотря на тигровую его терпѣливость, страданія наконецъ исторгли изъ желѣзной груди стоиъ жалкій, болѣзненный.

Дуня, въ своемъ остолбенѣніи, погмощенная бездонною мыслию о предстоящей смерти, все это время смотрѣла на его движенія безъ любопытства и безъ удивленія. Она долго не понимала, что такое онъ дѣлаетъ, и даже не пыталась понять его дѣйствій. Непзбѣжная погибель обняла уже всѣ ея понятія и чувства гробовымъ усыпленіемъ. Она еще стояла, но уже не жила. Но внезапный стоиъ злодѣя разбудилъ ее. Она увидѣла, какъ-бы изъ просонья, кровь на немъ, кровь на полу, ужасно разинутой ротъ, обнаженные кривляніемъ зубы, красные, выкатившіеся глаза; она прочтала его страданія на взрытомъ, измученномъ лицѣ, и отгадала все дѣло. Умъ ея озарился надеждою; она уже начинала думать о своемъ спасеніи.

— Авдотья!!!... подвинь столикъ! закричалъ онъ измѣненнымъ, но еще грознымъ и повелительнымъ тономъ, который опять пронзилъ ее испугомъ и принудилъ къ слѣпому повиновенію волю убійцы. Она снова потеряла присутствіе духа. Несчастливая Дуня подвинула къ нему уголокъ столика. Извергъ успѣлъ достать его пальцами одной ноги: онъ оперся, поднялъ вверхъ на нѣсколько линій собственную свою тяжесть и тяжесть своей совѣсти..... То была для него минута небесной сладости! Никогда еще не ощущалъ онъ другой подобной въ жизни, даже послѣ удачнаго убійства. Боль облегчилась; онъ отдохнулъ. Но лѣвая рука, которую хотѣлъ онъ употребить къ освобожденію кисти изъ роковой петли, уже омертвѣла, лишилась силы и жизни. Петля затиснута была слишкомъ туго. Негодяй почувствовалъ, что самъ собою ничего онъ не сдѣлаетъ.

— Авдотья Еремьевна!.... другъ мой!.... мое сокровище!.... кормилица!.... спасительница!.... сдѣлай милость!.... взлѣзь на столикъ сама!..... отвяжи мою руку!.... Я прощу тебя!.... Оставляю тебя живою..... Я хотѣлъ только пошутить.... Ахъ, голова кружится!

Страданія изверга растрогали сердце доброй дѣвушки. Чувство состраданія въ женщинѣ нерѣдко подавляетъ мысль о личной опасности: женщина мыслить сердцемъ, сказалъ кто-то недавно въ тысячу триста двадцать второй разъ отъ вымысленія типографин. Состраданіе заняло въ Дуни мѣсто страха, потушило голосъ любви къ жизни. Она взлѣзла на столикъ, и долго, долго мучилась съ узломъ, — и не могла распуснуть его.

— Сдѣлай милость!.... благодѣтельница!.... пощени ножа!.... Разрѣжь эту проклятую веревку! Я умираю отъ боли.....

Дѣвушка соскочила со столика и побѣжала въ буфетъ. Бѣдная дѣвушка! она не знаетъ, какую награду готовить ей гость съ краснымъ носомъ за ея доброе сердце. Она отыскала ножъ; уже бѣжить къ нему; уже вбѣжала въ двери той комнаты, гдѣ находился страдалецъ, какъ вдругъ столикъ, на который опиралась его нога, опрокинулся съ ужаснымъ стукомъ. Онъ только хотѣлъ перемѣнить ногу, зашевелился, подавилъ уголъ столика другою ногою, и лишился своей опоры. Онъ опять повисъ въ воздухѣ всѣмъ тѣломъ! Пронзительный ревъ былъ знакомъ печальнаго возобновленія прежнихъ страданій. Дуня остановилась въ дверяхъ. Искривленное дикимъ образомъ лице его проникло ее невольнымъ ужасомъ: ей казалось, что она видитъ лице сатаны. Это лице приковало ее къ мѣсту: она дрожала и не смѣла сдѣлать ни шагу впередъ.

Какъ быть? Она оглянулась и увидѣла подлѣ себя открытое окно: ей даже не пришло на мысль, что можно имъ воспользоваться. Но онъ такъ страждетъ! Ахъ, какъ онъ ужасно кричитъ!... Ужъ надо ему отрѣзать веревку!... Дуня подвинулась шага на три впередъ. Ахъ, какая страшная рожа!... Дуня отскочила назадъ, и, машинально, сама о томъ не думая, — прыгъ! — и выскочила въ окно на дворъ.

Очутясь на дворъ, она сама еще не знала, что сдѣлала, и что ей остается дѣлать. Она только ушла отъ страшной, сатанинской его рожи, а не отъ него. Этотъ человѣкъ заколдовалъ ее своимъ взглядомъ! Онъ еще былъ хозяинъ ея жизни! Колѣни шатались подъ нею: она не смѣла удалиться отъ окошка.

— А!!.... чертовка!.... возопилъ свирѣпымъ голосомъ извергъ, борющійся съ пыточными терзаніями

своей выдумки. Умно же ты съѣмала, а то я бы заръзалъ тебя, какъ курицу!

Эти слова, произнесенныя съ болью, съ отчаяніемъ, со злостью, мигомъ возвратили дѣвушкѣ умъ и память. Она помчалась за ворота. Въ ужасной шуткѣ злодѣя заключалась его же ужасная погибель. Думалъ ли онъ, что завязываетъ эту петлю для самого себя? Думала ли она, что это страшное мгновеніе, когда одна ея нога уже стояла въ гробу, было минутой спасенія невинности и примѣрной казни злодѣянія? Здѣсь было Провидѣніе! Оно есть всюду. Тѣ глутъ безчестно, которые утверждаютъ, будто порокъ и преступленіе одни счастливы въ семъ мірѣ.

Она бѣжить, бѣжить изо всей мочи: никого не видно! Она бѣжить далѣе; уже у нея заняло духъ; уже она выбивается изъ силъ, все еще не смѣя оглянуться, чтобъ не увидѣть позади себя этой страшной рожи, чтобъ опять не попасться въ его руки.... Нигдѣ ни живой души!

Она взбѣжала на возвышеніе.

— Ахъ! это нашъ управитель!... Вотъ и нашъ Васька! И Прохоръ!.... Ахъ, и онъ съ ними!

Онъ, то есть, несравненный Иванъ, лакей губернаторскій. Всѣ они возвращались изъ кабака, счастливые, какъ души въ раю, беззаботные, веселые, распѣвая любовныя пѣсенки, покидывая шапки вверхъ, злословя своихъ господъ и исчерчивая дорогу безконечнымъ зигзагомъ. Дуня полетѣла къ нимъ. Она была блѣдна, съ растрепанною косою, съ выпяленными глазами, безъ платка на груди, въ совершен-

номъ разстройствѣ. Они встрѣтили ее плоскими шутками.

— Ступайте скорѣе! кричала она. Онъ повисъ!.... виситъ!.... виситъ, злодѣй!.... Скорѣе, братцы!

— Ахъ, любушка, голубушка! кричали они, смѣясь. Кто виситъ?... гдѣ?... Поцѣлуй насъ, Душошка!.... Любо жить на этомъ свѣтѣ!

— Виситъ, говорятъ вамъ!.... Не смѣйтесь!... Бѣгите на мызу!.... Берите колья, топоры, ружья!.... Воръ, разбойникъ! грубіякъ! съ усами и съ краснымъ носомъ!... Хотѣлъ меня зарѣзать какъ курицу, повѣсить!...

Они ускорили шаги, вооружились чѣмъ кто могъ, и, выломавъ дверь въ сѣни, вошли въ покои. Онъ уже былъ безъ чувствъ: кровь лилась изъ него ртомъ и носомъ; рука, на которой онъ висѣлъ, вытянулась на поларшина болѣе противъ прежней мѣры. Они сняли его съ веревки, и связали.

По возвращеніи почтеннѣйшаго Гаврилы Михайловича и почтеннѣйшей Прасковьи Егоровны изъ города, въ тотъ же вечеръ былъ онъ отправленъ въ тюрьму и преданъ въ руки правосудія; и правосудіе призналось съ удивленіемъ, что оно никогда еще не видывало — такой длинной руки!

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ЧУХОНСКАЯ КУХАРКА,

ИЛИ

ЖЕНЩИНА НА ВСѢХЪ ПРАВАХЪ МУЖЧИНЫ,

ИЛИ

LA FEMME ÉMANCIPÉE DES SAINT-SIMONIENS.

=

ЭПИЛОГЪ КЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИМЪ ГЛУПОСТЯМЪ
XIX ВѢКА.

=

Нашель! нашель!

АРХИМЕДЪ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ философы прогнали бѣдное челоувѣчество сквозь строй всѣхъ возможныхъ глупостей. Чѣмъ насъ не хлестали они за грѣхи наши! И республиками, и естественною, т. е. бараньей вѣрою, и всемірною представительною монархіей, и гильотиннымъ равенствомъ, и всякой всячиной, чего нельзя ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать. А изъ чего была вся эта напасть? Изъ одного челоувѣколюбиваго правила — «что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ.»

Казалось бы, что пора людямъ перебѣситься: по нѣтъ! — чѣмъ далѣе въ воду, тѣмъ глубже. Вотъ, въ наше время, возсталъ секта Сенсимонистовъ, которая пресерьозно предлагаетъ роду челоувѣческому отречься отъ собственности, раздѣлить имущество по-братски, соразмѣрно съ умомъ и способностями cadaго, и жить

общинами, припѣваючи псалмы, сочиненія основателей секты. Любопытно знать, что выигралъ бы Ротшльдъ въ этомъ дѣлѣ, и что потеряли бы лѣнницы и пьяницы съ братьей? Но объ этомъ господа Сенсимонисты не беспокоятся. Они общаются великія блага своимъ послѣдователямъ, именно, право запустить бороду, право ходить въ шутовскомъ камзолѣ по улицамъ, право не заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ и о поведеніи и прокормленіи жены, и право чистить собственные и чужіе сапоги, и рыть гряды въ общественномъ саду. Все это прекрасно; но новые апостолы позабыли, что всеми этими благами люди могутъ наслаждаться даромъ, не дѣлясь имѣніемъ; что наши Русскіе кучера, не будучи Сенсимонистами, носятъ преокладистыя бороды; что наши модные фраки почти такъ же смѣшны, какъ Сенсимонистскіе камзолы; что у насъ и безъ Сенсимонистовъ давно ведется обычай не заботиться ни о женѣ, ни объ дѣтяхъ, и что чистка сапоговъ и копанье грядъ любителямъ этихъ занятій не запрещены ни какимъ закономъ. Родъ человѣческой, на возваніе Сенсимонистовъ отвѣчалъ: Соловья баснями не кормятъ! — а Парижская полиція, догадываясь, что нравственность Сенсимонистовъ ничѣмъ не отличается отъ высокой нравственности уличныхъ воровъ, которые также дѣлятся чужою собственностью для уравненія имуществъ, только тихомолкомъ, не паявая псалмовъ, — Парижская полиція выпроводила господъ философовъ за шагбаумъ, продержавъ сперва старшинъ секты въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, для уравненія послѣдствій, пронстекшихъ отъ однихъ началъ. Тогда старшина секты, называющій себя «верховнымъ отцемъ,» Père suprême, мусье Анфантенъ, бывший некогда губернаторомъ въ Петербургѣ, ударилъ себя по лбу и сказалъ своимъ товарищамъ: Братья! родъ человѣческой еще не созрѣлъ, глупъ и не хочетъ раздѣлить между нами

плодовъ своего труда и бережливости, отговариваясь тѣмъ, будто отъ насъ такая же прибыль, какъ отъ козла, — ни шерсти ни молока; надобно перевоспитать родъ человѣческой, и это великое дѣло должно начать съ женщинъ, потому что ихъ попеченію вверено наше дѣтство, и отъ нихъ получаютъ первыя впечатлѣнія. Но чтобъ привлечь женщинъ на нашу сторону, надобно имъ дать что-нибудь, а какъ у насъ ничего нѣтъ, и родъ человѣческой еще не подѣлился съ нами своимъ имуществомъ, то мы должны обѣщать что-нибудь. По силѣ данной мнѣ вами власти, я обѣщаю женскому полу освобожденіе отъ зависимости мужчинъ, и право занимать всѣ мѣста и должности, которыя занимали до сихъ поръ одни мужчины. Разсудите, на что не рѣшится женщина, чтобъ имѣть право отдать подъ судъ невѣрнаго любовника или посадить подъ арестъ докучливаго мужа! Подумайте, на что не посягнетъ женщина, чтобъ лично командовать полкомъ удалцовъ! Такъ я вамъ объявляю освобожденіе женскаго пола, *l'émancipation de la femme*. Но, чтобъ повести дѣло съ успѣхомъ, намъ нуженъ образецъ, а потому мы должны отыскать, гдѣ бы то ни было, освобожденную уже женщину, *la femme émancipée*, которую назовемъ «верховною матерью» *femme mère*. Подъ этимъ предлогомъ отправимся, друзья мои, странствовать по бѣлу свѣту, и начнемъ съ странъ Востока, съ магометанскаго исповѣданія. Тамъ родъ человѣческой не такъ глупъ, какъ въ нашей состарѣвшейся Европѣ, и позволяетъ намъ дѣлать чужую собственность. Тамъ, на Востокъ, какъ видите, уже посяганы семена Сенсимонизма; притомъ же тамъ странниковъ кормятъ даромъ, ежели у нихъ нѣтъ денегъ, потому что Магометъ повелѣлъ и собаку кормить даромъ, когда собака отстала отъ своего хозяина. Такъ, господа, бороду въ зубы, котомку на плечи, — и маршъ!»

Сказано и сдѣлано. Сенсимонисты отправились въ путь. Сперва они завернули въ Константинополь, но оттуда ихъ выпроводили по добру, по здорову. Тогда направили они стопы въ Египетъ, къ старику Алпашу, который изъ всего извлекаетъ выгоды и радъ бы вить веревки изъ песка. Посмѣявшись, подъ рукою, надъ глупостью жителей Франкистана, Алпаша не выгналъ однако жъ Сенсимонистовъ изъ Египта: онъ смѣкнулъ, что между ними, какъ во всякой сектѣ, есть дураки и плуты, — употребилъ всѣхъ въ дѣло, чтобы не кормить даромъ, и велѣлъ имъ быть школьными учителями, а за то позволилъ старшимъ отыскивать на всѣхъ базарахъ ту рѣдкость, за которою онъ отправился въ путь, потому что на базарахъ Египта собираются все сварливыя старухи и все безобразныя невольницы. И вотъ наши Сенсимонисты теперь въ Египтѣ, отыскивая чудо чудное, диво дивное, — женщину освобожденную отъ власти мужчинъ. Знали же Сенсимонисты, гдѣ искать такого кладу!

Видно, что отецъ Анфантенъ помѣшался въ умъ съ горя, или съ радости. Вѣдь онъ былъ въ Петербургѣ: какъ же ему не знать, что у насъ изстари ведется цѣлое племя женщинъ, освобожденныхъ отъ всякой власти мужчинъ, племя составляющее особый Амазонскій народъ, племя, подъ властью котораго состоятъ почти три четверти Петербурга, племя господствующее въ кухняхъ, на Конной, на Сѣнной, въ мясныхъ и овощныхъ рядахъ, на Никольскомъ, на Кругломъ и на Андреевскомъ рынкахъ? Это племя — чухонскія кухарки.

Есть между ними и молоденькія, и хорошенькія, но онѣ пѣйдуть въ счетъ. Это только ученицы, рекруты, и пока не выдержатъ времени искуса, не причисляются къ племени. Еще можетъ случиться, что

прелестная кастрюльная героиня попадетъ въ горничныя, а по мѣрѣ выгодныхъ условій вознесется выше и выше, или спадетъ ниже и ниже. Судьба ихъ еще нерышена. Очагъ для начинающей съ молодыхъ лѣтъ кухарки есть то же, что вѣщій жертвенникъ Египетскихъ жрецовъ. Въ этомъ пламени сокрыта будущая участь ея. Не будучи даже ни красивою, ни слишкомъ молодою, можно отъ очага попасть прямо въ храмъ фортуны. Начинающая кухарка знаетъ это, и часто предается мечтамъ, пока доваривается супъ или дожаривается жаркое. Мечты и надежды, промерзнувъ въ головѣ поэта и иссчавнувъ въ сердцѣ несчастнаго искателя, иногда залетаютъ погрѣться въ кухню.

Въ Петербургъ, какъ въ большой улей, слетаются съ цѣлаго свѣта пчелы и трутни. Трудолюбивый ремесленникъ, коммиссіонеръ купеческой конторы или художникъ идутъ къ намъ за хлѣбомъ съ живописныхъ береговъ Рейна, съ горъ Апенинскихъ, изъ виноградниковъ Франціи или изъ тумановъ Англии. Первая тысяча рублей, добытая честнымъ трудомъ, — первая тысяча почти всегда пріобрѣтается честно, — употребляется на наемъ квартиры и заведеніе небольшого хозяйства, въ которомъ первая принадлежность есть кухарка. По естественному ходу вещей, она дѣлается первымъ и главнымъ лицомъ въ домѣ нововодворившагося иностранца, по своимъ познаніямъ въ Статистику, въ Филологію и въ Политическую Экономію, источникъ домашняго благоденствія. Мастерскія наши наполнены работниками Финскаго племени и Русскими: Нѣмецъ или Французъ только блеситъ на вывѣскѣ. Безъ помощи своей кухарки мастеръ-хозяинъ былъ бы глухъ и немъ, а что еще хуже, былъ бы трижды въ день надутъ нашими смышленными лавочниками, мясниками, зеленщиками и лабазниками, которые, еще во время посѣщенія Мо-

сквы Герберштейномъ, умѣли продавать товаръ лицомъ, и смѣялись надъ мудростью Нѣмецвъ. Такъ хозяинъ, по неволѣ, долженъ бытъ зависимымъ отъ своей кухарки, которая, пользуясь своимъ положеніемъ, прибираетъ хозяина въ когти, и гладитъ то по шерсти, то противъ шерсти. Наконецъ зависимость превращается въ привычку, а привычка въ другую натуру, и если мастеръ-хозяинъ, или полукупецъ, не найдетъ случая выбиться изъ зависимости своей кухарки при помощи брачнаго союза съ цеховою вдовою или гильдейскою дочкою, то дѣло кончается тѣмъ, что кухарка становится мадамою слесаршею или кузнечихою, даже кунчихою, одѣвается въ шелкъ и батистъ, и ѣздитъ на балы въ биргеръ-клубъ, гдѣ весьма основательно критикуетъ наштеты съ пригорѣлымъ масломъ, и рябчики, которые пахнутъ кладбищемъ.

Иногда и дворянская мантия ниспадаетъ на плеча, согрѣтыя очажнымъ пламенемъ. Бѣдный, трудолюбивый чиновникъ безъ роду и племени, безъ связей и знакомствъ, заводится домкомъ, на холостую ногу. У него много работы, и онъ любитъ посидѣть дома въ халатъ, покушать любимаго блюда. Трактирная жизнь дорога, прачка еще дороже; онъ принимаетъ чухонскую кухарку, которая кормитъ его, обмываетъ, обшиваетъ, ухаживаетъ и прискребываетъ, приголубиваетъ и прищипориваетъ, и наконецъ..... Конечъ тотъ же, что и съ мастеровымъ. Кухарка дѣлается ея благородіемъ, ея высокоблагородіемъ, и такъ далѣе.

Но все это исключенія изъ правила. Почтенному отцу Анфаштену, верховному отцу Сенсимонистовъ, не въ этомъ разрядѣ должно искать верховной матери, женщины на правахъ мужчины, une vraie femme émancipée. Онъ найдетъ ее въ числѣ тѣхъ кухарокъ, которыя уже прошли сквозь огонь и воду, служили и у

мастеровъ, и у кунцовъ и у чиновниковъ, и у холостыхъ, и у вдовцевъ, и у женатыхъ, и остался въ свосмъ почтенномъ званіи до просьди въ волосахъ и до румянца на оконечности вздернутаго носа. Описывать поодпначкѣ всѣхъ этихъ кандидатокъ въ верховныя матери мнѣ такъ же невозможно, какъ невозможно въ Этнографіи и Статистикѣ описывать особо каждаго жителя страны. Отецъ Апфантенъ есть ядро всеобщей представительной системы: поэтому мы имѣемъ честь представить ему представительницу всѣхъ кандидатокъ въ верховныя матери, одну изъ тысячъ, взятую на выдержку.

Верховному отцу только трудно будетъ объясниться съ будущею подругою и сподвижницей въ гигантскомъ трудѣ преобразованія рода человеческого на философическую статью. Почтенныя кухарки говорятъ языкомъ, для понятія котораго надобно имѣть безпрестанно подъ рукою лексиконы Финскаго, Эстонскаго, Нѣмецкаго и Русскаго языковъ; рѣчи ихъ напшигованы словами четырехъ языковъ, и представляются слуху въ видѣ крошки или фрикасэ изъ остатковъ вчерашняго разнороднаго жаркаго. Кроме того, надобенъ особенный навыкъ, чтобъ понимать ихъ произношеніе: онѣ обрубаютъ языкомъ согласныя буквы при взаимномъ ихъ сочетаніи, какъ обрубаются когти у жареныхъ цыплятъ и рябчиковъ. Чтобъ понимать этотъ языкъ, не нужно однако жъ ни какой грамматики, потому что Петербургскія кухарки не употребляютъ этой тяжелой пищи, подобно всѣмъ самороднымъ геніямъ. А что наши Петербургскія кухарки геніи, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Петербургская кухарка не учится вовсе своему ремеслу, пріѣзжаетъ въ Петербургъ изъ Ревеля или изъ Выборга, гдѣ только весьма богатые люди держатъ поваровъ, а семейства, довольствующіяся кухаркою,

не употребляютъ болѣе трехъ блюдъ, даже въ праздни- ки. Основаніе этихъ блюдъ — невинный картофель, эмпиренная капуста и скромные горохъ и бобы, еѣ весьма малымъ количествомъ мяса и цѣлою бездною молока. Спрашивается: какимъ же средетвомъ, если не вдохновеніемъ гснѣя, эти кухарки изготовляютъ отлично пудингъ и ростбифъ у Англичанина, макароны и стуфату у Италіянца, сладкіе соуеы у Германца, славныя щи и кулебяки у Русскаго, рагу еѣ трюфелями и паштеты у Француза, когда онѣ отъ роду не видывали этихъ чудесъ? Кухарка, подобно великимъ поэтамъ и всѣмъ великимъ гснѣямъ, пользуется не пнеаніями, а преданіями. Въ душѣ ея, въ этомъ безсмертномъ очагѣ, горитъ любовь къ пекусству, — и только одна любовь къ своему ремеслу производитъ чудеса; голова ея, какъ кастрюля, перевариваетъ все идеи о поваренномъ искусствѣ. Оттого кухарка пользуется въ домѣ и внѣ дома полнымъ уваженіемъ. Дворникъ, носящій дрова и воду; кучеръ, приходящій погрѣться въ кухню; служанки, нагрѣвающія свои кофейники у господскаго очага; лакей, еѣдающій остатки господскаго обѣда, и даже барышни, для которыхъ нагрѣваются въ кухнѣ утюги и щипцы для пашльотовъ, — все льстятъ владычицѣ кухни, все признаютъ ея господство въ важнѣйшемъ отдѣленіи дома. Признакъ ея могущества, замѣняющій диктаторскій жезлъ, есть огромный мѣдный кофейникъ, княтящій съ утра до ночи лакомое пойло изъ цикорія съ примѣсью кофе. Этотъ кофейникъ есть необходимая принадлежность кухарки, точно такъ же какъ огромный перкалевый чепсць, вздернутый носъ, рыжіе или свро-планшевые волосы и кошачьи глаза. Голоеѣ ея, какъ горное эхо, раздается въ кухнѣ и страшитъ даже прохожихъ по черной лѣстницѣ. Горе служителю дома, попавшему въ немлюеть кухарки, которою довольны господа! Ему не удастся даже лизнуть господ-

скаго блюда, и онъ не приблизится никогда къ благословенному очагу, не понюхаетъ пара кастрюль! Но кто осмѣлится противорѣчить той, которой платятъ дань и зеленщикъ и мясникъ и лабазникъ, и даже смѣшленная охтинская молочница, подчующая, съ ея позволенія, господь, вмѣсто густыхъ сливокъ, молочной кашицей изъ пшеничной муки, съ мелкомъ или известью! Всѣ поставщики съѣстныхъ припасовъ должны дѣлиться съ ней барышами, какъ некогда дѣлились смиренныя жители городовъ съ феодалными баронами, и какъ нынѣ подрядчики и поставщики дѣлятся съ.... съ кѣмъ бишь? — досказывать не мое дѣло: а разумѣется съ тѣми, кто можетъ и хочетъ подѣлиться.

Если мужчины поклоняются и несутъ дары женщины не за красоту ея, то вѣрно по важности ея отца, мужа, брата или зятя. Одна только кухарка беретъ дань по занимаемому ею мѣсту, слѣдовательно она одна на правахъ мужчины.

Надобно видѣть ее подъ качелями или въ Екатерингофѣ, когда она, накормивъ господь, наслаждается прогулкою, наряженная въ новый кисейный чепецъ, въ ситцевое или даже въ шелковое платье безъ корсета, въ купавинскій платокъ, и когда землякъ ея, слесарь или сапожникъ, ведетъ ее торжественно подъ руку, вооруженный въ другой рукѣ пряникомъ и орѣхами. Гордо смотритъ она на весь женскій полъ, смѣло расталкиваетъ толпу миловидныхъ и робкихъ горничныхъ и магазинныхъ швей, и не уступаетъ дороги даже женамъ кузнеца и мѣдника, прежнимъ ея подругамъ. Въ теченіе двадцати-лѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, она служила, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцати домахъ, и знаетъ множество народу. Множество лакеевъ, дворниковъ, лавочниковъ

знаютъ ее и кланяются ей, не довѣряя судьбѣ, могущей свести ихъ снова въ одну кухню. Она чувствуетъ важность свою, и принимаетъ поклоны небрежно. Зачѣмъ ей унижаться! Зрѣлая дѣва или давнишняя вдова, разведенная съ мужемъ жена или жена отказавшаяся отъ мужа, пьющаго запоемъ въ Ревель или въ Выборгъ, кухарка уже не ищетъ жениховъ въ толпѣ народа, слѣдовательно не имѣетъ нужды притворяться смиренницей, какъ то дѣлаютъ дѣвицы въ публикѣ, чтобъ развернуться послѣ того дома. Кухарка всегда въ своемъ характерѣ, какъ слѣдуетъ быть самостоятельному мужчине: она не надѣваетъ маски при чужихъ людяхъ, какъ всѣ искательницы жениховъ, и всегда одинаково сварлива, упряма и голосиста подъ качелями, какъ въ кухнѣ, на рынкѣ, какъ въ лавкѣ. А развѣ это не права мужчины?

Хотя кухарка прѣзжаетъ въ Петербургъ обыкновенно изъ Эстляндіи или изъ Финляндіи, но отечество ея — terra incognita, «страна неизвѣстная». Она говоритъ всегда, что она родомъ *Ведка*. Въ географіи нѣтъ ни народа Ведовъ, ни страны Веціи. Слѣдуя системѣ всѣхъ изыскателей происхожденія языковъ, всѣхъ этимологовъ, я пытался прибавлять различныя буквы къ этому названію, и нашелъ, что къ названію «Ведка» лучше всѣхъ пристаетъ буква Ш. Ужели моя кандидатка въ верховныя матери соотечественница Густава Вазы и королевы Христіны? Шведскія слова есть въ языкѣ кухарки, но тутъ же есть и Нѣмецкія и Русскія. Справляюсь съ паспортомъ, съ слухами, которыми земля полнится, случая все это съ ея собственными показаніями, но не нахожу въ цѣлой родословной ея ни одного Шведа, ни одной Шведки, а напротивъ того вижу цѣлый рядъ Эстовъ и Финновъ, которыхъ древность происхожденія теряется въ исторіи салакушки. Такъ нѣкоторые племена Аф-

рики и Америки ведутъ родъ свой отъ льва и тигра ; но они вовсе не почтеннѣе моей кухарки , потому что левъ и тигръ пожираетъ человѣка , а человѣкъ ѣстъ салакушку.

О верховный отче , мусье Анфантенъ ! явился къ намъ изъ Египта, брось Египетскую грамоту, и падни къ ногамъ Петербургской чухонской кухарки, дозрѣвшей, но еще не пережарившейся въ жаркой нашей кухнѣ. Воскликни, подобно Архимеду, разрѣшившему случайно важную математическую задачу: « Нашель ! нашель ! » Вотъ верховная мать, подь пару тебѣ, верховному отцу ! Эта Mutterchen обмоетъ тебя, расчешетъ твою сенсимонистскую бороду, напонтъ тебя цикоріемъ съ кофе, и накормитъ хорошимъ супомъ, отъ котораго, можетъ-быть, желудокъ твой поправится, а въ слѣдствіе этого поправится и голова, въ чемъ ты имѣешь великую надобность. Я тебѣ исчислилъ всѣ высокія качества, всѣ преимущества моей кандидатки, и послѣ этого ты не можешь сомнѣваться, что она не есть *la femme émancipée*, « женщина на всѣхъ правахъ мужщины. » Не только что она не зависитъ отъ мужщины и владычествуетъ имъ, живя и управляясь самостоятельно, но она даже беретъ взятки, которыя у всѣхъ народовъ составляютъ неоспоримую привилегію мужщинъ, по силѣ законовъ, дозволяющихъ однимъ мужчинамъ занимать должности, подверженныя взяткамъ. Возрадуемся и возвеселимся всѣ мы, называющіеся человѣками, съ позволенія философовъ и политиковъ, владычущихъ непослушною имъ вселенною. Наступила для насъ эпоха преобразованія. Верховный отецъ, мусье Анфантенъ, нашель себѣ верховную мать, и съ этой минуты начинается *эмансипація*, или освобожденіе женскаго пола изъ-подъ власти мужщинъ, и допущеніе ихъ пользоваться одними правами съ мужчинами. Превос-

ходная затѣя! Только, пожалуйста, выберемъ въ судьи и въ секретари миловидныхъ, пріятныхъ и лаковыхъ дамъ. У меня есть прескучный, предлинный процессъ, и есть также четыре красивые и удалые двоюродные брата въ гусарахъ. Я поручу имъ ходатайство по моему дѣлу. А вы, почтенные содержатели и ловкія содержательницы модныхъ магазиновъ, не правда ли, что вы также желаете, чтобъ дамы были казначеями, чтобъ онѣ составляли тарифы и управляли таможнями? Тогда бѣ верно не было ни контрабанды, ни длинныхъ счетовъ въ долговыхъ книгахъ. Я боюсь одного только: именно боюсь повѣрить дамамъ почту. Неужели ревность не разломала бы печати на письмѣ любовника? Трудно будетъ воздержаться отъ пекушенія. Но за то, какіе прелестные были бы у насъ балы, какіе превосходные пѣвцы въ оперѣ, какъ было бы намъ весело! Благодарю тебя покорно, мусье Анфантенъ, за это изобрѣтеніе, хотя не намѣренъ поделиться съ тобой малымъ моимъ имуществомъ, а ты долженъ вдвое благодарить меня, потому что я далъ тебѣ «верховную мать» и не хочу ничего отъ тебя за это, ни бороды твоей, ни головы твоей, ни осла твоего, ниже самого тебя!

БАДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

МѢСТНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ

РУССКАГО МІРА.

=

Въ пословицахъ и поговоркахъ всякаго народа видимъ мы или философію простолюдиновъ или исторію ихъ отечества: одиѣ — общія всемъ племенамъ, какъ здравый смыслъ; другія объясняются только жизнію политическою, изъ которой онѣ пронесли, и принадлежатъ извѣстному мѣсту (мѣстныя, топографическія), времени (хронологическія), или къ извѣстнымъ лицамъ.

Взглянемъ здѣсь на первыя, которыя часто въ рѣзкихъ чертахъ изображаютъ положеніе и отличительныя свойства мѣста и жителей, достопамятности и т. п. Рѣдкій городъ, рѣдкое селеніе, гора, лѣсъ и рѣка, не оглашены такими пословицами: онѣ, вмѣстѣ съ преданіями, дополняютъ Исторію, и при недостаткѣ положительной истины, утѣшаютъ насъ намеками; въ нихъ нерѣдко вѣроятіе есть приближеніе къ достовѣрности. Съ измѣненіемъ самыхъ предметовъ, и пословицы эти измѣняются: оттого онѣ бывають или *обветшалыя*, сохранившіяся только въ грамматахъ, лѣтописяхъ, пѣсняхъ и преданіяхъ, или донинѣ *употребительныя*, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, применяясь часто и къ новымъ предметамъ.

Объяснимся примѣрами подобныхъ пословицъ нашего Русскаго міра.

Кольбель Русской Церкви, Кіевъ, у Нестора называется не отцемъ, но, по свойству Греческаго языка, *матерью градовъ Русскихъ*, какимъ онъ слыветъ и въ

простомъ народѣ. Какъ изъ всей Россіи стекаются жители для богомолья въ «богоспасаемый градъ»; то о дорогѣ къ нему есть пословица — *языкъ до Кіева доведеть*, а Малороссіяне прибавляютъ — *и до кія*, то есть, до палки, потому что подъ Кіевомъ былъ дремучій боръ, гдѣ важивались разбойники. Съ прекращеніемъ разбоевъ пословица получила переносное значеніе, что — *языкъ голову кормитъ и до смерти доводитъ*; равнымъ образомъ и слѣдующая въ собственномъ смыслѣ относится къ мельницамъ у Кіева, а въ переносномъ значить, что тамъ хорошо, гдѣ насъ пѣтъ — *Жернова говорятъ: въ Кіевъ лучше; а ступи говорятъ: что шутъ, то тамъ*.

Татищевъ свидѣтельствуеть, будто гордый Игорь въ XII вѣкѣ велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: «Не шуми за нечю, сверчокъ!» Но когда Изяславъ разбилъ его, тогда вошло на Русь въ поговорку — *Сверчокъ Тмушараканъ побѣдилъ*.

О величій и могуществѣ Новгороду кому не извѣстна пословица, повторенная иностранными писателями — *Кто противъ Бога и великаго Новгорода?* Она была символомъ союзниковъ Ганзы, и осталась въ воспоминаніи, такъ какъ титуло «Великаго» въ молитвахъ церковныхъ.

О братскомъ союзѣ Новгородскаго княжества съ Псковскимъ свидѣтельствуеть старинная пословица — *Душа на Великой, а сердце на Волховѣ*: на Великой рѣкѣ Псковъ, а на Волховѣ Новгородъ. Въ Новгородской области пронырливаго челоуѣка называютъ *мисою Патрикеевною*, именемъ Литовскаго Князя Патрикеева Паримонтовича, который въ XIV вѣкѣ поселялъ вражду между согражданами, и столько сдѣлался извѣстенъ своими хитростями и кознями, что имя его вошло въ притчу. Вѣроятно, къ нему же относится другая поговорка — *Патрикеевъ самъ третей*.

Владимірцы слыли у давнихъ и старшихъ Ростовцевъ и Суздальцевъ *повыми и мизеннми*. «Не разумѣша, говоритъ Лѣтописецъ, правды Божья исправити Ростовцы и Суздальцы давини и старшини творяшесь; новинъ жь людие и мизеннини Володимирстини уразумѣше, яшась по правду крѣпко.» О самомъ Владимірѣ на Клязмѣ, во время открытія намѣстничества, была еще поговорка, что тамъ три чуда — *деревяшныя печи, золотыя ворота и желѣзныя церкви*. Первые находились въ старинномъ домѣ архіерейскомъ, бывшемъ близъ Успенскаго Собора. Золотыя Ворота и донынѣ тамъ существуютъ по имени, отъ позлащенной на нихъ главы; но Серебряныхъ Воротъ, упомянаемыхъ въ лѣтописяхъ, и слѣда нѣтъ. Золотыми, по свидѣтельству Дюканжа*, назывались тѣ ворота въ большихъ городахъ, чрезъ кои совершались крестные ходы и торжественныя шествія, какъ въ Константинополѣ *in viam christi, porta aurea*, по образцу которыхъ сооружены были ворота того имени и въ Кіевѣ. Въ Римѣ у базилики Св. Петра находились Серебряныя Ворота, *porta argentea*. «Желѣзная церковь» стояла во Владимірѣ близъ Рождественскаго монастыря, и уничтожена въ концѣ XVIII вѣка.

Послѣ Кіева, Новагорода и Владиміра, славилась Москва, которой имя служило ясакомъ въ битвахъ, какъ видно въ лѣтописяхъ изъ событій XV вѣка; по ней и вся Россія называема была у иностранцевъ «Московиєю». Она, по вызолоченнымъ главамъ церквей и колоколенъ слыветъ — *золотыя маковки*; по зданіямъ изъ бѣлаго камня въ Кремль, Китай и Бѣломъ-городъ, *бѣлокаменшою*. Московскія чудеса вошли въ поговорку — *Иванъ великій, царь колоколъ, да царь иушка*. Къ этимъ чудесамъ прибавлялись въ послѣдствіи и дру-

* Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis.

гiя. Въ Украинѣ говорятъ, что въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей. Каменный Мостъ на Москвѣ рѣкѣ также вошелъ въ поговорки и присловья для сравненiя, на примѣръ — *дороже Каменнаго Моста; — честный чело- вѣкъ лучше Каменнаго Моста.*

Кто не знаетъ ходячей поговорки, напоминающей, что отъ малыхъ причинъ часто происходятъ великiя дѣла, или какъ говорятъ Краицы, что — *Iz male iskre postane wieliki ogen: Москва сгорѣла отъ копечной свѣчки.* Это объясняется словами летописи подъ 1495 годомъ: «Юля 28, загорѣсь отъ свѣчи церковь «Св.-Николы-на-Песку, и вѣта буря велiя, и кинуло «огнь на другую сторону Москвы рѣки ко Всѣмъ-Свя- «тымъ-на-Кулишкахъ». Отъ подобнаго же случая былъ Троицкiй пожаръ въ 1757 году, когда царь-колоколь, единственный въ свѣтѣ, упалъ въ ту самую яму, въ коей былъ вылитъ и гдѣ донынѣ лежитъ въ Кремлѣ*. Старинная поговорка примѣнилась къ новому случаю. О древней столицѣ по другимъ городамъ ведутся слѣдующiя пословицы: — *Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тошко пѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго пѣдятъ.*

Поговорка о непостоянствѣ — *на недѣль семь пятницъ*, объясняется мѣстностию, потому что на Красной Площади въ Москвѣ было «семь обѣтныхъ пятницъ», — церквей во имя Св. Параскевiи (Пятницы), столь чтимой народомъ, который, по обѣту, въ пятки не работаетъ. Объ этихъ церквахъ упоминаетъ Желябужскiй: «И стрѣльцы всѣхъ приказовъ сдѣлали на Москвѣ на площади столбъ каменный у Старыхъ Пятницъ**.

* См. Собранiе разныхъ записокъ о Петрѣ I Ѳ. Туманскаго, ч. VII и Древнюю Росс. Вивлюю. III.

** Записки Графа Миниха, стр. 54, 55.

Въ Москвѣ также есть поговорка о Симоновѣ монастырѣ — *Есть черницы и на Симоновѣ, да не хвалятся*, то есть, добрые, благочестивые старцы. Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ посланіи своемъ въ Кирилловъ монастырь, пишетъ слѣдующее, служащее къ объясненію приведенной поговорки: «Сами видите на Симоновѣ, «кромя сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точно одѣяніемъ «иноци, а мірская вся совершаются*. Въ Шенкурскѣ и Вельскѣ говорится о челоувѣкѣ, живущемъ выше своего состоянія, или не по одежкѣ протягивающемъ ножки — *У него расходъ какъ Кириллова монастыря, а приходъ Рѣпной Пустыни*.

По повости С. Петербурга, объ немъ мало пословицъ извѣстныхъ въ народѣ.

Ярославль городокъ, по пословицѣ, *Москвѣ уголокъ*; что говорится и о другихъ городахъ въ сравненіи съ древнею столицею. Въ Костромѣ пословица — *За голоднаго Богъ заплатитъ*, служить доказательствомъ хлѣбосольтва зажиточной стороны, и равнодушія къ неблагодарности питаемыхъ ея хлѣбомъ**. Такъ какъ у Галичанъ есть особенное нарѣчіе — *Галигонскіе Алеманы*, то у нихъ изстарь существуетъ поговорка о городѣ и свойствѣ жителей: *Городъ Галигонъ, озеро Миронъ, а люди кривизна*, то есть, оборотливые, хитрые***. Поговорка — *Галичь Кострому обмагуль на острову*, по мнѣнію О. М. Діева, относится къ войнѣ Галицкаго Князя Димитрія Шемяки съ В. К. Василіемъ Темнымъ. Это происшествіе поясняется другою поговоркою — *Костромичъ въ кучу, а Галичипрочь*. — *Перехтскій бѣгуиъ* говорится о Перехтскихъ мѣщанахъ, которые переходятъ изъ одного села въ другое съ безменомъ для покупки пряжи.

* Ореады, изд. В. Дмитріева.

** Исторія Росс. Іерархіи, ч. I — VII.

*** О. Глинки, Письма къ другу.

Въ Костромской губерніи, между городами Юрьевцемъ и Кинешмою, есть большое и богатое село, о которомъ говорятъ тамъ - *Кинешма да Рѣшма кушитъ да мутитъ, а Солдогда убышки платитъ*, или - *Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докнешь ли?*

О Солдогдѣ, прежде столь знаменитомъ мѣстѣ на Волгѣ, разоренномъ Татарами въ 1429 году, между народомъ доселѣ идетъ поговорка, что *Солдогда горюха*. Въ это бѣдственное время Татары, подъ предводительствомъ Царевича Махмутъ-Хози, опустошивъ Галичъ и Кострому, разграбили Кинешму и вѣроятно Солдогду. На Москвѣ говорятъ пословицей - *Рыбакъ рыбака далеко съ плесъ видитъ*, въ томъ смыслѣ, что сходство склонностей и правовъ сблизжаетъ людей между собою. Слово *плесо* въ Академическомъ Россійскомъ Словарѣ толкуется «извѣстнымъ пространствомъ поля или водъ»; но въ Костромской губерніи поговорка объясняется самымъ мѣстомъ: Плесо есть городъ*, стоящій на излучистомъ берегу Волги, гдѣ она «прошла плесомъ», то есть, излучиною: отъ чего вѣроятно и Плесо получило свое названіе; пустое и ненаселенное мѣсто тамъ называется «пустоплесемъ.»

По несостоятельности нѣкоторыхъ домовъ купеческихъ въ Перехтѣ составила пословица - *Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся съ Перехти каменныхъ домовъ*. На большой дорогѣ изъ Костромы въ Галичъ есть богатое и многолюдное село Воронье, о которомъ говорятъ - *Село Воронье днемъ семидесяти господъ, а ночью одного*. Въ Костромской губерніи село Большая-Соль и посадъ Малая-Соль, по изобилію овощей, безмездно снабжаютъ ими сосѣдей своихъ: это обстоятельство произвело тамъ въ простомъ наро-

* Въ летописи подъ 1410 годомъ сказано: «Великій Князь Василій повелъ рубити градъ Плесо.»

дѣ пословицу — *Къ Соли иду, шчего не несу; отъ Соли иду, пошу пазуху несу*. Тамъ же говорятъ о спокойной и счастливой жизни — *Будемъ жить ровно за Буемъ*: вѣроятно, эта поговорка одолжена своимъ началомъ основанію города Буя, построеннаго въ малолѣтство Царя Юанна Васильевича, для прекращенія буйныхъ набѣговъ Татаръ Казанскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Векса, выходящая изъ Галицкаго Озера, сливается съ рѣкою Костромою. Кромѣ мѣста и времени, можно искать происхожденія этого города и въ самомъ словѣ «буй», плавень вои́е, потому что этотъ якорный поплавокъ значится въ гербѣ города Буя, хотя у приволжскихъ жителей знакъ, гдѣ брошенъ якорь, называется «сукà». Когда дѣти въ деревняхъ, играя, сваливаются въ одну кучу, то верхній кричитъ — *Ребята, городъ Буй!**. Извѣстно, что Буй находится не въ одной Костромской губерніи, но и въ другихъ.

Населеніе Кореги — стороны около Буя, большею частію бѣдными дворянами, дало поводъ къ слѣдующей поговоркѣ: *Корегскій баринъ самъ оретъ и пашетъ*. Въ Перехтѣ еще ведется поговорка о богачѣ, замѣствованная отъ Егорьевской горы, или горожанцы близъ города, — *Суть, какъ Егорьевская гора*.

Въ Вологодской губерніи на Вагъ, въ Шепкурскомъ и Вельскомъ округахъ, при выборахъ въ должности, избранный противъ воли, но скромности или по сознанію своей неопытности, обыкновенно говорить — *Судить, рядить не умью, а на воеводство садятъ*. Если кто, при общественныхъ совѣщаніяхъ, станетъ говорить повелительно, вѣтъ противорѣчить и прекословить, его обыкновенно останавливаютъ поговоркою — *Тебя не слушаемъ, ты спдь не воевода Важскій*,

* Буйгородъ ссл., см. Софійск. Лѣтоп. ч. II.

или — а ты что за Воевода? Также, если кто сидитъ безъ дѣла въ то время, какъ другіе работаютъ, ему говорятъ — *Что ты сидишь, какъ Важскій Воевода?* «Важскій медвѣдь» обратился въ поговорку народную. Тамъ же у крестьянъ, хозяйка, поставивъ гостямъ на столъ овсяные блины, подастъ уху изъ трески, и приговариваетъ — *У насъ на Вагъ и уха съ блинами!*

Обиліе въ скотоводствѣ, плодоносіе почвы и другіе богатые источники народной промышленности были поводомъ къ пословицѣ — *Вятка всему багатству matka.* Говорятъ — *живетъ на Вяткѣ, да ходитъ въ одпорядкѣ*, потому что, сверхъ охабня, надѣвалась у достаточныхъ людей сукошная или камлотовая длинная одежда, подобная охабню, но безъ веротника*. Такъ и богатства Сибирскія произвели пословицу: *Сибирь золотое дно.* Казаки называли свой Донъ — по происхожденію его изъ Иванъ-Озера — *Ивановицъ*, а по изобилію рыбы, *золотымъ дномъ*. Черноморцы, утверждая издавна, что *близъ граицы не должно строити сѣтлицы***, не некутся объ устроеніи себѣ пріятныхъ и выгодныхъ жилищъ.

Въ Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, о Римско-Католическомъ постѣ, не столь строгомъ какъ въ Греко-Россійской Церкви, ведется донинѣ старая пословица — *Нѣмецкій постъ, что Литовскій мостъ*; во всѣхъ областяхъ прежней Польши говорятъ — *Польскій мостъ Лютерскій постъ, Турецкое набоженство, все это блаженство.* Примѣчательно, что слава Польскихъ мостовъ проникла даже въ Турецкій языкъ, на которомъ *Лехъ-кипрюсю* означаетъ также — вещь негодную къ употребленію, дрянъ, и чтобъ убѣдиться

* Карамз. II. Г. Р. VII. пр. 899.

** Украинскій Журналъ, Харьковъ, 1825, № 11.

въ основательности пословицы, довольно пробхать въ Литвъ по первой проселочной дорогѣ: при бывшемъ Польскомъ правительствѣ, тамъ вовсе не обращали вниманія на устройство дорогъ и мостовъ. Въ этой пословицѣ заключается полная картина государственнаго управленія такъ называемой Польской Республики и недостатка въротерпимости ея жителей, навлекшаго на нихъ бѣдствія распрей съ диссидентами, и кровопролитныя войны по поводу Уніи.

Въ Подольской губерніи существуетъ между простолюдинами о мѣстоположеніи Каменца-Подольскаго слѣдующая поговорка — *Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда*: въ самомъ дѣлѣ рѣчка Смотричъ опоясываетъ городъ, лежащій на скалѣ въ видѣ вѣнца, и жители города, по большей части, ремесленники, живутъ стѣпенно, въ бѣдности. Похожая поговорка идетъ въ народѣ о Луцкѣ, на рѣкѣ Стырѣ, втекающей въ Припять: *Въ Луцки все не по-людски, навколо вода, а всерединѣ бѣда*.

На Москвѣ была пословица — *Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ*. Какъ все подобныя изреченія происходятъ изъ событій, то и эта пословица вѣроятно относится или къ бракосочетанію дочери В. К. Іоанна III Елены съ Литовскимъ Княземъ Александромъ, или къ другимъ посольствамъ Русскихъ въ столицу Литвы, или къ походу на Литву при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда Вильна, богатая, вмѣщавшая въ себѣ великолѣпныя костелы, дворцы и другія огромныя зданія, могла возбудить удивленіе въ Русскихъ.

Въ этомъ городѣ, между рѣками Вилією и Вилейкою, замѣчаетъ профессоръ Лобойко, подлѣ арсенала съ одной стороны и ботаническаго сада съ другой, устро-

енъ прекрасный бульваръ, которому высокія горы съ разрушенными банями придаютъ особенную прелесть. Исторія Вильны, основанной Гедемномъ въ 1524 году, молчитъ о раскопаніи этихъ горъ для удобнѣйшаго расположенія города, но брашь или поговорка, донинѣ употребительная у простаго народа въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, подтверждаетъ это обстоятельство: *Дай-Богъ тебѣ въ Вильну ходить горы копать!* Нашедши этотъ первый слѣдъ, легко увидимъ, что каналъ былъ проведенъ въ томъ мѣстѣ, которое кажется тамъ прорытымъ, какъ и въ Перекопи, и темное преданіе, будто эти горы раскопаны были при Гедемнѣ, который, покоривъ часть Россіи и вознамѣрившись построить городъ во исполненіе чудеснаго сновидѣнія, устремилъ на то покоренный народъ, получаетъ отъ пословицы совершенную достоверность.

При дальнѣйшемъ изысканіи, я увѣренъ, найдутся въ Россіи пословицы и присловья, мѣстныя или областныя, которыя могутъ оказать значительную услугу историческимъ изслѣдованіямъ.

И. СНЕГИРЕВЪ.

О Т С Т А Л О Е .

=

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

=

12 Июля 1874 года, въ прекрасномъ городѣ Пятигорскѣ, инспекторъ врачебной управы, Петръ Елисеевичъ Свѣтиловъ, почтенный старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, бодрый, свѣжій и живой, сидѣлъ вечеромъ на широкомъ балконѣ своего дома, посреди своихъ домочадцевъ, курилъ трубку, посматривая на величественныя вершины горъ, теряющихся въ отдаленіи, и запивалъ табачный дымъ глотками ароматнаго чаю. За чайнымъ столкомъ председательствовала дочь его, милостивая женщина лѣтъ тридцати, окруженная тремя рѣзвыми мальчиками, въ Черкесскомъ костюмѣ. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея, въ такой же одеждѣ, съ военными на груди крестами. Съ другой стороны старика расположились два сына его: одинъ юноша военный, другой гражданскій; первый съ выраженіемъ ума, огня, смѣлости, послѣдній съ томною на устахъ улыбкою.

«Не долго намъ бесѣдовать съ тобою, другъ мой Вася!» сказалъ старикъ, обратясь къ старшему сыну: «черезъ недѣлю ты будешь лѣзть на почтовыхъ, въ Петербургъ; черезъ мѣсяцъ надѣнешь гвардейскій мундиръ, а тамъ» — «Что жъ тамъ?» спросилъ Василій съ нетерпѣніемъ, смягчаемымъ сыновнею нежностью. — «Не такъ часто будешь объ насъ думать!» прибавилъ отецъ, понизивъ тонъ, и какъ бы страшась сказать: ты насъ забудешь. — «За то, что будетъ», отвѣчалъ Василій: «трудно ручаться; но если бѣ — до-

пустимъ невозможное — я и хотѣлъ рѣже объ васъ думать, сердце меня не послушастся. Я здѣсь родился, здѣсь выросъ; здѣсь могила маменьки — и я забуду этотъ край? — Здѣсь вступилъ я въ царскую службу, здѣсь участвовалъ въ усмиреніи послѣднихъ покушеній нарушить спокойствіе Кавказа, здѣсь заслужилъ честь быть призваннымъ въ гвардію — и я забуду это? Забуду васъ? Возможно-ли?» — «Правда твоя, Василій Петровичъ,» сказалъ зять его: «мѣсто рожденія привязываетъ человѣка неразрывными къ себѣ узами. С семи лѣтъ отъ роду былъ я отправленъ въ Петербургъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, былъ счастливъ и доволенъ. Меня отправили сюда. Я едва помнилъ, какъ давнишній сонъ, случай моего дѣтства; почти вовсе забылъ свой языкъ, словомъ обрусѣлъ совершенно; но не могу выразить того чувства, которое объяло меня трепетомъ сильнымъ и несказанно усладительнымъ, когда показались мнѣ издали вершины нашихъ горъ, когда повѣяло на меня знакомымъ дыханіемъ Кавказа, когда увидѣлъ я первую Черкешенку.» — «Тише! тише!» примолвила, улыбаясь, жена его. — «Воля твоя, Дуняша!» продолжалъ онъ: «сердись или не сердись, но грязная дикарка въ то время была для меня во сто кратъ привлекательнѣе разряженныхъ, раздушенныхъ сильфидъ, съ которыми я кружился въ Нѣмецкомъ вальсѣ по Петербургскимъ паркетамъ. Разумѣется, что это очарованіе не было продолжительно. Я вскорѣ убѣдился во всѣхъ невыгодахъ и даже въ пагубности тогдашняго порядка дѣлъ на Кавказѣ, постигъ всю благодѣтельность правительствъ, рѣшившагося сдѣлать насъ людьми изъ разбойниковъ, и всѣми силами, всѣми возможными пожертвованіями содѣйствовалъ успѣху благотворныхъ и великодушныхъ предначертаній. Бывъ давно Христіаниномъ въ душѣ, нѣсколько лѣтъ не крестился,

чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на моихъ соотчественниковъ. Любо теперь посмотреть на нашъ Кавказъ! Я ѣздилъ по многимъ странамъ просвѣщенной Европы, и ничего подобнаго не видалъ.» — «А мнѣ такъ жаль смотреть на пынѣшній Кавказъ,» сказалъ младшій: «все такъ чинно, тихо, порядочно! Нѣтъ мѣста воображенію, поэзіи. То ли дѣло бывало встарину! Прочтите Кавказскаго Пльшика, Пушкина. Конечно, старинный слогъ его теперь страненъ, но выкиньте въ содержаніе, въ мысли, въ картины. Тогда было иное время! А теперь, гдѣ разгуляться воображенію?» — «Теперь-то ему и разгуливаться любезный другъ Андриоша!» сказалъ Черкесь: «теперь оно одно дѣйствуетъ на Кавказъ; ему привольно и просторно, а какъ бывало, въ старые годы, существенность накинетъ арканъ на воображеніе и потащитъ его въ горы — такъ прощай и стихи и проза. Ой, ужъ вы, стихотворцы! Да стоятъ ли ваши воображаемыя картины той дѣйствительности, которую мы теперь видимъ въ нашей сторонѣ? Кавказъ тихъ и спокоенъ. Безопасность, довольство, богатство царствуютъ во всѣхъ его странахъ. Винодѣліе, земледѣльство, скотоводство достигли высочайшей степени. Кавказская шерсть вытѣснила Испанскую; шелкъ нашъ употребляется преимущественно на всѣхъ фабрикахъ Европы; не шампанское, не бургонское, не портвейнъ пьютъ во всемъ Русскомъ Царствѣ, а наши доморощенные вина, вкусныя, прочныя, здоровыя! Наши лихіе конники не только не враги Россіи, они составляютъ храбрый, быстрый, неусыпный авангардъ Русской арміи. — Впрочемъ, неужели поэзія исчезла съ разбоями? — Здѣсь, по-прежнему, свѣтитъ южное солнце; по-прежнему, высятся снѣговерхія горы; по-прежнему, зіяютъ бездонныя пропасти: только отъ зноя солнечнаго пайдешь всздъ пріютъ и тѣнь; на гору можешь взобраться не опасаясь сломить шею; въ про-

пасть не дадутъ тебѣ унасть прочныя перила. Неужели поэзія только и находитъ ниши, что въ разбояхъ, кровопролитіяхъ, буряхъ физическихъ и нравственныхыхъ? — Боюсь я, чтобъ не возобновилась у насъ школа, угрожавшая въ юности моей Литературѣ всѣхъ народовъ. Эта школа находила удовольствіе въ томъ, что возбуждастъ ужасъ и омерзѣніе. Она миновала какъ всѣ глупости, по роду человѣческой идеть впередъ не прямо, а лавируетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, пишеть мыслете, и не удивительно будетъ, если старинныя нелѣпости возникнутъ вмѣстѣ съ длинными таліями.» — «Прекрасно!» сказала съ хохотомъ Авдотья Петровна: «Длинные таліи, какъ на портретѣ покойницы маменьки! Нѣтъ, другъ мой! Иное можетъ воротиться, а ужъ таліи вѣрно не опустятся. Длинные таліи! Какъ это забавно!» — «Ошибаешься, Дуня!» возразилъ Петръ Елисеевичъ: «длинная талія гораздо красивѣе, величественнѣе, пынѣшнихъ вашихъ короткихъ талій, которыя вѣроятно въ скоромъ времени поднимутся еще выше пояса Торжковскихъ мѣщанокъ. Въ мое время дамы и дѣвицы хвалились нѣжностью и стройностью своего стана, которыя при нынѣшней модѣ совершенно пропадаютъ. Какъ прекрасна была моя Вѣрочка въ длинной таліи, въ платьѣ полномъ, просторномъ, съ широкими рукавами, въ серьгахъ съ длинными подвѣсками; на лбу бриліантовая фероньерка; волосы закрученные косою на маковкѣ и на затылкѣ, и шподавшіе спереди по вискамъ; въ нынѣшнемъ же нарядѣ я бы на нее и не посмотрѣлъ. То-то время было!» — Необыкновенно густое облако дыму, вырвавшееся изъ устъ его, измѣнило глубокому вздоху. — Авдотья Петровна, изъ уваженія къ отцу, удерживала смѣхъ, воображая карикатурные наряды тридцатыхъ годовъ. — «Мнѣ кажется, сестрица права,» сказалъ Андрей Петровичъ: «Перечитывая стихотворенія тѣхъ временъ,

я вовсе не вижу, чтобъ красота женская возбуждала восторгъ, питала воображеніе поэтовъ. Въ нихъ видна какая-то странная смѣсь унылости и въ то же время молодечества; что-то дикое, необработанное; какое-то неуваженіе къ читателямъ. И хорошо было только то, гдѣ говорилъ умъ, а не чувство; напирмѣрь басни Крылова. Во всемъ же прочемъ, кромѣ немногихъ исключеній, патяжка и неестественность, безжизненность и презрѣніе къ роду человѣческому. Изъ этого я заключаю, что тогдашнія женщины не могли плѣнять воображенія, занимать сердца поэтовъ. Въ противномъ случаѣ» — «Итъ, другъ мой!» сказалъ отецъ: «не женщины были въ томъ виновны. Я скажу тебѣ на ушко: женщины всегда были и будутъ лучше насъ, и если бѣ мы постарались сравниться съ ними въ чувствѣ прекраснаго, благороднаго, великаго, онѣ поднялись бы еще выше. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы наступило какое-то время недоумѣнія, остановки, перехода въ поэзіи. Словесность прочитала первый томъ, а за второй только что принималась. Все были попытки, начала, неудачные приступы. Отступали, чтобъ разбѣжаться. А предметовъ было довольно!» — «Предметовъ! предметовъ!» сказалъ Черкесь: «предметы всегда есть и будутъ, только бѣ были люди, которые въ состояніи ихъ разглядѣть со стороны поэтической. Великіе поэты, живописцы, скульпторы творили все изъ ничего: самозванцы художники не умѣли извлечь ничего изъ предметовъ самыхъ высокихъ и величественныхъ. Я не поэтъ, а беру съ пайти поэтическую сторону въ чемъ тебѣ угодно. Исполненіе — дѣло другое.» — «Не бейтесь объ закладъ,» сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь: «я знаю предметъ, изъ котораго вы именно не извлечете ничего поэтическаго.» — «А что бы это было такое?» спросилъ Черкесь. — «Предметъ вашей независимости и преслѣдованія: спиртъ, водка, пѣнникъ,

сивуха.» — «Ты правъ, Андрей Петровичъ,» отвѣчалъ Черкесь: «въ этомъ я еще сущій Магометанинъ, и гнушаюсь всѣмъ, что только хотя слегка напоминаетъ этотъ медленный ядъ. Ты правъ — изъ этого предмета я не въ состояніи извлечь ничего поэтическаго. Меня по кожѣ подираетъ, когда подумаю, что въ мѣрѣ существуетъ это питье, что есть люди, которые имъ не гнушаются.» Черкесь поморщился, какъ будто проглотилъ самое отвратительное лекарство.

«А я вамъ скажу,» возразилъ старикъ: «что это ненавистное питье могло бы служить заглавіемъ роману, въ которомъ оно составляетъ завязку.» — «Помните, батюшка!» вскричалъ Черкесь: «романъ, основанный на водкѣ!» — «Точно,» продолжалъ Петръ Елисеевичъ: «скажу болѣе: я знаю романъ, который развязкою своєю обязанъ сивухѣ; еще болѣе: этотъ романъ есть мой собственный, исторія моея любви и женитьбы на вашей покойной тещѣ, моея незабвенной, милой Вѣрѣ Дмитріевнѣ.» — «Что вы, напеченька?» сказала съ недоумѣніемъ Авдотья Петровна: «какъ это возможно? Это невѣроятно.» — «Мало-ли что невѣроятно!» возразилъ старикъ: «а между-тѣмъ сбылось дѣйствительно. Если хотите, если не боятесь соскучиться при разказахъ шестидесятишестилѣтняго старика о любви былыхъ годовъ — я вамъ сообщу исторію моея юности.» — «Съ удовольствіемъ! охотно! сдѣлайте мнѣ милость!» раздалось со всѣхъ сторонъ. — Старикъ выколотилъ докуренную трубку, набилъ ее снова, закурилъ, и началъ разказъ:

«Вы знаете, что я учился въ Московскомъ Университетѣ. Это было около тридцатыхъ годовъ. Я занимался науками усердно и неутомимо, видя въ нихъ единственное средство честно прожить на свѣтѣ. На-

чальные годы моей жизни, моихъ учебныхъ занятій прошли тихо, незамѣтно. Помню только еще, какъ, при появлении въ Москвѣ холеры, которая была тогда болѣзнь неизвѣстная, страшная, опасная, я дежурилъ въ госпиталяхъ съ безопасными моими товарищами; какъ мы преспокойно спали на постеляхъ, лишь только оставленныхъ больными, дѣлились съ ними порціею, даже купались въ ихъ ваннахъ — и первые, сами того не зная, доказали Европѣ незаразительность этой болѣзни. И это время прошло. Я кончилъ науки, выдержалъ экзаменъ на доктора Медицины и Хирургіи, получилъ золотую медаль, воображалъ себя лейбмедикомъ, президентомъ Медицинской Академіи, и Богъ знаетъ чѣмъ. Одинъ мой товарищъ, выпущенный года за два до меня, и получившій выгодное мѣсто въ Петербургѣ, звалъ меня туда. Разумѣется, что я не колебался. Собралъ кое-какъ шестьдесятъ рублей, взялъ мѣсто въ кабриолетъ Петербургскаго дилижанса, и наканунѣ отъѣзда пошелъ къ одному изъ нашихъ профессоровъ, который, за недосугами, не подписалъ еще моего диплома. Я не нашелъ его: въ званіи визитатора частныхъ училищъ былъ онъ на экзаменъ въ одномъ женскомъ пансіонѣ, и такъ какъ испытанія въ наукахъ обыкновенно оканчиваются танцами и вистомъ, то я и долженъ былъ дожидаться его до глубокой ночи. Прочитавъ въ двухсотый разъ великолѣпно напечатанный дипломъ свой, я было задремалъ, и вдругъ разбуженъ былъ чѣмъ-то громкимъ голосомъ. Я раскрылъ глаза: передо мною стоялъ старичекъ въ простой одеждѣ, разстроенный, трепещущій, съ выкатившимся глазами, и дергалъ меня за сюртукъ. — «Не докторъ ли вы?» спросилъ онъ меня страшнымъ голосомъ. — «Докторъ Медицины и Хирургіи,» отвѣчалъ я, протирая глаза. — «Такъ пожалуйста поскорѣе!» закричалъ онъ съ радостью, семь надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу, и потащилъ

за собою. Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ усадилъ меня въ сани, самъ сталъ на запятки, и закричалъ кучеру: пошелъ! Сани полетѣли — я не видѣлъ куда, и чрезъ полчаса остановились въ отдаленной части города, передъ деревяннымъ домомъ. Провожатый мой вытащилъ меня изъ саней, и опрометью повлекъ за собою на крыльцо. «Вотъ онъ! вотъ докторъ!» кричалъ онъ безъ памяти: «Что Вѣра Дмитриевна? жива еще, что ли?» — «Тише, Михенчъ,» сказала ему старушка: «другой докторъ прѣхалъ безъ тебя. Этого не надо!» — «Какъ не надо!» закричалъ Михенчъ жалобно: «не одного, не двухъ, двадцати мало! Матушка ты моя родная, праведная моя, Вѣра Дмитриевна! Не умирай, сударыня!» Слезы въ три ручья полились по лицу старика. — Старушка повела меня въ комнату, тускло освѣщенную одною свѣчею. Больная лежала въ постель, за занавѣсками. У изголовья ея сидѣли почтеннаго виду мужчина и женщина, видно родители ея, въ безмолвной тоскѣ, и смотрѣли на моего профессора, который, въ парадномъ мундирѣ, при шпагѣ, стоялъ передъ больною, и глядѣлъ на нее пристально. При входѣ моемъ въ комнату онъ обратился ко мнѣ: «Это вы, Свѣтиловъ? Какъ вы сюда попали? — Я рассказалъ ему, что сидѣлъ въ его залѣ, и что меня, за его отсутствіемъ, привезли сюда. — «Вене!» сказалъ онъ: «я усталъ до смерти, caïssime! Оставайтесь здѣсь на ночь! Бѣдная страдалница имѣетъ надобность въ скорой помощи и въ неусынномъ понеченіи. Пустите ей четыре чашки крови изъ лѣвой руки, и потомъ давайте прописанное мною, коль скоро принесутъ изъ аптеки. Замѣчайте каждыя четверть часа, что происходитъ, и въ случаяхъ важныхъ записывайте. — Вамъ, молодой человѣкъ, прибавилъ онъ пресеріозно по-Латыни: предстоитъ большое поученіе и наслажденіе. Кадаверъ удивительный. Болѣзнь ея необыкновенная, при-

ключилась скоропостию, и трупоразытію никто противиться не смѣетъ. — Завтра,» сказалъ онъ по-Русски, обратясь къ родителямъ: «въ восемь часовъ утра я прїѣду, а до того времени останется здѣсь господинъ докторъ Свѣтловъ. Будьте благонадежны, почтеннѣйшіе! *Spes in vobis, in Deo exitus.*» Онъ поклонился имъ и съ важностью вышелъ. Мать взяла меня за руку, и подвела къ больной. Я остолбенѣлъ. При слабомъ мерцаніи свѣчи представилось мнѣ существо неземное, невиданное, невообразимое! Дѣвица лѣтъ девятнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ на головѣ чепчикѣ, подвязанномъ розовою лентою, лежала на постель безъ движенія. Глаза ея были закрыты. Черные локоны вырывались изъ подъ кружевной обшивки чепчика. Я вперилъ въ нее глаза, и не зналъ, что со мною дѣлается, гдѣ я, что вижу. Мать замѣтила мое вниманіе. «Не правда ли, она очень худая?» сказала она съ выраженіемъ боязни. «Она?» спросилъ я въ свою очередь: «она? нѣтъ! быть не можетъ!» — «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила оживленная надеждою. — «Богъ милостивъ!» сказалъ я, опомнившись. «Ей должно пустить кровь, по приказанію профессора.» — Какъ изволите! отвѣчала мать. Отецъ подошелъ, чтобъ помочь мнѣ. Я взялъ больную за руку, засучилъ рукавъ ея до плеча — сердце мое сильно забилось. Я мысленно молилъ Бога о твердости. Руки мои дрожали. Я вынулъ изъ кармана готовальню, перевязалъ руку, коснулся ланцетомъ вѣжной жилки, и кровь брызнула. Я чуть было не закричалъ. Операнія кончилась благополучно. Я унялъ кровь платкомъ своимъ, перевязалъ руку, спустилъ рукавъ: наружъ осталась ручка прелестнѣйшее созданіе Природы. Я сѣлъ подлѣ постели, и смотрѣлъ въ прекрасное лицо страдальцы. Волненіе ея начало утихать. Казалось, что она заснула. «Слава Богу!» сказалъ я: «кажется что ей легче.» Лучъ блаженнѣйшаго чувства бле-

снуть въ глазахъ родителей. Видно было, что отцу трудно было не ложиться. «Поди, поди» сказала ему жена: «поди, другъ мой, Дмитрій Степановичъ! успокойся. Мы съ господиномъ докторомъ останемся у Вѣрочки. Заможешь ты, такъ я совершенно пропа-ла.» Старикъ всталъ, перекрестилъ большую, взглянулъ на жену съ выраженіемъ любви и довѣренности, молча пожалъ мнѣ руку, и вышелъ. Я остался при больной одинъ съ ея матерью. Мало-по-малу оглядывая я въ комнату. Въ переднемъ углу вспыхивалъ огонь въ лампадѣ подъ божницею. Все въ комнатѣ было чисто, порядочно, уютно, но не богато, не великолѣпно. Повсему замѣчалъ я, что пахожусь въ домъ купеческомъ. Но болѣе всего обращала на себя вниманіе мое больная. Она лежала неподвижно, блѣдная какъ мраморъ; длинныя черныя рѣсницы измѣняли прекраснымъ глазамъ; поспившья уста были еще прелестны. Грудь ея иногда поднималась, но чаще всего лежала она безъ движенія, и перѣдко устрашенной матери казалось, что любимица ея испустила послѣднее дыханіе. Пощупайте у ней пульсъ, говорила она мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ. Я брался за руку, и успокоивалъ ее. Однажды я какъ то взялъ ее выше кисти, и не дощупался пульса. Видно, искугъ изобразился на моемъ лицѣ. «Такъ нѣтъ пульсу!» закричала мать, забывая, что должно хранить молчаніе. «Ради Бога, пощупайте сердце — если и оно остановилось.....» — Не зная, что дѣлаю, я приложилъ руку къ сердцу больной; оно билось, но я не могъ отнять руки. Каждое бѣненіе этого сердца раздавалось въ моемъ громовыми ударами. Что-жь? спрашивала мать — «Бьется,» сказалъ я, медленно отнимая руку. — Долго не могъ я прійти въ себя, сидѣлъ въ безмолвіи и забытїи, устремивъ глаза на прекрасную страдалницу. Добрая мать, видно, приписывала это вниманіе моему усердію въ исполненіи должности, благодарила

меня взглядами, и не замѣчала, что мнѣ двадцать четвертый годъ отъ роду. Въ комнатѣ господствовала глубочайшая тишина. Только маятникъ столовыхъ часовъ указывалъ теченіе времени. Каждая четверть часа давали мы большой лекарство; каждая четверть часа приближалась минута разлуки. Стало свѣтать. Лучъ солнечный проникъ сквозь бѣлую миткалевую занавѣску. Улица проснулась. Зашумѣло на дворѣ. Съ послѣднимъ ударомъ осьми часовъ, вошелъ мой профессоръ. — «Что больная?» спросилъ онъ. — Я описалъ проведенную ею ночь. Онъ взялъ ее за пульсъ, и покачивая головой, сказалъ мнѣ по-Латыни: «Чудеса совершаются, но не всегда.» Этотъ приговоръ жестоко поразилъ меня. Не зная предшествовавшаго хода болѣзни, не имѣвъ возможности узнать ее теперь, я еще менѣе матери могъ судить о состояніи больной. — «Благодарю васъ, любезный Свѣтловъ!» сказалъ профессоръ: «за исполненіе моей просьбы. Я знаю, вамъ должно сегодня ѣхать. Ступайте съ Богомъ. Я нашелъ у себя дома вашъ дипломъ, подписалъ его и отправилъ къ вамъ. Простите! Желаю вамъ счастливаго пути!» Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я не зналъ, что со мною дѣлается; посмотрѣлъ еще разъ на больную съ горестнымъ чувствомъ, котораго ни описать, ни вообразить не умѣю, поклонился матери, вышелъ изъ спальни. Въ другой комнатѣ встрѣтилъ меня отецъ, и съ страхомъ освѣдомлялся о состояніи дочери. Я отвѣчалъ, что она провела ночь спокойно. Онъ пожалъ мнѣ руку, и вошелъ въ спальню. Въ рукѣ у меня осталась какая-то бумажка. Я развернулъ ее — пять рублей! Огорченный платою, я хотѣлъ было пойти къ нему и возвратить деньги, но опомнился, взглянулъ на окровавленный платокъ, прижалъ его къ губамъ, и бросился изъ дому не помню какъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, преслѣдуемый зрѣлищемъ умирающей Вѣры. Въ волненіи своемъ, въ тос-

къ и недоумѣній, я не догадался спросить при выходѣ изъ дому, у кого былъ, кто больная; не помнилъ даже переулка, въ которомъ стоялъ домъ этотъ. У меня осталось одно воспоминаніе о ней и — окровавленный платокъ. Я былъ увѣренъ, что она умерла. — Встрѣчаясь съ прекрасною, цвѣтущею дѣвицею, я говорилъ про себя: «Такова была Вѣра. И ты, юная дѣва, будешь то, что Вѣра теперь.» — Я вступилъ въ службу въ одинъ гвардейскій полкъ, и жилъ довольно пріятно и весело. Начальникъ у меня былъ человѣкъ умный и добрый. Офицеры полюбили меня и приняли въ свое общество; только, замѣтивъ мою задумчивость и особенное выраженіе унынія, когда я смотрѣлъ на молодыхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, мучили меня вопросами, забрасывали шутками. Я отшучивался, сколько могъ, и наконецъ, видя, что странная моя мизантропія можетъ дѣйствительно повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которые скорѣе повѣрятъ всему, нежели искрѣнному, безкорыстному чувству, рѣшился преодолѣть себя, не отказываться отъ общественныхъ удовольствій, разсѣять свою безполезную тоску въ бесѣдахъ любезной молодежи.

Однажды сговорилось нѣсколько молодыхъ людей (это было въ Августъ мѣсяцъ) поѣхать въ садъ Нѣмецкаго танцклуба, поволочиться за хорошенькими Нѣмочками, побѣсить ревнивыхъ Нѣмцевъ. Я поѣхалъ съ ними. Мнѣ очень нравились эти полусельскіе балы. Въ просторномъ; иллюминированномъ саду гремитъ музыка. Пестрыя толпы расхаживаютъ по аллеямъ. Вокругъ столиковъ, подъ навѣсомъ деревъ, курятъ табакъ, пьютъ чай, ужинаютъ. Въ залѣ танцуютъ. Всѣ веселы, довольны. Наши шалуны, вступивъ въ садъ, забыли о своемъ намѣреніи, и приняли участіе въ общемъ веселіи; нашли тамъ нѣсколько пріятелей во фракахъ, и гуляли съ ними по аллеямъ, любуясь

цветочками изъ Нѣмецкихъ оранжерей, въ Русскомъ климатѣ. Я пріѣхалъ также съ намѣреніемъ повеселиться, и впалъ въ неизъяснимую тоску: чѣмъ болѣе наполнялся садъ, чѣмъ гуще и пестрѣе становились группы миловидныхъ дѣвицъ, тѣмъ мнѣ дѣлалось грустнѣе. Вѣра! Вѣра! шепталъ мнѣ на ухо какой-то таинственный голосъ. Я сидѣлъ на скамьѣ въ самой большой аллѣѣ. Вдругъ замѣчаю, что одна почтенная дама, проходя мимо, поглядываетъ на меня пристально, какъ-будто припоминая стараго знакомца. Прошла она разъ, прошла два раза; все смотритъ и разглядываетъ. Что бы это значило? Наконецъ, проходя въ третій разъ, она остановилась, сказала спутницамъ своимъ, чтобъ онѣ шли далѣе, и подошла ко мнѣ. — «Если я не ошибаюсь,» сказала она боязливо: «вы господинъ докторъ Свѣтиловъ?» — «Такъ точно, сударыня!» сказалъ я, вставъ съ скамейки. — «Не беспокойтесь,» возразила она: «я къ вамъ присяду!» и съ этимъ словомъ сѣла она подлѣ меня. — «Вашъ военный мушкетиръ,» сказала она учтиво: «немного сбилъ меня съ толку; но я слишкомъ хорошо васъ помню.» — Мнѣ она была совершенно незнакома. Я старался припомнить черты лица ея. — «Извините, сударыня,» сказалъ я наконецъ: «я не имѣю чести...» — «Это приноситъ честь вашему усердію къ своему дѣлу» сказала она съ пріятною улыбкою: «вы такъ занимались больною, что и не взглянули на здоровую. Помните ли вы, въ Москвѣ, прошлаго года, зимою вы пользовались дочь мою...» — «Вѣру... Вѣру...» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Точно, Вѣру Дмитріевну.» — «И она...» сказалъ я, смущенный веселымъ тономъ матери. — «Слава Богу, выздоровѣла!» — Камень свалился съ моего сердца. Я не могъ удержать слезъ своихъ, взялъ руку доброй матери, и покрылъ ее поцѣлуями. — «Милый, любезный докторъ!» говорила она, утирая слезы: «какъ мнѣ пріятно видѣть въ васъ такое со-

страданіе. Счастливы тѣ, которыхъ вы пользуете! Не повѣрите, какъ я рада, что нашла васъ. Мой добрый Дмитрій Степановичъ, по манеру, къ которому онъ привыкъ въ Германіи, заплатилъ вамъ за визитъ, какъ платятъ какому нибудь ремесленнику. Мнѣ было крайне совѣстно. Я натвердила Вѣрнцкѣ, что она пменно вашему попеченію объ ней обязана своею жизнью. Лишь только вы ушли, съ нею сдѣлался кризисъ, и она была спасена.» — «Нѣтъ, сударыня!» — сказалъ я ей: «не моимъ стараніямъ обязана она сохраненіемъ дней своихъ. Нѣтъ врача въ мірѣ, который могъ бы замѣнить хоть въ сотую долю попеченія матери. Я только скорбѣлъ о ней, а помочь ей не могъ.» — Я не зналъ, какъ спросить ее, гдѣ теперь Вѣра, что она дѣлаетъ, какъ онъ очутился въ Петербургѣ. Словоохотная дама предупредила меня. Съ длиннымъ предисловіемъ и безконечными вставками и эпизодами, она рассказала мнѣ, что мужъ ея, Дмитрій Степановичъ Коробовъ, купецъ, бывшій комисіонеръ нѣкоторыхъ Петербургскихъ негодіантовъ по внутренней торговлѣ, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ; что у него много дѣлъ и непріятностей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, но о главномъ предметѣ, объ одномъ, что меня интересовало и мучило — ни слова. Я воспользовался минутою, когда она понохала табаку, чтобъ прервать нить ея повѣсти — «Такъ Вѣра Дмитриевна совершенно выздоровѣла!» — Слава Богу! слава Богу! вы сами въ томъ удостовѣритесь! Да вотъ и она. Вѣрнцка, душа моя! поди сюда на минуточку.» Отъ шеренги проходившихъ мимо насъ, разряженныхъ дѣвицъ отдѣлилась одна, и подошла къ намъ. Я взглянулъ на нее. Предо мною стояла, во всей полнотѣ жизни, юности и красоты, та самая, которую я воображалъ тлѣющею подъ гробовымъ камнемъ. «Вотъ, другъ мой!» — сказала мать: «Богъ услышалъ мои молитвы. Вотъ тотъ молодой докторъ, которому ты обязана жизнью.»

— «Помилуйте,» сказалъ я въ смущеніи. Вѣра обратила на меня глаза съ такимъ выраженіемъ, какого я не могъ вообразить. — «А онъ, подумай Вѣрочка, онъ ничего не помнитъ; онъ было совершенно забывалъ.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, извините!» сказалъ я поспѣшно, и вынулъ изъ-за пазухи платокъ, который съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, сопровождалъ меня повсюду. Не помню въ точности, что за тѣмъ послѣдовало; только я познакомился съ Вѣрою; онъ пригласилъ меня къ себѣ; отца не было на балъ, но онъ увѣряли, что мое посѣщеніе будетъ ему пріятно. Между-тѣмъ въ саду становилось сыро и холодно — онъ раскланялся со мною; я проводилъ ихъ до каретъ. Последнимъ словомъ Вѣры было: «Не забывайте насъ! сдержите слово!» — Я воротился къ товарищамъ, сидѣвшимъ за ужиномъ. Они видѣли меня въ бесѣдѣ съ дамами, и стали шутить надо мною. Но какъ они удивились, замѣтивъ совершенное во мнѣ перерожденіе. Скромный, тихій, молчаливый Свѣтловъ сдѣлался веселымъ, развязнымъ, шумнымъ, чуть не буяномъ. Шампанскаго! закричалъ я такимъ громкимъ голосомъ, что изъ двадцати угловъ слышались восклицанія испуганныхъ Нѣмокъ: Ach, Herr Jesus! Ужинъ проведенъ былъ съ шумными изліяніями и возліяніями. Что сдѣлалось съ нашимъ Эскулапомъ! спрашивали офицеры. Эскулапъ былъ въ третьемъ небѣ: Вѣра, прекрасная Вѣра жива; Вѣра здѣсь; я увижу Вѣру!

На другой день я отыскалъ семейство Коробова, и былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной. Дмитрій Степановичъ былъ человекъ добрый, умный, степенный, образованный. Онъ служилъ долгое время въ Петербургской конторѣ одного богатаго Англійскаго купца, ѣздилъ за коммерческими дѣлами по разнымъ странамъ Европы, приобрѣлъ много познаній,

опытности, умѣнья жить въ свѣтъ, но не пріобрѣлъ главнаго — денегъ; поступалъ по правиламъ строжайшей честности, каждую хозяйскую копѣйку считалъ священной, а тѣмъ, что пріобрѣталъ самъ по расположенію и дружбѣ своего хзяина, дѣлился съ бѣдными земляками. Жена его, Авдотья Яковлевна, была предобрая женщина, привѣтливая, веселая, словоохотная — величайшимъ свидѣтельствомъ любви ея къ дочери было то, что она промолчала цѣлую ночь у постели больной. А дочь — это была ваша добрая мать, моя незабвенная жена, съ которою я прожилъ счастливо, какъ въ раю, тридцать четыре года, которою не перестану оплакивать до новаго свиданія съ нею.»

Петръ Елисеевичъ умолкъ, и утеръ слезу. Дѣти молчали также, объятые чувствомъ горестнаго воспоминанія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ и продолжалъ:

«Не много нужно было времени, чтобъ познакомиться въ этомъ почтенномъ семействѣ. Мнѣ казалось, что я, дотомъ сирота безродный и безпріютный, пашель своихъ, родныхъ. Тоскливые, бурные порывы во мнѣ утихли. Вѣра, убѣжденная въ томъ, что мнѣ обязана спасеніемъ жизни, обходилась со мною, какъ съ братомъ. По ея примѣру, я началъ называть ея родителей батюшкою и матушкою. И эта связь была такъ чиста, благородна, безкорыстна, что я и не воображалъ влюбляться въ Вѣру, не думалъ, что могу, что долженъ на ней жениться. Такъ быть должно! думалъ я, благодаря Провидѣніе, которое привело меня къ моимъ роднымъ.

Такъ быть должно! думаетъ человекъ. Не такъ! возражаетъ строгая судьба. Дмитрій Степановичъ зашмался въ то время дѣлами одного богатаго откуп-

щика, Рысина, человека жаднаго, недобрычаго, жестокаго, который обижалъ и оскорблялъ всѣхъ своихъ товарищей, помощниковъ и комисіонеровъ, и темнаго еще щадилъ Коробова, имѣя въ немъ необходимую нужду. Почтенный Дмитрій Степановичъ перѣдко приходилъ домой къ обѣду, разстроенный, печальный, убитый. Видно было, какъ трудно ему служить орудіемъ жестокосердію и жадности. Привѣтливость жены, ласки дочери, участіе темныхъ друзей, посѣщавшихъ его, едва могли разсѣять облака унынія на челѣ его. Самого Рысина я не зналъ и никогда не видалъ; вмѣсто его, являлся иногда сынъ его, Иванъ, Русскій Ванька-Канька, воспитанный въ Англій. Онъ былъ одаренъ отъ Природы умомъ и паружнымъ благообразіемъ; но честь, совесть, сердце замѣнялись въ немъ спѣсью, корыстолюбіемъ и гнуснѣйшимъ развратомъ. Въ Англій усовершенствовались онъ свои природныя способности и дарованія, и, главное, научился скрывать ихъ, казаться благороднымъ, великодушнымъ, сострадательнымъ. Являясь къ Коробову по порученіямъ отца своего, сначала онъ обращался съ нимъ грубо и дерзко, какъ съ наемникомъ, но увидѣвъ печально Веру, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе, и старался втереться въ домъ того человека, котораго презиралъ въ душѣ своей, какъ бѣднаго плота, сотвореннаго для исполненія приказаній и прихотей богача. Онъ сталъ часто ѣздить къ Коробову. Всѣхъ болѣе была ему рада Авдотья Яковлевна: она воображала въ немъ женуха своей Вѣрочки. Вѣра принимала его ласково и привѣтливо: предъ ними онъ послѣ маску человека благороднаго, честнаго, учтиваго. Старикъ только терпѣлъ его, не имѣя возможности выпроводить этого пезванаго гостя. Страдалъ одинъ я. При первомъ появленіи Ивана Кузьмича Рысина въ домъ Коробовыхъ, я почувствовалъ, какъ

будто ударъ въ сердце, котораго не могъ себѣ истолковать, сколько ни рылся въ Физиологін. Я замѣчалъ его ухаживанье за Вѣрою Дмитріевною, его угодливость Авдотѣ Яковлевнѣ; замѣчалъ и ихъ неравнодушіе къ нему. Передо мною, бѣднымъ полковымъ лекаремъ, онъ не считалъ нужнымъ скрываться, да если бъ и хотѣлъ, то конечно бы не успѣлъ въ томъ. Любовь зорка. Да, любовь! При первомъ пріспятствіи, при первомъ движеніи ревности я узналъ, какъ называется чувство, которое привязываетъ меня къ Вѣрѣ. Жестокое состояніи! Я видѣлъ Ивана Кузьмича насквозь. Природа создала его красавцемъ, но впалыя щеки, синета подъ глазами, сильный голосъ измѣняли слѣдамъ дурнаго поведенія. На кончикѣ его носа зардѣлось уже красенькое пятнышко, обѣщавшее вскорѣ покрыть все лице малиновою мантиею — мундиромъ записныхъ пьяницъ. Но онъ былъ очень остороженъ, и никогда не являлся къ дамамъ тотчасъ послѣ объѣда. — Мои мечты начали разсвѣтаться. Вѣра Дмитріевна была со мною ласкова, дружелюбна, пріятлива по-прежнему, но иногда замѣчалъ я, что въ бесѣдѣ со мною, она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ передней, какъ будто ожидая чьего-то пріѣзда, и обманувшись въ этомъ ожиданіи, долго не могла оправиться. Авдотья Яковлевна подняла тонъ цѣлою октавою выше. Одинъ Дмитрій Степановичъ не измѣнялся: онъ зналъ, какъ опытный торговый человекъ, цѣну этому негодяю. Я рѣшился мало-по-малу оставить ихъ домъ. Больно было моему сердцу покинуть Вѣру; но меня поддерживало оскорбленное самолюбіе. Я сынъ честныхъ родителей, самъ полезный членъ общества; знаю наизусть Цицерона и Виргилія, читалъ въ подлинникѣ Гомера и Демосоена, понимаю Канта, Фихте, Шеллинга и Окена; докторъ Медицины и Хирургин; спасъ жизнь и возвратилъ здоровье десяткамъ, сотнямъ

полезныхъ людей; еще недавно сдѣлалъ такую операцію, что самъ нашъ лихой Илья Васильевичъ Буляльскій ахнулъ отъ удивленія, (а его бывало удивить трудно!), представленъ къ слѣдующему чину и къ кресту — и долженъ уступать мѣсто негодлю, пьяницѣ, развратнику, который чванится тѣмъ, что отецъ его наградилъ милліоны при подрядахъ, а самъ онъ выучился въ Лондонѣ лаять по-Англійски! — Я сталъ ходить къ нимъ рѣже и рѣже — а онъ этого и не замѣчали! — Однажды явился я къ нимъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, и нашелъ весь домъ въ какомъ-то смущеніи и разстройствѣ. Авдотья Яковлевна молчала. Вѣра Дмитріевна, сидя за пальцами, едва поднимала глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ. Дмитрій Степановичъ былъ спокойнѣе прочихъ. Онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ, и разказалъ причину этого общаго огорченія. За недѣлю до того сидѣлъ онъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ за работою. Въ третей комнатѣ, гдѣ были жена и дочь его, послышалось ему, раздавался какой-то необыкновенный шумъ. Онъ всталъ и пошелъ туда. У нихъ былъ Иванъ Рысинъ въ положеніи человека, лишь только вышедшаго изъ-за Англо-Россійскаго обѣда. Вѣра, трепеща, прижалась въ уголъ комнаты. Авдотья Яковлевна умоляла его отправиться домой. Рысинъ замахнулся на нее въ то самое мгновеніе, когда мужъ ее входилъ въ комнату. Дмитрій Степановичъ схватилъ его за руку выше локтя, и не говоря ни слова, вывелъ въ переднюю, въ сѣни, и столкнулъ съ крыльца. «Я отмачу тебѣ, мерзавецъ!» кричалъ Рысинъ, вскарабкиваясь на ноги.

Негодяй былъ узнанъ и изгнанъ изъ дому, но не трудно было предвидѣть, что это происшествіе повлечетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія.

Дмитрій Степановичъ на другой же день написалъ старику Рысишу, что по обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ его домъ, и просилъ принять бывшія у него на рукахъ письменныя дѣла и деньги. — Рысинъ разсердился, не хотѣлъ было отпустить хорошаго помощника, но видя его непреклонность, согласился, рѣшась въ то же время жестоко отомстить ему. Дмитрій Степановичъ, извѣстный во всемъ Петербургскомъ коммерческомъ мѣрѣ своею честностью, исправностью и познаніями, не затруднялся принсканіемъ хорошаго мѣста: и самъ Баронъ Штиглицъ охотно взялъ бы его въ свою контору.

Мало-по-малу утихла тревога, причиненная въ домъ Коробова дерзкимъ поступкомъ Ивана Рысина; все пришло въ прежній порядокъ. И Вѣра Дмитріевна, и Авдотья Яковлевна стыдились въ душѣ предпочтенія, которое оказывали недостойному человеку. Я представился, что ничего не замѣчаю, и въ короткое время это непріятное происшествіе было совершенно забыто. Опѣ были, по старому, ласковы и дружелюбны со мною. Любовь къ Вѣрѣ возникла въ моемъ сердцѣ съ прежнею силою: я чувствовалъ, что съ нею одною могу быть счастливъ, и рѣшился непременно на ней посвататься, увѣренный, что и она ко мнѣ не равнодушна.

Между-тѣмъ злоба и месть не дремали. Иванъ Рысинъ смелъ отцу своему сказку о дерзкомъ поступкѣ съ нимъ Коробова, и они вмѣстѣ составили заговоръ, погубить его. Старикъ Рысинъ, знавшій, что Дмитрій Степановичъ принужденъ былъ войти въ долги отъ слѣдствій какого-то заморскаго банкротства, купилъ одинъ его вексель, и подарилъ его сыну, а тотъ подалъ его ко взысканію. Я былъ у Коробова, когда явился квартальный надзиратель съ предписаніемъ.

пiемъ взыскать съ него двадцать тысячъ рублей, и въ случаѣ неплатежа, описать его движимое имѣнiе, а самого отправить въ тюрьму. Все семейство было въ ужасъ, въ отчаянiи. Сроку дано было двадцать четыре часа. Въ первый разъ отъ роду возроптавъ-было я на судьбу, не надѣлввшую мнѣ богатствомъ. Весь день проиель въ составленiи разныхъ плановъ, но ни одинъ не былъ удобенъ въ исполненiи, ни одинъ не велъ къ цѣли. Вечеромъ получено было по городской почтѣ письмо руки Ивана Рысина, безъ подписи: оно еще увеличило общее отчаянiе и огорченiе, но во мнѣ родило искру надежды. Гнусный этотъ человекъ писалъ Дмитрiю Степановичу, что мститъ за горькую обиду, нанесенную ему въ домъ, куда онъ былъ заманенъ разными хитростями; что соглашается на отсрочку уплаты, если и отецъ, и мать, и дочь признаютъ себя виновными въ дурномъ съ нимъ обращенiи, и станутъ просить у него прощенья; что онъ рѣшится даже вовсе уничтожить долгъ, если они, послѣ этого примиренiя, примутъ его опять, по прежнему, въ свосмъ домъ. Эта дерзость вывела меня изъ терпѣнiя, но въ то же время я увидѣлъ средство изобличить Рысина въ личной его злобѣ на бѣднаго должника, и ослабить дѣйствiе взысканiя. Простодушный жрецъ чистой матери Природы — я прошель Философию и Медицину; а не заглядывалъ въ лабиринтъ Юриспруденцiи: я не зналъ правила, что гдѣ рука, тутъ и голова! — Я сообщил мое замѣчанiе Дмитрiю Степановичу и его семейству. Они также, особенно женщины, оживились надеждою. Я взялся быть ихъ адвокатомъ; объявилъ, что имѣю друзей, товарищей университетскихъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ Сенатѣ, и что завтрашняго же числа утромъ приведу въ движенiе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ законошниковъ. Я говорилъ съ такимъ жаромъ, что до слезъ тронулъ добраго Дмит-

рія Степановича. «Благородный человек! сказалъ онъ: «возможно ли такое состраданіе къ бѣдѣ семейства, вамъ почти совершенно чуждаго!» — «Да я еще ничего не сдѣлалъ!» отвѣчалъ я печально. — «Все равно!» возразилъ онъ: «все же вы мнѣ истинный другъ и благодѣтель! Удастся или не удастся — это въ волю Божіей, но въ вашемъ сердцѣ судьба моя уже рѣшена. Чѣмъ могу возблагодарить васъ?» — Я взглянулъ на Вѣру. Она потупила наполненные слезъ глаза, и покрасѣла. — «Понимаю!» сказалъ Дмитрій Степановичъ: «понимаешь ли и ты, другъ мой, Авдотья Яковлевна?» — «Давно поняла!» отвѣчала она, утирая глаза. — Сбющіе слезами радостию пожнуть!» возгласилъ онъ, соединяя наши руки.

Я оставилъ ихъ поздно, а въ какомъ состояніи, описать не умѣю. Это было смѣшеніе всѣхъ горестныхъ, всѣхъ радостныхъ чувствъ, растворившихся наконецъ въ одной общей, неизглаголанной молитвѣ предъ Богомъ-сердцевѣдцемъ. Я не ложился спать. На другой день отправился къ должности, въ госпиталь, отпортовалъ полковому командиру; потомъ надѣлъ фракъ, и полетѣлъ въ Сенатъ отыскивать товарищей-правовѣдцевъ. Въ то время Сенатъ только что былъ переведенъ въ новое зданіе. Я вошелъ въ нижнія стѣны; народу множество. Вошелъ на крыльце, потомъ отправился въ комнату направо, тамъ налѣво, и наконецъ въ большую залу. Вездѣ толнится народъ всякаго разбора, племени и чина. И отставные всеиные и купцы, и помѣщики и жиды, все это движется, шепчетъ, толкуеть, охаетъ, присвистываетъ. Чиновниковъ сенатскихъ не видать нигдѣ. Что это за суматоха? спросилъ я у одного незнакомаго мнѣ человека. «Какъ, сударь? вы не знаете, что теперь идутъ торги о вишномъ откупѣ! Это все кандидаты въ банкиры или въ банкроты.» — «Покоривѣше благодарю за наставле-

ніе, »сказалъ я, пробираясь сквозь густую толпу, и самъ не зная куда. Если бъ я не былъ въ тревогѣ, въ отчаяніи, какую занимательную картину могъ бы составить изъ того, что въ этотъ день привелось мнѣ видѣть и слышать! Весь дѣйствующія лица этой трагикомедіи играли роль свою превосходно, натурально, отчетливо, усердно. Я пробрался до мѣста присутствія. Секретарь возглашалъ наименованія городовъ, и сколько кто за нихъ даетъ. Слыша объявленіе: за городъ Череновецъ четыреста тысячъ даетъ такой-то! я говорилъ въ умъ: только бы двадцатую долю — и бѣднѣй Коробовъ спасенъ отъ стыда и разоренія. Я стоялъ, выналивъ глаза, разинувъ ротъ, и жадно слѣдилъ за объявленіями. Одинъ изъ торгующихся, дѣтина толстый и высокій, въ венгерскъ со шнурками, сталъ въ меня вглядываться, и наконецъ спросилъ довольно грубо: «А вы, сударь, зачѣмъ сюда пожаловали?» — Этотъ дерзкій вопросъ разсердилъ меня. «Какая вамъ нужда!» сказалъ я смѣло: «за тѣмъ вѣроятно, за чѣмъ и вы.» — Онъ пріутихъ, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ учтиво за руку, и отвелъ къ окну. «Извините мой нескромный вопросъ!» сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «Мы все теперь, какъ на горячихъ угляхъ. Сдѣлайте милость, не мѣшайте намъ.» — «Страшно!» возразилъ я: «почему жъ именно я вамъ мѣшаю!» — «Полно-те, полно-те!» продолжалъ онъ съ принужденною улыбкою: «Къ чему тутъ окончности? Компанія наша покорнѣйше проситъ васъ не торговаться сегодня. Завтра, сколько вамъ угодно. Возьмите, вотъ двадцать пять тысячъ рублей, и ступайте съ Богомъ.» Съ симъ словомъ онъ сунулъ мнѣ въ руку толстый пакетъ. — «Помилуйте?» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Неужели этого мало?» спросилъ онъ со страхомъ. «Вѣрьте Богу, мы въ убытокъ будемъ! Теперь пожалуйте!» Онъ взялъ меня подъ руку, вывелъ изъ залы, свелъ съ крыльца, и сказалъ: «Честное сло-

во, что вы сегодня не будете торговаться?» — «Честное слово, по позвольте...» — «Кончено, сударь! и имью ваме честное слово. Прощайте!» — Въ стняхъ сторожъ подалъ мнѣ пинцель, и я съ трудомъ отыскалъ въ карманъ гривешникъ, ему на водку. На улицъ развернулъ я пакетъ: въ немъ было сто билетовъ Казначейства, повенькихъ, свѣженькихъ, свѣтленькихъ! — Въ изступленіи радостнаго восторга сълъ я на извозчика, и велѣлъ гнать въ Гороховую улицу, гдѣ жилъ Коробовъ. Не помню, какъ я туда прѣхалъ, какъ взошелъ на крыльцо. Въ передней ноги у меня подкосилась: я упалъ на стулъ. Вдругъ слышу несущійся изъ комнаты голосъ оцѣнщика: «Комодъ краснаго дерева, съ бронзою, съ тремя выдвигными ящиками, весьма подержанный, оцѣнка двадцать рублей!» Я вскакиваю съ изступленіемъ, отворяю дверь и кричу: «Стой! все кончено, вотъ деньги!» Съ симъ словомъ подаю я мой пакетъ Дмитрію Степановичу. «Что это!» спросилъ онъ. — «Это деньги, въ уплату по векселю; я досталъ, я занялъ; только удовлетворите этихъ господъ.» Надзиратель подошелъ учтиво, принялъ деньги, отдалъ вексель съ распискою, и хотѣлъ уйти. «Куда, сударь!» спросила Авдотья Яковлевна, по уплатѣ долга почувствовавшая все свое достоинство: «Умѣли вы разстроить все въ домъ, свалили въ кучу и мебель, и посуду, и платье. Теперь извольте поставить все на прежнее мѣсто.» — «Справедливо, сударыня!» отвѣчалъ квартальный, и приказалъ своей командѣ все уставить и прибрать какъ было. — «Теперь извольте идти, куда угодно,» сказала она: «и кланяйтесь Кузьмѣ Ерофенчу.» — «Не премину!» отвѣчалъ надзиратель съ низкимъ поклономъ, и отправился по принадлежности.

Когда мы остались одни, старикъ приступилъ ко мнѣ съ распросами, откуда я досталъ деньги. Не знаю,

почему, мнѣ совѣстно было сказать правду. Я отвѣчалъ, что мнѣ далъ ихъ въ займы одинъ старый пріятель, университетскій товарищъ. Благодареніямъ не было конца. Остальныя пять тысячъ опредѣлилъ я на обзаведеніе своего дома и на свадьбу.

Между-тѣмъ мнѣ все казалось, что я пріобрѣлъ эти деньги не честнымъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы объявить незнакомцу, кто я, зачѣмъ пришелъ въ Сенатъ, и тѣмъ отклонить его предложеніе. Но тогда погнѣбло бы семейство друзей моихъ!—Случалось ли вамъ замѣчать, друзья мои, что такія мысли о дѣйствительномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ, о настоящей цѣнѣ вещей въ мірѣ, возникаютъ въ душѣ нашей чаще всего въ часы тишины и уединенія? Такъ бываетъ со мною. По утрамъ, въ тѣ минуты, когда душа, отдохнувъ отъ вчерашнихъ заботъ, еще не отуманилась своекорыстными мыслями о житейскихъ попеченіяхъ, не уступила еще власти надъ собою вельніямъ нужды и необходимости, я здраво, чисто и совѣстно помышляю о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ. Такимъ образомъ въ одно утро, сидя за чаемъ, думалъ я о присвоеніи въ Сенатѣ, и упрекалъ себя въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вдругъ входитъ денщикъ и докладываетъ мнѣ, что меня просятъ пожаловать поскорѣе къ одному больному. Я одѣлся паскоро, сѣлъ въ присланную за мною прекрасную карету, и пріѣхалъ въ великолѣпный домъ какого-то отставнаго полковника Трепетова. Самъ хозяинъ, объявилъ мнѣ, вдругъ занемогъ опасно. Меня ввели въ темную спальню. Кто-то лежалъ въ постели, и охалъ. — «Что съ вами сдѣлалось, сударь?» спросилъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за руку. Жаръ въ немъ былъ необыкновенный. — «Отъ сущихъ пустяковъ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Вообразите! вчера мы, на радостяхъ, съ добрыми пріятеля-

ми, роспили ящикъ шампанскаго. Кажись не впервые, а теперь такъ схватило, что я думалъ Богу душу отдать. Проклятый Рыснъ!» — Голосъ больнаго казался мнѣ знакомымъ. Имя Рысина еще болѣе возбудило мое любопытство. Я прописалъ ему что нужно было, и далъ нѣсколько совѣтовъ, увѣряя, что это пустое и скоро пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ» отвѣчалъ онъ: «а теперь смертельно голова болитъ.» — «Видно, радость была большая?» спросилъ я. — «Да, не часто удастся такъ повеселиться. Мы съ пріятелями, во-первыхъ, успѣли взять превыгодно нѣсколько городовъ на откупъ; во-вторыхъ, посадили одного разбойника въ петлю. Не слыхалиль вы объ Рыснѣ?» — «Какъ не слыхать!» — «Этотъ злодѣй хотѣлъ надуть насъ на триста тысячъ, да мы Кузьму подкузьмили. Онъ самъ заплатилъ двѣсти, чтобъ только отвязаться. Впрочемъ и намъ стало это не дешево. Двоимъ дали по двадцати пяти тысячъ, чтобъ отстали. Ой, батюшки! рѣжетъ! ой, проклятый Рыснъ! — Такъ мы, сударь, вчера по этому случаю старинку вспомнили.» — Тутъ узналъ я голосъ моего сенатскаго благодетеля. Онъ, въ темной комнатѣ, не могъ различить меня, да и возможно ли было бы подумать, что дерзкій торгашъ на откупа, и смиренный полковой лекаръ одна и та же персона? — Увѣривъ моего пациента, что его болѣзнь не опасна и скоро кончится благополучно, я поспѣшилъ убраться. — На совѣсти у меня отлегло: деньги, которыми я помогъ моему будущему тестю, вышли изъ сундука его злодѣя и губителя!

«Вотъ мой романъ, любезныя дѣти! Вы конечно прежде этого знали нѣкоторыя его подробности; но вполнѣ, кажется, я рассказалъ его вамъ теперь въ первый разъ.»

«Покорнѣе благодаримъ васъ, батюшка!» сказалъ Андрей: «но я все ждалъ, что дѣло дойдетъ до водки, до сивухи, какъ вы обѣщали.»

«А развѣ ея не было!» спросилъ Петръ Елнссевичъ: «на что же торговались въ Сенатѣ? за что же дали мнѣ двадцать пять тысячъ? Не будь сивухи, не было бы и развязки моего романа.»

«Оно такъ,» возразилъ Андрей: «однако я не желалъ бы называть романа этого гнусными именами водки или сивухи.»

«Придумай ему другое названіе, а дѣло останется то же.»

«Какъ назывались деньги, которыя получали торгующіеся за уступку своего права?»

«Это называлось *отсталое*,» отвечалъ отецъ.

НИКОЛАЙ ГРЕЧЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА МУЖА.

=

— Не лзя ли попросить у васъ позволенія, милостивыя государыни, взглянуть на этотъ листъ? сказалъ графъ Рошбель женѣ своей и ея пріятельницамъ, помогавшимъ ей составлять списокъ приглашеній для наступающаго бала.

— Мы только-что хотѣли представить его на ваше разсмотрѣнiе, отвѣчала графиня Рошбель, голосомъ, котораго боязливость, казалось, не соответствовала ласковому вопросу ея мужа.

— А зачѣмъ ему показывать? вскричала г-жа Деверрьеръ, молодая вѣтреница, которая всегда проповѣдовала бунтъ и возмущеніе противъ власти мужей: зачѣмъ показывать ему списокъ? Какъ-будто онъ не можетъ положиться на насъ въ выборѣ гостей, которые пожалуютъ къ нему въ домъ? Главное, чтобъ имѣть какъ можно больше хорошенькихъ и со вкусомъ одѣтыхъ женщинъ, прекрасныхъ и ловкихъ танцоровъ; да побольше старыхъ князей, молодыхъ писателей, двухъ или трехъ поэтовъ, и Тольбека прежде всѣхъ.

— Да въ этомъ числѣ, душа моя, возразила старая маркиза Дорбессонъ: могутъ случиться люди весьма дурнаго тона и дурно образованные. Куда тебѣ, въ твой лѣта, умѣть составить бальное общество! Ужъ оставь этотъ трудъ намъ, старухамъ. Не потому, что я его воспитала, но надо сказать правду, — мой племянникъ извѣстенъ въ Парижѣ за челоуѣка, знающаго приличія и людей, какъ не лзя лучше.

— Много чести, тетушка! подхватилъ г. Рошбель: я не довольно хорошо воспользовался вашими наставленіями, чтобы постичь во всей тонкости искусство составить общество только изъ такихъ людей, которые бы другъ другу нравились, и о которыхъ бы не лъзя было сказать ничего худаго.

— Надо бы вамъ быть колдуномъ, чтобъ до этого достигнуть! вскричала г-жа Деверрьеръ: да еще Богъ знаетъ, какъ такое общество было бы скучно и несносно!

— Мы только прибавили нѣсколько человекъ къ числу добрыхъ пріятелей, посѣщающихъ насъ обыкновенно; и вы очень насъ обяжете, если объявите намъ откровенно, хорошъ ли нашъ выборъ, или нѣтъ, сказала графиня Рошбель, передавая списокъ своему мужу.

— Не терплю такихъ снисхожденій! вскричала г-жа Деверрьеръ, съ досадой. Въ самомъ дѣлѣ, милая Албертина, если твой мужъ самъ за себя не вступится, ты кончишь тѣмъ, что сдѣлаешь его смѣшнымъ въ глазахъ общества своею неумѣстною покорностію, и этимъ печальнымъ видомъ, этимъ почти дрожащимъ голосомъ, когда ты съ нимъ говоришь. Если бъ мы его не такъ хорошо знали, мы бы имѣли все право почитать его вторымъ Отелло.

— Ха, ха, ха! прекрасная шутка! вскричалъ графъ Рошбель, захохотавъ такимъ хохотомъ, который не сообщился никому. Изъ всѣхъ вымысловъ, клеветующихъ на честнаго человека, согласитесь, эта клевета была бы для меня самая неопасная: не правда ли, сударыня? Я ревнивъ! я? Да гдѣ вы нынче найдете ревниваго мужа? Скажите. Я думаю, никто въ свѣтъ не имѣетъ столько духу, чтобъ быть смѣшнымъ до такой степени.....

— Вы правы, тысячу разъ правы! прервала г-жа Деверрьеръ: и притомъ, ревность мужа ни къ чему не служить. Онъ мучить жену, а его мучить весь міръ; всь, наперерывъ, ищутъ бѣснть его. Замѣтилиль вы, какъ на балъ у маркизы Ж*** всь старались водить и удерживать г-на П*** въ той залъ, гдѣ не было жены его? И это дѣлалось изъ челоувѣколюбія, — чтобъ дать ей время поговориться съ молодымъ Камилломъ Нелисенъ. Какъ смѣялись надъ его безпокойствомъ и усиліями вытащить жену съ бала! Лишь только, преодолевъ всь препятствія, онъ могъ добраться до своей дражайшей половины, вотъ сталъ повторять ей разъ десять на всѣхъ языкахъ, что наканунъ она была нездорова, что ей вредно быть долго на балъ, что ей пора ѣхать, что онъ увѣренъ въ ея согласіи ѣхать, что если она не поѣдетъ, онъ не ручается за ея здоровье. Думая, что убедилъ ее своими разсужденіями, онъ вышелъ въ переднюю, велѣтъ подавать карету, а она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы снова танцовать съ Камилломъ: какъ всь наслаждались его изумленіемъ, когда, по возвращеніи своемъ въ залу, онъ нашель жену во власти несноснаго соперника, галопирующую до упаду съ глазами блестящими отъ удовольствія, и отвѣчающую самыми лестными улыбками на сладкія рѣчи, которыя шумъ оркестра допускалъ только до ея ушей! Увѣрю васъ, что это была самая забавная комедія.

— Крайне сожалю, что мнѣ не удалось быть на этомъ представленіи, возразилъ графъ Рошбель съ язвительною улыбкою: нынче такіа зрѣлища становятся очень рѣдки. Не понимаю, какъ г-нъ П*** могъ предаться такой непростительной слабости!... Тѣмъ болъе, что жена его употребила, по моему мнѣнію, всь средства, чтобъ умѣрить ревнивую его нѣжность.... Извините меня, сударыни, но, по истинѣ, надо быть страст-

нымъ обожателемъ дамъ, чтобъ находить васъ еще прелестными послѣ галона. Видѣть, какъ безбожно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, трясутъ васъ самымъ невыгоднымъ образомъ для красоты вашей и вашего наряда; видѣть, какъ васъ грубо перебрасываютъ изъ рукъ въ руки, безъ всякой пощады; видѣть ваши пылающія лица, ваши волосы въ беспорядкѣ, виски облитыя потомъ, всю одежду вашу измятую, васъ самихъ почти безъ дыханія и безъ силъ; видѣть это все, и.... Право, падо имѣть очень дурной вкусъ, или быть влюблену до безумія, чтобъ дорожить еще женщиною, которую чужой мужчина приведетъ ко мнѣ въ такомъ видѣ!

— Въ этой сатирѣ, я ничего не принимаю на свой счетъ, возразила г-жа Деверрьеръ: потому что я никогда не танцую галона.

— О женщины! вскричалъ графъ Рошбель: вы всегда умѣете быть правы.

Всѣ засмѣялись, кромѣ графини Рошбель, которая слишкомъ хорошо понимала, что наставленіе ея мужа относилось къ ней одной.

— Да, кстати! продолжалъ графъ: мы заговорили объ этомъ танцѣ, который обратилъ наши бальныя залы въ манежи: я долженъ спросить, почему не вижу въ вашемъ спискѣ героя всѣхъ галоповъ, блистательнаго Г. Дартенѣ?

— Албертина помѣшала мнѣ его вписать, отвѣчала г-жа Деверрьеръ.

— А зачѣмъ это? спросилъ онъ, бросивъ недовольный взглядъ на жену.

— Право, не знаю, отвѣчала г-жа Деверрьеръ: Албертина наговорила намъ тму причинъ, — и все пустыхъ. Говорить, что не довольно его знаетъ. Какъ

будто непременно надо коротко знать танцоровъ, которыхъ приглашаютъ на балъ! Увѣряеть, что онъ слишкомъ живъ, слишкомъ вътрепъ, слишкомъ преданъ модѣ, слишкомъ самъ въ модѣ.....

— И можетъ-быть слишкомъ миль, слишкомъ опасенъ для женщинъ? прервалъ г-нъ Рошбель. О, ужь это было бы много ему чести! Это было бы такъ для него лестно, что онъ готовъ бы думать, что его боятся, и я прошу васъ, сударыни, не исключать изъ числа моихъ гостей такого незначащаго человѣка.

На миловидно грустномъ лицѣ графини Рошбель разлилось невыразимое чувство, но внимательный наблюдатель могъ бы разгадать его: онъ бы понялъ, что наканунѣ того самаго дня, графъ Рошбель разбранилъ жену до слезъ за молодого Дартенё.

Онъ приглашаетъ его къ себѣ, подумала Албертина, послѣ тѣхъ упрековъ, которые мнѣ надѣлалъ! И моя ли вина, что въ Италіанской оперѣ, этотъ вътрепникъ сълъ возлѣ моей ложи, и что вчера въ Булонскомъ лѣсу онъ ѣхалъ верхомъ за моею коляскою? Боже мой, какъ мой мужъ самъ себя противорѣчить!

И въ самомъ дѣлѣ, бѣдная Албертина никакъ не понимала, чтобы можно было, изъ самолюбія, жертвовать своимъ спокойствіемъ, осторожностію, даже своею ревностію для того, чтобы не сознаться въ этой страсти.

— А деревенскихъ сосѣдей вашихъ? спросила г-жа Деверрьеръ. Надѣюсь, вы не забудете позвать эту хорошенькую г-жу Менваль, отъ которой и полковникъ Домеривъ не отходитъ ни на шагъ, какъ тѣнь. Они оба прекрасно танцуютъ, и притомъ мужъ ея такъ забавенъ своею събною довѣренностію и плоскими шутками на счетъ обманутыхъ мужей. Умора! Ужь этотъ-то мужъ не ревнивъ, согласитесь.

— Не менѣе того, онъ все-таки очень смѣшонъ, возразила маркиза Дорбессонъ. Ослабленіе его такъ непонятно, что можно бы счесть добровольнымъ, если бъ связь съ Долеривомъ доставляла ему какія-нибудь выгоды; но у полковника одно только имя, хотя звучное, однако безъ всякой подпоры, безъ состоянія, безъ родства при Дворѣ, и притомъ Мениваль дорожитъ только своими милліонами..... Не думаю, чтобъ ему когда-нибудь удалось прочесть хотя четыре страницы изъ Французской Исторіи. Пронсходи себѣ, пожалуй, въ прямой линіи, хоть отъ Фарамона, — ему все равно: онъ за это не уважитъ тебя ни крошечки болѣе. Ну ужъ за то и самъ смѣшонъ! Такъ смѣшонъ, что мнѣ даже часто жаль его.

— Жаль этого добраго, толстаго Мениваля! вскричала г-жа Деверрьеръ: помилуйте, маркиза, да нѣтъ челоуѣка блаженнѣе его на свѣтѣ! Всегда доволенъ собою, всегда въ духѣ; влюбленъ самъ въ себя; увѣренъ, что его всѣ обожаютъ, убѣжденъ, что деньги даютъ все, — умъ, любезность, образованность; что милліонщикъ-идоль, которому все покланяется, котораго не смѣетъ обманывать жена, и надъ которымъ никто не смѣетъ насмѣхаться.

— Ну, ужъ не увѣрите меня, чтобъ онъ обманывалъ самъ себя до такой крайности! возразила маркиза: нельзя ему не замѣтить, что всѣ хохочутъ, лишь только онъ разинетъ ротъ.

— И вы воображаете, что онъ объ этомъ очень беспокоится? прервала г-жа Деверрьеръ: напрасно вы такъ думаете. Онъ увѣренъ, что всѣхъ веселитъ умомъ своимъ и любезностію; а если и случится ему примѣтить, что надъ нимъ въ самомъ дѣлѣ насмѣхаются, тогда, о, тогда онъ убѣжденъ, что это отъ зависти! Я не видывала такого страннаго чудака во всей моей жизни.

— Если все правда, что говорят на счет его жены, подхватилъ графъ Рошбель: то вы найдете тму такихъ чудаковъ, какъ онъ. Но вы любите этотъ родъ людей, и я непременно позову Мениваля: онъ замѣнитъ однимъ собою Вернета, Одри и всю труппу комическихъ артистовъ.

Когда списокъ приглашеній былъ окончанъ, и всѣ разъѣхались, Албертина, оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, просила его объяснить ей непонятное свое поведеніе, и почему онъ такъ настаивалъ, чтобы г-нъ Дартенё былъ приглашенъ на балъ, когда накануне сдѣлалъ ей столько выговоровъ и упрековъ за него.

— Тебя это удивляетъ, Албертина? возразилъ графъ. И ты, съ твоимъ знаніемъ свѣта, меня не понимаешь? Хочешь ли, чтобъ я показывалъ, что боюсь этого вертопраха, который за тобою волочится? Его приторная услужливость можетъ повредить тебѣ, — я тебя предупреждаю. Мой долгъ тебя предостеречь; остальное зависить отъ тебя.

Въ наше время, молодой человѣкъ влюбляется только въ такую женщину, которая сама этого желаетъ. Дай ему почувствовать, что ласкательства его тебѣ непріятны, и я ручаюсь, что онъ вскорѣ перестанетъ тебя преслѣдовать. Но требовать, чтобъ я избавилъ тебя отъ этого труда, устранивъ Дартенё съ грубой невѣжливостью или посредствомъ слишкомъ для него лестнаго исключенія, — этого ты отъ меня никогда не дождешься! Я не намѣренъ прослыть ревнивымъ и бѣить смѣшнымъ въ глазахъ всего общества.

Такимъ образомъ, Рошбель, терзаемый ревностью, хотѣлъ лучше испытать мученіе видѣть въ своемъ домѣ человѣка, котораго опасался наиболѣе въ мірѣ, нежели прослыть мужемъ, который боится за жену свою.

Свободный отъ всѣхъ мукъ ревности, г-нъ Мениваль, получивъ записку, приглашающую его на балъ къ графинѣ Рошбель, ни о чемъ столько не заботится, какъ чтобъ достать подобное же приглашеніе другу своему, полковнику Долериву. Онъ кидается ко всѣмъ знакомымъ графини; говоритъ и толкуетъ всѣмъ и каждому, что ему не возможно будетъ ѣхать безъ Долерива, котораго любить какъ роднаго сына. Онъ у всѣхъ справляется, какъ-бы заставить пригласить полковника. Ему отвѣчаютъ, что вѣроятно г. Долеривъ также будетъ на балъ и получитъ приглашеніе въ свое время, что можетъ быть ужъ онъ и получилъ записку; но Мениваль ничего не слушаетъ, никому не вѣритъ, и пишетъ къ графу Рошбель, чтобы удостовѣриться, будетъ ли Долеривъ приглашенъ на балъ. Можно себя представить, какимъ насмѣшкамъ подвергается это несчастное письмо, по содержанію своему и слогу! Но добрый Мениваль ничего не подозреваетъ: онъ досталъ приглашеніе на балъ своему другу, и доволенъ.

Наступилъ ожидаемый вечеръ. Графиня Рошбель одѣта еще съ бѣльшимъ вкусомъ, нежели обыкновенно. Всѣ знаютъ, что богатый нарядъ запрещенъ хозяйкѣ дома; и этотъ законъ почти всегда служитъ къ большому ихъ украшенію, если онъ умѣютъ соединить вкусъ съ предписанною простотою. Но въ этотъ вечеръ, несмотря на всю ея красоту, несмотря на всю прелесть ея улыбокъ, грусть, глубоко начертанная на гладкомъ члѣ ея, приметная осторожность мальчишнихъ поступковъ, разсыянность взоровъ, старавшихся убѣгать какого-то предмета, — все доказывало, что сердце некогда рязвой, веселой Албертины, страдало подъ бременемъ тяжелой печали.

Это принужденіе, эта недовѣрчивость къ себѣ самой, это волненіе, которое тяготило ее, и которому са-

ма она не могла найти причины, — все это произвели въ ней упреки мужа. Пржеде нежели онъ сталъ такъ горько насмѣхаться надъ страстью къ ней Дартенè, она не имѣла никакого подозрѣнiя о существованiи этой страсти; ея обращенiе съ нимъ было просто, откровенно, невинно, какъ она сама. Но съ тѣхъ поръ какъ она знала, что за нею присматриваютъ, съ тѣхъ поръ какъ самому пустому слову, самому чистому взгляду, каждому бездѣльному поступку, приписывалось преступнос, или по-крайней-мѣрѣ предосудительное намѣренiе, она чувствовала смущенiе, страхъ, казалась встревоженною, и упрекала себя въ слабости, именно за то, что предавалась терзавшимъ ее опасенiямъ.

Если бъ г. Рошбель, откровенно уступивъ своей ревности, удалилъ Дартенè изъ своего дома; если бъ онъ ободрилъ и поддержалъ жену въ намѣренiи убѣгать этого молодого повѣсы, она бы скоро его забыла, — тѣмъ скорѣе, что сама чрезвычайно того желала. Но графъ требовалъ, чтобъ она безпрестанно встрѣчалась съ влюбленнымъ Дартенè, въ обществѣ, у себя, всюду; чтобъ она слушала его вкрадчивыя изъясненiя, переносила пламя страстныхъ взоровъ его, подвергалась всѣмъ его нападенiямъ, — и чтобъ осталась невредимою, не подала бы ему ни малѣйшей надежды! Всѣ мужья, даже всѣ жены сознаются, что это безразумно.

Дартенè, несмотря на свою молодость, былъ слишкомъ опытенъ, и не могъ не примѣтить, какое смущенiе производило его присутствiе въ мысляхъ графини Рошбель. Глупецъ счелъ бы себя обожаемымъ; но Дартенè ясно видѣлъ причину этого состоянiя души, и безошибочно приписывалъ его ревности мужа. Этою ревностью онъ и рѣшился воспользоваться. «Она теперь только боится меня,» рассуждалъ онъ самъ съ

собою: «но я доведу ее до того, что страхъ обратится въ любовь. Потомъ, когда мы поладимъ, я приму такой жалкій видъ несчастнаго любовника, что бѣдный мужъ, чтобъ не прослыть ревнивымъ, никогда не осмѣлится выгнать меня изъ дому, какъ опаснаго соперника.»

Придумавъ адскій планъ, Дартенè въ тотъ же вечеръ началъ приводить его въ исполненіе. Учивость требовала, чтобъ онъ протанцовалъ съ хозяйкою дома. Она отказываетъ ему разъ, отказываетъ два; наконецъ, въ котильонѣ, онъ подходитъ къ ней со всею свойственною ему смѣлостію, беретъ ее за руку безъ всякихъ предисловіи, и увлекаетъ за собою, шептывая ей въ полголоса: «Зачѣмъ такая жестокость? Вы хотите отбить меня отъ себя вашею холодностію? Напрасный трудъ, графиня. Никто не можетъ болѣе меня самого стараться объ истребленіи этой страсти, которой я вижу всю пельность; но она сильнѣе всѣхъ препятствій: ничто не можетъ истребить ее; ни моя воля, — ни даже ваша!»

Албертина, пораженная этими словами, остается нѣсколько минутъ какъ окаменялая. Ея очередь начхать фигуру; но она того не примѣчаетъ. Опомнившись немного, она переходитъ въ противную сторону: по счастью, фигура того требовала, — и это избавляетъ ее отъ необходимости отвѣчать Дартенè. Однако ей хотѣлось бы воспользоваться случаемъ, и объявить ему, что его преслѣдованія обижаютъ ее; что они ей неприятны. Но какъ солгать! Ложь, для души, неспосна и невозможна. Слова бѣгутъ прочь. И что сказать въ такомъ случаѣ? . . . Между-тѣмъ, удобная минута ускользнула; праздные гости уже обступили хозяйку, и каждый лепечетъ ей привѣтствія по-своему. Мысль, занимающая Албертину, испытала уже

три, или четыре перемѣны. Какъ возобновить объясненіе, и сказать, что имъ обижены? Это было бы обращать слишкомъ много вниманія на дерзость молодого человѣка. Лучше сдѣлать видъ, что ее забыли, или даже и не поняли. Да! это будетъ гораздо лучше. Графиня Рошбель рѣшилась не говорить ни слова.

Не менѣе того, ударъ нанесенъ: краска, вспыхнувшая на прелестномъ лицѣ ея, невольный блескъ ея взоровъ въ ту минуту, когда она узнала, что страстно любима, стараніе не обращать вниманія на столь явное признаніе, — ничто, ничто не укрылось отъ наблюдательнаго Дартенè, и онъ началъ уже поздравлять себя съ побѣдою.

Красавицы, особенно замужнія, не слушайте, если можете, льстивыхъ словъ мужщины, который говоритъ, что онъ влюбленъ въ васъ! Слова его ядъ, который отравляетъ чистоту души вашей, истребляетъ ваше спокойствіе, спокойствіе всего вашего семейства. Тѣмъ менѣе достойны они вашего слуха, что почти всегда пронстекають не отъ чистой любви къ вамъ, но, увы, отъ измѣнническаго желанія погубить васъ! Не слушайте, если можете.

Но что это за шумъ на балъ? Всѣ бѣгутъ къ окнамъ, обращеннымъ во дворъ; всѣ шепчутся, всѣ помирають со смѣха. Что бы это значило?....

На дворъ въѣхала плетная бричка, которую швейцаръ не хочетъ допустить къ крыльцу: ни кучеръ, ни лошади не слушаютъ швейцара. Бричка у крыльца. Весь дворъ ярко освѣщенъ плашками: изъ окошъ видна вся эта потѣха. Притомъ, молодой Нелсенъ, обогнавшій плетеную бричку и выскочившій изъ своего тильбюри, въ минуту триумфальнаго въѣзда ея во дворъ, вошелъ въ это время въ залъ. Всѣ его окружили, и слушаютъ разсказъ со смѣхомъ:

— Вообразите себѣ, говоритъ онъ, тройку тощихъ лошадей, въ изорванныхъ, повозочныхъ хомутахъ, въпряженныхъ веревками въ плетеную корзинку на колесахъ, изъ которой выглядываютъ три большія бѣлыя пера, съ дюжину золотыхъ колосевъ и нѣсколько брилліантовыхъ украшеній, — словомъ, всѣ признаки балльной прически. Толстый мужчина, сидящій вмѣсто кучера на козлахъ этой великолѣпной колесницы, кричитъ «поди!» изо всей силы; подлѣ него, вѣроятно ему въ помощь, сидитъ что-то похожее на человѣческую фигуру, въ охотничьемъ платьѣ, безъ шляпы, которая, безъ сомнѣнія, не могла помѣститься на головѣ по тѣснотѣ мѣста въ экипажѣ. Когда пришлось вымѣзать изъ чудной повозки, бѣдная дама жалобно закричала, что она переломитъ себѣ ногу, если ей придется выскочить безъ помощи изъ этой корзины; человѣкъ въ охотничьемъ платьѣ, между-тѣмъ, умолялъ толстаго господина на козлахъ крѣпче держать лошадей, которыя, пугаясь площадекъ, дымящихся подлѣ ихъ ноздрями, фыркали и становились на дыбы. Мнѣ очень хотѣлось предложить руку бѣдной оперенной дамѣ, потому что, несмотря на странность ея положенія, она показалась мнѣ очень пригожею; но какъ услышалъ толстяка, — «Моя Минеточка, берегись, пожалуйста, когда будешь выходить!» — я такъ расхохотался, что долженъ былъ бѣжать сюда, предоставивъ участь этихъ чудаковъ на произволь судьбы.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ официантъ, вошедшій въ залу, доложилъ о пріѣздѣ г-на и г-жи Мениваль. Нелисенъ вскричалъ: — «Это они!» — и хохотъ возобновился.

— Какъ я радъ, что здѣсь всѣ такъ веселы! сказалъ Мениваль, входя въ комнату. Въ самомъ дѣлѣ, я хо-

рошо сдѣлалъ, что прїѣхалъ сюда, несмотря ни на какія препятствія. Другой, на моемъ мѣстѣ, ни за что бы не поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было принудить жену ѣхать со мною, хотя она любитъ балы до безумія. Вообразите, съ нами встрѣтилось столько препятствій, что вся ея твердость исчезла! Она ужь хотѣла раздѣться, снять прическу, и лечь въ постель. Подумайте, что случилось: кучеръ нашъ напился пьянъ; только сѣзидилъ со мною въ театръ, отпрягъ карету мою коричневаго цвѣта, — глядь, ось переломлена! Видя, что нельзя ѣхать въ каретѣ, я послалъ своего егеря нанять какой-нибудь экипажъ, но въ десять часовъ вечера, въ Воскресенье, да еще и въ мясоѣдъ, не найдешь ни людей, ни скотовъ на биржѣ. Въ такой крайности, я вдругъ вспомнилъ о бричкѣ, которую купилъ моимъ людямъ ѣздить въ деревню. Она крытая: мы будемъ подъ защитой. Вздумано, сдѣлано. Черезъ пять минутъ лошади впряжены въ бричку; но тутъ-то предстояла трудность, какъ усадить въ нее мою Минету, съ ея брилліантами, съ перьями и съ креповымъ платьемъ. Ну она спорить со мною: «И смѣшны-то мы будемъ! и всѣ-то станутъ надъ нами смѣяться! И всѣ-то будутъ указывать на насъ пальцами! И ноги-то она переломастъ! И платье-то изомпеть! И брилліанты-то свои растеряетъ! И перья-то ея распадутся!» Наконецъ объявила, что она никогда не сядетъ въ такую дрянную повозку. «Вотъ тебѣ на!» сказалъ я: «если не сядешь, такъ тебя посадятъ. Велика ли бѣда, что мы прїѣдемъ не въ каретѣ, а въ бричкѣ? Всякой только скажетъ, что мы прїѣхали въ бричкѣ, а не въ каретѣ: вотъ и все тутъ. Поговорятъ, а потомъ и перестанутъ; а ты все-таки будешь г-жа Мениваль; твое платье и твои брилліанты не подурнѣютъ отъ того, что прокатаются въ бричкѣ; а между тѣмъ ты будешь на балѣ, и будешь веселиться, вмѣсто, чтобъ сидѣть дома и плакать съ досады, — да еще

бѣдный Долеривъ, который теперь дожидается насъ на балъ, ужасъ какъ перетревожится, не видя насъ!» Наконецъ, наслу, наслу, я уговорилъ ее, и мы поѣхали.

— Счастіе для насъ и для нашего бала, что вы въ томъ успѣли! возразилъ графъ Рошбель, съ свойственною ему учтивостію: вы угадали, что присутствіе ваше необходимо, для полнаго нашего удовольствія, и мнѣ остается только благодарить васъ за оказанное къ намъ снисхожденіе.

Потомъ, обращаясь къ жепъ, — графиня, прибавилъ онъ: поручаю вамъ г. Мениваля; потрудитесь устроить для него партію въ вистъ.

Всѣ окружили Мениваля, всѣ его привѣтствуютъ, ласкаютъ; спрашиваютъ, какъ напился пьянъ его кучерь, какъ переломилась ось кареты коричневаго цвѣта, какъ жена спорила съ нимъ до ссоры, и прочая. И Мениваль въ восхищеніи, что всѣ имъ такъ занимаются! Онъ внутренно не можетъ парадоваться, что превозмогъ всѣ препятствія, и пріѣхалъ насладиться этимъ великолѣпнымъ праздникомъ.

— Вотъ, безспорно величайшій мудрецъ изъ всего общества, сказалъ г. Мюренъ, подошедши къ г-жѣ Деверрьеръ: онъ насмѣхается надъ насмѣшками!

— Какъ! вы называете его мудрецомъ? возразила она, расхохотавшись. Да посмотрите только, съ кѣмъ жена его танцуетъ уже въ третій разъ?

— Вижу. Съ полковникомъ Долеривомъ.

— Ну, признайтесь, что если бъ вашъ мудрецъ лишилъ себя удовольствія привезти сюда свою дражайшую половину въ телѣжкѣ, за тѣмъ, чтобъ дать ей средство срамить себя и его во все продолженіе бала, онъ былъ бы тогда, по-крайней-мѣрѣ, умнѣе.

— Ахъ, Боже мой, какъ вы ошибаетесь! Тогда бѣднѣйшій мужъ не зналъ бы, куда дѣваться цѣлую недѣлю. Жена бы его дулась; она бы замучила Долерива своею ревностію за то, что онъ смѣлъ повеселиться на балѣ, гдѣ ея не было; и Богъ знаетъ еще, что бы изъ этого вышло. Повѣрьте, никто не умѣетъ жить на свѣтѣ лучше этого толстаго Менивала: взгляните только на его всегда довольный видъ, на его безсмѣшную улыбку!

Разговоръ былъ прерванъ приближеніемъ хозяина дома, который подошелъ къ г-жѣ Деверрьеръ съ намѣреніемъ наговорить ей тму привѣтствій на счетъ ея красоты и наряда. Но слова его замирали; онъ былъ блѣденъ какъ смерть, дыханіе спиралось, голосъ дрожалъ; вмѣсто улыбки, какое-то судорожное движеніе выражалось на всѣхъ чертахъ лица его. Онъ заговорилъ-было объ удовольствіи, съ какимъ видѣлъ такое блистательное общество въ своемъ домѣ, но вся наружность противорѣчила его увѣреніямъ.

Онъ потерялъ нѣсколько значительныхъ пари въ экартѣ, и проигралъ множество робберовъ Менивалю, который, будучи увѣренъ въ своемъ счастьи, игралъ въ вистъ по самой большой, — что часто доставляло ему честь участвовать въ партіи знатныхъ особъ. Хотя не равной съ ними силы, онъ почти всегда ихъ обыгривалъ: столько-то полное вниманіе ограниченнаго ума имѣетъ преимущества передъ соображеніями самыхъ тонкихъ, но разсѣянныхъ умовъ.

Успиваясь продолжать разговоръ съ г-жею Деверрьеръ, графъ Рошбель глазами искалъ жены, которая, чувствовала, понимала этотъ взглядъ, и поспѣшно удалилась отъ Дартенѣ. Она подошла къ тому мѣсту, гдѣ мужъ ея разговаривалъ съ ея пріятельницею. Дартенѣ послѣдовалъ за нею, и пришелъ жало-

ваться графу, что жена его отказывается танцевать съ нимъ галопъ.

— По-истинѣ, говорилъ онъ: графиня обременяетъ меня самымъ обиднымъ презрѣніемъ, и я прибѣгаю къ супружеской власти, чтобъ умѣрить ея жестокость. Мнѣ предпочитаютъ крошечнаго Левиса, конечно потому что онъ ужасно безобразенъ. Хотя это достоинство не изъ послѣднихъ, но я не хочу, чтобъ меня приносили въ жертву такому идолу. Ссылаюсь на г-жу Деверрьеръ: пусть она разсудитъ!

— И точно, отвѣчала она: да вы тысячу разъ правы! Только вы напрасно такъ сильно жалуется на вашу участь: знаете ли, что на мѣстѣ графа, я бы лопнула отъ ревности; именно отъ того, что вамъ предпочитаютъ безобразнаго Левиса?

— Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ графъ, улыбаясь съ большою пріятностію: я думаю, что мнѣ надо бы послѣдовать вашему совету. Такая жестокость выказываетъ обыкновенно противоположныя чувства, весьма опасныя для мужей. Но что жъ дѣлать! Я не могу противиться моей участи.

— Это-то всего и хуже! подхватилъ Дартенè. Когда ревность мужа не помогаетъ намъ, бѣднымъ волокитамъ, тогда прощай всѣ надежда на успѣхъ.

— Я отъ этого въ отчаяніи! повторилъ графъ, не оставляя ироническаго тона: но несмотря на все мое желаніе угодить вамъ, не могу сдѣлаться посмѣшищемъ и быть ревнивымъ мужемъ.

— Однако, ваше спокойствіе обнаруживаетъ такую непростительную самонадѣянность, что становится даже обиднымъ для бѣднаго Дартенè, прервала г-жа Деверрьеръ: это выводитъ меня изъ терпѣнія, и я пе-

«Ирехожу къ непріятелю, — предупреждаю васъ. Если намъ удастся промучить васъ весь балъ, я буду въ восхищеніи! Прошу тебя, милая Албертина, помоги нашему заговору, и доставь намъ удовольствіе потѣшиться ревностію твоего мужа: онъ заслуживаетъ это маленькое наказаніе за свою дерзкую безпечность.

Албертина знала, какъ понимать мнимую безпечность своего мужа. Она улыбнулась вмѣсто отвѣта; потомъ, немного покашляла, — что всегда случается съ молодою женщиною, когда она не знаетъ, что отвѣчать.

Отчего въ этомъ вѣкъ просвѣщенія и утонченности бальныя празднества такъ невеселы? Оттого, что нѣтъ ни искренности, ни радушія между веселящимися. Никто не старается даже скрывать своего недоброжелательства къ другимъ: его можно читать во всѣхъ взорахъ. Каждая женщина, хорошая и дурная, непременно подвергается игу враждебнаго наблюденія, столь же неумолимаго для прелестей, какъ и недостатковъ. Это убѣжденіе даетъ принужденный видъ всѣмъ красавицамъ; а которыя изъ нихъ посмѣлѣе, тѣ сами заняты мыслию острить стрѣлы мщенія, злословія и досады, въ уплату врагамъ своимъ. На балъ нынѣ всѣ осторожны, всѣ боятся другъ друга: гдѣ жъ тутъ веселье, которое основывается только на общей довѣренности, на общей благосклонности присутствующихъ? Чтобъ увѣрить другихъ въ своей веселости, всѣ шумятъ, хлопчутъ; чтобъ скрыть непріятность или оскорбленіе, всѣ показываютъ видъ торжествующій; наконецъ, каждый болѣе или менѣе измученъ тысячью ничтожныхъ терзаній самолюбія, — и отъ того-то всѣ эти пышные праздники суть собранія самыя скучныя, самыя печальныя.

Особенно, когда первые дневные лучи уже скользят сквозь затворенныя ставни, и блескомъ своимъ затмѣваютъ тусклый свѣтъ лампъ и свѣчей; когда усталость примѣшивается къ грусти, неразлучной спутницѣ угасающаго удовольствія, — тогда-то въ полной мѣрѣ обнаруживаются пустота и смущеніе, которыя то же самое удовольствіе заронило въ душу, созданную для радостей чистыхъ и безмятежныхъ!

Графиня Рошбель томно принимала послѣднія привѣтствія разъѣжающихся гостей; она оставалась одна въ обширныхъ, великолѣпно убранныхъ комнатахъ, гдѣ разсыпанные мебели, деревья, кустарники и цвѣты, паудренные пылью, доказывали многочисленность разсыпавшейся толпы, и неутомимость движеній, продолжившихъ праздникъ до самаго утра.

Эта минута спокойствія, наступающая послѣ шума, обыкновенно бываетъ посвящена исчисленію всѣхъ чувствованій, испытанныхъ въ теченіе вечера. Нежная красавица спрашиваетъ себя, не слишкомъ ли она слушала, не сказала ли чего лишняго. Чистосердечіе борется съ хитростію разсудка, и долго, долго побѣда остается нерѣшенной. Воспоминанія сердца смущаютъ его, беспокоятъ, но лукавые софизмы какъ тутъ, чтобъ назвать ребячествомъ опасенія, чтобы внушить, что добродѣтель не боится ни какихъ искушеній. Этого рода софизмы удивительно правятся женщинамъ, и Албертина предавалась имъ, какъ и многія другія. Она не могла, однако же, не признаться себѣ самой, что романъ, затѣваемый Дартенеемъ, уже сильно занималъ ея воображеніе; но, твердо убѣжденная въ силу своего разсудка, она ни мало не сомнѣвалась, что всегда останется выше всѣхъ затѣй оболъщанія. Увѣренная въ своей добродѣтели, она надѣялась избѣгнуть незаслуженнаго несчастія.

Если бь Графъ не приглашалъ къ себѣ Дартенэ такъ настойчиво при каждомъ случаѣ, начатый молодымъ вѣтреникомъ романъ остановился бы на первой страницѣ. Но каждый день видѣть, слушать челоуька, который правится, привыкать къ его услугамъ, къ его попеченіямъ, — не значить ли уступать помаленьку свое сердце? И Албертина сама скоро примѣтила, что дала слишкомъ много надъ собою власти тому, кого мужъ ея называлъ, съ колкою улыбкою, достойнѣйшимъ изъ ея обожателей!

Но Албертина не напрасно была такъ убѣждена въ своей добродѣтели. Какъ скоро увидѣла и постигла всю опасность своего положенія, она приняла твердое намѣреніе убѣгать Дартенэ, сколько позволитъ упрямое самолюбіе мужа. Она сдѣлала болѣе: рѣшилась просить самого Дартенэ посѣщать ее гораздо рѣже, заниматься ею менѣе. Она говорила ему, что боялась подвергнуться злословію; но его трудно было обмануть. «Долгъ всего сильнѣе въ ея душѣ!» подумалъ онъ: «она жертвуетъ мною, мною, котораго обратила къ истинной любви! Она не боится довести меня до отчаянія. О, если бь я могъ причинить ей столько же мученій, сколько я самъ ихъ терплю!»

Огорченный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восхищенный такою добродѣтельною въ обожаемой имъ женщинѣ, Дартенэ вздумалъ возбудить ея ревность.

Г-жа Мениваль была хороша собою, и притомъ ее можно было встрѣчать вездѣ, — на гуляньяхъ, на балахъ, въ театрѣ, и между-тѣмъ она отлично принимала у себя всѣхъ, кто только желалъ быть знакомъ въ ея домѣ. Дартенэ избралъ ее для исполненія своихъ намѣреній, и менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю, столько успѣлъ въ своемъ предпріятіи, что всѣ пріатели по-

здравляли его съ благосклонностію г-жи Мениваль. Сама Графиня Рошбель не могла не пошутить надъ его новою страстію, съ улыбкою на лицѣ, съ крупными слезами на глазахъ.

Одинъ только человекъ взбунтовался противъ удачи Дартенё. Каждый пойметъ, конечно, что этотъ мятежникъ былъ не г. Мениваль. Нѣтъ! другъ его, Долеривъ, не могъ видѣть безъ досады, что столь опасный соперникъ былъ такъ отлично принять хорошенькою г-жею Мениваль. Опъ сталъ дѣлать упреки; надъ шимъ смѣялся, и Долеривъ, видя, что никакъ не можетъ преодолѣть прихоти избалованной кокетки, взялся просто за самого Дартенё.

Это было въ театрѣ: причины къ спору нашлись очень скоро между людьми, которые хотѣли ссориться. Какое-то политическое разсужденіе послужило предлогомъ: Долеривъ, осмѣявъ и разбранивъ своего соперника, вынудилъ его требовать удовлетворенія.

При этой ссорѣ были свидѣтели; одинъ изъ нихъ, конечно изъ участія, посѣвши въ ложу г-жи Мениваль, чтобъ пересказать ей, что случилось между Долеривомъ и Дартенё.

— Вотъ глупость! вскричалъ г-нъ Мениваль: видали ли ссориться до драки за какой нибудь проектъ закона! Ай-да молодцы! Есть за что побраниться! Но ужъ этого-то я не допущу! я заставлю ихъ быть умными вопреки имъ самимъ.

Выговоривъ это, онъ вышелъ изъ ложи съ намѣреніемъ отыскать своего пріятеля, Долерива; но его ужъ не было въ театрѣ. Когда Мениваль возвратился къ женѣ, она была такъ блѣдна, и такъ встревожена, что самъ мужъ совѣтовалъ ей ѣхать домой.

Неизвѣстно навѣрное, за котораго изъ двухъ противниковъ г-жа Меншваль наиболѣе безпокоилась; но надо полагать, что старая привязанность была въ этомъ случаѣ сильнѣе минутной прихоти. При томъ, какая женщина, почитающая себя причиною дуэля, не будетъ въ отчаяніи? Однако все, что сожалѣніе, страхъ, угрызеніе совѣсти и даже сама любовь ей внушали въ ту минуту г-жѣ Меншваль, не могло еще сравниться съ изступленіемъ бѣднаго Меншваля. Онъ выходилъ изъ себя при одной мысли, что другъ его Долеривъ можетъ-быть убить или пострадать отъ дуэля, затѣяннаго такъ глупо, по поводу какой-то политической безсмыслицы.

На слѣдующее утро, съ шести часовъ, Меншваль уже у Дартенё, уже ублажаетъ его и спрашиваетъ, чтобъ онъ не находилъ ни какой обиды въ маленькой вспыльчивости его друга. Никогда отецъ, ни братъ, оспаривающій у самаго грубаго предразсудка жизнь любимѣйшаго предмета въ мірѣ, не выражался съ такимъ жаромъ и усердіемъ. Но Дартенё остался непоколебимъ.

— Право, сказали онъ своимъ секундантамъ, когда Меншваль уѣхалъ: право можешь на себя надѣяться, когда имѣлъ довольно духу слушать цѣлый часъ этого толстяка, безъ смѣха! Онъ такъ бонется, чтобъ я не убилъ любовника его жены, что мнѣ даже жаль его.

Надѣясь болѣе подѣйствовать на Долерива, Меншваль летитъ къ нему; но тотъ уже уѣхалъ въ Сенъ-Манде. Тогда Меншваль рѣшается на все, лишь бы предупредить несчастіе: онъ велитъ кучеру гнать лошадей во весь духъ, чтобы настичь коляску Дартенё; наконецъ, достигаетъ мѣста сраженія, но уже въ ту минуту, когда секунданты обѣихъ сторонъ помогали

переносить, — увы! — тяжело раненаго Долерива, который утопалъ въ крови, и отъ сильной слабости лишень былъ чувствъ. Дартенé, блѣдный, встревоженный, обремененный раскаяніемъ, оказываетъ ему живѣйшее участіе и самыя нѣжныя попеченія; но Мешваль, въ неистовствѣ, отталкиваетъ палача отъ жертвы и, надъ безчувственнымъ другомъ, изливаетъ всю свою горестъ и весь свой гнѣвъ.

— Поберегите больнаго, сударь! говорятъ ему: вы слишкомъ придавили его рану.

Мешваль ничего не слышитъ; онъ кричитъ, мечется, терзается, такъ, что легко бы могъ уморить Долерива, если бъ тотъ пришелъ въ чувство.

— Не мѣшайте намъ помочь ему, сказалъ наконецъ Дартенé, повернувъ прочь толстаго Мешваля такъ шибко, что онъ насилу опомнился. Между тѣмъ, къ раненому подошелъ лекаръ съ инструментами, катаплазмами и лекарствами.

Перевязавъ рану, хотѣли перенести больнаго къ нему въ домъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа! вскричалъ опять Мешваль. Я не потерплю, что бы моего лучшаго друга отнесли въ его пустую, холостую комнату, гдѣ не кому будетъ за нимъ и присмотрѣть. Ко мнѣ, ко мнѣ его! У меня всегда сыщется для него мѣсто. Онъ найдетъ у меня все, чего требуетъ его положеніе, и мы сами будемъ беречь его. Жена моя такъ добра, такъ сострадательна къ больнымъ! Ахъ, Боже мой, лишь бы попеченія наши послужили ему въ пользу!

Дартенé и всѣ, тутъ бывшіе, слишкомъ хорошо знали, какъ сильно подобное приглашеніе могло подѣйствовать на выздоровленіе Долерива, и немедленно согласились.

— Погодите минуточку, господа, сказалъ Мениваль, немного не доходя до своего дома. Надо предупредить жену, а то можно уморить ее со страха. Дайте мнѣ показаться ей напередъ, чтобъ она не думала, что это меня несутъ къ пей въ такомъ положеніи: бѣдняжка перенугалаеь бы до смерти!... Поейте тутъ! Я вернусь къ вамъ, лишь только ее приготовлю. Ахъ, Боже мой, какое происшествіе!

Мениваль бѣжитъ готовить жену, а пріятели его, оставшіеся на улицѣ, смѣются надъ его ослѣпленіемъ. Что жъ дѣлать! все люди такъ созданы. Когда что-нибудь насъ разсмѣшитъ, мы готовы смѣяться и надъ тѣломъ умирающаго. А что могло быть смѣшнѣе Мениваля въ этомъ случаѣ!

— Не пугайся, моя Минеточка! вскричалъ Мениваль, отворивъ настежь дверь въ комнату жены. Во-первыхъ, ты видишь, что я живъ и цѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! выменяете, вскрикнула г-жа Мениваль, встревоженнымъ голосомъ. Что такое случилось! Эдгаръ....

Она не могла продолжать, и упала въ кресла, почти безъ дыханія.

— Полно, полно, будь умнѣе! возразилъ мужъ: вѣдь ты видишь, что со мною ничего не случилось, хоть я чуть не переломилъ себѣ шею, гнавшійся за нами безъ памяти, и перескакивая чрезъ эти проклятые рвы, чтобъ ихъ догнать. Но все это, слава Богу, кончилось только однимъ испугомъ и горестію видѣть паденіе бѣднаго Домерива.

Пронзительный крикъ вырвался изъ груди г-жи Мениваль.

— Но лекаря не отнимаютъ еще у насъ надежды, продолжалъ онъ: и конечно, наши попеченія....

— Такъ онъ не умеръ? вскричала она.

— Нѣтъ, слава Богу, — не умеръ! Кто жъ тебѣ сказалъ, что онъ умеръ? Я принесъ его на носилкахъ, за собою: онъ тамъ, внизу; но я не хотѣлъ, чтобъ ты видѣла это жалкое шествіе, не бѣвъ предупреждена мною.

Пока онъ кончалъ свой разсказъ, г-жа Мениваль уже лѣтъла навстрѣчу раненому. Онъ ожилъ при звукѣ ея голоса. Восхищеніе видѣть ее, читать безпокойство на ея лицѣ, мститъ ей опасностію своего положенія, — столько сладкихъ ощущеній вдругъ произвели благотворное обращеніе крови въ жилахъ больного, и онъ возвратился къ жизни. Рана его была глубока; но искусный врачъ умѣлъ залечить ее. Меньше нежели черезъ восемь дней, Долеривъ былъ уже внѣ опасности. Не лѣзя приискать словъ, чтобъ описать, какъ онъ былъ счастливъ во время своего выздоровленія. Возвращеніе къ удовольствіямъ жизни, радость г-жи Мениваль и эта шумная веселость добраго Мениваля, который не переставалъ разсказывать, какъ онъ спасъ и вылечилъ своего друга, составляли картину несравненную.

Между-тѣмъ, какъ любовь, миръ, довѣренность и спокойствіе царствовали у Мениваля, домъ г-на Рошбеля былъ непрерывнымъ позорищемъ самыхъ горькихъ бѣдъ. Ревность графа могла бы немного утихнуть послѣ дуэля между Долеривомъ и Дартенё, происшедшаго, какъ всѣ знали, изъ соперничества ихъ въ любви къ г-жѣ Мениваль, но графъ примѣтилъ блѣдность на лицѣ жены своей, когда ей объ этомъ

разсказывали, и этого было довольно, чтобъ удостовѣрить его въ мнимомъ его несчастіи. Онъ почиталъ себя обманутымъ. Хотя Албертина, чтобъ его успокоить, прервала всѣ сношенія съ Дартенè, перестала принимать его у себя, даже говорить съ нимъ въ чужихъ домахъ; хотя непорочность ея могла быть ему извѣстна, какъ была всему обществу, однако мысль, будто онъ играетъ въ свѣтъ роль обманутаго мужа, завладѣла умомъ его до такой степени, что потрясенный мозгъ его не перенесъ сего испытанія, и счастливый супругъ лишился разсудка.

Несмотря на всѣ жестокія его несправедливости, жена его не покинула; и нѣжная, нѣкогда блестящая графиня Рошбель, теперь добровольно заключила съ-бѣ дома, въ сообществѣ сумасброда, который безпрерывно обижаетъ ее и злословитъ, который, можетъ стать, уже пансъ бы ей смертельный ударъ въ своемъ нествѣствѣ, если бъ представленные къ нему смотрители не воспрепятствовали.

— Это бѣдный Рошбель! говоритъ Мениваль. Ну, не глупо ли, съ его стороны, сойти съ ума, потому что Дартенè вздумалъ поволочиться за его женою? Не онъ развѣ, хозяинъ въ домѣ, и не могъ ли онъ сказать на-отрѣзъ женѣ, какъ я бы сказалъ своей, если бъ такая мысль могла помѣститься въ моей головѣ: «Минеточка моя! этотъ господинъ очень милъ, я въ томъ согласенъ.» Говоря это, Мениваль взялъ Доле-рива за руку. «Но какъ онъ слыветъ въ свѣтъ твоимъ любовникомъ, то позволь мнѣ, со всею возможною учтивостію, выпроводить его за дверь.» Онъ довелъ пріятеля своего, Доле-рива, до двери, между тѣмъ-какъ смятеніе послѣдняго равнялось только удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые не знали, чѣмъ все это кончится. Мениваль, слѣдуя своей мысли, и

не заботясь, какой видъ дѣлають зрители, продолжалъ: «Мнѣ очень жаль, милостивый государь,» сказалъ бы я ему: «но какъ я взялъ жену собственно для себя, то вы меня извините, что я не намѣренъ дѣлаться ею съ вами. Въ слѣдствіе сего, извольте, сударь, вонъ изъ моего дома. И сказавъ это,» — тутъ Мениваль выпустилъ руку Долерива и сталъ у камня, — «я бы возвратился къ своимъ привычкамъ. Жена моя, не имѣя красавца передъ своими глазами, скоро бы его забыла, а я бы сберегъ и жену и разсудокъ.»

— Вотъ истинный философъ! вскричалъ какой-то шалуиъ изъ бывшихъ въ залѣ.

— Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась! сказала тихонько г-жа Мениваль Долериву.

— Философъ, иль нѣтъ, я этого не знаю, возразилъ Мениваль! Но я доволенъ участію, которую послало мнѣ небо: вѣрная жена, неизмѣнный другъ, прекрасныя дѣти, веселые товарищи, которые всегда со мною смѣются, здоровье, довольство, достатокъ, — съ такими выгодами, можно называть себя счастливымъ! Не правда ли?»

И всѣ съ нимъ согласились.

АННА СИТНИКОВА.

ДОМОРОЩЕННЫЕ ГЕНИИ.

=

Кто изъ васъ видалъ эти странные характеры, которые нерѣдко возникаютъ въ шумную эпоху раскаленной и молотами обдѣлываемой образованности, въ странахъ наскоро просвѣщающихся въ искусственномъ жару парниковъ? Всѣ вы ихъ видали! Характеры, имѣющіе всю тонкую чувствительность поэтического гениа, и лишеныя его могущества, — его раздражительное сложеніе, — его сердитую надменность, — его раннее влеченіе къ побѣгу отъ житейскихъ удовольствій, чтобъ поселиться въ одной мечтѣ, лихорадочной и завистливой, чтобъ окопаться въ одной системѣ, обыкновенно чужой, и оттуда стрѣлять по всѣмъ картечью наглыхъ сужденій и желчію? Это доморощенные гении. Это люди, которымъ Природа даровала способности, часто даже гениальныя; которымъ отказала она въ умѣ чистомъ и ясномъ; которымъ отрывочное воспитаніе не дало опредѣленной цѣли; которыхъ понятія не упрочились на основательномъ ученіи; которые алчутъ славы, ищутъ, тщатся, хвалятъ, бранятъ, презираютъ — и все невпопадъ; которые мучатъ общество своими неполными, полусовершенными дарованіями, своимъ домогательствомъ умственного величія, и которыхъ общество мучитъ взаимно своимъ равнодушіемъ. Смѣшные для многихъ, для насъ они представляютъ печальное зрѣлище. Оно печально даже и въ такомъ случаѣ, когда, какъ, въ примѣръ Байрона и Руссо, украшено всѣмъ блескомъ успѣха, поставлено въ длинной галерей славы, и предназначено быть безсмертнымъ. Съ какимъ же прискорбіемъ не должно смотреть на эти грустныя картины, когда еще цвѣта ихъ видимо бле-

кнутъ при глазахъ зрителя; когда знаешь, что скоро будутъ онъ брошены въ уголъ, межъ лохмотье вѣка, презрѣны, забыты! Это добровольное озлобленіе на людей, на таланты, на чужія извѣстности, въ которомъ счастье пронадеетъ даромъ, — эта болѣзненная щекотливость въ отношеніи къ общему и частному мнѣнію, громко презираемому съ столь же болѣзненною снѣсью, — это пожертвованіе здоровьемъ и тѣла и сердца, — эта мечтательная юность, — этотъ немилосердный зрѣлый возрастъ, — эта недовольная, но все еще предприимчивая старость, — мрачная бровь безъ лавроваго вѣнка, — терзанія Руссо безъ его торжествъ. Мы не преувеличиваемъ несчастнаго положенія въ мірѣ подобныхъ людей, — людей, которые увѣрены въ томъ, что они необыкновенные умы, чувствуютъ даже огонь генія въ груди, и между-тѣмъ, помилости кореннаго порока въ головѣ или воспитаніи, лишены возможности убѣдить въ этомъ публику, и между-тѣмъ переходятъ изъ неудачи въ неудачу, изъ полусуспѣховъ въ конечное забвеніе. Сильное понятіе о внутреннемъ своемъ достоинствѣ, о правахъ своихъ на знаменитость, окружаетъ ихъ густымъ облакомъ самолюбія, ласкаетъ, прельщаетъ, обманываетъ до самаго края пропасти. Устарѣвъ въ склонностяхъ и привычкахъ генія, они принимаютъ склонности за рѣшительныя дарованія, и въ привычкахъ видятъ его доказательства. Въ литературныхъ и художественныхъ занятіяхъ есть счастье, — счастье выпренипее, отвлеченное, неприступное для людей обыкновенныхъ: но ощущаютъ ли его эти неудавшіеся Гассы, Гиббоны, Шеллинги? Нѣтъ, они его не знаютъ. Изъ всѣхъ пріятностей званія имъ извѣстно только уединеніе.

Неоспоримо, что во всѣхъ вѣкахъ большая часть великихъ умовъ обнаруживала явное влеченіе къ немилосердности. Это слѣдствіе любви къ одиночеству, —

любви, столь свойственной созерцательнымъ душамъ, — склонности, въ существѣ своемъ себялюбивой. Это купальня, въ которой умъ освѣжается, вырвавшись изъ лихорадочной атмосферы толпы; въ которой укрѣпляются нервы понятія, очищается сужденіе. Временное удаленіе отъ свѣта безъ-сомнѣнія, полезно: литературные характеры естественнымъ образомъ очень чувствительны; ихъ дѣйствія такъ тѣсно связаны съ исканіемъ общественнаго уваженія, что они легко подвергаются огорченіямъ, преувеличиваютъ испытанныя непріятности, даже ихъ себѣ выдумываютъ. Тогда имъ необходимо спокойствіе: оно возобновляетъ силы тѣлесныя и душевныя; рассматривая издали обстоятельство, наполнявшее насъ печалью, мы часто даже удивляемся, что привидѣніе исчезаетъ въ лучъ чистѣйшаго свѣта: и какъ нельзя разстаться съ желаніемъ славы, то, съ его возвращеніемъ, возвращается въ насъ и благоволеніе къ тѣмъ, которые славою платятъ намъ за приносимую имъ пользу. Изъ пещеры, которую показывали еще во времена Плутарха, именно изъ пещеры, выходилъ Демосѳенъ съ новымъ сердцемъ и новымъ могуществомъ, чтобъ оглашать Грецію громомъ своего божественнаго краснорѣчія. Но отлучки отъ общества должны быть кратковременны: употребленіе ихъ благородно, злоупотребленіе — гибельно. Есть одиночество божества и одиночество дикаго звѣря. Человѣкъ рожденъ для того, чтобы жить съ себѣ подобными, — да и самая Поэзія обитаетъ въ людяхъ, а не въ пустынь. Благорасположеніе къ ближнему — первая его общественная добродѣтель. Пифагоръ говорилъ, что «человѣкъ долженъ быть зрителемъ жизни;» Баконъ, — что «въ театрѣ человѣческой жизни одинъ Богъ и его ангелы имѣютъ право быть зрителями». Пифагоръ и Баконъ оба равномѣрно правы: умы, призванные прививать къ обществу, къ

вѣткѣ своей мысли, должны по-переменно жить съ людьми для ихъ и своей пользы, и по временамъ уединяться для наблюденія. Но уединеніе гордое, упрямое, питающее нелюбимость, раздувающее въ сердцѣ ненависть, — смрадная и звонкая пещера, изъ которой исходятъ зловѣщія прорицанія, — это не приютъ генія, а приютъ зависти, которая въ вѣчной войнѣ съ геніемъ, съ талантомъ, со всѣмъ, что только выше посредственности, и имѣетъ право на отличіе. Тамъ обыкновенно затворяются съ досады тѣ, которые, промотавъ по пустыкамъ свои самородныя дарованія, ничего не сдѣлали ни для себя, ни для людей.

Слѣдствія этого гнѣвнаго отложенія отъ человѣчества, этого скопленія всѣхъ лучей раздраженной мысли въ единомъ фокусѣ своего лица, для нихъ же самихъ ужасны: Молодые люди! если вы получили отъ Природы зародышъ силы, неволью увлекающей человѣка къ авторской славѣ, взгляните въ нихъ порядкомъ, чтобъ умѣли вы избѣгнуть ихъ приличнымъ развитіемъ и употребленіемъ своихъ способностей. Первое изъ этихъ слѣдствій — искривленіе всего характера. Скоро привыкаете вы не признавать въ мірѣ никого кромѣ себя самихъ, дѣлаетесь для себя богами, и тѣхъ, которые смѣютъ оспаривать ваши притязанія, считаете почти извергами, поносителями святыни. Вы тогда похожи на тѣхъ древнихъ географовъ, такъ забавно осмѣиваемыхъ Плутархомъ, которые, начертавъ дурную карту маленькаго участка земли, извѣстнаго ихъ невѣжеству, все, что лежало внѣ его, означали словами — Непроходимые пески и Страшныя пустыни. Вы, ваши занятія и мнѣнія, вашъ кругъ, ваши обожатели или льстецы, — вотъ ваша географическая карта: а тамъ далѣе живутъ антропофаги, люди, питающіеся человѣческимъ мясомъ, и уроды «съ головою, растущею ниже плеча». И это разобщеніе мысли и сердца со

свѣтомъ постепенно разрушить красоту гения и неповитость характера: вы сдѣлаетесь смѣшными и жалкими!.....

О, если тогда избѣгнете вы примѣра ужасной моды, свирѣпствующей теперь въ литературномъ мѣрѣ, моды писать свои записки, картины своего вѣка, очерки своихъ современниковъ, анекдоты о вашихъ недображелателяхъ, жалобы на несправедливость, зависть, злобу, — если вы ея избѣгнете, я назову еще васъ счастливыми! Но врядъ ли оборонитесь вы отъ пастойчивости большаго, покрытаго ранами самолюбія. Оно принудитъ васъ торжественно отдать самимъ себѣ справедливость. И что жъ вы скажете вашимъ читателямъ? О врагахъ — все дурное; о себѣ — все я — я — и я! Больше вы о себѣ сказать не можете. Благодаря несообразному издержанію вашихъ способностей, вы никогда не возвысились ни до той восхитительной нѣжности чувствованія, которою дышатъ гениальныя страницы автобіографіи Руссо, хотя и набитыя съ верху до низу собственною его особою, ни до тѣхъ неземныхъ стоновъ о Тирзѣ, которыми Байронъ заставляетъ простить себѣ его презрѣніе къ нашему роду. Для вашихъ «Ночныхъ Мечтаній» нѣтъ Нарсиссы, для вашего «Пилгримствованія» нѣтъ Ады. Вы остаетесь, передъ лицомъ строгаго судьи, одни съ вашимъ сухимъ самолюбіемъ да съ вашимъ отвратительнымъ — я!

Мы отнюдь не оуждаемъ безусловно всякихъ признаній публикѣ, біографіи мнѣнія и мысли: они составляютъ важную и прелестную часть Словесности. Но, для благороднаго признанія, надо по-крайней-мѣрѣ заpastись въ жизни прекрасными чертами, многимъ достойнымъ вниманія. Мы не произносимъ тоже анафемы всему самолюбію: только злоупотребленіе его опасно и недостойно. Извѣстная степень самоуваженія не только весьма естественна высшимъ умамъ,

но даже необходима для полного ихъ дѣйствія. Безъ этого, мы только эхо пошлыхъ криковъ толпы, ея рабы и жертвы. Кто отказалъ въ почтеніи и соучаствіи Мильтону, за его частыя обращенія къ своей особѣ? Быть можетъ, во всемъ архивѣ Литературы нѣтъ другихъ строкъ, столь самолюбивыхъ, какъ слѣдующія: «Что касается до свѣта, то я считаю «его не гостиницей, но госпиталью; мѣстомъ, куда пришелъ я не жить, а умереть. Свѣтъ, который созерцаю, это — я! Въ мой собственный міръ, «въ маленькій міръ моей твари углубляю я свое «вниманіе, а тотъ міръ — я только его потребляю, «какъ мой шаръ, — и верчу имъ иногда, для своей «забавы. Люди, которые смотрятъ на меня извнѣ «да мѣряютъ меня по моему званію и богатству, «ошибаются на счетъ моей высоты: я выше Атласа, «взятаго вмѣстѣ съ вселенною, что у него на плечахъ!..... Земля — точка непримѣтная, не «только въ отношеніи къ небу, которое надъ нами, «но и въ сравненіи съ священной, небесною частицею, которая въ насъ. Эта масса плоти, которою «я окруженъ, не очерчиваетъ моего ума. Эта геометрическая площадь говоритъ мнѣ, что и небеса «имѣютъ свой предѣлъ; но она не въ силахъ доказать мнѣ, чтобъ я имѣлъ какой-либо. Въ моемъ «кругу болѣе трехъсотъ шестидесяти градусовъ. Хотя мое тѣло и можетъ быть измѣрено числомъ отдѣленій дуги, но для угла моего ума нѣтъ чиселъ «въ мірѣ. Когда силюсь постигнуть, какъ образу «я микрокосмъ, маленькій міръ, право, я нахожу, «что я больше великаго! Часть божества несомнѣнно принадлежитъ намъ, — нѣчто такое, что было «еще до стихій, и что не обязано поклономъ ничему «подъ солнцемъ. Кто меня не понялъ, тотъ не «знаетъ перваго своего урока, не смыслить и аза «въ грамотѣ человѣческой.»

Въ этомъ пышномъ отрывкѣ, торжественномъ шествіи порфиросной мысли, чувство собственнаго достоинства, самолюбіе, составляетъ еще красоту. Гордость великаго поэта дѣлаетъ гордымъ даже его читателя. Его признаніе облагороживаетъ цѣлый родъ человѣческой. Но Мильтона Богъ одарилъ, кромѣ гениа, еще отличимымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ, безъ которыхъ гений есть парадоксъ, ежели не допъ-кихотство. Да и почастию для него, онъ жилъ тому два столѣтія. Въ тѣ времена люди рѣже попадали въ доморощенные гении.

Есть пороки, собственно принадлежащіе извѣстнымъ вѣкамъ. Болѣзнь нашего — честолюбіе; не то сильное и похвальное честолюбіе, которое предполагаетъ себѣ цѣль, и стремится къ этой цѣли, но честолюбіе неопредѣленное, безпокойное, завистливое, которое ко всему стремится, всего хочетъ достигнуть, все обнять, захватить, поглотить; которое даже не знаетъ, удовлетворитъ ли его желанія это гигантское завоеваніе, которое пожираетъ свои собственныя внутренности, которое смѣшивается съ завистью, съ прихотями, со всѣми ненавистными и низкими чувствованіями; которое заражаетъ даже умы здравые, души сильныя, дарованія возвышенныя. Почти нельзя вооружаться гнѣвомъ и сатирою противъ этого общаго порока, разлитаго почти во всемъ нашемъ поколѣніи. Увы! это скорѣе болѣзнь, — болѣзнь тяжкая, убійственная: не знаю, есть ли въ свѣтѣ казнь ужаснѣе, нравственная пытка мучительнѣе честолюбія безъ цѣли. Такъ осужденный на каторгу въ Тридѣ-Мильскихъ мельницахъ идетъ непрерывно по колесу, покрытый потомъ, блѣдный, измученный, съ натянутыми мышцами, съ потухшими глазами, не зная куда идетъ онъ, не чувствуя ничего, кромѣ непрерывнаго и непреодолимаго волненія. Желаніе пылко, воля неможна. Необузданная жажда успѣха пожираетъ душу, а силы, необхо-

димой для его приобретенья, не достаетъ этимъ несчастнымъ. Они лѣзвы, любятъ роскошь, ненавидятъ работу, предаются своимъ прихотямъ; и они же хотятъ богатства, славы, почестей, всего, что фортуна продаетъ, а не даетъ даромъ. Чѣмъ болѣе увѣрены они въ своемъ геніи, тѣмъ болѣе упорствуютъ въ недѣтельности, тѣмъ болѣе жалуются и клянутъ несправедливость судьбы. Отъ другихъ требуютъ всего, сами для другихъ ничего не дѣлаютъ; хотятъ, чтобы фортуна сама отыскала ихъ и посадила на торжественную колесницу; не хотятъ даже принять на себя труда взлѣзть на нее. Между-тѣмъ ихъ со всѣхъ сторонъ опережаютъ. Другіе, болѣе искусные, болѣе дѣятельные, болѣе счастливые получаютъ желанную награду; остается одно только горькое сожалѣніе о томъ, что награда, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая, досталась соперникамъ. Чѣмъ болѣе виновны они противъ общества, тѣмъ болѣе на него сердятся и упрекаютъ его въ томъ, въ чемъ бы должны были упрекать самихъ себя. Тутъ начинаются жалобы, горесть, ярость; это не ненависть къ людямъ, но досада на нихъ; человекъ недоволенъ собою, и сердится за это на другихъ.

Если бы эти неудовольствія, это негодованіе являлись подъ старость, въ возрастъ остывшихъ жилъ, печальной и мертвой улыбки, въ возрастъ, для котораго надежда уже не существуетъ, для котораго даже и прошедшее ежедневно изглаживается; это было бы понятно: немощность желаній извинительна въ такомъ возрастѣ, когда все немощно, и тайная зависть простительна въ такія лѣта, когда человекъ уже лишился всѣхъ благъ, которыя вкушалъ прежде. Но это неопредѣленное честолюбіе, смѣшанное съ неспособностію и недѣятельностію, болѣзнь столь общая въ нашемъ вѣкѣ, что даже и юность заражена ею. Ей всего хочется: богатства, почестей, власти и все это

безъ труда, безъ вознагражденія, какъ будто и небо и люди ея дащики. Большая часть этихъ честолюбцевъ вѣрить только въ свое собственное достоинство; они не знаютъ или не хотятъ знать, что достоинство безъ терпѣнія, безъ постоянства, безъ силы души, ничего не значитъ. Когда характеръ челоуѣка не соответствуетъ его темпераменту и желаніямъ, онъ несчастнѣйшій изъ людей. Честолюбіе требуетъ, чтобы онъ шелъ впередъ; недѣятельность, чтобы онъ оставался на мѣстѣ и жилъ въ шѣгъ; какъ же управлять ему колесницею своей жизни, когда силы, движущія эту колесницу, дѣйствуютъ не дружно, не по одному направленію? Отъ этого несогласія въ способностяхъ рождается несчастная несообразность, дѣйствующая на всю жизнь челоуѣка.

Величайшій полководецъ нашего времени, Наполеонъ, очень хорошо распознавалъ эту неполноту характеровъ. Онъ говорилъ объ одномъ изъ своихъ маршаловъ: «Этотъ челоуѣкъ превосходный генералъ въ комнатѣ; но у него недостаетъ храбрости для исполненія своихъ плановъ на полѣ сраженія.» О другомъ: «Это храбрѣйшій изъ моихъ солдатъ: какой бы генералъ вышелъ изъ него, если бы я могъ придать ему немножко разсудка и способностей!» Такъ и въ литературной жизни видимъ множество людей съ гениемъ безъ разсудка, съ разсудкомъ безъ генія.

Если бъ отъ насъ потребовали привести полный и разительный примѣръ несчастія, происходящаго отъ этой несообразности, живой образецъ, къ которому бы плотно примѣнялись всѣ предыдущія замѣчанія, мы избрали бъ для этого Сиръ Иджертонъ-Бриджза*.

* Мы уже говорили объ этомъ дивномъ челоуѣкѣ въ предыдущей книжкѣ Б. для Ч., по поводу изданныхъ имъ Записокъ о своей жизни и своихъ современникахъ, подъ заглавіемъ — *The Autobiography, times, opinions and contemporaries of Sir Egerton Brydges, per legem tertae Baron Chandos, of Sudeley*. Мы не ругаемся за степень сира-

Это въ полномъ смыслѣ слова — доморощенный гений. Мы его и избираемъ. Вы имѣете передъ собой чело-
вѣка, наиболѣе облагодѣтельствованнаго Природою и
наименѣе исполнившаго свое предназначеніе. Гени-
альный духъ, живая чувствительность, способность
сообразовать и сравнивать, даръ наблюденія, даръ
слога, даже извѣстная ученость, все это у него было:
но къ чему служатъ необыкновенныя способности
и дарованія, когда они уничтожаются ненасытною
желаній, болезненною ихъ насильственностію, химер-
рами обманутаго воображенія и совершеннымъ отсут-
ствіемъ какой-либо цѣли! Сиръ Джертонъ-Бриджъ
происходитъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ въ государ-
ствѣ фамилій, получилъ отъ отца большое имѣніе, а
отъ Бога блестящіе таланты. Какой же результатъ про-
извело существованіе, столь хорошо приготовленное?
Какое твореніе оставилъ онъ по себѣ? какіе памятни-
ки возвыщаютъ объ усиліяхъ его юности? Достигнувъ
глубокой старости, сдѣлавшись горькимъ мизантро-
помъ, онъ долго странствовалъ по Европѣ, жилъ въ
Женевѣ, Римѣ, Флоренціи, Венеціи, Парижѣ, Неа-
полѣ; теперь ему семьдесятъ три года; состояніе его
разстроено, репутація гораздо ниже дарованій; воспо-

ведливости всего, что объ немъ здѣсь сказано: конечно, много лично-
сти скрывается въ этой картинѣ; но мы предлагаемъ ее какъ превос-
ходную, тонко и чисто нарисованную характеристику того рода лю-
дей, на которыхъ достаточно указываетъ самое заглавіе статьи. Быть-
можетъ, никогда большее число знаменитыхъ талантовъ не участвовало
въ составленіи одной журнальной статьи, какъ въ настоящемъ слу-
чавъ. Она обдѣлана для *Revue Britannique* извѣстнымъ Француз-
скимъ писателемъ, Г. Шалемъ, изъ двухъ отличныхъ статей *Quarterly*
Review, о сочиненіи Г. Шарпа и объ автобіографіи Сиръ Джертонъ-
Бриджъ, и принадлежащихъ лучшимъ перьямъ этого Журнала, а на-
чало ея взято изъ статьи о Сиръ Джертонѣ, помѣщенной въ *Edin-*
burgh Review, и приписываемой Англійскими журналами Лорду Бруму.
Изъ этого соединенія четырехъ мыслей вышла весьма примѣчательная
картина; но болѣе общая и отвлеченная, чѣмъ положительная и част-
ная.

минаніе обманурыхъ надеждъ его преслѣдуетъ и томитъ въ горькомъ уединеніи. Напрасно старается онъ замунить досаду на самого себя, составляя біографическія записки, сочиняя сатиры и пасквили, которые онъ раздаеъ даромъ за тѣмъ, что никто ихъ не покупаетъ: всѣ эти выходки оскорбленнаго честолюбія не залечиваютъ раны, а только растравляютъ ее. Порицать другихъ не значитъ доказывать свое собственное достоинство. Видѣть въ другихъ одни недостатки, значитъ исполнять обязанность земледельческаго орудія, которымъ *вѣютъ* хлѣбъ, отдѣляя шелуху отъ зерна. Злой критикъ оставляетъ доброе зерно другимъ, а самъ питается тѣмъ, что въ человечествѣ бесполезнаго, сухаго и негоднаго. Что надобно, чтобы умѣть открывать въ другихъ погрѣшности и недостатки? Немножко злости и самолюбія. Напротивъ, чтобы симпатизировать съ добродѣтельно и талантомъ, чтобы понимать, чувствовать ихъ, надобны талантъ, великодушіе и доброта. Ничего нѣтъ легче, какъ выказывать умъ и проищательность на счетъ доброты, справедливости и разсудка. Одинъ старинный Французскій писатель весьма остроумно сказалъ о своемъ пріятель, который надѣялся возвыситься, унижая другихъ:

S'il n'avait pas mal parlé des autres,
On n'eût jamais parlé de lui.

Человѣкъ съ умомъ и душею всегда расположенъ къ снисходительности. «Я коротко зналъ, говоритъ одинъ очень умный человѣкъ, именно Г. Шарпъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: я коротко зналъ величайшихъ гениевъ нашего времени: всѣ они были слишкомъ снисходительны. Они всегда находили превосходныя причины, которыми прикрывали чужіе пороки и недостатки, не только не унижали достоинства другаго, но еще преувеличивали ихъ. Боркъ, Джонсонъ, Фоксъ, Питтъ, Кеннингъ, Вальтеръ-Скоттъ,

приписывали талант даже самой рѣшительной посредственности. Вашъ недоброжелательный сатирикъ, человекъ, который раскрываетъ ротъ только для того, чтобы порицать ближняго, вашъ тонкій анализъ недостатковъ своихъ сосѣдей, обыкновенно бываетъ жалкое твореніе, столь же ядовитое и ложное въ лести, какъ и въ порицаніи. Милый мой сынъ! продолжайте тотъ же удивительный, но мало извѣстный на твердой землѣ писатель, изъ котораго заимствуемъ мы это мѣсто: не предавайся никогда страсти порицать и отыскивать въ другихъ дурное. Не мѣшайся съ теми, которые презираютъ все, кромѣ безстыднаго порока и успѣха, хорошими или дурными средствами добытаго. Они жалки. Повѣрь мнѣ, Фенелонъ, который всегда прощаетъ, счастливецъ сатирика Гакона. Добрый епископъ Берлепп не променялъ бы своей жизни на блестящую, низкую, желчную, честолюбивую жизнь доктора Свифта, который умеръ безъ головы, потому что жилъ безъ сердца!»

Этотъ недостатокъ, котораго причиною обыкновенно бываетъ ограниченность души и бѣдность мысли, не былъ врожденнымъ въ Сиръ Иджертопъ. Застуженная лихорадка тщеславія, ѣдкое неудовольствіе на все на свѣтѣ, горькое воспоминаніе о неисполнившихся надеждахъ, ввергли его въ пессимизмъ, заставили его видѣть въ свѣтѣ только скопище страданій и огорченій, чернить все свои картины, темнить все портреты, ничему не удивляться, ничего не уважать. Правда, что въ теченіе его жизни многія непріятныя обстоятельства должны были испортить его характеръ; но эти непріятности ничего не значатъ въ сравненіи съ несчастіями Тасса, Данта, Макиавеля и многихъ другихъ людей съ гениемъ, которые превозмогли злосчастіе, боролись съ нимъ, и въ этой продолжительной, постоянной борьбѣ почерпали новыя силы.

Сиръ Иджертоуъ былъ одаренъ отъ природы гениемъ; но въ характеръ его не доставало силы, и его чрезвычайная раздражительность только увеличивала слабость его. Одна изъ болѣзней, порожденныхъ нашею образованностию, есть характеръ безпокойный, который бѣжитъ на встрѣчу несчастію, вмѣсто того, чтобы съ твердостью ожидать его, который питается сожалѣніями, мучится, изыскивая новыя средства достигнуть славы и счастья, и забываетъ урокъ, заключающійся въ прекрасномъ стихѣ Вольтера —

On doit être heureux sans trop penser à l'être.

Мы привѣтили къ Г. Бриджзу еще одно мѣсто изъ писателя, котораго приводили мы выше, и котораго всѣ страницы проникнуты самою глубокою и истинно практическою философіею. «Если вы не можете быть счастливы однимъ образомъ, говоритъ Г. Шарль, то старайтесь сдѣлаться счастливыми какъ-нибудь иначе; для этого большею частію нужны только доброе расположеніе, доброе здоровье и добрый характеръ. Я знавалъ много людей, бѣгавшихъ за счастьемъ, какъ провинціалъ бѣгалъ за шляпой, которая была у него на головѣ. Мелкія злополучія жизни неопасны, какъ невидимыя насѣкомыя, проникающія въ поры кожи; но тайна быть счастливымъ состоитъ именно въ томъ, чтобы не мучиться бездѣлками, и радоваться малымъ наслажденіямъ, частицамъ счастья, которыя Богъ разсыялъ въ нашей жизни. Увы! большія радости, счастье въ гигантскомъ значеніи этого слова не дано въ удѣлъ человѣку. Многіе впадаютъ въ уныніе и отчаяніе именно потому, что всегда стремятся къ неизмѣримому идеалу, и пренебрегаютъ суммою удовольствій, достающеюся на ихъ долю.»

Сиръ Иджертоуъ-Бриджзъ былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей нашего времени, именно потому, что не слѣдовалъ этой простой философіи. У него бы-

ло два рода честолюбія: онъ жаждаль почестей и литературной славы. Одно удовлетворено было только вполонину и онъ ничего не сдѣлаль, чтобы упрочить себя другую. Онъ родился въ 1762 году, въ древнемъ замкѣ Вутонъ, близъ Канторберн; отецъ оставилъ ему значительное состояніе; мать была изъ древней и знаменитой фамиліи Иджертоновъ. Смерть нѣсколькихъ родственниковъ упрочила ему помѣстья Бриджзевъ. Онъ былъ воспитанъ въ Кембриджъ, гдѣ не хотѣлъ ничему учиться основательно. Все обѣщало ему жизнь блестящую. Онъ объяснилъ въ твореніи, исполненіи ума и эгоизма, первыя свои ощущенія, свою ссору съ университетскимъ воспитаніемъ и то, какимъ образомъ развилась въ немъ сѣмена безпокойства, расположенія къ несчастію, которыя мучили и тиранили его во всю жизнь.

«Первый припадокъ мизантропін, говоритъ онъ, почувствовалъ я тогда, когда вступилъ въ школу. Какъ горько, какъ прискорбно выйти изъ объятій матери, чтобы попасть подъ ферулу стараго учителя и подъ удары грубыхъ товарищей! До пятнадцати лѣтъ я тщательно скрывалъ эти идеи и чувствованія, которыя, какъ я думалъ, должны сдѣлать меня смѣшнымъ; но въ глубинѣ души моей крылось пламенное желаніе славы и отличій. Я былъ самымъ несчастнымъ ребенкомъ; воспоминаше о томъ, что покидалъ я, набрасывало тѣнь на мой новый горизонтъ. Я жилъ подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, на поляхъ, усыянныхъ цвѣтами, безъ соперниковъ, безъ тирана и безъ рабовъ. Теперь потолокъ залы давилъ меня; я съ отвращеніемъ думалъ о прошедшемъ днѣ, настоящій день былъ мнѣ въ тягость, завтрашняго ожидалъ я съ трепетомъ. Все, касающееся до моего семейства, до стараго жилища отцевъ моихъ, до моего парка, украшалось въ моемъ воображеніи цвѣтами райскими. Когда съ днемъ Рождества Христова наступали вакаціи, радость моя была столь судорожна, хохоть столь насильственъ, что родители мои пугались; и какъ страдалъ я, когда надобно было возвратиться въ

Майдстонъ и опять сидѣть на лавкѣ, посреди дѣтей-деспотовъ, покоряющихся деспоту, могущественнѣе ихъ!

«Отецъ мой часто говаривалъ о евосмъ предкѣхъ, Лордъ-Капцлеръ Иджертоуъ. и о знаменитыхъ Бриджеватерахъ-Иджертонахъ, въ жилахъ которыхъ нѣсколько вѣковъ текла кровь почти всѣхъ царскихъ домовъ. Онъ рассказывалъ мнѣ также дѣянія Капцлера Гердвика, родственника его по женѣ; портреты ихъ висѣли въ нашей гостиной. Съ какимъ вниманіемъ смотрѣлъ я на этихъ людей, въ ихъ длинныхъ парламентскихъ робахъ; мнѣ казалось, что ихъ важный взглядъ, ихъ торжественныя фізіономіи берегутъ мою юность. Я старался разбирать геральдическіе символы, вырѣзанные на рамахъ, гербъ Гиббоновъ съ крестомъ Св. Андрея Юрковъ. Эти подробности производили на меня живѣйшее впечатлѣніе. Въ зрѣломъ возрастѣ я продолжалъ заниматься изученіемъ Геральдики, которое гораздо важнѣе для Петорін, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, и которое помогло мнѣ при изданіи Коллинеовой Page, — родословной Англійскихъ перовъ.»

Къ этому уваженію къ званію, въ душѣ Иджертона примѣшивалось высокое и живое честолюбіе литературное. Первос твореніе, которое возбудило въ немъ это честолюбіе, была книга безъ гениа и вкуса: «Британская Біографія», сухая и безплодная компиляція, составленная по образцу Белева Словаря.

«Мнѣ было девять лѣтъ, когда я въ первый разъ сталъ читать ее. Всѣ эти истинныя романы, всѣ эти подробности частной жизни, столь занимательныя и такъ дурно разсказанныя, овладѣвали умомъ моимъ. Возвращаясь домой, я тотчасъ хватался за одну изъ старыхъ книгъ, лежавшихъ по окнамъ; и когда шелъ снѣгъ, когда ревѣла буря, какое благополучіе было для меня оетаться въ комнатѣ отца моего, придвинуть къ камину дѣдовекія кресла и разложить на колѣняхъ огромное in-folio! Я ужасно сердился на великаго, кто прерывалъ мое чтеніе. Вмѣстѣ съ «Британскою Біографіею» читалъ я Латинскія поэмы Бечанана и Мильтона; я читалъ ихъ на перилахъ дорогъ, на обрубѣ колодца, подъ тѣнію дубовъ, на поляхъ, на деревьяхъ, въ поестель.

Съ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ мечты литературнаго честолюбія дѣлали, восхищали, шитали, поглощали меня.»

Само собою разумѣется, что идеи послѣдственнаго величія и личнаго значенія не покидали его и въ Кембриджѣ. Въмѣсто того, чтобъ прилежно слушать положенный курсъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, знаменитомъ по образовавшимся въ немъ математикамъ, Сиръ Иджертоу предался занятіямъ совершенно другаго рода, почитая себя несравненно выше всѣхъ положенныхъ курсовъ. Устройство Кембриджскаго университета таково, что тамъ нельзя ожидать никакихъ отличій, если не занимаешься точными науками. Сиръ-Иджертоу не хотѣлъ объ нихъ и слышать. *Alma mater* заплатила невниманіемъ за невниманіе, оказываемое ей ея воспитанникомъ. Этотъ первый ложный шагъ на поприщѣ повлекъ за собою и многія другія. За то, въ своихъ Запискахъ, Сиръ Иджертоу не упускаетъ ни одного случая порицать Кембриджское воспитаніе, тамошнихъ профессоровъ, тамошніе лавры и отличія. Въ слѣдующихъ словахъ видна смѣсь истины съ заблужденіемъ, которую читатель легко различитъ и разберетъ.

«Какое заблужденіе думать, будто -бы университетскія отличія служатъ ручательствомъ за будущій талантъ! Изъ двухъ тысячъ девяти сотъ человѣкъ, которыхъ имена съ 1680 по 1830 годъ блистали въ спискахъ Кембриджскихъ конкурсовъ, развѣ только двое или трое сдѣлались известными въ зрѣломъ возрастѣ или подъ старость. Грей и Вордсвортъ были самыми плохими учениками; надъ Грессемъ даже всегда смѣялись. Правда, что онъ былъ человѣчекъ довольно странный, старый холостякъ, взнеженный, прихотливый и часто смѣшной. Привычка и недостаточное состояніе удерживали его въ Кембриджѣ. Я знавалъ тамъ другихъ странныхъ людей, которые никакъ не могли отказаться отъ этой монастырской и уединенной жизни: напримѣръ доктора Плошпура, который проводилъ всю жизнь въ томъ, что писалъ на карточкахъ каламбуры; Фермера, Шекспирова комен-

татора, который вѣчно лежалъ на коврѣ, посреди книгъ своихъ и былъ счастливъ своею ученою пѣгою; знаменитаго Порсона, котораго весь даръ состоялъ въ хорошей памяти; онъ былъ человекъ небольшого роста, тщеславный, безпокойный, наглый, властолюбивый и пошлый. Что значить эта нетрудная слава, которую приобрьлъ онъ своими примѣчаніями, комментаріями, диссертациями и исправленіями Греческихъ текстовъ? За что поставили ему пьедесталь, который онъ возвысилъ странностію своей жизни?»

Вотъ что скажемъ мы въ отвѣтъ на это Сиръ Иджертоу. Твореніе, которое кажется только ученымъ, иногда болѣе чѣмъ самое блестящее твореніе, доказываетъ умственное могущество. Порсонъ былъ человекъ съ головою сильною, который обратилъ всю энергію своего характера на ученость. По нашему мнѣнію, лучшимъ свидѣтельствомъ обширности ума и душевныхъ способностей, служить большая или меньшая сфера, нами избранная. Человекъ, который бы понималъ превосходство только на одномъ поприщѣ, хотя бы онъ былъ и чрезвычайно искусенъ въ своемъ дѣлѣ, всегда казался бы намъ умомъ ограниченнымъ. У него не доставало бы двухъ способностей: изобрѣтенія и соображенія. Несправедливый къ Порсону, Сиръ Иджертоу возноситъ до небесъ несчастнаго Четтертона, который, конечно, былъ человекъ съ гениемъ, но котораго душа была заражена болѣзнію, о которой мы говорили выше, честолюбіемъ самымъ пылкимъ, самымъ неопредѣленнымъ, самымъ петерфильвымъ. Впрочемъ, разсужденія Сира Иджертона объ этомъ предметѣ столь же глубоки, какъ и краснорѣчивы.

«Вальполь, который своимъ высокомеріемъ и небрежностію довелъ до самоубійства бѣднаго молодого провинціала, сказавшаго ему — *Я гений*; Вальполь смѣшалъ его съ толпою безталанныхъ и безстыдныхъ прошлецовъ, которые всякой день пріѣзжаютъ въ Лондонъ, въ надеждѣ получить первый выигрышъ въ лоттерей фортуны; Вальполь похо-

диль въ этомъ случаѣ на большинство людей, на публику безпечную и высокомерную, неспособную къ истинной и внимательной наблюдательности. Вообще мы принимаемъ мнѣнія свои безъ разбора; впечатлѣнія и особенно впечатлѣнія неблагопріятныя, достаются намъ отъ перваго попавшагося. Занимаютъ насъ только мелкія наши выгоды, мелкія наши страсти; до остальнаго намъ и дѣла нѣтъ. Четтертонъ былъ бѣдснъ, гордъ; его называли кичливымъ и безразсуднымъ. Вальполь допустилъ его умереть съ голода.»

Соскучивъ неудачами своими въ Ксмбрджъ, Иджертопъ началъ готовиться въ адвокаты; ремесло трудное, утомительное, шаткое, въ которомъ можно добиться денегъ и славы только цѣною тягостныхъ бдѣній и долговременнаго постоянства. Это ему надобно; онъ удался въ свой Гемпширскій замокъ, написалъ на бѣгу пера нѣсколько стихотвореній, довольно хорошо принятыхъ, и Романъ «Марія Клиффордъ», который имѣлъ успѣхъ и заслуживалъ успѣхъ разительностію нѣкоторыхъ сценъ и силою характеровъ. «Марія Клиффордъ» безспорно лучшее произведеніе Спръ Иджертона. Онъ написалъ его въ два мѣсяца, и почитаетъ этотъ подвигъ необычайнымъ. Онъ забылъ, что «Танкредъ» Вольтера окончилъ въ недѣлю, «Гю и Меннерингъ» Вальтеръ-Скотта въ мѣсяцъ; «Расселасъ» Джонсона въ шесть вечеровъ, «Пиршество Александра» Драйдена въ одинъ день, а «Виндзорскія кумушки» въ двѣ недѣли!

«Едва только Марія Клиффордъ собрала похвалы журналистовъ и публики, которые приняли ее весьма хорошо, какъ я снова сдѣлался топографомъ, геральдистомъ, генеалогомъ, библіографомъ, всѣмъ, чѣмъ бы я не долженъ быть. Эти бесполезныя занятія изсушили мои мысли, и погубили драгоценное время. Зачѣмъ не шелъ я твердымъ, ровнымъ, постояннымъ шагомъ по одной дорогѣ! Зачѣмъ погребалъ я пылокое воображеніе подъ развалинами геральдической науки, подъ щепломъ учености? Я далъ внутреннему пламени мой мысли исчахнуть и угаснуть; самопадѣнность,

безъ которой ничто не возможно, мало - по - малу потухла, энергія пропала, тяжелыя цѣпи обременили независимый умъ мой. Чѣмъ болѣе чувствовалъ я свою силу, тѣмъ болѣе бѣсился, что никто ея не знаетъ; глупцы, которые парили надъ моею головою, взлѣзали мнѣ на плеча, огорчали и ссрадили меня. Я чувствовалъ нужду въ поощреніи, и никто не поощрялъ меня; можетъ-быть, впрочемъ, что я предполагалъ въ публикѣ болѣе равнодушія ко мнѣ, нежели сколько она въ самомъ дѣлѣ показывала. Я мучился этою мыслию и былъ истинно несчастливъ.

«Сколько человекъ, одаренныхъ отличными дарованіями, угасли и уничтожились, по недостатку поощренія! Коллѣлись, который нашлепалъ въ жизнь свою одну только оду, по который былъ однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, произвелъ бы, вѣроятно, превосходныя творенія, если бы робость егошла опору. У человека рѣдко достаетъ мужества идти прямо къ своей цѣли, если никто не подаетъ ему руки, не помогаетъ ему, не пособляетъ въ нуждѣ, не утѣшаетъ при неудачахъ и не указываетъ вдали на рядъ успѣховъ. Кто не ожидаетъ награды, тотъ работаетъ слабо и неусердно; онъ не покидаетъ своего труда, но продолжаетъ его съ отвращеніемъ и тайнымъ отчаяніемъ. Человекъ съ дарованіемъ, котораго поощряютъ, выказываетъ иногда качества неожиданныя; человекъ съ гениемъ, но пренебреженный, впадаетъ въ отчаяніе и тупость. Въ теченіе моей жизни, которую облака такъ часто затмѣвали, я часто завидовалъ судьбѣ вертопраха или глупца, котораго извѣстность уносила на своихъ крыльяхъ и ставила на вершинѣ славы! Какъ этому человеку не считать себя царемъ земли, когда онъ сталъ предметомъ всеобщаго восхищенія и лести, когда ему такъ удивляются, когда его такъ ласкаютъ, когда онъ пошится, порхаетъ, паритъ въ воздухъ! Толпа подымаетъ глаза и любитъся; покуда вѣтеръ дуетъ, полетъ этого счастливаца продолжается; но вдругъ вѣтеръ переменяется, герой падаетъ, великій человекъ исчезаетъ, и публика дивится безобразнымъ развалинамъ, обломкамъ, покрывающимъ землю. Стогло ли подыматься такъ высоко, чтобы упасть такъ низко? Даже люди съ гениемъ, которые попадаютъ въ моду, дѣлаются жертвою; нынче Байрона читаютъ меньше чѣмъ Вальтеръ-Скот-

та. Слава Байрона возникла вдругъ, слава Вальтера-Скотта образовалась медленно. Мысль его, какъ у Борка, какъ у Мильтона, какъ у Драйдена, постепенно улучшалась. Это нѣкотораго рода воспитаніе умственныхъ способностей, у людей могущественныхъ, останавливается на границахъ самой глубокой старости. — Они растутъ по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ: превосходнѣйшія творенія нашихъ великихъ авторовъ написаны ими въ престарѣлыхъ лѣтахъ; напротивъ того, люди, у которыхъ только какой-то временной пылъ, и у которыхъ вдохновеніе происходитъ болѣе отъ чувствъ и силы юности, нежели отъ зрѣлости размышленія, блестятъ нѣсколько времени, и потомъ исчезаютъ; будущность не имъ принадлежитъ.»

Старшій братъ Сира Иджертона умеръ, и онъ получилъ по немъ богатія помѣстья въ графствѣ Кентскомъ. Собиратель древностей, любитель старыхъ книгъ, авторъ, полиграфъ, антикварій, поэтъ, даже типографчикъ, онъ завелъ въ древнемъ Лійскомъ приорствѣ типографскіе станки для своего собственнаго употребленія. Онъ печаталъ ими только свои творенія; къ несчастію посреди этого умственнаго гарема, который онъ себѣ создалъ, Сиръ Иджертонъ не пекся ни о славѣ, ни о дѣлахъ своихъ. Погруженный въ нѣкотораго рода сибаритизмъ мысли, онъ не хотѣлъ видѣть своего затруднительнаго положенія. Обстоятельства его разстроились; за богатствомъ послѣдовало весьма затруднительное состояніе; управители его грабили; старинныя денежныя претензіи, увеличенныя законо-искусниками, сдѣлались весьма важными. Вотъ какимъ образомъ самъ Сиръ Иджертонъ рассказываетъ, какъ его имѣніе растаяло и уничтожилось въ рукахъ его.

«Измученный непрерывною бдительностію, которой требуютъ денежныя дѣла, я ввѣрилъ ихъ нѣсколькимъ управителямъ. Эти люди охотно получаютъ, а платить неохотники. Всякой управитель, по своему положенію, подвергается искушенію извлекать пользу изъ капиталовъ, которые

находятся у него въ рукахъ, и человекъ искусный, который умѣетъ вести счеты, располагаетъ ихъ какъ ему угодно. Нѣтъ на свѣтѣ вещи болѣе гибкой и терпливой, какъ цифры; онѣ удивительно хорошо располагаются въ створочные столбцы, которые доказываютъ все, что вамъ угодно. Развѣ самая только крайняя нужда можетъ заставитьъ меня провѣрить счетъ; подчиненные весьма скоро угадываютъ это отвращеніе; мало-по-малу, шагъ за шагомъ, переходя отъ плутовства къ плутовству, они спутываютъ все расчеты, съ намѣреніемъ и на досугъ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно сложными и ведутъ довѣрителя своего къ разоренію. Вывести результатъ изъ этихъ счетовъ всякой день становится труднѣе и труднѣе. А человекъ, который не рѣшается просмотрѣть счетовъ своихъ за мѣсяць, брѣдъ-ли станетъ разсматривать отчеты за годъ!

«Какъ счастливъ и несчастливъ былъ я въ москѣ Кентскомъ помѣсть! Какъ нравились моей душѣ, моей мысли эти зеленющіяся поляны, эти прелестные виды, это уединеніе, это спокойствіе, эти книги, эти ученые разысканія! Мои земледѣльческія занятія дополняли это блаженство сельскос, ученос и поэтическос. Къ несчастію опыты мои стоили мнѣ дорого; управители мои меня обкрадывали; деньги уходили отъ меня, и никогда уже не возвращались. Несмотря на все мое богатство, я скоро былъ опутанъ тенетами эзекутора и кредитора, адвоката и приказнаго. Минутная небрежность, временная недѣятельность, одномосячнос бездѣйствіе повлекли за собою слѣдствія неисчислимыя. Суммы самыя маловажныя, увеличиваясь, умножаясь, разростаясь усилили капиталъ моего долга. Изъ всѣхъ человѣческихъ злополучій, денежныя затрудненія суть самыя важныя. Я имѣлъ досугъ написать какое-нибудь большое твореніе; но умственные силы мои были потрясены мелочными огорченіями, неважными затрудненіями, которыя ежеминутно меня мучили и не давали мнѣ покоя. Къ денежнымъ затрудненіямъ присоединились все оскорбленія, все горести, все крики, все гоненія, которыя принуждены терпѣть должникъ, и которыя, какъ фуріи, преслѣдуютъ его по пятамъ. Лучше убить отца, чѣмъ задолжать двѣ гшпен. Будьте отцеубійцею, вы еще можете какъ ни-

будь избавиться отъ мести законовъ; но будьте несостоятельнымъ плательщикомъ, и вы сдѣлаетесь гнуснѣе самаго ужаснаго разбойника.

«А тутъ являются забвѣніе отъ родственниковъ, холодность друзей, ихъ лживыя панегирики и соболѣзнованія, въ которыхъ замѣтна ваша виновность и ихъ великодушіе; а тамъ презрѣніе отъ толпы, людей безъ чувства, безъ мысли, безъ сердца, для которыхъ порицаніе есть отрада, единственная остающаяся имъ отрада, и которые, глядя только на дурную сторону дѣлъ человеческихъ, охотно смѣшиваютъ проступки, происходящіе отъ безпечности, съ проступками порочными, питаются огорченіемъ, какъ нѣкотораго рода пчелы ядомъ, и обогатившагося вора называютъ почтеннымъ господиномъ, а поэта или художника, который мало заботится о своихъ приходахъ и расходахъ, негодяемъ и мошенникомъ. Наконецъ въ списокъ золь происходящихъ отъ положенія, которое я старался изобразить, надобно помѣстить легіонъ человеческихъ гарній, которыя участвуютъ въ движеніи общества только тѣмъ, что обогащаются его жалкими обломками, для которыхъ разореніе неосторожныхъ и безразсудныхъ составляетъ вѣрный доходъ: экзекуторовъ, адвокатовъ, людей дѣловыхъ, людей денежныхъ, племя печистое и неумолимое, которому мы обязаны большею частию общественнаго развращенія. Между-тѣмъ, страдая этою безпрерывною лихорадкою, я предпринималъ и окончивалъ литературныя произведенія; но оригинальность, сила мысли во мнѣ потухли. Чтобы заглушить чувствованіе моего положенія, чтобы забыть хотя на время мои мученія, я разбиралъ старинныя рукописи, переписывалъ летописи. Эти тягостныя работы занимали мою душу, но не удовлетворяли меня. Смирная тропа, по которой я шелъ, оскорбляла мою гордость, унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ; и между тѣмъ я былъ совершенно не въ силахъ вступить на путь болѣе трудный и широкій, который бы потребовалъ сосредоточенія моихъ мыслей. Правда, что въ этихъ компиляціяхъ, переводахъ, опытахъ, не мудро было распознать руку человѣка, который можетъ, долженъ дѣлать что нибудь получше этого. Поручите самую скромную работу человѣку съ умомъ могущественнымъ; и вы

тотчасъ узнаете львиныя когти. Трудолюбивая терпѣливость ученаго безъ мыслей, никогда до этого не достигнетъ.

Къ числу несчастій моихъ принадлежить и то, что я жилъ среди людей полудеревенскихъ, полуобразованныхъ, которые меня не понимали, и которыхъ я ненавидѣлъ. Я былъ въ постоянной враждѣ со всѣми сосѣдними squires, или мелкими помѣщиками. Я имѣлъ на Чапдосское баронство права, которыя старался доказать и отъ которыхъ и теперь не отказываюсь; я былъ писателемъ, а они не видятъ книги. Въ Романѣ моемъ—«Артуръ Физъ-Альбини» я не пощадилъ деревенскихъ дворянъ. Глупцы сами примѣнили къ себѣ самыя забавныя мои очерки. Я былъ чувствителенъ, раздражителенъ, съ недовѣрчивостію толковалъ каждое слово, каждое движеніе, каждый взглядъ, и потому они скоро не влюбили меня; притомъ между нами не было ничего общаго. Я ни сколько не зналъ ни термिनновъ, ни обычаевъ охоты; гоньба за оленями или за лисицами, скачка къ колокольнямъ ни сколько не занимали меня. Я не умѣлъ разбираться въ достоинствѣ ни скаковой, ни рабочей лошади; пить былъ я такой же не мастеръ, какъ и охотиться; если бы мнѣ случилось сказать чтонибудь замѣчательное, остроумное, никто бы меня не понялъ; идея политическая, нравственное замѣчаніе, скользнули бы по этимъ умамъ, какъ вода по мрамору; судить о вещахъ и людяхъ мнѣ было не возможно, если я не хотѣлъ вытерпѣть какуюнибудь насмѣшку грубую, тяжелую, лѣнивую, по несумолимую. Въ этихъ толстыхъ богатыхъ джентльменахъ, которые управляютъ судьбою конституціонныхъ государствъ, мало умственного; за то они всегда избираютъ изъ своей среды когонибудь, нѣсколько повыше другихъ и за нимъ слѣдуютъ. Въ графствѣ Кентскомъ всѣ эти посредственности шли рядомъ, и притомъ съ ужасно-досаднымъ согласіемъ.

«Наконецъ намъ удалось взаимно другъ друга возненавидѣть, отъ всей души и откровенно. Если которыйнибудь изъ моихъ сосѣдей пріѣзжалъ въ мой замокъ, онъ не могъ безъ тошноты смотрѣть на пирамиды запыленныхъ книгъ, лежащихъ въ моемъ кабинетѣ. Этотъ хаосъ готическихкихъ

томовъ возбуждалъ въ немъ совершенное отвращеніе. Онъ, казалось, хотѣлъ бы сказать мнѣ: «Что вы это дѣлаете? Что за жалкая жизнь! О, возвратите мнѣ мою лошадь! дайте мнѣ чистаго воздуха, дайте перескочить черезъ двадцать рвовъ, двадцать плетней, дайте погоняться за лисицею, а потомъ приготовьте мнѣ хорошій обѣдъ, побольше вина и сзовите веселыхъ товарищей.» Для нихъ, этотъ человекъ блѣдный, со впалыми глазами, истощенный бѣднѣями, былъ просто бѣднякъ, лишившійся здраваго смысла. Я видѣлъ, что они меня не уважаютъ, и это унижало меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, и въ присутствіи моихъ сосѣдей я дѣлался болѣе чѣмъ когда нибудь, смиреннымъ, робкимъ, несчастнымъ. Образование лагеря, по близости моего замка, избраніе меня въ члены Парламента, прервали теченіе этой однообразной и между тѣмъ безпокойной жизни. Признаюсь, что я вовсе не имѣлъ ораторскихъ успѣховъ; по моей первической раздражительности, я не могъ производить никакого впечатлѣнія на совѣщательныя собранія.

«Великіе ораторы рѣдки: въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, смѣлость есть одинъ изъ главнѣйшихъ ступей успѣха. Кеннингъ заикался при началѣ рѣчей своихъ; казался робкимъ, нервнѣйшимъ со вступленія до заключенія; Ванситтартъ бормоталъ свои фразы такъ, что въ двухъ шагахъ отъ него ничего нельзя было разслушать; Граттанъ съ силою и важностію произносилъ пышные пустяки; Уайтбредъ принималъ надутость словъ за силу идей, пѣну краснорѣчія за самое краснорѣчіе; Попсонби говорилъ эпиграммами, и крошилъ рѣчи свои на сентенціи краткія, часто лакопическія, но не новыя и не разительныя; Грентъ подражалъ Кеннингу и осыпалъ насъ цвѣтами академической декламации; Робинсонъ забавлялъ насмѣшками свѣтскаго человека, такъ же какъ и Тіерри, который всегда будто смѣялся надъ Парламентомъ и надъ самимъ собою; наконецъ Госкиссонъ, жалкій ораторъ, съ простонароднымъ произношеніемъ, неловкими жестами и пошлою осанкою. Трудно опредѣлить слогъ и ораторскія привычки Сиръ Френсиса Бордетта. Посреди торжественности важной, однообразной, иногда скучной, онъ вдругъ возвышалъ

ся, оживлялся, и даже приближался къ истинному краснорѣчію. Степень, человекъ не безъ таланта, портить его произношеніемъ столь прстонароднымъ, что не возможно было слушать его безъ отвращенія; Вильберфорсъ со своимъ крикливымъ звонкимъ голосомъ, медленнымъ произношеніемъ и проповѣдничскимъ гнуснымъ выговоромъ, выражалъ всегда идеи возвышенныя, и никогда не вдавался въ общія мѣста; но его элегическія и мизантропическія сѣтованія скоро наскучали. Мекнитошъ, человекъ рѣчистый, но слишкомъ принужденный, слишкомъ ученый, изысканный, имѣлъ мало успѣха, какъ ораторъ. Для человека, который хочетъ дѣйствовать на людей дѣловыхъ и государственныхъ, ничего не можетъ быть пагубнѣе принужденности и педантизма. Философія и патріотизмъ Ромилли возпосились слишкомъ высоко для собранія столь разнохарактернаго. Плонкетъ, адвокатъ превосходный, котораго всѣ мысли были сильны и разительны, не умѣлъ произносить рѣчей своихъ. Ораторъ прежде всего долженъ пріобрѣсти искусство владѣть собою. Онъ не долженъ ничего бояться, и прямо итти къ своей цѣли, не обращая вниманія на вопросы, восклицанія и угрозы. Человекъ, слишкомъ чувствительный или робкій, испугается собственнаго своего голоса: если бы онъ даже говорилъ превосходнѣйшія въ свѣтѣ вещи, то и тогда ни, чьего ума не поразить. Половина могущества Мирабо состояла въ его громовомъ голосѣ, хладнокровіи и безстыдствѣ.

»Францискъ Беконъ говоритъ: «Есть родъ лѣса, изъ котораго строятъ корабли, сопротивляющіеся бурямъ; есть и другой родъ лѣса, изъ котораго дѣлаютъ домашнюю утварь и балки для домовъ. Такъ и въ человѣческихъ характерахъ, одни назначены для бурь жизни публичной, другіе для спокойствія домашней жизни.» Не пускайтесь на ровный и опасный путь политики, если не чувствуете въ себѣ некоторой суровости души, глубокаго равнодушія къ выгодамъ другихъ, и особенно мужества переносить, не блѣднѣя, всѣ обиды и оскорбленія. Между Кеннингомъ и Кастльри былъ человекъ столь же искусный, столь же замѣчательный какъ и они, но котораго жизнь была совѣмъ не такъ блистательна; то былъ Лордъ Ливерпуль. Кротость

и терпѣливость его, уступили повелительной живости Кеннинга и оглушительной риторикѣ этого человека, который по уму былъ ниже его. Онъ не умѣлъ сопротивляться и выдерживать нападенія; умъ его былъ слишкомъ гибокъ, слишкомъ податливъ, слишкомъ стоворчивъ. Что касается до Лорда Кастльри, который былъ не столь знающъ, не такъ хорошо понималъ людей и вещи, глядѣлъ не съ такою ясностію; но онъ имѣлъ передъ нимъ преимущество весьма важное—рѣшительность, онъ превосходно умѣлъ *хотѣть*. Правъ ли онъ былъ или неправъ, но онъ всегда одерживалъ побѣду своею отважностію; онъ овладѣвалъ пунктами, на которые Лордъ Ливерпуль не осмѣлился бы и напасть. Робость Лорда Ливерпуля придавала ему холодный, перѣшительный видъ, весьма непріятный; между тѣмъ какъ Кастльри наружною своею искренностію, своимъ смѣлымъ и самоуверненнымъ видомъ, и Кеннингъ своею остроумною говорливостію производили невольное очарованіе. Питтъ, котораго я такъ часто видывалъ на охотѣ, съ поднятымъ къверху лицомъ и скачущимъ по полямъ и лѣсамъ, ни сколько не имѣлъ воображенія. Вокругъ его толпилось нѣсколько человекъ съ умомъ хитрымъ, политиковъ тонкихъ, старыхъ дипломатовъ, которые были слѣпными орудіями его ловкости и, такъ же какъ и всѣ его современники, покорялись могуществу его генія.»

Всякъ видитъ, какъ много выразительности, наблюденія и живости въ этихъ очеркахъ, и какъ сильно неудачи Сиръ Иджертона дѣйствовали на его мнѣніе. Какъ могъ онъ надѣяться достигнуть славы Байрона и Вальтеръ-Скотта, печатая на свой счетъ какія-то лѣтописи! Несчастливый тѣмъ, что слава, которой онъ такъ желалъ, на него низходила, онъ былъ пораженъ второю раною, не менѣе чувствительною. Старинное баронство Чендосское принадлежало ему: такъ, по крайней-мѣрѣ, онъ думалъ; быть можетъ, что право его основательно, но у него не было законныхъ доказательствъ. Палата перовъ не признала требованій Сиръ Иджертона; и судьи и адвокаты объявили, что законныя формы нера не выполнены.

Этотъ процессъ, тянувшійся весьма долго, чрезвычайно огорчилъ его. Онъ проклялъ свою родину, и, отряхнувъ, какъ пророкъ, пыль своихъ сандалій, онъ простился съ Англіею, съ графствомъ Кентскимъ, съ бывшими охотниками, которыхъ сосѣдство такъ надоело ему, съ лордами, которые не хотѣли принять его въ свою Палату, съ членами Нижней Палаты, которые затмѣвали его своими дарованіями, и литераторами, которые болѣе его славилась. Въ Запискахъ его, издаваемыхъ въ разное время частями, отрывками, и съ безпорядочностію, которая весьма хорошо показываетъ безпокойство и судорожное состояніе этого несчастнаго умнаго человѣка, — заключается множество литературныхъ и другихъ портретовъ. Лордамъ въ особенности въ нихъ достается: тѣ, которые подали голосъ противъ допущенія его въ Палату перовъ, — одни неблагодарны, — другіе завистливы, — а всѣ набитые дураки или не столбовые дворяне. Разумѣется и вразсужденіи литераторовъ не спсходительность была музою Сиръ Пджертонъ. Знаменитая миссъ Снвардъ, одна изъ тѣхъ мимолетныхъ звѣздъ, которыя исчезаютъ какъ палящія летніе пары, не оставляя послѣ себя на небѣ ни малѣйшаго слѣда; Комберлендъ, который разнообразіемъ своихъ успій пользовался нѣсколько лѣтъ славою, заслуженною имъ только за нѣсколько хорошихъ комедій; геній второго разряда, но умѣвшій поддерживать свою посредственность лестью другимъ, окружавшимъ его посредственностямъ; сапожникъ Робертъ Блумфильдъ, погубленный униженіемъ, заставившимъ его покинуть свою лавку, и заняться ремесломъ, я чуть бымо не сказалъ, торговъ политическимъ, разобранны Сиръ Пджертономъ чрезвычайно вѣрно, строго и остроумно.

«Нѣкоторыя воспоминанія, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, дѣлаютъ честь Англійской публикѣ, доказывая, что рѣшенія ея навсегда основываются на предразсудкахъ, мо-

дѣ и прихоти. Въ 1820 году я былъ въ Лондонѣ, куда привлекли меня мои новыя парламентскія обязанности. Въ то время вышли двѣ книги; одна, подъ заглавіемъ «Португалія» сочиненіе Лорда Ногента, другая — «Чайльдъ-Гарольдъ.» Байрона презирали, ненавидѣли; утверждали, что у него нѣтъ ни сколько поэтическаго таланта. «Часы досуга,» Hours of idleness, въ которыхъ я замѣтилъ столько признаковъ превосходнаго таланта, не имѣли ни какого успѣха; Лордъ Ногентъ блисталъ въ сферѣ возвышенной; его генію вѣрили.

«Между-тѣмъ какъ скоро Бондъ-стритскіе книгопродавцы выставили свои афишки, какъ скоро нѣсколько чловѣкъ пробѣжали стансы Чайльдъ-Гарольда, все перемѣнилось. Колоссальная слава Байрона была дѣломъ одного дня, одного часа, одной минуты. Горючія вещества были готовы; искра упала и взрывъ послѣдовалъ. Въ полдень, никто еще не понималъ Байрона; къ вечеру вокругъ его имени горѣло пламя, которос никогда не погаснетъ. Очищенный, восторженный, улучшенный своимъ торжествомъ, онъ собралъ плоды его, онъ удвоилъ свои усилія. Онъ продолжалъ твореніе свое въ Грціи, въ Италіи, въ Швейцаріи, и если въ славѣ его были періоды успокоенія и мрака, за то какимъ блескомъ сіяла она въ другое время! Иные говорятъ, что «чувствованія, выражасмыя Лордомъ Байрономъ слишкомъ сильны, и потому уже ложны; талантъ его отзывается мелодрамой». Нѣтъ, эти чувствованія пылкія, пламенные, необычайныя, въ отношеніи къ нему истинны. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я имъ съ презрѣніемъ, притворно выказывать подобныя страданія невозможно, придумывать подобныхъ мыслей нельзя. Прихотливый, но искренній, онъ часто сегодня отвергалъ свои вчерашнія идеи; но кто осмѣлится утверждать, чтобы безпорядочность, излишняя пылкость и непостоянство уничтожали все достоинство въ нашей бѣдной человѣческой породѣ?»

«Бѣть-можетъ, я при рожденіи моемъ получилъ способности, которыя должны были бы возбудить вниманіе публики, и расположить ко мнѣ чувствованія моихъ современниковъ. Но природа не дала мнѣ стойкости, силы характера, безъ которой большихъ твореній совершить нельзя.

Чтобы достичь какойнибудь цѣли, надобно работать постоянно, а не по временамъ, по прихотп. Человѣкъ слишкомъ робкій или слишкомъ прихотливый чувствуетъ въ себѣ силу только тогда, когда постороннее вліяніе отторгаетъ его отъ лѣности, которую мы все такъ любимъ. Такъ прошли по-крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ моей жизни; ничего я не создалъ, ни какого важнаго творенія не произвелъ. Правда, что вознамѣрившись совершить подобное предпріятіе, надобно отказаться отъ надеждъ на будущность и богатство; книгопродавецъ-издатель, купецъ, продающій напечатанную имъ мысль, не станеть рисковать капиталомъ въ спекуляціи, которая можетъ только просвѣтитъ человечество. Я очень жалую, что не употребилъ на чтонибудь полезнѣйшее типографіи, которую завелъ я въ пріорствѣ Лійскомъ.»

Этотъ странный мизантропъ, столь безвредный для другихъ и столь несчастливый, переносилъ блуждающихъ своихъ пенатовъ во Флоренцію, Римъ, Неаполь, Парижъ и Женеву. Вездѣ онъ собиралъ старыя книги, разбиралъ рукописи, писалъ пасквили, которыхъ уже никто не помнитъ. По своей щекотливости, самолюбію и непостоянству, онъ расточилъ талантъ свой. Теперь ему семьдесятъ три года; извѣстность его не велика, благодаря странному раздробленію его способностей. Не много есть писателей⁴ ученѣе его. Онъ написалъ нѣсколько изъ прекраснѣйшихъ страницъ, принадлежащихъ нашему времени; нѣсколько страницъ, которыя живостію производимаго ими впечатлѣнія и чистотою колорита напоминаютъ Жанъ-Жака Руссо. Сиръ Иджертонъ живетъ нынче въ Женевѣ. Онъ описываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Я сижу у окна маленькаго моего Женевскаго домика; и тутъ, устремивъ взоры на величественную пелену озера, забываю свѣтъ, который своєю завистью, клеветою и ненавистью тревожилъ меня иногда, и надъ которымъ у меня не достало силы восторжествовать. Что мнѣ теперь до этихъ порочныхъ стра-

тей! Я старъ; колесницы ихъ, проводятъ колени по дорогѣ, но меня пезадѣвають. Я вижу ихъ пыль, слышу ихъ шумъ; но спокойствіе мое этимъ не нарушается. Общество мое, пріятельскій кругъ мой составляютъ великіе поэты прежнихъ временъ, самыя иѣжныя, самыя утѣшительныя моралисты; всѣ тѣ, которые, подобно мнѣ, убѣгаютъ свѣта, которые, подобно мнѣ, страдали отъ его несправедливостей, оказываютъ благорасположеніе свое ко мнѣ; чего же мнѣ не достаетъ? Развѣ не все зависить отъ нашего воображенія, развѣ не мысль наша устрояетъ наше счастье? Между - тѣмъ, несмотря на всѣ мои неудачи, на все, чего я желалъ и не получилъ, на всѣ мои страданія, ни въ комъ не возбуждившія соболѣзнованія; несмотря на столько сожалѣній и заботъ, я чувствую, что есть наслажденія и для старости, и для уединенія и для одиночества. Пусть клевета шумитъ вѣн моего круга; я ея не услышу.»

Сиръ Иджертопъ, расточившій огромное имѣніе своими безразсудными поступками, напомнистъ Тимона Аѳинскаго, котораго Шекспиръ изобразилъ такъ хорошо. Взглянемъ съ соболѣзнованіемъ на челоуѣка съ рѣдкими достоинствами, которыя онъ такъ дурно употреблялъ. Сиръ Иджертопъ челоуѣкъ образованный, хорошій грамматикъ, писатель со слогомъ не только свободнымъ, но пріятнымъ и острымъ, и потому онъ могъ бы занять на старости роль, которую Бель присвоилъ себѣ съ такимъ мужествомъ и успѣхомъ. Это было бы на послѣдніе годы жизни этого челоуѣка замѣчательнаго, который былъ долгое время палачемъ своего собственнаго дарованія, — занятіе выгодное для его славы, и полезное для потомства.

*Edinburgh Review. — Quarterly Review. —
Revue Britannique.*

КИТАЙСКІЯ

ЖЕНЩИНЫ - ПОЭТЫ.

=

Къ списку, уже довольно длинному, женщинъ, которыя получили отъ неба дары вдохновенія и поэтическаго таланта надобно прибавить цѣлую сотню Восточныхъ поэтовъ того же пола, о которыхъ одинъ Англійскій синологъ возвѣстилъ Европѣ, приславъ въ Лондонъ весьма любопытное собраніе мелкихъ стихотвореній, написанныхъ дамами Поднебесной Имперіи. Не нужно сказывать, что эти стихотворенія не отличаются ни смѣлостью мысли, ни рѣзкостью выраженія: въ Китаѣ, женщина не смѣетъ сообщать всего что чувствуетъ, или по-крайней мѣрѣ имѣетъ еще столько стыдливости, что не въ состояніи написать ни «Валентины», ни «Леліи.» Ея поэзія является тамъ подъ покровомъ притчи, подъ формами скромными и пріятными.

Изъ ста Китайскихъ женщинъ, которыхъ труды составляютъ присланное собраніе, нѣтъ ни одной, которая бы уклонилась отъ этого правила. Никогда устакъ не изъявляли негодованія на супружество, никогда перо ихъ не писало ничего ѣдкаго, никогда пьсни ихъ не были внушены мщеніемъ. Нѣжныя и простодушныя, онѣ чистосердечно говорятъ о любви своей; любя и будучи любимыми, онѣ дышатъ однимъ сладострастіемъ; покинутыя, онѣ плачутъ; обманутыя, презрѣнныя, тоже плачутъ. Надобно знать, что и мандарины тоже обманываютъ женщинъ.

Всѣ стихотворенія этого собранія написаны въ анакреонтическомъ родѣ: вотъ гимнъ любви; вотъ эротическое посланіе; переверните страницу, — тамъ четы-

рестнише или эпиграмма, которыхъ предметомъ та же любовь; вотъ еще элегія и тоже разсказъ о любовныхъ несчастіяхъ. Вообще, стихотворенія эти написаны со вкусомъ и пріятностію; образы въ нихъ живы, фигуры блестящи, выраженія живописны; но несмотря на свѣжесть колорита, въ нихъ царствуетъ какой-то слезливый оттѣнокъ, котораго не можемъ объяснить себѣ. Даже пѣсни радости запечатлѣны выраженіемъ горести и задумчивости, совершенно противоположнымъ предмету поэмы: точно какъ будто предчувствіе несчастія мучитъ этихъ женщинъ, и онѣ не смѣютъ вполне предаваться радости. Отъ чего это происходитъ? отъ общественнаго состоянія женщинъ? отъ вліянія-ли климата, нравовъ народа или воспитанія? Не здѣсь мѣсто разсматривать этотъ вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко: отрывки, которые мы приведемъ, лучше всѣхъ комментарій покажутъ умъ и характеръ ихъ сочинительницъ.

Первая — является *Чу-шеу-чинь*. Ей приписываютъ множество замѣчательныхъ стихотвореній и, между прочимъ, собраніе небольшихъ поэмъ, которымъ она придала заглавіе — «*Сердечныя печали.*» Чу-шеу-чинь была молода, чувствительна и страстна: она испытала всѣ несчастія, которымъ можетъ быть подвержена женщина. Сначала, предметъ ея страсти не отвѣчалъ ей взаимною любовью; потомъ она, какъ Сафо, была обманута; наконецъ, покинута. Съ растерзаннымъ сердцемъ, съ глазами, наполненными слезъ, она пѣла свои несчастія. Одна изъ знаменитѣйшихъ ея элегій есть та, которую сочинила она на «праздникъ Фенарей.» Мы переведемъ изъ нея двѣ строфы.

«Я помню, годъ назадъ, въ этотъ же самый день, луна освѣщала небо, фонари блестяли на землѣ, и невинное мое сердце любви еще не знало.

«Нынче, какъ и тогда, фонари на землѣ блестятъ, луна освѣщаетъ небосклонъ, а изъ глазъ моихъ текутъ слезы; увы! я нынче люблю и никто не отвѣчаетъ моеѣ страсти!»

Кай-Янь была въ числѣ женщинъ гарема Императора *Янь-Цунь*. Часто, по примѣру подругъ своихъ, писала она стихи на корѣ деревь, и повѣряла въ трамъ тайны своего сердца; однажды, въ великолѣпныхъ покояхъ своей темницы, она шила платье для солдатъ, охранявшихъ границу, и вложила въ карманъ одного изъ этихъ платьевъ записочку со слѣдующими стансами:

«О ты, котораго люблю, но не знаю! когда посреди студенной ночи, ты будешь стоять на стражѣ, опираясь побѣдоносными руками на оружіе, вспомни, что это платье шила тебѣ женщина!

«Какъ пріятна, какъ легка эта работа! какъ хотѣлось бы мнѣ посвящать ей и другія минуты! Посмотри на эту ткань, взгляни на эти вышивки и узоры; это работа любви!

«Но кто знаетъ, станешь-ли ты, неизвѣстный, отвѣчать на нѣжную любовь мою? Кто знаетъ, быть можетъ, ты уже выбралъ себѣ подругу? О, я умру тогда: мнѣ нужно вѣрить, что я любима!»

Солдату, которому досталось платье, сшитое юною *Кай-Янь*, показалъ эти стихи своему офицеру; это приключеніе переходило изъ устъ въ уста, и пройдя всѣ степени воинской іерархіи, дошло до Императора. Тотчасъ отданы были самыя строгія приказанія; въ теремъ произведены точнѣйшія разысканія, и сочинительница стиховъ найдена; несчастная *Кай-янь* приговорена къ смерти. Между-тѣмъ, въ минуту исполненія казни, жалость родилась въ сердцѣ *Янь-Цуна*: онъ простилъ неблагодарную и невѣрную супругу, и судилъ ее за счастливаго солдата которому случай оказалъ такую услугу. Вотъ онъ! сказалъ повелитель

улыбаясь: вотъ тотъ, котораго ты такъ желала! По-крайней мѣрѣ о тебѣ не скажутъ, что надежда тебя обманула.»

Жинь-ши не была еще за-мужемъ, и уже ввѣряла прелестному вѣтерку поэтическія свои вдохновенія; ученый мандаринъ Ху-дзи-ду увидѣлъ подъ ногами своими бамбуковый листокъ, на которомъ что-то было весьма красиво написано. То были стансы:

«Приди, о мой любезный, приди осушить слезы, текущія изъ глазъ моихъ; приди меня утѣшить; оставь позлащенные свои палаты, и приди ко мнѣ увѣриться, можетъ-ли любовь овладѣть твоимъ сердцемъ.

«Нѣтъ, я не ввѣрю скорби моей бумагѣ, не вырѣжу ея на камень, но займу у осени одинъ изъ листковъ, которые отдѣляетъ она отъ вѣтвистыхъ деревьевъ, и ввѣрю его дуновѣнію зефировъ.

«Летите, зефиры, несите тихимъ своимъ дыханіемъ легкій листокъ мой къ тому, о комъ я вздыхаю; пусть прочтетъ онъ его, пусть полюбитъ онъ меня, и любовь его исторгнетъ меня изъ объятій смерти.

«Но ахъ, что говорю я! Быть-можетъ, онъ не захочетъ внимать моему голосу! Быть-можетъ, онъ не покорится владычеству любви! О, я безумная, быть-можетъ, тотъ, кто найдеть драгоценный листокъ мой, никогда меня не узнаетъ!»

Счастливый Ху-дзи-ду нашелъ это сокровище, и тщательно хранилъ его: онъ часто читалъ и часто произносилъ вслухъ стансы, на немъ написанные. Между-тѣмъ наступило для него время женитьбы, и, конечно игрою случая, онъ выбралъ въ сунруги *Жинь-ши*. До тѣхъ поръ ничто не показывало ему, что она была сочинительницею этого стихотворенія. Однажды Ху-дзи-ду, по обыкновенію своему повторялъ эти стансы. Услышавъ первые стихи, она бро-

сплась въ его объятія и вскричала: «Постой, постой! эти стихи мои;» и она прочла ему всю эту оду. Стихотворенія Жинь-ши прелестны, стихи ея плавны и гладки. У нея не замѣтно, какъ у ся соперницъ, роскоши метафоръ, преувеличенныхъ выраженій, которыя такъ часто встрѣчаются въ Восточной поэзи. Творенія этой женщины пользуются въ Китаѣ большимъ уваженіемъ: они находятся все въ *Чи-мей-шиюнь*, или «Книгъ ста женщинъ,» изъ которой взяты эти отрывки.

Си-хуэй была жена офицера, по имени Ту-дао, изгнаннаго изъ государства за политическіе проступки. Ту-дао удался въ пустыни Шамскія, и провелъ тамъ три года. Си-хуэй, женщина дѣятельная и предприимчивая, не разъ просила Императора возвратить ея мужа; но все было тщетно. Ей оставалось одно средство. Зная, что Императоръ любитъ шелковыя ткани, она своими руками сработала прелестную ткань, и вышила на ней разными цвѣтами болѣе двухъ сотъ лптеръ. Императоръ былъ этимъ тронуть, принялъ подарокъ, и возвратилъ ея мужа.

Си-хуэй не писала другихъ стиховъ, кромѣ тѣхъ, которые посылала къ мужу во время его изгнанія. Эти посланія могутъ служить образцемъ прелести трогательнаго простодушія; это безопасное наслажденіе жены въ объятіяхъ мужа; вздохъ любовницы, разлученной со своимъ любезнымъ, сладостныя утѣшенія пѣжнаго друга.

«О! сколько слезъ пролила я, когда ты отправился въ изгнаніе! Отсюда слѣдовала я за твоими стопами, отсюда переходила съ тобою синія горы, отсюда переплывала рѣки, и попирала ногами пески пустыни.

«Безмолвная, умирающая, я хотѣла кричать, но голосъ замиралъ на устахъ монахъ; ты не могъ слышать меня, когда

я говорила тебѣ: «Не забывай меня, мой милый, не забывай меня!»

«Время неизмѣримое протекло съ твоего отъезда, и я не знаю, живъ ли ты еще! Ложь, свидѣтель любви нашей, простыло. Кіоски, тобой воздвигнутые, террасы, тобой устроенныя, остаются пустыми; великолѣпные покои, въ которыхъ отдыхалъ ты, покрыты пылью.

«Съ послѣдняго нашего прощанія, надежда для меня уже не существуетъ; безъ тебя все кажется мнѣ печальнымъ. О, милый! когда позволено мнѣ будетъ снова тебя увидѣть! Какъ бы хотѣла я быть облакомъ, покрывающимъ гору, или блѣднымъ лучемъ луны, отражающимся въ морѣ!

«Это облако покоитъ тебя своею тѣнью, и луна, съ лазореваго своего трона, освѣщаетъ шаги твои. О! для чего, существа, къ тебѣ равнодушныя, наслаждаются твоимъ присутствіемъ? и для чего же мнѣ суждено имъ завидовать, когда я такъ люблю тебя?

«Ахъ, если бы за этими печальными скалами было хоть одно нѣжное сердце, которое бы сжалилось надъ твоимъ злополучіемъ; если бъ хоть одна благотворительная рука разсыпала на пути твоей жизни цвѣты удовольствія. Но ахъ! желанія мои не исполняются; они исчезаютъ какъ легкое сновидѣніе!

«Сады твои поросли травою, и я горюю въ одиночествѣ. Дворецъ твой пусть, лютиці висятъ на стѣнѣ; въ долину не слышно звуковъ твоего сладостнаго голоса; повсюду царствуетъ молчаніе. Ахъ! когда же возвратишься ты, чтобы снова оживить насъ жизнью!

«Горы, возвышающіяся въ воздухѣ, рѣки, катящія спокойныя свои воды, разделяютъ вѣрныя наши души; а я, днемъ, опершись на вѣтви пвы, думаю о тебѣ, и плачу; ночью, прѣстертая на охлаждѣломъ моемъ ложѣ, думаю о тебѣ, и снова плачу.

«Вотъ уже третью весну птицы возвращаются изъ своего изгнанія, а ты, ты не являешься! Сердце мое разрывается съ гърести. Довольно; слезы кропятъ бумагу, которой повѣряю я печаль мою.

«О! не забудь о любви моей; та, которая тебя любила, любить тебя и понынѣ; для тебя только живетъ она. Быть-можетъ, небо, утомленное нашими несчастіями, смягчитъ сердце государя, и можетъ-быть, оно скоро возвратитъ тебя въ мои объятія!

Мей-фо была наложницею Императора Минъ-тана. Въ ея сочиненіяхъ замѣтна нежность и тонкость ума. Мей-фо не всегда имѣла счастье нравиться своему властителю: онъ оставилъ ее, но при удаленіи хотѣлъ оказать ей знаки своего благоволенія, и подарилъ ей жемчужное ожерелье. Мей-фо отказалась, и отвѣчала Императору слѣдующимъ четырестистишемъ:

«Ужели ты не видишь, какъ я горюю и печалюсь? Ты знаешь, что я хочу только любви твоей; зачѣмъ же предлагаешь ты мнѣ перлы?»

Если это эниграмма, какъ увѣряютъ Китайцы, то надобно признаться, что Муза ихъ очень кротка! Ихъ стоило бѣ отдать въ ученіе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ поэтовъ: тогда бы они узнали, что такое эниграмма!

Имя *Фынъ-сянь-минь* напоминать величайшія злополучія. Она была царицею, и пользовалась всею любовію Императора; во время завоеванія Китая Манджурами, она перешла съ трона въ тюрьму. Фуцъ, одинъ изъ завоевателей, взялъ ее въ плѣнъ; и она старалась усладить горестъ рабства музыкою и поэзіею. Однажды, когда она играла на *пентъ* (родъ лиры) въ присутствіи своего господина, одна струна порвалась и поль-

зуюсь этимъ обстоятельствомъ, она прочла безъ притотавленія слѣдующее четверостишіе :

«Я пѣла, о великій царь, и между-тѣмъ я была печальна: я думала о моемъ возлюбленномъ супругѣ. Ты хочешь знать состояніе моего сердца: взгляни на эту струну!»

По мнѣнію Китайскихъ литераторовъ, это тоже эпиграмма. Какъ-бы то ни было, но Фунъ, тронутый этою эпиграммою, возвратилъ сочинительницу ея супругу.

Довольно! Слишкомъ долго было бы исчислять всѣ имена, составляющія это поэтическое созвѣдіе.

о.

Revue Britannique.

ГЁТЕ

ВЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

=

Вотъ уже вышли въ свѣтъ послѣдніе десять томовъ сочиненій и переводовъ, оставшихся по смерти Гёте, — послѣдніе обломки некогда колоссальной мысли, — послѣднее подаяніе человечеству отъ имени великаго ума, улетѣвшаго съ земли въ свѣтлое отечество духа*. Не спрашивайте, что заключается въ этихъ томахъ, — спросите лучше, чего въ нихъ нѣтъ! Содержаніе ихъ разнообразно какъ грезы генія, и какъ грезы же безсвязно, неровно, переходчиво. Это отдѣльныя статьи въ стихахъ и въ прозѣ: стихи — по большей части лирическіе; проза особенно богата критическими замѣчаніями на книги и произведенія Искусства. Можно себѣ представить, что знаменитый писатель не ограничился ни однимъ народомъ, ни одною или немногими Литературами: Греція, Франція, Англія, Италія, Востокъ попеременно обращаютъ на себя его вниманіе

* Хотя подъ этою статьею читатели найдутъ фирму одного Англійскаго журнала, но мы предупреждаемъ однажды навсегда, въ изъясненіе всякихъ недоразумѣній, что статей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, не должно почитать за простые переводы. Б. для Ч. беретъ изъ нихъ только главный предметъ, иногда лишь *нѣкоторыя* части. Форма этихъ статей всегда почти принадлежитъ исключительно Б. для Ч., которая многое прибавляетъ, убавляетъ, передѣлываетъ совершенно, какъ скоро въ заглавіи не выставлено имени какого знаменитаго автора; часто двѣ, три, четыре статьи изъ разныхъ повременныхъ изданій сливается она въ одну статью, соединяя разнородныя ея части своими разсужденіями, и сообщая ей совсѣмъ другой видъ. Б. для Ч. не переводитъ, а говоритъ вмѣстѣ съ издателями иностранныхъ журналовъ *о томъ же предметѣ*, безъ спросу отвергаетъ ихъ сужденія, несогласныя съ своими понятіями, и безъ хвастовства замѣняетъ ихъ собственными своими мыслями. Дѣло идетъ о пользѣ и удовольствіи

и подают поводъ къ глубокимъ или по-крайней-мѣрѣ остроумнымъ замѣчаніямъ. Эти бѣглыя, смѣлыя, тонкія, часто неокончанныя, иногда загадочныя, сужденія вкуса или взрывы вдохновенія ускользаютъ отъ всякаго разбора, но они достойны изученія со стороны литераторовъ. Большая ихъ часть была напечатана съ подписью имени или безименно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ девятомъ томъ есть цѣлое собраніе житейскихъ правилъ, максимъ и размышленій; въ десятомъ нравственные и метафизическіе опыты; одиннадцатый посвященъ Минералогіи, Геологіи, Метеорологіи; остальные четыре занимаетъ его *Farbenlehre*, теорія цвѣтовъ солнечнаго луча, гдѣ онъ старается опровергнуть ученія Ньютона. Это полная Исторія мыслей, сердца, желаній и предубѣжденій автора, съ подлинными ея документами.

Осьмой томъ кажется намъ всѣхъ занимательнѣе и важнѣе, потому что это послѣдняя часть его *Dichtung und Wahrheit*, то есть, жизни автора, описанной имъ самимъ, — исповѣдь, выказанная съ такимъ же чистосердечіемъ и полнотою чувства, какъ Жанъ-Жака Руссо, но отнюдь на нее не похожая. Въ этой авто-

ствѣи благомыслящихъ читателей, а не о томъ, какъ про себя думаетъ такой-то заграничный журналистъ. Б. для Ч. не отмѣчаетъ своихъ передѣлокъ посредствомъ выносокъ, потому что онъ слишкомъ многочисленны, и что это было бы скучно, безвкусно и бесполезно, — и если она расходуетъ мысли и познанія своихъ сотрудниковъ для статей, подписанныхъ именами иностранныхъ журналовъ, такъ это ужъ ея убытокъ. Обожатели всего чужаго, сколько довелось слышать, иногда находили, что такъ называемая ими переводная часть Б. для Ч. лучше оригинальной: въ этомъ еще не было бы ничего обиднаго для нашего Русскаго ума, потому что эта переводная часть есть извлеченіе всего отличнѣйшаго почти изъ сорока иностранныхъ журналовъ; но Б. для Ч. покорнѣе просила бы почтенныхъ обожателей всего не-Русскаго сплнить многія изъ мномо переводныхъ статей съ ихъ подлинниками, и сказать, кому принадлежитъ ихъ форма и занимательность. *Б. для Ч.*

біографіи множество любопытныхъ анекдотовъ, страшныхъ приключеній, картинъ дышащихъ жизнью, острыхъ критикъ и бойкихъ разсказовъ, которые часто проливаютъ новыи, особенныи, яркии свѣтъ не только на самого автора, но и на большую часть современныхъ ему литературныхъ знаменитостей. Сказываютъ, что Лордъ Байронъ предлагалъ сто фунтовъ стерлинговъ, чтобъ кто-нибудь перевелъ для него эту книгу. Въ первой части, исторія автора была доведена до 1775 или даже 76 года; вторая часть, которой вышелъ только одинъ томъ, содержала повѣдку его въ Италію въ 1786 году, а последняя, изданная нынѣ, не столько продолженіе сколько дополненіе къ первымъ.

Она начинается размышленіями о Спинозѣ, доказывающими, что Гёте питалъ къ нему глубокое уваженіе. Такъ прилежно изучалъ онъ въ молодости этого философа, что, говорятъ, Гердеръ однажды сказалъ ему: «Кромъ Спинозы, вы буквально не читали ни одной Латинской книги.» Эти размышленія служатъ введеніемъ въ любопытныя подробности умственного его развитія.

«На внутренній поэтическій талантъ мой, говоритъ здѣсь Гёте, сталъ я смотрѣть какъ на Природу тѣмъ болѣе, что во вѣншей Природѣ мнѣ видѣлась его прямая противоположность. Проявленіе этого поэтического дара конечно могло быть возбуждено и направлено случаемъ, но отрадище и роскошище изливался онъ безъ всякаго произволенія и даже противъ моеи воли.

«Я такъ привыкъ сочинять про себя пѣсни и потомъ сейчасъ забывать ихъ, что однажды бросился къ письменному столу, и даже не давъ себѣ передвинуть листа бумаги, который лежалъ наискось, не трогаясь съ мѣста, написалъ все стихотвореніе съ начала до конца діагонально. Тогда мнѣ лучше казалось писать карандашемъ, потому что онъ какъ-то послушище, а перо, неспособнымъ скрипомъ своимъ, иногда будило меня отъ полумночныхъ грезъ поэзи,

развлекало мое вниманіе, и губило дитя мое при самомъ его рожденіи. Я особенно уважалъ такіа стихотворенія, чувствуя къ нимъ почти то же самое, что насѣдка къ цыплятамъ, которыя только вылупились и чиликаютъ вокругъ матери. Во мнѣ возобновилось прежнее желаніе сообщать ихъ другимъ посредствомъ чтенія, но мѣнять ихъ на золото казалось мнѣ прискорбно. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ случаѣ, хотя онъ былъ со мной немного позже. Когда началъ день ото дня болѣе требовать моихъ сочиненій, и даже вызывали меня издать ихъ въ полномъ собраніи, а чувства, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, мешали мнѣ приступить къ дѣлу, Гимбергъ воспользовался этою перъшиностью, и вдругъ я получилъ нѣсколько экземпляровъ собранія моихъ сочиненій. Этотъ неприглашенный издатель нагло хвалился передъ публикой оказаніемъ ей такой услуги на мой счетъ, и предлагалъ, если я хочу, прислать мнѣ Берлинскаго фарфору въ вознагражденіе. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ, что когда жида въ Берлинѣ женятся, ихъ принуждаютъ покупать известное количество фарфору для поддержанія Королевской мануфактуры. Презрѣніе, какое чувствовалъ я къ этому безстыдному разбойнику, побѣдило во мнѣ самое неудовольствіе, котораго не могла не причинить мнѣ потеря. Я не отвѣчалъ ему ни слова, и за поживу моею собственностью преспокойно отомстилъ тѣкими стихами.

«Но какъ Природа, самовольно проявляющаяся въ такихъ созданіяхъ, часто требовала продолжительнаго отдыха, а иногда въ длинныя промежутки времени я ничего не могъ написать, при всемъ моемъ желаніи, и следовательно страдалъ отъ скуки, то, съ сознаніемъ этой противоположности, родилась во мнѣ мысль, не долженъ ли я употребить то, что есть во мнѣ человѣческаго, разумнаго и особеннаго, къ моему собственной пользѣ и ко благу другихъ, и посвятить промежуточное время свѣтской дѣятельности, не оставляя такимъ образомъ ни одной способности праздною. Я нашелъ, что эта мысль, протекавшая казалась изъ однихъ общихъ соображеній, до того соответствовала моему характеру и положенію, что рѣшился дѣйствовать именно такимъ образомъ, и черезъ-то дать твердое поведеніе моимъ

дотоль зыбкимъ и колебавшимся наклонностямъ. Для меня пріятно было думать, что я буду въ правъ требовать дѣйствительнаго вознагражденія за дѣйствительныя услуги чело-вѣчеству, продолжая дѣлать съ другими отраднѣй даръ Природы безкорыстно, какъ нѣчто священносъ.»

Для возникающаго у насъ поколѣнія писателей и художниковъ, мы должны вынести сужденіе Гёте объ развлекательномъ вліяніи общества :

«Одинъ умный Французъ говоритъ, что едва только чело-вѣкъ съ талантомъ обратитъ на себя вниманіе публики хоро-шимъ произведеніемъ, люди всѣми силами стараются помѣ-шать ему создать другое, подобное. Это сущая правда: сдѣ-лайте въ спокойномъ уединеніи юности что-нибудь хоро-шее, обличающее въ васъ истинный даръ, — вы заслужите ободреніе, но и утратите независимость; сосредоточенную силу нарочно вовлекають въ разсѣяніе, потому что думаютъ поживиться отъ ея личности и присвоить кое-что себѣ. Съ этой цѣлью дѣлали мнѣ бездну приглашеній, или не то, что приглашеній, а пріятель, знакомый навязется бывало, не смотря ни на какія отговорки, ввести меня въ тотъ или въ другой домъ.»

Мало вопросовъ, о которыхъ столько было бы спо-ру, какъ о томъ, должно ли художнику часто бывать въ обществѣ, или не должно. Г-жа Джемисонъ отвѣ-чаетъ на это отрицательно. Мы говорили уже въ по-слѣдней книжкѣ Б. для Ч. о сочиненіи этой преум-ной и ученой Англичанки, и сообщили изъ него, въ «Смѣси», нѣсколько прекрасныхъ строкъ о знамени-тыхъ живописцахъ. Опредѣливъ себѣ цѣлю неуклон-но слѣдовать за ходомъ Словесности и Наукъ въ цѣ-ломъ образованномъ мірѣ и содержать публику въ из-вѣстности о всѣхъ новыхъ усиліяхъ и подвигахъ ума, мы рѣшились знакомить нашихъ читателей, при вся-комъ удобномъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ съ пріятѣ-чательнѣйшими мѣстами лучшихъ твореній, вновь по-являющихся въ разныхъ краяхъ, если предѣлы изда-нія и краткость времени не дозволяютъ намъ предста-

влять обширныхъ извлеченій. Вопросъ, котораго Гёте коснулся въ приведенныхъ здѣсь строкахъ, кажется намъ законнымъ предлогомъ къ тому, чтобъ еще разъ сблизить читателя съ мыслію и талантомъ Г-жи Дже-мисонъ. Вотъ краснорѣчивыя слова ея о томъ же пред-метѣ.

Альда.

« Не угодно ли послать молодаго художника, особен-
« но ваятеля, изучать челоѵческую природу въ Лон-
« донѣ или въ Парижѣ? искать идеаловъ между мага-
« зинщицами и танцовщицами? Высокаго и Изыщнаго
« между ничтожными вертушками, деньголюбцами,
« полуживотными? Отъ того ли, кто сгубилъ моло-
« достъ въ пошломъ разсыаньѣ, чтобъ другихъ посмо-
« трѣть и себя показать, отъ того ли, кто искалъ по-
« кровительства за обѣдами, будете вы требовать выс-
« шренняго вдохновенія и вмѣстѣ терпѣливой руко-
« дѣльности, безъ которыхъ нельзя ни постигнуть ве-
« ликаго и поэтическаго, ни провести многихъ лѣтъ
« надъ изображеніемъ мысли своей въ вѣчномъ мра-
« морѣ? »

Медонъ.

« А въ теченіе этихъ лѣтъ чѣмъ жить самому вая-
« телю? Борьба должна быть самая тяжкая. Я слыхалъ
« отъ молодыхъ художниковъ, что они вынуждены
« были прибѣгнуть къ разсыанной жизни, какъ къ
« средству чего-нибудь добиться въ свѣтѣ. »

Альда.

« Я то же слышалъ. Это такой низкій предлогъ, что
« я вообще считаю его оправданіемъ не разсыанности,
« а ужъ безпутства. Тѣ, которые говорятъ это, — люди
« потерянные; они или будутъ ползти всю жизнь въ
« посредственности и зависимости до самаго гроба,
« или, когда при хитромъ умѣ и бойкости, послужить
« имъ счастье, — войдутъ въ моду и поднимутся: они
« могутъ быть портретными живописцами или ваяте- »

«лями бюстовъ; но если дерзнуть воспарить въ историческую или идеальную область Искусства, то пасть смѣшать боговъ и людей своимъ безсиліемъ: высшіе, священные источники вдохновенія для нихъ затворены.

МЕДОНЪ.

«Но подумайте объ искушеніяхъ общества.

АЛЬДА.

«Я думаю объ тѣхъ, которые превозмогли ихъ. Художникъ долженъ избрать себѣ предметъ обожанія. Онъ не можетъ работать и Богу и мамону. Тотъ геніальный человѣкъ, который думаетъ войти въ сдѣлку съ своими высокими дарами, чтобъ порой наслаждаться излишествами свѣта, нисходитъ отъ своего призванія къ нечистотамъ земли, и предаваясь теченію обыкновенной жизни въ надеждѣ, что врожденные силы опять вознесутъ его, — о! върьте мнѣ, тотъ человѣкъ пускается въ отчаянную игру, губительную для девяноста девяти изъ ста.»

Это и краснорѣчиво и истинно, только немного односторонно: неужели всѣ общественныя удовольствія ведутъ въ разврату и сопровождаются излишествомъ? Да и исторія Искусства едва ли подойдетъ подъ эту теорію. Остроумная писательница сама рассказываетъ намъ, что Гвидо былъ игрокъ, а Тиціанъ веселый сибаритъ; кромѣ того, намъ известно изъ другихъ источниковъ, что Фанъ-Дайкъ былъ отъявленный франтъ, царь щеголей своего времени, и не сводилъ глазъ съ самого себя.

Но возвратимся къ Гёте. Начало и большая часть слѣдующей главы заняты воспоминаніями о Лилли, — Лилли, одной изъ знаменитѣйшихъ его любовницъ: здѣсь есть между прочимъ такія черты чувства, на которыя отзовется сердце каждаго, кто былъ въ подобномъ состояніи. Послушайте старика, воспоминающаго о своей молодости.

«Тогда возникла взаимная потребность, привычка видеть другъ друга; но сколько дней, сколько вечеровъ мнѣ пришлось бы отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи, если бѣ я не въ силахъ былъ рѣшиться видѣть мнѣю въ собственномъ кругу ея! Но и тутъ какія непріятности! Я не могъ жить безъ нея, она безъ меня, а въ сообществѣ и подъ вліяніемъ извѣстныхъ членовъ ея круга, сколько улетало часовъ и дней безотрадныхъ!»

У Лилли была странная фантазія, которая, кажется, имѣла для него особенную прелесть:

«Поводомъ къ этой фантазіи была чрезвычайно милая неуживчивость, которую она разъ сдѣлала за столомъ, когда сидѣвшій подлѣ нея незнакомецъ завелъ какой-то неприличный разговоръ. Ни сколько не измѣняясь въ очаровательномъ лицѣ своемъ, она съ неизяснимою пріятностью повела правою ручкой по скатерти в преспокойно столкнула на полъ все, что могла — ножи, вилки, хлѣбъ, солонку, даже нѣкоторыя вещи, приготовленныя для ея сосѣда. Все изумились, слуги подняли бѣготню, никто не зналъ, что это такое, кромѣ немногихъ догадливыхъ наблюдателей, которые радовались, что неблагопрістойный разговоръ былъ такъ искусно перерванъ. Съ тѣхъ поръ движеніе правою рукою всегда было у насъ знакомъ отвращенія; но столкнуть что-нибудь позволяла себѣ только она одна, и то изрѣдка и всегда у мѣста.»

Онъ съ явною неохотою оставляетъ отношенія свои къ Лилли, чтобъ сообщить нѣсколько подробностей касательно его собственнаго положенія при тогданемъ ходѣ общественныхъ дѣлъ. Фридрихъ II, говоритъ онъ, опираясь на свою силу, казалось, все еще правилъ судьбою Европы и челоуѣчества, а великая Екатерина, войнами съ Турціей, пролагала новые пути для предпримчивости. Корейка и Паоли, Америка и Вашингтонъ, попеременно обращали на себя всеобщее вниманіе; дѣла во Франціи созрѣвали для перелома, хотя въ патріотическихъ видахъ молодаго Короля все еще представлялись утѣшительныя на-

жды къ отвращенію грозившей бури. «Однако жъ, во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ принималъ я участіе только по мѣрѣ отношенія ихъ къ обществу, въ обширномъ смыслѣ: ни я, ни тѣсный кружокъ мой, не пускались въ чтеніе газетъ и въ новости; намъ хотѣлось ознакомиться съ отвлеченнымъ человѣкомъ, а конкретные люди, люди взятые въ сложности, могли дѣлать, что имъ угодно.» Замѣчательно, что точно такое равнодушіе обнаруживалъ онъ всю жизнь свою. Такъ какъ многіе его за это порицали, то мы выищемъ объясненіе, данное на этотъ счетъ однимъ изъ лучшихъ его защитниковъ и преданнѣйшихъ друзей:

«Гёте, говоритъ фонъ Мюллеръ, часто упрекали въ томъ, что онъ мало бралъ участія въ политическихъ формахъ своего отечества; что онъ не подалъ своего голоса въ минуты величайшаго политическаго возбужденія, и во многихъ случаяхъ показывалъ даже отвращеніе отъ либеральныхъ мнѣній. Конечно, характеръ его былъ не таковъ, чтобъ ему стремиться къ политической дѣятельности, которой нервнѣйшія условія были несовместны съ избранною имъ сферой существованія, и которой слѣдствія выходили изъ круга его зрѣнія. Смотри на Исторію съ точки возвышенной, онъ видѣлъ въ ней памятную записку вѣчно повторяющейся и необходимой борьбы безразсудства и страстей человѣческихъ съ благороднѣйшими выгодами образованности; онъ слишкомъ хорошо зналъ опасность или по-крайней-мѣрѣ весьма загадочные результаты незваннаго вмѣшательства; чистоту своихъ мыслей и созданій не хотѣлъ онъ возмущать шумными событіями того времени, а еще менѣе сдѣлаться послушной трубою какой-нибудь партіи, хотя, по увѣренію Гамля, органъ публичнаго краснорѣчія былъ чрезвычайно развитъ въ головѣ его.

«Онъ былъ убѣжденъ, что для человѣка гораздо менѣе можно сдѣлать извнѣ, чѣмъ изнутри, и что бла-

гая и сильная воля сумѣетъ проложить себѣ путь и употребить въ пользу свою дѣятельность подѣ какою бы то ни было формою гражданскаго общества.

»Въ этомъ убѣжденіи, онъ крѣпко держался порядка и повиновенія законамъ какъ главныхъ опоръ общественнаго блага. Все, что угрожало замедленіемъ ходу нравственнаго и умственнаго совершенствованія и методическому приложенію и употребленію природныхъ способностей; все, что вело къ предоставленію лучшаго и возвышеннѣйшаго въ жизни на произволь дикой и необузданной страсти, во власть людей грубыхъ, буйныхъ и жестокихъ, — все это почиталъ онъ настоящимъ тиранствомъ, смертельнымъ врагомъ истинной свободы, зломъ совершенно нестерпимымъ.

«Вотъ убѣжденіе, оживлявшее все его старанія дѣйствовать на умы другихъ изустно и письменно — внушать, поучать, ободрять, удерживать; выставять ложное, уродливое, пошлое, во всемъ ихъ ничтожество, соединяться вполне съ душами благородными и непоколебимо поддерживать ту высшую свободу мысли и воли, управляемой разумомъ, которая возноситъ людей къ истинному достоинству человеческой природы.»

Несмотря на эту умную защиту, Гёте намъ не кажется совершенно чуждымъ упрека въ содѣйствіи къ несчастному раздраженію умовъ въ Германскомъ юношествѣ. Онъ увлекся господствовавшюю въ прошломъ столѣтіи модою низвергать все такъ называемое феодальное, ни примѣтивъ того, что въ этомъ низверженіи несогласныхъ съ новыми понятіями готическихъ прикрасъ общественнаго зданія могли быть повреждены истинныя пользы общества. Онъ не расчелъ, что возстаніе такого ума, каковъ былъ его, противъ нѣкоторыхъ обветшалыхъ правъ баронства, уменьшало въ то же время уваженіе къ аристократіи, которой начало долженъ онъ былъ отдѣлать отъ старинныхъ

злоупотреблений, и поддерживать всею силою своего гения, какъ основную опору прочности и величія обществъ, даже какъ природное учрежденіе чело­вѣчества и инстинктъ нашего рода, въ отвлеченномъ и философическомъ отношеніи. «Аристократія, гово­ритъ Гёте, и именно Германская аристократія, управ­ляла мнѣніемъ и безпрекословно пользовалась всеми общественными и политическими преимуществами, доставшимися ей отъ предковъ, когда въ «Вертеръ» и потомъ въ «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» явился сильныя выходки, хотя и косвенныя выходки, на ея притязанія.» Намекн въ Вертеръ прошли благополучно, потому что не имѣли ни какой непосредственной или определенной цѣли; но въ Гёцъ, картина страданій, которыя терпѣло общество отъ феодалныхъ владѣтелей, обратила на себѣ больше вниманія, и ве­ла автора въ подозрѣніе, и весьма справедливое, у высшихъ классовъ и людей здраво понимающихъ начала благоденствія народовъ.

Но довольно о политикѣ, которой мы терпѣть не можемъ. Сказавъ, что по совѣсти слѣдовало ска­зать о политическихъ понятіяхъ Гёте, посвѣшимъ къ пріятнѣйшему для всѣхъ, и для насъ въ особеннѣсти, предмету, — къ Словесности, къ изящному, къ замѣчаніямъ автора о томъ, какъ поэзія начала при­немъ отбрасывать рифму и даже предпочитать прозаическую форму стихотворной: именно, Клонштокъ на­писалъ тогда Мессіяду въ гекзаметрахъ, а повѣсть о Германновомъ боѣ и Смерть Адама въ прозѣ. По словамъ Гёте, это произвело въ литературу довольно замѣшательства и недоумѣнія, потому что толпа пи­сателей не имѣла ни какого понятія объ истинныхъ началахъ мѣтра. Ту же самую склонность видимъ мы теперь въ Англій, и даже во Франціи, гдѣ лучшіе нѣсты сдѣлались прозаиками. Такъ какъ мы постоянно стараемся совокуплять въ нашемъ изданіи всѣ

примѣчательнѣйшіе современные помыслы, то отъ Гёте сдѣлаемъ *сальто-мортале* на Г. Бульвера и на его «Рейнскихъ Пилгримовъ,» о которыхъ уже однажды говорили довольно подробно. Вотъ, что говоритъ Г. Бульверъ въ своихъ Рейнскихъ Пилгримахъ: «Мнѣ, право, кажется, что, въ настоящемъ «возрастѣ нашего просвѣщенія, мы, не замѣчая этого, ошибаемся всѣ вообще на счетъ достоинства стихотворства, которое, по старой привычкѣ, называютъ исключительно поэзіею. Оно по-прежнему усладительно, но перестало поучать. Проза сердца просвѣщаетъ, трогаетъ, возвышаетъ гораздо болѣе поэзіи. Самый философскій поэтъ вашъ, переложенный въ прозу, сдѣлается пошлымъ. Чайльдъ Гарольдъ, кажущійся такимъ глубокомысленнымъ твореніемъ, обязанъ этимъ глубокомысліемъ своему метрическому слогу: въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ механизма слова. Стихъ не можетъ вмѣстить въ себѣ той нѣжно-утонченной мысли, которую выражаетъ великій писатель въ прозѣ; рифма всегда ее увѣичивъ: она можетъ имѣть дѣло только съ простѣйшими задачами человѣческой природы, теперь уже пошлыми, а не съ тонкими философскими заключеніями, которыя можно изъ нихъ вывести. Стало-быть, хоть это и покажется сначала парадоксомъ, пошлость болѣе стихія поэзіи, нежели прозы. Чувствуя это, Шиллеръ написалъ въ прозѣ своего Фіеско, самую глубокую изъ новѣйшихъ трагедій.»

Станемъ продолжать прежнія выписки. Гёте знакомитъ насъ съ графами Штольбергъ, съ которыми сблизило его участіе въ Геттингенскомъ «Альманахѣ Музы.»

«Въ то время, говоритъ онъ, люди имѣли странная понятія о любви и дружбѣ. Влеченіе другъ къ другу, похожее

на взаимную доверенность, считалось за любовь, за непреодолимую склонность: я сам обманывался на счет этого вмѣстѣ съ другими, и терпѣлъ за то много лѣтъ и во многихъ отношеніяхъ.»

По совѣту своихъ родителей, которымъ хотѣлось разлучить его съ Лилли и еще съ нѣкоторыми знакомствами во Франкфуртѣ, онъ поѣхалъ со Штольбергами въ Швейцарію. «Ты съ ними не долго пребудешь,» сказалъ ему пріятель его, Меркъ, прозванный Мефистофелемъ, за колкость, смѣшанную съ природнымъ добродушіемъ, и подкрѣпилъ пророчество свое замѣчаніемъ, которое Гёте повторилъ за нихъ и потомъ часто находилъ очень вѣрнымъ: «Твое стремленіе, твое неизмѣнное стремленіе то, чтобъ давать поэтическую форму дѣйствительному; другіе хотятъ осуществить такъ называемое поэтическое, мечтательное, и изъ этого выходить однѣ нелѣпности.»

«Когда постигнешь, говоритъ Гёте, неизмѣримое разстояніе, существующее между этими двумя родами дѣятельности, когда высклнешь въ оба, и испытаешь ихъ въ приложеніи, какой это значительный шагъ къ разрѣшенію тысячи другихъ вещей.» По несчастію, еще не успѣли они выѣхать изъ Дармштата, то есть, первой ихъ стациіи отъ Франкфурта, какъ ужъ представился случай, который разительно подтвердилъ Мерково замѣчаніе.

«Къ числу сумасбродствъ того времени, основанныхъ на мысли, что человекъ долженъ стараться перенестися въ естественное состояніе, принадлежало купанье въ чистой водѣ, на открытомъ воздухѣ, и друзья наши не могли пропустить ни одного удобнаго къ тому случая. Дармштадтъ лежитъ на песчаной равнинѣ и не имѣетъ текучей воды; но въ окрестности былъ небольшой прудъ, о которомъ я тутъ только и слышала. Ревностные последователи Природы вздумали освѣжиться въ этомъ прудѣ: видъ пагихъ молодыхъ людей среди дня могъ показаться странцыи сосѣдямъ, и во всякомъ случаѣ, былъ неблагопріятенъ. Острота Мерко-

выхъ заключеній меня поразила, и, признаюсь, я ускорилъ нашъ отъездъ.»

Въ Карльсруэ встрѣтился онъ съ Герцогомъ и Герцогинею Саксенъ-Веймарскими, которые изъявили ему искреннее желаніе видѣть его въ Веймарѣ. Тамъ же, нѣсколько разъ видѣлся онъ съ Клопштокомъ, и сообщилъ ему повѣйшія сцены Фауста. Клопштокъ, который, сказываютъ, отнюдь не любилъ хвалить, отзывался объ нихъ самымъ лестнымъ образомъ, не только самому автору, но и многимъ другимъ особамъ, прибавляя, что очень желалъ бы видѣть окончаніе пѣсы.

Въ Карльсруэ, Гёте разстался съ Штольбергами, чтобъ посѣтить шуррина своего, Шлоссера, въ Эммендингенъ, а оттуда поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ Лафатеръ занимался своими фізіономическими изслѣдованіями. Онъ пріянялъ его дружѣлюбно, почти съ восхищеніемъ, да и не даромъ: онъ не только насладился удовольствіемъ говорить и разсуждать о своихъ теоріяхъ съ первымъ гениемъ того времени, но даже взвалилъ на него тяжкій трудъ пересмотрѣть его сочиненіе:

«Это былъ одинъ изъ обременительнѣйшихъ налоговъ, какимъ только подвергалась моя дѣятельность. Пусть читатель разсудитъ самъ. Рукопись съ принадлежащими къ ней рисунками послѣдовала за мной во Франкфуртъ. Я получилъ право вычеркивать все, что мнѣ не понравится, перемѣнять, вставляя, что захочу, но, признаться, я пользовался этимъ правомъ весьма умеренно.»

Единство и связность, которыя находимъ теперь въ Лафатеровомъ сочиненіи, не смотря на разнообразіе матеріаловъ, Гёте приписываетъ въ особенности необычайнымъ дарованіямъ рисовальщика и гравера, Ливса.

Всѣ удивлялись истинѣ и живости, съ какими Гёте описывалъ мѣстоположенія. Слѣдующія строки от-

части объяснять намъ, какъ усовершенствовалося въ немъ это особенное искусство :

«Прежде, чѣмъ спустился съ этихъ величественныхъ высотъ къ озеру и къ городу, который улыбается тамъ внизу, я замѣчу кое-что о своихъ попыткахъ унести съ собою въ рисункахъ и очеркахъ тѣ виды, которые мнѣ особенно понравятся. Привычка моя, съ дѣтства, смотрѣть на мѣстоположеніе какъ на картину, вела меня къ тому, чтобъ вглядываться пристально, когда увижу картинный видъ въ дѣйствительной Природѣ, и укоренять въ памяти неизгладимыя впечатлѣнія. Желаніе снять такой видъ, соединенное съ торопливостью, заставило меня прибѣгнуть къ странному способу: окинувъ взоромъ какой-нибудь занимательный предметъ, я тотчасъ означалъ его въ немногихъ и самыхъ общихъ чертахъ на бумагѣ, а подробности, которыхъ не могъ выразить карандашемъ, дополнялъ словами, и черезъ-то пріобрѣталъ такое внутреннее созерцаніе этихъ видовъ, что, въ случаѣ нужды въ нихъ для какого-нибудь сочиненія, я могъ вызвать любой, и онъ всегда былъ готовъ явиться передо мною.»

Воротившись въ Цюрихъ, онъ уже не засталъ тамъ Штольберговъ, потому что пребываніе ихъ въ этомъ городѣ сократилось отъ возобновенія попытки осуществить прекрасный идеалъ пастушеской простоты. Добродушные Швейцарцы, кажется, еще болѣе Дармштадтцевъ, оскорбились ихъ нескромнымъ кушаньемъ, и однажды, когда они плескались въ горномъ потоцѣ, градъ камней, шизрнутый съ высотъ, принудилъ ихъ къ поспѣшной ретирадѣ, и они благодарили судьбу, что могли убраться съ пожитками, то есть, съ платьемъ. Въ негодованіи они поспѣшили отъѣздомъ изъ Цюриха, предоставляя Лафатеру оправдываться какъ угодно за такихъ бѣшеныхъ и буйныхъ гостей, не Христіанъ, а сущихъ язычниковъ, — такъ честили ихъ въ цѣломъ околodкѣ. Гёте опять сошелся здѣсь съ Лафатеромъ, и каковы бы ни были достоинства системы знаменитаго физиогномиста, по личную

проницательностию и остротою умъль онъ произвести въ своемъ посетителѣ самое живое впечатлѣніе :

«Всякой талантъ, основанный на рѣшительномъ природномъ дарованіи, кажется намъ въ какой-то магической оболочкѣ, потому что мы не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія ни объ немъ самомъ, ни объ его произведеніяхъ. Вѣрность Лафатерова взгляда на отдѣльныя лица была точно непостижима: нельзя было не изумляться, когда онъ откровенно говорилъ объ томъ или объ другомъ человѣкѣ; ужасъ бралъ жить подлѣ существа, которое, казалось, ясно виднѣть за предѣлы, ограничивающіе, по закону Природы, всѣхъ, ему подобныхъ.»

Вотъ чудный примѣръ Лафатерова навыка къ мелочному наблюденію :

«По Воскресеньямъ, послѣ проповѣди, онъ какъ пасторъ, обязанъ былъ стоять съ кошелькомъ при выходѣ, и принимать подаванія прихожанъ съ благословеніями. Разъ, онъ нарочно рѣшился не смотрѣть ни на кого, а только обращать вниманіе на руки, и по нимъ представлять себѣ лица. Не только форма пальцевъ, но самое положеніе ихъ при подачѣ денегъ не ускользнуло отъ его проницательности, и онъ наговорилъ мнѣ объ этомъ очень много.»

Рядомъ съ сужденіями о Лафатерѣ находимъ любопытныя размышленія о гениі :

«Никто добровольно не признаетъ въ другомъ преимущества, до тѣхъ поръ, пока есть возможность отрицать его. Всего менѣе можно отрицать естественныя преимущества, между-тѣмъ общій говоръ того времени допускалъ гениі въ однихъ поэтахъ. Теперь же, казалось, вдругъ возникъ новый міръ: гениі стали требовать отъ врача, отъ генерала, отъ государственнаго человѣка и наконецъ отъ всякаго, кто вздумаетъ отличиться въ теоретическомъ или практическомъ отношеніи. Особенно Циммерманъ пустилъ въ ходъ эти требованія. Лафатеръ, въ своей Физіономикѣ, по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ раздѣленію уметвенныхъ способностей, болѣе общему: словомъ — гениі — все разрѣшалось, и слыша его такъ часто, люди дѣйствительно стали думать, что означаемое имъ свойство у всякаго

подъ рукою. Оттого что каждый считалъ себя въ правѣ требовать гения отъ другихъ, всѣ увидѣли его въ самихъ себѣ. Еще далеко было до того времени, когда можно было вымолвить, что гений есть та способность чловѣка, которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила. Въ ту пору онъ проявлялся только нарушеніемъ существующихъ законовъ, испроверженіемъ установленныхъ правилъ, и возгласами о своей неограниченности. По-этому, легко было прослыть гніемъ, и нѣтъ ничего естественнѣе, что такое злоупотребленіе слова и дѣла побудило всѣхъ людей съ правилами противустать этой безурядицѣ.

«Если кто-нибудь бѣжалъ пѣшкомъ по свѣту, не зная куда и зачѣмъ, это называлось гениальнымъ путешествіемъ; если кто предпринималъ что-нибудь превратное безъ всякой полезной цѣли, говорили, что это внушено гніемъ. Молодые, кипящіе жизнью и перѣдко дѣйствительно даровитые люди, совершенно терялись въ безпредѣльномъ, а старшіе и благоразумнѣйшіе, пользуясь удобнымъ случаемъ, парочно представляли публикѣ ихъ промахи, съ самой смѣшной стороны.

«Я увидѣлъ, что содѣйствіемъ и вліяніемъ тѣхъ, которые раздѣляли мои виды, удерживался я отъ развитія и выраженія самого себя гораздо болѣе, нежели противоборствомъ тѣхъ, которые были со мною несогласны. Слова, присловья, фразы, выдуманная для униженія высшихъ умственныхъ способностей, до того распространились въ толпѣ бездушниковъ съ презрительной улыбкой, что ихъ по-сю-пору слышишь иногда отъ необразованныхъ: они даже втерлись въ словарь, и слово гений подвергалось такимъ превратностямъ смысла, что изъ этого вздумали выводить необходимость совершеннаго изгнанія его изъ Нѣмецкаго языка. Такимъ образомъ, Германцы, у которыхъ пошлаго вообще гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, вѣроятно сами лишили бѣ себя прслестнѣйшаго цвѣта рѣчи чловѣческой, слова, только кажущагося чуждымъ, но равно принадлежащаго всѣмъ племенамъ, если бѣ, къ счастью, не возстановилось чувство высшаго и лучшаго, основанное на глубокомысленнѣйшей философіи.»

Такова была судьба генія во всѣ времена.

Decipit exemplar vitiiis imitabile; quod si
Palierem casu, biberent ex sanguе cuminum.

«Образецъ влечеть къ подражанію самыми недо-
«статками: вы, котораго называютъ геніемъ, поблѣд-
«ствіи случайно, а многіе готовы напиться укусу,
«чтобъ и съ ними было то же.»

Если бъ Лордъ Байронъ увидалъ, что за люди вы-
пускали воротъ рубашки изъ-за галстуха, и старались
быть меланхолическими джентельменами, въ подра-
жаніе Его Милости, онъ вѣрно бы проклялъ унылый
тонъ, облачился бъ въ крахмаленные воротнички, и
былъ бы весельчакомъ и вертопрахомъ по гробъ свой.

Гёте называетъ геній «тою способностью человѣка,
которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила.»
Любопытно сравнить это съ нѣкоторыми другими
опредѣленіями или описаніями генія. Бюффонъ, на-
примѣръ, утверждалъ, что это только высшая терпѣ-
ливость; Газлитъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мы-
слителей своего времени, говоритъ: «Геній, или ори-
гинальность, есть, по большей части, какое-нибудь
сильное свойство души, соответствующее какому-ни-
будь новому и разительному свойству въ Природѣ, и
выводящее его паружу.» Джонсонъ толкуетъ, что это
«та способность, которая составляетъ поэта; то ка-
чество, безъ котораго сужденіе холодно, и знаніе кос-
но; та мощь, которая собираетъ, соображаетъ, допол-
няетъ и одушевляетъ.» Предоставляя читателямъ
на выборъ эти четыре опредѣленія, мы чистосердечно
признаемся, что ни одного изъ нихъ не находимъ удо-
влетворительнымъ. Если бъ у насъ спросили, что
есть геній, — мы бы отвѣчали: совершеннѣйшее или
ближайшее къ совершенству, задуманному Творцемъ,
устройство человѣческой головы, — мозгъ, который хо-
дитъ такъ исправно какъ Брегетовы часы, и на кото-
ромъ душа можетъ очень легко и съ большою точно-

стью производить всё, и самыя тонкія, свои дѣйствія. Но и это не довольно ясно. Очевидно лишь одно — нелѣзность стараго предразсудка, отдающаго поэгамъ монополию генія: въ самомъ дѣлѣ, почти каждое искусство, каждая наука, можетъ служить ему поприщемъ, и д'Аламберъ утверждалъ отнюдь не парадоксъ, а сущую истину, сказавъ, что Геометрія требуетъ столько же воображенія, какъ и Поэзія, и что изъ всѣхъ великихъ мужей древности Архимедъ имѣеть можетъ быть наиболѣе права стоять наряду съ Гомеромъ.

Гётево возвращеніе во Франкфуртъ не слишкомъ обрадовало его родителей, потому что они боялись возобновленія связей его съ Лилли, и теперь ему не легко было устоять противъ искушенія: она торжественно объявила, что готова пожертвовать для него всёмъ на свѣтѣ, и бѣжать съ нимъ въ Америку, которая — говоритъ онъ намъ — была въ то время гораздо болѣе нынѣшняго Эльдорадомъ для тѣхъ, кто чувствовалъ себя стѣсненнымъ существующими постановленіями или обстоятельствами. «Но именно то, что должно было оживотворить мои надежды, напротивъ подавило ихъ. Мой милый родительскій домъ, во стѣ шаговъ отъ ея жилища, все таки казался мнѣ гораздо сноснѣе, гораздо пріятнѣе далекой, безвѣстной стороны за моремъ; однако жъ правда и то, что подлѣ нея оживали всё мои надежды, всё желанія, и я опять не зналъ, на что рѣшиться.»

Между-тѣмъ онъ прілежно занимался Литературой, ободряемый отцемъ, который, не такъ какъ Петраркинъ, убѣдился наконецъ въ безразсудствѣ своихъ усилій сдѣлать сына законовѣдцемъ.

«По счастью, склонности мои согласовались съ желаніями и мнѣніями моего отца. Онъ такъ много воображалъ себѣ объ моемъ поэтическомъ дарованіи, и такъ душевно радовался успѣхамъ первыхъ моихъ сочиненій, что часто

разговаривалъ со мною объ новыхъ, обширнѣйшихъ пріятіяхъ.»

Такъ развилась въ немъ мысль объ Эгмонтѣ. Кромѣ Словесности, онъ прилежно занимался рисованьемъ, и, подъ руководствомъ художника Крауза, сдѣлалъ, кажется, значительные успѣхи.

«Близость художника необходима для дилеттанта, который видитъ въ немъ дополненіе самого себя: его желанія осуществляются художникомъ.

«Съ нѣкоторою природною способностью и упражненіемъ, я довольно успѣлъ въ очеркѣ, и не затруднился съемкой съ натуры; но мнѣ не доставало настоящей пластической силы, удачной тушовки, для отблесенія моихъ очерковъ надлежащимъ размѣщеніемъ свѣта и тѣни. Подражанія мои были какими-то отдаленными предчувствіями того или другаго образа, и фигуры походили у меня на легкія, воздушныя существа Дантова Чистилица, которыя, не бросая отъ себя тѣни, съ ужасомъ отпрядаютъ отъ тѣней настоящихъ тѣлъ.

«Благодаря Лэфатеровой физиономической ловлѣ, какъ можно назвать неутомимую ревность, съ которою настаивалъ онъ, чтобъ не только всѣ вѣматривались въ лица, но и срисовывали ихъ по крайнему разумію, — я приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ, снисывая портреты съ пріятелей бѣлымъ или чернымъ карандашемъ на сѣрой бумагѣ. Сходства пельзя было не замѣтить, но требовалось содѣйствіе моего артиста-пріятеля для вызова ихъ изъ царства тмы.»

Въ послѣдствіи собраніе мѣловыхъ портретовъ превратилось у Гёте въ какую-то страсть. Разъ у него было ихъ отъ четырехъ до пяти сотъ вмѣстѣ.

Теперь насъ ожидаетъ занимательный и драматически изложенный рассказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали отъѣзду его изъ Франкфурта.

«Съ вершины одной Швейцарской горы я воротился, не заглянувъ въ Италію, потому что не могъ жить безъ Лилли. Склонность, основанная на сладкой надеждѣ взаимнаго обладанія, неразрывнаго союза на всю жизнь, — такая склонность не умираетъ внезапно; пѣтъ, она находитъ себѣ

ннцу въ созерцаніи благоразумныхъ желаній и непорочныхъ чаяній, которыми мы сами себя обольщаемъ.

«Очень естественно, что дѣвушка, въ такихъ случаяхъ, рѣшается скорѣе молодаго мужчины. Какъ внучки Пандоры, эти милыя созданія обладаютъ завиднымъ даромъ привлекать, заманивать, собирать вокругъ себя. — и не столько по склонности, какъ по естественному побужденію, даже просто изъ одного коварства! Оттого онѣ часто сами пугаются толпы своихъ поклонниковъ, какъ новичекъ въ Магін трусить вызванныхъ имъ духовъ. Но прійдется жъ наконецъ сдѣлать выборъ, рѣшительно предпочесть одного вѣсьмъ прочимъ, и этотъ одинъ уведетъ къ себѣ суженую...

«И какъ зависитъ отъ случая то, что даетъ здѣсь направленіе выбору, что рѣшаетъ выбирающую! Я отрекся отъ Лилли по собственному убѣжденію, но любовь сдѣлала для меня это убѣжденіе подозрительнымъ. Точно такъ и Лилли разсталась со мною: для разлученія предпринялъ я пріятное путешествіе, но оно произвело совѣсьмъ не то, чего я ожидалъ.

«Пока я былъ въ отсутствіи, я вѣрилъ нашей разлукѣ, но не разрыву нашей связи. Надежды, воспоминанія, желанія, — все это во мнѣ кипѣло. Теперь я воротился, и какъ свиданіе ничѣмъ не связанныхъ, счастливыхъ любовниковъ есть самое небо, такъ свиданіе двухъ особъ, разлученныхъ доводами разсудка, есть нестерпимое чистилище, настоящес преддверіе ада. Явившись опять подлѣ Лилли, я сталъ чувствовать вдвойнѣ всѣ несоответствія, поколебавшія отношенія наши другъ къ другу, и увидѣвъ себя снова въ ея присутствіи, я постигъ всю тягость той мысли, что Лилли для меня не существуетъ.

«По-этому я часто рѣшался бѣжать ея, и почелъ для себя самымъ благоприятнымъ случаемъ прибытіе изъ Карльсруэ во Франкфуртъ юной Герцогско-Веймарской четы, которой приглашеніями я могъ теперь воспользоваться, чтобы уехать въ Веймаръ. Я всегда удостоивался отъ этихъ высокихъ особъ самаго милостиваго, радушнаго пріема, и платилъ имъ за то съ своей стороны чувствомъ искренней признательности. Привязанность моя къ Герцогу, возникшая съ первой минуты нашего знакомства; уваженіе къ

принцессъ, которую я давно зналъ, хотя только и по виду; желаніе, сколько-нибудь доказать дружелюбіе мое къ Виланду, который поступалъ въ отношеніи ко мнѣ такъ великодушно, и заглазить полуумышленный и полуслучайный недостатокъ въжливости въ прежнихъ моихъ сношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ, — вотъ побудительныя причины, достаточныя къ убѣжденію, или лучше къ воспламененію, молодого человѣка, даже и безстрашнаго. Но къ этому присовокуплялась еще необходимость бѣжать отъ Лилли такъ или иначе: на югъ, гдѣ ежедневные рассказы батюшки сулили мнѣ рай Искусства и Природы или на сѣверъ, куда такой замѣчательный кругъ отличныхъ людсѣй приглашалъ меня.

«Высокая чета прибыла, на возвратномъ пути своемъ, во Франкфуртъ. Тутъ же былъ тогда Дворъ Мейнингенскій, и какъ особы этого Двора, такъ и Тайный Советникъ Дуркгеймъ, сопровождавшій молодыхъ принцевъ, принимали меня какъ неслзя дружелюбіе. Но чтобъ и тутъ не обшлось безъ юношеской странной выходки, то простой недомекъ поставилъ меня въ чрезвычайное и вмѣстѣ смѣшное затрудненіе.

«Веймарская и Мейнингенская фамиліи помѣщались въ одномъ и томъ же домѣ. Приглашаютъ меня къ обѣду. Голова моя такъ занята Веймарскимъ Дворомъ, что я ни о чемъ больше не думаю; и мнѣ даже не пришло на умъ, чтобъ могла обратить на меня вниманіе Мейнингенская фамилія. Являюсь въ приличномъ нарядѣ въ отель, подъ выѣзской Римскаго Императора, пахожу комнаты Веймарскихъ гостей пустыми, и узнавъ, что они у Мейнингенцевъ, иду туда и встрѣчаю ласковый пріемъ. Я думалъ, что это добѣденный визитъ, или, что они обѣдаютъ вмѣстѣ, и ожидалъ, что будетъ далѣе. Вдругъ Веймарское общество собралось итти, и я за нимъ; но вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ свои покои, эти господа пошли прямо съ лѣстницы къ экипажамъ, и я очутился съ ними на улицѣ.

«Вмѣсто того, чтобъ вникнуть въ дѣло обстоятельнѣе и разузнать какъ и что, я тотчасъ побѣжалъ домой, какъ взбалмошной, и засталъ своихъ за десертомъ. Батюшка покачалъ головой, а матушка постаралась вознаградить меня, по

мѣръ возможности. Въ вечеру она объявила мнѣ за тайну, что когда я пошелъ изъ дому, батюшка дивился, какъ я, будучи неглупымъ малымъ, не хотѣлъ догадаться, что приглашеніе съ той стороны сдѣлано мнѣ въ пику. Но это замѣчаніе меня не тронуло, потому что я уже видѣлся съ Дуркгеймомъ, который съ шуточными упреками потребовалъ отъ меня отчета въ моемъ поступкѣ. Тутъ лишь пробудился я отъ моего сна, и сыскалъ случай просить прощенія и благодарить за милость, оказанную мнѣ сверхъ всякаго чаянья.

«Когда, по весьма уважительнымъ причинамъ, я согласился на дружественныя предложенія Веймарскаго Двора, то касательно отъезда моего положено было слѣдующее: нѣкто, оставшійся въ Кальсруэ во ожиданіи ландо изъ Страсбурга, долженъ былъ проѣзжать черезъ Франкфуртъ въ извѣстный день, и мнѣ надлежало быть готовымъ немедленно отправиться съ нимъ въ Веймаръ. Милостивое прощанье, которымъ удостоила меня юная чета, и дружественное расположеніе всей ея свиты, дѣлали для меня это путешествіе чрезвычайно пріятнымъ, кромѣ того, что и способы, казалось, улажены были какъ нельзя лучше.

«При всемъ томъ, даже эта простая, безкорыстная сдѣлка долженствовала затрудниться случайностями, возмутиться страстями и почти совсѣмъ разстроиться. Простившись съ знакомыми, объявивъ всѣмъ, когда я ѣду, поспѣшно уложивъ вещи и съ ними рукописные труды свои, я ждалъ того часа, который долженъ былъ принести съ собою моего пріятели въ новой каретѣ, и унести меня въ новый край, къ новымъ связямъ. Минулъ часъ, минулъ и день, и чтобъ не повторять прощальной церемоніи или не быть измучену посѣщеніями, я послѣ этого не сказывался дома, принужденъ былъ не выходить даже изъ своей комнаты, и такимъ образомъ увидѣлъ себя въ довольно страшномъ положеніи.

«Уединеніе и затворничество имѣло, однако жъ, свои выгоды: чтобъ провести время, я трудился надъ Эгмонтomъ и почти его докончилъ. Я прочелъ сго батюшкѣ, которому эта пиеса особенно нравилась, и онъ ничего такъ не желалъ, какъ видѣть ее конченною и въ печати, надѣясь,

что черезъ этотъ трудъ извѣстность сына его еще болѣе распространится. Впрочемъ, ему и надо было утѣшать меня, потому что онъ пускался въ самые подозрительные толки на счетъ долгаго неприбытія кареты. Часто все это считалъ онъ за выдумку, не вѣрилъ ни въ какое ландо, и въ сѣдокъ видѣлъ одну мечту воображенія. Со мной онъ говорилъ только обиняками, но за то какъ мучился самъ и мучилъ матушку! Ему казалось, что это просто дворская шутка, сыгранная со мной за мою невѣжливость, чтобъ огорчить и пристыдить меня, взманивъ почестью, и потомъ насмѣшливо оставивъ дома. Я все еще не перемѣнялъ своихъ прежнихъ мыслей, радовался моему затворничеству, гдѣ не мѣшали мнѣ ни друзья, ни гости, ни общественыя приличія, и усердно писалъ себѣ Эгмонта, хотя и не безъ душевнаго волненія. Это расположеніе духа, быть-можетъ, улучшило піесу, которая, вмѣщая въ себѣ такъ много страстей, не могла быть хорошо написана при совершенномъ безстрастіи.

«Такъ прошло восемь дней, и сколько еще, не знаю, по мое тѣсное заключеніе стало надоедать мнѣ. Привыкнувъ въ теченіе многихъ лѣтъ жить на открытомъ воздухѣ, въ сообществѣ друзей, съ которыми я былъ въ самыхъ безкорыстныхъ и дѣятельныхъ отношеніяхъ; вблизи милой, съ которою я хоть и задумалъ разстаться, однако жъ непреодолимо желалъ быть вмѣстѣ пока могъ, — привыкнувъ ко всему этому, я началъ теперь скучать до такой степени, что увлекательность моей трагедіи могла отъ того пострадать какъ нельзя болѣе: творческая сила поэзіи совершенно подавлялась во мнѣ петербургіемъ. Уже нѣсколько вечеровъ не могъ я усидѣть дома. Завѣрнувшись въ широкій плащъ, я бродилъ по городу, слонялся передъ домами друзей и, знакомыхъ, и разумеется, не упустилъ случая подойти къ окну своей Лилли. Она жила въ угольномъ домѣ, внизу; зеленныя шторы были опущены, однако жъ я могъ ясно разглядѣть, что свѣчи стоятъ на обычномъ мѣстѣ. Слышу, она поетъ съ клависинномъ — *Ach, wie ziehst du mich pwwiderstehlich* (Ты влечешь меня непреодолимо), — піесня, которая еще безъ малаго за годъ написана и поднесена ей мною. Мнѣ казалось, что она поетъ вырази-

тельнѣе обыкновеннаго; я ловилъ каждое слово, приложивъ ухо такъ плотно, какъ только позволяла рѣшетка. Когда она спѣла до конца, я увидѣлъ по тѣни, падавшей на шторы, что она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; но тщетно старался я поймать очеркъ милаго лица сквозь толстую штору. Только твердое мое намѣреніе не показываться ей на глаза, не возмущать ея моимъ присутствіемъ, отречься отъ нея невозвратно, одно это намѣреніе и мысль о томъ, какъ изумило бы ее мое печальное появленіе, могли заставить меня удалиться отъ такого очаровательнаго соседства.

«Прошло еще нѣсколько дней, и батюшкино предположеніе становилось часъ отъ часу правдоподобнѣе, потому что изъ Карльсруэ не было ни слуху, ни духу о лаццо. Поэтическіе труды мои остановились; батюшка увидѣлъ всю тяжесть моего безпокойнаго положенія, и предложилъ мнѣ слѣдующее: дѣлу пособить нечѣмъ, вещи мои все уложены, онъ дастъ мнѣ денегъ и кредитъ для путешествія въ Италію, но съ тѣмъ, чтобъ я рѣшился ѣхать немедленно. Сомнѣваясь и колеблясь въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, я наконецъ согласился, если въ назначенный часъ не будетъ ни кареты, ни извѣстія, отправиться сперва въ Гейдельбергъ, и оттуда ужъ по Швейцаріей, а черезъ Тирольскія Альпы, въ Италію.

«Чудныя дѣла совершаются, когда опрометчивую юность, сбивающуюся на каждомъ шагу съ прямой дороги, подстрекаетъ еще упорное заблужденіе старости. Но съ юностью бываетъ то же, что съ жизнію вообще: все мы обыкновенно узнаемъ тактику по окончаніи похода. Въ кругу житейскихъ дѣлъ, такой случай легко могъ бы объясниться; но мы какъ нарочно стаскиваемся съ заблужденіемъ противъ прямой истины, точно такъ, какъ тасуемъ карты передъ сдачею, чтобъ случайность и тутъ не лишилась вліянія: вотъ основаніе той стихіи, въ которой демонъ такъ усердно дѣйствуетъ, и обходится съ нами тѣмъ хуже, чѣмъ сильнѣе мы предчувствуемъ его близость.»

Назначенный день насталъ, но лаццо все не бывало, и Гёте, простившись потихоньку съ другомъ сво-

имъ пассавантомъ, отправился въ Гейлельбергъ по пути въ Италию. Онъ поѣхалъ на Гейлельбергъ по двумъ причинамъ: онъ все еще надѣялся услышать что-нибудь объ ландо, и желалъ повидаться съ дѣвицею Дельфъ, съ которою могъ говорить о страсти своей къ Лилли. Въ Гейлельбергъ познакомился онъ съ однимъ семействомъ, въ которомъ была между-прочимъ премиленькая дѣвушка, именемъ Фридерика, очень похожая на одну изъ прежнихъ его милыхъ.

«Еще съ неугасшей страстью въ сердцѣ, возбудилъ я здѣсь участіе безъ всякаго умысла, даже не говоря о томъ ни слова, и сдѣлался домашнимъ, необходимымъ въ этомъ кругу человѣкомъ, совершенно забывая, что, послѣ многихъ вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ, мнѣ надо будетъ продолжать свое путешествіе.»

Пріятельница его, мамзель Дельфъ, была, кажется, одною изъ тѣхъ добрыхъ душъ, которыя до смерти любятъ сватать. Видя необходимость разрыва связи его съ Лилли, она всѣми силами старалась замѣнить ее новою, и довела Гёте до того, что онъ слушалъ безъ прекословія, какъ она располагалась женить его на молодой дѣвушкѣ, о которой мы сейчасъ упоминали, и даже съ тѣмъ, чтобъ ему основаться въ Гейлельбергъ, если, повозвративъизъ Италиі, онъ увидитъ, что возрастающая склонность его суженой созрѣла въ положительную любовь. Тутъ разсказъ его опять оживляется.

«Правда, я не отвергалъ этихъ предложеній; но безрассчетный образъ моей жизни не могъ всегда согласоваться съ систематическими предначертаніями усердной пріятельницы: я наслаждался мгновеннымъ блаженствомъ; образъ Лилли былъ всегда передо мною, во снѣ и на яву; онъ сливался со всѣмъ, что мнѣ правилось или развлекало мои думы. Но теперь я вообразилъ себѣ всю важность предпріятого мною путешествія, и рѣшился ускользнуть самымъ скромнымъ, учтивымъ образомъ, и черезъ несколько дней выѣхать отсюда непримѣтно.

«До поздней ночи объясняла мнѣ мамзель Дельфъ подробности своихъ плановъ и того, что хотятъ сдѣлать для меня добрые люди. Такое расположеніе конечно заслуживало съ моей стороны одной почтительной признательности, хотя тутъ и проглядывали виды на чаемый успѣхъ мой при Дворѣ. Мы разошлись не ранѣе перваго часа, и едва успѣлъ я заснуть крѣпкимъ сномъ, какъ разбудилъ меня рогъ почталіона, остановившагося у воротъ. Вскорѣ явилась мамзель Дельфъ со свѣчею и письмомъ въ рукѣ. «Вотъ оно!» говорила она: прочтите и скажите мнѣ, объ чемъ это. Вѣрно ужь отъ Веймарцевъ. Если это приглашеніе, не принимайте его; помните, что я вамъ говорила.» Я просилъ ея дать мнѣ свѣчу и полчаса уединенія. Она вышла нехотя. Я призадумался, не распечатывая письма. Почта изъ Франкфурта; рука и печать мнѣ знакомы; стало-быть пріятель мой тамъ: недовѣрчивость и неизвѣстность заставили насъ слишкомъ поторопиться. Зачѣмъ бы не дождаться человѣка, который непременно долженъ былъ пріѣхать, по котораго могли задержать тысячи вещей? Тутъ только завѣса упала съ глазъ моихъ. Всѣ прежнія ласки, благосклонность, довѣренность живо предстали моему воображенію: я устыдился страннаго моего побѣга. Наконецъ, распечатываю письмо, и вижу, что все случилось самымъ естественнымъ образомъ. Товарищъ мой ждалъ новой кареты, какъ я его, — со дня на день, съ часу на часъ; потомъ, отправившись по дѣламъ въ Мангеймъ, заѣхалъ во Франкфуртъ, и къ ужасу свосму не засталъ меня. Онъ тотчасъ послалъ парочнаго съ письмомъ ко мнѣ, чтобъ, по полученіи этого объясненія, я немедленно воротился и не подвергъ его непріятности явиться въ Веймаръ безъ моей особы. Къ этому склоняли меня и разсудокъ, и душевное расположеніе, однако новое мое предпріятіе также имѣло спѣльные доводы въ свою пользу. Батюшка назначилъ мнѣ славную дорогу и подарилъ маленькую бібліотеку, съ помощью которой я могъ заранѣе приготовляться и быть собственнымъ своимъ путеvodителемъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя пришлось бы мнѣ посѣтить. Въ свободные часы, у меня досель не было другаго занятія, а въ послѣднее кратковременное мое путешествіе я только объ этомъ и думалъ. Тѣ величественные

предметы, съ которыми еще въ дѣтствѣ знакомился я черезъ рассказы и описанія, собрались теперь передъ умственнымъ моимъ взоромъ, и мнѣ казалось вѣрхомъ благополучія приближаться къ нимъ часъ отъ часу болѣе, по мѣрѣ удаленія моего отъ Лилли.

«Между-тѣмъ, я одѣлся и расхаживалъ по комнатамъ. Входитъ моя нетерпѣливая хозяйка. «Чего мнѣ надѣяться?» говоритъ она. «Лучшій другъ мой! отвѣчалъ я ей, не настаивайте долѣе: я рѣшился воротиться; я самъ взвѣсилъ побудительныя причины; повторять ихъ вовсе бесполезно. Должно наконецъ рѣшиться, и кому жъ предпринять этотъ шагъ, если не тому, на кого окончательно падеть отвѣтственность?» Я былъ растроганъ, она также; жаркая сцена произошла между нами, и я кончилъ ее приказаніемъ, чтобъ слугавелѣлъ подавать лошадей. Тщетно я просилъ свою хозяйку успокоиться и принять вчерашнее шуточное прощанье мое со всемъ обществомъ за настоящее; тщетно уговаривалъ размыслить, что дѣло идетъ о посѣщеніи, о кратковременной гостябѣ; что мнѣ нельзя отказаться отъ путешествія въ Италію, точно такъ, какъ и отъ возвращенія въ Мангеймъ. Она ничего не хотѣла слушать, и только усугубляла причины моего разстройства. Карста была подана, все уложено, почталіонъ обычнымъ знакомъ извѣялъ свое терпѣніе. Я порывался уйти, но она все меня удерживала, осыпая довольно меткими доводами изъ настоящаго, такъ что наконецъ съ жаромъ и страстію проговорилъ я словами Эгмонта: — Дитя! дитя! перестань. Какъ бы гонимые невидимыми духами, кони солнца мчатъ легкую колесницу судьбы человѣческой, и намъ больше нечего дѣлать, какъ, вооружившись мужествомъ, туго держать бразды и поворачивать то въ ту, то въ другую сторону, здѣсь мимо камня, тамъ мимо ния. Кто знаетъ, куда идетъ? Право, едва ли кто помнить и откуда.»

Этими словами оканчивается послѣдняя глава автобіографіи.

Е. К.

Foreign Quarterly Review.

МА-КА-ТАЙ-МИ-ШИ-КЯ-КЯКЪ.

=

Мы уже говорили въ этомъ изданіи о всѣхъ возможныхъ Словесностяхъ, — старыхъ, юныхъ, древнихъ, новыхъ, Западныхъ, Восточныхъ, всего чаще о дикой Словесности людей образованныхъ; но мы еще не говорили о образованной Словесности дикарей. О великій Азаисъ! ты правъ, ты стократно правъ: на свѣтъ все одно другимъ вознаграждается, — тогда какъ Г. Жаненъ писалъ своего «Барнава,» Американскій дикарь сочинилъ умную и благопристойную книгу. И вы, добродушные любители чтенія! ежели хотите читать, въ 1834 году отъ Р. Х., что-нибудь истинно романтическое, истинно занимательное и оригинальное, читайте сочиненіе мюдогда Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кяка *. Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ самый оригинальный авторъ нашего времени.

Все, что относится къ первобытнымъ племенамъ, обитающимъ въ лѣсахъ и на полянахъ Сѣверной Америки, — ихъ жизнь, наполненная приключеніями звѣролова, — ихъ вѣрованіе въ Великаго Духа, правителя вселенной, — ихъ поэтическое краснорѣчіе, — ихъ просказательная логика, — отчаянное мужество, — кровавыя понятія, — любовь къ независимости и страданія, претерпѣваемыя отъ образованности, которая ихъ преслѣдуетъ, — все это поистинѣ болѣе похоже на

* Life of Ma-ka-tai-me-she-kia-kiak, or. Black Hawk, etc. Жизнь Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кяка, или Чернаго Сокола, изображающая вмѣстѣ преданія его племени, войны Американскихъ Индейцевъ, ихъ нравы, обычаи, и проч., съ присовокупленіемъ свидѣнія о причинахъ и исторіи послѣдней войны между ними и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, — описанная имъ самимъ и посвященная генералу Аткин-сону. Бостонъ, 1834.

романъ, чѣмъ на житейскую дѣйствительность. Мы съ любопытствомъ и участіемъ встрѣчаемъ ихъ въ Повѣсти и Путешествіи, въ Трагедіи и Исторіи. Нельзя не сожалѣть объ ихъ судьбѣ: челоуколюбивые граждане Сѣверной Америки поклялись извести ихъ водкой и картечью, и если дикари иногда на своихъ воинскихъ пирахъ пьютъ ромъ изъ череповъ республиканцевъ, за то и просвѣщенные «сыны свободы,» въ сношеніяхъ своихъ съ ними, обнаруживаютъ такіа чувствованія, въ которыхъ бы ни одинъ паша Янины не признался для чести Турецкаго народа. Г-нъ М^{***}, некогда членъ Палаты представителей въ Вашингтонъ, бывшій въ 18^{**} году посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англій, безъ обиняковъ показывалъ Лондонскимъ друзьямъ своимъ два бритвенные ремня, сдѣланные изъ кожи одного знаменитаго предводителя Индѣйцевъ, помогавшаго Англичанамъ въ послѣдней войнѣ противъ Американцевъ, и погибшаго на полѣ брани, и увѣрялъ, что ни на какой въ свѣтъ кожъ бритвы не правятся такъ славно, какъ на Индѣйской!!! Тѣснимые оружіемъ и политикою Соединенныхъ Штатовъ, которые все болѣе и болѣе распространяютъ границы свои за Аллеганскими горами, эти несчастныя поколѣнія оставляютъ имъ родныя области, усталыя своими трупами, если республиканская жадность не выманила у нихъ отечества за нѣсколько бочекъ рому и скудное денежное вознагражденіе, и бѣгутъ далѣе, къ западному берегу похищеннаго у нихъ материка, смѣшивать свои слезы съ брызгами волнъ океана. Мы не можемъ не привести одного, весьма недавняго случая, который превосходно знаменуетъ оригинальный умъ Американскихъ Индѣйцевъ, и нынѣшнее ихъ положеніе. Дѣло шло о небольшой землицѣ, которую Вашингтонское правительство желало очистить отъ Индѣйцевъ и присоединить къ штату П. М. Ионсъ. По обыкновенію, спер-

ва сдѣлали имъ предложеніе уступить ее за деньги. Устрашенный предводитель поколѣнія прибѣжалъ въ Вашингтонъ, чтобъ лично объясниться съ «отцемъ Большимъ Ножемъ,» — такъ называютъ они президента Сосдиненныхъ Штатовъ. Онъ былъ принятъ съ честью генераломъ Джексономъ, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросилъ, намѣрены ли они заключить сдѣлку. — Конечно, намѣрены, отвѣчалъ предводитель: но мы должны прежде, отецъ Большой Ножъ, хорошенько потолковать съ тобою. — Слушаю! — Нѣтъ, не слушай, а садись, вотъ на этой кочкѣ.

Дикарь схватилъ табуретъ, поставилъ его въ срединѣ залы, и настоятельно просилъ президента садиться. Генераль Джексонъ, нѣсколько изумленный предложеніемъ, повиновался ему изъ любопытства.

— Пусти же теперь меня, отецъ Большой Ножъ, присѣсть на краю, рядкомъ съ тобою. — Садись, мой другъ! — Подвинься, отецъ Большой Ножъ: я сяду получше. — Изволь! — Подвинься еще.....

Президентъ подавался всторону при каждомъ требованіи своего гостя, который наконецъ занялъ почти все мѣсто, и когда хозяинъ съ трудомъ уже держался на самомъ краю табурета, Индѣецъ вдругъ подавилъ его такъ сильно, что отецъ Большой Ножъ свалился на землю. — Что это значитъ? вскрикнулъ президентъ, быстро привставая на ноги. — Не сердись, отецъ Большой Ножъ! Въ дружескомъ объясненіи сердиться не прилично. Я тебѣ толкую свое дѣло. Вы пришли сюда, и сѣли на краю нашей земли. Потомъ вы намъ сказали: подвиньтесь! Мы подвинулись. Подвиньтесь еще! Подвинулись. Ну подвиньтесь, подвиньтесь..... Да куда жъ подвигаться? Вы уже стѣснили насъ такъ больно, что наконецъ мы опрокинемся въ море, какъ теперь ты, отецъ Большой Ножъ, съ этой кочки на землю. Какъ же тебѣ не понимать этого?.....

Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ, то есть «Черный Соколъ,» былъ просто такой же предводитель одного изъ Американскихъ племенъ. Потерявъ власть и подвластныхъ, онъ пошелъ съ горя въ сочинители, и Словесность получила отъ него прекрасный подарокъ. Кромъ живописной прелести, книга его особенно любопытна тѣмъ, что знакомитъ насъ съ образомъ мыслей и понятіями дикаря, примѣчательнаго по своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Подлинность ея не подлежитъ сомнѣнію: по-крайней-мѣрѣ журналъ North American Review признаетъ ее неподложною. Она крайне занимательна: въ ней описаны, вѣрно и подробно, обстоятельства очень простыя для самаго повѣствователя, но чрезвычайно странныя, нерѣдко ужасныя для образованнаго Европейца; она исполнена остроумныхъ и колкихъ разсужденій о мудрости и политикѣ «бѣлыхъ людей»; на ея страницахъ встрѣчаются иногда такія замѣчанія, которыхъ побѣдителямъ и владыкамъ этихъ чадъ пустыни нельзя читать не краснѣя. Послушайте только, какъ Черный Соколъ разсказываетъ свою повѣсть! Вступленіе дышитъ чувствомъ: мы вполне его выписываемъ:

п о с в я щ е н і е

«Г. Бригадному Генералу Аткинсону.

«Непостоянство судьбы и переменчивость военного счастья содѣлали тебя моимъ побѣдителемъ. Когда я лишился всѣхъ средствъ; когда дальніе и утомительные переходы изнурили моихъ воиновъ, тогда мы положили оружіе, и я увидѣлъ себя твоимъ плѣнникомъ.

«Исторія моей жизни изложена на слѣдующихъ страницахъ: она тѣсно соединена съ твоею, и, въ некоторомъ отношеніи, составляетъ ея часть: поэтому я тебѣ ее и посвящаю. Я устарѣлъ подъ бременемъ лѣтъ, и едва могу надеяться прожить еще нѣсколько лунъ. Прежде нежели отправлюсь въ безконечный путь, въ страну отцовъ моихъ,

я хочу изложить причины прежней вражды моей къ бѣлымъ, и оградить себя отъ ложныхъ суждснй. Снисходительность, оказанная мнѣ тобою во время моего плѣна, ручается мнѣ въ томъ, что ты не откажешься засвидѣтельствовать истинцу излагаемыхъ мною, извѣстныхъ тебѣ, событій.

«Я теперь ничго не значу въ народѣ, который прежде высоко чтимъ меня. Путь къ славѣ тернистъ и мраченъ. Да озарить тебя Великій Духъ свѣтомъ своимъ, да не попуститъ онъ тебя испытать того униженія, въ которое привело меня могущество Сѣверо-Американскаго прабительства! Вотъ желаніе того, кто былъ некогда, въ родныхъ лѣсахъ своихъ, столь же смѣлъ и отваженъ, какъ ты въ чистомъ полѣ.

Черный Соколъ.

10-го мѣсяца, 1855.

Черный Соколъ родился въ 1767 году въ деревнѣ Сакъ, при рѣкѣ Гокъ. Онъ знатнаго происхожденія: еще прадѣдъ, его прозванный Громомъ, былъ удостоенъ хранить *лекарственный мышекъ* своего племени за мудрость и отважность. Описаніе набѣга почтеннаго прадѣда съ двумя его братьями, Щукою и Осетромъ, на ставку Французскаго генерала, и искусство, съ какимъ воспользовался онъ жестокою грозою, чтобъ утвердить за собою почетное званіе хранителя мѣшка съ лекарствами, составляетъ начало повѣствованія Чернаго Сокола, но мы обратимся прямо къ нашему герою:

«Въ этой-то деревнѣ родился я, говоритъ онъ. Я происхожу по прямой линіи отъ перваго нашего предводителя—На-па-ма-ки, или Грома. Я почти не помню, что дѣлалъ до пятнадцати-лѣтняго возраста. Мнѣ не дозволяли ни разрисовывать себѣ кожу, ни украшаться перьями; но уже въ юныхъ лѣтахъ прославился я множествомъ ранъ, нанесенныхъ врагамъ, и былъ поставленъ на ряду съ храбрыми.»

Съ этого времени духъ мужества ни на минуту не засыпалъ въ немъ; битвы съ Озажами слѣдовали одна

за другою; часто вступалъ онъ въ бой съ меньшимъ противъ непріятеля числомъ, и почти всегда выходилъ побѣдителемъ. Этимъ енискалъ онъ себѣ уваженіе, и по смерти отца, получилъ *лекарственный мѣшекъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и верховное начальство надъ племенемъ. Черный Соколъ говоритъ, что потерявъ родителя, онъ вычернилъ себѣ лице: сверхъ того онъ постылся и молился Великому Духу, занимаясь, какъ простой дикарь, звериною и рыбною ловлей.

Скоро потомъ, постигвъ крѣпость Сень-Луи, онъ услышалъ; что Американцы идутъ занять городъ и всю страну, и «что Испанскій Отецъ» намѣренъ ее оставить. Это подало поводъ къ первому изъ многочисленныхъ его набѣговъ; причиною втораго было появленіе на рѣкѣ Гокъ судна подъ командою генерала Шейка, который хорошо былъ принятъ дикими.

«Мы были весьма довольны рѣчью, произнесенною молодымъ предводителемъ судна. Онъ подалъ намъ добрый советъ; сказавъ, что Американскій Отецъ нашъ будетъ хорошо обращаться съ нами. Онъ подарилъ намъ Американскій флагъ, который и былъ поднятъ. Тогда онъ сталъ требовать, чтобы мы спустили наши Британскіе флаги, и отдали ему наши Британскія медали, обѣщая прислать въ замѣнъ ихъ другія. Мы отвергли это предложеніе, потому что желали имѣть *двухъ отцевъ!*

«Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, юный вождь судна спустился по Миссисипи. Одинъ изъ нашихъ убилъ Американца, и былъ за то посаженъ въ тюрьму Сень-Луи. Мы держали советъ о томъ, какъ бы помочь ему, и рѣшили, что Кванъ-ква-ми, Па-ши-па-го, У-ши-ква-ка и Га-ши-квар-ги-кве должны отправиться въ городъ, увидѣть нашего Американскаго Отца, и сдѣлать все возможное, чтобы освободить нашего товарища, — заплатить за убитаго, сколько за него приходится по числу зубовъ, вырванныхъ имъ у непріятеля, и такимъ образомъ смыть пролитую кровь, удовлетворивъ родственниковъ покойнаго. Этимъ только средствомъ можно

спассти у насъ убійцу: мы тогда еще думали, что у бѣлыхъ то же самое.

«По прибытіи въ Сенъ-Луи, послы наши явились къ Американскому Отцу, объяснили дѣло, и потребовали освобожденія товарища. Американскій предводитель отвѣчалъ имъ, что ему нужна земля, и они согласились уступить известное пространство на западной сторонѣ Миссисипи, и еще клочекъ на Иллинойской сторонѣ. Когда все было слажено, они ожидали, что товарищу ихъ будетъ дозволено брать ея нимн. Въ самомъ дѣлѣ его выпустили изъ заключенія; но едва пробѣжалъ онъ небольшое пространство, какъ былъ *застрѣленъ на повалъ!* Больше они ничего не припомнятъ о томъ, что было говорено и сдѣлано. Они были пьяны почти во все время пребыванія своего въ Сенъ-Луи*.

«Я и самъ ничего больше не знаю о договорѣ 1804 года: впоследствии мнѣ его объяснили. Я вижу, что по этому договору, вся наша страна на востокъ отъ Миссисипи и на югъ отъ Джефрена была уступлена Соединеннымъ Штатамъ за *тысячу долларовъ!*»

Черный Соколъ разсуждаетъ по-свѣдому о законности подобныхъ сдѣлокъ.

«Разсудокъ говоритъ мнѣ, что земли нельзя *продавать*. Великій Духъ далъ се дѣтямъ своимъ для того, чтобъ они жили на ней и воздѣлывали ее, сколько нужно для ихъ существованія. Доколѣ они ее населяютъ и обрабатываютъ, до тѣхъ поръ продолжается ихъ на нее право, но если они добровольно оставляютъ ее, другіе имѣютъ право на ней поселиться. Однѣ только вещи могутъ быть продаваемы.

Мы пропускаемъ борьбу съ Американскимъ отрядомъ, который расположился неподалеку отъ селеній Des Moines и выстроилъ тамъ крѣпость, названную Фортъ-Мадисонъ, и побѣгъ его отъ воиновъ Чернаго

* Это значить, что почтенные республиканцы пошли послать романъ, чтобъ удобнѣе заключить съ пьяными известнѣй договоръ свой 1804 года; а между-тѣмъ Индѣецъ, для спасенія котораго дикари сдѣлали всѣ уступки, былъ разстрѣлянъ на законномъ основаніи. Прекрасно!

Сокола. Эта крѣпость сдѣлалась предметомъ несогласій и нападеній. Черный Соколь рассказываетъ здѣсь происшествіе и дѣлаетъ замѣчанія, которыхъ мы не хотимъ перейти молчаніемъ.

«На слѣдующій день я взялъ ружье, перестрѣлилъ веревку, на которой былъ поднять ихъ флагъ, и не допустилъ вновь поднять его. Мы продолжали стрѣлять, покуда всѣ патроны не истощились. Видя, что не можемъ взять крѣпости, мы возвратились домой. Во время осады у насъ убили одного *виннебаго* и одного ранили. Въ послѣдствіи я узналъ, что купецъ, жившій въ крѣпости, ранилъ *виннебаго*, когда тотъ *скалпировалъ* перваго убитаго имъ челоуѣка! *Виннебаго* оправился отъ раны; онъ живъ и теперь, и весьма дружески расположенъ къ купцу, котораго считаетъ большимъ храбрецомъ.

«Скоро по возвращеніи нашемъ восвоиса, дошли до насъ слухи, что между Американцами и Англичанами загорается война: безпрестанно прибѣгали вѣстники отъ разныхъ племенъ, подтверждая слухъ о раздорѣ. Британскій агентъ, полковникъ Диксонъ, убѣждалъ и дарилъ нашихъ. Я не зналъ, что дѣлать: пристать ли мнѣ къ Британцамъ или вовсе не вмѣшиваться въ дѣло? Въ Американцахъ, приходившихъ къ намъ, я не замѣчалъ ни одного похвальнаго качества. Они дѣлаютъ богатые обѣщанія, но *никогда ихъ не исполняютъ*. Напротивъ Англичане обѣщаютъ мало, но мы всегда могли полагаться на ихъ слово.

И это психологическое наблюденіе дикаря надъ нравственностью республиканцевъ побуждаетъ насъ присоединить къ нему изъ другой части книги примѣчательный анекдотъ о добросовѣстности Индѣйцевъ и собственныя его мысли, свидѣтельствующія о здоровомъ смыслѣ достопримѣчательнаго старца :

«Одинъ изъ нашихъ убилъ Француза на Собачьемъ Лугу: Англичане взяли его въ плѣнъ, и объявили, что на другой же день будутъ въ него стрѣлять, по закону своей вѣры. Семейство его кочевало недалеко отъ устья Уйсконсина.

Онъ просилъ позволенія сходить повидаться со своими почью, такъ какъ ему уже слѣдовало умереть на другой день. Ему дозволили, съ тѣмъ, чтобъ онъ непременно возвратился на слѣдующее утро съ восходомъ солнца. Онъ навѣстилъ семейство, состоявшее изъ жены и шестерыхъ дѣтей. Я не умѣю описать ихъ свиданія и разлуки такъ, чтобы бѣлые меня поняли! Кажется, они думаютъ и дѣйствуютъ по правиламъ, которыя преподають имъ ихъ вѣщуны, пишущіе книги да журналы, между-тѣмъ, какъ нами управляетъ внутреннее, природное чувство. Онъ простился съ женою и дѣтьми, быстро пробѣжалъ Собачій Лугъ, и вовремя достигъ крѣпости. Солдаты были уже готовы: они немедленно выступили и *разстрѣляли его!* Я посѣтилъ семейство благороднаго соотечественника, который далеко не такъ какъ бѣлые умѣлъ держать свое слово, и питалъ его охотою и рыболовствомъ, доколѣ не соединилось оно съ своими родными.

«Сужденія наши о правомъ и неправомъ необходимо зависятъ отъ понятій, которыя мы имѣемъ о добрѣ и злѣ: въ этомъ случаѣ мы во многомъ несогласны съ бѣлыми. Они, — такъ по-крайней-мѣрѣ довелось мнѣ слышать, — толкуютъ: будь хоть вѣкъ негодяемъ, лишь бы передъ концомъ потужить хорошенько, такъ все будетъ ладно! А по нашему, такъ всю жизнь дѣлай то, что совѣсть указываетъ. Случится ли у тебя въ избыткѣ хлѣбъ и мясо, а сосѣдъ голодаетъ, — подѣлись съ нимъ. Есть ли лишняя одежда, — отдай тому, кто въ ней нуждается. Да я лучше расскажу вамъ обо всемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ.

И рассказавъ объ немъ, Черный Соколъ излагаетъ, какимъ образомъ племя его вовлечено было *обманомъ* въ войну за независимость Американскихъ Штатовъ. Описываемыя имъ событія чрезвычайно занимательны. Повѣсть о старикѣ, котораго герой нашъ находитъ, по возвращеніи своемъ въ селеніе, въ уединенномъ мѣстѣ, возносящимъ мольбы къ Великому Духу, и въ этихъ мольбахъ ищущаго утѣшенія о потерѣ сына, молодаго воина, усыновленнаго Чернымъ Соко-

ломъ, и умерщвленнаго бѣлыми, — исполнена живѣйшаго чувства; но въ ней еще нѣтъ той оригинальности, которою отличается сужденіе его о образѣ войны Англичанъ и Американцевъ.

Прибывъ въ селеніе, къ нашимъ, я былъ встрѣченъ предводителемъ и храбрѣйшими воинами, которые проводили меня въ шалашъ, нарочно приготовленный для этого случая. После объѣда я сталъ разсказывать имъ обо всемъ, что видѣлъ и дѣлалъ; между-прочимъ и о правилахъ, по которымъ Англичане и Американцы воюють между собою. Въ-место того, чтобъ грабить и всячески стараться побить какъ-можно больше враговъ, и какъ-можно менѣе потерять своихъ товарищей, — въ чемъ у насъ полагается все искусство военачальника, — они, напротивъ, выступаютъ въ поле среди бѣла дня, лѣзутъ другъ на друга безъ всякихъ уловокъ, и бьются, не заботясь о числѣ погибающихъ товарищей. Подрашней хорошенько, они начинаютъ пѣть и веселиться, какъ-будто ни въ чемъ не бывало; потомъ дѣлають *темное описаніе* своихъ подвиговъ, въ которомъ обѣ стороны присвоиваютъ себѣ побѣду, и ни одна не сознается въ половинѣ убитыхъ у ней воиновъ. Они бьются храбро, но не умѣють вести войну по нашему! Наше правило бить врага и защищать своихъ, — а они, хотѣли бы грести, да править-то челномъ нѣтъ охоты! Американцы стрѣляютъ мѣтче Англичанъ; за то они хуже ихъ одѣты, и ѣдятъ не такъ хорошо.»

Въ это время, нѣкто Ки-о-Кукъ началъ пріобрѣтать сильную власть въ племени Чернаго Сокола. Могущество соперника причинило ему много непріятностей. Случай, скоро затѣмъ послѣдовавшій, чрезвычайно замѣтателенъ :

«Тотчасъ собралъ я тридцать храбрыхъ воиновъ, говорить Черный Соколъ, и объяснилъ имъ, что намъ ренъ отмстить смерть усыновленнаго мною юноши, котораго злодѣйски и поносно умертвили бѣлые. Я сказалъ имъ, что далъ въ этомъ клятву духу отца его. Все согласился идти

со мною, всё хотѣли исполнить данное мною слово. Мы съѣли на челноки, и спустились вдоль по Миссисипи до мѣста, гдѣ стояла крѣпость Мадисонъ. Она была оставлена и выжжена бѣлыми: одиѣ трубы только уцѣлѣли. Мы радовались, что враги покинули нашу родину, и продолжали плыть внизъ по теченію. Близъ Зеленаго Мыса, вышелъ я на берегъ съ однимъ товарищемъ: остальные отправились къ устью Кенвера. Мы направились наискось къ тропѣ, ведущей отъ устья Кенвера къ одному укрѣпленію, и скоро услышали выстрѣлы со стороны небольшого залива. Мы пританисъ въ сторонѣ, близъ дороги, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣли двухъ всадниковъ, во всю прыть скачущихъ на одной лошади, по направленію откуда слышалась персналка. Подпустивъ ихъ довольно близко, мы разомъ по нимъ выстрѣлили: лошадь кинулась въ сторону, и оба всадника свалились на-земь. Мы бросились къ нимъ: одинъ всталъ и пустился бѣжать. Я за нимъ. Я уже догонялъ его, какъ онъ, забѣжавъ за кучу недавно вырубленныхъ кольевъ, схватилъ одинъ изъ нихъ и ударилъ меня. Тутъ увидѣлъ я его въ лицѣ, и узналъ въ немъ человѣка, учившаго жителей деревни Квашъ-ква-ми пахать землю. Онъ слылъ у насъ добрымъ человѣкомъ, и я, не желая лишить его жизни, пересталъ его преслѣдовать. Возвратясь къ товарищу, я увидѣлъ въ рукахъ его содранную съ головы убитаго имъ врага кожу. Мы пошли далѣе; но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ увидѣли человѣка, котораго считали уже убитымъ, шедшаго къ намъ на встрѣчу. Онъ шатался какъ пьяный, и былъ весь покрытъ кровью. Никогда не видывалъ я зрѣлища ужаснѣе этого! Убей его, сказалъ я моему товарищу, и прекрати тѣмъ его муку... Смотрѣть на него бытъ я не въ силахъ. Проходя мимо его, услышалъ я въ кустарникѣ шелестъ, взглянулъ, и увидѣлъ двухъ малютокъ, старавшихся спрятаться. Дети мои живо мнѣ представились, и я миновалъ кусты, какъ-бы не замѣчая бѣдняжекъ. Тутъ подоспѣлъ ко мнѣ товарищъ, и мы скоро встрѣтили прочихъ нашихъ удалцовъ. Я говорилъ, что за нами будеть погоня, и велѣлъ всемъ имъ слѣдовать за мною. Мы перѣехали черезъ заливъ, и засѣли за срубленные деревья. Но недолго оставались мы одни: толпа вооруженныхъ

всадниковъ ударила на насъ съ удивительною стремительностію. Я хорошо прицѣлился, и на мѣстѣ положилъ начальника отряда. Наши сдѣлали залпъ, но безуспѣшно. Между-тѣмъ, прежде нежели мы успѣли снова зарядить ружья, непріятель окружилъ насъ и принудилъ бѣжать въ находившееся неподалеку болото, въ концѣ котораго былъ кустарникъ. Зарядивъ ружья, ожидали мы нападенія. Враги устремились къ болоту, и выпаливъ въ насъ, убили одного воина. Мы отвѣчали тѣмъ же, — и одинъ изъ нихъ, мертвый упалъ съ лошади. Въ третій разъ зарядили мы ружья, и поставивъ часовыхъ, для наблюденія за непріателемъ, начали выкапывать въ берегу ямы, чтобъ укрыться отъ выстрѣловъ. Каждую минуту должно было ожидать нападенія. Нѣкоторые изъ насъ начали пѣть *тѣсь смерти*. Мнѣ было слышно, какъ бѣлые разговаривали между собою, и я закричалъ имъ, чтобъ они къ намъ подвинулись да подрались бы съ нами. Мнѣ надоело дожидаться; я хотѣлъ скорѣй рѣшить дѣло. Въ толпѣ ихъ послышались удары топора и молота. Я не могъ понять, что бы это значило. Скоро выкатили они противъ насъ батарею на колссахъ, и дали залпъ, не задѣвъ ни одного изъ насъ. Я вторично закричалъ имъ, что, если они *храбрецы*, такъ чтобъ шли на насъ вравдою и головою. Въмѣсто того, они, съ наступившею темнотою, ушли въ свое укрѣпленіе. Ихъ было семьдесятъ въ *этой западнѣ*. Всѣ мы, исключая одного, были живы и цѣлы. Тѣло убитаго непріятеля оставалось на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. Бѣлые не взяли его, боясь нашихъ выстрѣловъ. Оскальпировавъ его, мы положили на него нашего мертвеаго товарища: могъ ли онъ покоиться лучше, какъ лежа на трунѣ врага?»

Черный Соколъ говоритъ объ изгнаніи своего племени изъ его селенія. Разсказъ этотъ наполняетъ сердце невыразимою грустью. Последнее средство, употребленное дикими для отвращенія грозившаго имъ несчастія, трогательно своею простотою:

«Советъ разошелся, и непріятельскій военачальникъ удался въ укрѣпленіе. Я снова спросилъ вещуна: онъ от-

въчалъ, что Великій Духъ повелѣлъ ему во снѣ, чтобы дочь Ми-та-та-са, стараго предводителя племени, взявъ въ руки копь, пошла къ восначальнику крѣпости, и сказала, что она дочь Ма-та-та-са, который всегда былъ «другомъ бѣлыхъ»; что онъ съ ними за одно сражался, и получалъ раны въ рядахъ ихъ; что онъ никогда не говорилъ объ нихъ худо, и что она ни разу отъ него не слыхала, чтобы селеніе было продано ихъ предводителемъ. Она должна была прибавить, что хотя бѣлые сильны числомъ и могутъ, если захотятъ, отнять у нихъ селеніе, но что они конечно того не сдѣлаютъ. Но если ужъ этому должно случиться, такъ она проситъ дозволить племени остаться только, покуда жатва съ полей будетъ убрана; что она бѣдная женщина и много трудилась, чтобъ достать пропитаніе своимъ дѣтямъ, но что если племя будетъ изгнано, не успѣвъ убрать хлѣба, то не только они, но можетъ-быть и дѣти всѣхъ другихъ матерей должны будутъ погибнуть съ голоду!

«Съ этимъ именно дочь Ма-та-та-сы была отправлена въ укрѣпленіе, въ сопровожденіи многихъ изъ нашихъ молодыхъ людей. Они были допущены къ начальнику; но когда дочь Ма-та-та-сы пересказала приказаніе вѣщуна, онъ отвѣчалъ, что президентъ послалъ его не за тѣмъ, чтобъ договариваться или совѣтоваться съ бабами, а чтобы соблюдать пользы «свободы»; что молодые мужчины должны убираться вонъ, а она можетъ, если хочетъ, остаться въ селеніи. Соблюдать пользы свободы! Мы долго толковали объ этомъ между собою, и никакъ не могли понять — что прибыли свободѣ отнимать у насъ собственное наше селеніе, когда мы не хотимъ его оставить?»

Плачь Чернаго Сокола о бѣдствіяхъ его народа исполненъ поэтическаго чувства :

«Если бъ какой-нибудь вѣщунъ явился въ тѣ дни посреди насъ, и вздумалъ предсказывать то, что со-временемъ съ нами случится, кто бы ему повѣрилъ? Кто бы ему повѣрилъ, что мы будемъ изгнаны изъ жилищъ и лѣсовъ нашихъ, и не будемъ даже смѣть посѣщать кладбищъ нашихъ отцовъ!»

«Бѣлые не поймутъ всей горести этого лишенія: у насъ есть обычай посѣщать гробницы умершихъ друзей, и охранять ихъ отъ разрушенія сколько возможно долѣе. Мать уходитъ одна плакать надъ прахомъ своего дѣтница; храбрый съ радостію посѣщаетъ могилу отца, возвратясь съ счастливо оконченной войны, и наводитъ красками его памятникъ; въ часы горести и печали лучшее утѣжище — кладбище милыхъ сердцу. Тамъ Великій Духъ слышитъ мольбы наши!»

«Но теперь мы лишены и этого утѣшенія. Были дни, когда мы чувствовали себя счастливыми, какъ буйволы среди степей: теперь мы похожи на голодныхъ волчицъ, воющихъ въ пустынь!... Но я отступилъ отъ моего повѣствованія. Грустныя мысли стѣснили духъ мой, и сердце должно было излить печаль свою.»

Сочиненіе, изъ котораго мы заимствовали эти простыя и прелестныя строки, содержитъ въ себѣ еще много любопытнаго. Свиданіе Чернаго Сокола съ отцомъ Большимъ Ножемъ, въ Вашингтонѣ, посѣщеніе разныхъ другихъ городовъ Союза, сужденія его о видѣнныхъ имъ предметахъ и т. д., весьма оригинальны и умны. Гдѣ бы вы ни повстрѣчались съ Чернымъ Соколомъ, въ большомъ ли селеніи бѣлыхъ, гдѣ дѣлаютъ они *деньги* и *медали*, — такъ называетъ онъ Филадельфію, — въ родныхъ ли лѣсахъ его, онъ вездѣ является человекомъ необыкновеннымъ; вездѣ и всегда онъ мыслить такъ же хорошо, какъ и дѣйствовать; наблюдаетъ поступки бѣлыхъ, такъ же остроумно, какъ храбро сражается съ ними за родину, и великодушною покорностью воли Промысла поселяетъ къ себѣ уваженіе и соучастіе читателя.

ГАЙДЕРЪ - САИБЪ.

=

ОСТЬ-ИНДСКАЯ ВЪЛЪ *.

=

— Милая, дорогая Мирза, ты не знаешь, какимъ страданіямъ обреченъ воинъ во время войны! Ты едва вышла изъ дѣтства: твое прекрасное, нѣжное тѣло не будетъ въ силахъ непрерывно бороться съ усталостію и страхомъ, съ голодомъ, стужей и зноемъ, съ дождевыми ливнями, съ раскаленными пустынями и съ горными бурями.

— Гайдеръ, вотъ первая просьба въ которой, ты мнѣ отказываешь: какъ часто превозносилъ ты похвалами мое терпѣніе, и говорилъ, что я способна къ возвышеннымъ чувствамъ, которыя вливаютъ въ насъ сверхестественную силу.

— Твое обо мнѣ безпокойство только увеличитъ мои страданія. Твоя чувствительная душа не въ силахъ спосить трудовъ военной жизни. Меня ужасаетъ мысль, что твои невинные взоры будутъ оскверняться зрѣлищемъ жестокостей, кровопролитій, игры необузданныхъ страстей. Нѣтъ, *валихъ!* *билихъ!* недостойные взгляды грубыхъ воиновъ никогда не увидятъ этого прелестнаго образа!...

— Невинность умѣетъ вездѣ сохранить свою чистоту, любезный Гайдеръ. Порокъ отвратителенъ, не-

* Удивительный случай, рассказанный въ этой Повѣсти, есть историческій фактъ: онъ засвидѣтельствованъ подлиннымъ «Описаніемъ похода Сиръ Эйръ Кута». Для большей ясности дѣла, мы еще можемъ здѣсь присовокупить, что *саибъ*, или *сахибъ*, принимается въ Ость-Индіи въ смыслѣ «господишь», а *гайдеръ*, Арабское слово, значитъ «девъ». Гайдеръ-Саибъ — то же, что *Левъ-Господишь*. Б. для Ч.

причастный ему духъ не понимаетъ даже грубыхъ его оскорбленій.

— Но опасности, дорогая Мирза! Опасности будутъ угрожать тебѣ. Ты легко можешь отстать отъ моей свиты и быть захвачена неприятелемъ. Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ мой! останься лучше въ Мадрасъ, и пережди тамъ время опасности. Среди тревогъ и безпорядковъ воннекой жизни, союзники наши, Христіане, могутъ легко нарушить права здѣшнихъ жителей; но въ Мадрасъ, подъ защитою ихъ правительства, ты будешь охраняема и чтима, какъ въ мирное время.

— Ахъ, другъ мой, зачѣмъ вступилъ ты въ союзъ съ Христіанами! Съ этими врагами и разорителями нашей отчизны!

— Не терзай меня упреками, Мирза. Я сдѣлалъ ужасный выборъ, но не стесалъ ли каждый истинный сынъ отечества подъ игомъ свирѣпаго магоматанскаго Падишаха! Мирза, Мирза, не стѣсняется ли сердце твое при воспоминаніи о безчеловѣчномъ поступкѣ со мною Гайдеръ-Алія? Вспомни ту ужасную ночь, когда пестовыя толпы его воиновъ нахлынули на наши земли. Вспомни, какъ жилище наше было предано пламени; какъ отецъ мой, облитый кровью, палъ подъ ихъ ударами; какъ мать, моя несчастная мать, тщетно боролась съ злодьями; какъ ты сама, лишенная чувствъ, была исхищена мною изъ кровожадной толпы; какъ изнуренные усталостью, покрытые ранами, лишенные всего, — самой даже надежды, — принуждены мы были скитаться безъ пріюта?..... Не бойся, Мирза; не склоняй твоей прелестной головы, не проливай слезъ. Не жажда мщенія заставила меня соединиться съ Христіанами: они такіе же враги нашей родины, какъ и Гайдеръ-Али. Нѣтъ; но я читаю въ будущемъ: они проевѣтятъ здѣшній край; введутъ въ него Науки и Художества, учредятъ кроткое правленіе. Безъ нихъ, невѣжество и тиранство магоматанъ

никогда бы не прекратились. Осуши свои слезы, милая Мирза, и припни къ моей груди. Бѣдствія наши миновались: теперь наступаютъ дни блаженства. Да! дни постоянного, несмущаемаго блаженства.

Разговоръ этотъ происходилъ въ 1778 году между Гайдеръ-Санбомъ и его молодой женою, въ Индѣйской мызѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадраса, среди роскошнаго, лѣсистаго мѣстоположенія, на берегахъ свѣтлаго и широкаго Паль-Авера. Мертвая тишина ночи, теплота воздуха, густая зелень огромныхъ деревьевъ, и ясный блескъ луны, отражаемый поверхностію рѣки, составляли разительную противоположность съ встревоженными чувствами Мирзы.

Послѣ долгихъ войнъ съ Мараттами, Гайдеръ-Али, вторгся-было со стотысячною арміею, отчасти образованною Французскими офицерами, въ Карнатикъ, съ намѣреніемъ изгнать оттуда Англичанъ. Огонь и мечъ провели широкую полосу разоренія черезъ мѣста, по которымъ прошелъ этотъ искусный, но свирѣпый полководецъ. Сами Англичане не могли ему противиться. Сиръ Эйръ-Кутъ, главнокомандовавший Британскимъ войскомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ соединить свои силы съ корпусомъ генерала Белли: онъ зналъ, что если не успѣетъ въ этомъ, отрядъ послѣдняго подвергнется неминуемой гибели. Въ столь затруднительномъ положеніи, Сиръ Эйръ прибѣгнулъ къ помощи Гайдеръ-Санба, какъ надежнѣйшаго союзника, и разговоръ, приведенный въ началѣ разказа, происходилъ наканунѣ отбитія его къ Англійскому войску, изъ уединеннаго и живописнаго убѣжища, гдѣ въ нетншномъ блаженствѣ провелъ онъ первые четыре мѣсяца своего супружества.

Гайдеръ-Санбъ былъ одинъ изъ тѣхъ необычайныхъ людей, которые въ ту эпоху нерѣдко появлялись въ гористыхъ странахъ сѣверной Индіи. Съ исполненнымъ ростомъ и атлетическими членами соеди-

нялъ онъ величественную осанку, свойственную жителямъ Востока; и при всемъ томъ, пріятное и благородное лице его не имѣло ничего суроваго. Въ правахъ уроженцевъ этихъ жаркихъ странъ обыкновенно встрѣчаются двѣ крайности, — или безчувственное хладнокровіе, или неукротимая свирѣпость страстей. Но есть исключенія, въ которыхъ природный разумъ дѣйствуетъ спокойно, ясно и быстро. Находясь въ настоящихъ сношеніяхъ съ Французами и Англичанами, Гайдеръ-Сайбъ прилежно изучалъ языки того и другаго народа, и успѣлъ даже пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ. Онъ происходилъ изъ одного магометанскаго поколѣнія, и владѣлъ небольшимъ округомъ, — наследственнымъ достояніемъ его рода. Замысливъ ввести въ свое отечество нѣкоторыя улучшения, перенятія имъ у Евронейцевъ, Гайдеръ-Сайбъ навлекъ на себя негодованіе Гайдеръ-Алія, который опасался нововведеній, противныхъ, по его мнѣнію, мудрымъ обычаямъ предковъ. Гайдеръ-Али прибѣгнулъ и въ этомъ случаѣ къ обыкновенному своему средству, — истребленію противника. Окруживъ ночью владѣніе Гайдеръ-Сайба, онъ предалъ разоренію и смерти всѣхъ жителей области, и потопилъ въ ихъ крови его семейство. Самъ Гайдеръ-Сайбъ, защищаясь съ отчаяннымъ мужествомъ, спасся почти чудомъ, и унесъ на рукахъ четырнадцатилѣтнюю Мирзу.

Мирза была дочь одной туземной княжны и Французскаго генерала, проживавшаго въ Серинганатамъ при Дворѣ Гайдеръ-Алія, въ званіи тайнаго агента Французскаго правительства, для возбужденія зависти и вражды къ Англичанамъ. Мать ея вдругъ исчезла попомощію средствъ, очень хорошо извѣстныхъ кровавому честолюбію Гайдеръ-Алія; отецъ, во время одного набѣга, попалъ измѣною въ руки Мараттамъ, кото-

рые тотчасъ лишили его жизни. Наказаніе этихъ злодѣевъ было первымъ воинскимъ подвигомъ юнаго Гайдеръ - Санба: предводитель разбойничей шайки палъ отъ его руки, и всѣ плѣнники были отбиты. Между ними была и Мирза. Гайдеръ-Санба, зная изъ участи ея родителей, что въ Серинганатамъ ожидаетъ ее вѣрная гибель, далъ ей убѣжище въ своемъ домѣ, гдѣ мать избавителя приняла ее какъ родную дочь.

Съ лѣтами развернулись въ Мирзѣ необыкновенныя прелести. Лице ея было очерчено тою круглою роскошью, которая такъ красиво созрѣваетъ подъ обильными лучами южнаго солнца. Въ большихъ, черныхъ глазахъ, освѣщенныхъ густыми рѣсницами, превосходно отражался ея характеръ, — ясный, понятливый, певинный; она была весела, чувствительна и доверчива. Мирза соединяла съ удивительною нѣжностію чувствованій рѣдкую твердость духа; но испытанныя уже бѣдствія облекли все ея существо томною грустью. Гайдеръ-Санба старался ознакомиться съ Европейскою образованностію, и умъ ея столько же украсился чтеніемъ, сколько сердце было украшено добродѣтелью. Одною изъ причинъ, побудившихъ Гайдеръ-Алія напасть на округъ Гайдеръ-Санба, было желаніе овладѣть Мирзою: слухъ объ ея красотѣ и достоинствахъ уже доходилъ до сладострастнаго тирана. Но Гайдеръ-Санба успѣлъ скрыть ее отъ преслѣдованій Падшаха, и, достигнувъ Англійскихъ владѣній, предложилъ ей замѣнить имя брата нѣжнѣйшимъ именемъ супруга. Около трехъ сотъ всадниковъ, храбростію спасшихся отъ истребленія, составляли всю его силу. Съ этою горсткою удалыхъ горцевъ Гайдеръ-Санба присоединился къ Англійской арміи, и совершилъ изумительные подвиги. Искусство, съ которымъ владѣлъ онъ оружіемъ, удивляло Англійскихъ воиновъ. При томъ, онъ отлично зналъ все мѣстоположеніе, очень мало известное тогда Ев-

ропейцамъ. Теченіе всякаго потока, малѣйшая горная или лѣсная тропинка такъ же хорошо были ему знакомы, какъ и внутреннія средства каждаго округа, какъ и характеръ, склонности и расположеніе племень и правителей. Съ непостижимою догадливостію попадалъ онъ на запасныя магазины непріятеля, сокрытыя, по обычаю страны, въ пещерахъ, подземельяхъ, густотъ лѣсовъ и неприступныхъ горахъ. Неразъ его познанія и ловкость, съ какою узнавалъ онъ замыслы хитраго врага, спасали Англійское войско. Съ тремя сотнями своихъ сподвижниковъ пускался онъ на отважнѣйшія предпріятія, соединя въ высочайшей степени предчувствіе и молодечество дикаря съ тонкими соображеніями просвѣщеннаго чловѣка.

Упросивъ Англійскаго полководца, чтобы Мирза оставалась въ продолженіе военныхъ дѣйствій въ обществѣ его супруги и дочери, Гайдеръ-Санбъ вторично присоединился къ арміи. Это случилось скоро послѣ того разговора между нимъ и Мирзою.

Война, всегда влекущая за собою всякаго рода бѣдствія, на этотъ разъ была еще сопряжена съ неслыханными опасностями и страданіями. Чрезвычайная засуха истребила весь выюнскій скотъ, и войско подверглось истощенію, голоду. За засухою послѣдовали проливные дожди и ураганы, которые срывали цѣлыя станы, ломали и разстраивали обозы. Войско принуждено было бросить багажъ и, несмотря на палящій зной, идти усиленными маршами. Наконецъ оно расположилось биваками; но тутъ пронзительныя горныя вѣтры пагнали такую стужу, что солдаты гибли толпами. Въ жалкой хижинѣ, построенной изъ жердей, связанныхъ вверху вѣтвями, передъ тлѣющими углями, сидѣлъ Гайдеръ-Санбъ, только-что возвратившійся съ кровопролитной битвы; въ объятіяхъ его, склонясь къ нему на грудь болящею главою, лежала Мирза.

— Какъ жестоко упрекаю я себя, мильнй мой, нѣжнй другъ, говорилъ онъ, что согласился, чтобъ ты сопутствовала мнѣ въ этомъ бѣдственномъ походѣ. Мирза, Мирза! красота твоя поблекла, силы исчезли; угасъ блескъ твоихъ очей, уста твои засохли; въ мягкихъ твоихъ ручкахъ я чувствую жаръ недуга. Взгляни, взгляни на меня, другъ мой!

— Не трудности войны, Гайдеръ, гнетутъ меня, сказала Мирза: нѣтъ, ничто бы не крушило меня, если бѣ не твоя суровость....

— Моя суровость, Мирза? Что ты говоришь? Я, который о тебѣ только и думаю, тобой только и живу?... Мирза, если смерть похититъ тебя, — я за тобою послѣдую!

— Гайдеръ! произнесла она голосомъ твердымъ, хотя взволнованнымъ отъ сильнаго чувства, и томный взоръ ея оживился. Гайдеръ! скажи, что случилось бы съ твоей Мирзою, оставленною безъ помощи и защиты среди этихъ чужеземцевъ? что было бы съ нею, безъ единственнаго ея друга; безъ того, съ кѣмъ дѣлать она мысли и жизнь свою? Скажи, къ чему такое существованіе? О, Гайдеръ! присовокупила она, схвативъ его руку: я слышала сегодня, что говорилъ Англійскій полководецъ о твоей безразсудной храбрости, о твоихъ отчаянныхъ нападѣніяхъ и дерзкихъ схваткахъ съ непріятелемъ. Если ты не щадишь себя, то пожалѣй хотя твоихъ сподвижниковъ: изъ двухъ сотъ, выступившихъ сегодня съ тобою, возвратилась только восемь человекъ!

— Мирза, ты ошибаешься въ своихъ опасеніяхъ. Въ битвахъ, я удерживаю свою храбрость. Къ чему она мнѣ? Я служу въ рядахъ белокожихъ иностранцевъ, гдѣ предубѣжденіе противъ моей касты лишаетъ меня единственной награды достойной мужества, — славы! Никогда не вступаю я въ бой, если меня не одушевляетъ надежда отмстить своимъ злоде-

ямъ. И сегодняшнее нападеніе было направлено противъ тѣлохранителей Алія. Я увидѣлъ разбойника; я вспомнилъ смерть кровныхъ, вспомнилъ погибель моихъ приверженцевъ и разореніе родительскаго достоянія. Твой образъ носился предо мною среди этого воспоминанія, мщеніе закипѣло во мнѣ, и я врѣзался въ средину враговъ. Еще мигъ — и, клянусь Аллахомъ, мой мечъ пронзилъ бы сердце изверга, я растопталъ бы презрѣнный трупъ его. Но мой конь палъ подъ градомъ ударовъ, и патискъ конницы разлучилъ насъ. Бѣдные мои товарищи! Но по-крайней мѣрѣ они дорого продали жизнь свою, — и кто бы не позавидывалъ такой смерти...

Разсказъ Гайдеръ-Санба былъ внезапно прерванъ появленіемъ адъютанта Сиръ Эйра, присланнаго объявить ему, что военный советъ собрался, и что главнокомандующій желаетъ немедленно съ нимъ увидѣться. Гайдеръ пѣжно простился съ Мирзою, утѣривъ ее въ скоромъ возвращеніи.

— Гайдеръ-Санбъ! сказалъ Сиръ Эйръ-Кутъ, когда тотъ вошелъ въ его ставку. Не разъ уже извѣдывалъ я ваше мужество; но сегодня принужденъ подвергнуть его самому строгому испытанію. Если генералъ Белли сегодня же не получитъ отъ насъ извѣстій, то армія неминуемо погибла, и власть наша въ Индіи пропала. Вамъ понятно наше положеніе. Вотъ письмо, которое откроетъ вамъ путь къ довѣренности генерала. Прочее должно быть сообщено изустно.

Около четверти часа провели еще Сиръ Эйръ-Кутъ и Гайдеръ-Санбъ въ разсматриваніи плановъ, ландкартъ и перехваченныхъ бумагъ, писанныхъ по Персидски. Потомъ, они долго еще разсуждали тихимъ голосомъ.

Но въ некоторомъ молчаніи, Гайдеръ-Санбъ, всплеснувъ руками, началъ съ большимъ чувствомъ говорить про себя о какомъ-то предметѣ. Врачныя черты

его обнаруживали по временамъ сильное внутреннее волненіе. Имя Мирзы слышалось нѣсколько разъ; но болѣе ничего не лзя было разобрать: вѣтеръ ревѣлъ и дождь лилъ съ такою силою, что совершенно заглушалъ шопотъ Гайдеръ-Санба. Наконецъ, онъ быстро всталъ съ мѣста, и прохаживаясь по палаткѣ съ Англійскимъ полководцемъ, по-видимому опять началъ говорить о томъ же важномъ предметѣ. Тутъ Сиръ-Эйръ произнесъ тихимъ, но торжественнымъ голосомъ: — Я сей часъ же пошлю за Мирзою. Санбъ! я читаю въ вашихъ мысляхъ: она будетъ неразлучна съ моею женою до вашего возвращенія. Если жъ вы погибнете, то щедрая пенсія будетъ назначена ей правительствомъ. Въ этомъ ручаюсь я честью Британскаго офицера. Такъ, мой храбрый Гайдеръ-Санбъ, — скорѣе въ путь! Въ эту минуту, вы больше вашего начальника. Посылки, съ прислужниками моею жены и охранною стражею, будутъ тотчасъ отправлены за Мирзою. Дай Богъ, храбрый витязь, чтобъ вы скорѣе къ ней вернулись, счастливо окончивъ дѣло, отъ котораго зависитъ участь цѣлой арміи.

— Сиръ Эйръ! сказалъ Гайдеръ-Санбъ, быстро вскакивая на коня: если такъ, моя Мирза въ безопасности. Не дѣлайте ни какихъ распоряженій въ надеждѣ на успѣхъ моего предпріятія. Это почти невозможно..... Вы ручаетесь за безопасность Мирзы честнымъ словомъ Христіанина?

— Скорѣе измѣню отечеству, чѣмъ нарушу данное слово. Слышите, слышите! Если до развѣта не успѣете проскакать добрыхъ десяти миль, — мы погибли! Я буду драться только въ улицахъ Мадраса.

Гайдеръ-Санбъ былъ одаренъ отъ Природы геройскимъ духомъ. Въ битвахъ, когда представлялся случай доказать свою смѣлость и отвагу, его мужество было непобѣдимо. Онъ удалялъ отъ себя мысль о Мирзѣ, — мысль, которая могла бы ослабить духъ его, и

устремилъ все силы къ усибшному совершенію подвига. Уже проскакалъ онъ опасныя десять миль, и сталъ объѣзжать вокругъ одного огромнаго утеса, какъ вдругъ увидѣлъ себя посреди непріятельскаго разбѣзда. Въ одно мгновеніе, сабельнымъ ударомъ повергъ онъ начальника отряда и также быстро и удачно отразилъ нападеніе четырехъ остальныхъ воиновъ. Но выстрѣлъ, сдѣланный навшимъ врагомъ, поднялъ расположенныя въ окрестности войска.

Спереди, сзади и слева засверкали конья и ружья, и отсюда слышался топотъ скачущихъ всадниковъ. Одна правая сторона оставалась свободною: она примыкала къ потоку, столь быстрому, что, говорятъ, никогда ни человекъ, ни звѣрь не дерзали переплывать его. «Сдайся!» кричали ему враги, но вмѣсто отвѣта, онъ вонзилъ шпоры въ бока своего коня и, среди града пуль, низвергся съ крутаго берега. Переведя духъ на краю самаго потока, онъ смѣло пустился въ глубину. Конь не старался плыть; быстрота теченія увлекла его съ непреодолимою силою. Наконецъ, пользуясь встрѣтившимся водоворотомъ, Гайдеръ-Сайбу удалось подняться къ выдавшемуся утесу, и взобраться на него съ конемъ. Закинувъ ружье за плеча, онъ взлѣзъ по обрывистому берегу; бѣдный конь не могъ за нимъ слѣдовать, остался на узкомъ утесѣ, и долженъ былъ погибнуть. Сквозь узкія расщелины и глубокія трещины въ утесистомъ берегу, съ трудомъ пробрался онъ, ползя на рукахъ и коленяхъ. Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ еще разъ на своего вѣрнаго спутника, и собравъ сколько могъ травы по обрывамъ, бросилъ ему... Тогда взобрался онъ на вершину берега: по тутъ, вмѣсто открытаго поля, увидѣлъ — станъ непріятельскій! Эта печальная встрѣча была для него тѣмъ ужаснѣе, что служила доказательствомъ истребленія войска генерала Бели: иначе могъ ли бы непріятель стоять спокойно по эту

сторону рѣки? Двое часовыхъшевелились у велико-
льшой ставки, подлѣ которой была привязана бога-
то убранныя лошадь. Благодаря темнотѣ, Гайдеръ-
Саибъ успѣлъ сирятаться за дерево, стоявшее въ концѣ
дистанціи, по которой расхаживали стражи, и вы-
ждавъ то мгновеніе, когда они поворотили въ против-
ную сторону, бросился на нихъ. Проколовъ одного
саблею, онъ сжалъ другому горло съ такою силою,
что тотъ не могъ произнести ни малѣйшаго звука — и
въ ту жъ минуту поразилъ его кинжаломъ; потомъ
устремился на лошадь, перескочилъ черезъ заставу,
и скрылся, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ. Черезъ
нѣсколько часовъ узналъ онъ, что войско генерала
Белл действительно претерпѣло наканунѣ того дня
совершенное пораженіе, и что слабый остатокъ его
воиновъ, на честныхъ условіяхъ положившій оружіе,
былъ хладнокровно избитъ, среди радостныхъ кли-
ковъ и злобныхъ насмѣшекъ побѣдителей. Спасеніе
главной Англійской арміи зависѣло отъ сообщенія
этого извѣстія Сиръ Эйръ-Куту. Гайдеръ-Саибъ, давъ
себѣ не болѣе одного часа отдыха, рѣшился вновь
подвергнуться всемъ тѣмъ опасностямъ, которыхъ
только-что онъ избѣгнулъ.

Съ невѣроятнымъ мужествомъ и постоянствомъ пе-
решесъ онъ зной, голодь, жажду и усталость опасна-
го пути, превозмогъ все препятствія, укрылся отъ
всѣхъ преслѣдованій, и проложилъ себѣ путь сквозь
тысячи враговъ. Восторжествовавъ надъ безчислен-
ными опасностями, онъ благополучно продолжалъ
путь къ Британскому лагерю. Онъ пробылъ цѣлый
день въ пути безъ малѣйшей пищи и питья, и былъ
застигнутъ мракомъ ночи. Объятый воздухомъ душ-
нымъ, недвижимымъ и напоеннымъ клейкою вла-
гою, которая въ этихъ знойныхъ странахъ подавляетъ
всю бодрость тѣла и духа; ослабленный страхомъ,
усталостію и голодомъ, доведенный почти до изсту-

пленія ужасною жаждою, вдругъ, при свѣтъ мѣсяца, увидѣлъ онъ потокъ, протекавшій не подалеку отъ его пути. Онъ подъѣхалъ къ берегу. Конь, томимый также жаждою, хотѣлъ пить, но едва коснулся бѣгущихъ струй, какъ захрапѣлъ и задрожалъ отъ ужаса. Гайдеръ-Санбъ склонился къ потоку, и примѣтилъ, что воды его окрашены кровью! Ужасное открытіе доказывало, что въ этихъ мѣстахъ, не задолго передъ тѣмъ, произошла упорная битва. Догадка подтверждалась на каждомъ шагу попадавшимися трупами, изорванными палатками, разбитыми и изломанными порохowymi ящиками и множествомъ другихъ обломковъ кровопролитнаго боя. Здѣсь толпа поверженныхъ сипаевъ свидѣтельствовала, что на этомъ холмѣ началось сраженіе. Тамъ цѣлый полкъ Англійской пѣхоты, лежащій сомкнутымъ стросемъ, и груды убитыхъ лошадей и всадниковъ по флангамъ, извѣщали, что тутъ происходила самая жаркая схватка, и что побѣжденные погибли до одного, не отступивъ ни на шагъ.

Лошадь Гайдеръ-Санба дрожала отъ страха, съ отвращеніемъ ступая по бездушнымъ тѣламъ: вдругъ, она громко захрапѣла, откинула голову назадъ, и уставила неподвижно глаза. Ни удары шворъ, ни поужденія голосомъ не могли заставить ее двинуться съ мѣста. Она стояла какъ вкопанная.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, влѣво отъ дороги, изъ закуны тѣлъ поднялась человѣческая фигура. Бѣлое одѣянье призрака освѣщалось лучами мѣсяца: онъ простиралъ руки, какъ-бы умоляя о чемъ-то. Гайдеръ-Санбу представилось, что это какой нибудь раненый воинъ, который, послышавъ конскій топотъ, употребилъ последнее усиліе, чтобъ привлечь на себя сострадательное вниманіе. Но вдругъ фигура, съ признаками отчаянія обратилась въ противоположную сторону, и Санбъ увидѣлъ предъ собою огромнаго тигра!

Отягченный кровавою пицею пожранныхъ труповъ, зверь медленно къ нему приближался. Витязь схватилъ ружье, прицѣлился, и въ одинъ мигъ страшный посетитель, съ пробитымъ близъ самыхъ глазъ черепомъ распростерся на прахъ, не испустивъ даже стопа.

Фигура въ бѣлой одеждѣ опять приняла умоляющее положеніе. Гайдеръ соскочилъ съ коня, который все еще стоялъ недвижимо, и подбѣжалъ къ ней. Представьте его ужасъ, когда, приблизясь, онъ различилъ, что это была молодая женщина, у которой картечнымъ выстрѣломъ оторвало нижнюю челюсть!... Еще мгновеніе, — и онъ съ пронзительнымъ воплемъ заключилъ въ своихъ объятіяхъ — Мирзу.

Несчастливая хотѣла говорить, но, вмѣсто словъ, кровь хлынула изъ раны, ея усміе осталось тщетнымъ. Она обхватила мужа руками, и, прижимая его къ сердцу, среди жесточайшихъ, послѣднихъ страданій, взорами выражала еще огненную любовь. И вдругъ вырвавшись изъ его объятій, съ горестнымъ видомъ, стала указывать на что-то близь нея лежащее, но темнота воспрепятствовала Гайдеру рассмотреть предметъ. Онъ опять обнялъ ее, называлъ иъживѣйшими именами, покрывалъ поцѣлуями и, среди убійственной печали, старался сколько-нибудь облегчить ея мученія. Но бѣдная страдалица, продолжая указывать въ ту же сторону, тихо сомкнула глаза: голова ея склонилась на плечо злополучнаго супруга, — и онъ, вмѣстѣ съ ея бездыханнымъ тѣломъ, повергся на землю!.....

Лѣвое крыло Англійской арміи было атаковано превосходною силою Гайдеръ-Алія. Сиръ Эйръ-Кутъ, несмотря на жестокій уронъ, нанесенный имъ врагу, принужденъ былъ отступить, для занятія крѣпчайшей позиціи. Въ смятеніи ночнаго отступленія бѣдная Мирза была оставлена безъ всякой защиты, безъ всякихъ средствъ къ бѣгству: послѣдній выстрѣлъ непріятель-

скаго орудія сразилъ ее! Боль, изнеможеніе, страхъ о Гайдеръ-Саибъ, страданіе, причиненное ранюю, привели ее къ преждевременному разрѣшенію отъ бремени. Она обернула младенца своего шалью, которая служила перевязкою ея ранъ, и въ послѣднюю минуту жизни, съ материнскою пѣжностію поручала его попеченіямъ отца.

Подъ знойнымъ небомъ Индін тлѣніе мертвыхъ тѣлъ происходитъ чрезвычайно быстро. Скоро послѣ побѣды, одержанной Гайдеръ-Аліемъ, самъ онъ претерпѣлъ изложеніе; Англійская армія опять двинулась впередъ, и заняла прежнюю позицію. Спръ Эйръ Кутъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, объѣзжалъ поле, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, войска его были разбиты. Приблизясь къ тому самому мѣсту, гдѣ стояла его палатка, онъ вдругъ пораженъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ: предъ нимъ лежали, обнявъ другъ друга два человѣческіе остава. Одежда одного изъ нихъ обнаруживала, что это была женщина; замѣчательная величина другаго показывала въ погнбшемъ человѣкѣ необыкновеннаго роста. Въ умѣ полководца внезапно блеснулъ лучъ истины. Онъ сталъ ближе разсматривать остава, и на шеѣ большаго изъ нихъ открылъ миниатюрный портретъ Мирзы, висѣвшій вмѣстѣ съ талисманомъ на золотой цѣпи: въ складкахъ рубашки было письмо къ генералу Белли, — то самое, которое онъ вручилъ при разстаніи Гайдеръ-Саибу. Кости младенца досказали ему печальную повѣсть!

ВЛ. МИХАЙЛОВЪ.

New Monthly Magazine.

Ш.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИЗЫСКАНИЕ

О СТАРИННЫХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ У РУССКИХЪ.

Le bon vieux temps!

Обычаи измѣняются : мы живемъ не такъ, какъ наши дѣды, а они жили не такъ, какъ ихъ прародители. Нынь лучшее сословіе наше сравнялось съ образованнымъ Европейскимъ обществомъ ; старина осталась между простымъ народомъ, и то не вездѣ, а только въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ ; въ ближайшихъ областяхъ и въ самыхъ столицахъ, хотя еще и существуетъ, но уже съ сильною примѣсью новѣйшаго. Домашній бытъ нашихъ прародителей для насъ, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстенъ, и поэтому картины его не могутъ не приносить намъ удовольствія. Взглянемъ на наши свадебные обряды, одну изъ важнѣйшихъ частей въ обычаяхъ всякаго народа, потому что въ ней отражаются его понятія о гражданскомъ назначеніи женщины : это обыкновенно символическое представленіе положенія ея въ обществѣ.

Къ сожалѣнію, наши льтописи и другіе акты скупы на описанія современной домашней жизни : ихъ должно искать и ловить въ разбросанныхъ бумагахъ ; оттого свѣдѣнія, относящіяся не только до глубо-

кой древности, но даже до XV вѣка, чрезвычайно скудны.

О свадебныхъ обрядахъ Русскихъ Славянъ язычниковъ мы ничего не знаемъ.

Съ водвореніемъ гражданственности и нѣкотораго просвѣщенія, менѣе дикіе обычаи заняли мѣсто другихъ болѣе дикихъ. Но въ чемъ состояли и тогда свадебные обряды, тоже неизвѣстно. Только изъ исторіи Рогнеды, въ X вѣкѣ, видимъ, что новобрачная обязана была въ первый день брака *разувать* своего мужа, и что подъ этимъ словомъ разумѣлся самый бракъ. Когда отецъ Полоцкой княжны спросилъ ее: хочетъ ли она за Володимира, князя Новгородскаго, она отвѣчала: «Не хочу *разути* рабичича», то есть, сына рабыни: извѣстно, что Володимиръ былъ прижитъ Святославомъ отъ рабы.

Древній этотъ обычай существуетъ еще и нынѣ кое-гдѣ между простымъ народомъ. Женихъ, въ день свадьбы, кладетъ себѣ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плетку; послѣ вѣнца, вошедъ въ подклѣтъ, то есть, брачную комнату, мужъ садится на постелю, а жена, въ знакъ своей покорности, должна разуть его: снявъ лѣвый сапогъ, она получаетъ нѣсколько легкихъ ударовъ плеткою, а находящіяся въ правомъ сапогѣ деньги достаются ей. Въ иныхъ мѣстахъ однако жъ плети не бываетъ, а только деньги; и когда жена сниметъ сапогъ, мужъ бьетъ ее слегка голенищемъ по спицѣ, и приказываетъ взять вышавшія изъ сапога деньги.

Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и Англичанинъ Ченслоръ, бывшій въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка, присовокупляя, что «если женѣ удастся снять тотъ сапогъ, въ которомъ деньги, то не только деньги достаются ей, но она навсегда освобождается отъ обя-

запности разувать своего мужа : въ противномъ случаѣ, она лишастся денегъ, и принуждена всю жизнь разувать своего мужа.» Въ этомъ послѣднемъ случаѣ добрый Англичанинъ, кажется, что-нибудь не такъ понялъ.

Тотъ же Ченслоръ и Флечеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 году, говорятъ, что женихъ присылалъ къ невѣстѣ ларчикъ съ иглками, булавками, пожинцами, шелкомъ и повенькою плеткою, давая тѣмъ знать ей, что ежели она въ чемъ провинится, то будетъ наказываема плетью.

Оба писателя относятъ это къ обычаямъ простаго народа; но Корбъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1698 году, утверждаетъ, будто плеть была не послѣднею вещью на свадьбахъ и высшихъ сословій. «Когда, говоритъ онъ, всѣ брачныя условія кончатся, родитель невѣсты призываетъ, въ присутствіи жениха, свою дочь, закрытую покрываломъ, и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она быть женою предстоящаго юноши. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ беретъ въ руки новую плетку, и бьетъ ею дочь по-тихоньку, приговаривая : «эти послѣдніе удары да напомнятъ тебѣ, любезная дочь, о родительской власти, подъ которою до сихъ поръ ты находилась : власть эта и теперь не прекращается, а только переходитъ въ другія руки; если ты не будешь слушаться своего мужа, то онъ вмѣсто меня будетъ наказывать тебя этою плетью. За симъ отецъ отдастъ плетку жениху, который однако жъ оговариваетъ, что хотя онъ и полагаетъ, что не будетъ имѣть въ ней нужды, но принимаетъ ее, какъ дорогой подарокъ и будетъ беречь. По обыкновенію, женихъ долженъ былъ полученную отъ нареченнаго тестя плетку заткнуть себѣ за кушакъ.»

Ченслоръ, Флечеръ, ни Олеарій, не говорятъ однако жъ этого, хотя прежде его были въ Россіи.

Самое первое, дошедшее до насъ описаніе брачныхъ обрядовъ, относится къ позднимъ уже временамъ, именно, къ началу XVI вѣка: это описаніе свадьбы князя Василя Даниловича Холмскаго съ дочерью великаго князя Ивана Васильевича, 13 Февраля 1500 года; но оно очень коротко. За симъ слѣдуетъ весьма подробное описаніе второй свадьбы того жъ Василя Ивановича съ княжною Еленою Васильевною Глинскою, 28 Января 1526 года: это уже настоящій церемоніаль; въ немъ говорится не о томъ, что было, а о томъ, чему и какъ должно быть по порядку. Есть еще описанія свадебъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, царя Казанскаго Симеона, да короля Арцымагнуса *, котораго царь Иванъ Васильевичъ женилъ въ 1575 году на Маріи, дочери Старицкаго князя Володимира Андреевича. Эта свадьба, бывшая въ Новгородѣ, замѣчательна тѣмъ, что женихъ былъ римско-католическаго закона, и вѣчали ихъ въ Русской церкви, княжну по *христіанскому* закону Русскій попъ, а короля по *его* закону Римскій попъ, и въ описаніи именно сказано, чтобы, прѣбхавъ къ вѣчанію, княжнѣ итти въ церковь, а королю стать въ наперти.

Церемоніаль 1526 года весьма любопытенъ потому, что служилъ образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, и что въ составленіи его участвовали боярыни: онѣ приговорили, какъ нести корованъ, стлать постель и убирать сѣнникъ.

Нельзя пропустить безъ замѣчанія и слѣдующаго случая, относящагося также къ великому князю, Василю Ивановичу. Извѣстно, какое уваженіе предки наши имѣли къ бородѣ: несмотря на то, онъ выбрилъ

* Такъ въ Россіи называли Магнуса, сына короля Датскаго Христіана III, котораго царь Иванъ Васильевичъ, вызвавъ къ себѣ, провозгласилъ королемъ Ливонскимъ въ 1570 году.

ее на свадьбѣ съ княжною Глицкою. Это разсказываетъ Герберштейнъ: «Когда, говоритъ онъ, мы объѣдали у Государя, онъ спросилъ у меня шуткою, бривалъ ли я себѣ когда бороду. Я отвѣчалъ ему, что случилось. — И со мною это было однажды, сказалъ онъ: на второй моей свадьбѣ.»

Изъ всѣхъ послѣдующихъ царскихъ свадебъ подробнѣе всѣхъ вторая царя Михаила Теодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшшевою, 5 Февраля 1626, и первая царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Милославскою, 26 Февраля 1648 года. Описание первой кто-то изъ современниковъ изобразилъ въ лицахъ, и оно было издано въ Москвѣ 1810 года П. П. Бекстовымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дошедшій до насъ свадебный церемоніаль 1526 года, былъ составленъ по обрядамъ, давно уже существовавшимъ въ народѣ, о которыхъ намекаютъ намъ и лѣтописи. Такъ подь 1239 годомъ сказано: «Ожепися князь Александръ Ярославичъ (Невскій), поя въ Полотскѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчашася въ Торопцѣ: ту кашу чинѣ, а въ Новѣгородѣ другую.» Каша составляла необходимую принадлежность свадьбы, какъ увидимъ послѣ.

Сверхъ того, въ извѣстїи о бракосочетанїи дочери в. к. Ивана Васильевича Елены съ Александромъ в. к. Литовскимъ, въ Вильнѣ 1495 года, читаемъ мы, что великой княжнѣ въ церкви расплели косу, чесали голову, убрали ее въ кичку, въ покровъ, осыпали хмѣлемъ, держали надъ нею вѣнецъ, и стклянницу съ виномъ растоптали. Бракъ этотъ совершался въ Латинскомъ *кастелъ* (церкви) *бискупомъ* Польскимъ и *попомъ* Русскимъ, и хотя Александръ и бискупъ сердились и запрещали попу говорить молитвы и держать надъ княжною вѣнецъ, однако жъ поппъ ихъ не послушался. Мыльни на другой день свадьбы не было, и

пріѣхавшіе съ княжною бояре заявили Александру о нарушеніи этого непреложнаго для Русскихъ обряда. Въ подробностяхъ этой свадьбы вообще замѣтны нѣкоторые Польскіе обычаи того вѣка.

По дошедшимъ до насъ описаніямъ свадебъ и по существующимъ еще между простымъ народомъ обычаямъ, можно догадываться о тѣхъ обрядахъ, какіе наблюдались въ древнѣйшія времена: разница быть можетъ та, что въ первыя времена было менѣе пышности, нежели въ послѣдующія, и что только Государи и богатые вельможи, какъ то бываетъ вездѣ и всегда, употребляли на своихъ свадьбахъ болѣе великолѣпія.

Прежніе Государи, какъ извѣстно, принявъ намѣреніе вступить въ бракъ, собирали къ себѣ во дворецъ всѣхъ боярскихъ и дворянскихъ дочерей дѣвиць, о красотѣ которыхъ посплала молва, и изъ нихъ выбирали себѣ въ жену ту, которая болѣе имъ понравилась. Но этотъ обычай, можно сказать почти съ достовѣрностію, начался только при в. к. Василіи Ивановичѣ; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, его отецъ, дѣдъ и предки женились обыкновенно на княжнахъ владѣтельныхъ. Отечественныхъ извѣстій о первомъ этомъ сборѣ дѣвиць, или по тогдашнему, *обираньи*, выборѣ, до насъ не дошло; но объ немъ уведомляетъ насъ Павелъ Ювій, славный того времени историкъ, узнавшій это отъ Дмитрія Герасимова, который въ 1526 году пріѣзжалъ отъ великаго князя въ Римъ гонцемъ, зналъ Латинскій языкъ, и былъ чловекомъ образованный; также Герберштейнъ. Первый говоритъ: «Великій Князь, вздумавъ жениться, обнаруговалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвиць, знатныхъ и незнатныхъ безъ различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе 500; изъ нихъ выбрали 300, изъ сихъ 200, по-

слѣ 100, наконецъ только 10, осмотровныхъ повивальными бабками; изъ сихъ послѣднихъ Василій выбралъ себѣ невесту, и женился на ней.» Герберштейнъ говоритъ только, что для этого собрано было 1500 дѣвицъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, принявъ намѣреніе вступить въ первый бракъ, послалъ во все государство знатныхъ саповниковъ видѣть дѣвицъ и представить ему лучшихъ невестъ. Вотъ его указъ слово въ слово, — онъ писанъ въ Декабрѣ 1546 года: «Отъ в.к. Ивана Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину, въ Великій Новгородъ, въ Бѣжитскую пятину, отъ Новагорода верстъ за 100, и за 150, и за 200, княземъ и дѣтемъ боярскимъ. Послалъ есмь въ свою отчину, въ Великій Новгородъ окольничего своего Ивана Дмитріевича Шенна, а велѣлъ есмь бояромъ своимъ и намѣстникомъ, князю Юрью Михайловичу Булгакову, да Василью Дмитріевичу, да окольничему своему Ивану, смотри ти у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невесты. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и вы бѣ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ, а дочерей бы есте у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы есте въ Великій Новгородъ часа того не мотчая. А которой васъ дочь дѣвку у себя утаитъ, и къ боярамъ нашимъ и къ намѣстникамъ (слѣдуютъ имена) и къ окольничему нашему Ивану не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу.» Эта копія отправлена была въ Новгородъ, какъ видно изъ ея содержанія: въ прочія области посланы такіе же указы. Вяземцы и Дорогобужцы указа не послушались, и къ нимъ посланъ былъ вторичный, въ которомъ сказано, что они то чиняютъ *не гораздо*, что царскихъ грамотъ не слушаютъ.

Но царь Иванъ Васильевичъ соблюлъ только ста-

рый обычай: изъ исторiи его видно, что онъ напередъ уже избралъ себѣ въ сунруги Анастасiю Романовну.

Точно то же сдѣлалъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Принявъ намѣренiе вступить въ бракъ съ Наталiею Кирилловною, онъ объявилъ о томъ боярину Матвѣеву, въ домѣ котораго она воспитывалась; но бояринъ просилъ, чтобы Государь поступилъ въ этомъ дѣлѣ по старому обычаю, и по крайней мѣрѣ для вида приказалъ собрать ко Двору нѣсколько дѣвицъ, и между ими Наталiю. Государь соизволилъ. Штелинъ и Голиковъ слышали это отъ графини Марьи Андреевны Румянцовой, внуки боярина Матвѣева, и словесное сѣ преданiе о сборѣ дѣвицъ подтверждается недавно найденнымъ мною архивнымъ извѣстiемъ, которое будетъ напечатано.

Царь Иванъ Васильевичъ, вздумавъ въ 1548 году женить брата своего, князя Юрiя Васильевича Углицкаго, велѣлъ «бояромъ и князьямъ, дочери дѣвки привезти на свой царскiй дворъ, и какъ дѣвки свезли, и царь съ братомъ дѣвокъ смотрѣли, и полюбилъ князь Юрiя княже Дмитрiеву дочь Федоровича Палецкаго, княжну Ульяну.» Тотъ же царь, въ 1550 году, приговорилъ женить двоюроднаго своего брата, князя Володимiра Андреевича Старицкаго, и велѣлъ «происать у бояръ и князей дочерей дѣвокъ, и смотрѣлъ ихъ съ братомъ, и князь Володимiръ полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову, дочь Михайловича Нагова.»

Дни за два или за три до свадьбы, избранную Государемъ невесту вводили во дворецъ, и нарекали ее великою княжною, послѣ царевною.

На свадьбу приглашали родственниковъ, жившихъ какъ въ Москвѣ, такъ и внѣ ея. Великiй князь Василiй Ивановичъ посылалъ въ Дмитровъ къ брату своему Юрiю Ивановичу сказать: «Хотимъ Андрея брата же-

нить, и ты бѣ братъ нашъ поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу.»

На обрученіе и бракосочетаніе просили, какъ само собою разумѣется, благословенія родителей, если они еще здравствовали, и сверхъ того благословлялися у Митрополитовъ, въ послѣдствіи у Патріарховъ.

Свадьбъ дѣлался *розрядъ*, то есть, парядъ чиновниковъ къ разнымъ должностямъ: знатнѣйшія были слѣдующія:

Посаженный отецъ. Въ первѣйшемъ церемоніаль онъ названъ — *« тотъ, которому сидѣть за столомъ въ большомъ мѣстѣ, »* а въ послѣдующихъ — *« мѣсто отца. »* Вотъ въ чемъ состояла его должность. Женихъ, получивъ извѣстіе, что невеста вышла въ палату столовую, посылалъ туда посаженнаго отца въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ. Отецъ, пришедши въ палату, кланялся Св. иконамъ на всѣ четыре стороны, ударялъ челомъ Государынѣ, садился за столъ въ большое мѣсто, изсажалъ пришедшихъ съ нимъ, и посылалъ къ жениху боярина говорить такую рѣчь: « Князь (или Царь) Великій Государь! Н. Н. велѣлъ тебѣ говорить: *« возьми Бога на помощь (или, или прося у Бога милости), время тебѣ, Государю, ити къ своему дѣлу. »* Въ эту должность назначались первѣйшія особы, обыкновенно ближайшіе родственники, братья Государевы, ежели были: на третьей и седьмой свадьбахъ царя Ивана Васильевича занималъ ее сынъ его, царевичъ Феодоръ. Замѣчательно, что во всѣхъ церемоніалахъ упоминается о посаженныхъ отцѣ и матери только съ жениховой стороны; но на первой свадьбѣ царя Михаила Феодоровича съ княжною Марією Владиміровною Долгоруковою показаны они и съ ея стороны, и, что еще страшнѣе, въ отцово мѣсто былъ отецъ его, бояринъ князь Владиміръ Тимофеевичъ, а въ материно князь Андреева жена Данцловича Сицкаго, княгиня Феодора.

На свадьбахъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей посаженными отцами бывали сами Государи, и тогда посланный отъ нихъ къ жениху говорилъ такъ: «Князь (или Царь) Великій велѣлъ тебѣ говорити, чтобы еси шелъ на мѣсто.»

Посаженая мать, или «вмѣсто матери.» Въ первѣйшемъ церемоніалѣ объ ней не говорится, но вѣроятно она была, потому что на первой уже свадьбѣ царя Ивана Васильевича, вмѣсто матери сидѣла княгиня Евфросинія, супруга дяди его, Андрея Ивановича, князя Старицкаго, а свадьба эта происходила по точному содержанию первѣйшаго церемоніала. Посаженая мать не отлучалась отъ невесты, и за столомъ занимала первое подлѣ нея мѣсто.

Тысяцкій. Какимъ образомъ и когда этотъ высшій военный сановникъ очутился на свадьбахъ, не извѣстно. Изъ церемоніала видно, что онъ не отлучался отъ жениха, и, во все время обрядовъ, водилъ его подъ руку. Въ эту должность назначались также первѣйшія особы, братья и сыновья государскіе или знатнѣйшіе изъ вельможъ.

Жена Тысяцкаго. Объ ней говорится только въ первѣйшемъ церемоніалѣ: она занималась тѣмъ же, чѣмъ на послѣдующихъ свадьбахъ занимались старшія свахи.

Дружки, Греческіе паранимфы, нынѣшніе шаферы. Они назначались съ обѣихъ сторонъ, по два съ каждой, и раздѣлялись на большихъ и меньшихъ или поддатней: въ большіе назначались обыкновенно бояре. Къ нимъ опредѣлялось по нѣскольку человекъ на посылки. Обязанность ихъ заключалась въ рѣзаніи перепечи, раздачѣ ширинокъ и проч.

Дружки существуютъ и нынѣ на свадьбахъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ: они распоряжаются всею це-

ремонією и, чтобы ихъ знали, надѣваютъ себѣ на плеча пестрый или бѣлый платокъ, или черезъ плечо кушакъ.

Свахн, Римскія пропубы: назначались изъ боярынь, по двѣ съ каждой стороны, также на старшихъ и младшихъ; но съ третьей свадьбы царя Ивана Васильевича показывается еще пятая, которая приносила и держала кичу.

Тотъ, кто выдавалъ (или отдавалъ) повобрачную ея мужу. Должность почетнѣйшая, которая почти всегда возлагалась на посаженнаго отца. Обрядъ выдаванія происходилъ въ то время, когда повобрачные, послѣ вѣнца посидѣвъ за столомъ, отходили въ сѣни, въ дверяхъ столовой палаты, гдѣ мужъ принималъ свою жену, стоя *за* порогомъ. Выдававшій говорилъ рѣчь, которая не прописана въ первѣйшемъ церемоніаль; но содержаніе ея узнаемъ мы изъ послѣдующихъ. Царю Ивану Васильевичу говорили такъ: «Государь, царь и великій князь всея Россіи! «Велѣніемъ Божиимъ и Пречистыя Богородицы, и великихъ Чудотворцевъ и родителей твоихъ государскихъ молитвами, изволилъ тебѣ, Государю, Богъ сочетатися законному браку, пояти великую княгиню Анастасію, а нашу Государыню; держи, какъ Богъ въ законъ православной вѣры устроилъ.» Вторую супругу Царя Михаила Феодоровича выдавали съ слѣдующею рѣчью: «Великій Государь, царь и великій князь всея Россіи! По волѣ всемогущаго и всеспаснаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по благословенію отца твоего, великаго Государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, и матери твоея, великія Государыни цнокини Марѣы Юанновны, изволилъ ты, Государь, по преданію апостольскому и Святыхъ Отецъ православомъ, сочетатися законному браку, въ наслѣдіе вѣч-

«но вашему царскому роду, во обладаніе великихъ государствъ вашихъ, а пояти за себя царицу и великую княгиню, Евдокію Лукьянову. И ты, великій Государь, свою царицу, и нашу Государыню, «пріемли и держи, какъ челоувѣколюбивый Богъ въ законѣ нашемъ истинныя Христіанскія вѣры устроилъ, и Апостолы, и Отцы предаша.» Выговоривъ рѣчь, поклонился. Послѣ того Государь принималъ свою супругу, и взявъ ее за руку, шелъ далѣе, *не распущаясь.*

Ежели на свадьбѣ удѣльнаго князя или вельможи, повобрачную выдавалъ самъ Государь; то рѣчь состояла въ слѣдующемъ: «Божіимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, вельмѣ тебѣ Богъ женится, пояти N. N., и ты свою жену N. N., держи по тому, какъ Богъ устроилъ.»

Тотъ, кто вскрывалъ повобрачную. Должность важнѣйшая изъ всѣхъ. Въ церемоніалахъ, первоначальномъ и первой свадьбы царя Ивана Васильевича, не сказано, кому это поручено было, а только: «кому государь велитъ.» Вторую супругу царя Михаила Феодоровича вскрывалъ дядя его и посаженный отецъ, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, *поднявъ покровъ стрѣлою*: причемъ присутствовали жена его боярыня, тысяцкій, ближнія боярыни и свахи. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича это исполнилъ посаженный же отецъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, бывший дядька его.

Къ удѣльнымъ князьямъ посылались для этого бояре, по государеву назначенію; только супругу князя Юрія Васильевича Углицкаго вскрывалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ.

Этотъ обрядъ, существующій на востокъ съ глубочайшей древности, и извѣстный у мусульманъ подѣ

именем *джильвэ*, выведенъ изъ употребленія въ нашихъ высшихъ сословіяхъ образованностью, введенною Петромъ Великимъ; но онъ наблюдается еще и теперь во многихъ уездныхъ городахъ и селеніяхъ между простымъ народомъ. Слѣдствіемъ его бываетъ иногда огорченіе для родителей новобрачной: имъ доносятъ объ ея срамъ съ нѣкоторыми особенными церемоніалами. Рейтенфелсъ, жившій въ Москвѣ въ исходъ XVII вѣка, пишетъ, что когда бывшіе на свадьбѣ гости узнавали о неблагополучномъ возвѣщеніи, всѣ отъ ужаса разсыпались тотчасъ по домамъ. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи еще весьма недавно надѣвали хомутъ на шею несчастной, и водили ее по всей деревнѣ: примѣры этого непристойнаго и бесполезнаго для нравственности обычая, говорятъ, встрѣчаются тамъ и въ наше время. Иногда, мѣсто виновной заступаеъ наряженный женщиною болванъ.

Бояре и Боярыни сидѣчія. Объ нихъ впервые упоминается въ 1575 году на свадьбѣ короля Арцымагнуса. Бояре назначались съ обѣихъ сторонъ, а боярыни только со стороны невѣсты. Они составляли почетную свиту и за столомъ сидѣли на особыхъ мѣстахъ.

Поезжане назначались изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, съ ихъ женами, если были женаты, и умножали собою блескъ торжества; мужчины собирали и всѣмъ поѣздомъ вѣдали околышчіе.

И нынѣ на свадьбахъ кушеческихъ и крестьянскихъ, чѣмъ многочисленнѣе бываетъ поѣздъ, тѣмъ честиѣе считается свадьба.

Тотъ, кто несъ колпакъ государевъ. Надобно знать, что колпакъ значилъ прежде шапку особаго рода. Герберштейнъ видѣлъ в. к. Василія Ивановича на охотѣ въ бѣломъ колпакѣ, у котораго околышъ усаженъ былъ драгоценными камнями, а спереди укра-

шенъ золотыми перьями, которыя колебались при каждомъ движеніи головы. Бывшій въ 1518 году посломъ у Императора Максимилиана дьякъ Племянниковъ говорилъ на аудіенціи рѣчь, имѣя на головѣ колпакъ.

Тотъ, кто ѣздилъ на государевомъ конѣ вокругъ подклѣта. Это поручалось обыкновенно конюшему, но иногда и другимъ, по назначенію государя.

Слѣдующія вещи непременно требовались для свадьбы, и къ каждой изъ нихъ назначалось по одному или по нѣскольку чловѣкъ.

Корован: хлѣбное, приготовляемое на яйцахъ и маслѣ изъ пшеничной или крупчатой муки; съ обѣихъ сторонъ по одному. На каждый коровай клалось по тридцати пенязей (жетоновъ, медалей) большихъ, серебряныхъ, широкихъ, гроша по два одинъ пенязь, съ одну сторону золочены и чеканены, а съ другую бѣлы и гладки. Изъ описанія свадьбы царя Михаила Феодоровича видно, что пенязи нашивались на коровайные покровы, и что государствъ коровай былъ покрытъ бархатомъ золотнымъ Турскимъ, а царицынъ атласомъ золотымъ участковымъ. На свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича сверхъ того положено было на каждый коровай 4 пары соболей. Сей хлѣбъ дѣлался такой огромной величины, что носился на *носилахъ*, обшитыхъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, чтырьмя чиновниками, кои на сей случай назывались коровайниками.

Въ первоначальномъ церемоніалѣ сказано: «Боярыни приговорили: короваи нести утрѣ рано изъ той избы, гдѣ ихъ пекли, да принести ихъ въ наугольную палату отъ Пречистой, да класти ихъ на носила, и *шлемъ* (въ другомъ спискѣ, *шледки*?) положить, да свѣчи тутъ же принести. Да какъ княжну наря-

дять, и какъ ужъ пойти на мѣсто, ино короваи взяти и свѣчи тѣмъ, которымъ нести, да тутъ же ихъ принести; да какъ Княгиня пойдетъ на мѣсто, ино передъ нею короваи и свѣчи нести.»

Перепеча и сыръ. Перепеча есть сдобное хлѣбное, особой формы съ грабью, похожею на ананасную. Перепеча, сыръ и соль въ солопкѣ, ставились на столъ передъ новобрачными, и послѣ, въ свое время, старшій дружка со стороны жениха, принявъ благословеніе у отца и матери посаженныхъ, рѣзалъ перепечу и сыръ, ставилъ ихъ во все столы, и разсымалъ, вмѣстѣ съ короваями, къ отсутствовавшимъ даже въ отдаленныя мѣста, напримѣръ въ Тихвинъ ко вдовствовавшей царя Ивана Васильевича супругѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ. Удостоившіеся сей чести дарили приносившаго: такъ Патріархъ Іоакимъ, присланнаго отъ царицы Наталіи Кириловны, благословилъ образомъ и подарилъ ему кубокъ серебряный, золоченый на оба лица, вѣсомъ два фунта, да атласъ, да камку. Въ первоначальномъ церемоніалѣ перепечу замѣняли *калами*.

Все эти предметы составляли то, что нынѣ мы разумемъ подъ словомъ «хлѣбъ-соль», которая обыкновенно представляется въ знакъ мира и согласія. Флечеръ, который въ 1588 году пріѣзжалъ въ Россію посломъ отъ Англійской королевы Елисаветы къ царю Осодору Ивановичу, описывая Русскіе обычаи, говоритъ, что вкушеніе на свадьбѣ хлѣба значило то, что родственники съ обѣихъ сторонъ хотятъ жить между собою въ истинной любви, и имѣть такую же связь, какъ зерна, спекшіяся въ одномъ хлѣбѣ.

Мѣсто, или чертожное мѣсто. То былъ родъ трона: оно облакивалось бархатомъ и камками. На него клалась два *сшитые сголовья*, бархатные золотные въ одинъ узоръ, а на каждое изъ нихъ по сороку собо-

лей. Передъ мѣстомъ ставился *столъ* съ лавками, которые накрывались *полавочниками* перваго (лучшаго) паряда, «сукопными со лъвы». На столъ накрывали три скатерти, и на него ставились перенеча, сыръ и соль. Въ первый день не ставили ничего болѣе. По отшествіи въ церковь, женихово столовье клали на невѣстину, а сверху ихъ оба сорока соболей, и относили ихъ въ церковь. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича чертожное мѣсто устроено было въ грановитой палатѣ на рундукъ, гдѣ государь саживался при послахъ, отодвинувъ отъ лавки подалѣ, лицомъ къ столу.

Гребень и чесаніе головы. По занятіи женихомъ и невѣстою мѣсть за столомъ, священникъ творилъ молитву *покровенію главы невѣсты*, послѣ чего большая сваха начинала чесать имъ голову. Для этого готовъ былъ гребень и чара съ виномъ (на второй свадьбѣ царя Михаѣла Теодоровича, съ медомъ), которымъ омачивали гребень. Засимъ сваха, взявъ кикку, надѣвала ее на невѣсту, и клала на нее *покровъ*, фату, вуаль. На свадьбѣ царей Михаѣла Теодоровича и сына его покрывали сверхъ того невѣсть унизаннымъ жемчугомъ съ золотыми дробницами, *убрусомъ*, лептою, которая пришивается къ передней части кикки, и покрываетъ чело женщины.

Здѣсь надобно замѣтить, что Русскія дѣвицы встарину не имѣли на головѣ другаго убора, кромѣ широкой по челу повязки (Римская *vitta* простая), оставляя верхъ головы открытымъ, а волосы заплетали въ косу, которая изъ подъ повязки низвѣшивалася по спинѣ. Къ концу косы привязывался *косникъ*, который дѣлался изъ картузной бумаги треугольникомъ, и обвивался шелковою тканью, а у богатыхъ украшался въ узоръ жемчугомъ и дорогими камнями. Косу заплетали какъ-можно слабѣе, чтобы она была шире;

волосы раздѣляли на множество прядей, перевивая ихъ золотыми нитками, на которыя богатыя нашивали жемчугъ. Дѣвицы щеголяли своими косами, и требовалось большое искусство и навыкъ, чтобъ заплести косу такъ, чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и, низвѣшиваясь по спинѣ, постепенно сужалась до самаго косника. Заплетенная такимъ образомъ коса представляла видъ искусно связанной рѣшетки.

Замужнія, напротивъ того, никогда уже не ходили съ непокрытою головою: коса и волосы исчезали вмѣстѣ со вступленіемъ въ бракъ. Невѣста, въ день своей свадьбы, не заплетала волосъ въ косу, а распускала ихъ просто по плечамъ. Приступая къ обряду чесанія волосъ, снимали съ головы ея дѣвическій уборъ, и раздѣливъ волосы на затылкѣ надвое, заплетали двѣ косы, которыя обвертывъ около головы, надвѣвали на нее кичу, или кокошникъ (Римская *vitta* двойная), и покрывали фатою.

Рейтенфелсъ говоритъ, что жениховъ отецъ, въ день свадьбы, раздѣлялъ у невесты волосы спереди остриемъ стрѣлы.

Обрядъ чесанія головы и уборки ея существуетъ еще по сіе время между простымъ народомъ, съ тою только разницею, что исполняется послѣ выпчанія и въ церковной транзѣ.

Осыпало и опашало. Первое составлялось изъ хмѣля, насыпаннаго на трехъ углахъ золотой мисы; сверхъ того по угламъ клалось тридцать соболей, по девяти на каждое мѣсто, и столько же платковъ бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ, въ одинъ цвѣтъ, безъ разныхъ шелковъ, мѣрою въ длину $\frac{1}{4}$ аршина съ верхкомъ, а поперекъ $\frac{1}{4}$: на второй свадьбѣ Царя Михаила Феодоровича, $\frac{1}{2}$ аршина; да на трехъ же углахъ тридцать, на каждое мѣсто по девяти пепязей, менѣе тѣхъ, которые клались на корованъ, величиною

съ золотой, или мало меньше: на свадьбѣ Царя Михаила положено было восемнадцать неязей золоченыхъ и девять золотыхъ Угорскихъ, да тридцать бѣлокъ. Такое же осыпало приготавлилось къ постель, гдѣ однако жъ осыпаніе производилось съ особливою церемонією: именно, сваха надѣвала на себя двѣ собольи шубы, одну по обычаю, а другую сверхъ опой на изворотъ, шерстью вверху. Опахало составлялось изъ особаго сѣрока соболей.

Флечеръ говоритъ, что осыпаніе новобрачныхъ дѣлалось въ знакъ того, чтобы они не оскудѣвали никогда въ изобиліи и плодородіи.

Этотъ обрядъ наблюдается только въ отдаленныхъ мѣстахъ между простолюдинами.

Ширинки и убрусы: платки и полотенцы, вышитые разными узорами, приготавлились только со стороны невесты, которая дарила ими жениха и всѣхъ, бывшихъ на свадьбѣ. Раздавать ихъ было обязанностию младшаго царичина дружки. Убрусы являются со времени царя Михаила Феодоровича; въ описаніи второй его свадьбы сказано, что послѣ осыпанія поднесли государю отъ царевны убрусецъ тафтянъ, пизапъ жемчугомъ, ширинку и коровай, что все послано и къ отсутствовавшимъ. *Обрас по-Польски* значитъ «скатерть.»

Свѣчи и фонари. Сверхъ обручальныхъ свѣчей, дѣлалось еще нарочно съ каждой стороны по одной огромной свѣчѣ: у Михаила Феодоровича была въ три, а у невесты его въ два пуда; у Алексѣя Михайловича въ два, а у невесты его въ полтора пуда: для пощенія каждой назначалось по два человека, обыкновенно изъ столянковъ, которые на тотъ разъ назывались свѣчниками. На свѣчи клалась обручи широкіе чеканные, оба края золочены, и обвивали ихъ соболями. Надъ ними носились фонари, каждый также дву-

мя *фонаричками*. Въ то время, когда начинали чесать голову, свѣчи эти зажигали *водокицею*, то есть, освященною въ навечеріи дня Богоявленія Господня свѣчею. Послѣ вѣчанія, относили ихъ къ постель, гдѣ ставили обѣ вмѣстѣ въ одну кадь (со пшеницею; обручей съ нихъ не снимали въ продолженіе трехъ дней, послѣ чего, соскавъ ихъ вмѣстѣ, ставили въ церкви у мѣстныхъ образовъ.

Кадь съ хлѣбомъ зерновымъ ставилась подлѣ постели въ прознаменованіе будущаго изобилія новобрачныхъ.

Сткляница съ виномъ фряжскимъ, винограднымъ краснымъ, или такъ называемымъ церковнымъ: вино, какъ извѣстно, употребляется въ православной церкви при совершеніи таинства брака. Встарину было при этомъ обыкновеніе, что женихъ, по совершеніи церковнаго обряда съ виномъ, бросалъ сткляницу о землю, и растаптывалъ ее ногами; въ первоначальномъ церемоніалѣ именно сказано, что самъ «Государь потопчетъ сткляницу ногою, а пному никому не велитъ топтати.» Хотя этотъ обычай при дворѣ уничтоженъ Царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ, который, вмѣсто топтанія сткляницы, отдалъ ее вѣчавшему его священнику, приказавъ отнести въ алтарь, однако жъ народъ не оставлялъ его: еще Олеарій упоминаетъ объ немъ, присовокупляя, что женихъ и певѣста растаптывали сткляницу вмѣстѣ, приговаривая: » Такъ да падутъ къ ногамъ нашимъ и сокрушатся всѣ тѣ, кои вздумаютъ ссорить насъ между собою.» Вино и сткляницу порознь приносили въ церковь погребные ключники; тамъ уже паливали вино въ сткляницу съ *отливкою*. Сткляницу въ церкви держалъ обыкновенно бояринъ, или окольникій.

Подножіе, которое для вступающихъ въ бракъ стелется въ церкви. На свадьбѣ царя Михаила Θεодо-

ровнича оно сделано было изъ камки червчатой, куфтеръ 5 аршина, свито вдвое, а на него положено сорокъ соболей, по двадцати головами вмѣстѣ. Обязанность стлать подножіе возлагалось чаще всего на дружекъ.

Скамьи: онѣ ставились въ церкви, покрывались коврами золотыми, а на нихъ клалась сголовья, такія же, какъ и на чертожномъ мѣстѣ. Новобрачные, по окончаніи вѣчанія, садились на скамьи и принимали поздравленіе. Передъ скамьями ставились *колодки*, или *колодочки*, то есть, скамеечки подъ ноги, обитые участкомъ золотнымъ.

Кура, жареное, то есть курица: приносилось по возвращеніи изъ церкви за столъ, и ставилось передъ новобрачными, которые однако жъ тутъ до него не касались, а черезъ короткое время, большой дружка, взявъ его со стола, съ блodomъ, перенечю и солонкою, все вмѣстѣ завертывалъ въ верхнюю скатерть, и относилъ къ постель, гдѣ уже кормили имъ новобрачныхъ.

Каши: ею кормили новобрачныхъ въ сѣнникѣ на другой день послѣ мыльни. Каши разсыпалась къ почетнѣйшимъ особамъ: такъ Казанскій царь Симеонъ посылалъ ее къ царю Іоанну Васильевичу и его царицѣ, къ князю Юрію Васильевичу Углицкому и его княгинѣ, ко вдовствовавшей княгинѣ Старицкой и ея сыну.

Сѣнникъ и постель. Сѣнникъ, иначе подклатъ, было то, что нынѣ называется брауткамерою. Козната эта, на случай свадьбы, никогда не топилась, какъ бы холодно ни было. Татищевъ говоритъ, что нынѣ нарочно строили для этого деревянные покои не только безъ печей, но даже и на потолокъ не клали земли.

Сѣнникъ убирался такимъ образомъ: въ сѣняхъ его, во всехъ четырехъ углахъ ставилось по иконѣ,

а на дверяхъ, снаружи и снаружи, и надъ окнами въ сѣнникѣ, золотые кресты съ мощами. Сѣнникѣ внутри обоблакивался *запонами*, а по четыремъ угламъ втыкались *стрѣлы*, а на стрѣлахъ по сороку соболовъ, или по одному соболу, какъ государь приказывалъ, да по *колачу*. Въ каждомъ углу ставилось по *оловешку* меда.

Постель стлалась въ сѣнникѣ на тридцати ржаныхъ снопахъ; а сверху сноповъ клалось семь перинъ и бумажниковъ, и сголовой бархатныхъ и камчатныхъ и атласныхъ, и покрывалось одѣяломъ; въ головахъ клали два *сголовйца*, сшитыя вмѣстѣ, а въ низахъ на ковръ одѣяло купье и шуба соболя, которая покрывалась простынею.

Для постелки постели назначались особые бояре, боярыни и дѣти боярскіе; сверхъ того лица, которыя не отходили отъ постели до прихода новобрачныхъ въ сѣнникъ, и бояре, которые должны были спать «у постели», въ другой комнатѣ.

При составленіи первоначальнаго церемоніала боярыни приговорили: «Когда постелю понесутъ въ сѣнникъ стлать, то нести передъ нею до Рожества (иконны): Рожество Христово, да Рожество Пречистыя Богородицы, да крестъ воздвизальный, и поставити у «постели въ головахъ, а въ сѣнникѣ среди стѣны поставити четыре иконы Пречистыя Богородицы со «Младенцемъ, на каждой стѣнѣ по одной.»

Мыльня. Утромъ на другой день свадьбы новобрачные ходили въ мыльню. Для топленья государевой мыльни назначались чиновники изъ постельничихъ, или изъ дѣтей боярскихъ, обыкновенно не болѣе двухъ. Къ выемкѣ воды, которой водѣ въ мыльнѣ быти, назначались иногда два, иногда четыре человека; одинъ разъ были у этого печатникъ да думный дякъ. Сверхъ того, государь назначалъ тѣхъ, кому

надлежало вмѣстѣ съ нимъ мыться въ банѣ, обыкновенно изъ бояръ и ближнихъ людей. Для мытья ихъ наряжались мовники, изъ спальниковъ или другихъ нижнихъ чиновниковъ. Особые чиновники приносили въ мыльню бѣлье и платье, и сдавали ихъ тѣмъ, которые *стряпали* (прислуживали) у государя въ мыльнѣ. Тутъ же бывалъ и столъ.

Въ слѣдующихъ церемоніалахъ встрѣчаются нѣкоторые предметы, о которыхъ не говорится во всѣхъ прочихъ.

На свадьбѣ князя Андрея Ивановича Старицкаго, 1555, и сына его Володиміра, 1550, показаны *плясцы*. Въ то время, когда на первой свадьбѣ великая княгиня, а на послѣдней царица, бывшія посаженными матерями, шествовали изъ своихъ комнатъ въ палату къ чертожному мѣсту, предъ ними шли плясцы; но въ палату ихъ не впустили, и онѣ оставались въ снѣгахъ. Дальнѣйшаго свѣдѣнія объ нихъ нѣтъ *.

На свадьбѣ Ростриги, 1606, были *рынды*, въ бѣломъ, по обыкновенію платье; однако жъ ни прежде, ни

* Для соображенія любопытныхъ и занимающихся отечественной стариною, прилагаемъ здѣсь выписку изъ первоначальнаго церемоніала, съ дополненіемъ изъ описанія свадебъ, — второй царя Михаила Феодоровича, и первой царя Алексѣя Михайловича. Но какъ оба эти церемоніала весьма сходны между собою; то небольшой отрывъ въ послѣднемъ будутъ показаны въ скобкахъ, а выписки изъ обоихъ означены чужесловами. Все это представить полную и, какъ мы полагаемъ, занимательную картину царской свадьбы XVI и XVII вѣковъ.

1. Князь, наряжась, сидѣла въ своихъ хоромахъ съ женою тысяцкаго, свахами и боярынями; тутъ же приготовлены были свѣчи и корованъ.

«Царевну нарядили по государскому чину: въ платье и въ вѣнецъ «золотой съ города: съ камнемъ и жемчугомъ.»

2. Великій Князь, наряжась, пошелъ въ брусяную столовую пѣбу, а съ нимъ тысяцкій и весь поѣздъ.

«Царь вышелъ въ золотую серединую палату. Онъ наряженъ былъ

послѣ, на подобныхъ церемоніяхъ они не бывали. Но свадьбу эту нельзя назвать чисто Русскою.

Наконецъ должно замѣтить, что ежели кто изъ на-

«въ аксамитный (бархатный) золотный кожухъ (тулупъ, козачь) на со-
«боляхъ, да въ шубу русскую соболью, крытую бархатомъ золотымъ,
«заметаетъ полы назадъ за плеча. (Царь Алексѣй Михайловичъ былъ
«въ такомъ же нарядѣ, да въ шапкѣ горлатной черной лисьей. А что
«бывало въ прежнихъ государскихъ радостяхъ, чтобы у шубы заме-
«тать полы назадъ за плеча, и того государь учинити не дозволилъ, а
«въ то мѣсто велѣлъ сдѣлать у шубы ожерелье (воротникъ) долгое со-
«болѣе большое.) Поясъ былъ кованный золотный. Передъ нимъ шли
«поязжане, за ними дружки, а потомъ государь, котораго тысяцкій
«велъ подъ руку; шествіе заключалось боярами, столыниками, стряп-
«чимъ и дворянами, кои все были въ золотѣ, въ черныхъ шапкахъ и
«въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ визанскихъ.»

3. Не выходя великаго князя изъ своихъ хоромъ, онъ послалъ ска-
зать боярынямъ, чтобы невесту вели къ мѣсту.

«Государь, вошедъ въ золотую палату и поклонясь святымъ иконамъ,
«кои поставлены были на большомъ мѣстѣ и на четырехъ стѣнахъ съ
«застѣнками (пеленами) визанскими, сѣлъ на своемъ мѣстѣ на лавкѣ, на
«столовьѣ бархатномъ персидскомъ, а колодочка была золотная участ-
«ковая. Посаженому отцу, тысяцкому и боярамъ велѣлъ сѣсть въ боль-
«шей лавкѣ, а поязжанамъ въ другой, послѣ чего послалъ царичиныхъ
«дружекъ къ царевнѣ сказать, чтобы она шла въ грановитую палату
«на мѣсто. Они, пришедъ и поклонясь святымъ иконамъ, ударили че-
«ломъ царевнѣ, и старшій изъ нихъ сказалъ: Великій Государь Царь
«и Великій Князь велѣлъ тебѣ, царевнѣ, идти въ грановитую палату
«на мѣсто.»

4. Великая княжна, выслушавъ рѣчь, пошла со всеми бывшими при
ней боярынями: передъ нею шли бояре, поименованные госу-
даремъ, а за ними несли объ свѣчи и оба коровая.

«Передъ царевною шли свѣчники, коровайники и фонарщики, въ
«терликахъ (родъ камзола съ пуговками) золотыхъ на соболяхъ, кои
«давы имъ съ казеннаго двора, (подполсаяся кушаками золотыми), и въ
«шапкахъ черныхъ горлатныхъ лисьихъ (своихъ собственныхъ). Въ
«этомъ нарядѣ ходили они все три дни. Богоявленскую свѣчу и об-
«ручалыши несли стряпчье, въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ. За ни-
«ми несе осыпало думный дьякъ, а за нимъ шли царевнины дружки;
«потомъ околыничій и дьякъ, напередъ по сторонамъ, и берегли пути,
«чтобы никто не переходилъ. За нимъ шелъ полъ, кропя путь святою
«водою; за попомъ шествовала царевна: большія свахи вели ее подъ

значенныхъ чиновниковъ не могъ, по какой-нибудь причинѣ, быть на свадьбѣ, а мѣсто его занималъ другой; то послѣдній назывался уже не своимъ именемъ,

«руки, а подлѣ нее были двѣ боярыни для бережнія; за симъ шли боярыни сядачія, и одна, которая несла куву на серебряномъ блюде. Шествиѣ заключалось постельницами, кои несли убрусы и шприпки «на золоченыхъ блюдахъ.»

5. По пришествіи княжны въ палату, посадили се на ся мѣсто, а на мѣсто великаго князя княжну Анастасію, меньшую сестру ея.

«Пришедъ въ палату, пощъ покроямъ чертожное мѣсто святою водою, и црвну посадили на ся мѣсто на столовъ, съ котораго «снявъ сорокъ соболей, далъ держать дяку, а на царское мѣсто посадили князя Якова Куденковича Черкаскаго (князя Ивана Алексеевича Воротынскаго).»

6. Жена тысяцкаго и свяхи съли подлѣ княжны на своихъ мѣстахъ, а боярыни за большой столъ по лавкѣ. Со свѣчами и короваями стали у свахъ съ лѣвой стороны.

«Свахи всѣ стали у царевниша мѣста у стола, а боярыни съли по мѣстамъ въ большой лавкѣ за столомъ, посаженная мать выше всѣхъ. «Со свѣчами стали направъ противъ государева мѣста у лавки, а съ «короваими и фонарями по лѣвой сторонѣ, отодвинувся подаль, подлѣ поставца.»

7. После сего дали вѣсть государю, который послалъ кому сидѣть на большемъ мѣстѣ; а съ нимъ бояръ и детей боярскихъ.

«А съ нимъ бояръ и детей боярскихъ (которымъ сидѣть въ сидличѣ).»

8. Посланный, вошедъ въ палату, съль на большое мѣсто, и изсажавъ пришедшихъ съ нимъ, послалъ по гсударя боярина большого.

«Посланный вшедъ въ палату, поклонился образамъ на всѣ стороны, «и удара челою царевнѣ, съль за столъ на большемъ мѣстѣ въ лавкѣ «выше матери, и пр.»

9. Великій князь, выслушавъ рѣчь присланнаго, пошелъ со всемъ своимъ поездею, и вошедъ въ палату, поклонился Святымъ, да поднявъ княжну Анастасію, съль на свое мѣсто.

«Государь, выслушавъ рѣчь присланнаго, поклонился образамъ и «благословяся крестомъ у пона, отправился. Напередъ шли поездежане, «потомъ дружки, за ними бояре, потомъ пощъ съ крестомъ, а за нимъ «цррь, котораго тысяцкій велъ подъ руку. Пушь передъ государемъ

а именемъ перваго. Такъ на свадьбѣ царевича Капбулна, 1625, въ сидячихъ боярыняхъ была жена Ивана Яковлевича Вельяминова; но на свадьбѣ назы-

«кропиль Св. водою крестовый педьльный (т. е. домовый очердшый) «пошь. За государемъ шелъ съ его колнакомъ стольникъ, а за нимъ «следовали стольники и стряпчѣ, остававшіеся за чинами и сидѣніе, «до выхода государева, въ столовой пзбѣ. Пришедъ въ палату, госу- «дарь благословился у попа крестомъ, и поклоняся иконамъ, пошелъ «къ своему мѣсту, съ котораго между тѣмъ большій дружка подыалъ «сидѣвшаго на немъ, и государь занялъ его, а соболи отдали держать «другому дяку.

10. Государь, посидѣвъ мало, велѣлъ священнику говорить молитву покровенію главы невесты.

11. Послѣ сего началось чесаніе головъ, а между тѣмъ зажгли боль- шія свѣчп.

12. За сѣмъ осыпаніе и опахиваніе.

13. Рѣзаніе и раздача перепечи и сыра.

14. Раздача шпринокъ и убрисцевъ.

15. Посидѣвъ мало, отправился въ церковь: сперва великій князь съ своимъ поѣздомъ, потомъ княжна въ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свѣхами, а другія свѣхи сѣли въ опричныя сани. Передъ санями шелъ свѣчп и корован, а за санями шли бояре, дѣти боярскіе и дяки. А княжна Анастасія и боярыни пошли въ государынины хо- ромы.

«По отправленіи въ церковь, первую скатерть, на которой рѣзали «перепечу и сыръ, дружки, снявъ и запечатавъ, отдали на дворецъ «ключникамъ нмяно, и велѣли беречь, а на столѣ остались двѣ ска- «терти. Царь и царевна шли вмѣстѣ, и стряпчѣ устлвали подъ ними «путь камками червчатыми (и желтыми). Государь, сошедъ съ лѣстни- «цы, сѣлъ на аргамака, подведеннаго ясельничимъ, а до того на этомъ «конѣ сидѣлъ бояринъ и конюшій. Передъ государемъ ѣхали поѣзжа- «не, стольники и дворяне большіе, за ними дружки, а за дружками «тысяцкій мало поперегъ государя по стороне; бояринъ же и конюшій «шелъ пѣшь у государя подлѣ копя. Свѣчп и корован шелъ передъ го- «сударемъ. Цесаревна ѣхала за государемъ въ большнхъ саняхъ *шал- «цовскиихъ*, обитыя золотыми атласы, а противъ нее сидѣли всѣ четы- «ре свѣхи, а до тѣхъ мѣсть, какъ царевна вышла изъ дворца въ сани, «сидѣлъ ясельничій (околыничій); когда же она сѣла въ сани, то онъ

вали ее Ивановною, женою Плещесва: въ ея мѣсто она была.

Свадьбы назывались *веселіемъ* и *радостію*: по-

«пошелъ у государева коня. За савьми шли: окольничій, да дьякъ, да «дворяне Московскіе сверстные (т. е. лучшіе), а съ ними для береженія, чтобъ никто между царскаго пути не переходилъ, шли 20 человекъ дѣтскі болярскихъ Царицыныхъ.»

16. Вошедъ въ церковь (Успенскій Соборъ), великій князь сталъ на правой сторонѣ у столба, у митрополита мѣста, по лѣву столба, а княжна стала отъ него на лѣвой сторонѣ. Со свѣчами и короваями стали у другаго столба на лѣвъ, по праву столба. У того же столба поставили скамью.

«Передъ царемъ шли въ церковь: тысяцкій и дружки, да бояре, написанные ходить передъ государемъ. А царевну вели подъ руки «большія свахи, а меньшія шли за нею. Между тѣмъ поѣзжане ѣздили на коняхъ (стояли отъ дворцовой лѣстницы и до церкви по обѣ «стороны на коняхъ). На государева жеребца сѣлъ конюшій, а въ савни окольничій, а царицны дѣти болярскія въ то время берегли путь, «чтобы между коня и савей не переходилъ никто. Вошедъ въ церковь, «царь и царица стали противъ царскихъ дверей. Со свѣчами стали «на правѣ противъ патриаршаго мѣста, а съ короваями близъ лѣваго «крылоса. У лѣваго же крылоса у столба поставили скамью, да положили на нее два столовья изъ червчатата бархата съ золотомъ въ «однѣхъ цвѣтѣхъ. Столовья несли въ церковь стряпчіе, а передъ каждымъ «шелъ окольничій. Передъ скамьями поставили двѣ колодки.»

17. А какъ пошли къ венчанію, то дружки послали имъ подъ ноги каму, да положили 40 соболей. Великій князь и княжна стали на это мѣсто. Венчалъ ихъ митрополитъ.

«Подножіе и соболи принесены въ церковь двумя стряпчими, а въ «церкви стоялъ его стольникъ. Венчалъ протопопъ Успенскаго Собора (по свяцисному преданію), а при немъ дѣйствовали протодіаконъ, «да два ключаря. На крылось ишли дьяки строками (по потамъ)»

18. Въ сткляницѣ вино «ряжское держалъ бояринъ.

«Сткляницу держалъ бояринъ (окольничій), а несли за нимъ-то вино «и сткляницу два человека погребныхъ ключниковъ, а шли всѣ въ «золотѣ.»

19. Объячавшись, великій князь и княжна сѣли на скамью, государь съ правую сторону, и принимали поздравленіе отъ присутство-

Польски свадьба — wesele, и первое названіе очевидно взято отъ этого слова; второе, кажется, переводъ перваго.

вавшихъ; между тѣмъ пѣвчіе дьяки на обонхъ крылосахъ пѣли имъ многолѣтіе.

«Царь сѣлъ на скамью съ правую сторону, а царицу посадили свѣ-«ли съ лѣвую у него сторону. И поучалъ ихъ протопопъ по священ-«ному преданію. За сѣмъ принимали они поздравленіе, а пѣвчіе пѣли «многолѣтіе, демество большое.»

20. Отъ церкви великій князь пошелъ къ себѣ завтракать, а княгиня шествовала въ свои хоромы. Въ санн сѣ сѣлъ ясельничій и отвезъ ихъ на копошню.

«Послѣ вѣнчанія царь взялъ царицу за руку, повелъ ее изъ церк-«ви до саней, и сѣвъ на аргамакъ, поѣхалъ на дворъ (т. е. дворецъ), «а царица въ саняхъ прежнимъ порядкомъ. Пріѣхавъ ко двору, госу-«дарь сѣлъ съ коня, и взявъ царицу за руку, повелъ ее лѣстницею, «по камкамъ червчатымъ (и желтымъ) въ грановитую палату. Между «тѣмъ на жеребца его сѣлъ бояринъ и копошій, и поѣхалъ къ стѣнни-«ку, и ѣздилъ около стѣнника во все время, какъ государь былъ въ немъ «(и во всю ночь) съ голымъ мечемъ въ рукахъ.»

21. Свѣчи и корован отнесли изъ церкви къ постелѣ.

«Изъ церкви несли ихъ передъ государемъ и вошедъ въ грановитую «палату, стали на прежнихъ мѣстахъ.»

22. Послѣ завтрака государь, въ сопровожденіи всего поѣзда, отпра-«вился по монастырямъ и по церквамъ. Возвратясь, послалъ онъ вѣсть, «чтобы великая княгиня шла къ столу. Она пришедъ, сѣла на свое мѣ-«сто; жена тысяцкаго и свахи заняли свои мѣста, а боярыни сѣли за «большій столъ по лавкѣ. Послѣ сего государь прислалъ посаженнаго «отца, а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ: первый, занявъ большое «мѣсто, разсажалъ пришедшихъ съ нимъ за околицій и кривой столы. «Великій князь, пришедъ, сѣлъ за столъ на свое мѣсто, приказавъ ты-«сяцкому, дружкамъ и всѣмъ прочимъ сѣсть по своимъ мѣстамъ. Ме-«жду тѣмъ на его ковя сѣлъ ковошій и въ продолженіе всего стола и «всей ночи ѣздилъ при подклетѣ съ голымъ мечемъ въ рукахъ.

«Государь ѣздилъ по монастырямъ и по церквамъ поутру, а изъ «церкви, какъ сказано выше, пришелъ съ царицею въ грановитую «палату, гдѣ и сѣли на прежнихъ мѣстахъ.

23. Да какъ все сѣли, то передъ великимъ княземъ и княгинею по-

О свадьбахъ бояръ и другихъ благородныхъ сословій, у насъ нѣтъ отечественныхъ свидѣтельствъ, и мы должны прибѣгнуть къ иностраннымъ путешествен-

ставили кура *печное*, которое тотъ же часъ отнесли къ постелѣ, какъ сказано выше. И великій князь велѣлъ въ столы яствы ставить.

«Какъ все слыш, царь приказалъ подавать въ столы яствы и вина «фряжскія. (И подали государю три кубка, — ромашен, реискаго и бас-«тры, и тѣми кубками государь пожаловалъ бояръ, Морозова и Пуш-«кина, и боярыню Морозова). А послѣ третьей яствы поставили кура «*верное*, которое большой дружка отнесъ къ сѣннику, и отдалъ имен-«но бывшему при постелѣ боярину.»

24. И какъ по порѣ, великій князь, вставъ изъ-за стола, пошелъ съ княгинею къ постелѣ, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи все, и тотъ, кому онъ велѣлъ выдавать повобрачную. И какъ пришли къ дверямъ той палаты, въ которой былъ столъ, то оставовились, и тотъ, кому выдавать княгиню, выдавалъ ее въ дверяхъ и говорилъ рѣчь.

«Послѣ отнесенія куряти, царь, вставъ изъ-за стола, взялъ царицу «за руку, и пошли къ сѣннику, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи «все, а боярину, которому выдавать повобрачную, велѣлъ идти пе-«редъ собою до дверей; въ это время путь передъ государями стали «стольники. Пришедъ къ дверямъ, выдававшій говорилъ рѣчь, по окон-«чаніи которой поклонился (и пошелъ назадъ и съѣлъ, и бояре все «съѣли за столъ). Образами повобрачныхъ тутъ не благословляли. По-«слѣ сего царь съ царицею пошли къ сѣннику въ сопровожденіи бояръ «и боярынь сидячихъ. Свѣчи и корованъ несли передъ ними.»

25. По пришествіи къ постелѣ, осыпали ихъ вторично.

26. Потомъ свахи большія и дружки кормили ихъ курятемъ.

«Препровождавшіе возвратились отъ сѣнника, боярыни въ царицы-«ны хоромы, а бояре въ грановитую палату, гдѣ сѣвъ за столы, уча-«ли кушать. — И по времени, велѣлъ государь позвать къ себѣ въ «сѣнникъ отца и мать посаженныхъ, и тысяцкаго, и дружекъ, и свахъ, «и бояръ, и боярынь, и ближнихъ, которые въ комнатѣ, и которые у «постели. И они пришедъ, кормили государя въ сѣняхъ передъ сѣн-«никомъ, отецъ и мать, и бояре ближніе, а государыню кормили въ «сѣнникѣ мать, и свахи, и боярыни. А яствы были приказныя (напо-«рокъ лебедниъ подъ шафраннымъ взваромъ, рыбъ некрошенный подъ «лимоны, потрохъ гусиный, да квасъ въ серебряной лоцатой братиать. «Государынь царицѣ подавали: гусъ жаркій, пороса жаркое, кура въ

никамъ. Писали объ этомъ предметъ Флечеръ въ ис-
ходъ XV, Олесарій, Рейтенфельсъ, Петрей и Корбъ въ
XVII столѣтій. Но какъ Петрей почти во всемъ схо-

«каль съ лимоны, куря въ ланинъ, куря во щахъ *богатыхъ*. Да ца-
ррю и царицъ подавались хлебешныя яствы: перенеча крупчатая въ
«три лопатки *недомърокъ*, четь хлѣба ситнаго, куринокъ подсыпанъ
«яйцы, пирога съ бараншою, блюдо пироговъ кислыхъ съ сыромъ,
«блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яй-
«цами, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ бараншою).»

27. А на завтракъ послѣ мыльни, великаго князя и княгиню кормили
у постели кашею, да тотъ, кому государь приказалъ, вскрылъ кня-
гиню.

Здѣсь кончится первоначальный церемоніаль.

«А на завтракъ государь царь, вышедъ изъ стѣнника, былъ въ мыль-
«ницѣ (мыльницѣ) и кушалъ тамъ. И жаловалъ государь, подавалъ ближ-
«спнимъ боярамъ яствы, а боярамъ и околышчимъ романею въ кубкахъ.
«(Царь Алексій Михайловичъ не кушалъ въ мыльницѣ, и романею не
«жаловалъ, однако же для него приготовлены были слѣдующія яствы,
«которыя послѣ подавали въ столъ: куринокъ подсыпанъ яйцы, пирога
«росольный, блюдо пироговъ подовыхъ *на торговое дѣло*, блюдо ка-
«расей съ бараншою, коровай яцкій (ячменный), блюдо блиновъ тон-
«кихъ, блюдо пироговъ кислыхъ, блюдо сырниковъ, блюдо жаворон-
«ковъ, блюдо пироговъ съ яйцы).»

«А царица кушала въ *пѣбушникъ*. (Царица Алексѣя Михайловна ку-
«шала у себя въ хоромашъ, и ей подавали тѣ же яствы, что и царю,
«да сверхъ того: куличъ *недомърокъ*, кольцо и полхлѣбца).»

«А послѣ кушанья царь и царица были въ стѣнникѣ, а съ ними:
«посаженыя отецъ и мать, да тысяцкій, да боярвини ближнія, да сва-
«ехи, и раскрывалъ государыню посаженный отецъ. Послѣ сего пожа-
«ловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскія и царицѣныя очи въемъ
«боярамъ, и околышчимъ, и думнымъ людямъ, въ стѣнникѣ. За симъ
«повообрачныхъ кормили кашею, которую подавали въ двухъ горшеч-
«кахъ фарфоровыхъ, обогнутыхъ двумя парами соболей, изъ одномъ
«блюде; передъ государемъ держалъ большой дружка, а передъ цари-
«цею большая сваха.»

28. «А въ то время, какъ государь пошелъ въ мыльню, во весь
«день и до вечера, и въ ночь, на дворѣ играли въ сурны, и въ тру-
«бы, и были по накрамъ. (Но царь Алексій Михайловичъ накрамъ
«и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ во свои государскіе столы,

день съ Олеаріемъ, а Корбъ съ Флечеромъ, то остаются только три свидѣтеля.

Флечеръ говоритъ, что невѣсту, наканунѣ свадьбы, привозили въ колымагъ, или въ саняхъ, въ домъ жениховъ, а съ нею все ся приданое, и въ особенностн брачное ложе, которое обыкновенно бывало очень великолѣпно. Мать невѣсты, съ своими пріятельни-

«вмѣсто трубъ и органовъ, и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ ставицамъ перемѣняясь, строчные и «демествнные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріудей драгія «вещи, со всякимъ благочніемъ. И по сего мудрому и благочестному «разсмотрѣнію бысть тишина, и радость, и благочніе веііе, яко всѣмъ «сущимъ ту дивитися и возсылати славу Богу, и хвалити, и удив- «лятися о мудромъ его разумъ и благочініи).»

29. «А столъ въ то время былъ въ грановитой палатѣ. Государь и «государыня сидѣли за *золотымъ* столомъ близко стѣны. И стояли «у стола предъ государемъ дружки, а у царицы свахи; да свахамъ «же, для подчиванія, поставленъ былъ столикъ не великой, выше боль- «шаго боярскаго стола. А послѣ стола подавали всѣмъ овсци, и ца- «рица пошла въ свои хоромы, и столъ былъ у нее большой. (Царица «Алексѣя Михайловна за столомъ въ грановитой палатѣ не была), а «былъ у нее въ хоромехъ особый столъ для боярынъ. Бояре же, «и околышчіе, и думные люди, сидѣли за большимъ столомъ, и были «въ шубахъ *нагольныхъ* и въ шапкахъ горлатныхъ. Послѣ стола дѣл- «ное время пѣли пѣвчіе, а потомъ государь пошелъ въ свои хоромы, «а бояре и прочіе разыдошася въ свои дома).»

30. «На третій день такой же столъ. (Царь Алексѣй Михайловичъ «былъ опять одинъ безъ царицы, и послѣ стола жаловалъ многихъ «изъ своихъ рукъ, и подачи овощей всѣмъ, бывшимъ за столомъ; отъ «государя были нескудныя: по цѣлсму блюду, а инымъ и по два).»

31. «На четвертый день государь принималъ въ золотой палатѣ «патріарха со властями, кои поднесли ему дары. Послѣ того оиъ при- «нималъ бояръ и думныхъ людей, а за ними приходили съ дарами го- «сти и разныхъ сотней торговые люди; но даровъ государь не при- «нялъ ни отъ кого. Наконецъ государь съ патріархомъ, властями и «боярами, пошелъ къ царицѣ, которой также поднесли дары. И того «дня патріархъ и власти ѣли у государя; столъ былъ въ грановитой «палатѣ по обычаю безъ свадебныхъ чиновъ, а взвары и овощи по- «давали въ столы по свадебному обычаю.»

цами, оставалась при ней всю ночь. Впрочемъ, ни женихъ, ни его родные, въ это время совсѣмъ не говорили съ невестою.

Въ день свадьбы, на невесту клали покрывало, которое закрывало не только ея лице, но и все тѣло. Потомъ она съ своими поѣзжанами, а женихъ съ своими, отправлялись въ церковь на лошадахъ, какъ бы церковь ни была близко. Послѣ вѣщанія невеста подходила къ жениху и, въ знакъ своей покорности, кланялась ему въ ноги, а онъ покрывалъ ее попою своего платья, означая симъ, что будетъ ее любить и оберегать. Далѣе отецъ и родственники невесты подходили къ жениху и кланялись ему низко, а отецъ и родственники жениха подходили къ невестѣ, и также ей кланялись. Обрядъ этотъ показываетъ взаимную радость о новомъ родствѣ, и добрую волю исполнять родственныя обязанности. Вскорѣ послѣ этого жениховъ отецъ подносилъ священнику хлѣбъ, а онъ передавалъ его отцу и родственникамъ невесты, причѣмъ невестинъ отецъ удостовѣрялъ, что онъ отдастъ или отдастъ въ назначенное время приданое своей дочери. Засимъ хлѣбъ ломали и съѣдали. Значеніе этого обряда объяснено въ статьѣ оперенечяхъ.

По окончаніи, женихъ бралъ невесту за руку, и входилъ съ нею и со всѣми присутствовавшими въ церковныя двери (въ притворъ?). Здѣсь подавали имъ стаканы и сткляницы съ медомъ, или Русскимъ виномъ. Женихъ пилъ здоровье невестино, а потомъ она отвѣчала ему тѣмъ же, поднимая свое покрывало такъ, чтобы можно было ей поднести стаканъ къ губамъ.

Изъ церкви женихъ отправлялся не въ свой, а въ родительскій домъ, а невеста также въ домъ своихъ родителей, гдѣ родственники съ обѣихъ сторонъ принимались и угощались *честно*. При входѣ мужа и жены въ дома ихъ родителей, осыпали ихъ хлѣбными зернами. Вечеромъ привозили жену въ домъ ея

свекра, гдѣ она во всю ночь не снимала съ себя покрывала, и не говорила ни слова съ своимъ мужемъ, чтобы онъ не могъ ее ни видѣть, ни слышать. По Русскому обычаю, повобрачная могла показаться своему мужу только на другой день свадьбы. Въ продолженіе трехъ первыхъ дней, она не должна была не говорить ничего, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя, по старому обычаю, говорила она за столомъ (?). На третій день молодые отправлялись въ свой домъ.

Въ продолженіе свадебнаго пира, все гости называли повобрачную *княгиней*, а повобрачнаго *княземъ*. Названіе это и теперь еще въ употребленіи; также и свадебный пиръ называется княжимъ пиромъ.

Свѣдѣніе это весьма недостаточно; но любопытно тѣмъ, что объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ: за то Олеарій входитъ въ большія подробности.

Къ жениху и къ невѣстѣ, говорить онъ, опредѣлялись по одной женщинѣ, которыя назывались *свахами*: онъ занимался приготовленіемъ къ свадьбѣ разныхъ вещей. Невѣстина сваха, въ день свадьбы, отправлялась въ домъ жениха, гдѣ готовила брачное ложе, а съ собою человекъ со сто слугъ, изъ коихъ каждый послъ на голову что-нибудь нужное для постели и украшенія брачной комнаты. Брачное ложе готовилось на сорoku ржаныхъ снопахъ, а подмъ него ставилось нѣсколько кадей съ ишеницею, ячменемъ и овсомъ, въ знакъ того, чтобы молодые жили въ изобиліи.

По изготовленіи всего, женихъ съ своими друзьями (поѣзжанами) и съ попомъ впереди, прѣзжалъ поздно вечеромъ въ домъ невѣсты, гдѣ происходило обрученіе. Друзья съ невѣстиной стороны принимали ихъ ласково, а почетившихъ сажали за столъ, гдѣ ставилось три яствы, до которыхъ однако жъ никто не касался. Между тѣмъ, какъ женихъ занимался разговорами съ невѣстными друзьями, оставля-

лось для него въ столъ большое мѣсто, на которое сажали мальчика, котораго женихъ поднималъ ласково, и садился, а подлѣ него сажали и невѣсту, наряженную въ богатое платье, и чтобы они не смотрѣли другъ на друга, два мальчика держали между ними кусокъ красной тафты. Тутъ подходила невѣстная сваха, чесала ей волосы *, распущенные по плечамъ заплетала ихъ въ двѣ косы, клала на нее вѣнецъ (кику, кокошникъ) съ другимъ нарядомъ, и оставляла ее съ открытымъ лицомъ. Вѣнецъ, обложенный тканью, дѣлался изъ тонкой золотой или серебряной биты, а у ушей, которыя онъ нѣсколько закрывалъ, висѣли по четыре, по шести и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга. Платье ея спереди до подола, также рукава, длиною аршина въ три, и стоячій воротникъ шириною пальца въ три, унизывались крупнымъ жемчугомъ: такое платье стоило гораздо болѣе тысячи талеровъ. И жениху также сваха чесала голову.

Между-тѣмъ женщины сѣли на лавкамъ и, пѣли всякій вздоръ, свадебныя пѣсни. Тутъ, двое хорошо наряженныхъ молодыхъ мужчинъ приносили на носилкахъ, подъ соболонною покрывшкою, преогромный сыръ и нѣсколько хлѣбовъ; то же приносили и со стороны невѣсты: это называлось, какъ говоритъ Олеарій, *крабейшики*, корован. Попъ, прѣбывавшій съ женихомъ, благословлялъ сыръ и хлѣбъ, которые относили въ церковь въ то время, когда женихъ съ невѣстою туда отправлялись.

Послѣ того, ставили на столъ большую серебряную мису, съ четверугольными кусками атласа и тафты (ширинки), гладкими четверугольными же кусочками серебра (пенязи), хмѣлемъ, ячменемъ и овсомъ, перемѣшанными вмѣстѣ (осыпало).

* Рейтенфельсъ говоритъ о семъ иначе (См. выше, о гребнѣ), при-
совокупляя, что въ это время собравшіеся на свадьбу гости подноси-
ли невѣстѣ дары.

Затѣмъ приходила сваха, и, покрывъ опять невѣсту (фатою), осыпала сказаннымъ хмѣлемъ ее, бояръ и всѣхъ мужчинъ. Кто хотѣлъ, тотъ могъ взять съ мисы атласъ и серебро. Между-тѣмъ пѣли пѣсни. Наконецъ, отцы невѣстини и жениховъ, вставъ, мѣняли створенныхъ кольцами; послѣ чего сваха брала невѣсту, сажала въ сани, и отправлялась съ нею въ церковь. Грива лошади, запряженной въ сани, и дуга увѣшивались лисьми хвостами. За санями ѣхали поѣзжане и множество слугъ; потомъ ѣхалъ женихъ верхомъ съ своимъ поѣздомъ и съ попомъ.

Полъ въ церкви почти весь устилался красною фатою, а на нее клался еще особо кусокъ ткани, на который становились вступающіе въ бракъ (подножіе). Тутъ слѣдовало въчапіе и топтаніе сткляницы съ виномъ.

Женщины осыпали молодыхъ льнянымъ и коноплянымъ семяемъ, поздравляли ихъ, и тащили къ себѣ молодую, какъ-будто отнимая ее у мужа. По окончаніи этой комедіи, мужъ приводилъ жену къ санямъ, а самъ садился на своего коня. Подлѣ саней несли шесть восковыхъ свѣчъ.

Отъ церкви всѣ пріѣзжали уже въ домъ жениха, гдѣ онъ съ гостями садился за столъ, и начинали ѣсть, пить и веселиться *. Между-тѣмъ молодую, раздѣвъ совсѣмъ, клали въ постелю, а потомъ приводили къ ней мужа, передъ которымъ шесть или восемь мальчиковъ несли зажженные факелы, свадебныя свѣчи. Молодая, услышавъ приходъ мужа, вставала, надѣвала на себя соболью шубу, и принимала его съ поникшею головою. Мальчики, поставя факелы въ кадн со пшеницею, уходили. Мужъ садился съ женою, которую онъ тутъ только впервые видѣлъ въ лице, за

* Рейтенфельсъ прибавляетъ, что невѣста оставалась за столомъ до третьей яствы, и во все это время оплакивала дѣвическое свое состояніе.

накрытый столъ: имъ подавали кушанье, и между прочимъ жареную курицу; онъ, разорвавъ ее на части, бросалъ крыло или ногу, что попадалось прежде, черезъ себя назадъ, а остальное они съѣдали. Тогда ихъ оставляли. Гости между-тѣмъ пили, ѣли и шумѣли.

Черезъ нѣкоторое время молодые отправлялись въ баню, каждый въ особую, гдѣ ихъ мыли водою, медомъ и виномъ. Молодая дарила мужу рубашку, у которой воротъ вышивался жемчугомъ, да новое дорогое платье *.

Слѣдующіе два дни проводились въ пирахъ, пляскѣ и разныхъ забавахъ, причѣмъ бывала различная музыка и между прочимъ одинъ инструментъ, который Русскіе называли *псалтирю* (гусли), и играли на немъ пальцами, какъ на арфѣ.

О старинныхъ свадьбахъ простолюдиновъ пишутъ Ченселоръ и Олсарій.

По наступленіи времени, повѣствуетъ первый изъ нихъ, отправляться въ церковь, невѣста противится этому всѣми силами; но наконецъ двѣ пожилыя женщины какъ-будто насильно принуждаютъ ее идти изъ родительскаго дома. Дорогою продолжаетъ она плакать и выть, и можно назвать счастьемъ, присовокупляетъ онъ, что Русскія невѣсты закрываютъ себѣ лице покрываломъ, чтобы не каждый могъ видѣть ихъ притворство. За невѣстою слѣдовалъ женихъ съ своими друзьями, везя съ собою довольно большую стекляницу съ медомъ или съ виномъ. Послѣ вѣнчанія невѣста пила здоровье жениха изъ стекляницы, женихъ дѣлалъ то же въ свою очередь, и бросалъ стаканъ на полъ: тутъ оба они старались одинъ прежде другаго наступить на него ногою, воображая, что кто изъ нихъ первый наступитъ на стекляницу, тотъ и будетъ господствовать надъ другимъ. Не ошибся ли Ченселоръ? Стекляницу растапывалъ одинъ мужъ. Слова его ско-

* Рейтенфельсъ упоминаетъ здѣсь о провозглашеніи невинности.

рѣе можно отнести къ подножію, что и нынѣ еще дѣлаютъ нѣкоторые не только простыя, но и высшихъ сословіи невѣсты, стараясь прежде мужа ступить на него. Это довольно похоже на невинный обрядъ, заимствованный повѣйшею образованностью у Французовъ, въ которомъ молодая ставитъ шутя свой башмакъ на голову повому своему мужу, съ тѣмъ, чтобъ онъ всегда былъ у нея *подъ каблукомъ*. Послѣ вѣнчанія молодая, которая уже въ церкви снимала съ себя покрывало, возвращалась въ свой домъ съ открытымъ лицомъ. Тамъ садилась она за столъ въ большое мѣсто, а мужъ подлѣ нее. Въ продолженіе стола играли одинъ или нѣсколько музыкантовъ, и двое полуобнаженныхъ мужчинъ (?), которые уже изъ церкви шли за невѣстою, плясали долго передъ гостями. Послѣ доброй попойки, молодыхъ отводили къ постель, и это дѣлалось въ настоящее время, потому что Русскіе вѣнчались всегда подъ вечеръ. Засимъ слѣдуетъ обрядъ съ плеткою, о которомъ мы уже говорили. На свадьбахъ шивали обыкновенно три дня, въ продолженіе которыхъ молодыхъ величали княземъ и княгинею.

Олеарій говоритъ, что простой человекъ, или мѣщанинъ, помолвивъ, посылалъ своей невѣстѣ, за день до свадьбы, платье, чепецъ (кику) и пару черевикъ, все новое, да ларецъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. Въ день свадьбы приходилъ понь; жениха и невѣсту сажали за столъ, и между ими держали такую же красную тафту, какъ и на боярскихъ свадьбахъ. Но когда начиналось чесаніе головы, невѣста должна была щеку свою приложить къ щекѣ жениха, и такимъ образомъ они смотрѣли другъ на друга въ зеркало, и улыбались одинъ другому. Потомъ свахи осыпали ихъ и гостей хмѣлемъ, и затѣмъ отправлялись въ церковь.

С И К С Т Ъ V.

=

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА *.

=

Въ то самое время, когда монахъ Феличе Монтальто, теологъ и совѣтникъ испанскаго посольства при Дворѣ Испанскомъ, говорилъ, въ королевской часовнѣ, въ присутствіи набожнаго Филиппа II, краснорѣчивую проповѣдь, на текстъ — *Я далъ тебѣ во свѣтъ языковъ, да изыдетъ спасеніе мое даже до послѣднихъ земли,* — въ то самое время Пій IV умеръ, и тронъ Испанскій остался празднымъ.

Не столько радовали славолюбиваго Монтальто успѣхи проповѣдей его, похвалы и даже ласки строгаго Филиппа, не столько самое торжество надъ завистливымъ критикомъ, дерзнувшимъ порицать проповѣдь,

* Современность есть цѣль и существо нашего Журнала: читателямъ извѣстно, что, изъ всего прошедшаго, допускаетъ онъ въ свой составъ только предметы, относящіеся къ отечественнымъ исторіямъ и древностямъ, которые всегда будутъ новы для любопытства Русскихъ. Хотя ни какое новое явленіе въ литературномъ мірѣ не подаетъ намъ законнаго повода говорить о знаменитомъ Папѣ, котораго имя выставлено вверху страницы, однако жъ эта прекрасная и ученая характеристика, начертанная для Б. для Ч. искуснымъ перомъ С. И. Шевырева, не можетъ назваться нарушеніемъ ея плана. Кардиналъ Монтальто, впоследствии Сикстъ V, состоитъ въ некоторой связи съ нашею Исторіею, и кому не любопытно ближе познакомиться съ человекомъ, черезъ руки котораго проходили важныя сношенія посла Юанна Грознаго съ главою Западной Церкви въ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ часовъ, какой только можетъ пробить въ эпоху необыкновеннаго политическаго могущества? Это обстоятельство намъ кажется достаточнымъ оправданіемъ въ помѣщеніи статьи о предметѣ не слишкомъ современнымъ, тѣмъ болѣе, что статья сама оправдываетъ себя своею занимательностью. Мы сожалѣемъ, что изобиліе вопросовъ, нынѣ занимающихъ Европскій литературный свѣтъ, и самыя предѣлы нашего Журнала не дозволяютъ намъ напечатать ее во всемъ ея пространствѣ. *Б. для Ч.*

посвященную Его Католическому Величеству, и высокая честь, которой онъ удостоился исповаться проповѣдникомъ Короля Испанскаго, сколько печальная для Католическаго міра вѣсть о смерти его владыки, была причина этой радости. По смерти Пія IV открывалась большія надежды кардиналу Александрійскому, покровителю монаха Феличе, на полученіе трехэтажной тіары, — а въ случаѣ успѣха, и монаху Феличе готовилась круглая, широкополая, зсленая шляпа съ кистями, утверждающая простаго инокка на ряду съ Принцами крови, на послѣдней ступени къ одному изъ престоловъ Европы, который хотя и стоитъ теперь какъ волкапъ безъ изверженій, но некогда первенствовалъ на всемъ западѣ, и въ XVI вѣкѣ еще не рѣдко металъ свои молніи.

Надежды Монтальто исполнились. Кардиналъ Александрійскій вышелъ изъ конклава Папою, Піемъ V. Въ то же самое время умеръ генералъ монашескаго ордена Св. Франциска, къ которому принадлежалъ Феличе Монтальто. Новый Папа тотчасъ вспомнилъ о своемъ кліентѣ въ Испаніи, и несмотря на соперничество отца-прокуратора Францискановъ, немедленно велѣлъ отправить нарочнаго въ Испанію съ указомъ о наименованіи Монтальто генераломъ ордена. Нарочный встрѣтилъ Папское посольство на возвратномъ пути изъ Мадрита въ Римъ. Кардиналъ Буонкомпаньо, легатъ посольства, впоследствии Папа Григорій XIII, видя благоволеніе Пія V къ своему теологу и совѣтнику, самъ присѣлъ къ нему въ комнату указъ Папскій, и далъ праздникъ всему посольству, по случаю сего назначенія. Монтальто униженно принималъ поздравленія, и вскорѣ, въ Римъ, съ особеннымъ жаромъ облобызавъ ту шитую крестомъ туфлю, которая творила чудеса надъ бѣднымъ иноккомъ, получилъ отъ Его Святѣйшества крѣпкое объятіе, залогъ будущаго возвышенія.

Въ теченіе своей монастырской жизни, которую прошел Монтальто отъ первой степени монастырскаго мальчика на послугахъ у всѣхъ монаховъ до ученыхъ степеней бакалавра, доктора, проповѣдника, и до верхней ступени генерала своего ордена, — въ теченіе всей этой жизни, исполненной униженій, искательства, страданій, скуки, споровъ, интригъ, Фра-Феличе своимъ горячимъ, заносчивымъ характеромъ, тщеславіемъ учености, легко доступной его живому уму, но неправившейся невѣжественнымъ монахамъ, наконецъ строгою любовью къ правдѣ, которая впоследствии дала великую черту панской его физиономіи, успѣлъ по всемъ монастырямъ своего ордена нажить себѣ безчисленныхъ враговъ. И вотъ онъ явился безусловнымъ главсю тѣхъ монастырей, гдѣ кишать враги его, — и по долгу своему ѣдетъ ихъ осматривать, и всѣ монахи трепещутъ новаго начальника. Монастырь Святыхъ Апостоловъ въ Римѣ, гдѣ Монтальто терпѣлъ наибольшія непріятности, устроиваетъ ему такой торжественный пріемъ съ панегриками, музыкою, стихами и освѣщеніемъ, какого не бывало ни одному генералу ордена. Будущій кардиналъ и Папа поступилъ хитро: онъ объѣхалъ всѣ монастыри свои, осмотрѣлъ ихъ строго, но нигдѣ не обнаружилъ чувства мщенія, и даже иногда позволялъ себѣ смотрѣть сквозь пальцы на неважныя злоупотребленія враговъ своихъ, чтобы не подать повода къ мысли о томъ, будто онъ дѣйствуетъ изъ мести.

По возвращеніи въ Римъ, лукавый монахъ сталъ особенно ухаживать за кардиналомъ Александрійскимъ, Бонелло, племянникомъ Папы. Непотизмъ, введенный еще Сикстомъ IV, продолжался тогда во всей своей силѣ. У новаго Папы никогда не было недостатка въ племянникѣ, котораго онъ немедленно облакалъ въ пурпуровую мантию. Кардиналъ-племянникъ наследовалъ всегда прежній титулъ своего святѣйшаго

дяди, и служилъ ему правою рукою во всѣхъ дѣлахъ. Монтальто зналъ, черезъ кого дѣйствовать. Онъ безпрестанно хвалилъ Папѣ его племянника, а племянникъ возвышалъ передъ своимъ дядею Монтальто. Плодомъ этихъ похвалъ вскорѣ было то, что генераль Францисканскаго ордена удостоился получить высокій санъ чрезвычайнаго исповѣдника Папы, санъ, который свидѣтельствовалъ особенную, искреннюю пріязнь послѣдняго къ своему любимцу.

Гоненія Королевы Елисаветы противъ католиковъ въ Англіи, и раздоры ея съ Филиппомъ II занимали тогда преимущественно кабинетъ Папскій. Составился особенный совѣтъ изъ кардиналовъ и прелатовъ. Папа хотѣлъ, чтобы Монтальто былъ непременно членомъ совѣта, и для этой цѣли далъ ему санъ епископа. Монтальто служилъ посредникомъ между Папою и совѣтомъ, и своимъ пронырливымъ умомъ болѣе и болѣе снискивалъ любовь Пія V.

Митра епископа не обрадовала однако Монтальто, потому что не ся желалъ онъ. Папа, украшая его митрою, имѣлъ въ виду освободить Монтальто отъ рясы монашеской, чтобы, въ случаѣ необходимости, имѣть наготовѣ умнаго Пуція: известно было, что камзолы прелатовъ при Дворахъ правились болѣе, чѣмъ монашеская одежда.

Между тѣмъ совѣщанія объ Англіи продолжались. Филиппъ II, кипѣвшій злобою противъ Елисаветы, узнавъ объ именахъ членовъ совѣта, писалъ къ самому Монтальто поздравленія, и поощрялъ его убѣдить Папу къ обнародованію церковнаго отрѣшенія противъ Королевы, имъ обонимъ враждебной. Совѣтъ давно задумывалъ ужь это, но все еще не рѣшался. Однажды Монтальто, бесѣдуя съ Папою, рассказалъ, въ какихъ бы выраженіяхъ думалъ онъ пависать это отрѣшеніе: Пій V предложилъ ему сдѣлать опытъ. Бѣдкій и краснорѣчивый Монтальто пзналъ весь ядъ

своей желчи на бумагу. Образецъ понравился и Папѣ и совѣту. Въ присутствіи всего священнаго Коллегіума кардиналовъ прочтено было отрѣшеніе: Пій V, предъ лицомъ всѣхъ порфиропосныхъ его членовъ, хвалилъ ревность епископа Монтальто и предвѣщалъ отъ него великія заслуги Церкви. Всѣ заключили изъ словъ Пія, что въ будущемъ спискъ кандидатовъ на кардинальство не пропуститъ онъ имени Феличе Монтальто.

Однажды, послѣ обычныхъ похвалъ, воздаваемыхъ ему передъ Папою кардиналомъ-племянникомъ, святѣйшій дядя поручилъ племяннику сказать епископу Монтальто между прочимъ: «Монсиньоръ Монтальто! дядя мой въ добромъ къ вамъ расположенъ; черезъ нѣсколько дней, надѣюсь, мы обинемся братьями.» Монтальто отвѣчалъ: «Я буду всегда слугою Вашей Свѣтлости, если бы даже былъ и Папою.» Пій V не даромъ поручилъ эти слова своему племяннику: какъ добрый дядя, онъ уже думалъ о своемъ послѣдникѣ, и къ кардинальской мантии послѣдняго хотѣлъ прицѣпить судьбу умнаго и надежнаго кардинала — приверженца.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1570 года, Папа получилъ радостное извѣстіе изъ Индіи, что усиліями миссіонеровъ Вѣра Христіанская тамъ чрезвычайно распространилась; что многіе цари и народы крестились, и тѣмъ обѣщаютъ будущихъ даниковъ Папскому трону. Пій V учредилъ по сему случаю торжественную процессію; но чтобы оживить Римъ еще болѣею радостію, положилъ произвести новыхъ кардиналовъ. 16 Маія Фра-Феличе Перетти Монтальто изъ Марки Анконской, генераль ордена Францисканцевъ, епископъ Св. Агаты, получилъ изъ рукъ Его Святѣйшества желанную шляпу съ благословеніемъ и крестомъ, и наименовался священникомъ-кардиналомъ Славянской церкви Св. Іеронима. Феличе Перетти родилъ

ся отъ бѣднаго садовника, Франциска Перетти, въ хижинѣ, 1521 года Декабря 13. Слѣдовательно, ему былъ ужь сорокъ девятый годъ, когда онъ, въ залѣ Ватикана, принялъ ту волшебную шляпу, которую оставалось ему теперь обратить въ царскую тиару. вмѣстѣ съ кардиналомъ Монтальто произведены были другіе кардиналы изъ монаховъ же, почему это производство прослыло въ народѣ «монашескимъ». Пасквино, обрадовавшись случаю, написалъ на себя остроу: вообразивъ, что у него на головѣ тыква, онъ спросилъ у Марфоріо: — Пристама ли ко мнѣ эта шляпа? Марфоріо отвѣчалъ: — Точно такъ же, какъ кардинальская шапка къ головѣ монаха.*

Несмотря на эти безвредныя шутки, несмотря на то, что всякое новое назначеніе кардиналовъ влечетъ за собою новыя налоги, Римскій народъ, этотъ добрый шутникъ Пасквино, безпечно радуется и веселится новымъ князьямъ Церкви, новымъ лицамъ въ его любимыхъ процессіяхъ и церемоніяхъ, услаждающихъ однообразную жизнь его. Весь Римъ блещетъ тогда огнями, покрытъ заревомъ. Дворцы новыхъ кардиналовъ иллюминованы великолѣпно. По площадямъ, по улицамъ, народъ зажигаетъ кучи хвороста и осмоленія бочки. Корсо дрожитъ отъ стука раззолоченныхъ, пышныхъ каретъ. Въ залахъ новыхъ кардиналовъ блещутъ посланники съ ихъ свитами, тѣснятся прелаты въ чулкахъ фіолетовыхъ, аббаты, прочіе духовные и свѣтскіе чиновники Рима. Вездѣ поздравленія, вездѣ огонь, шумъ, радость.

Догорѣли послѣдніе почные огни на кардинальскомъ праздникѣ; всѣ новые кардиналы, утомленные шумомъ поздравленій и радостію, спали глубокимъ сномъ: говорятъ, что одинъ изъ нихъ бодрствовалъ,

* Пасквино и Марфоріо, какъ извѣстно, статуи, на которыхъ Римскій народъ пишетъ свои энграммы, влагая ихъ въ уста самымъ статуямъ.

и что, будто-бы, при свѣтъ лампы, рука его чертила слѣдующее:

«Отецъ небесный! въ священной сокровищницѣ Твоего безконечнаго Провидѣнія погребены таинства судьбы, которыми на земли подлежить человѣчество: просвѣти же умъ мой лучами Твоей благодатной любви, сего истиннаго солнца смертныхъ, и дай мнѣ силы открыть путь, Тобою мнѣ предназначенный, на которомъ могъ бы я сойтись съ предначертаніями Твоего промысла. Мужайся, мое сердце; бодрствуйте, мои надежды; небо мнѣ ясно; оно общаетъ путь добрый, счастье высшее. Иначе, съ какою бы цѣлью, сей чудесный Правитель вселенной призвалъ меня отъ печистаго стада къ степени доктора Церкви, отъ пайки свинопаса * къ управленію орденомъ Францисканскимъ, отъ кашпона къ митрѣ, и наконецъ къ багряницѣ? Зачѣмъ было спасать меня отъ тмы гоненій, въ конхъ едва не погибъ я? Ужели во всѣхъ этихъ успѣхахъ моихъ не видно чудесъ? Ужели я даромъ былъ возвышенъ изъ праха? Ужели всѣ эти друзья, съ такимъ рвеніемъ противоставшіе врагамъ моимъ, посланы мнѣ безъ всякаго умысла? Я самъ, своимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, не похожъ ли на какое-то чудное растеніе, которое было подъ особенною поливою самого Промысла и Имъ чудесно предохранено отъ всѣхъ ядовитыхъ укушеній моей злой собратіи? Поставить меня главою Ордена, гдѣ ненависть едва терпѣла меня и въ послѣднихъ; избрать первосвященника, одушевленнаго такимъ расположеніемъ ко мнѣ; внушить ему мысль вѣнчать мспя митрою и наконецъ, возложивъ пурпуръ на плеча мои, поставить меня въ такое краткое время наряду съ принциами крови: на какой конецъ всѣ эти чудеса устроены Провидѣніемъ, если не на тотъ, чтобы дать мнѣ путь къ исполненію другаго важнѣйшаго замысла, угоднаго самому Промыслу?»

«А эти рѣзкіе намеки о будущемъ моемъ папствѣ, которые такъ часто случалось мнѣ или самому говорить въ шутку или слышать отъ другихъ? ужели они даромъ? Кто знаетъ, можетъ быть, они были внушеніемъ звѣздъ, намеками,

* Известно, что Сикстъ V, въ своемъ дѣтствѣ, у отца насъ свиней.

посланными изъ того Храмлища, гдѣ заключено и прошедшее и настоящее, и откуда истекають все вліянія на судьбу людей, ихъ униженіе и величіе, и зло и благо? Я не знаю сердець человѣческихъ: одному Богу они вскрыты. Я не знаю того, что другіе думаютъ о своемъ предначепіи, какія мечты блуждаютъ въ головѣ ихъ о будущемъ ихъ жребіи; но что касается до меня, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ себя помнить, ни одна мысль такъ живо, такъ сильно не играла монимъ воображеніемъ, какъ мысль о томъ, что я некогда могъ бы сдѣлаться Папою, — и всего замѣчательнѣе: эта мысль тогда еще сильнѣе занимала мою голову, когда менѣе всего я видѣлъ возможности ее исполнить. Кто же вложилъ мнѣ въ умъ эти мечты, эти мысли? Звѣзда моей жизни; мой ангель-вожатай; Провидѣніе, распределяющее свои сокровища на земныя орудія людямъ: отъ чего и происходитъ часто недоумѣніе наше, когда мы видимъ счастье въ рукахъ недостойнаго, бремя несчастія надъ достойнымъ, и, налагая переть на уста, предаемся добровольно той рукѣ Всемогущей, которая съ своего неба сыплетъ различныя чудеса по живущему на землѣ человечеству.

«Ни какая лѣстница въ мірѣ такъ не крута, какъ лѣстница, ведущая къ тиарѣ Папской; и не я ли всѣхъ менѣе имѣлъ права думать, какъ взойти бы на эту лѣстницу? Однако я взошелъ на нее, и стою теперь на послѣдней ступени; я достигъ наконецъ двери, *сю же* входятъ и которая одна мнѣ осталась преградою; я достигъ того, что теперь уже не въ шутку, а важно могу сказать себѣ: «кто знаетъ, можетъ быть и я буду Папою?» — Но какъ толкнуться въ эту дверь мнѣ, бѣдному кардиналу-монаху? Не дерзость ли даже и думать объ этомъ? Мнѣ быть Папою! Но какимъ образомъ? Гдѣ у меня сильное родство? Гдѣ заслуга опытовъ въ позольствахъ, въ важныхъ дѣлахъ внѣ и внутри государства? Кто подумаетъ вручить кормило великаго корабля Св. Церкви и управленіе государствомъ столь знаменитымъ кардиналу, который, въ теченіе всей своей жизни, жилъ въ своей кельѣ, и зналъ управленіе только однихъ монаховъ? Кабалы монастырей и ихъ жителей мнѣ слишкомъ знакомы; но кабалы Двора и конклавовъ совершенно шно дѣло. Есть ли мнѣ возможность составить какую-нибудь нар-

тію въ конклавъ? Главы разныхъ партій обратятъ ли вниманіе на лице мое? А безъ этого какъ быть Папою? Замышлять такіе планы безъ партій не все ли то же, что искать спасенія отъ Силуамской кувсли, не имѣя Ангела, который возмутитъ бы воду?

«Если бѣ достаточно было одной доброй воли къ тому, чтобы войти въ Ватиканъ, никто бы прежде меня не вошелъ въ него. Если бы доброе мнѣніе о себѣ было ключемъ, подходящимъ къ двери Ватикана, — прежде всѣхъ я бы ее отперъ. Но къ чему же терять духъ? Если Провидѣніе творитъ Папъ, какъ я вѣрю и долженъ вѣрить, то я никакъ не отчаиваюсь въ томъ, чтобы я не имѣлъ какой-нибудь части во всемогущемъ Его предрасположеніи. Одно Провидѣніе знаетъ до глубины, въ чемъ состояли бы мои замыслы на престолѣ Папскомъ, каково было бѣ мое рвеніе къ Церкви, мое управленіе государствомъ, мои уставы въ Христіанствѣ: а зная это, оно одно могло бы распахнуть мнѣ двери, вопреки всѣмъ препятствіямъ человѣческимъ, всѣмъ личнымъ выгодамъ тѣхъ, которые управляютъ конклавами по своему. Будь я только Папою, всѣ политики міра подняли бы брови отъ удивленія; всѣ закричали бы громкимъ голосомъ — *Како сей вѣсть книги не учився?* Всѣ бы въ изумленіи воскликнули: возможно ли, чтобы этотъ бѣдный монахъ, низкаго рода, неопытный, одинъ преобразовалъ Римъ, уничтожилъ злоупотребленія, развратъ, злодѣйство, патворилъ чудесъ, посмѣваясь древнимъ Римлянамъ, и обогатилъ казну замка при тяжелой нищетѣ народа? Чувствую, что я бы это сдѣлалъ.

«Феличе! твои высокіе замыслы о счастіи Рима, можетъ-быть, когда-нибудь исполнятся: ибо столь великія намѣренія не сообщаются природою безъ внушенія свыше. Да, Монтальто! небо простираетъ къ тебѣ руку; божественное Провидѣніе зоветъ тебя; не будь же съ своей стороны глухъ къ его призыву, не медли и ты простереть твою руку къ рукѣ Всемогущей. Зачѣмъ Богъ, при созданіи человѣка, опредѣлилъ жить ему *въ рукѣ собственнаго совѣта?* Затѣмъ, чтобы зналъ человѣкъ, что хотя небо и правитъ землею, хотя Провидѣніе и располагаетъ всѣми путями человѣковъ, и добромъ и зломъ, конемъ они подвержены; но хочеть вмѣ-

ствѣ съ тѣмъ, чтобы люди, свободнымъ произволомъ, добровольнымъ по́томъ лица, стремились избѣгать вреда своего и достигать добра и славы.

«Бодрствуй, Монтальто! Ударь въ колоколь своего благо-разумія, сзови воедино всѣ силы твоего духа, и спроси ихъ совѣта о томъ, какими средствами пытаться тебѣ твое вѣщество въ Ватиканъ? У тебя нѣтъ ни друзей, ни родныхъ, ни опоры, ни партіи, ни богатства, ни видимыхъ заслугъ, у тебя нѣтъ ни одного изъ всѣхъ этихъ средствъ: начертни же себѣ другую дорогу. Главными твоими врагами и препятствіями будутъ тѣ, которые знали тебя еще въ монахахъ: они прославятъ тебя человѣкомъ сварливымъ, горячимъ, упрямымъ, суровымъ въ управленіи. Какъ же пособить этому вредному о тебѣ мнѣнію и упрочить за тобою блага, на которыя ты надѣешься? Облеки свою душу, отъ природы горячую и строгую, ложнымъ покровомъ простоты и кротости. Оставь кожу льва, и надѣнь на себя шкуру овцы. Ты не могъ прежде стерпѣть ни малѣйшей обпды: прпготовься теперь сносить не одну, а всѣ, и самыя тяжкія.

«Кто не умѣетъ притворяться, не умѣетъ жить, *qui nescit fingere, nescit vivere*: нѣтъ орудія спльнѣе лицемѣрія и прптворства къ тому, чтобы ослѣпить умъ человѣческой; но надо умѣть направлять ловко эту обману: иначе лицемѣръ будетъ похожъ на человѣка, который плюетъ вверхъ на воздухъ, и самъ заплевываетъ лице свое. Этотъ обманъ долженъ быть естественъ: если жъ откроется его подложность, то вмѣсто пользы принесетъ онъ одинъ вредъ. Обманъ грѣхъ, я это знаю; но если бы я желалъ папской тіары для себя, для своей славы, для своего честолюбія, — сіе орудіе лицемѣрія и притворства, которое я поднимаю на врата Ватикана, какъ тяжкое преступленіе, отяготѣло бы на моей совѣсти; но такъ какъ замысль мой стремится ко благу государства и Церкви, то грѣхъ мой принесетъ плодъ добрый.

«Но какое средство обуздать мнѣ собственныя страсти, въ одно мгновеніе убить свою плоть, пзнасиловать нравъ, оковать духъ и сдѣлаться плѣнникомъ самаго себя? Что говорю: плѣнникомъ? Живаго зарыть себя въ гробъ, потому что надо уже рѣшиться или не думать о тіарѣ, или быть

между другимъ живымъ мертвецомъ. Твердая рѣшимость духа побѣждаетъ всякое препятствіе плоти. Поставлю же себя передъ свѣтскими и духовными образцемъ совершенства, эмблемой простоты, зеркаломъ смиренія, примѣромъ святости, притчею добронравія. Всякой духъ гнѣва да выйдетъ изъ моей груди; всякая мысль о мщеніи да искоренится изъ сердца; мое природное побужденіе къ строгости правосудія да сожмется тѣснѣе въ душѣ моей; чувства мои да окуются такъ, чтобъ я казался міру безчувственнымъ. Я учень: сдѣлаюсь невѣждой. Я силенъ и крѣпокъ: притворюсь слабымъ, умирающимъ. Я честолюбивъ: пусть думаютъ все, что я примѣръ смиренія. Я отъ природы нетерпѣливъ: буду казаться терпеливымъ. Я люблю свои выгоды: явлюсь безкорыстнымъ. Я люблю сытный столъ: буду поститься. Однимъ словомъ, если я хочу тиары, только подобною монетою я могу купить ее, — и да будетъ часто напоминать мнѣ сердце, что монета сія не должна казаться ложною, ни насильственного чекапа, но какъ будто-бы она была вылита изъ самаго чистаго и свѣтлаго металла. Бодрствуй же, Монтальто; помни, что самые великіе монархи за горсть славы жертвовали жизнью, и часто безъ славы падали въ крови своей; ты болѣе чѣмъ они въ правѣ дѣлать насилія своему духу и тѣлу, ибо ты обращаешь свои замыслы на тиару духовнаго владыки міра.»

Авторъ жизнеописанія Сикста V говоритъ, что это сочиненіе, написанное собственною его рукою, найдено было въ бумагахъ кардинала Кастаньи, и что внизу были подписаны послѣднимъ слѣдующія слова: «Сикстъ V, будучи еще кардиналомъ Монтальто, своею рукою написалъ сей монологъ, какъ памятную записку для своего поведенія, и имѣлъ въ обычаѣ читать ее довольно часто, особенно въ тѣ минуты, когда чувствовалъ въ себѣ волненіе какой-нибудь страсти. Онъ умѣлъ сочинить ее, умѣлъ и выполнить. Сильная побѣда надъ самимъ собою отворила ему двери Ватикана.»

Нельзя однако жъ поручиться, чтобы эта бумага бы-

ла дѣйствительно написана кардиналомъ Монтальято : рѣзкіе намски на будущее, псестественная откровенность челоувѣка съ самимъ собою, внушаютъ подозрѣнія ; но она одушевлена жаромъ души горячей , проникнута мыслию Сикстовой ; слогъ ея , испещренный фигурами, есть слогъ того времени и обличаетъ пламеннаго сочинителя многихъ проповѣдей. Во всякомъ случаѣ она замѣчательна : если авторъ ея не самъ Сикстъ V , то по крайней мѣрѣ челоувѣкъ, вполне постигшій характеръ великаго Папы и главную мысль всей его жизни , къ которой , какъ къ средоточію , примыкали все дѣла его.

Въ вѣкѣ рожденія Іезуитовъ , въ томъ вѣкѣ, когда католическое духовенство, истощивъ всевозможныя средства къ поддержанію своей власти, рѣшилось наконецъ на избраніе орудій самыхъ скрытыхъ и для своихъ цѣлей позволило все средства , — въ такомъ вѣкѣ понятно, что въ головѣ властолюбиваго монаха-генія, чувствовавшего силу мышцъ и воли, могла родиться мысль употребить самое низкое орудіе челоувѣческое, лицемеріе, для того, чтобы, взявши тиару, скрѣпить узы слабѣвшей Западной Церкви и устроить свое несчастное отечество. Въ первыхъ вѣкахъ Церкви, сыны ея, открытымъ примѣромъ истинной добродѣтели, снискивали власть и распространяли силу Вѣры; но въ XVI вѣкѣ Церкви Западной, гений, радѣвшій объ оной, только непрерывнымъ рядомъ подлыхъ униженій, личное слабости тѣлесной и умственной, могъ достигать той же цѣли. Первые поборники смряли страсти свои силою воли, преданной Богу, не имѣя въ виду ничего кромѣ спасенія души своей; кардиналъ XVI вѣка смрялъ страсти свои насиліемъ воли, преданной властолюбію, хотя и съ добрыми цѣлями. Все несчастныя стихіи духовной жизни вѣка звучатъ въ этихъ словахъ Сикста : *грѣхомъ сотворю плодъ добрый!* Здѣсь ужъ нарушено слово Еван-

гельское, — «Древо доброе творитъ плоды добрые, древо злое — плоды злыя.»

Другая мысль, связывающая подвигъ кардинала Монтальто съ его вѣкомъ, есть вѣра въ предназначеніе, въ звезду, ведущую его путями неизвѣстными къ цѣли высшей. Безъ этой мысли, что Провидѣніе само участвуетъ въ его подвигѣ, безъ этой вѣры въ себя, какъ въ чудо Божіе, кардиналъ Монтальто едва ли бы увѣчивалъ свое стремленіе такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Эти двѣ мысли, одушевляющія приведенное нами сочиненіе, дѣлаютъ его весьма примѣчательнымъ, и скрѣпляютъ дѣло Сикста печатью генія и вѣка.

Наступило наконецъ время искуса для Монтальто. Мы видели, какъ онъ призывалъ свои силы на тяжкій подвигъ, и какое орудіе избралъ для его совершенія. Но это униженіе, это лицемѣріе были плодомъ не мгновенной рѣшимости въ Монтальто: зародышъ ихъ открывается и въ прежней его жизни; иное возвышеніе невозможно было въ вѣкъ, который пародировалъ высокое слово Евангельское — «Смиряйся вознесетъся.» Увидѣвъ себя въ возможности падеть тиару, Монтальто рѣшился наконецъ собрать свои силы и подавить въ себѣ временнымъ пепломъ пламень души и жизни. Здѣсь мы видимъ духъ сына юга, новѣйшаго Римлянина, который способенъ цѣлыя десятилѣтія носить въ груди своей, какъ закрытый кладъ, мщеніе, злобы: такъ Монтальто носилъ въ себѣ свой высокій замыселъ.

При жизни своего покровителя, Папы Пія V, онъ не могъ вдругъ отказаться отъ дѣлъ и уединиться въ жизни тѣмъ болѣе, что, по случаю отсутствія шеманишка-кардинала, все дѣла его въ столицѣ ему были поручены. Въ это время своего управленія, онъ успѣлъ, несмотря на сопротивленіе Испаніи, утвердить во всѣхъ государствахъ католическихъ учрежденіе новыхъ цер-

ковныхъ судилищъ, которыя завистли бы непосредственно отъ Папскихъ пунціевъ, и издать буллу, которою запрещалось всѣмъ Государямъ католическимъ брать какую бы то ни было подать съ духовныхъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Въ этихъ двухъ дѣйствіяхъ кардинала виденъ его монашескій духъ, всегда горячо заботившійся о власти и выгодахъ святителей.

Лишь только кардиналъ — племянникъ возвратился въ Римъ, Монтальто немедленно сдалъ ему все дѣла, и началъ приступать къ исполненію своего замысла. Онъ видѣлъ далеко, и зналъ, что прежде всего надлежало ему примириться съ врагами, особенно политическими, которыхъ пажилъ ему горячій его характеръ. Такая всеобщая мировая была первымъ необходимымъ условіемъ для искателя тиары. Булла противъ податей съ духовныхъ возбудила во всѣхъ посланникахъ досаду на Монтальто, какъ главнаго ея виновника. Онъ оправдался передъ ними своею къ нимъ покорностью. Опаснѣйшіе враги его были въ Венеціи: исправляя тамъ должность инквизитора со всею ревностію пылкаго монаха, чуждаго свѣтской утонченности, Монтальто вооружилъ противъ себя весь Сенатъ и даже духовенство. Онъ опять пріобрѣлъ ихъ благосклонность искусною лестію.

Въ 1572 году умеръ Пій V. Смерть Папы благоприятствовала его намѣренію — устранившись отъ дѣлъ, потому что признательность къ своему благодѣтелю, Пію, требовала отъ него дѣятельности. Кардиналы вошли въ конклавъ; партіи раздѣлились; начались интриги: одного Монтальто не было слышно. Притворясь, что ничего не видитъ и не знаетъ, онъ выходилъ изъ своей кельи только къ обѣднѣ; избѣгалъ всякой партіи, чтобы показаться самымъ безпристрастнымъ, и увѣрялъ всѣхъ, что желалъ бы имѣть столько голосовъ, сколько кардиналовъ въ конклавѣ.

На этотъ разъ въ Римъ не долго ждали Папы: избранъ кардиналъ Буонкомпанье, известный своимъ кроткимъ характеромъ.

Тогда Римъ огласился вѣстью о кровавой ночи Св. Варфоломея. Скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, напаясь въ Римъ люди, которые называли эту ночь дѣломъ святымъ и праведнымъ; но мягкосердечный Папа, къ его славы, не радъ былъ новости. Онъ спрашивалъ мнѣнія у кардиналовъ и между-прочимъ у Монтальято, который, зная кротость Григорія, такъ отвѣчалъ ему: «Конечно, должно желать, чтобы католическая религія очищена была отъ ересей, которыя ее одолеваютъ; но средства къ тому должны быть законныя и человѣческія. Не убій! — начертано было на скрижаляхъ законовъ, въ то самое время, когда между Іудеями были, вѣроятно, многіе святотатцы и идолопоклонники. Что скажутъ теперь сами еретики, услышавъ насъ поющихъ слова Христовы: «Не хочу смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему?» Я думаю, что празднества и освѣщенія теперь вовсе намъ не приличны, и тѣмъ болѣе, что такое убійство совершенно противно кроткой душѣ вашего святѣйшества: да и слѣдуетъ ли Церкви Христовой радоваться пролитію какой бы то ни было крови человѣческой?»—Отвѣтъ, сочиненный въ духъ новаго Папы, ему понравился.

Удаляясь отъ дѣлъ политическихъ, Монтальято предавался болѣе занятіямъ ученымъ. Онъ искалъ уединенія; купилъ себѣ небольшую *vigna*, виноградный садъ, около Санта-Марія-Маджіоре; поселился въ ней скромно; началъ умножать свою библіотеку, несмотря на скудные доходы; получалъ въ подарокъ книги отъ кардиналовъ; привелъ къ окончанію и напечаталъ давно имъ начатое сочиненіе «Отрудахъ Св. Амвросія». Желая поддерживать милость къ себѣ Папы, онъ посвятилъ ему свое изданіе.

Однако, несмотря на униженіе передъ нимъ и его племянникомъ, кардиналомъ Буонкомпаньо, Монтальто не правился Григорію XIII. Этому находятъ двѣ причины: Монтальто былъ созданіемъ Пія V, который не любилъ Григорія въ кардиналахъ; Григорій, будучи легатомъ въ Испаніи, зналъ горячій его характеръ, и видѣлъ въ настоящемъ его поведеніи одно притворство, такъ какъ и многіе изъ кардиналовъ. Подъ предлогомъ уменьшенія расходовъ государственныхъ, Пиа лишилъ Монтальто даже той пенсін, которая Піемъ V была ему назначена, какъ бѣдному кардиналу. Но Монтальто, умѣривъ свои расходы, не обнаружилъ ни какого неудовольствія, и увѣрялъ кардинала-племянника, что онъ, видя въ его святѣйшествѣ такую ревность къ обогащенію Церкви, не только съ радостью отказывается отъ милостыни, ему назначенной, но радъ бы отдать свое послѣднее въ руки столь благонамѣреннаго пастыря.

Монтальто имѣлъ сестру, Камиллу, и брата, Антонію, которые съ своими семьями жили вдали отъ Рима. Антонію, услышавъ, что братъ его сдѣланъ кардиналомъ, обрадовался и отправился въ Римъ, въ надеждѣ, что братъ поможетъ ему, бѣдной семьѣ его, и возьметъ къ себѣ его сына, чтобы, по обычаю вѣка, приготовить себѣ будущаго кардинала-племянника. Сестра написала письмо къ свѣтлѣйшему и любезному брату, просила денегъ, сама просилась въ Римъ, хотя въ прачки къ его свѣлости. Но всѣ надежды ихъ были напрасны: Антонію воротился съ 60 піастрами въ карманѣ, не болѣе; сестра получила столько же и отвѣтъ на письмо, въ которомъ братъ объяснялъ ей, что онъ пожалованъ въ кардиналы съ тѣмъ, чтобы пещись не о родныхъ своихъ, а о Церкви Божіей; что онъ живетъ какъ монахъ, вдали отъ свѣта; что онъ отказался отъ всѣхъ узъ крови, отъ всякой земной страсти.

Въ народѣ пошла молва: вотъ кардиналъ достѣйный!

онъ не такъ какъ другіе; не обогащаетъ родни своей на счетъ народа! — Монтальто достигалъ своей цѣли, а бѣдный Антоніо, лишившись всѣхъ надеждъ своихъ, умеръ съ горя. Настоятель монастыря Святыхъ Апостоловъ, отъ имени генерала, явился къ кардиналу Монтальто съ угодливымъ предложеніемъ отслужить великолѣпную панихиду за упокой души его брата. Монтальто отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ предложенія генерала; что родные для него давно уже мертвы, какъ и онъ для нихъ; что за простую обѣдню о душѣ его брата онъ будетъ монастырю благодаренъ, а пышная панихида крестьянину не прилична.

Изъ жалости ли къ покойному брату и бѣднымъ сиротамъ его, или желая имѣть при себѣ близкаго родственника, который сообщалъ бы ему городскіе слухи, кардиналъ рѣшился взять къ себѣ въ Римъ старшаго своего племянника. Ктому жъ, протоіерей того мѣстечка, гдѣ жили его родные, черезъ котораго кардиналъ помогалъ имъ, хвалилъ ему живыя способности семнадцатилѣтняго юноши, и усилъ въ наукахъ. Монтальто помѣстилъ его у себя въ домѣ, и посылалъ въ школу къ Іезуитамъ. Племянникъ былъ характеромъ, вѣроятно, въ своего дядю: скоро поссорился съ товарищами, и послѣ сильной распри, ночью былъ убитъ и найденъ мертвымъ на улицѣ. Монтальто огорчился, но скрѣпилъ сердце. Беспорядки Рима, по мягкосердечію Папы, дошли до крайности: убить племянника кардинала — неслыханное злодѣйство! Многіе члены Коллегіума навѣстили дядю въ горь; убѣждали его просить Папу, чтобы онъ вступился и нашелъ убійцъ; самъ кардиналъ Фарнезскій, врагъ Монтальто, побуждалъ его къ отмщенію; но смиренникъ увѣрялъ, что не хочетъ мстить живымъ за мертваго родственника; что мщеніе грѣхъ передъ Богомъ; что онъ предоставляетъ все волю его святѣйшества. Виновныхъ не нашли при Григоріи XIII, потому

что не искали; но Сикстъ V умѣлъ найти и наказать ихъ.

Такъ удалялся Монтальто отъ узъ крови, отъ богатства; такъ убѣгалъ онъ почестей и дѣлъ политическихъ. Великій Магистръ Мальтійскихъ Кавалеровъ, находившійся въ Римѣ, плѣнень былъ смиреніемъ Монтальто, и говорилъ: «Смотря на него, я, кажется, вижу одного изъ первосвященниковъ первоначальной Церкви.» Монтальто торжествовалъ изъ-за своей маскы.

Нѣсколько разъ Папа приглашалъ его засѣдать въ конгрегаціяхъ кардиналовъ; но онъ отказывался, сначала незнаніемъ дѣлъ, потомъ слабостью и болѣзнями; говорилъ, что его занятіе — книги богословскія, а не политика, не война, не свѣтъ. Папа сначала досадовалъ, подозрѣвалъ притворство, замыслы на будущій конклавъ; однако призывалъ его иногда на совѣтъ: Монтальто отдѣлывался общими мѣстами, и убѣдилъ наконецъ Пана въ своей неспособности къ дѣламъ. Перестали приглашать его на совѣщанія, и поручали ему одинъ дѣла ученія.

Однимъ изъ такихъ ученыхъ порученій для Монтальто былъ пріемъ Русскаго посланника въ Римѣ. Царь Иванъ Васильевичъ, въ 1580 году, отправилъ посла, Истому Шевригина, къ Пану съ просьбою о томъ, чтобы онъ взялся быть примирителемъ между нимъ и Стефаномъ Польскимъ. Это былъ наружный предлогъ посольства: тайный предметъ его состоялъ въ томъ, чтобы подвинуть Пана противъ Султана, который угрожалъ войною Россіи. Царь считалъ Пана душою всего Европейскаго союза противъ Турокъ, и тѣмъ отвратить отъ себя Оттоманскую тучу. Но Европа утомлена была борьбою; Венеціанцы покоились; Филиппъ также заключилъ примиреніе съ Портою, — и посольство Царское не имѣло успѣха.

Однако, посланникъ былъ принятъ великолѣпно. Приготовляясь къ первой аудіенціи, Русскій не соглашался поцѣловать туфлю Папы, какъ ни увѣряли его, что сами Императоры не могутъ имѣть аудіенціи у его святѣйшества безъ совершенія этого обряда. Вѣрный посольство отправилъ гонца въ Россію просить разрѣшенія на то у своего Государя. Монтальто поручено было убѣдить посла къ согласію на обрядъ, потому что разговоръ съ посольствомъ происходилъ по-Латини, а Монтальто, какъ ученѣйшій изъ кардиналовъ, лучше всѣхъ выражался на этомъ языкѣ. Кресторѣчіе смиреннаго кардинала скоро подѣйствовало, и Русскій посольство согласился коснуться устами Папской туфли.

Монтальто же поручено было возить Русскаго гостя по Риму, показывать ему всѣ рѣдкости древней столицы. Кардиналъ-монахъ послѣ бороду: такой чичероне былъ подъ руку Русскому XVI вѣка. Сѣверные гости возбуждали живое любопытство въ жителяхъ юга. Римляне съ удивленіемъ смотрѣли, какъ Москвиты подливаютъ водки въ самыя лучшія виноградныя вина. Охотно ѣздили наши соотечественники въ церкви смотрѣть церемоніи католическія; но лишь только замѣчали собаку въ храмъ, тотчасъ выходили. Вельно было заботливо выгонять собакъ изъ церквей, особенно когда ожидали Русскаго посланника. Жители Рима, привыкшіе видѣть собакъ въ самыхъ пышныхъ церемоніяхъ папскихъ, въ храмъ Св. Петра, удивлялись этому отвращенію нашихъ соотечественниковъ, въ которомъ Русскіе XIX вѣка вѣрно сходятся съ Русскими XVI.

Московскій посольство, передъ отъѣздомъ, отдалъ благодарственные визиты всѣмъ кардиналамъ. Какъ удивился онъ, когда, послѣ царскихъ чертоговъ прочей братіи священнаго Коллегіума, пріѣхалъ въ скромный домикъ своего кардинала-чичероне, убранный весь-

ма проето! Въ простую душу Руескаго, вѣроятно, и не запала мысль, что все это смиреніе была одна лична, и что это бѣдное жилище векорѣ должно было превратиться въ великолѣпные чертоги.

Долго разсуждали у Папы передъ отъездомъ нашего посла, отправлять ли въ Моекву нунція. Многіе кардиналы подали мнѣнія противъ этого; Монтальто былъ спрошенъ послѣдній, и отвѣчалъ: «Когда посылали нунція къ еретической королеви Елисаветѣ, гонительницѣ Церкви, отчего не поелать къ Государю, покровительствующему у себя католиковъ?» И Антоній Посевинъ былъ отправленъ, согласно мнѣнію Сикста V, еще кардинала.

Второе ученое дѣло, гдѣ Монтальто принималъ большое участіе, было измѣненіе календаря. Еще во время посольства въ Испанію, онъ говорилъ съ Григоріемъ о необходимости его исправить. Наконецъ, въ 1582 году, медикъ Антоній Лилій, по совету Монтальто, представилъ Папѣ трудъ брата своего, Алонзія Лилія, — книгу, содержащую планъ новаго календаря. Разсмотрѣніе ея поручено было ученому кардиналу, который, давно имѣвши тотъ же планъ въ виду, изъявилъ полное одобреніе. Немедленно собрали консисторія, рѣшили дѣло, отправили копии новаго календаря ко всемъ Государямъ Христіанскимъ, во все знаменитыя школы и академіи Европы; получили согласіе. Отличныя ученые приглашены были въ Римъ на совѣтъ; главное предсѣдательство его поручено Монтальто. Въ скромной его комнатѣ совершилось дѣло исправленія: отняли у Октября мѣсяца 1582 года 10 дней, и булла Папы, начинающаяся словами — *Inter gravissimis pastoralis officii nostri curas ea postrema non est*, возвѣстила Европѣ новый календарь, который хотя и наименованъ Григоріанскимъ, но по всемъ правамъ долженъ бы носить имя Монтальто.

1582-й и 3-й годы были тяжелы для Рима. Не родилось ни хлѣба, ни винограду, ни какихъ плодовъ: народъ мучился голодомъ. Но главная вина бѣдствія лежала на родственникахъ Папы. Въ Тосканѣ былъ голодъ передъ этимъ, — и хлѣбъ во Флоренціи вздорожалъ. Родственники Папы послали туда не только весь хлѣбъ изъ городскихъ магазиновъ, но еще, запретивъ вывозъ хлѣба частнымъ людямъ, скупили его, продали во Флоренцію, и обогатили самихъ себя. Народъ ронталъ и мучился. Пастра было мало въ день, чтобы прокормиться человѣку. Монтальто самъ, съ своимъ скуднымъ доходомъ, съ шестью человѣками въ домъ, находился въ крайности. Онъ прибѣгнулъ къ кардиналу Коломбѣ, своему другу, который оказалъ ему помощь. Коломба не вытерпѣлъ, отправился къ племяннику Папы, жаловался ему, что неприлично оставлять кардинала въ такомъ крайнемъ положеніи; но Буонкомпаньо былъ глухъ къ увѣщаніямъ, не доставало денегъ на народныя нужды. Монтальто, въ своемъ бѣдствіи, рѣшился прибѣгнуть къ вице-рою Неаполитанскому, который благоволилъ къ нему еще въ Испаніи; онъ спрашивалъ на то разрѣшенія у кардинала — племянника: «Просите милостиши, если вамъ это правится,» отвѣчалъ ему послѣдній. Монтальто перенесъ обидное слово, и вскорѣ получилъ такое пособіе изъ Неаполя, что не только прокормилъ домъ свой, но и щедро помогалъ бѣднымъ. Тогда-то особенно народныя сердца обратились къ нему; вездѣ слышно было: Вотъ кардиналъ примѣрный! самъ живетъ милостьюшею, и дастъ милостьюшею народу; а отъ другихъ, которые сыты имуществомъ Церкви, только и слышно: идите въ богадельню! — Пріятны были эти слова Монтальто; онъ продалъ свое серебро, и раздавалъ деньги бѣднымъ; ходилъ въ церкви исповѣдывать народъ, утѣшая его во время всеобщаго бѣдствія, и казался ему ангеломъ-спасителемъ.

Къ народному бѣдствію присоединилось еще междоусобіе васалловъ Орсини и Папскихъ сбирровъ. Улицы Рима обагрятся кровію. Чтобы нѣсколько утѣшить народъ, терзаемый голодомъ и страхомъ, Папа сдѣлалъ девятнадцать новыхъ кардиналовъ. Уже въ теченіе трехъ лѣтъ, Монтальто притворялся слабыющимъ и дряхлымъ. Начались поздравленія новозбраннымъ. Монтальто зналъ, что они предпочитаютъ особенно дряхлыхъ товарищей, которые своею непрочностью обезпечиваютъ имъ скорѣйшій путь къ престолу. Онъ поехалъ къ новымъ кардиналамъ съ тою цѣлю, чтобы показать свою ветхость и ею привлечь ихъ голоса въ свою пользу, въ будущемъ конклавѣ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ занятъ былъ визитами, извиняясь въ медленности слабостію спя, уже непослушныхъ его доброй волѣ.

Новую маску недужнаго Монтальто довелъ до совершенства. Она увѣнчала его подвигомъ. Первоначальное его притворство, личина смиренія, удаленіе отъ дѣлъ и всего земнаго, тотчасъ были подмѣчены кардиналами, особенно тѣми, которые прежде знали его пылкій характеръ. «А! Монтальто задумалъ въ Папы,» говорили все въ одинъ голосъ. «Монтальто притворяется.» Но съ людьми нужно постоянство: только этимъ орудіемъ можно завоевать ихъ вѣру. Монтальто все шелъ своею дорогой. Пятнадцатилѣтняя постоянная личина, выдержанная сильнымъ характеромъ генія, задумавшаго великія дѣла, кому бы наконецъ не показалась лицомъ истиннымъ? И Папа, и кардиналы, и Римскій народъ невольно были очарованы желѣзнымъ самонасмѣемъ души великой, крѣпкой души древняго Римлянина въ тѣлѣ монаха, современнаго Лоюля. Но заключительную маску болѣзни и дряхлости Монтальто надѣлъ тогда уже, когда все вѣрши въ истину его притворной жизни. Мало-помалу, онъ прибавилъ къ годамъ своимъ еще семь

лѣтъ, а ровесниковъ, которые прежде сочлнсь съ нимъ годами и знали его возрастъ, увѣрялъ, что человеку большому десять лѣтъ идутъ за двадцать. Съ трудомъ взбирался по отлогимъ лѣстницамъ Ватикана, когда прїѣзжалъ на конгрегаціи; опирался на двухъ плотныхъ слугъ, кашлялъ, задыхался, отдыхалъ по четверти часа, взошелъ на лѣстницу; всекардиналы между тѣмъ его обгоняли, и онъ, послѣдній, добирался съ посошкомъ своимъ до залы совѣта. На обѣдахъ у кардиналовъ ѣлъ какъ можно меньше; иногда падалъ въ обморокъ отъ слабости, — и когда предлагали ему лечиться, онъ говорилъ, что аптекари даютъ лекарство, а не отнимаютъ лѣтъ. Глухель, мало видѣлъ, становился глухъ. Наконецъ все эти усилія прїобрѣли титулъ «четверодневнаго Лазаря» и «осла Марки.»

Какъ торжествовалъ лицемѣръ, когда на совѣщаніяхъ въ Ватиканѣ, его товарищи, вѣря въ притворную его глухоту, при немъ самомъ, называли его — *asino della Marca!* Этого сана, послѣ кардинальской шапки, всего болѣе искалъ Монтальто. «Вы называете меня осломъ: скоро назовете Паною!» думалъ онъ внутренно.

Но этотъ поглупѣвшій, полуслѣпой и оглохшій старикъ болѣе видѣлъ и слышалъ, чѣмъ все члены священнаго Коллегіума вмѣстѣ. Готовясь къ управленію государствомъ, не на болтливыхъ совѣщаніяхъ кардинальскихъ узнавалъ онъ жизнь Рима, состояніе народа, злоупотребленія власти. У него были на то другія средства.

Слабость Григорія XIII и корыстолюбіе его родственниковъ превратили столицу Папъ въ вертепъ бѣдности, разбоя, неправды и всехъ пороковъ. Монтальто имѣлъ у себя двухъ вѣрныхъ приверженцевъ изъ духовнаго званія, которые доносили ему все, что ни дѣлалось въ городѣ. Съ тою же цѣлію, какъ думаютъ, вызвалъ онъ къ себѣ и племян-

ника, который такъ несчастно кончилъ жизнь свою. Сверхъ того, Монтальто имѣлъ еще два своихъ собственныхъ средства. Первымъ было незамѣтное окошко въ его комнату самаго нижняго этажа, выходившей на улицу. Здѣсь запершись, онъ подслушивалъ все, что говорили между собою прохожіе, и замѣчательное вносилъ въ свою памятную книжку. Но главное, самое сильное, самое вѣрное, самое ужасное средство было его собственное ухо и право исповѣди. Во время святаго 1575 года, или юбилея, когда Римъ и вся католическая Европа очищала грѣхи свои за цѣлое двадцатипяти-лѣтіе великими постами, въ тяжкія времена голода и другихъ бѣдствій народныхъ, когда выставлялось въ храмахъ Святое Причастіе, Монтальто ходилъ изъ церкви въ церковь, и исповѣдывалъ народъ. Наружно-святая, постная жизнь его, кротость характера, щедрость къ бѣднымъ, снисхожденіе къ слабостямъ человеческимъ, простое, утѣшительное краснорѣчіе пріобрѣтали ему сердца народа и множество кающихся. Смирненно затворяясь въ шкафъ исповѣдника, онъ выставлялъ свое ухо въ отверстіе, и, для своихъ скрытыхъ цѣлей, ловилъ минуты покаянія въ развращенномъ народѣ Рима. Здѣсь набожное преступленіе юга, въ свои чистыя минуты, повѣряло ему кровавыя тайны. Убійца, разбойникъ, воръ, корыстный судья, покрывавшій ихъ злодѣйства, грѣшная дѣва, злоупотребители власти, — слагали у него тяжкое бремя грѣховъ. Здѣсь обличалась передъ нимъ вся жизнь Рима, все интриги ея, злодѣянія, развратъ, все тайныя мысли города. Народъ, простодушный и въ порокахъ, приносилъ всю свою совѣсть, всю печальность свою; но не зналъ того, что все, что только ни входило въ это ухо, печаталось въ головѣ будущаго Папы, строгаго казнителя виновныхъ. Пятнадцать лѣтъ такой исповѣди должны были обогатить памятные записки кардинала, готовившагося въ первосвя-

тителн, и доставить ему даръ того обвинительнаго вѣспанія, которое явилось некимъ чудомъ для народовъ.

Въ великій постъ 1585 года, Монтальто, проживши восемь дней въ монастырѣ Святыхъ Апостоловъ, отдыхалъ въ своемъ виноградномъ саду отъ трудовъ поста и невовѣдн народной. Внезапно приглашаютъ его къ умирающему Папѣ. Онъ отправился въ Ватиканъ; но еще на дорогѣ печальный звукъ Капитолійскаго колокола возвестилъ ему кончину Григорія XIII. Кардиналъ, съ нимъ ѣхавшій, звалъ его въ Ватиканъ посмотреть хотя на мертваго Папу; но Монтальто отвѣчалъ: «Пѣть! я лучше пойду домой думать о себѣ: какъ бы и мнѣ скоро не пришлось за нимъ слѣдовать!»

Мертвый Папа, въ домашней своей одеждѣ, былъ выставленъ для народа, въ часовнѣ Ватикана. Народъ толпился вокругъ него, съ чувствомъ одного любопытства. Не страшень былъ ему и живой владыка; но увидѣвъ его мертваго, онъ советемъ предался порыву своей вольности. Въ Римѣ гнѣздились разбойники; ни собственность гражданъ, ни даже невпущность дѣвъ не были обезпечены; судьи граблян вмѣстѣ съ ворами; всеобщій развратъ проникалъ и въ стѣны монастырей; не проходило ночи безъ убійствъ, безъ похищеній; самые дворцы кардиналовъ не спасались отъ грабежа. Однимъ словомъ, народъ, избалованный слабостію Папы, праздновалъ въ полной мѣрѣ шабашъ порядка и власти. Кардиналы сходились на безплодную конгрегаціи; пѣли обѣдни за унокой скончавшагося; въ храмъ Св. Петра выставили тѣло въ полномъ облаченіи папскомъ, и народъ приходилъ въ послѣдній разъ лобызать его туфлю; наконецъ заколотили гробъ. Между-тѣмъ, давно уже изъ всехъ заставъ Рима, скакали курьеры возвычать Дворамъ о смерти первосвященника, и собирать кардиналовъ для новаго конклава.

Въ теченіе десяти дней, пока совершались похороны Григорія XIII, многіе отсутствовавшіе кардиналы въѣхали въ Римъ. Интриги начались еще до конклава. Начальники партій вооружились. По улицамъ часто видны были раззолоченныя кареты, и въ нихъ лица кардиналовъ: каждый изъ нихъ спѣшилъ пристать къ своей партіи. Всѣхъ сильнѣе былъ кардиналъ Фарнезскій; всѣхъ слабѣе Монтальто. Первый питалъ сначала вражду, потомъ презрѣніе къ послѣднему. Его сила основывалась на славѣ племянника, Александра Фарнезе, правителя Фландріи, знаменитаго полководца, склонившаго бурную свободу Голландцевъ подъ иго Филиппа. Кардиналъ Фарнезскій своею рукою посадилъ уже пять Папъ на престолъ: онъ хотѣлъ посадить и шестаго, но неудача произошла отъ того, что этимъ шестымъ хотѣлъ онъ быть самъ.

Папъ минно-семидесятилѣтній герой, съ своимъ носикомъ, прикашливая и задыхаясь болѣе нежели когда-нибудь, сдѣлалъ визиты всѣмъ кардиналамъ; но у Фарнезскаго былъ два раза, въ послѣдній разъ наканунѣ самаго вступленія въ конклавъ, чтобы постояннымъ униженіемъ привлечь его нѣсколько на свою сторону. Монтальто приносилъ ему поздравленія съ побѣдами его племянника во Фландріи и выражалъ свое уваженіе къ высокимъ заслугамъ свѣтлѣйшей фамиліи Фарнезе. «Монсеньоре! отвѣчалъ ему Фарнезскій: время думать о папствѣ, не о комплиментахъ.»—Да! сказалъ Монтальто: Церковь Божія и святой престолъ имѣютъ нужду въ доблести вашего племянника, въ достоинствахъ и опытности вашей свѣтлости. «Не все сказали что думаете,» возразилъ Фарнезскій. Въ другой разъ, Монтальто, относясь къ нему, какъ къ декану, говорилъ, что онъ, по болѣзни своей не вошелъ бы въ конклавъ, потому что не надѣется дожить до избранія, но входитъ только съ тою цѣлю, чтобы дать голосъ въ пользу его свѣтлости.

Испанскій посоль, графъ Оливаресъ, стараясь наклонить избраніе въ пользу видовъ своего Двора и желая пріобрѣсти многихъ кардиналовъ, привезъ рекомендательное письмо къ Монтальто отъ Неаполитанскаго вице-роя, и склонялъ его дѣйствовать въ пользу Испаніи; но слыша отъ него только кашель и жалобы на болѣзни, оставилъ его скоро, и сожалѣлъ, что потерялъ время въ разговоръ съ кардиналомъ-трупомъ.»

Кардиналъ Ипполитъ д'Эсте, славный стронтель великолѣпной виллы въ Тиволи, въ отсутствіе Французскаго посла дѣйствовавшій за пользы Франціи, узнавши о томъ, что Испанскій посоль былъ у Монтальто, самъ поѣхалъ къ нему, хотя нарушалъ тѣмъ обычай своей гордости. После обыкновенныхъ разговоровъ о педугахъ Монтальто, онъ сказалъ ему: «Скажите по правдѣ: если бѣ представился случай сделать васъ Папою, такъ какъ бываетъ иногда, что Папу избираютъ какъ можно, а не какъ хочется, — не отказались бы вы отъ тиары?» — Съ тою же откровенностію, съ какою вы мнѣ говорите, отвѣчалъ Монтальто, и я вамъ скажу, что думаю. Я въ Папахъ былъ бы то же, что старикъ въ мужьяхъ: воля есть, да силы плохи. Если бѣ и достало у меня рвенія, — гдѣ здоровье, гдѣ способности? А кто согласится взять на себя бремя служить опорой падающему? — «О, за этимъ дѣло не станетъ!» возразилъ д'Эсте. «Но все нѣмѣютъ-ли вашу ревность, вашъ разумъ въ управленіи?» — Все это дары неба, которые невсякому даются, прибавилъ Монтальто.

Конклавъ былъ изготовленъ. Дворецкіе кардиналовъ разобрали по жеребью комнаты для господъ своихъ. Замѣчательно, что комната, доставшаяся Монтальто, находилась между комнатами кардинала Фарнезскаго, вице-канцлера Церкви, и камерлинга, — двухъ главныхъ сановниковъ при Папѣ. Все сочли

это за доброе предвѣщаніе, — и многіе изъ челяди конклава уже поздравляли Монтальто съ избраніемъ.

11 Апрѣля 1585 года, въ первый день Пасхи, каждый изъ кардиналовъ-священниковъ отслужилъ у себя раннюю обѣдню. Потомъ всеотправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ съ пышнымъ хоромъ и музыкою, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужена обычная обѣдня, въ которой призывается сошествіе Святаго Духа на кардиналовъ. Во время Евангелія, прочтена торжественно молитва *De summo pontifice eligendo*. По окончаніи обѣдни, все кардиналы процессію вошли въ конклавъ.

Я видѣлъ нынѣ царствующаго Григорія XVI, когда онъ въ первый разъ явился народу на балконъ Квиринальскаго дворца. Я очень помню слово старушки, которая стояла возлѣ меня. Выпятивъ голову, вытаращивъ глаза на новаго Папу, она закричала: *Ah! come è giovane!* «Ахъ! какъ онъ молодъ! Сколько лѣтъ ему?» — Только шестьдесятъ два года, отвѣчалъ ей кто-то. Народъ Римскій такъ привыкъ видѣть на тронѣ дряхлыхъ государей, что съдовласый старецъ шестидесяти двухъ лѣтъ показался молодъ моему сосѣдкѣ.

Дворецъ Квиринальскій не былъ еще тогда построенъ, и конклавъ учреждался во дворцѣ Ватиканскомъ. Всякой шелъ съ надеждою и страхомъ, съ замысломъ тайнымъ выйти главою Церкви, повелителемъ народа. Вслѣдъ за своими товарищами, вѣроятно послѣдній, вѣроятно съ тѣмъ же кашлемъ и одышкой, опираясь на свой посошокъ и на слугъ, втащился и Монтальто въ чертоги Ватикана.

Кардиналовъ было тридцать девять. Но въ самый день вступленія подоспѣли въ Римъ двое, Австрійскій и Мадруччи. Пріѣхавшій впоследствии Верчелли дополнилъ число сорока двухъ, которое было необходимо для полноты конклава и для прочности избранія. Всѣмъ кардиналамъ прочтены были двѣ буллы «О со-

храненіи имущества Церкви» и одна «Противъ симоніи при избраніи Папы.»

Каждый, по вступленіи, дасть клятву, какъ требовалъ сего обычай, въ случаѣ избранія его въ Папы, пенарушимо соблюдать слѣдующія условія: хранить всеобщій миръ въ Христіанствѣ, а войну вести только съ Турками и еретиками; не переносить Папской столицы изъ Рима; требовать строгаго отчета отъ саповниковъ государства; назначать кардиналовъ по достоинству, и не назначать двухъ братьевъ; сохранять въ цѣлости достояніе Церкви; безъ совѣта священнаго Коллегіума не предпринимать войны и не судить его членовъ.

Сорокъ два кардинала раздѣлились на пять партій, которыхъ начальники были: Фарнезскій, сильнѣйшій, племянникъ Папы Павла III и его созданіе; д'Эсте, гордый и богатый; Александрійскій, или Бонелло, племянникъ Пія V, покровитель Монтальято; Альтамъ, глава креатуръ Пія IV, и Буонкомпаньо, или Сапъ-Систо, племянникъ покойнаго Папы, имѣвшій самую многочисленную партію, потому что всѣ кардиналы Григорія XIII были имъ созданы. По этой-то причинѣ Фарнезскій старался привлечь его на свою сторону. Четырнадцать кардиналовъ были на примѣть у избирателей: Фарнезскій, который, какъ сказано, самъ хотѣлъ быть Папою, и Савелло, оба кардиналы Павла III Фарнезе; Прѣсперо Санта-Кроче Римлянинъ; Паллотто, Сан-Джорджіо и Сирлетто, кардиналы Пія IV; Монтальято, Чезисъ, Альбанъ и Сапъ-Северино, кардиналы Пія V; Факкието, Торресъ, Молдови и Кастанья, кардиналы Григорія XIII. Не всѣ однако допущены были къ избранію.

Первые предлагаемые на избраніе бывають всегда жертвами перваго жара партій; Альтамъ, Медичи и Александрійскій хотѣли хитростью провозгласить Че-

экса; но Санъ-Систо, одинъ изъ противниковъ, узналъ объ умыслѣ, и дѣло разстроилось.

На другой день Фарнезскій, въ качествѣ декана, отслужилъ объдно въ часовнѣ Павла III, и причастилъ кардиналовъ. Последовала балотировка: Альбано собралъ большее число голосовъ въ свою пользу.

Альтамъ, Медичи и креатуры Пія IV начали потомъ умышлять въ пользу Сирлето; но Фарнезскій, д'Эсте и Сфорца сильно противустали, особенно первый. Ктому жь, Сирлето былъ другомъ кардинала Комо, который имѣлъ многихъ враговъ въ Коллегіумъ. Альтамъ слишкомъ поторопился своимъ предложеніемъ: иные даже думаютъ, что эта торопливость была умышленная; что онъ, не желая избранія Сирлето, принесъ его въ жертву, а втайнѣ благоволилъ другому.

Санъ-Систо началъ дѣйствовать въ пользу Кастаньи; но это былъ кардиналъ Григорія XIII, еще новъ и молодъ, и потому всѣ старые воспротивились.

Медичи сталъ предлагать Савелло. Враги послѣдняго, Колонна и Чезисъ, сказали Медичи: «Если такъ, мы примемся за Фарнезскаго,» — котораго Медичи боялся. Савелло былъ не любимъ за гордость. Ему не помогли ни заслуги въ должности верховнаго инквизитора и викарія Папы, ни притворныя болѣзни: видно, не одинъ Монтальто имѣлъ ихъ. Но главнымъ препятствіемъ было множество незаконныхъ его дѣтей. Колонна угрожалъ новымъ Александромъ VI въ лицѣ Савелло, правленіемъ бастардовъ, въ соблазнъ правовѣрныхъ, во славу еретиковъ. Наконецъ Савелло былъ Римлянинъ, а Колонна и Чезисъ также Римляне.

Принялись за Торреса. Онъ былъ въ отсутствіи; его ожидали Фарнезскій и Санъ-Систо. Кардиналы имѣютъ обычай всѣ вмѣстѣ встречать вновь пріѣзжающаго товарища: хотѣли воспользоваться этимъ слу-

чаемъ, и при вхождѣировозгласить его. Прочіе не отказались бы потому отъ поклоненія. Медичи сильно воспротивились этому умыслу : онъ зналъ, что при Торресѣ Фарнезскій будетъ править Ватиканомъ, а какъ Торресъ былъ старъ, то могъ пережить его и, надѣлавъ при немъ своихъ кардиналовъ, увеличить свою партію и получить тиару.

Въ это время противники Фарнезскаго принялись за Монтальто. Два начальника партій ему благоволили,—Александрійскій, его прежній покровитель, и д'Эсте. Но первый, кто началъ дѣйствовать въ его пользу, былъ кардиналъ Рустикуччи, землякъ и другъ Монтальто, помогавшій ему еще при Пин V получить шляпу кардинала. Горячій и честолюбивый Рустикуччи имѣлъ въ виду управленіе государствомъ, если успѣетъ въ избраніи. Онъ зналъ, что Александрійскій благоволитъ Монтальто; но, не имѣя твердости характера, не смѣетъ приступить къ дѣйствіямъ. Рустикуччи открылъ ему свои мысли, и тотъ былъ радъ, что нашелъ себѣ дѣятельнаго товарища. Оба, устроивъ свой замыселъ, повѣрили дѣло Эсту, который любилъ Рустикуччи: д'Эсте, и прежде не чуждавшійся Монтальто, согласился, а д'Эсте представлялъ мнѣніе Франціи, и имѣлъ большую партію. Всѣ трое дали слово другу другу дѣйствовать подъ великою тайною, какъ можно осторожнѣе, потому что всѣ они страшились Фарнезскаго, который могъ разстроить ихъ замыслы. Надо было выиграть Медичи : Александрійскій, чувствуя слабость воли, отказался отъ переговоровъ; нетерпѣливый Рустикуччи взялся за нихъ, и, напугавши Медичи угрожающимъ успѣхомъ Фарнезскаго, склонилъ его на свою сторону. Это была важная побѣда, потому что Медичи представлялъ мнѣніе Испаніи. Такимъ образомъ Франція, Испанія и четыре сильные кардинала были уже за Монтальто. Онъ, по-прежнему, казался глухъ и слѣпъ, кан-

лялъ и жаловался на недуги; четки не выходили изъ рукъ его; всегда заставляли его за молитвенникомъ; всякой день служилъ онъ обѣдню на своемъ алтарѣ. Между тѣмъ, однако не переставалъ льстить и кланяться д'Эсту, Фарнезскому, Санъ-Систу и другимъ главамъ партій. Но эту лесть расточалъ онъ имъ не въ лицо, а черезъ ихъ болтливыхъ кліентовъ.

Однажды, ночью, Монтальто тихо читалъ свой молитвенникъ. Отворилась дверь. Рустикуччи, д'Эсте и Александрійскій вкрались въ комнату, одинъ за другимъ, какъ-можно тише, чтобы не услышалъ соседъ его, Фарнезскій, и шопотомъ объявили предложеніе избрать его въ Папы. Монтальто изъяснилъ изумленіе, и тѣмъ же шопотомъ сталъ сначала отказываться отъ избранія, какъ дѣла невозможнаго, ссылаясь на свою дряхлость, болѣзни, наконецъ на недостатокъ опытности въ дѣлахъ, и заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что онъ видитъ одно только средство къ исполненію ихъ намѣренія, — избрать съ нимъ вмѣстѣ двухъ или трехъ Папъ. Кардиналы внушали ему довѣріе ко Всевышнему, который можетъ и немощному дать силы на управленіе своей Церквю. Монтальто, видя ихъ настойчивость и какъ-будто уступая краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, сказалъ: «Если вы ужъ такъ хотите, я рѣзусь принять тиару; но только съ условіемъ, чтобы вы дали мнѣ клятву вмѣстѣ со мною «управлять Церковью и государствомъ, помогать мнѣ «денно и ночью, потому что, по совѣсти говорю, одинъ «я не въ силахъ поднять этого бремени. Избравши «меня Папою, сдѣлайте самихъ себя Панами: я возьму «санъ и имя; вы же берите на себя власть и правленіе.» Многогѣтнее притворство придало такую силу этимъ словамъ, что лучшаго не надо было средства, чтобы возбудить въ четырехъ честолюбцахъ самое пламенное рвеніе. «Онъ боленъ, онъ слабъ, онъ не имѣетъ родни, онъ не знаетъ дѣлъ политики; онъ по неволѣ будетъ нашъ,» — думали они.

Утвердивъ свой планъ, заговорщики начали подыскиваться подъ партію Фарнезскаго. Распустили слухъ, что Торресъ пріѣдетъ черезъ два дни; что въ случаѣ неуспѣха въ избраніи Торреса, Фарнезскій непременно сдѣлаетъ себя Папою; что онъ умышленно медлитъ, потому ждетъ помощи отъ Франціи и Испаніи, куда послалъ курьеровъ. Партія Санъ-Систо и другіе кардиналы хотѣли Торреса, которому одно его отсутствіе помѣшало быть Папою; но Фарнезскаго не хотѣли.

Заговоръ созрѣвалъ. Главное и послѣднее препятствіе состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти Санъ-Систо и его партію, и тѣмъ разбить силу Фарнезскаго. Начали съ кліентовъ Санъ-Систо: старашими четырехъ главъ заговора пріобрѣтены были Ріаріо, Гваставилано, Синьола, Гонцага, Кастанья и другіе. Рустикуччи, — боясь слабости характера въ Александрійскомъ и вліянія искательствъ, какими Фарнезскій привлекалъ, д'Эста, — дѣйствовалъ всюду, сдерживалъ всѣхъ и былъ средоточіемъ партіи. Всѣ переговоры проходили ночью. Крѣпкій сонъ Фарнезскаго благопріятствовалъ этому. Однажды, замѣтили, какъ неосторожный Александрійскій прокрадывался, перодѣтый, по конклаву: такая неосторожность могла быть гибельна для замысла, но видно и судьба была за одно съ партіею Монтальто. Фарнезскій, хотя и зналъ о существованіи этой партіи, но никакъ не воображалъ ея сильною. Онъ все думалъ, что власть еще въ рукахъ его; медлилъ, какъ будто выжидая Торреса, но болѣе съ тою цѣлію, чтобы самому быть Папою. Это желаніе его погубило, и онъ потерялъ своего сильнаго помощника, Санъ-Систо.

Наканунѣ избранія, хитрый Ріаріо, одинъ изъ кліентовъ Санъ-Систо, привлеченный на сторону Монтальто, вошелъ къ своему патрону, и рѣшительно объявилъ ему, что Монтальто непременно будетъ Папою;

что партія его сплыла; что противиться этому значило бы приобрести врага въ будущемъ Папѣ. Вошедшій вскорѣ Гваставилано подтвердилъ слова Ріаріо. Эта внезапность испугала Санъ-Систо: потерявши духъ, изумленный, онъ въ душѣ отшатнулся отъ медлителя Фарнезскаго.

Монтальто между-тѣмъ давалъ полную волю начальникамъ своей партіи дѣйствовать, какъ имъ угодно; но только часто напоминалъ имъ о данномъ ему словѣ — разделить съ нимъ бремя правленія.

Наступило 24 Апрѣля, давно ожидаемый день избранія. Утромъ, на счастіе Монтальто, пріѣхалъ еще кардиналъ Верчелли. Всею братіею собравшись вмѣстѣ въ одной залѣ, приняли гости. Медици съ другими овладѣлъ тотчасъ его мнѣніемъ въ пользу Монтальто. Невичокъ въ конклавѣ не зналъ состоянія партій, и поддавался первому призыву. Вообще кардиналы, сколько бываютъ упрямы при началѣ конклава, столько же легко поддаются послѣ, боясь послѣдствій своего сопротивленія. Вошли въ часовню, отслужили обѣдню. Деканъ велѣлъ прочесть буллы новопріѣзжему, а потомъ слѣдовало приступить къ балотированію. Между-тѣмъ какъ читалась первая булла, д'Эсте подальзнакъ Александрійскому, который, обернувшись къ скамьѣ какъ-будто для написанія билета, ловко вызвалъ Санъ-Систо, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ часовни. Въ прилежащей залѣ онъ открылъ ему, что Монтальто будетъ избранъ, и что избиратели изъ уваженія къ нему предупреждаютъ его объ этомъ. Санъ-Систо, приготовленный наканунѣ Ріаріемъ, совершенно былъ пойманъ и далъ свое согласіе. Кардиналы Санъ-Систа, также знавшіе дѣло, вскорѣ вышли за нимъ и получили приказаніе избирать Монтальто. Фарнезскій замѣтилъ все эти движенія: увѣренность въ Санъ-Систо и личная гордость мѣшали ему прервать чтеніе буллъ, и вступиться въ

дѣлю. Тогда, какъ Санъ-Систо поручалъ своимъ кардиналамъ избраніе Монтальто, Александрійскій вошелъ въ часовню, подѣлъ къ Фарнезскому, объявилъ ему Папу, и поразилъ его изумленіемъ. Фарнезскій, до тѣхъ поръ вѣрившій въ свою силу, внезапно смутился, не зная что дѣлать, и въ перъшности проигралъ битву. Можеть-быть, внутренно онъ утѣшался старостию и болѣзнями Монтальто.

Санъ-Систо вошелъ въ часовню съ толпою кардиналовъ. Предложили балотированіе; но Санъ-Систо, не вытерпѣвъ и желая показать новому Папѣ свое усердіе, всталъ съ мѣста, далъ знакъ Александрійскому, и они вмѣстѣ съ толпою кардиналовъ, устремились къ Монтальто, закричали: — Вотъ Папа! — кланялись ему и обнимали его.

Что происходило въ то время въ душѣ Монтальто? Замысль, замершій въ сердцѣ, сбывался въ очахъ его. Эта далекая цѣль, для которой онъ столько принесъ въ жертву, была почти въ его рукахъ. Какой огонь долженъ былъ разгораться въ немъ изъ-подъ кучи пепла, подъ которымъ такъ заботливо хоронилъ онъ его на самомъ днѣ глубокой души!...

Фарнезскій собрался съ духомъ, и, по праву декапа, остановилъ стремленіе кардиналовъ: основываясь на буллѣ подтверждать голосами избраніе «по вдохновенію,» онъ предложилъ балотированіе. Тогда, въ первый разъ блеснула искра нетерпѣнія въ неслышномъ до сихъ поръ герое конклава. Онъ стоялъ близъ Санъ-Систо, наклонился къ нему науху и сказалъ: «Требуйте, чтобы балотированіе было не въ противность провозглашенію!» Это движеніе, хотя и показалось страннымъ для Санъ-Систо, но вдругъ онъ не могъ понять его; и когда декапъ воскликнулъ — «Начипать балотированіе» Санъ-Систо прибавилъ: «Не во вредъ, однако, провозглашенію.»

Деканъ-священникъ и два кардинала-діакона поставили на алтарь часовни ту роковую чашу, откуда долженъ былъ выпнуться жребій будущаго главы Церкви. Кардиналы по-очереди подходили къ ней, преклоняли колѣни предъ алтаремъ, и клали въ чашу билеты съ именемъ избираемаго. Между-тѣмъ нѣкоторые замѣчали, что Монтальто какъ-то необыкновенно скоро ходилъ по часовнѣ.

Всѣ положили билеты, и сѣли по мѣстамъ. Кардиналъ-діаконъ подошелъ къ алтарю, взялъ чашу, поднялъ ее, показалъ собранію, и передалъ кардиналу-декану. Они вмѣстѣ сочли число билетовъ: оно было вѣрно, соответствовало числу кардиналовъ. Наконецъ Фарнезскій сталъ вынимать по одному билету, и отдавать кардиналу-діакону, для громогласнаго прочтенія. Между-тѣмъ, всякой изъ кардиналовъ, вынувъ свою записную книжку, чертилъ въ ней голоса, достававшіеся на его долю.

Голоса читались. Чаше всѣхъ упоминалось имя Монтальто. Чаше всѣхъ чертилъ онъ въ своей книжкѣ. Еще не кончилось чтеніе голосовъ, еще билеты оставались въ чашѣ, еще Фарнезскій въ досаду нарочно вынималъ ихъ медленно, какъ Монтальто уже видѣлъ, что добыча была въ рукахъ его.

Старикъ, царь своей воли, умерщвлявшій въ себѣ всякое побужденіе страсти и терпѣвшій цѣлыя пятнадцать лѣтъ, не могъ вытерпѣть одной послѣдней минуты, когда почувствовалъ, что жеманная тіара уже коснулась рукъ его. Онъ пересталъ записывать, всталъ съ табурета, посохъ выпалъ изъ его руки... Кардиналы оборотились на стукъ: старикъ прямъль станомъ, выросалъ, металъ огненные взгляды на собраніе. Всѣ, изумленные, смотрѣли на чудо превращенія, и не вѣрили глазамъ.

Фарнезскій, духомъ сильнѣйшій другихъ, замѣтивъ недоумѣніе въ Санъ-Спестъ и Александрійскомъ, хо-

тѣмъ воспользоваться мнучтою и воскликнулъ: «Остановите чтеніе баловъ: есть ошибка въ голосахъ.» — «Пѣть! воскликнулъ Монтальто громче Фарнезскаго: «ошибки пѣть, пзбраніе взрио!» Окниувъ всѣхъ однимъ огненнымъ взглядомъ, онъ сразилъ имъ Фарнезскаго, и самъ, громкимъ голосомъ крѣпкаго мужа, противъ обычаевъ избранія, возгласилъ — *Тебе Бога хвалимъ.* Деканъ могъ остановить его, потому что начинать гимнъ было правомъ декана; но испытанная воля одного человѣка, въ теченіи полужизни носившаго въ себѣ одну мысль, уже совершила чудо власти надъ беспильными. Пока Фарнезскій не могъ выйти изъ смущенія, всѣ кардиналы начали вторить пѣнію своего нареченнаго, и гордый Фарнезскій невольно последовалъ за всѣми.

Когда поющіе дошли до стиха — *Тебя убо просимъ, помози работъ своимъ, ихъ же безцѣнною кровію искушилъ еси,* — Монтальто твердыми шагами подошелъ къ алтарю, и сталъ на колѣни: за нимъ последовали прочіе. Кончилось пѣніе; онъ молился тихо, но, какъ замѣтили, не открывая усть, а неподвижно устремивъ очи на Распятіе. Тутъ подошли къ нему церемоніймейстеры, и, какъ требовалъ обычай, одинъ изъ нихъ, ставши у алтаря на колѣни, предложилъ ему вопросъ: Свѣтлѣйшій кардиналъ, Монтальто! Священный Коллегіумъ Гг. кардиналовъ-избирателей, большинствомъ голосовъ избравшій васъ Папою, желаетъ знать, примете ли вы Папство. Монтальто устремилъ неподвижный взоръ на церемоніймейстера, и произнесъ: «Вопросъ лишній: возгласивши самъ «Тебе Бога хвалимъ», мы ужъ тѣмъ изъявили наше согласіе. Да! мы приедемъ Папство, ибо знаемъ, что Всевышній намъ далъ способность и силу, при Его содѣйствіи, править не только однимъ, но и двумя царствами.» Первый изъ кардиналовъ-священниковъ и первый изъ діаконовъ подошли потомъ къ нему, и спросили объ имени, ка-

кое желаетъ онъ принять, и Монтальто наименовалъ себя Сикстомъ V.

Церемоніймейстеры повели Сикста V за алтарь часовни, въ ризницу, для возложенія на него домашней одежды Римскаго первосвященника. Всѣ удивлялись, съ какою ловкостью и скоростью надѣвалъ онъ на себя бѣлую сутану армазинную, пелерину изъ пунцоваго бархата нагрудь, такой же беретъ на голову, и туфли съ вышитымъ золотымъ крестомъ. Любопытно было бы знать, что говорили между собою кардиналы, оставшіеся въ часовнѣ, тогда какъ ихъ бывшій товарищъ мѣнялъ одежду кардинала на папскую.

Сикстъ V не долго заставилъ ждать себя: возвратившись въ одежду Папы, онъ возведенъ былъ кардиналами на алтарь часовни, величаво сѣлъ на него, какъ на тронъ Папскій, и начался обрядъ «поклоненія» или «обожанія». Сынъ бѣднаго садовника, свинопасъ, монастырскій служка, *осель Марки*, сидѣлъ на престолѣ передъ Священнымъ Коллегіумомъ. Всѣ кардиналы, нѣсколько минутъ тому назадъ его равные, его братья, попарно подходили къ сидѣвшему, робко прѣклонялись у ногъ его, лобзали его туфлю, потомъ лѣвую руку; между-тѣмъ правою Папа благословлялъ ихъ, и въ заключеніе цѣловалъ каждого въ обѣ щеки, даруя *лобзаніе мира*, *osculum pacis*.

Площадь Святаго Петра кипѣла нетерпѣливымъ народомъ. Завѣтное окно конклава открылось; народъ увидѣлъ Распятіе, знакъ избранія Папы, и, обнаживъ голову, преклонилъ колѣни. Кардиналъ-діаконъ воскликнулъ къ народу: «Возвѣщаю вамъ радость великую. Имѣемъ Папу, свѣтлѣйшаго и достопочтеннаго господина кардинала Перетти Монтальто, который принялъ на себя имя Сикста V.» Вскорѣ явился самъ Сикстъ V, и благословилъ народъ. Вивать! загремѣло по площади; съ крѣпости Святаго Ангела грянули пушки; за колоколомъ Кантолія загудѣли всѣ коло-

кола Рима. Народъ, совершивъ свой обрядъ поклоненія, хотѣлъ броситься въ домъ кардинала, сдѣланнаго Папою, чтобы ограбить его, — таковъ былъ обычай; — но вспомнивъ, что въ домъ Монтальто грабить было нечего, успокоился.

Послѣ завтрака, начался исходъ изъ конклава: съ тѣмъ же Распятіемъ впереди, кардиналы процессіей отиравились въ храмъ Св. Петра; скороходы дворцовые несли Папу, сидѣвшаго на тронѣ. Народъ тѣснился въ храмъ и его притворахъ. Всѣ всматривались въ новаго владыку; всѣ старались узнать въ немъ того дряхлаго, больнаго кардинала, который ходилъ согнувшись и казался умирающимъ. Сикстъ V бодро и прямо возсѣдалъ на тронѣ, и, величаво простирая сильную десницу, неутомимо во всѣ стороны расточалъ благословенія народу. Раздавались голоса: Святой Отець, дай намъ изобиліе, дай правосудіе, молимъ тебя! — «Изобиліе будетъ вамъ нашею милостію,» громко отвѣчалъ Папа, «а правосудіе Богъ вложилъ намъ въ сердце.»

Римляне еще не понимали чуда: кардиналы понимали его, и нѣкоторые изъ нихъ, въ порывѣ первой смѣлости, напомнили Папѣ о прежнемъ его смиреніи. Тогда-то онъ далъ имъ знаменитый отвѣтъ, который не только остался историческою пословицею въ устахъ Римскаго народа, но перешелъ и къ другимъ: «Бывши кардиналомъ, мы ходили согнувшись и смотрѣли въ землю, потому что на ней искали ключей небесныхъ; нашедши ихъ, мы смотримъ въ небо, потому что на землѣ намъ никто ужъ не нуженъ.» Еще примѣчательнѣе отвѣтъ Сикста своему псовѣднику. Когда тотъ говорилъ ему, что всѣ при дворѣ удивлялись, какъ въ теченіе столькихъ лѣтъ своего кардинальства могъ онъ поддерживать лицемеріе, Сикстъ отвѣчалъ: «Скажи тѣмъ, которые удивляются, что на насъ была десница божественнаго Провидѣнія; что оно одно да-

ло намъ силу поддерживать лицемѣріе, признавая его въ насъ за добродѣтель, потому что оно проникало въ наше святое намѣреніе укрѣпить государство Церкви, престоль Апостольскій, и возвеличить славу Рима. Совѣсть наша спокойна.»

Скоро и Римскій народъ понялъ чудо превращенія, сначала къ своему ужасу, потомъ къ своему счастью. Въ теченіе тринадцати дней конклава, этого ширшества вольности народной, много новыхъ злодѣяній совершилось въ Римѣ. Преступники въ день избранія Папы имѣли обычай открывать свои злодѣянія, и добровольно заключаться въ темницы, въ надеждѣ на милостивый манифестъ, издаваемый въ день въичанія Папы. Двѣсти преступниковъ заключились въ темницы, услышавъ объ избраніи кроткаго и добраго кардинала Монтальто, но тщетно ожидали потомъ манифеста отъ Сикста V. Онъ не выдалъ его, несмотря на просьбы самихъ кардиналовъ, сказавъ: «Хочу, чтобы народъ мой зналъ, что я призванъ Богомъ на правосудіе, — и дамъ ему въ одинъ и тотъ же день два зрѣлища: мое въичаніе и казнь преступниковъ.»

О многихъ Папахъ живеть преданіе въ Римскомъ народѣ; но всѣхъ сильнѣе нанечатлѣлась память о правосудномъ Сикстѣ V. Многихъ государей своихъ чтить онъ какъ святыхъ; но въ немъ поклоняется величію души Римлянина. До сихъ поръ изъ устъ Римской черни вы услышите, что Сикстъ Пятый царствовалъ пять лѣтъ, построилъ пять дворцовъ, пять храмовъ, пять улицъ, воздвигъ пять древнихъobelisksовъ, и за всѣмъ этимъ, въ запасной казнѣ Св. Ангела, оставилъ по смерти своей пять милліоновъ скудовъ.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

О ДОСТОВѢРНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

=

Говорятъ—у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи девятаго, десятаго, одиннадцатаго вѣковъ, потому что нѣтъ офиціальныхъ документовъ и современныхъ лѣтописей: лѣтопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, — следовательно у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи тѣхъ вѣковъ. Прежде всего раздѣлимъ это показаніе на составные вопросы.

Какъ древняя наша Исторія, и на чемъ она основывается?

Можно ли вѣрить нашимъ лѣтописямъ о IX, X и XI вѣкахъ?

Когда положено имъ основаніе?

Писалъ ли Несторъ?

Что писалъ онъ?

Этихъ вопросовъ не должно смѣшивать. Отъ смѣшенія ихъ именно и произошло много превратныхъ толковъ. Важность ихъ различна. Первый есть главный, безъ всякаго сравненія съ остальными; второй тѣсно связанъ съ первымъ. На этотъ разъ рассмотримъ только первый и второй вопросы: остальные требуютъ отдѣльнаго разбора, къ которому приступимъ мы въ скоромъ времени.

Достовѣрная Русская Исторія начинается только съ XII или XIII столѣтія!

Но, милостивые государи, Константинопольскій патріархъ, Фотій, въ грамматѣ своей послѣ 866 года, свидѣтельствуетъ о Руссахъ, которые при немъ напали на Константинополь. ¹

¹ Народъ, столь часто многими превозносимый, и какъ жестоко, такъ и жадною человѣческой крови, всѣ другіе народы пре-

Походъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря въ 912 году описанъ у *Массуди*, почти сьвременника. *Ибнъ-Фозланъ* рассказываетъ множество подробностей о привъзжнхъ торговцахъ Русскихъ, которыхъ онъ видѣлъ на Волгѣ въ 921 году.²

Есть современное описаніе опустошенія Барды въ 944 году³.

Кремонскій епископъ *Литирандъ*, бывшій посломъ въ Константинополь въ 946 году, описалъ походъ *Игоря* въ 941, «какъ слышалъ отъ своего отчима, очевидца⁴.»

Ольгу крестилъ Императоръ *Константинъ-Багрянородный*, и самъ онъ говоритъ подробно объ ея пре-

восходящій, я говорю Руссы, которые, покоривъ окружныя соседніе народы, возгордились, и вмѣя о себѣ весьма высокія мысли, подъяли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазную Христіанскую Вѣру, и ведутъ себя яко послушные сыны и друзья, несмотря на то, что *незадолго предъ симъ трسوжили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе*. «*Шецеровъ Песторъ* 11, 40. Подробности о семъ походѣ пишутъ *Левъ Грамматикъ*, *Георгій* монахъ, и прочіе.

² Руссы, плывъ по Волгѣ, «достигли до города *Итлия*, и черезъ городъ до устья рѣки, въ *Козарское море*. Потомъ разсыпались суда Руссовъ по сему морю, и толпы ихъ разсыпались по *Джипю*, *Дилему*, *Табристану*, и пр. Вездѣ Руссы проливали много крови, похищали женъ и детей, грабили всякое достояніе, палили и жгли. Возстепали тогда утрашенные народы, жившіе по тому морю. *Никогда съ незапамятныхъ временъ не видали они непріятеля ни сему морю, посъщаемому единственно купцами и рыболовами*. *Fachn's Ibn Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, 245.

³ Тамъ же, 59. Объ этомъ есть особія сочиненія профессоровъ *Эрдмана* и *Шармуа*.

⁴ *Ил. Пест. III, 45*. После сего *Игорь* въ большомъ безпорядкѣ возвратился во свояси. Греки же, одержавъ побѣду, съ радостію возвратились въ Константинополь, вѣдъ съ собою многихъ плѣнныхъ, которымъ вѣвъ *Романъ*, въ присутствіи *Гугонова посла*, моего отчима, велѣлъ отрубить головы.»

бываніи въ Константинополь, около 955 года. Онъ же описалъ намъ собраніе данн Русскими Князьями изъ Кіева съ подвластныхъ имъ Славянскихъ племенъ; плаваніе ихъ по Днѣпру въ походахъ на Константинополь. Далѣе у него находятся извѣстія о племенахъ Славянскихъ съ разными подробностями ⁵.

Святослава лицомъ къ лицу видѣлъ Левъ-Діакопъ, и описалъ даже его наружность въ подробной Исторіи войны сего Князя при Императорахъ Никифоръ и Зимпсхін ⁶.

О родствѣ Владиміра съ Греческими Императорами свидѣтельствуютъ историки Нѣмецкіе, Греческіе и Арабскіе ⁷.

⁵ Извѣстія В зятійскихъ Историковъ III, 47—55. — Тамъ же, 58: какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяць, *Россійскіе Князья, оставивъ со собою своимъ народомъ Кіевъ*, разъезжались по другимъ городамъ, которые у нихъ называли гирами; или отправлялись въ земли Вержанъ (Древлянъ), Другувичей (Дреговичей), Кривичей, Серванъ (Съверянъ) и другихъ, Россамъ подчиненныхъ Славянъ. Здѣсь провождали они зиму, а какъ Днѣпръ вскроется, то отъѣзжали назадъ въ Апрель мѣсяць въ Кіевъ, и, вооруживъ надлежащимъ, какъ выше объявлено, образомъ суда свои, предпринимали *обыкновенное путешествіе въ Грецію.*» — Тамъ же, 54: «Суда, на которыхъ Руссы приходили къ Царьгороду, были изъ Цетогарды (Новгородъ), столицы Россійскаго Князя Свендослава, сына Ингорева, также изъ Мплински (Смоленскъ), Теліноцы (Любечъ?), Червигова и Вуссграда (Вышгорода). Отъ сихъ городовъ привозили ихъ сперва на рѣку Днѣпръ, а наконецъ собиравшись у Кіева, который прозванъ былъ Самватасъ.» Это слово, по объясненію Добровскаго, значитъ соборное мѣсто лодокъ: сам по-Шведски вмѣстѣ, а bad — лодка или боть. Плаваніе черезъ Днѣпровскіе пороги описано преподабно 36 — 42. — Тамъ же, 54: «Подчиненные Россамъ Славяне, а именно Кривитянише, Лещанише и прочія Славянскія отродія, рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для оныхъ судовъ и строили ихъ. А какъ лѣсъ растаетъ, то немедленно сплавивали ихъ въ болшаниа озера, и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру, въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали они ихъ на берегъ, и продавали Россіянамъ, которые брали одиъ токмо ладъ.»

⁶ См. Льва Діакона Калойскаго.

⁷ См. указанія у Карамзина I, прим. 452.

Дитмеръ, епископъ Мерзебургскій, рассказываетъ о современномъ ему Святополкѣ по поводу родства его съ Болеславомъ храбрымъ, Королемъ Польскимъ, съ которымъ въ Русскомъ походѣ были его знакомцы⁸.

Последній походъ Руссовъ на Грековъ при Ярославѣ, по поводу ссоры между купцами, описанъ Кедринномъ⁹.

О Ярославѣ много извѣстій у сѣверныхъ лѣтописателей¹⁰.

Изяславъ, выгнанный братьями изъ Кіева, былъ у Нѣмецкаго Императора Генриха IV, который послалъ къ Святославу, брату его, пословъ, что засвидѣтельствовано современнымъ лѣтописцемъ Ламбертомъ Ашаффенбургскимъ, Зигбертомъ Гембагурскимъ. Есть письма объ немъ Папы Григорія VII къ Болеславу Польскому¹¹.»

О значительной торговлѣ Руссовъ въ Итилъ и Константинополь свидѣлствуютъ Константинъ—Багрянородный, Ибнъ-Фозланъ, Кедринъ и другіе; объ ихъ богатствѣ же историкъ Нѣмецкіе. Остановимся на этомъ.

Вѣрите ли вы этимъ свидѣтелямъ? Нельзя не вѣрить. Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ которыхъ инымъ даже случилось быть дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополь, другой въ Багдадѣ, третій внутри Германіи,

⁸ Кар. II, прим. 1.

⁹ Изв. Виз. Истор., III, 107 — 116.

¹⁰ См. указанія у Карамзина II, прим. 27, 32, 33, 38, 39 и прочія— Также Эймунову Сагу.

¹¹ Тамъ же, II, прим. 128.

четвертый на островъ Исландіи, пятый въ Кремонѣ, шестой въ Александріи. Они не списывали другъ у друга : Византіецъ не зналъ по-Арабски, Арабъ по-Исландски, Нѣмецъ по-Арабски. Имъ не было нужды выдумывать : они описывали другіе предметы, а объ насъ большею частію роняли по нѣскольку словъ мимоходомъ. Такъ, имъ нельзя не вѣрить ; даже стыдно доказывать ихъ достоверность. О прочихъ близкихъ и позднихъ свидѣтеляхъ, которыхъ на всякое почти происшествіе можно набрать много ; о другихъ происшествіяхъ, засвидѣтельствованныхъ не современниками, а близкими потомками, — я не говорилъ ни слова, чтобы не подать повода къ частнымъ спорамъ мимо главнаго вопроса.

Теперь вообразите, что мы не имѣемъ рѣшительно ни какихъ собственныхъ лѣтописей, ни какихъ свидѣтельствъ о IX, X и XI вѣкахъ нашей Исторіи. Составьте изъ этихъ извѣстій иностранныхъ начало Русской Исторіи. Что выйдетъ ?

Вверхъ по Днѣпру по сторонамъ жили въ IX вѣкѣ разныя племена Славянскія.

Племена эти были подъ игомъ, и платили дань Руссамъ, которыхъ Князья ѣзжали за нею изъ Кіева.

Руссы черезъ Днѣпръ и Черное Море нападали часто на Константинополь.

Первое ихъ нападеніе, неудачное, относится къ 866 году, до котораго они были тамъ неизвѣстны. Тогда же нѣкоторые изъ нихъ приняли Христіанскую Вѣру.

Съ 942 года нападали они на берега Каспійскаго Моря, спокойные дотогѣ.

Въ 941 году Князь ихъ, Игорь, былъ прогнанъ отъ Константинополя.

Ольга, супруга его, съ многочисленною свитою была въ Константинополь, и приняла тамъ (если не прежде) святое крещеніе.

Святославъ, сынъ Игоря, покорилъ Болгарію, по договору, для Греческаго Императора Никифора Фоки, хотѣлъ остаться тамъ навсегда по вторичномъ прибытіи, но былъ принужденъ Зимнехіемъ, послѣ упорнаго сопротивленія, оставить Болгарію, и убить на следующую весну Печенѣгами въ порогахъ Днѣпровскихъ.

Владиміръ, женатый на сестрѣ Византійскихъ Императоровъ, Василія и Константина, и принявшій Христіанскую Вѣру, жилъ въ согласіи съ Греками; скоро потомъ была война (послѣдняя) по поводу ссоры Русскихъ купцовъ, которыхъ всегда очень много торговало въ Константинополь. Послѣ него начинаются междоусобія.

Вотъ очеркъ нашей Исторіи въ IX, X и XI вѣкахъ, составленный безъ помощи нашихъ лѣтописей, изъ однихъ иностранныхъ, вѣрныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствъ!

Какъ же называть ее недостоверною? Какъ отвергать ее? Какъ начинать ее съ XII или XIII столѣтія?

Теперь обратимся къ нашимъ лѣтописямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ съ перваго взгляда представляются. Вы отвергаете ихъ? Но позвольте спросить: онѣ противорѣчатъ извѣстіямъ, на которыя указалъ я теперь?

Нѣтъ!

По-крайней-мѣрѣ онѣ не представляютъ этихъ извѣстій, а даютъ намъ нныя?

Нѣтъ! Нельзя не признаться, что въ нихъ нѣтъ же самыхъ извѣстій, хотя лѣтописатели наши вѣрно не

знали ни по-Арабски, ни по-Исладски, ни по-Латынни, если и знали по-Гречески. Они говорятъ и объ раздѣленіи племени, и о собираніи даней Руссами съ Славянъ, и о походѣ Игоря, и о путешествіи Ольги, и о двукратной войнѣ Святослава, и о намѣреніи его остаться въ Болгаріи, и объ умерщвленіи Печепѣгами, и о помощи Болеславовой Святополку, и о междоусобицѣ сыновъ Ярославовыхъ, и о посольствѣ Нѣмцкомъ.

У нихъ тѣ же извѣстія съ небольшими измѣненіями.

Такъ зачѣмъ же вы имъ не вѣрите?

Ищучи это, признаюсь, я недоумѣваю, какимъ образомъ, по какому закону мысли, по какому закону Критики, могла возникнуть такая недовѣрчивость къ главнымъ происшествіямъ нашей древней Исторіи. Это для меня задача психологическая, и только съ этой стороны можно объяснять ее.

Русская лѣтопись Несторова, или лѣтопись подѣ буквою А, или начало лѣтописей, — Русскій лѣтописатель X или Z или Y, — говоритъ то же, что Арабъ, что Грекъ, что Нѣмецъ, что Исладецъ, что Италіанецъ, съ которыми онъ, изъ глубокой и темной своей пещеры, не могъ ни сговариваться, ни перемигиваться, — а ему не вѣрятъ!

Обратите вниманіе на нѣкоторыя частныя извѣстія: какое разительное согласіе! Сравните, напримѣръ, извѣстія Константина-Багрянороднаго объ отношеніи племени Славянскихъ къ Руссамъ или о плаваніи Днѣпровскомъ, съ извѣстіями нашихъ лѣтописей. Сравните съ ними Эймундову Сагу или, если хотите, сказку: какъ договариваются тамъ Норманны съ Ярославомъ, какія порученія возлагаются на нихъ, какъ они поступаютъ. Неточно ли такъ описываются наши

Варяги? Игорь, возвратясь изъ несчастнаго похода, «посла по Варяги.» Владиміръ отъ Святополка «бѣжа за море..... приде съ Варяги.» Ярополка убили два Варяга. По взятіи Владиміромъ Кіева «рѣша Варязи Володиміру: се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ по 15 гривнѣ отъ челоука.» Могутъ ли историческія извѣстія быть достовѣрныя, яенѣе, согласныя?

Сравните внѣшнія дѣйствія Варяговъ нашихъ этой летописи съ Руссами Арабскихъ и Греческихъ летописей, съ Норманнами въ Англіи, Франціи и Италіи. Одни и тѣ же люди, одишь духъ, одни пріемы. Доказательство, что въ нашихъ летописяхъ они описаны вѣрно.

Слѣдовательно летописи наши достовѣрны въ главномъ, подтверждаясь свидѣтельствами иностранными. Слѣдовательно Исторія наша IX, X и XI вѣка сугубо достовѣрна, будучи основана на иностранныхъ свидѣтельствахъ и подтверждена отечественными.

Знаете ли, какое сдѣлаю я вамъ предложеніе? Не угодно ли вамъ сообразить, что мы не имѣемъ не только своихъ летописей, но даже иностранныхъ извѣстій о IX, X и XI вѣкѣ. Русская Исторія и безъ нихъ останется на своемъ основаніи. Читатели подумаютъ, что я шучу, и что здѣсь заключается какое нибудь двусмысліе. Нѣтъ, я говорю безъ шутокъ; пусть слова мои принимаются въ ихъ буквальномъ смыслѣ.

Дайте мнѣ точку, съ которой вы начинаете несовершенную Русскую Исторію. Вамъ угодно начинать еѣ съ XII столѣтія? Очень хорошо! Слушайте: Въ XII столѣтіи являются на сцену слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславовичъ, Владиміръ Всево-

Лодовичъ, Олегъ Святославовичъ, Давидъ Игоревичъ, Володаръ Ростиславовичъ, Василько Ростиславовичъ, Рюрикъ Ростиславовичъ, Мстиславъ Святополковичъ, Ярославъ Святополковичъ, и прочая.

Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами: слѣдовательно, разсуждаю я далѣе, по образцу геометрической пропорціи, въ которой тремя извѣстными членами отыскивается четвертый неизвѣстный, сторона наша искони принадлежала одному роду; слѣдовательно она не была завоевана, потому что, бывъ завоевана, она была бы роздана, какъ вездѣ, между завоевателями; слѣдовательно она была занята мало-по-малу, по мѣрѣ размноженія сего рода; точно какъ и въ эту допускаемую эпоху, одинъ Князь Ярославъ Святославовичъ, выгнанный племянникомъ изъ Чернигова, идетъ передъ моими глазами въ сторону Рязанскую, и основываетъ тамъ особенное Рязанское княженіе, другой, Владиміръ Володаровичъ, — Галицкое, третій, Георгій Владиміровичъ, — Владимірское. Отдѣльные Новгородцы, признавая и изгоняя Князей, указываютъ мнѣ на древній свой обычай. Земля, мало населенная съ областями, которыя отдѣлены одна отъ другой степями, лѣсами, болотами, подтверждаютъ мои выводы.

Далѣе: имена, встрѣчаемыя мною въ этомъ допускаемомъ XII столѣтіи, кажутся мнѣ двухъ родовъ, кромѣ Христіанскихъ: одни имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ — Святославъ, Святополкъ, Мстиславъ; другихъ я никакъ объяснить не могу — Олегъ, Игорь, Рюрикъ. Эти имена, разсуждаю я попрежнему, принадлежать вѣрно другому племени. Слѣдовательно у насъ, какъ и вездѣ по Европѣ, были пришельцы и туземцы. Кому же принадлежать эти имена?

пришлomu племени или туземному? Разумѣется, пришлomu, потому что снхъ непонятныхъ именъ несравненно меньше понятныхъ, принадлежащихъ языку туземцевъ. Слѣдовательно, пришельцы эти явились у насъ вѣрно за долго до XII столѣтія, ибо языкъ ихъ, сколько можно судить по первому взгляду, потерялся, и даже именъ ихъ осталось мало въ употребленіи. На сѣверѣ жь встрѣчаю множество этихъ именъ въ то самое время, изъ чего и заключаю, что пришлое племя родомъ съ сѣвера.

Наконецъ я вижу, что всѣ эти Князья и ихъ подданные исповѣдуютъ вѣру Греческую. Слѣдовательно, предки ихъ получили се изъ Константинополя; слѣдовательно, имѣли связь съ этимъ городомъ, больше нежели съ западомъ, и съ юга, а не съ сѣвера.

Вотъ заключенія о древней нашей Исторіи, выводимыя посредствомъ немногихъ посылокъ назадъ изъ состоянія нашей стороны въ XII вѣкъ, съ котораго хотятъ начинать нашу Исторію.

Эти заключенія касаются до главныхъ частей Исторіи, — о составѣ народа, о образѣ управленія, о Религіи. Онѣ совершенно согласны съ Исторіею, составленною нами изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, и сохраненною для насъ нашими лѣтописцами. —

Иностранныя свидѣтельства, математическія заключенія отъ извѣстнаго безспорнаго о неизвѣстномъ, и наши лѣтописи говорятъ одно. Какую историко-критическую силу имѣетъ это согласіе! Какъ этимъ согласіемъ каждое положеніе еще болѣе подтверждается!

И слѣдовательно, древняя Исторія наша достовѣрна, достовѣрна, какъ Французская, Англійская, Гер-

манская, достовернѣе Греческой, Римской, Шведской, Польской, и прочая.

И слѣдовательно се должно начинать не съ XII, не съ XI, не съ X столѣтія, а съ IX, какъ досель было принято.

И слѣдовательно начало нашихъ летописей, — когда бы, гдѣ бы, кѣмъ бы ни было писано, — достоверно, что касается до главныхъ положеній.

Теперь о томъ, кто могъ писать сго, и когда именно. Послѣ вопроса о достоверности, это задача важнѣйшая.

Начну прискорбіемъ, что летописи наши до сихъ поръ большею частію скрываются подъ снудомъ въ неприступныхъ архивахъ и библіотекахъ; прискорбіемъ, которое постоянно изъяслялъ я съ 1824 года, какъ и многіе наши изслѣдователи, а громогласнѣе всѣхъ Шлецеръ ¹². Только тогда можно будетъ произнести имъ рѣшительный приговоръ, только тогда можно будетъ пользоваться ими вполне историкъ, когда онѣ будутъ сличены, рассмотрѣны и изданы, какъ завѣщалъ намъ этотъ славный нашъ учитель. Теперь мы можемъ судить о нихъ приблизительно, можемъ извлекать изъ нихъ одно главное, общее, ясное.

Я буду говорить здѣсь о летописяхъ по печатнымъ изданіямъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ. Постараюсь представить доказательства самыя ощутительныя по моему мнѣнію, самыя тѣлесныя. Беру начало лето-

¹² Незабвенный Графъ Н. П. Румянцовъ пожертвовалъ, какъ было слышно, значительный капиталъ на изданіе Лаврентьевскаго списка и другихъ летописей; но онъ вѣрно увеличивается теперь чрезъ *приращеніе процентами*. А время течетъ, изслѣдователи нуждаются.

писи, какъ оно дошло до насъ, въ невѣрныхъ спискахъ, со всѣми сказками, ошибками, описками, приписками, словомъ, безъ малѣйшей очистки и обработки.

Во многихъ древнихъ спискахъ, по свидѣтельству Карамзина, ¹³ подь годомъ 1110, находятся слѣдующія строки: «Игумень Сильвестръ Св. Михаила написахъ ¹⁴ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимеръ, княжащю ему Кыевъ, а мнѣ въ то время игуменяцю у Св. Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сія, то буди ми въ молитвахъ ¹⁵».

¹³ Исторія Госуд. Росс. Т. II, пр. 213. Карамзину въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить. Можно не соглашаться съ нимъ въ томъ или другомъ мнѣніи, — всякой человекъ имѣеть свой взглядъ на вещи, и судить по своему, — но подозревать его въ ложномъ показаніи никто не имѣеть права. Трудъ его есть трудъ честный, добросовѣстный, и въ двадцать лѣтъ не найдено въ немъ ни одной умышленной ошибки. Если онъ говорить, то онъ видѣлъ, то онъ точно видѣлъ, — и никто не смѣеть утверждать противное.

¹⁴ Тамъ же. «*Написахъ* значитъ списалъ: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи.» Впрочемъ намъ до этого теперь нѣтъ дѣла: списалъ или написалъ, — это для насъ пока все равно. Мы толкуемъ теперь о времени лѣтописи, а не объ именахъ сочинителей.

¹⁵ Эта приписка вотъ уже какъ распространена и изукрашена въ Никоновскомъ спискѣ, (Ч. II, с. 54): «Се азъ грѣшный інокъ Сильвестръ, игумень Святаго Михаила, написахъ книги сія, глаголемыя Греческимъ языкомъ Хропографъ, Русскимъ же языкомъ толкуется временникъ, еже есть лѣтописецъ, во священно и божественно священноначальство Господина Пикнеора Митрополита Кіевскаго и всеа Русіи, въ обладаніе державы Кіевскіе православнаго и благочестиваго Великаго Князя Владимера Монаха, сына Всеволожа, внука Ярославля, правнука великаго и равно-Апостольнаго Святаго Владимера, нареченнаго въ святомъ Крещеніи Василія, крестившаго всю Рускую землю. Писа же вся сія любви ради Господа Бога и Пречистые Богородицы и Святыхъ его, и своего ради отечества Руския земли, во спасеніе и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сія, да помоятся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный и ра-

Въ этихъ строкахъ я вижу, что начало лѣтописи было переписано извѣстнымъ лицомъ XI и XII столѣтія, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ около этого времени.

Но эта приписка, говорятъ, ничего не значить: она вымышленная, подложная. Желательно бы узнать улики! Впрочемъ я оставлю пока разсужденіе объ этой припискѣ, какъ спорной; *уступлю* это первое доказательство, что въ числѣ сочинителей или переписчиковъ лѣтописей было извѣстное лице XI столѣтія¹⁶.

Далѣе. Татищевъ говоритъ, что въ лѣтописи за годомъ 1093 находится слово *аминь*.

Возражать: Карамзинъ не нашелъ этого важнаго аминя. Но Карамзинъ не нашелъ въ своихъ спискахъ, а у Татищева были другіе¹⁷.

достный гласъ услышу отъ Господа Бога, вѣдь онъ суда великаго избавленъ буду безконечныхъ мученій, и обѣщанныхъ благихъ отъ Господа «получю, молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь.» Я нарочно привожу ее здѣсь для примѣра, какъ древнія извѣстія распространяются и изукрашаются въ позднѣйшихъ спискахъ.

¹⁶ Но я говорю про себя: Почему эта выдуманная приписка поставлена здѣсь, а не индѣ? Почему имя Сильвестра, а не какое другое? Во время игуменства, а не епископства? Неужели коварный переписчикъ XIII столѣтія (приписка находясь во многихъ спискахъ, была и въ ихъ подлинникахъ) разсуждалъ такъ, переписавши: «Я скрою свое собственное имя, а увѣрю, что переписывалъ игумень Сильвестръ; чтобы этому повѣрили, лучше я вставлю мою приписку въ эпоху существованія Сильвестра». Не слишкомъ ли это затѣйливо, остроумно? Какое хитрое разсужденіе, какой ученый подлогъ! Обманываютъ для себя, а не для другихъ, не для покойниковъ. Мы желаемъ, чтобы вѣрил намъ, а желать, чтобы вѣрили другимъ вещамъ, безъ насъ, — не естественно.

¹⁷ И Татищева нельзя подозрѣвать въ выдумкѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь: для него разумѣется все равно было, стоялъ ли *аминь* подѣ

Впрочемъ такъ и быть. Татищевскіе списки вид-но затерялись; указать пальцемъ на этотъ *аминь* я не могу, а потому не возьму и его въ доказательство, что здѣсь былъ перерывъ, то есть, что лѣтопись оканчивалась первоначально 1095 годомъ.

Но не могу не взять слѣдующаго замѣтнаго.

Время отъ 1104 до 1110 года, до Сильвестровой (допустимъ, подложной) приписки, оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею ¹². То есть, шесть лѣтъ до 1110 года по порядку не описаны, а описаны послѣ, хотя случились прежде. Боюсь, чтобъ не вышло какого недоразумѣнія: объяснюсь еще другимъ образомъ: 1103 годъ описанъ; 1104, 5, 6, 7, 8, 9, не описаны; за 1110 приписка подложная, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI въ лѣтописи былъ перерывъ: одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, не описаннаго у

1095, или годъ 1094, или 1110. Мнѣ не случилось еще изучить такъ Татищева, скажу откровенно, какъ я изучилъ Шлецера или Карамзина, и потому я не могу говорить объ немъ утвердительно въ этомъ отношеніи. Замѣчу здѣсь только мимоходомъ: Исторія Татищева включаетъ въ себя много прибавленій, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ все нельзя и предполагать обмана, умысла, но она заслуживаетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Вотъ занятіе для молодыхъ любителей науки, — на первый случай, хоть собрать прибавленія Татищева (изъ Никоновскаго списка также). Онъ выдумалъ Іоакима, положимъ, для какой-нибудь цѣли, чтобъ подтвердить свое любимое мнѣніе; но для Нестора, для Сильвестра (въ его списокъ, въ числѣ присутствовавшихъ при украшеніи раки Бориса и Глѣба, сказано: *и азъ Сильвестръ Михайловскій*), изъ какой бы стати, кажется, ему обманывать?

¹² Кар. II, прим. 245. Карамзинъ употребилъ это замѣчаніе только въ доказательство, что Сильвестръ былъ не сочинитель, а переписчикъ.

предшественника, и сталъ продолжать. Слѣдовательно, начало его оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Дальше. Послѣ краткихъ извѣстій около 1125 или 1127 года, извѣстія, замѣчаетъ Карамзинъ, дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе. Онъ думаетъ, что это трудъ другаго, для насъ безыменнаго, челоуѣка. И весьма вѣроятно, потому что отчего бы одному челоуѣку, на одномъ мѣстѣ, въ однихъ обстоятельствахъ, писать подробно, потомъ коротко, потомъ опять подробно? Новое доказательство, что въ началѣ XII столѣтія былъ перерывъ.

Наконецъ: въ некоторыхъ лучшихъ спискахъ, по замѣчанію Карамзина же ¹⁹, происшествія, бывшія въ концѣ XI вѣка, описаны вдвойнѣ, одинъ разъ подробно, а другой коротко. Напримѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано опять: «Въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто побѣени Угри у Перемышля; въ се же лѣто убьещъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ.» Первый переписчикъ или писатель, повторившій эти извѣстія, былъ челоуѣкъ безтолковый, — это ясно; но я благодарю его отъ искренняго сердца, потому онъ своимъ повтореніемъ указываетъ мнѣ прямо на бывшій перерывъ въ лѣтописи около этого времени: я вижу, въ дополненіе къ прежнимъ примѣтамъ, что кто-то кончилъ писать около XII вѣка. Одинъ челоуѣкъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, не могъ писать

¹⁹ Въ спискахъ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, если я такъ понимаю слова его, II, примѣч. 184.

сперва подробно, а тамъ коротко въ томъ же случаѣ ²⁰.

Да! около XII вѣка былъ перерывъ. Следовательно, начало летописи написано въ XI столѣтїи ²¹.

Есть еще много доказательствъ.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора есть извѣстїе: «Матери бо родивши, бысть ему (Всеславу, умершему въ 1101 году) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: се язвено, навязи нань, да носить е до живота своего — еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради не милостивъ есть на кровопролитѣе» ²².

Не чувствуете ли вы біенїя истины въ этихъ словахъ?

И такъ эти строки писаны во время жизни Всеслава, то есть, въ XI столѣтїи.

Подъ годомъ 1089 въ Никоновскомъ спискѣ читается извѣстїе: «Того же лѣта преставися Иванъ Митрополитъ Кїевскїй и всеа Руссїи. Бысть же сей Иванъ мужъ хитръ книгамъ и ученїю, милостивъ ко убогимъ, речистъ же книгамъ святымъ и утѣшая печаль-

²⁰ Возраженїя противъ этихъ доказательствъ я не могу придумать ни какого: не скажетъ ли развѣ кто-нибудь въ объясненїе перерыва: «Летописатель, жившїй въ XIII или XIV вѣкѣ, могъ писать только до XII.» — Но почему же не доходилъ онъ до своего времени? — «Онъ занемогъ, отвлеченъ былъ посторонними обстоятельствами, умеръ.» — Хитрое предположенїе! А почему же послѣднихъ шести лѣтъ передъ концемъ своего труда онъ не описалъ такъ подробно, какъ первыхъ? Но такихъ натянутыхъ возраженїй нечего и опровергать.

²¹ Впрочемъ, повторяю, все это требуетъ еще строжайшихъ, точнѣйшихъ изслѣдованїй надъ списками, на которые слѣдуетъ взглянуть именно въ этомъ отношенїи.

²² Кар. II, прим. 118. — Въ Софїйскомъ временникѣ это уже переменно. I, 155.

ныя. И такового не бысть въ Руси преже, и по немъ, не възмъ, будетъ ли таковъ.»

Воля ваша, а я думаю, что лѣтописецъ написалъ эти строки въ минуту кончины Іоанновой, и положилъ свое перо, то есть, свое писало, на столъ, пока не случилось другаго происшествія, которое вписать ему вздумалось.

Это подтверждается для меня еще болѣе слѣдующими строками, написанными, видно, уже послѣ, какъ прѣѣхалъ другой митрополитъ. Въ лѣто 1090 иде Янка къ Царюграду въ Греки, дщи Всеволожа. И приведъ Янка Митрополита Кневу и всеа Росіи Ивана Скопца; о немъ же людіе рѣша: Сей новыи Іоаннъ пришелъ есть; но і будетъ ли таковъ, яко же первый Иванъ?»

Какъ это истинно! Какалъ свѣжая молва! «И отъ года до года пребысть преставися: бѣ же сей мужъ некнижець, и умомъ простъ, и просторѣкъ.»

Не очевиденъ ли современникъ!

Подъ годомъ 1065 въ лѣтописи встрѣчается мѣсто: «Того же лѣта въ Кневъ рыболове ловяше рыбы, выволокоша вневодѣ дѣтницъ, его же сходящися *позоровахомъ* до вечера дивящася, и пакн ввергоша его вводу: бяше бо у него на лица срамнїи удове; много же *нелзя* сказати срама ради.»

Мы смотрѣли до вечера!..... Кто можетъ говорить такъ, кромѣ очевидца?

Подъ годомъ 1096 описано нападеніе Боняка Половецкаго на Кіевъ: «Того же мѣсяца внятокъ приде Бонякъ безбожнїи, шелудивїи, отай хыщникъ х Кневу внезапно, и мало во градъ не възѣхаша Половцы, и зажгоша болонье около града, и возвратишася

въ монастырь, и зажгоша Стефановъ монастырь, и деревяне, (у Карамзина II, пр. 174 деревней Германа) и приидоша в монастырь Печерскіи, *намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутреші, і* кликаша около монастыря, и поставиша стяга два, и вшедъ враты монастырскими, *на ложе бѣжающимъ* за домъ монастыря, *а другимъ возбѣгшимъ* на полаті. Безбожніи же сынове Измаилтеві высекоша врата монастырю, и поидоша по кѣліямъ высекающе двери, и износяху, что обретающе в кѣліяхъ. Посемъ зажгоша домъ Святыя Богородицы владычицы нашея, и приидоша къ церкви, и вожгоша дверь, еже къ югу устроенныя, другія же к северу, и влѣзше впритворъ у гроба Θεодосея, емлюще іконы, и зажигающе двери.» Далѣе слѣдуетъ нравственное размышленіе. «Тогда же зажгоша и дворъ красній, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарицаемомъ Выдобычи, то все окаянніи Половцы запалиша..... нѣколко отъ братні нашея оружиемъ.»

Это нападеніе совершенно подобно прочимъ нападеніямъ Половецкимъ въ XII и XIII вѣкахъ.

«Того же мѣсяца впяттокъ, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ.» Какъ предположить подлогъ въ такихъ выраженіяхъ? Кому прійдетъ въ голову вставлять такія строки въ сказочныя, выдуманныя описанія!

Такъ, и это описаніе сдѣлано современникомъ, то есть, въ XI столѣтіи.

Есть еще два мѣста, гдѣ лѣтописатель, рассказывая о происшествіяхъ въ концѣ XI вѣка, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ: о прибытіи своемъ въ монастырь и о обрѣтеніи мощей Св. Θεодосія. Но эти мѣста почитаютъ нѣкоторые вставленными, и потому я также

не приму ихъ какъ доказательство, что летопись сочинена въ XI столѣтіи.

Подъ годомъ 1106: «Въ се же лето преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости: маститъ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ праведникъ; *отъ него же и язъ многа словеса слышахъ*; еже и вписахъ въ летописаньи семъ. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребояся всякая вещи, его же и гробъ есь въ Печерскомъ монастыри, въ притворъ, иде же лежить тѣло его положено мѣсяца Іуны въ 24.»

Слѣдовательно, это писано въ самомъ началѣ XII столѣтія. Но это, говорятъ, выдуманно. Какъ, выдуманно и въ летописи, и въ патерикъ? Надъ этимъ Янемъ что-то особенно смѣются, — не понимае за что. Все выдуманно, все выдуманно! Но, ей-ей, гораздо труднѣе, мудренѣе выдумать столько лжи, чѣмъ передать столько правды!

Подъ годомъ 1098 находится извѣстіе: «Васильку же сушу въ Володимери..... и яко приближися постъ великій, и *миль гръшному тамо суци* в Володимери и воедино ноць присла по меня князь Давидъ Игоревичъ, и придохъ к нему, и съдаху около его дружина, и посадивъ мя, и рече ми: се молвилъ Василько сей нощи ко Улану и к Колчию, рекъ тако: се слышу; яко идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда; даже бы мене Давидъ послушалъ, дабыхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру: воротися веде бо ся сънимъ, что молвилъ; да се Васильку шлю тя, иди к Васильку *тезю своему* (такъ и въ спискѣ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ) ссима отрокама, и молви ему тако: оже хочещи послати мужъ свой, и воротится Володимеръ, то едамъ ти, которой ти городъ любъ, либо Всеволожь, либо Теревовль, либо Пере-

дивль. Азже идохъ къ Васильку, і повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онже рече: сего есмь не молвилъ, но надъюбося на Бога пошлю, да быша не пролияли крови мене ради..... *Мнѣ же рѣша*: иди къ Давыду, и рцы ему: пришли ми Кулмѣя, да его послю къ Володимиру. И не послуша его Давидъ, и *посла мя*, паки рекъ: нѣсть Кулмѣя. *И рече ми Василько*: посѣди мало. И повелѣ своему слузѣ идти вонъ и *сиде со мною* и нача ми глаголати, » и проч.

Ясно, что все это писано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, современникомъ, который вездѣ говорить отъ перваго лица: слѣдственно, въ XI столѣтїи.

Но первое лице, говорятъ, выдуманно или вставлено.

Признаюсь, очень мудрено предположить здѣсь выдумку, развѣ есть какая ясная улика. Что за охота выдумывать челоуѣку, который умалчиваетъ все, что относится собственно до него, и по необходимости употребляетъ одно личное мѣстоименіе.—Поди къ своему тѣскѣ и скажи ему — Я пошелъ сказаль, а тотъ отвѣчалъ мнѣ вотъ что! Выдумываютъ сказанія затѣйливья, страницы, а такого простаго, строгаго извѣстія не стоило и труда выдумывать, особенно въ XIII или XIV столѣтїи.

Обращу вниманіе и на то, что такія нечаянныя указанія о времени существованія того или другаго лѣтописателя встрѣчаются часто и послѣ: какъ одинъ лѣтописецъ въ XI столѣтїи, о которомъ идетъ рѣчь теперь у насъ, сказаль, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; другой, что нападеніе Половцевъ на Печерскій монастырь было «ему суцу въ кельѣ почивающу.» Третій, а можетъ быть тотъ же, что Полоцкій князь Всеславъ, быешій долго въ Кіевѣ, въ его время носилъ повязку на головѣ; четвертый, что

онъ ходилъ смотрѣть на урода, пойманнаго рыболю-
вами въ Кіевѣ; такъ точно, послѣ сего X столѣтія, одинъ
случайно говоритъ, что онъ былъ посвященъ еписко-
помъ Инфонтомъ въ Новгородъ въ 1144 году; другой
въ 1146 г., что пѣвалъ часто во Владимірѣ въ церкви,
съ Игоремъ вторымъ; третій, описавъ кончину Боголюб-
скаго въ молитвѣ своей къ нему, даетъ намъ знать, что
онъ жилъ въ княженіе его брата, Всеволода Георгие-
вича, въ концѣ XII столѣтія — «Молися Богу помилу-
вати князя нашего, господина Всеволода, своего же
приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя
и многа лѣта съ княгиніею и съ благородными дѣтми
и мирну державу и царство ²⁵, а въ другомъ мѣстѣ:
«Нехотащихъ намъ (жителямъ Владиміра) добра за-
вистью граду сему и живущимъ въ немъ.» Четвертый
говоритъ, что въ 1180 году былъ пожаръ здѣсь (въ
Кіевѣ), и потомъ, что Рюрикъ Василій построилъ въ
1198 году каменную стѣну подъ церковью Св. Михаи-
ла, стоявшею дотолъ сто одиннадцать лѣтъ: «Благосло-
ви Богъ вдохнути мысль благу великому князю Рю-
рикови-Василію. Того-бо лѣта Поня въ 10 дець, въ
Суб., заложилъ стѣну каменну подъ церковью Св. Миха-
ила у Дѣвпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не
дръзнуша помыслити отъ древнихъ, али но (не толь-
ко) дѣлу ятися. Сто бо и одиннадцать лѣтъ и мать, отне ле-
же создана бысть, и мнози самодержцы преподша
држаще столъ княженія Кіевскаго, отъ того же Боголю-
бня Всеволода, иже созда (въ 1088) церковь ту ²⁴.
Пятый, описавъ кончину Владиміра Вольмскаго въ
1289 году, призваніемъ его благословенія даетъ также

²³ Кар. III, прим. 24 По новой методѣ, если можно назвать мето-
дою, следовало бы здѣсь воскликнуть: Царство! Какъ царство? Цар-
ство у насъ является въ XV столѣтіи, или лучше въ XVI, а здѣсь
говорится о XII. Это подлогъ! это сказки!

²⁴ Это послѣднее извѣстіе Кіевской летописи. Объ освященіи церк-
ви Всеволодомъ. См. Карам. II, прим. 158.

разумѣть, что жилъ въ его время. «Возстани изъ гроба... возведи очи, какою ти чти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безъ памяти тя оставихъ братомъ твоимъ Мстиславомъ; возстани и видь брата твоего красящаго столъ земли твоя. Къ семужь вижь и благовѣрн. свою княгиню, како преклоняется имени твоему.»

Всѣ эти очевидно нечаянныя, оброченныя, а не умышленныя или вставленныя указанія, по которымъ можемъ мы только угадывать о времени и мѣстѣ жительства сочинителей, указанія одинаковой природы въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, подтверждаются одно другимъ, имѣютъ связь между собою, носятъ на себѣ одну печать истины, и равно достовѣрны. Подлога предположить невозможно ни какого. Источники подлоговъ бываютъ вотъ какіе: краснобай хочетъ отличиться, убѣдить, тронуть; хвастунъ, чтобы пріобрѣсти себѣ славу, высокое мнѣніе; плутъ, чтобы получить выгоду себѣ или своимъ; льстець, чтобы списать благосклонность лица, котораго подвиги прославляетъ; фантазеръ, покоряясь своему пѣнитическому расположенію; аббатъ рассказываетъ о чудесахъ своего монастыря, о правахъ данныхъ ему такимъ-то герцогомъ въ такой-то грамотѣ, объ уваженіи къ нему такого-то маркграфа. Такимъ образомъ понимаю я Никоновскій списокъ, Степенную Книгу, Синопсисъ, древнія сказки объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Владимірѣ; такимъ образомъ понимаю я Саксона грамматика, Споррона Стурлесона и другихъ баснословныхъ писателей; но къ древней нашей лѣтописи съ XI вѣка, когда лѣтописцы руководствовались уже не преданіями, а личными свѣденіями, нельзя совершенно приложить ни одного такого разсужденія. Что мы находимъ въ нихъ? Сухія, голыя, строчныя извѣстія. Наши монахи писали для себя, не для публики: кого имъ было обманыв-

вать! Вотъ обстоятельство, на которое не обращаютъ вниманія; и я, признаюсь, никакъ не могу понять, чтобъ эти монахи вставляли кое-гдѣ по простому, незначительному словцу, не для чего другаго какъ для удостовѣренія, что лѣтописи писаны не ими. Это былъ бы обманъ чудесный, поддѣлка глубокая, достойная только нашего времени, и которой нѣтъ ничего подобнаго во всей исторической литературѣ. Почему въ IX, X, въ началѣ XI вѣка нѣтъ такихъ личныхъ мѣстоименій? Но довольно объ этомъ ²⁵.

Перейдемъ къ другимъ доказательствамъ, — доказательствамъ третьяго рода.

Въ IX, X, XI вѣкахъ главными дѣйствующими лицами я вижу Варяговъ. Въ продолженіе этого времени они упоминаются до шестидесяти разъ въ лѣтописи. Лѣтописецъ знаетъ ихъ коротко: всѣ дѣйствія его Варяговъ имѣютъ одну опредѣленную физіономію, точно какъ Славяне имѣютъ другую, и ни въ одномъ мѣстѣ не прійдетъ вамъ въ голову сказать: Нѣтъ, это не въ Варяжскомъ духѣ! Нигдѣ не найдете противорѣчій. Это очень замѣчательно: такую вѣрность въ изображеніи народнаго характера мудро сохранить нынѣ, въ искусственномъ произведеніи, съ намѣреніемъ и желаніемъ. А тогда? Слѣдовательно Варяги лѣтописные списаны съ природы, просто, безъ затѣй. Примутъ ли нѣкоторые это въ доказательство, безъ цитаты, безъ буквы?.... Если бы лѣтопись была сочинена въ XIV или XIII вѣкѣ, то могла ли бы она не только приписывать вѣрно какія-либо дѣйствія Варягамъ, но даже знать ихъ имя? Въ XIV, XIII и даже XII вѣкѣ они сошли со сцены, перестали дѣйствовать, и имя это за-

²⁵ Характеръ нашихъ простодушныхъ лѣтописателей вѣрно схваченъ въ монологъ Пимена у Пушкина, — буди сказано не во гнѣвъ нашимъ ученымъ толкователямъ.

могло въ народѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось, и слѣды ихъ пропалъ. Съ чего бы взять ихъ было летописателю, кто бы онъ ни былъ? Переводя съ Греческаго, онъ говорилъ бы о Скиѣахъ, Руссахъ, а не о Варягахъ; въ Латинскихъ и Нѣмецкихъ летописателяхъ онъ не нашелъ бы этого имени съ такими обстоятельствами, какъ ненаходимымы; передъ собою онъ не видалъ уже ни одного Варяга, и имя это сохранилось только въ собственныхъ именахъ урочищъ — Варяжская пещера въ Кіевѣ, — Варяжская улица въ Новгородѣ, — Варяжскій островъ въ устьѣ Днѣпровскомъ.

Слѣдовательно, начало нашей летописи писано въ ту эпоху, когда можно было знать о Варягахъ, въ эпоху, близкую къ Варягамъ. Слѣдовательно, по-крайней-мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Выдумайте, какое хотите, лице; помѣстите его, куда пожелаете, въ какое бы то ни было время послѣ XI столѣтія; окружите его какими угодно обстоятельствами, — никакъ нельзя вамъ будетъ сообщить ему возможность такъ знать и такъ писать о Варягахъ, какъ мы читаемъ объ нихъ въ нашей летописи.

Почти то же можно сказать и о племенахъ Славянскихъ, нечисленныхъ и описанныхъ въ летописи. Въ XII столѣтіи они начали пропадать, а въ XIII совсѣмъ пропали, замѣненные именами княженій и городовъ. Въ XII столѣтіи слѣдовательно было трудно, а въ XIII едва ли возможно собрать и размѣстить ихъ по мѣстамъ: тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне; Черниговъ, Новгородъ, а не Сѣверяне; Владиміръ, а не Древляне; Смоленскъ, а не Кривичи. Летописецъ не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, потому что нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой совокупности: притомъ Греки доставили бы ему, въ краткихъ своихъ извѣстіяхъ, Кривитанъ, а не Кривичей; Верванъ, а не Древланъ,

и онъ не умѣлъ бы поправить ихъ, если бь самъ не зналъ изъ другихъ источниковъ. Следовательно, онъ описывалъ племена также съ натуры, съ живаго преданія, когда они не успѣли еще затеряться, то есть, въ XI столѣтіи. Точно ли были сіи племена, объ этомъ говорить нечего: такимъ состояніемъ начинаются Исторіи всѣхъ государствъ, древнихъ и новыхъ. Не говорю уже о томъ, что почти все они сохранились въ собственныхъ именахъ урочищъ.

Доказательства четвертаго рода, — хотя ихъ право, кажется, и не нужно! Но такъ и быть. Постарасмь убѣдить нашихъ скептиковъ, что они начали сомнѣваться, не осмотрѣвши своего предмета со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ болѣе я вникаю въ предметъ, тѣмъ болѣе чувствую смѣлости.

Въ началѣ летописи разсыяно множество выраженій, показывающихъ, что описаніе сдѣлано какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествія, когда оно было еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ. Вотъ нѣсколько ихъ для примѣра.

«И оубиша Аскольда и Дира, песоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся ныне зоветь Оугорское, «где ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ постави Ольга церковь Святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною.» Песторъ, по Лаврентьевскому списку, стр. 14.

«А хрестяную Русь водиша ротъ вцеркви свястаго Ильи, яже есть надъ ручисмъ, конецъ Пасынътъ «бесѣды и Козаръ». Стр. 26.

«И погребенъ бысть Игорь; есть могила его оу Пескорьстѣя города въ Деревъхъ и до сего дне.» Стр. 27.

«И послаша Деревляне лучшии мужи числомъ 20 «въ лодыи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в

«лодыи. Бъ бо тогда вода текущи возлѣ горы Кыевь-
«скыя, и на Подольи не съдяху людье, но на горь;
«градъ же бѣ Кневь; идеже естъ дворъ Гордятинъ и
«Нифовъ, а дворъ княжъ бѣше въ городъ, идеже
«есть дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею.»
Стр. 27.

«Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьсть пово-
«сты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея
«суть по всей земли, знамяня и мѣста, и повосты; и
«саше ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне; и по Днѣи-
«ру перевѣсища и по Деснѣ; и естъ село ея Ольжичи
«и досель.» Стр. 51.

«И погребоша Ольга (Олега, сына Святославова) на
«мѣстѣ оу города Вручюга, и естъ могила его и до сего
«дне оу Вручюга.» Стр. 44.

«Стояша Володимеръ обрывся на Дорогожичи, ме-
«жю Дорогожичемъ и Капичемъ, и естъ ровъ и до сего
«дне.» Стр. 45.

«А Володимеръ вииде въ Кіевъ, и остьде Ярополка
«въ Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ; естъ притча
«и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ.» Стр. 46.

«Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами свои-
«ми, и осквернися кровью земля Руска и холм-отъ.
«Но преблагій Богъ не хотя смерти грѣшникомъ; на
«томъ холмѣ ныне церковь стоитъ, Святаго Василья
«есть, якоже послѣди скажемъ,» и прочая. Стр. 48.

Такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть поз-
же XI столѣтія!

Доказательства пятого рода. Языкъ въ началѣ лѣ-
тописей носитъ на себѣ явные признаки древности
относительной. Стоитъ сравнить только описаніе про-
исшествія древняго съ описаніемъ происшествія, быв-
шаго въ XIII или въ XIV вѣкѣ. Напримѣръ, объ Оле-

гъ: «Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ і,
 «имаше на нихъ дань по чертъ кунъ. Въ лѣто.....
 «иде на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи нанъ
 «дань легъку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити,
 «рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ печему. Въ лѣто....
 «посла ко Радимичемъ рька: камо дань даете? они же
 «рѣша: Козаромъ; и рече имъ Олегъ: не дайте Ко-
 «заромъ, но мнѣ дайте; и въдаша Ольгови по щыля-
 «гу, якоже Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ По-
 «ляны и Деревляны, Сѣверены, и Радимичи, а Сули-
 «чи и Тѣверци пмяше рать.»

Это по древнѣйшему Лаврентьевскому списку, но
 вотъ другое извѣстіе изъ подновленнаго Софійскаго:

«Пріиде Ярополкъ (въ 1087) изъ Ляховъ и сътвори
 «миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять
 «къ Чернигову; а Ярополкъ съде въ Володимерѣ. И
 «пробысть мало, изиде къ Звенигороду, и не дошед-
 «шу ему града, прободенъ бысть отъ проклятаго Не-
 «радца отъ діавола научена и отъ злыхъ челоувѣкъ, ле-
 «жащу ему на возѣ, саблею съ коня прободе и, тогда
 «въздвигнувся Ярополкъ, выторгъ изъ себе мечъ и
 «рече веліимъ гласомъ: охъ, тотъ мя вороже прободе!
 «И бѣжа Нерадца треклятый къ Перемышлю, къ Рю-
 «риковичу; а Ярополка въземши отроци на конь предъ
 «ся, Радко Ивокинъ и иніи несоша къ Володимеру
 «оттуду къ Кіеву.»

А вотъ какимъ языкомъ въ томъ же самомъ спискѣ
 описано происшествіе 1327 года: «Того же лѣта при-
 «ѣха изъ Орды посоль спленъ на Тѣбрь, именемъ
 «Шолканъ, со множествомъ Татаръ, и велико насиліе
 «начаша творити; а князя Александра Михайловна-
 «и его брата хотяще убити, а самъ хотя състи въ Тѣрь
 «ри на княженіе, а иныхъ князей своихъ хотя поса-
 «жати по инымъ городомъ по Русьскимъ, хотя еще
 «привести Христіяны въ бесерменскую вѣру. Силою

« великаго Спаса и молитвою Пречистыя его Богомате-
 « ре, владычници нашея Богородици, Честнаго въ Успе-
 « шии, и молитвою повоявленною Святыхъ мученикъ
 « Князей Русьскихъ Бориса и Гльба, созва князь Тѣ-
 « ричь и поиде на Щолкана, рекъ: не азъ почаль из-
 « бивати, но оиъ; Богъ да будетъ отместицкъ крови
 « отца моего, великаго князя Михаила, и брата моего
 « князя Дмитрія, зане пролія кровь праведну, егда не
 « и мнѣ сеже створить, — и поиде на нихъ. »

Ухо не чувствуетъ ли явно, что эти описанія, не-
 смотря на поправки, принадлежать разнымъ столѣт-
 ямъ, и если последнее принадлежитъ XIV вѣку, то
 первое, вмѣстѣ съ прежними, должно быть вѣками
 двумя старше.

Обращу наконецъ вниманіе на форму драматиче-
 скую, форму древнѣйшую, въ которую отнюто все на-
 чало лѣтописи. Найдите ее въ XIII, XIV или XV сто-
 лѣтіяхъ въ такомъ видѣ!

Кажется довольно, слишкомъ довольно доказа-
 тельствъ, что начало нашихъ лѣтописей писано въ
одинадцатомъ столѣтіи, если не ранѣе; доказательства
 разнообразныхъ и положительныхъ, — примѣты пе-
 ревьва; указанія современности писателей съ лицами
 и происшествіями XI вѣка; описанія, которыхъ не-
 лзя было сдѣлать позднѣе этого времени; мѣста, ука-
 зывающія на близость къ происшествіямъ, на живость
 преданія; языкъ, форма драматическая. Доказатель-
 ства отъ противнаго я отлагаю до другаго времени.

Остается вопросъ, маловажный въ сравненіи съ предъ-
 идущими, вопросъ историческаго любовитства, а
 не нужды: кому принадлежитъ основаніе нашихъ
 лѣтописей? Объ этомъ особо.

ПОГОДИНЪ.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

=

ПУТЕШЕСТВІЯ МУРАВЬЕВА, МЕЙЕНДОРФА, КОНОМИ
И ЕОРНСА.

=

Политическое и общественное состояніе Средней Азии, остававшееся въ небреженіи со времени Марко-Поло и Рубрукиса, съ недавнихъ поръ обратило на себя то вниманіе, какого оно заслуживаетъ по своей важности. Распространеніе Россійскихъ владній съ одной стороны и Англійскихъ съ другой естественнымъ образомъ открыло новые виды для дѣятельности обѣихъ державъ, а превосходныя Гереновы изслѣдованія о большіихъ путяхъ древней торговли пробудили и въ ученомъ и политическомъ свѣтѣ мысль о возможности открыть ихъ снова и оживить мертвую бездѣйственность тѣхъ странъ, гдѣ процвели Вавилонъ, Тиръ, Бактрія и многочисленные города Греческіе. Два предмета подвергнуты были изысканіямъ и разбору: въ Россіи, съ жаромъ надежды на государственную пользу заговорили о способахъ учредить по сухому пути прямую торговлю между Астраханью и Индією; въ Англии, съ горечью зависти къ нашимъ успѣхамъ стали разсматривать средства защиты Ост-Индскихъ владній отъ вторженія тѣмъ же путемъ Русскаго штыка. Тогда какъ Баронъ Мейендорфъ, Французскій консулъ Гамба и здѣшняя Коммерческая Газета много писали въ пользу и противъ перваго вопроса, неотступное приближеніе побѣдоносной арміи, скачущей на верблюдахъ изъ глубины сѣвера къ берегамъ Гангеса, терзало безпрестанно воображенія Лондонскихъ журналистовъ и политиковъ: статьи за

статьями, книги за книгами появляются тамъ и по нынѣ, чтобъ доказать угрожающее бѣдствіе или явную невѣроятность подобнаго событія. Если бѣ дѣло само по себѣ не было столь смѣшно, съ нашей стороны право стоило бѣ оставить дальновидныхъ резонеровъ въ мучительной увѣренности, будто предположенія ихъ основательны, — хотъ бы для того, чтобъ наказать ихъ за удивительное невѣдѣніе благородства и безкорыстія политики, которой Россія слѣдуетъ такъ неуклонно. Но мы все знаемъ, что должно думать объ этой странной мечтѣ ихъ безпокойнаго недоброжелательства, и опровергать ее не нужно для нашихъ читателей, хотя появленіе въ свѣтъ Путешествія поручика Борнса подняло въ послѣдніе мѣсяцы цѣлую тучу перьевъ, которыя крѣпко настращали Англійскую публику мнимыми замыслами «Сѣвера,» или старались утѣшить ее доводами ихъ несбыточности. Скорѣе обратимся къ предмету болѣе миролюбивому и согласному съ истинными нашими пользами, — къ предмету возстановленія прямой торговли между Европою и Индіею черезъ Среднюю Азію, который остался нерѣшеннымъ послѣ долгихъ споровъ, происходившихъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, и съ которымъ было связано путешествіе Барона Мейендорфа.

Чтобъ рѣшить вопросъ, до какой степени эта мысль можетъ почестъся удобоисполнимою, должно обзрѣть земли, лежащія между Россіею и Индіею. Къ счастью, кромѣ сочиненій Муравьева и Мейендорфа, повѣйшія Конолли и Борнса * заключаютъ въ себѣ такіе обильные

* TRAVELS INTO BOKHARA, being an Account a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, and of a voyage on the Indus. By Lieut. Alexander Burns. 1854. 3 vols.

JOURNEY TO THE NORTH OF INDIA overland from England. By Lieut Arthur Conolly, 1854. 2 vols. Изъ этого сочиненія мы уже сообщили въ осьмой книжкѣ Б. для Ч. охоту автора за геною въ Афганскихъ лусакъ.

запасы свѣдѣній, что разсмотрѣніе такого рода дѣлается теперь возможнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, и мы намѣрены представить въ этой статьѣ краткій сводъ того, что по сіе время извѣстно Европѣ изъ Русскихъ и Англійскихъ путешественниковъ о нынѣшнемъ состояніи самой любопытной и самой недоступной части Азіи. Само собою разумѣется, что ни какіе въ свѣтъ торговые виды не заставятъ насъ забыть объ удовольствіи читателей: мы обставимъ наши доводы занимательнѣйшими чертами сочиненій, на которыхъ будемъ опираться наши разсужденія.

Сухопутная дорога отъ Астрахани до Хивы, если не совсѣмъ, такъ по-крайней мѣрѣ почти непротѣжа: она большею частію идетъ черезъ голыя степи, а если кое-гдѣ выдастся клочекъ зелени, то онъ занятъ «сынами пустыни,» которые только и поджидаютъ путешественниковъ: это ихъ добыча. Кратчайшій и безопаснѣйшій путь представляетъ Каспійское Море, и его-то избралъ Муравьевъ, отправляясь въ 1819 году въ Хиву. Онъ вышелъ на берегъ въ Балканскомъ заливѣ, и, добывъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ верблюдовъ и лошадей, пустился въ дорогу по обнаженной степи, гдѣ не видно ни звѣря, ни птицы, ни зелени. Однако, видъ этой пустыни становился тѣмъ менѣе дикъ, чѣмъ ближе нашъ путешественникъ подъѣзжалъ къ Хивѣ, и наконецъ достигъ онъ богатаго и плодоноснаго края, орошаемаго рукавами Аму-дарьи (Оксуса) и другихъ меньшихъ рѣкъ.

По словамъ его, даже и въ Германіи не видалъ онъ полей, такъ тщательно обработанныхъ, какъ около столицы Хивинскаго ханства. Всѣ дома окружены каналами, черезъ которые пролегаютъ легкіе мостики. Прекрасныя поляны усажены богатыми плодовыми деревьями. Кибитки и мазанки, разсыпанныя по этому прелестному краю, представляли ему одинъ

изъ пріятнѣйшихъ видовъ, какіе можетъ создать воображеніе. Онъ спросилъ своихъ вожатыхъ, принадлежащихъ къ одному изъ степныхъ племенъ, почему они также не занимаются земледѣліемъ или почему не предпочитаютъ плодородныхъ полей Хивинскихъ своей дикой пустынѣ? «Мы господа, отвѣчали они, а это работники; они боятся наибольшаго, а мы только Бога.»

Между-тѣмъ онъ имѣлъ часть-отъ-часу болѣе причинъ къ опасенію, что предпринятое имъ путешествіе кончится неблагопріятнымъ для него образомъ. Вопросы его о разстояніяхъ мѣсть, о положеніи и глубинѣ родниковъ, и о томъ, въ какую пору лучше путешествовать, почитались несомнѣнными доказательствомъ, что онъ лазутчикъ, а безпрестанные рассказы Хивинцевъ о жестокостяхъ, которымъ подвергались Русскіе невольники, не обѣщали ему ничего добраго. Однако жъ, послѣ сороко-восьми-дневнаго заточенія, онъ успѣлъ возвратиться въ Европу.

Если бъ этотъ оазисъ, говоритъ онъ, былъ подъ властію проевѣщеннаго правительства, онъ еодѣлался бы средоточіемъ торговли между Средней Азіею и Европой. Онъ отправляетъ уже значительный торгъ съ Оренбургомъ караванами черезъ Киргизскія степи, и съ Астраханью караванами жъ, которые грузятъ товары на Русскія суда въ Балканскомъ заливѣ. Поэтому, Г. Муравьевъ считаетъ весьма важнымъ для Россіи пріобрѣтеніе этого края, и совершенно убѣжденъ, что такимъ образомъ получила бы она въ европ. руки и торговлю съ Бухарою. Замѣтимъ, что на вопросъ его, далеко ли отъ Хивы до Бухары, одинъ Туркменецъ отвѣчалъ ему: «Семь дней пути для честнаго человѣка, а для вора три дня.»

Поручикъ Конолли называетъ предположеніе Г. Муравьева романическимъ, поставляя въ числѣ глав-

ныхъ препятствій къ исполненію его въроломство Туркменцевъ и трудность сообщеній между Каспійскимъ Моремъ и Хивою, которое, по словамъ его, отъ жаровъ съ начала Іюня до половины Августа, почти совершенно прекращается.

Но союзъ съ какимъ-нибудь сильнымъ Туркменскимъ владѣтелемъ или даже съ Персіею не достаточно ли для того, чтобъ упрочить тамъ вліяніе Россіи, которое дастъ новую жизнь древнему благосостоянію Харезма? Что жъ касается до песковъ, лежащихъ между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, то они посятъ явный слѣдъ прежней обработки, Г. Конолли самъ говоритъ намъ, что, при обыкновенномъ трудѣ, имъ легко возвратитъ плодоносіе.

Прежде чѣмъ разстанемся съ путешествіемъ Г. Муравьева, скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ соединеніи Оксуса (Аму-дарья) съ Каспійскимъ Моремъ. Г. Муравьевъ не сомнѣвается въ прежнемъ существованіи такого соединенія, а поручикъ Бернсъ почитаетъ это болѣе нежели сомнительнымъ. Поручикъ Конолли хотя и видѣлъ русло большой изсякшей рѣки, однако жъ неотваживается утверждать, чтобъ это былъ именно рукавъ Оксуса. Легко быть можетъ, что Геродотъ говорить о теченіи этой рѣки въ Каспійское море только потому, что ему не было известно существованіе Аральскаго. Въ новѣйшія времена, потоки, простирающіеся изъ Харезма, или Хивы, въ степь, могли утвердить Абулгазія во мнѣніи, будто и Оксусъ текъ нѣкогда въ ту сторону. Свидѣтельство Абулгазія можетъ быть впрочемъ только выраженіе мѣстнаго повѣрья. Кажется, Гг. Муравьевъ и Конолли видѣли высохшія соляныя озера или рвы, промытые тающимъ снѣгомъ: по-крайней-мѣрѣ покатость этой части материка къ сѣверу протіворѣчитъ древнему существованію такого сообщенія. Профессоръ Сенков-

скій, присоединившій къ путешествію Барона Мейендорфа, между прочимъ, переведенный съ Персидскаго свѣдѣнія о торговомъ пути изъ Семипалатинска въ Тибетъ, первый возсталъ противъ правдоподобія общепринятой сплетни, будто Оксусъ нѣкогда вливался въ Черное Море: онъ основывалъ разсужденіе свое особенно на томъ, что, по измѣренію полковника Берга, Каспійское Море кажется только 16-тью футами выше Чернаго, и что — по такой незначительной покатости, которой горизонтальная черта простирается на нѣсколько сотъ верстъ, ни какая рѣка течь не въ состояніи. Если измѣреніе полковника Берга вѣрно, то этотъ доводъ можно почесть неопровержимымъ, хотя Виленскій профессоръ, Г. Эйхвальдъ, посѣщавшій восточный берегъ Чернаго Моря, вполне убѣжденъ въ основательности показаній Геродота и Абулгази. Да если бъ предполагаемый рукавъ Оксуса и дѣйствительно отыскался, то едва-ли бъ можно было сдѣлать его по-прежнему судоходнымъ, и потому отъ Чернаго Моря до нынѣшняго теченія рѣки въ Аралъ товары могутъ итти не иначе, какъ караванами. Для перехода промежуточной степи потребно около десяти дней.

Перейдемъ къ путешествію Барона Мейендорфа изъ Оренбурга въ Бухару. Посольство, при которомъ онъ находился, провожалъ отрядъ изъ 200 казаковъ, 200 пѣшихъ солдатъ, 25 башкировъ и 2 пушекъ.

«Намъ угрожали безчисленныя опасности. Киргизы, которые вообще не любятъ, чтобъ Русскіе высматривали ихъ край, легко могли напасть на насъ ночью, и предположеніе это было не безъ основанія: въ 1805 году, не далеко отъ Сыръ-дарьи (древняго Яксарта) напали они на поручика Гавердовскаго: при упорнѣйшей оборонѣ едва спасся онъ самъ съ женою и лекаремъ, а три четверти бывшаго съ нимъ отряда осталось въ рукахъ кочевыхъ хищниковъ.»

Даже не дѣлая прямого нападенія, они могли за-жечь траву и кустарникъ, или украсть у нихъ лошадей на почлегъ, или наконецъ, убивъ часовыхъ, ограбить путешественниковъ такъ, что они этого бы и не слышали. Подобно сѣверо-Американскимъ Индѣйцамъ, Киргизы въ полной мѣрѣ обладаютъ хитростью дикарей, которая часто побѣждаетъ благоразуміе образованности. Договоромъ съ Киргизскимъ Султаномъ отвратили эту опасность, но надлежало еще ожидать нападенія Хивинцевъ, которые также преданы разбою и мастера дѣлать набѣги. Иногда пускаются они на грабежъ въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, и употребляютъ совсѣмъ не тѣ хитрости, какія Киргизы: рѣдко бываетъ, чтобъ предосторожность, полезная отъ одной орды, годилась и противъ другой. Одна изъ обыкновеннѣйшихъ уловокъ состоитъ у нихъ въ томъ, чтобъ напугать верблюдовъ въ караванъ дикими воплями, и напасть въ располхъ, когда эти животныя разбѣгутся во всѣ стороны.

Несмотря на это хищничество, баронъ Мейендорфъ полагаетъ возможнымъ распространить спасительное вліяніе Россійскаго правительства на степныя племена, кочующія отъ береговъ Волги до Сыръ-даріи, и обезпечить свободный ходъ Индѣйскихъ каравановъ черезъ ихъ степи; но нѣтъ сомнѣнія, что перемѣна во нравахъ какого бы то ни было народа требуетъ сильнаго, постояннаго и долговременнаго труда образованнѣйшихъ сосѣдей. Вотъ еще нѣсколько подробностей о Киргизахъ.

«Грабежъ и скотоводство кажутся имъ легчайшими способами существованія, нежели воздѣлываніе почвы, вообще довольно неблагоприятной. Они больше всего на свѣтѣ боятся осѣдлости и полагаютъ свое счастье въ томъ, чтобъ почитать себя «вольными какъ птицы», — сравненіе, употребляемое ими всегда, когда говорятъ они о кочевой своей

жизни. Теперь легко себя представить, отъ чего Киргизы, развъ только въ крайности, дѣлаются земляшцами, не говоря о томъ, что у нихъ есть древнее и часто повторяемое преданіе, которое гласитъ, что Киргизы утратятъ свою вольность, какъ скоро поселятся въ дома и примутся за земледѣліе.»

Не у нихъ однихъ закоренѣлыя понятія облакаются въ форму пророчества: Японцамъ предсказано тоже самое, если они откроютъ свои пристани для Европейской торговли. Впрочемъ у нихъ въ глазахъ живые примѣры по берегамъ Индѣйскаго океана. Константинопольскіе Турки и Греки имѣютъ такія же пророчества о близкомъ паденіи Стамбула, и вѣрують въ нихъ отъ всей души.

«Киргизы часто проводятъ цѣлую половину ночи, сидя на камнѣ, смотря на мѣсяцъ, и палаживая ушылыя пѣсни на еще печальнѣйшіе голоса. У нихъ есть историческія баллады, повѣщающія подвиги ихъ героевъ; но поэмы такого рода поются только записанными пѣвцами: я очень сожалѣю, что не слыхалъ ихъ. Я часто говаривалъ Киргизамъ, что мнѣ хотѣлось бы послушать ихъ народныхъ пѣсень; но они пѣли только наскоро сложенные привѣтствія, почти не стояющія вниманія; однако нѣсколько отрывковъ осталось у меня въ памяти. Одинъ Киргизскій бегъ, человекъ богатый, не безъ вкуса и дарованія, и притомъ глава многочисленнаго семейства, спѣлъ мнѣ однажды слѣдующій экспромтъ: — «Ты хочешь, чтобъ я спѣлъ тебѣ пѣсню. Изволь, я скажу тебѣ, что честный бегъ, хоть и бѣдный человекъ, выше коварнаго хана.» Эти слова совершенно выражали его чувства, потому что онъ былъ отъявленнымъ врагомъ хана Киргизскаго. Разъ молодой Киргизъ затанулъ слѣдующую пѣсню, сложенную молодою дѣвушкой: «Видишь ты этотъ снѣгъ? — а кожа у меня бѣлая! Видишь, какъ кровь убитой овцы алѣетъ на снѣгу? — а щечи-то у меня румяныя. Поѣзжай черезъ гору, и увидишь обгорѣлый пень, — а волосы у меня черныя его! У султана въ палатѣ сидятъ мулы и шнугъ безъ усталы; — а брови у меня темныя ихъ

чернилъ!» Вотъ образчикъ понятій Киргиза, сына степи, который, за исключеніемъ религіи (магометанской), шчего не заимствовалъ у другихъ народовъ. Ненокормимый, воинственный, дикій, онъ одинъ на конѣ своемъ пускается въ средину степи, и проѣзжаетъ пять или шесть сотъ верстъ съ удивительной быстротою, чтобъ повидаться съ родственникомъ или пріятелемъ въ другой ордѣ. Дорогой, останавливается онъ почти у каждаго аула, рассказываетъ новости и, увѣренный въ хорошемъ пріемѣ, знакомъ ли онъ или незнакомъ съ хозяевами, садится за ихъ трапезу. Пища состоитъ обыкновенно изъ крута, или сыру, который и видомъ, и вкусомъ похожъ на кирпичъ; гайрану, или слегка свернувшася овечьяго молока; мяса и куріи, или творожниковъ изъ кобыльяго молока, которые считаются у нихъ за большое лакомство. Онъ никогда не забудетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проѣзжалъ однажды, и черезъ нѣсколько дней, обогащенный новыми рассказами, возвращается тѣмъ же слѣдомъ домой отдыхать съ женою и дѣтьми. Жены — его главная и иногда единственная прислуга: онѣ готовятъ пищу, шьютъ платье, осѣдываютъ лошадей, а онъ, въ непоколебимой безопасности, ограничиваетъ заботы свои тѣмъ, что преспокойно стережетъ стада. Я самъ видѣлъ, какъ братъ Султана, чрезвычайно уважаемый Киргизами, пасъ овецъ своихъ: на лошади и въ курткѣ изъ краснаго сукна, скитался онъ за ними недѣли двѣ, отнюдь не думая уронить тѣмъ свое достоинство.»

Но намъ столько предстоитъ предметовъ, что мы должны скорѣе разстаться съ Киргизами, живущими, такъ сказать, у воротъ Средней Азіи, и отослать тѣхъ, которые пожелають узнать ихъ получше, къ прекрасному «Описанію Киргизъ-Кайсацкихъ степей» Г. Левшина. Посольство было принято Бухарскимъ ханомъ съ величайшею благосклонностью. Отдавая полную справедливость блистательному изображенію ханской столицы, начертанному Барономъ Мейендорфомъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи ознакомить читателей съ новѣйшими ко-

дробностями, сообщаемыми объ этомъ городѣ Борнсомъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо свѣжѣе.

«По прїѣздѣ въ Бухару, говоритъ онъ, мы прежде всего принялись за свои наряды, соображаясь во всемъ съ обыкновеніями, какія предписываются законами этого края. Въмѣсто чалмы надѣли мы косматыя овчинныя шапки, мѣхомъ внизъ, а *кемербенды*, или кушаки, замѣнили грубыми веревками или тесьмами. Мы сняли верхнее платье и чулки, потому что во «святомъ градѣ» Бухарѣ они служатъ отличіемъ между невѣрными и вѣрующими. Намъ сказали еще, что, въ стѣнахъ ея, никто, кромѣ магометанина, не можетъ ѣздить верхомъ, и какое-то внутреннее чувство убѣждало насъ соглашаться на всѣ эти пожертвованія, лишь бы дозволили намъ пожить въ столицѣ. Стихи, описывающіе Самаркандъ земнымъ раемъ, именуютъ Бухару «крѣпостью вѣры Ислама»: при безсильномъ невѣрїи могла ли намъ прїйти охота испытывать терпѣніе людей, по крайней мѣрѣ смотрѣвшихъ такими святошами?»

«При вѣздѣ въ городъ насъ даже и не обыскали; но, послѣ обѣда, чиновникъ потребовалъ насъ къ визирю. Товарницъ мой, докторъ Джерардъ, все еще страдалъ лихорадкою, и потому не могъ мнѣ сопутствовать: я пошелъ одинъ въ *аркъ*, или дворецъ, гдѣ министръ жилъ вмѣстѣ съ царемъ, и не могъ надивиться тому, что видѣлъ передъ собою, идучи версты три улицами Бухары до цитадели. Меня тотчасъ ввели къ визирю, или такъ называемому *Кушъ-беги*, «сокольничему», человѣку ирклонныхъ лѣтъ и пользующемуся большою властію. Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ, передъ которою былъ особенный дворъ, и тутъ-то онъ пригласилъ меня сѣсть на помостъ; впрочемъ былъ такъ ласковъ и снисходителенъ, что это меня успокоило. Я поднесъ серебряные часы и кашемировый нарядъ, для этого нарочно мною привезенные; но онъ отъ всего отказывался, называя себя рабомъ хана. Потомъ, часа два спрашивалъ онъ о моихъ дѣлахъ и о томъ, что привело меня въ такую дальнюю сторону. Я рассказалъ ему обычную повесть о возвратномъ путешествїи нашемъ на родину и предъявилъ паспортъ, выданный отъ Осъ-Индскаго гене-

раль-губернатора: министр прочелъ его съ особеннымъ вниманіемъ. Послѣ этого я говорилъ ему о знаменитости Бухарь у восточныхъ народовъ, и о томъ, что желаніе ее видѣть преимущественно влекло меня въ Туркистанъ. «А какого вы званія?» спросилъ министр. Я сказался офицеромъ Остѣ-Индской арміи. На вопросы его о нашей кладѣ, я счелъ нужнымъ отвѣчать, что у меня есть секстантъ, полагая, что насъ стануть обыскивать, и что лучше предупредить печальное открытіе. Я сказалъ ему тоже, что люблю наблюдать звѣзды и другія небесныя тѣла, потому что это весьма привлекательное занятіе. Визирь обратилъ особенное вниманіе на слова мои, и просилъ довольно настоятельно, хотя смиреннымъ голосомъ, чтобъ я сказалъ ему, когда будетъ благопріятное соединеніе планетъ, и какую цѣну на хлѣбъ предзнаменуетъ оно въ слѣдующемъ году. Когда я сталъ говорить, что наши астрономическія знанія не такого рода, онъ обнаружилъ чувство недоумѣнія; но вообще казался нами доволенъ, и обещалъ мнѣ свое покровительство. Онъ говорилъ, что пока мы въ Бухарь, ему нельзя дозволить намъ употребленія пера и чернилъ, потому что это могутъ представить царю съ дурной стороны и тѣмъ повредить намъ.

«Черезъ два дня послѣ этого свиданія, я опять позванъ былъ къ визирю, и нашелъ его окруженнымъ множествомъ почтенныхъ особъ, которымъ ему какъ-будто хотѣлось показать меня. Мнѣ дѣлали такіе распросы, которые заставили меня думать, что насъ все еще въ чемъ-то подозрѣваютъ; но визирь примолвилъ въ шутку: «Вы вѣрно ужъ написали что-нибудь о Бухарь?» Такъ какъ я въ первый разъ сказалъ ему всю правду, то не боялся теперь спутаться, и смѣло объявилъ этимъ господамъ, что пріѣхалъ посмотреть на чудеса Бухары, и что, по благосклонности визиря, уже ходилъ по городу и видѣлъ даже сады за стѣнами. Когда я воротился домой, мнѣ пришло въ голову, что любопытному визирю вѣрно понравится патентованный компасъ со стеклами, винтами и рефлекторами; но могло быть и то, что владѣтель такого многосложнаго механизма покажется ему не въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Однако жъ я отправился съ инструментомъ въ карманъ, и скоро очутился

въ его присутствіи. Я сказалъ, что у меня есть любопытная вещь, которая, думаю, ему понравится, и вынулъ компасъ, совершенно новый и прекраснѣйшей работы. Я описывалъ его пользу и выставялъ красоту отдѣлки до тѣхъ поръ, что визирь какъ будто ужъ и забылъ, «что онъ только рабъ хана и принять ничего не можетъ»: онъ началъ условливаться о цѣнѣ, но я прервалъ его увѣреніями, что привезъ инструментъ изъ Индостана именно ему въ подарокъ, потому что слышанъ объ усердіи его къ вѣрѣ, а съ помощію компаса онъ всегда угадаетъ, для исправности своихъ молитвъ, въ которой сторонѣ лежитъ Мекка, и даже исправить по немъ въ главной мечети, которую строить теперь въ Бухарѣ, *киблу*, или нишъ, показывающей направленіе Меккскаго храма: я жъ потому не могу принять отъ него ни какого вознагражденія, что онъ уже съ лихвою отплатилъ намъ своимъ покровительствомъ. Кушъ-беги схватилъ компасъ съ торопливостію ребенка, который боится, чтобъ у него не отняли новой игрушки, и сказалъ, что повезетъ его прямо къ Его Ханскому Благополучію, и опишетъ дивную хитрость нашего народа.

«По вечерамъ я обыкновенно бывалъ въ Бухарскомъ *регистанѣ*, то есть, на обширной площади передъ дворцомъ. Съ двухъ другихъ сторонъ ограждаютъ ее тяжелыя зданія *медресе*, или семинарій, а съ четвертой устроенъ водометъ, осыпанный высокими деревьями, гдѣ праздные и ебстовщики собираются около Азіятскихъ и Европейскихъ товаровъ, выставленныхъ на продажу. Пріѣзжему стоитъ только посидѣть на лавкѣ регистана, чтобъ узнать и Узбековъ, и Бухарцевъ. Тутъ онъ можетъ наговориться съ уроженцами Персіи, Турціи, Россіи, Татаріи, Китая, Индіи и Кабула. Онъ увидитъ Туркменцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ, которые сошлись изъ окрестныхъ степей, и, вмѣстѣ съ ними, жителей странъ плодоноснѣйшихъ. Онъ сравнитъ въжливость подданныхъ «Великаго Царя» — такъ именуется Бухарскій ханъ, — съ грубымъ обращеніемъ скитающагося въ пустынь Турка. Онъ увидитъ Узбековъ изъ всѣхъ ханствъ Мавераннегра: и на лицѣ ихъ прочтетъ перемѣны, причиняемыя временемъ и мѣстомъ въ каждой породѣ че-

ловъческой. Въ Узбекъ Бухарскомъ едва можно признать Турка или Татарина, — такъ перемѣшался онъ съ Персидскою кровью! Уроженцы сосѣдственной Кокани меньше измѣнились, а сосѣди Ургенджа, столицы древняго Харезма, или нынѣшніе Хивинцы, сохранили въ чертахъ своихъ какую-то особенную рѣзкость. Ихъ можно различить отъ всѣхъ другихъ по темнымъ овчиннымъ шапкамъ, *кальпакъ*, имѣющимъ около фута въ вышину. Русая борода, стрые глаза и бѣлое лице останавливаютъ иногда вниманіе чужестранца: это Русскій, лишенный отечества и свободы, и бѣдствующій здѣсь въ тяжкой неволѣ. Тамъ-и-сямъ попадется Китаецъ въ такомъ же несчастномъ положеніи: длинная коса его острижена, и вѣщичекъ спрятанъ подъ чалму, потому что онъ играетъ здѣсь роль магометанина. А вотъ Индеецъ въ нарядѣ, чуждомъ и ему и его отечеству. Маленькая четырехугольная шапочка, и веревка, вмѣсто пояса, отличаютъ его отъ магометанъ, и, — какъ скажутъ вамъ сами мослемины, — предостерегаютъ отъ оскверненія установленныхъ привѣтствій употребленіемъ ихъ въ разговоръ съ идолопоклонникомъ. Кромѣ этихъ отличій, Индѣйца можно узнать по его угрюмому взгляду и по всегдашнему старанію избѣгать сообщенія съ толпою. Онъ водится съ весьма немногими людьми, въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ. Жидъ такое же замѣтное существо, какъ и Индеецъ, только онъ одѣтъ нѣсколько иначе и носитъ коническую шапку. Но главнѣйшее его отличіе, это вѣстныя черты Еврейскаго народа. Въ Бухарѣ, Жиды прекрасной породы, и мнѣ случилось видѣть не одну Ревекку въ мнѣхъ странствіяхъ. Выраженіе лица ихъ много выигрываетъ отъ прекрасныхъ кудрей, выющихся по щекамъ и по шеѣ. Въ Бухарѣ до 4000 Жидовъ, выходцевъ изъ Мешгеда, въ Персіи, и главнѣйшее занятіе ихъ состоитъ въ крашеніи суконъ. Съ ними здѣсь такъ же обходятся, какъ съ Индѣйцами. Забзжій Армянинъ, опять въ другомъ нарядѣ, представляетъ свой скипающійся народъ; однако жъ земляковъ его здѣсь очень мало. За этими исключеніями, чужестранецъ видитъ на базарахъ статную, красивую и хорошо одѣтую массу народа, — Туркистанскихъ магометанъ. Большая бѣлая чалма и темноцвѣтная «чога», или шуба, подѣ

которою еще три или четыре таких же, составляютъ обыкновенную одежду; но регистанъ, у самаго дворна, а Узбеки любятъ являться передъ царемъ своимъ въ нестромъ шелковомъ платьѣ, называемомъ *эдресъ*: оно самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и показалось бы нестерпимо великому, кромѣ Узбека. Нѣкоторыя высшія особы одѣваются въ парчу, и тѣ, которыя близки къ государю, вѣззаютъ въ ограду, а прочія слѣзаютъ съ лошадей у воротъ. Почти всѣ являются къ хану въ сопровожденіи невольника, и хотя эти люди по большей части Персіане или ихъ потомки, но у нихъ совсѣмъ особенная паружность. Дѣйствительно, говорятъ, что три четверти Бухарскаго населенія происходятъ отъ невольничковъ; потому что рѣдкому плѣннику, приведенному изъ Персіи, позволяютъ возвратиться на родину, а многіе изъ нихъ даже и сами этого не желаютъ. Большую часть Бухарцевъ видишь верхомъ, но на конѣ ли, или пѣшіе, они всегда въ сапогахъ, и притомъ съ такими высокими и острыми каблуками, что мнѣ трудно было не только ходить, но и стоять на нихъ. Они верхка въ полтора вышиною, а въ верхушкѣ нѣтъ и трети верхка поперечнику. Это пародная обувь Узбсковъ. У иныхъ знатныхъ людей поверхъ сапоговъ башмаки, которые при входѣ въ комнату снимаются. Не забыть было мнѣ барынь въ этомъ обществѣ пересборъ всего пародонаселенія: онѣ обыкновенно являются верхомъ, и притомъ сидя по-мужски; очень немногія ходятъ прогуливаться, и всѣ подъ черными волосатыми покрывалами. Сквозь нихъ такъ трудно смотрѣть, что бѣдняжечки вглядываются въ васъ какъ въ маскарадъ. Только, Бога ради, не говорите съ ними, а если идеть мимо васъ затворница царскаго гарема, вамъ даже посовѣтуютъ отвернуться, а не послушается совѣта, такъ ударъ въ голову будетъ достойнымъ наказаніемъ. Такъ священны красавицы «священной» Бухары!

«Быть-можетъ, читатель имѣетъ теперь нѣкоторое понятіе о паружности ея жителей. Съ утра до почти стоитъ шумный гулъ надъ толпою, и невольно изумляешься, видя эту массу движущихся людей. Посреди площади продаются разные плоды подъ навѣсомъ изъ четырехугольной рогож-

ки, утвержденной на одномъ шестѣ. Удивительна неутомимость продавцевъ безпрестанно раздающихъ виноградъ, дыни, абрикосы, яблоки, персики, груши, сливы непрерывной чередѣ покупателей. Съ трудомъ продерешься въ улицахъ; того и гляди, что задавить лошадь или осель. Ослы здѣсь прекрасные, и бѣгутъ славной рысью съ сѣдоками и пошами. Легкія повозочки скачутъ вверхъ и внизъ, кромѣ тѣхъ улицъ, которыя слишкомъ тѣсны для ѣзды на колесахъ. На базарахъ вездѣ есть люди, разливающіе чай, который дѣлается въ большихъ Евронейскихъ самоварахъ, а не въ чайникахъ, и нагрѣвается металлической трубою. Я думаю, никто такъ не любитъ чаю, какъ Бухарцы: они пьютъ его вездѣ и во всякое время, съ сахаромъ и безъ сахара, со сливками и безъ сливокъ, съ саломъ, съ солью, со всякъ въ міръ. Рядомъ съ продавцами этого горячаго напитка можете вы купить *рахвет-и-джанъ* «отраду души» — виноградное желѣ, или сиропъ, взбитый со льдомъ. Обиліе льду есть одно изъ величайшихъ наслажденій въ Бухарѣ: его всегда можно имѣть до тѣхъ самыхъ поръ, пока съ наступленіемъ холодной погоды проходить въ немъ надобность. Имъ запасаются зимою, и продаютъ его по самой сходной цѣнѣ. Въ Бухарѣ ни одинъ человекъ не станетъ пить воды безо льду; и мужикъ покупаетъ его, жалуясь на крайнюю бѣдность, и нищій проситъ милостыни у прохожаго «на ледъ». Прохладительно даже видѣть огромныя его кучи при 90 градусахъ Фаренгейтова термометра. Безконечно было бы описывать все сословіе торговцевъ; довольно сказать, что почти нѣтъ вещи, которой бы нельзя было купить въ регистанѣ: тутъ найдете галантерейныя и стальныя издѣлія Европы, хоть, правду сказать, довольно грубыя; найдете и Китайскій чай, и Индѣйскій сахаръ, и Манильскія пряныя зелія, и прочая, и прочая. Можно приумножить запасъ своихъ Турецкихъ и Персидскихъ знаній въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ ученые и желающіе казаться учеными корпятъ надъ пестрыми страницами. Уходя вечеромъ изъ этой шумной толпы въ отдаленнѣйшія части города, пробираешься подъ сводами опустѣлыхъ базаровъ, мимо мечетей, увѣнчанныхъ прекрасными куполами, и отбланныхъ съ тѣмъ простымъ великолѣпіемъ, какое допус-

каютъ въ этомъ случаѣ магометане. Послѣ базарныхъ часовъ, къ нимъ толпится народъ на вечернюю молитву. У дверей семинарій, которыя обыкновенно пасупротивъ мечетей, вы видите учениковъ, наслаждающихся праздностью послѣ дневнаго труда; однако жъ они не такъ веселы и молоды, какъ студенты Европейскихъ университетовъ: напротивъ, многіе изъ нихъ угрюмые старики; въ нихъ больше лицемерія, по отнюдь не меньше порока, чѣмъ въ юношахъ другихъ странъ свѣта. Съ сумерками оканчивается вся хлопотня; бьетъ царскій бубень, *накара*, за нимъ раздаются и другіе во всѣхъ частяхъ города, и въ извѣстный часъ ужъ никому не дозволяется выходить безъ фонаря. Отъ этихъ распоряженій, полиція въ городѣ превосходная: во всѣхъ улицахъ безопасно оставляются на ночь огромныя кипы сукна. Все безмолвствуетъ до утра, когда шумъ опять начинается въ регистанѣ. День встрѣчаютъ тѣмъ же жраньемъ и чайничаньемъ; сотни мальчишекъ и осятъ, нагруженныхъ молокомъ, спѣшатъ къ суетливой толпѣ. Молоко продается въ чашечкахъ съ устоемъ сливокъ наверху: мальчикъ приноситъ ихъ на рынокъ двадцать или тридцать на палочкахъ, висящихъ у него на палкѣ за плечомъ. Сколько бы ни панесли молока, его тотчасъ расхватываетъ чаелюбивое населеніе этого обширнаго города.

«Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ видѣть невольничій базаръ, бывающій здѣсь каждую Субботу по утрамъ. Узбеки все дѣла свои отпраздляютъ черезъ невольниковъ, которые преимущественно вывозятся Туркменцами изъ Персіи. Здѣсь выставляютъ этихъ бѣдняковъ на продажу; подъ нихъ занято тридцать или сорокъ подмостковъ, гдѣ ихъ осматриваютъ какъ рогатый скотъ, съ тою только разницей, что они могутъ давать о себѣ отчетъ изустно, — чего рогатые скоты не дѣлаютъ. Утромъ я пошелъ на базаръ; тамъ было только шесть невольниковъ, и я видѣлъ, какъ ихъ продаютъ. Во-первыхъ спрашиваютъ относительно родства и обстоятельствъ плѣна; также, магометане ли они, то есть, *сунни*. Вопросъ предлагается такимъ образомъ потому, что Узбеки не почитаютъ *шии*, послѣдователя Аліева, за правовѣрнаго: для нихъ, какъ для

Иезуитовъ, раскольникъ несправедливѣ инновѣрца. Если торгующій удовлетворится тѣмъ, что невольникъ — *кафиръ*, то есть, невѣрный, онъ осматриваетъ его тѣло, особенно примѣчая, нѣтъ ли на немъ проказы, столь обыкновенной въ Туркистанѣ, и потомъ уже начинаетъ условливаться съ продавцемъ о цѣнѣ. Трое Персидскихъ мальчиковъ продавались по тридцати *тилла* золотомъ каждый, что составляетъ 200 рупій, или 500 рублей: удивительно, что эти несчастные казались еще довольны своимъ жребіемъ!

«Съ невольничьяго рынка я въ то же утро пошелъ на большой базаръ, и первое зрѣлище, представившееся глазамъ моимъ, были нарушители магометанской Пятницы: четверо взрослыхъ, найденныхъ спящими въ часъ молитвы и одинъ юноша, который осмѣлился курить всенародно. Все они были привязаны другъ къ другу, и преступный табачникъ открывалъ шестіе съ камьяномъ въ рукѣ. Полицейскій приставъ шелъ за ними съ претолстымъ ремнемъ, и хлесталъ ихъ, крича громко: «Послѣдователи Ислама смотрите, какъ наказывается тотъ, кто нарушаетъ законъ!» Между-тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ нелѣпѣе того противорѣчія, какое существуетъ между практикою и теоріею вѣры въ Бухарѣ. Вы можете явно покупать табакъ и все лучшія курительныя принадлежности, а если увидятъ, что вы курите при всѣхъ, васъ тотчасъ потащатъ къ *кази*, судѣ, выскуютъ, или заставятъ, съ выпачканнымъ сажею лицомъ, развѣзжать на ослѣ по городу. Кто въ Пятницу гоняетъ голубей, того возятъ на верблюдѣ, привязавъ мертвую птичку къ шеѣ виновнаго.

«Я забылъ сказать, что Бухарскія барыни красятъ себѣ зубы какъ можно чернѣе, и, отращивая волосы, распускаютъ ихъ въ косахъ по плечамъ. Одежда ихъ похожа на мужскую; онѣ носятъ такія же шубы, только рукава не надеваются, а связываются назадъ. Даже дома ходятъ онѣ въ огромныхъ бархатныхъ сапогахъ, тщательно изукрашенныхъ.»

Эти живописныя и любопытныя подробности, взятія изъ разныхъ мѣстъ книги, кромѣ удовольствія,

могутъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ, что Бухара — теперь главный рынокъ Средне-Азійской торговли, и что если бь открылось постоянное и безопасное сообщеніе между этой страной и однимъ изъ Европейскихъ государствъ, — разумеется Россією, — оно было бь чрезвычайно выгодно для обонхъ. Изъ Россіи есть еще третій путь въ Бухару, по которому ѣздятъ теперь Персидскіе купцы, именно черезъ Хорасанъ, куда легко проникнуть изъ Астрабада. По этотъ путь служитъ только за-Кавказскому краю, да и тутъ, между Хорасаномъ и Бухарою должно опасаться хищничества Туркменцевъ и безводности обширныхъ степей. О послѣдней поручикъ Борнсъ говоритъ слѣдующее:

«Мы и прежде слышали о пуетыняхъ къ югу отъ Оксуса (Аму-дарья), а теперь могли судить объ нихъ какъ самовидцы. Передъ нами бѣлыиель на солнцѣ оставы верблюдовъ и лошадей, падшихъ отъ жажды. Дороги или тропинки здѣсь таковы, что онѣ всема легко забываются, а стоятъ лишь разъ сбиться съ дороги, и человекъ и животное, оба погибаютъ. Именно, такое обстоятельство случилось за нѣсколько дней передъ выѣздомъ нашимъ изъ Чарджуи. Три человекъ, отираившешъ изъ Хивинскаго станова, заблудились, и издержали вею свою воду. Обѣ ихъ лошади пали отъ томительной жажды, и несчастные, отворивъ кровь остававшемуся въ живыхъ верблюду, питались ею, и такимъ образомъ достигли до Чарджуи, а верблюдъ ихъ издохъ на дорогѣ. Такіе случаи бываютъ часто. Хивинскій ханъ въ послѣднемъ походѣ своемъ лишился болѣе двухъ тысячъ верблюдовъ, навьюченныхъ водою и съѣстными припасами для его войска. Дорогою, онъ рылъ колодези, но воды показывалось очень мало. Верблюды очень терпеливо споеятъ жажду, однако жъ довольно пошлая ошибка, полагать, что они могутъ долго прожить безъ воды. Они обыкновенно начинаютъ страдать и умираютъ въ четвертый день, а если очень жарко, такъ и прежде.»

Любимое предположеніе о возможности поворотить Аму-дарью изъ Арала въ Черное Море, чтобъ тѣмъ открыть водяную коммуникацію изъ Астрахани во внутренность Азіи, кажется намъ мечтою, которой ни какой Дарій, ни Артаксерксъ не могъ бы привести въ исполненіе. Съ этой стороны судоходный путь навсегда потерянь, и приведенныя нами свѣдѣнія о характерѣ поколѣній, обитающихъ въ той части степи, не дозволяютъ даже надѣяться на удобную караванную торговлю. Остается обыкновенная дорога, — отъ Оренбурга черезъ Бухару.

Если постоянное торговое сообщеніе между Россіею и Бухарою могло бы быть источникомъ важныхъ выгодъ, то конечно кругъ нашей дѣятельности въ той сторонѣ получилъ бы еще пространнѣйшій объемъ съ открытіемъ удобнаго пути изъ Бухары въ Индію, а возможность такого событія легко доказать теперь простымъ соображеніемъ мѣстностей. По Аму-дарь товары могутъ идти вверхъ до Кундуза; отсюда до рѣки Кабула волокомъ, и потомъ внизъ по Кабулу до города Аттока, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Индъ.

Главное возраженіе, противопоставляемое открытію этого пути, заключается въ томъ, что товары, привозимые прямо изъ Индіи въ Россію, можетъ быть, обойдутся не дешевле тѣхъ, которые проходятъ вкругъ Мыса Доброй Надежды. Это еще не доказано. Но положимъ, что оно такъ: не должно жъ забывать, и того что цѣны въ разныхъ областяхъ столь обширнаго государства не одинаковы! Есть мѣста, гдѣ сбытъ прошедшихъ черезъ всю Азію предметовъ приносилъ бы еще значительную прибыль торговцу; притомъ же, это дѣло надобно предоставить купцамъ, они всегда найдутъ средства выиграть на товарѣ, тѣмъ болѣе, что могутъ заимать за него произведеніями, не имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ почти ни какой цѣнности.

Вывозная торговля заслуживаетъ также быть принята въ соображеніе въ этомъ случаѣ; и вообще всякая торговая дѣятельность, какъ бы ничтожною ни казалась она на бумагѣ, питаетъ тысячи людей и ведетъ сотни ихъ къ благосостоянію.

«Выгоды Аму-дарьи, говоритъ Борнсъ, должно почитать весьма важными и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніи; по удобствамъ своимъ, эта рѣка какъ бы предназначена быть путемъ для перевозки товаровъ или для какой-нибудь военной экспедиціи. И не по одному руслу дѣлаемъ мы это заключеніе. Должно припомнить, что берега ея населены и обработаны. Слѣдственно, это рѣка не только судоходная, но и обладающая всеми удобствами къ распространенію нынѣшняго судоходства. Она имѣетъ самое прямое теченіе, и, за исключеніемъ небольшой степени, соединяетъ Европейскіе народы съ отдаленными странами Средней Азіи.»

Довольно говорили мы о торговыхъ сообщеніяхъ. *Foreign Quarterly Review*, который въ послѣдней книжкѣ всею силою своего краснорѣчія защищаетъ свою Индѣйскую державу отъ нашествія на нее Русскихъ, превосходно доказалъ и удобность пути оттуда въ Бухару, и неисчислимыя выгоды торговли съ нею для Англичанъ. Трудъ его чрезвычайно упрощаетъ наше разсужденіе: какъ скоро путь удобенъ изъ Бухары въ Индію, онъ такъ же хорошъ и обратно; если Индѣйская торговля очень выгодна для Бухарцевъ, она столько же выгодна и для тѣхъ частей Россіи, которыя поближе къ Бухаріи. Все дѣло довольно точно выражается въ слѣдующихъ словахъ: когда сообщеніе съ Бухаріею будетъ безопасно, мы можемъ съ пользою участвовать въ прямой торговлѣ съ Индіею. Займемся теперь исключительно любопытными подробностями прекраснаго путешествія поручика Борнса.

Въ началъ 1851 года, Г. Борнсъ отправился изъ Индіи съ пятью лошадьми, посланными отъ Англійскаго правительства въ подарокъ Лагорскому магараджѣ, или властителю, Ренджитъ-Сину. Ему поручено было слѣдовать ввсрхъ по Инду, и собирать всевозможныя свѣдѣнія о плаваніи этою могущественной рѣкою. Неправильность эмировъ Синдскихъ едва не уничтожила этого предпріятія, но должна была уступить твердости и благоразумію посланнаго, и рѣка Индъ была осмотрѣна Европейскими плавателями въ первый разъ послѣ Александра Великаго. Увидѣвъ плывущихъ Англичанъ, одинъ изъ стоявшихъ на берегу Синдовъ воскликнулъ: «Пришелъ конецъ Синдскому краю, когда *Инглизы* явились на нашей святой рѣкѣ!» Этотъ Синдъ вѣрно былъ изъ пророковъ.

Наконецъ они достигли страны Сейковъ, принадлежащей Ренджитъ-Сину. Это было вечеромъ.

«Только разсвѣло, и подданные магараджи засуетились, любопытствуя видѣть лошадей: мы выгрузили ихъ напоказъ. Удивленіе ихъ было чрезвычайно: «Да это не лошади, а маленькіе слоны!» говорили они. Гривы и хвосты ихъ правились, кажется, потому, что были похожи на шерсть Тибетскихъ коровъ. Не легко мнѣ было отвѣчать на все вопросы. Эти люди думали, что подарокъ Англійскаго Короля долженъ быть чѣмъ-то необычайнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: они полагали, на примѣръ, что ломовая лошадь идетъ и большимъ и малымъ галопомъ, и дѣлаетъ все эволюціи, къ какимъ способно только самое легкое животное. Изумленіе ихъ достигло высшей степени, когда они стали разсматривать копыта, и все неотступно просили, чтобъ я дозволилъ послать одну подкову въ Лагоръ, потому что въ ней найдено было 100 рупій вѣсу, то есть, вчетверо противъ здѣшнихъ. Эту рѣдкость отправили съ нарочнымъ, присоединивъ къ ней самое точное измѣреніе каждой лошади для подробнаго доклада Ренджитъ-Сину. Можно себѣ представить, въ какомъ уваженіи была эта достопримѣча-

тельность, когда послѣ говорили, что «глядя на нее, новый мѣсяцъ поблѣднѣлъ отъ зависти!»

Въ Лагорѣ путешественники видѣли великолѣпный садъ Шахъ-Джихана. Это остатокъ Могольской роскоши, въ полмили длиною, съ тремя террасами, возвышающимися уступомъ. Каналь, проведенный издалека, пересѣкаетъ этотъ прекрасный садъ, и снабжаетъ водою четыреста пятьдесятъ фонтановъ, освѣжающихъ воздухъ.

Г. Борнсъ не нахвалится обхожденіемъ Ренджитъ-Сина, и описываетъ его, какъ и Викторъ Жакмонъ, человѣкомъ дѣятельнымъ, смѣтливымъ и любознательнымъ. Онъ показывалъ путешественникамъ свое войско, весьма хорошо обученное Французскими офицерами, и съ любопытствомъ разспрашивалъ о сравнительной силѣ Англии и Франціи.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, поручикъ Борнсъ предпринялъ, въ сопровожденіи доктора Джерарда, дальнѣйшее путешествіе въ средину Азіи. Изъ владѣній Ренджитъ-Сина перешли они въ страну Афганцевъ, и остановились въ главномъ городѣ Кабульскаго ханства, Пишаверѣ, гдѣ Султанъ Мухаммедъ-Ханъ принялъ ихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Бѣдному доктору было много хлопотъ съ Афганцами, которые, въ своей терапіи, придерживаются суевѣрія древнихъ Грековъ, и тогда только слушаются врача, когда онъ подробно объяснитъ имъ дѣйствіе предписаннаго лекарства на весь органы. Особенно любопытствуютъ они знать, горячимъ или холоднымъ путемъ оно дѣйствуетъ на мокроты. Несмотря на частыя ихъ посѣщенія, путешественники были довольны пребываніемъ своимъ въ Пишаверѣ и обществомъ Афганцевъ, которыхъ обычаи больше Европейскіе, чѣмъ Азіятскіе. Однако жъ кушанья

тамъ не разнообразны и замѣчательны только обиліемъ жирныхъ мясъ: приготовленіе ихъ очень похоже на наше, хотя здѣсь не знаютъ употребленія ножей и вилокъ. Борнсъ и товарищъ его часто приглашасмы были обѣдать въ садахъ, на открытомъ воздухѣ, среди благоуханія прекрасныхъ цвѣтовъ; но лучи палящаго солнца обыкновенно дѣлали для нихъ эти обѣды неспособными. Когда они пріѣхали въ Пишаверь, виноградъ, груши и яблоки были въ совершенной зрѣлости, но еще задолго до нихъ отъѣзда все это посохло отъ солнца.

Пишаверская равнина лежитъ въ тысячъ семи стахъ футовъ надъ поверхностью моря. Когда путешественники прибыли въ Пишаверь, вершины окрестныхъ горъ покрыты были снѣгомъ, но къ 1 Апрѣля не осталось и слѣдовъ его. Рѣдкость дождей, которые идутъ очень непостоянно, содѣлываетъ жары въ Июнѣ и въ Июль неспособными, за то зимы здѣсь холодны и продолжительны. Растенія и травы прозябаютъ съ удивительной силою; но не видно ни елей, ни другихъ деревь, украшающихъ страны сѣвера.

Путешественники пріѣхали въ городъ Кабуль 1 Мая, а на другой день встрѣтилъ съ знаменитымъ миссіонеромъ, перскрещенцемъ изъ Жидовъ, Вольфомъ, который только что воротился изъ чрезвычайно опаснаго путешествія въ Мешгедъ. Его схватили и сдѣлали невольникомъ; но, по физической его малоцѣнности, онъ былъ отпущенъ Туркменцами за небольшой выкупъ. Вблизи Балха грозилъ ему смертію, если онъ не приметъ магометанской вѣры: онъ и тутъ выпутался изъ бѣды, отдавъ послѣдній гульдены. Послѣ того, избитый до полусмерти, онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ длинный хребтъ горъ по снѣгу, въ сажень глубиною, и, къ довершенію своего несчастія, лишился тамъ лошади. Онъ пришелъ

въ Кабуль безъ платья и безъ денегъ, и встрѣча съ нашими путешественниками была для него неожиданнымъ благополучіемъ. Въ странствіяхъ своихъ онъ особенно занимается изслѣдованіемъ всего относящагося до поколѣнія Евреевъ. Не даромъ побывалъ онъ и въ Кабуль: Афганцы сами выдаютъ себя за отрасль Іудейскаго народа, и именно за одно изъ утраченныхъ колѣнъ. Не знаемъ, наши ли этимологи увѣрили ихъ въ этой глупости, или они нашихъ этимологовъ, — но то вѣрно, что послѣдніе нашли въ ихъ языкѣ множество Еврейскихъ словъ. Патеръ Крусинскій, авторъ извѣстной исторіи покоренія Персіи Афганцами, сочиненной имъ на двухъ языкахъ, Латинскомъ и Турецкомъ, былъ также увѣренъ, что они «изъ Жидовъ.» Г. Вольфъ, несмотря на глубокія свѣдѣнія во всѣхъ языкахъ Востока, занимается своимъ предметомъ исключительно, и гордится тѣмъ, что онъ въ жизнь свою не сблалъ и десяти шаговъ въ сторону для посѣщенія какихъ-нибудь древнихъ развалинъ. Онъ объѣхалъ Египетъ, Персію, Палестину и многія другія земли, ища повсюду слѣда Евреевъ, и теперь та же цѣль поведетъ его въ Тибетъ, Китай, Япоцію и Тимбукту. Кажется, что, въ бытность свою въ Кабуль, онъ очень забавлялъ товарищей своею образностью и живостью религіозныхъ своихъ мнѣній.

Достъ-Магометъ, ханъ Кабульскій, принялъ путешественниковъ какъ нельзя лучше, и дѣлалъ имъ такіе вопросы, которые показываютъ въ немъ необыкновенную для Азіятца образованность. Слышавъ отъ Русскихъ купцевъ о рекрутскомъ наборѣ и о воспитательныхъ домахъ въ Россіи, онъ разсуждалъ объ этомъ съ поручикомъ Борисомъ; спрашивалъ его о состояніи Европы, Китая, Индіи, и о цѣли его путешествія. Замѣчательно, что Кабуль не имѣетъ съ Индіей такихъ важныхъ сношеній какъ съ Россією, ко-

торой слава день ото дня здѣсь распространяется. Русскихъ хвалятъ всѣ въ одинъ голосъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нужды мы нашли бѣ въ Афганцахъ усердныхъ союзниковъ. Почтеніе, питаемое здѣшними жителями къ Русскому имени, изумило Англійскаго поручика, который съ досады вздумалъ увѣрять ихъ, будто мы, Русскіе, такъ дурно учимся Географіи, что даже не знаемъ, гдѣ лежитъ Кабуль. Читатели! пристыдите этого дерзкаго поручика, скажите, гдѣ лежитъ Кабуль, гдѣ живутъ наши обожатели, Афганцы.....?

«Кабуль чрезвычайно шумный и населенный городъ. После обѣда такой гвалтъ, что нельзя разговаривать на улицѣ. Большой базаръ — красивая аркада около 600 футовъ въ длину и около тридцати въ ширину; онъ раздѣленъ на четыре ровныя части. Кровля выкрашена, и надъ лавками выстроено нѣсколько домовъ. Планъ очень хорошій, но некончанный; также оставлены принадлежащіе сюда водометы и чистерны. При всемъ томъ, мало такихъ базаровъ на Востокъ, и нельзя не удивляться множеству шелковъ, сукопъ и товаровъ, разложенныхъ подъ его сводами. Любопытно видѣть его вечеромъ; каждая лавка освѣщена лампою, привѣщенной спереди, отчего весь городъ кажется иллюминированнымъ. Здѣсь для всякаго промысла особенный базаръ, и все они заняты. Есть, между прочимъ, торгующіе книгами и бумагой, которая по большей части Русская и синяго цвѣта. Май мѣсяць настоящая пора для *фелюдѣ*, или бѣлаго спарона, который добываютъ изъ пшеницы, и пьютъ съ шербетомъ и снѣжкомъ. Народъ очень его любитъ, и лавочки во всѣхъ частяхъ города безпрестанно продаютъ. Подлѣ, стоитъ снѣжный столпъ, а вблизи бѣсть фонтанъ, и освѣжая воздухъ, придаетъ лавкамъ опрятную наружность. Вокругъ пскаренъ шумятъ толпы народа, ожидающія хлѣба. Его пекутъ, намазывая къ стѣнкамъ пещи. Кабуль славится своимъ *кебабами*, или жаренымъ мясомъ, изрѣзаннымъ въ глотки, котораго очень много покупаютъ, и рѣдкій жаритъ его у себя дома. Въ Маѣ мѣсяцѣ лакомятся здѣсь *ревашемъ*.

Это просто бѣлый ремень, взрощенный во всегдашней тѣни, и чрезвычайно вкусный. *Шабашъ ремашъ!* «Вивать ремень!» кричатъ разнощики по улицамъ. Въ многолюднѣйшихъ частяхъ города есть разскащики, какъ и въ Персїи, забавляющіе зѣвакъ, и дервиши, воспѣвающіе славу и подвиги пророковъ. Только попадись этимъ господамъ хлѣбникъ, они сейчасъ требуютъ отъ него булки во имя всякаго пророка поочередно, и если судить по числу ихъ, то ремесло должно быть очень прибыльно. Въ Кабуль не ѣздятъ на колесахъ; по улицы не очень тѣсны: въ сухую погоду содержатся онѣ въ весьма хорошемъ состоянїи, и пересѣкаются маленькими крытыми водопроводами съ чистою водою, что очень удобно для народа. Базары были для меня не такою новостью, какъ самая наружность людей. Они расхаживали въ своихъ овчинныхъ тулупахъ, и казались толсты какъ бочки отъ множества падѣтаго на нихъ платья. Дѣти всѣ съ полными и такими румяными щеками, такъ что я принялъ-было это за искусственную краску. Тѣ, кто постарѣе, кажется, его теряютъ. Въ Кабуль до 60,000 жителей, и всѣ единогласно утверждаютъ, что ихъ городу по-крайней-мѣрѣ 6000 лѣтъ. Есть народное повѣрье, что когда діаволь свргнуть былъ съ неба, онъ упалъ прямо въ Кабуль: жаль, если не въ дождливую погоду, потому что тогда онъ утонулъ бы въ грязи на улицѣ.»

Довольные пребываніемъ въ Кабуль, путешественники отъправились наконецъ далѣе черезъ Гинду-кушъ, грозный хребетъ снѣжныхъ горъ, и достигли знаменитаго Баміана.

Этотъ древній городъ, можетъ-быть, тотъ самый, который Александръ Великій основалъ у Паропамиза, нынѣшняго Гинду-куша, передъ вторженіемъ своимъ въ Бактрію. Страна отъ Кабула до Балха по-сю-пору называется *Бахтаръ-земля*, то есть, «Бахтаръ-земля.» Имя «Бахтаръ» напоминаетъ древнюю Бактру. Самое названіе Баміанъ какъ будто указываетъ на возвышенность мѣстоположенія, потому что *бамг* значитъ по-Персидски «плоская кровля» домовъ. Здѣсь

есть безчисленное множество пещеръ, въ которыхъ живетъ большая часть народонаселенія. Одинокій холмъ посреди долины усыпанъ ими, какъ сотъ ячменю, и напоминаетъ Троглодитовъ, описываемыхъ историками Александра. Холмъ состоитъ изъ глины и гольшей, и потому легко было вырывать въ немъ пещеры: удивительно лишь, до какой степени это здѣсь простерлось. По обѣимъ сторонамъ долины есть также пещеры, но болѣе къ сѣверу, гдѣ находятся и петукапы. Они по большей части съ кубическими, то есть, старо-Арабскими надписями, и слѣдственно относятся ко временамъ послѣ Магомета. Нѣкоторыя пещеры выведены куполомъ, и по краямъ его тянется фрнзъ. Кромѣ этого, не видно ни какихъ архитектурныхъ украшеній.

Ни одинъ памятникъ Азіятской древности не обращалъ на себя такого вниманія Ученыхъ, какъ колоссальные идолы Баміана. Это двѣ фигуры, одна мужская, другая женская: первая называется Самаль, вторая Шахъ-Мама. Мужская фигура около 120 футовъ вышиною, и занимаетъ фасъ въ 70 футовъ: впадина, въ которой она изваяна, простирается также на 70 футовъ во внутренность утеса. Ноги петукапа изуродованы пушечными выстрѣлами, и лице выше рта все истреблено. Губы очень широки, уши длинны и висячи, а на головѣ была, повидимому, діадема. Вся фигура обвѣшана мантиею, сдѣланною какъ бы изъ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старались еще укрѣпить ее деревянными кольями. Впрочемъ, въ отбѣлкѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни чистоты. Руки, поддерживавшія мантию на распашку, обѣ отбиты.

Женская фигура лучше выполнена, по одѣта такъ же, какъ мужская. Она около 200 локтей отъ первой, высѣчена изъ того же утеса, но въ половину ниже. Ни-

ни обонхъ истукановъ были покрыты цементомъ, и расписаны человѣческими изображеніями. Теперь, живопись видна только надъ головами идоловъ. Краски такъ же ярки и очерки такъ же рѣзки, какъ въ Египетскихъ гробницахъ. Все эти изображенія представляютъ женскіе бюсты, съ хохломъ волосъ на головѣ и съ какою-то тою по груди. Все это окружено однимъ сіяніемъ, а голова другимъ. Въ одномъ мѣстѣ видна группа изъ трехъ женскихъ фигуръ, какъ бы идущихъ другъ за другомъ.

Народныя сказанія объ этихъ истуканахъ сбивчивы и неудовлетворительны. Утверждаютъ, что около Рождества Христова они изъсѣчены были племенемъ невѣрныхъ, которые хотѣли изобразить царя Селсея съ женою, царствовавшего въ какой-то отдаленной странѣ, и обоготвореннаго за его величіе (или за величину?). Индѣйцы говорятъ, что эти истуканы сдѣланы поколѣніемъ Панду, и что будто объ нихъ упомянуто въ Магабартѣ. Одно то достоверно, что ни одинъ Индѣецъ не пройдетъ мимо ихъ безъ поклона. Длинныя уши большей фигуры заставляютъ почитать вѣроятнымъ, что объ оныхъ Буддическаго (Далай-ламскаго) происхожденія. Кажется, всего ближе къ истинѣ, что Баміанскими истуканами обязаны мы прихоти какого-нибудь знатнаго властелина, который хотѣлъ увѣковѣчить себя въ этихъ пещерахъ. Но мы забыли о нашихъ путешественникахъ, — потому что эти любопытныя подробности о Баміанскихъ истуканахъ приводимъ изъ *Asiatic Journal*, журнала издаваемого въ Калькутѣ, а не изъ сочиненія Г. Бориса.

Путешественники посетили знаменитый некогда Балхъ, процвѣтавшій и подъ именемъ Бактрин и подъ нынешнимъ. Теперь въ немъ только 2000 жителей, но развалины его лежатъ на двадцать миль въ окружности, и свидѣтельствуютъ о прежней славѣ этой

«матери городовъ», *умму'ль-биладъ*. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ перешелъ отъ Афганцевъ во власть Бухаринъ, которой всегда принадлежалъ.

«Мы выѣхали изъ Балха въ полночь, съ небольшимъ караваномъ въ двадцать верблюдовъ. У каждаго изъ нихъ висѣло черезъ спину по двѣ корзины, называемыхъ куявами, а въ корзинахъ было по человѣку: такимъ образомъ, докторъ качался съ какимъ-то Афганцемъ, а я съ моимъ Индустанскимъ слугою. Сначала этотъ родъ путешествія не могъ казаться удобнымъ, потому что корзины были въ четыре фута длины и въ два съ половиной ширины, и надлежало быть очень гибкимъ и замысловатымъ, чтобъ упрятать въ нихъ, какъ кипу товаровъ, живое тѣло въ шесть футовъ длины безъ малаго. Привычка скоро помирла насъ съ колыханіемъ верблюда и тѣнотой помѣщенія, а сверхъ того мы сдѣлали важное открытіе: тутъ намъ можно было читать и даже писать, не бывъ замѣченными.»

Караванъ, подъ прикрытіемъ Туркменцевъ, достигъ береговъ Аму-дарьи. Переправа черезъ эту большую и быструю рѣку достойна вниманія по своей странности: въ лодку впрягаютъ, или точнѣе привязываютъ къ ней канатомъ за гриву пару или четверню лошадей; лодочникъ управляетъ ими, и въ четверть часа вы преспокойно переезжаете пространство воды, съ полмили шириною.

«Близъ того мѣста, куда мы теперь пріѣхали, есть поколѣніе Узбековъ, называемое Лакай, и прославившееся своимъ грабительствомъ. У нихъ есть пословица, налагающая проклятіе на тѣхъ, кто умретъ въ постель, потому что ничему Лакаю непременно должно погибнуть въ набѣгѣ, или *чану*. Мнѣ еказывали, что иногда и женщины сопровождаютъ мужей въ этихъ разбойническихъ экспедиціяхъ, но гораздо достовернѣе, что молодыя красавицы грабятъ только тѣ караваны, которые проходятъ неподалеку отъ ихъ жилищъ. Это племя живетъ близъ Гиссара, — самаго романческаго въ цѣломъ краѣ оазиса съ городомъ того же имени: кромѣ

Лакайскихъ Амазонокъ, тутъ есть еще три или четыре племени, набивающіяся въ потомство Александру Великому.

О пребываніи въ Бухарь имѣли мы случай говорить. Теперь прибавимъ только любопытную о образъ жизни молодаго царя Узбековъ :

«Вода, которую онъ пьетъ, приносится съ рѣки въ мѣхахъ, подъ присмотромъ и за печатью двухъ чиновниковъ. Распечатываетъ ее визирь; даетъ отвѣдать окружающимъ, потомъ самъ отвѣдываетъ, запечатываетъ снова и отсыластъ къ хану. Ежедневная пища Его Величества подвергается такому же изслѣдованію: министръ откушиваетъ самъ и даетъ окружающимъ; съ часъ ждуть они, не будетъ ли какого вреднаго дѣйствія, потомъ замыкаютъ въ сундукъ и отправляютъ. У хана одинъ ключъ, у визиря другой. Такъ же точно пшнытываютъ плоды, варенья и все съѣстное, такъ что доброму царю Узбековъ едва ли когда достается горячій и свѣжій обѣдъ. Ядъ здѣсь въ большомъ употребленіи; даже восшествіе пынцзяго «Великаго Падишаха» на престолъ окружено сильнымъ подозрѣніемъ, что онъ зеліемъ пособилъ слѣзъ закона о наследствѣи верховной власти. Разъ, одинъ туземецъ поподчивалъ меня смоквами; я взялъ одну и съѣлъ изъ въжливости. Но онъ предостерегъ меня отъ такой оплошности на будущее время: «Всегда, говорилъ онъ, должно «давать напередъ часть предложеннаго лакомства подчивающему, и если онъ станетъ есть, тогда и вы можете послѣ «довать его примѣру.»

Несмотря на то, чѣмъ болѣе поручникъ знакомился съ Средне-Азіятцами, тѣмъ они становились ему любезнѣе, и онъ, кажется, романтически наслаждался ихъ обществомъ въ шумныхъ, полныхъ жизнью караванахъ. Какъ радушно дѣлятъ они другъ съ другомъ каждый кусокъ на дорогѣ! Варвары гостепріимны; образованные только въжливы.

Въ Мешгедѣ Борнесъ видѣлъ Хосрева-Мирзу, сына Аббасъ - Мирзы, бывшаго наследника Персидскаго престола:

«Скоро пустился я осматривать городъ и прежде всего въ *аркъ*, или цитадель, гдѣ былъ внезапно изумленъ присутствіемъ Хосревъ-Мирзы, того молодаго принца, который тѣдилъ посломъ въ Петербургъ, а теперь исправлялъ должность Мешгедскаго намѣстника, пока отецъ его былъ въ полѣ. Кажется, путешествіе въ Европу принесло ему много пользы: онъ говорилъ со мною цѣлый часъ, распрашивая о моихъ странствіяхъ; потомъ шутилъ надъ моею бородою и одеждою, и увѣрялъ, что это было бѣ большою рѣдкостью въ мосмъ отечествѣ. Онъ хотѣлъ знать, католикъ ли я или протестантъ, и дивился, какъ я благополучно достигъ Персін. Онъ просилъ меня на другой день къ себѣ, что я и не приминулъ исполнить, потому что первый пріемъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. На слѣдующее утро я засталъ принца за дѣлами въ аркъ: къ нему приближались съ такимъ же строгимъ церемоніаломъ, какъ бы къ самому государю. Онъ чрезвычайно говорливъ, и рассказывалъ мнѣ о поѣздкѣ своей въ Россію, отзываясь съ величайшими похвалами насчетъ воспитанія и любезной образованности тамошнихъ дамъ. Кто-то изъ его свиты, и вѣроятно очень приближенная особа, замѣтилъ, что Его Высочеству непременно следовало возвратиться въ Персін хоть съ однимъ изъ этихъ ангеловъ. Принцъ отвѣчалъ, что это было невозможно, и сослался на меня.....»

Замѣчательнѣйшее зданіе въ «Мешгедъ-святomъ» есть гробница НаDIRь-Шаха. Здѣсь живутъ еще потомки великаго завосателя, но лишеныя зрѣнія и въ крайней нищетѣ!

Мы не послѣдуемъ за поручикомъ Борисомъ въ путешествіи его по Персін, а остановимся только на очеркъ Фетхъ-Али-Шахова Двора:

«*Кибле-и-алѣмъ*, или Средоточіе Вселенной, — какъ называется шахъ, — сидѣлъ въ зеркальной палатѣ, и когда еще свѣтъ лица его не досягалъ до насъ, мы ужъ вытянулись и отвѣсили по поклону. Потомъ подошли ближе и

опять раскланялись, а Средоточіе Вселенной отвѣчало громко — *Хошъ-амедидъ!* «добро пожаловать!» Тутъ мы поднялись нѣсколькими ступенями и очутились въ шахскомъ присутствіи. — *Димае — и шума чакъ эстъ?* «исправны ли ваши мозги?» воекликнулъ Его Величество звучнымъ голосомъ. Мы стали въ углу, противоположномъ шахскому мѣсту, и отвѣчали на привѣтствіе поклономъ. Наеъ было трое; мирзы-министры стояли по сторонамъ. Шахъ сидѣлъ отъ наеъ шагахъ въ двадцати, и множество хрустала, разставленнаго съ лавочнымъ безвкусіемъ, отдѣляло насъ отъ царя царей.»

Подробности этого представленія очень любопытны, но слишкомъ длинны для выписки; вотъ нѣсколько строкъ для примѣра :

«Послѣ небольшого перерыва въ разговорѣ, шахъ спросилъ съ непритворнымъ любопытствомъ, какое величайшее диво видѣлъ я въ моихъ странствіяхъ. Случай къ лести былъ елишкомъ благопріятенъ при такомъ тщеславномъ Дворѣ, какъ Персидскій, и я отвѣчалъ громкимъ голосомъ: «Средоточіе Вселенной! какое зрѣлище еравнится еъ тѣмъ, «которое теперь еозерцаю? Самое большое диво, какос я «видѣлъ, это евѣтъ лика вашего, о Убѣжище Міра!» Шахъ едѣлалъ знакъ удовольствія, за которымъ тотчасъ послышался одобрительный говоръ «столповъ гоеударства,» совокунное измѣніе чувствъ царя и министровъ.»

Изъ Тегерана поручикъ Борисъ отправился въ Буширъ, а оттуда моремъ въ Бомбай, совершивъ такимъ образомъ путешествіе, котораго счастливый успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и обогатилъ Науку множествомъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній о странахъ, дотолъ весьма мало извѣстныхъ.

Н Ы П Ъ Ш И Я Я

А Р Х И Т Е К Т У Р Н А Я Ш К О Л А

В Ъ Г Е Р М А Н И И .

=

Всякъ, кто останавливаетъ вниманіе на новѣйшей Европейской образованности, долженъ невольно поражаться однимъ явнымъ и унижительнымъ для нашей гордости, недостаткомъ ся: она не имѣетъ своей архитектуры! Она, ея поэзія и ея промышленность, живутъ подъ чужимъ кровомъ! Она съ рабскою покорностью вымолила себѣ у старей Греціи нѣсколько обломковъ зодчества, и построила изъ нихъ свои чертоги или съ трудомъ выдавливаютъ изъ себя поддѣльное удивленіе къ зубчатымъ фантазіямъ среднихъ вѣковъ, и тащится въ другой колѣѣ подражательства. Новѣйшей Европѣ легче было произвести Рафаэля, Ньютона, Кеплера и Шекспира, легче создать новую живопись, новую поэзію и новое небо, чѣмъ придумать себѣ особый родъ строенія. Можно ли назвать Италіанскую архитектуру, составъ запечатлѣнныхъ неудачю успій возсоздать классическую старину, собственною, самобытною школою новѣйшей Европы? Конечно, нѣтъ! Увидимъ ли мы когда-нибудь по этой части зарю новаго, оригинальнаго, прекраснаго?... Она, кажется, уже занимается, и занимается — въ Германіи.

Предубѣжденіе ли это, или добровольное невѣжество, — а должно сознаться, что весьма немногіе въ западной и сѣверной Европѣ имѣютъ настоящее понятіе о томъ, что сдѣлано Германіею въ области Изящ-

ныхъ Искусствъ. Не выдавая себя за пророковъ, мы можемъ предсказать, что вскорѣ одни архитектурныя произведенія будутъ исторгать у путешественниковъ для этой страны тотъ самый восторгъ, который нынѣ изливается такъ безусловно передъ Италією. Германія конечно не можетъ похвалиться остатками искусства и великолѣпія Римлянъ, но она имѣетъ дивныя памятники въ Готическомъ стилѣ, которые въ состояніи вознаграждать труды того, кто бы сталъ изучать подробно, и сверхъ того въ ней уже красуются превосходныя классическія зданія новѣйшихъ временъ, вполне достойныя вниманія народовъ, расточающихъ сокровища на обстройку городовъ и украшеніе своихъ столицъ, и достойныя его столько же, если не болѣе, какъ и превозносимыя произведенія Заальпійской школы. Но говоря по совѣсти, этимъ зданіямъ принадлежитъ несомнѣнное первенство передъ послѣдними: въ нихъ не только видно болѣе истиннаго вкуса и оригинальности, но они еще несравненно лучше приспособлены къ настоящимъ потребностямъ общества и къ нашимъ климатамъ. Превосходство, которымъ Италия пользовалась столь долгое время во всѣхъ изящныхъ предметахъ, было болѣе относительное, чѣмъ основанное на правахъ истинной заслуги. Вліяніе ея было соразмѣрно недостатку образованности ея сосѣдей, и, нѣсколько столѣтій тому назадъ, люди скорѣе бы рѣшились оспаривать непогрѣшимость Папы, нежели усомниться въ дарованіяхъ Микель-Анджело, Палладія или Бернини, въ то время, когда слава ихъ, протрубленная самими Италианцами, преисполняла вселенную благоговѣніемъ. Съ тѣхъ поръ Аѳины и Агригентъ, Пестумъ и Помпея поколебали наше вѣрованіе: теперь дознано, что не только Греческіе ордена зодчества совершенно отличны отъ орденовъ Виньолы, но что вообще духъ Греческой ар-

хитектуры имѣеть весьма мало сходства съ «классическимъ» стилемъ Италіянскимъ.

Италія много совершила для того времени; но съ той поры, какъ открытіе памятниковъ древности, долго остававшихся въ забвеніи и неизвѣстности, дало новое направленіе и скорѣйшій ходъ Искусствамъ, она сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ другими странами Европы; да и въ самыхъ своихъ успѣхахъ обнаружила только слѣдную привязанность къ старинному и стремленіе къ безотчетливому подражанію стоящимъ передъ нею образцамъ другаго міра и чуждаго ей общества. Сравнивая утопченныя, но чистыя и строгія красоты Греческаго зодчества, съ столь противоположными ему смазливостью, ребяческими затѣями и причудливостью Италіянскаго рода, легко объясняешь себѣ причину упадка архитектуры въ Италіи, и потерю ею прежняго своего первенства. Страна, эта въ отношеніи къ важнѣйшему и величественнѣйшему изъ Искусствъ, оставалась на одной точкѣ, между-тѣмъ какъ остальная Европа подвигалась впередъ, тѣмъ съ большею быстротою, что ходъ ея не замедлялся воспоминаніями минувшаго величія, и слѣдственно она могла свободно стремиться къ цѣли.

Утвержденныя временемъ и, такъ сказать, закоренѣлыя славы не вдругъ отвергаются. Люди, привыкшіе основывать свои сужденія на преданіяхъ, изъ рода въ родъ переходящихъ, привыкшіе повиноваться безъ изслѣдованія понятіямъ, господствующимъ нѣсколько вѣковъ и заглушающимъ голосъ Критики, вѣроятно будутъ удивлены, когда услышать, что мы дерзаемъ говорить противъ Италіянской архитектуры. Не примѣчая перемѣны въ обстоятельствахъ, они даже готовы ополчить на насъ всю рать любимыхъ

своихъ доказательствъ и возгласовъ, и уничтожить насъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ высказать наши доводы.

Впрочемъ, къ успокоенію нашему, принятое нами мнѣніе не принадлежитъ намъ исключительно. Несмотря на многочисленность почитателей Палладіевой школы, повсемѣстно встрѣчаются уже люди, которые, ни мало не думая отнимать у нея весь достоинства, перестали однако питать къ ней слѣпое уваженіе и, изъ учтивости, приписываютъ ея ошибки вѣку ея и недостатку въ хорошихъ руководителяхъ. Одинъ весьма умный писатель даже утверждалъ недавно, что почтеніе наше къ древнимъ отзывается изувѣрствомъ, и что лучше было бы, когда бъ весь памятникъ Греческаго Искусства погибъ, чтобы ихъ изученіе не подавляло въ насъ всякаго творческаго чувства, и не полагало Художеству непреодолимыхъ преградъ.

Къ несчастію, до сей поры мы разсматривали памятники древности точно такъ, какъ заклятый грамматикъ разбираетъ творенія Греческихъ поэтовъ. Духъ писаній считаетъ онъ предметомъ неважнымъ, и обращаетъ исключительное вниманіе на періоды, стопосложеніе, длинность и краткость словъ и тому подобныя мелочи. Такъ и архитекторы: они заботятся только о модуляхъ, діаметрахъ и размѣрахъ. Весьма вѣроятно, что древніе зодчіе, воздвигая славные памятники, которымъ мы теперь дивимся, слѣдовали личному вдохновенію, заставлявшему ихъ избирать произвольно тотъ или другой размѣръ, и что они въ этомъ случаѣ руководствовались не математическимъ расчетомъ, а единственно желаніемъ произвести эффектъ. Предполагать противное, значило бъ то же, что думать, будто Гомеръ считалъ по пальцамъ стопы своей *Иліады*, будто *Виргилій*, сочиняя, безпрестанно спра-

влялся съ *Gradus ad Parnassum*, будто Корреджіо прелестныя черты лицъ своихъ фигуръ проводилъ на полотнѣ по точнымъ законамъ криволинейной Геометріи!

Это отнюдь не клонится къ осмѣянію основательнаго, систематическаго ученія, столь необходимаго для зодчаго; но мы не можемъ не замѣтить, что на него обращаютъ уже слишкомъ много вниманія. Теперь нечего страшиться, что ученіе это будетъ со-временемъ забыто; нѣтъ, Искусству угрожаетъ другаго рода опасность: мы чрезчуръ заботимся о вещахъ, не имѣющихъ ни какого *эстетическаго* достоинства. Отсюда произошло, что и архитектурная Критика подчинилась такимъ же механическимъ выкладкамъ, какъ и предметы, на которые она обращается: хвалятъ и порицаютъ по правиламъ или по привычкѣ. Съ возобновленіемъ страсти къ постройкамъ въ послѣднее двадцатилѣтіе, мнѣнія, перешедшія къ намъ по преданію, вновь укоренились въ умахъ съ такою силою, какъ-будто Науки вовсе не подвинулись впередъ со времени рожденія на свѣтъ этихъ мнѣній, или какъ-будто всѣ труды наши были бесполезны. Допуская, что неутомимое изслѣдованіе остатковъ Греческой архитектуры послужило къ чему-нибудь, нельзя не убѣдиться хотя въ той истинѣ, что ученіе о размѣрахъ, созданное въ то время, когда она была почти неизвѣстна Европейцамъ, должно быть теперь отвергнуто или по-крайней-мѣрѣ преобразовано. Многочисленные виды одного и того же ордена такъ разнообразны и неоднородны, что даже предположивъ, будто размѣръ составляетъ основное различіе между орденами, все-таки прійдется раздѣлить каждый изъ нихъ на нѣсколько подраздѣленій. Но размѣръ совсѣмъ не главное различіе въ Греческихъ орденахъ: разсматривая зданія одного и того же ордена, всякъ легко по-

ражается несходствомъ ихъ другаго рода. Какое, на-
примѣръ, разнообразіе въ Юпитическомъ ордень! Въ
немъ видимъ мы постепенный переходъ отъ самой
строгой простоты къ изысканной щеголеватости. Въ
Греческомъ зодчествѣ есть еще нѣчто такое, что хотя
и составляетъ главнѣйшую его прелесть, независи-
мую отъ прочихъ, мелкихъ красотъ, однако укрывлось
отъ вниманія поборниковъ древняго Искусства, или
по-крайней-мѣрѣ не было достаточно оцѣнено ими: мы
говоримъ именно о томъ гармоническомъ согласіи, ко-
торое разлито по всему зданію, такъ что всѣ его ча-
сти выражаютъ одну сосредоточенную идею. Напро-
тивъ, когда разсматриваешь повѣйшія зданія, записан-
ныя въ число образцовыхъ, кажется, будто они соста-
влены изъ разнородныхъ частей, быть-можетъ пре-
красныхъ въ отдѣльности, но не представляющихъ въ
совокупности ничего изящнаго. Прочность, столь не-
обходимая для каждаго художественнаго произведе-
нія, мало входитъ въ систему зодчества, первоначаль-
но основанную повѣйшими Италіянами на древнихъ
орденахъ, то есть, на орденахъ Римлянъ, которые го-
сподствуютъ теперь въ цѣлой Европѣ, мало подаваясь
къ лучшему. Но наконецъ наступило время улучше-
ній; они воспріяли свое начало, и, пусть только даль-
нѣйшіе успѣхи соответствуютъ первымъ попыткамъ,
слѣдующее поколѣніе увидитъ зданія, не только кра-
сивыя Греческими формами, — если ужъ намъ суж-
дено вѣчно подражать Грекамъ, — но и проникнутыми,
въ частяхъ своихъ и въ цѣломъ, духомъ истинно
изящнаго.

Мы уже сказали, что архитектурная Критика на-
чинаетъ изъясняться языкомъ болѣе свободнымъ и
стремится къ возвышеннѣйшимъ цѣлямъ: говоря о
писателяхъ, которыхъ сочиненія обьщаютъ произве-
сти благотворное вліяніе, должно напередъ упомя-

нуть о Карль Менцель*. Возводя архитектуру на высокую степень Художества и вмѣстѣ Науки, онъ проситъ запечатлѣть въ память, что искусства и смѣтливости недостаточно для изящнаго созданія, но что вдохновеніе всегда было и будетъ источникомъ того, что придаетъ твореніямъ художника эстетическую цѣнность. «Архитектурное произведеніе, въ которомъ проявляется гений, создается подобно поэмѣ; сперва долженъ родиться вымыселъ, или основная идея, и уже къ ней приспособляется впоследствии ученое искусство: оно обрабатываетъ идею и осуществляетъ то, что первоначально есть только отвлеченное понятіе прекраснаго. Вотъ единственный, истинный процессъ! Слѣдуя инымъ путемъ, мы конечно будемъ въ состояніи воздвигнуть зданіе, во всѣхъ отношеніяхъ подобное съ своимъ предназначеніемъ, но оно никогда не будетъ имѣть той таинственной прелести, той могущественной силы впечатлѣнія, которую вливаетъ въ него одинъ только гений; оно никогда не проникнетъ зрителя удивленіемъ, хотя онъ и согласится, что исполненіе во всемъ удовлетворительно.»

Мы сожалѣемъ, что сочинитель меньшаго, но остроумнаго разсужденія, изъ котораго извлекли мы эти мысли, не разобралъ предмета своего подробно, не пояснилъ замѣчаній своихъ примѣрами отличнѣйшихъ зданій современной Германской архитектуры. Впрочемъ эти примѣры большею частію явились позже, потому что настоящая зодческая школа образовалась въ той странѣ не далѣе какъ лѣтъ за двадцать. Берлинъ и Мюнхенъ суть столицы этой школы, а Шнигелъ и Кленце главы ея. Оба они много обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, не потому, что имъ часто представлялись случаи доказать свои способности

* Versuch einer Darstellung des jetzigen Zustandes der Baukunst. Leipzig, 1854.

сти, а что случаи были такого рода, что поощряли ихъ развернуть свое дарованіе. Оба они исполнили принимаемыя на себя обязанности съ честію, соотвѣтствующею важности предмета, и если бъ всѣ прочія ихъ работы не оправдывали пашей похвалы, два сооруженные ими памятника всегда будутъ заслуживать подробнаго разсмотрѣнія, — именно двѣ Національныя Галереи въ Пруссіи и Баваріи.

Прежде нежели приступимъ къ описанію этихъ зданій, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ зодчихъ и о нѣкоторыхъ ихъ современникахъ. Фридрихъ Вейнбреннеръ, почти непосредственный ихъ предшественникъ, пріуготовилъ имъ путь въ области Искусства. Хотя въ произведеніяхъ его замѣтно несравненно болѣе методическаго изученія, нежели оригинальнаго дарованія, хотя видно, что онъ мало цѣнилъ духъ Греческаго зодчества, однако его рисунокъ довольно правиленъ. Несмотря на его недостатки, онъ составляетъ эпоху, потому что онъ пріуготовилъ переходъ отъ сухаго, прозаическаго стила, господствовавшаго до конца минувашаго столѣтія, къ роду болѣе поэтическому, болѣе художественному. Хотя собственныя его произведенія не даютъ ему права на высокую степень въ храмъ безсмертія, но онъ достоинъ уваженія за свои усилія освободить архитектуру отъ оковъ стариннаго павыка, и можетъ считаться отцемъ нынѣшняго поколѣнія Германскихъ зодчихъ. Имена однихъ его штомцевъ составляютъ длинный списокъ: въ числѣ ихъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ — Георгъ Моллеръ. Занимательное сочиненіе о Готической архитектурѣ сдѣлало его преимущественно извѣстнымъ почитателямъ этого рода: оно и другія его творенія о зодствѣ среднихъ вѣковъ составили ему имя, которое врядъ-ли бы заслужилъ онъ своими зданіями. За исключеніемъ театра, казино, католической церкви и нѣкоторыхъ

другихъ строеній въ Дармштадтѣ, онъ особенно извѣстенъ исправленіемъ восточной части соборной церкви въ Майнцѣ, и тамошнимъ театромъ. Послѣдній открытъ 24-го Сентября 1855 года, и примѣчательнѣе тѣмъ, что это первый опытъ подражанія древнимъ во вѣншей архитектурѣ театровъ. Католическая церковь есть ротонда, которой внутренній діаметръ имѣетъ 155 футовъ*: нельзя не замѣтить, что она построена по плану Римскаго пантеона; подобно ему, она освѣщается однимъ окномъ, устроеннымъ въ среднѣ купола, и высота послѣдняго равняется внутреннему діаметру перистіля, имѣющему 152 фута. Но самый куполъ несравненно огромнѣе въ отношеніи къ цилиндрической части строенія, такъ какъ высота карниза простирается едва на 60 футовъ. Въ этомъ случаѣ архитекторъ показалъ свою догадливость, потому что, какъ куполъ начинается у самаго карнизнаго обвѣнчанія, то при бѣльшей высотѣ колоннъ внутренняя площадь строенія казалась бы меньшею отъ ихъ толщины; и теперь даже онъ, относительно, огромнѣе колоннъ пантеона, оттого что пространство подъ ними представляется болѣе стѣсненнымъ. Целью архитектора, по собственнымъ его словамъ, было — сохранить все главнѣйшія украшенія, отличающія внутренность Римскаго зданія, отбросивъ многосложныя и мелочныя прибавки, неприличныя величію храма, и разрушающія согласіе частей; и должно сознаться, что ему въ самомъ дѣлѣ удалось значительно упростить зданіе тѣмъ, что вмѣсто безчисленныхъ углубленій и двойнаго ряда колоннъ, какъ въ образцѣ, онъ поставилъ непрерывный перистиль изъ 28 отдѣльныхъ колоннъ, на обвѣнчаніи которыхъ лежитъ весь сводъ. Эффектъ, производимый этою круглою колонадою, можетъ-быть единственною въ своемъ родѣ, еще болѣе увеличиваетъ

*. Пантеонъ въ Римѣ имѣетъ 157½ футовъ.

ся близкимъ разстояніемъ колоннъ между собою: промежутки имѣютъ не болѣе полутора діаметра колонны, и это придаетъ храму полноту и прочность. Словомъ, все, относящееся до ротонды, купола и круга колоннъ сильно поражаетъ зрителя простымъ, благороднымъ величествомъ. Зданіе это представляетъ даже нѣчто оригинальное, не столько по своему изобрѣтенію, сколько по чрезвычайной простотѣ, которая тоже причиною, что его не умѣютъ оцѣнить по достоинству. Вся красота зданія ограничивается, впрочемъ, куполомъ и перистилемъ: стѣна, окружающая колоннаду, совершенно безъ украшеній. Эта чрезмѣрная скупость декорацій превращается уже въ какую-то холодность и наготу, которыя придаютъ цѣлому, вмѣсто простоты, черту неоконченности. Колонны всегда производятъ эффектъ; но величайшая трудность состоитъ въ томъ, чтобы и всѣ прочія части зданія являли видъ не менѣе красивый и величественный, и согласовались съ этимъ паружнымъ убранствомъ: иначе, они будутъ только загромаждать мѣсто. Архитекторъ старался еще упростить сколько возможно самый ордеръ: хотя капители украшены листьями, но все остальное въ немъ такъ скромно, что едва можно признать его Коринтскимъ. Эта простота еще усилена размѣромъ колоннъ, имѣющихъ едва по девяти діаметровъ въ вышину, что въ этомъ случаѣ скорѣе можетъ быть отнесено къ достоинствамъ, нежели къ недостаткамъ зданія.

Строгая бережливость, которой Моллеръ долженъ былъ подчиниться, не заражаетъ ни Берлина, ни Мюнхена. Напротивъ, въ первой изъ этихъ столицъ и въ Потсдамѣ, страсть къ зодчеству доходитъ иногда до излишества. Между отличившимися здѣсь художниками должно замѣтить Карла Готгарда Лаанганса. Сооруженные имъ Бранденбургскія Ворота могутъ

считаться однимъ изъ первыхъ произведеній въ Европѣ, и доказательствомъ стремленія Германцевъ къ чистому древнему вкусу. Ланггансъ родился въ 1732 году въ Ландсгутъ, въ Силезіи, и умеръ въ Берлинѣ Октября 2, 1808 года: онъ даже и по времени довольно близокъ къ настоящему періоду; онъ жилъ въ его началъ, но еще болѣе сблизился съ нимъ своимъ стараніемъ водворить тотъ очищенный вкусъ, который впоследствии бросилъ такой блистательный свѣтъ на зодчество Германцевъ. Прежде чѣмъ Ланггансъ избралъ Берлинъ мѣстомъ своего пребыванія, онъ построилъ въ Бреславлѣ театръ, нѣсколько церквей, и множество прелестныхъ частныхъ зданій въ окрестностяхъ города. Переселившись въ Берлинъ, онъ нашелъ Фридриха II столь же неутомимымъ въ своихъ зодческихъ, какъ и въ воинскихъ предпріятіяхъ. Этотъ знаменитый Монархъ имѣлъ страсть къ архитектурѣ: онъ не только покровительствовалъ художеству, но и самъ дѣятельно въ немъ упражнялся, и, по случаю смерти Барона Кнобельсдорфа, написалъ ему похвальное слово *. Онъ безпрестанно занималъ старшаго и младшаго Бауманновъ, Гонтара, Унгера, Нейманна и многихъ другихъ, и доставилъ Ланггансу случай выказать свое дарованіе. Художнику этому поручено было перестроить внутренность оперной залы, создать казино и театръ, сгорѣвшій въ 1817 году. Но трудъ, наиболѣе споспѣшествовавшій его славу, — это Бранденбургскія Ворота, въ которыхъ примѣтно вольное подражаніе Аѳинскому проплею. Бранденбургскія Ворота, начатыя въ 1789 году, во время Французской революціи, свидѣтельствуютъ уже о переворотѣ въ

* Это случилось 1753 году. Знаменитая оперная зала, начатая въ 1740 году, есть первое примѣчательное зданіе Кнобельсдорфа. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ многія улучшенія въ Потсдамскомъ дворцѣ и въ *Sans-Souci*, гдѣ выстроилъ прелестную колоннаду, которая была разобрана въ 1797 году: ея колонны перенесены въ новый мраморный дворецъ.

изящномъ вкусѣ и объ отверженіи тѣхъ прихотливыхъ и ложныхъ правилъ, отъ которыхъ такъ долго страдала архитектура. Проницательный глазъ безъ сомнѣнія откроетъ некоторыя мелочныя неправильности въ подробностяхъ, но цѣлое представляетъ видъ простой и величавый, и служитъ весьма приличнымъ входомъ въ городъ, который скоро наполнился множествомъ зданій, неуступающихъ изящностью Аѳинскимъ*.

Если Генце не составилъ рѣшительной эпохи, по крайней мѣрѣ, въ монетномъ дворѣ, построенномъ по проекту его, выказалъ болѣе истиннаго характера въ древнемъ Дорическомъ ордентъ, и многія подробности зданія свидѣтельствуютъ о лучшемъ изученіи сущности и болѣе вѣрномъ взглядѣ и на эстетическія правила Греческаго зодчества. Кромѣ архитектурныхъ достоинствъ, монетный дворъ его заслуживаетъ вниманіе своими богатыми и приличными скульптурными украшеніями. На фронтонѣ, имѣющемъ въ длину 116, а въ глубину безъ малаго 6 футовъ, изображены барельефомъ всѣ работы чеканныя и горныя. Изслѣдованіе Греческихъ древностей принесло ту существенную пользу, что научило насъ удачно располагать скульптурныя украшенія всѣхъ родовъ, какъ статуи, такъ и барельефы. По мнѣнію нашему, необходимо, чтобы скульптурныя произведенія, украшающія зданіе, согласовались съ его ордентомъ; такъ напримѣръ, кажется, что Дорическому орденту приличествуетъ плоская лепная работа; при ордентѣ Ионическомъ можно допустить украшенія болѣе смѣлыя, но не столь рѣшительныя, какъ тѣ, которыя должны быть представлены орденту Коринтскому. Намъ, можетъ-быть,

* Ланггансъ нарисовалъ также красивую ротонду анатомическаго театра Встершарной Школы, построилъ театръ въ Шарлотенбургскомъ загородномъ дворѣ, и украсилъ внутренность мраморнаго дворца.

возразить, что эта классификація не только произвольна, но даже не сообразна съ дѣломъ, потому что мы относимъ самый *смѣлый* стиль барельефовъ къ самому легкому, нѣжному ордену, и нѣжнѣйшія лѣпныя украшенія къ ордену смѣлому и рѣшительному. Но несообразность заключается здѣсь въ однихъ словахъ, хотя наименѣе вышуклые рельефы, которыхъ фигуры почти совершенно плоски, называемъ мы нѣжными, но они вмѣстѣ съ тѣмъ самыя простыя, самыя прочныя и неизысканной отдѣлки, слѣдственно наиболѣе приличны тому стилю, который менѣе всего требуетъ украшеній. И обратно: хотя мы говоримъ, что медзо-рельефы рѣшительнѣе первыхъ, но за то въ нихъ болѣе жизни и великолѣпія. Такъ, если въ этомъ отношеніи можно постановить какое-нибудь правило, то приведенное нами должно быть основательно, — именно, что богатѣйшія лѣпныя украшенія примѣняются только къ богатѣйшимъ орденамъ; и дѣйствительно, самыя *смѣло* изваянныя Коринтскія капители, которыхъ листья принадлежатъ уже къ чистому альто-рельефу, требуютъ вокругъ себя декораций въ такомъ же стилѣ.

Катель преимущественно старался сообщить внутреннимъ украшеніямъ стиль болѣе изящный и классическій; но онъ умеръ преждевременно, не успѣвъ развернуть своихъ видовъ. Катель скончался (въ 1819) на сорокъ третьемъ году съ рожденія: онъ соединялъ рѣшительное дарованіе съ отлично образованнымъ умомъ, и въ ученыхъ трудахъ своихъ вышелъ смѣло изъ обыкновенныхъ предѣловъ. Небольшое твореніе его о постройкѣ церквей заслуживаетъ особенное вниманіе.

Тогда какъ Шпикель, въ послѣднія двадцать лѣтъ, былъ непрерывно занятъ, многія значительныя зда-

нія воздвигнуты въ столицѣ Пруссіи попеченіями другихъ зодчихъ: изъ числа ихъ, молодой Оттмеръ отличился постройкою въ той части Берлина, которая именуется Кенигсшадтъ, театра и новой Академіи Пѣнія *. Внешній видъ перваго не представляетъ ничего особеннаго, но внутреннее устройство обнаруживаетъ столько же искусства, какъ и тонкости соображенія. Хотя большой Шникелевъ театръ въ извѣстной степени служилъ Оттмеру образцомъ, но должно сказать, что онъ умѣлъ счастливо избѣгнуть его неудобствъ. Академія для Пѣнія, представляющая простой параллелограмъ въ 140 футовъ длины и 60 ширины, и похожая на Греческій *антеросъ*, то есть, храмъ безъ боковыхъ колонадъ, или портиковъ, болѣе удовлетворяло бѣ нашимъ требованіямъ, если бѣ мы могли забыть о незъяснено прелестномъ чертежѣ, составленномъ гораздо прежде самимъ Шникелемъ для того же самаго зданія. Оттмеръ раздѣлилъ фасадъ

* Карлъ Теодоръ Оттмеръ, вѣнскій архитекторъ при Брауншвейгскомъ Дворѣ, родился въ Брауншвейгѣ, 1800 года. По приобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній, онъ поселился въ 1822 году въ Берлинѣ, и занялся тамъ преподаваніемъ Эсперанто, Археологіи, Математики и проч., доколь постройка новаго театра не представила ему случая доказать на самомъ дѣлѣ зодческія свои дарованія. Это зданіе окончано лѣтомъ 1824 года. Скоро потомъ ему было поручено построить Академію Пѣнія, что онъ и исполнилъ весною 1827. Въ это самое время онъ надзиралъ за внутренними средѣлками въ Лейпцигскомъ театрѣ, и составлялъ чертежи для театра въ Гамбургѣ. Весною 1828, посетилъ онъ Неаполь и Пестумъ, и на возвратномъ пути въ Римъ сочинялъ проекты для дворцовъ: одинъ изъ нихъ столь исполнскаго размѣра, что, если бѣ его исполнить, всѣ существующія этого рода зданія были бы помрачены. Когда Оттмеръ пріѣхалъ въ Дрезденъ, Герцогъ Саксен-Мейнингенскій поручилъ ему начертать проектъ для строенія, въ которомъ помѣщались бы театръ и казино. Проектъ этотъ былъ составленъ столь удачно, что немедленно приступлено къ исполненію. Весьма недавно представился Оттмеру случай обнаружить болѣе нежели когда-либо свое дарованіе; онъ занялъ теперь постройкою новаго дворца въ Брауншвейгѣ; работы начались осенью 1851 г.

на три промежутка, образованные четырьмя Коринфскими пилястрами, и въ этихъ промежуткахъ помѣстилъ четыре широкія двери. Напротивъ, въ чертежѣ Шникеля нѣтъ ни колоннъ, ни пилястровъ; одна только дверь для входа; не видно окна, ни ниши, ни ничего подобнаго. Несмотря на эту чрезвычайную простоту, которая, казалось бы, отвергаетъ не только характеристику, но и самое изобрѣтеніе, онъ такъ оригиналенъ, въ немъ столько выраженія и вкуса, онъ до того преисполненъ Греческимъ чувствомъ изящнаго, что производимое имъ впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ нечто магическое, — мы передъ нимъ въ удивленіи. Этотъ проектъ — одна изъ счастливѣйшихъ идей Шникеля.

Говоря объ этомъ великомъ художникѣ, котораго слава наполняетъ всю Германію, разсмотримъ напередъ частныя его обстоятельства. Карлъ Фридрихъ Шникель родился въ Новомъ-Рупинѣ 1781 года; окончивъ курсъ наукъ въ Берлинской гимназіи, гдѣ уже обнаруживалась склонность его къ изящнымъ художествамъ, онъ преданъ архитектурному поприщу подъ руководствомъ старшаго Гилли, и впоследствии продолжалъ труды свои подъ наблюденіемъ его сына: смутно, болѣе нежели первому своему наставнику, обязанъ онъ, — если только въ подобномъ случаѣ можно кому-нибудь быть обязаннымъ, — тѣмъ очищеннымъ, тѣмъ высокимъ и утонченнымъ вкусомъ, какой проявляется во всѣхъ его произведеніяхъ. Не слѣдуетъ тѣмъ, которые думаютъ, будто практическія познанія составляютъ важнѣйшее достоинство архитектора, будто вкусъ и воображеніе — качества, хотя и полезныя, но относительно не столь важныя, — Шникель весьма справедливо полагалъ, что хорошій зодчій непременно долженъ упражняться во всѣхъ Изящныхъ Искусствахъ, и пріобрѣсть въ нихъ столько свѣ-

дѣній, чтобъ постигать прекрасное, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось. Не унижая ни практическихъ, ни отвлеченныхъ познаній, скажемъ только, что онъ не что иное, какъ логика Искусства; и какъ одиѣ логическія способности не могутъ сдѣлать человека поэтомъ, такъ и самыя лучшія математическія познанія недостаточны для образованія превосходнаго зодчаго.

Все это представляется намъ такою неоспоримою истиною, что мы даже считаемъ лишнимъ распространяться. Тѣ которые хотѣли бы опровергать ес, ознакомясь короче съ произведеніями Шинкеля, сознаются сами, что они въ полной мѣрѣ подтверждаютъ нашъ образъ мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что важнѣйшія его архитектурныя подвиги столько же замѣчательны въ отношеніи къ художественному вымыслу, выраженію, чувству и тѣмъ болѣе утонченнымъ красотамъ, которыя остаются несоизясимы для всѣхъ дидактическихъ правилъ, какъ и вразсужденіи прямого архитектурнаго достоинства. Несмотря на всю тщательность, съ какою составляетъ онъ чертежи, въ нихъ не замѣтно ни малѣйшей принужденности: напротивъ, видно, что они, такъ сказать, молніею вылились изъ его воображенія. Въ нихъ можно только примѣтить глубокое, полное познаніе всего прекраснаго, заключающагося въ пластическихъ Искусствахъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ изъ Италіи, — это было около 1805 года, — Шинкель исключительно посвящалъ себя живописи и рисункамъ для льняныхъ и бронзовыхъ украшеній. Хотя подобныя занятія и могутъ быть сочтены ничтожными, но именно такимъ образомъ упражняя свой вкусъ и воображеніе, онъ составилъ себѣ то сокровище разнообразныхъ познаній, которое въ послѣдствіи было ему такъ полезно. Къ числу предметовъ, привлечшихъ

къ себѣ дѣятельность въ это время, принадлежить достойная удивленія панорама Палерма, и нѣсколько мастерскихъ декорацій для Берлинскаго театра. Если бѣ извѣстность, пріобрѣтенная Шникелемъ, не поставляла его превъше придирокъ насмѣшливой Критики, мы конечно поступили бы весьма нескромно, говоря о такихъ его работахъ, которыя многимъ покажутся отступленіемъ отъ его званія, и которыя, по ихъ мнѣнію, далеко не такъ полезны для архитектора, какъ измѣреніе колоннъ, архитравъ и карнизовъ. Но пути генія непроходимы для умовъ обыкновенныхъ.

Въ 1850 году Шникель былъ назначенъ членомъ вновь учрежденнаго Строительнаго Комитета, Bau-Deputation, академикомъ и Тайнымъ Совѣтникомъ по строительной части, Geheimer Ober-Baurath. Можно сказать, что собственно съ этого времени начинается архитектурное его поприще. Онъ подтверждаетъ собою ту истину, что всѣ дѣла человѣческія, даже не имѣющія видимыхъ между собою соотношеній, связаны неразрывною цѣпью. Если бѣ дивныя событія, совершившіяся въ ту эпоху, не возвратили Европѣ тишины и спокойствія, вѣроятно Шникель не стяжалъ бы пышнейшей своей славы, и вмѣсто сооруженія безсмертныхъ памятниковъ, только наполнялъ бы портфель свой проектами. Окончаніе войны съ Французами поставило попечительнаго и весьма чтимаго Прусскаго Монарха въ возможность обратить мысль на украшеніе своей столицы. Скоро множество общественныхъ и частныхъ зданій, воздвигнутыхъ или самимъ Шникелемъ или другими зодчими по его проектамъ, дали Берлину право стать на высокую степень образцоваго архитектурнаго города. Несмотря на многочисленность прежнихъ его чертежей, кажется, что плодовитость его воображенія легко удовлетворяетъ всѣмъ новымъ требованіямъ. Взгляните только на

различные планы, составленные имъ для памятника или, лучше сказать, огромнаго зданія въ честь Фридриха Великаго: начертанные имъ шесть проектовъ не имѣютъ ни какого между собою сходства; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно огромны и великолѣпны; всѣ оригинальны и пренеполнены истиннаго классицизма. Самое подробное описаніе простѣйшаго изъ нихъ, дало бы только слабое объ немъ понятіе. Одно изъ отличительныхъ качествъ Шинкеля, — что его зданія и проекты, наиболее классическіе, независимо отъ большаго или меньшаго подражанія древнимъ, носятъ на себѣ печать особенной оригинальности и незамѣченныхъ красотъ. Эта оригинальность не есть исключительное свойство одного первоначальнаго, основнаго помысла: Шинкель не рѣдко сообщаетъ ее мелочнымъ подробностямъ своихъ проектовъ, и люди, не вникающіе въ него надлежащимъ образомъ, называютъ эту характеристику непростительнымъ своевольствомъ. Что касается до насъ, то мы сожалѣемъ, что слишкомъ немногіе впадаютъ въ тѣ завидныя ошибки, которыя упрочиваютъ славу изобрѣтательности зодчаго. Не лица другихъ примѣровъ, взглянемъ на построенныя Шинкелемъ вахту, Wachtgebäude и музеумъ. Что можетъ быть прелестнѣе небольшихъ фигуръ Побѣды, поддерживающихъ карнизъ первой въ его обѣщаніи, или богатыхъ дорическихъ капителей, въ скульптурныхъ залахъ музеума! Сколько тутъ вкуса, чувства, классицизма, изобрѣтательности! Всѣ эти украшенія и даже ихъ обломки были бы съ восторгомъ признаны образцами изящества и драгоценнѣйшими памятниками Греческаго искусства, если бъ они были ископаны изъ пыльных нѣдръ Эллады!

Кромѣ разныхъ превосходствъ въ подробностяхъ и въ главномъ вымыслѣ Шинкеля есть еще многія

красоты, принадлежащія болѣе плоскому плану, чѣмъ отвѣсному виду, и такія, которыя не столько примѣтны въ геометрическомъ чертежѣ, сколько разительны въ отстроенномъ зданіи. Къ нимъ можно причислить частое употребленіе колоннъ однихъ за другими, съ отверстіями въ стѣнѣ, черезъ которыя глазъ открываетъ виды архитектурныхъ предметовъ на глубокія разстоянія. И достоинства его не ограничиваются однимъ классическимъ родомъ: онъ еще обнаружилъ необыкновенное могущество таланта въ самой трудной части Искусства, — въ твореніяхъ, гдѣ архитекторъ, не слѣдуя ни какому отдельному стилю ни роду, безъ образца, безъ утвержденныхъ опытомъ правилъ, совершенно предоставляется влеченію своего воображенія и вкуса. Такова его *Vauschule* «зодческая Школа» въ Берлинѣ, — строгіе дивное, кирпичное, обильно украшенное глиняною лѣпною работою; въ цѣломъ, является оно нѣсколько однообразнымъ и тяжелымъ, и за всѣмъ тѣмъ достойно вниманія, потому что заключаетъ въ себѣ многія совсѣмъ новыя и замысловатыя идеи, при удивительно некусномъ смѣшеніи богатства съ простотою.

Что касается до произведеній Шинкеля въ Готическомъ стилѣ, то нельзя хвалить ихъ такъ безусловно. Онъ не совсѣмъ счастливъ въ этомъ родѣ; однако и здѣсь никто не укоритъ его недостаткомъ оригинальности; напротивъ, его скорѣе можно упрекнуть тѣмъ, что онъ составилъ себѣ особенную систему, которая сама по себѣ довольно удовлетворительна, но вовсе не соответствуетъ понятіямъ нашимъ о Готической архитектурѣ. Въ ней болѣе виденъ стиль Ломбардскій и Тевтонскій, нежели тотъ, который господствовалъ къ сѣверу отъ Альпъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ его Готическихъ чертежахъ примѣчается какая-то смѣсь характеровъ, правна и свойства не столько

горизонтальной, сколько перпендикулярной архитектуры, потому что остроконечныя арки замѣсны у него полукруглыми. Разительный примѣръ этого вкуса находимъ мы въ проектѣ церкви для Ораніенбургскаго предместья: онъ сдѣланъ въ собственно ему принадлежащемъ родѣ; и если относить его къ какому-нибудь стилю, то всего ближе подходитъ онъ къ византійскому *giffacciamento*. Съ опасностью показаться странными тѣмъ, которые выдаютъ себя за пуристовъ и стиллистовъ, мы должны объявить, что и въ этомъ проектѣ находимъ много чувства и выраженія: это мастерское произведеніе! Архитектура начатой въ 1825 году церкви на Вердерской торговой площади, въ главныхъ частяхъ сообразна съ правилами остроконечнаго стиля, но въ остальномъ замѣтны важныя отступленія, какъ напримѣръ въ дверяхъ портала, въ густомъ карнизѣ ниже парапета, и еще въ нѣкоторыхъ мелочахъ. Долго глаза наши не могли къ нимъ привыкнуть, но мало-по-малу мы начинаемъ находить прекрасными и эти причуды, хотя и не желали бъ въ томъ сознаться. Пусть Шинкель играетъ карандашемъ, какъ угодно; онъ никогда не будетъ безвкусенъ.

Какъ ни кратокъ этотъ разборъ, въ сравненіи съ многочисленностію трудовъ его и съ его заслугами, но пора оставить Шинкеля, и обратиться къ другому художнику, Леону фонъ-Кленце, соучастнику, если не прямо сопернику, его славы. Второй изъ этихъ отличныхъ мужей состоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Мюнхену, въ какихъ первый къ Берлину. Родясь подъ тѣмъ же счастливымъ созвѣздіемъ, Кленце, покровительствуемый великодушнымъ любителемъ Изящныхъ Искусствъ, Лудвигомъ Баварскимъ, имѣлъ случай воздвигнуть знаменитѣйшія зданія нашего времени. Менѣе смѣлый, менѣе изобрѣтательный, менѣе оригинальный, онъ однако обладаетъ столь

же обильнымъ воображеніемъ; онъ умѣлъ извлекать новыя красоты изъ всѣхъ разнородныхъ стилей, которымъ попеременно слѣдовалъ, налагая на каждый изъ нихъ печать своего гения. При сооруженіи Валгалмы, глиптокеки, или храпцища древностей, пинакотеки, или картишной галереи, одеона, новаго дворца, базара и другихъ зданій, онъ держался то Греческаго, то Римскаго, то Византійскаго, то разныхъ Италіянскихъ родовъ. Онъ, кажется, желалъ представить новѣйшему Искусству образцы всѣхъ стилей, за исключеніемъ Готическаго, предпочитая формы, рожденныя отъ Греческаго прекраснаго тому великому, дерзкому, самобытному роду, который созданъ въ туманахъ среднихъ вѣковъ на правахъ, совершенно противныхъ. Это пренебреженіе Готическаго вкуса у него не дѣло случайности: самъ онъ признается въ немъ въ предисловіи къ великолѣпному творенію, — *Sammlung architektonischer Entwürfe, etc.*, 1832 — 1834, — которое, вмѣстѣ съ книгою Менцеля, подало намъ поводъ къ этому разсужденію.

Мнѣнія, изложенныя въ этомъ предисловіи, ясно показываютъ, что Кленце, подъ словомъ «Греческая архитектура», понималъ какъ первобытный стиль классическихъ храмовъ, такъ и тотъ, который присоединилъ арку къ колоннѣ. Онъ полагаетъ, что оба эти рода могутъ весьма удобно составлять одно прекрасное, — и мы съ нимъ согласны. Если бѣ отвергать арку, потому что она была неизвѣстна Грекамъ, такъ что жъ пришлось бы сдѣлать съ нашими печами и съ окошечными переплетами, которыхъ тоже они не знали? Но есть люди, которые даже сомнѣваются, можно ли въ зданіи Греческаго стиля употребить куполь! Кленце очень хорошо сдѣлалъ, что презрѣлъ этотъ безвкусный пурризмъ, но такова снѣданопятій, вперенныхъ первымъ воспитаніемъ, что онъ не

смѣлъ идти далѣе: онъ боится выступить изъ границъ благоговѣнія передъ Греческимъ умомъ, и счелъ бы себя обязаннымъ возвратить деньги за свое учене, если бъ усмотрѣлъ красоту въ правильныхъ линіяхъ классическаго міра. Простимъ ему несправедливое предубѣжденіе противъ Готическаго стиля, и рассмотримъ два превосходнѣйшіе его памятника, глиптотеку и пинакотеку. Оба они въ Мюнхенѣ.

Глиптотека—строеніе уединенное со всѣхъ сторонъ, имѣетъ 220 футовъ вдоль и поперегъ; въ серединѣ его находится дворъ; снаружи вовсе нѣтъ оконъ, исключая двухъ большихъ на боковомъ фасадѣ; комнаты освѣщены куполами или окнами, обращенными на дворъ, и устроенными въ аркахъ, поддерживающихъ своды покоевъ. Архитекторъ устранилъ этимъ многія неудобства, произтекающія изъ самаго назначенія зданія, въ которомъ должны храниться памятники скульптуры: какъ строеніе одно-этажное, то окна могли быть выведены почти до самой крыши, и свѣтъ проникаетъ въ него большею массою, потому что дворъ очень обширенъ въ сравненіи съ высотой стѣнъ. Снаружи царствуетъ стиль Ионическій, нѣсколько измѣненный собственными идеями зодчаго, но впрочемъ въ чистомъ Греческомъ духѣ. Главный фасадъ состоитъ изъ восьми-столбнаго портика, и выдается на одно между столбѣе впередъ за главную черту стѣны, углубляясь внутрь ея на столько же; за первымъ рядомъ колоннъ возвышается другой, внутренній, изъ четырехъ столбовъ и пяти открытыхъ между столбѣй, потому что боковыя между столбѣя заключены между аптами. Эффектъ, производимый фасадомъ, очень сильный и совершенно классическій, по причинѣ тѣноты между столбѣй, множества самыхъ столбовъ и глубокой тѣни, которую они образуютъ. Этотъ портикъ величественъ во всѣхъ отношеніяхъ; но должно замѣ-

тить, что колонны безъ канелюръ, хотя вершины ихъ и украшены скульптурною работою, что придаетъ имъ видъ необычайный, и за всеѣмъ тѣмъ милый для глазъ. Какъ ни противно это правиламъ вкуса и обыкновенію Грековъ, но архитекторъ призналъ за лучшее оставить колонны гладкими, во-первыхъ, чтобы не нарушить гармоніи ихъ съ прочими частями фасада, и во-вторыхъ, чтобы избѣгнуть неприятнаго впечатлѣнія, которое могло бы произойти отъ этого множества перпендикулярныхъ линий, тѣмъ болѣе, что колонны стоятъ весьма тѣсно, и что за первымъ ихъ рядомъ слѣдуетъ второй. Мы не станемъ опровергать причинъ, побудившихъ художника поступить такъ, а не иначе, хотя и полагаемъ, что, для полной красоты, колонны должны быть ложчатые.

Описаніе прочихъ частей наружности было бы не ясно безъ чертежа. Внутреннее распределеніе чрезвычайно просто: это рядъ сквозныхъ покоевъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ вокругъ внутренняго двора. Первый покой, при входѣ палатъ изъ сѣней, предназначенъ для Египетскихъ древностей. Второй, занимающій одинъ изъ угловъ зданія, представляетъ ротонду, освященную куполомъ: тутъ помѣщены древнѣйшіе образцы Греческаго Искусства. Далѣе, зала, украшенная Эгипетскими мраморами; потомъ зала Аполлона, и наконецъ Вакхическая. На другой сторонѣ первый покой называется «заломъ Нюбидъ»; изъ нее переходимъ въ два покоя, назначенные для празднествъ и торжественныхъ собраній: они раздѣлены небольшою сѣнью, ведущими къ четырехъ-столбному портику въ родѣ подъезда, находящемуся по ту сторону зданія. Эти два покоя покрыты неподобными *альфреско* кисти Корнеліуса и его учениковъ, изображающими сцены изъ Греческой Исторіи и Мифологіи. Проходя отсюда въ отдѣленіе, соответствующее залѣ

Пообидь, сходите вы по нѣсколькимъ ступенямъ въ «Римскую залу», названную такъ по случаю помѣщенія въ ней собранія скульптурныхъ трудовъ Римлянъ. Это обширѣйшій покой въ цѣломъ зданіи: онъ образуетъ галерею во всю длину одной стороны двора. Другая лѣстница о нѣсколькихъ ступеняхъ на противулежащемъ концѣ залы, связываетъ ее со второю угловою ротондою, наполненною пзваяніями изъ бронзы и цвѣтнаго мрамора. Слѣдующій и послѣдній покой ведетъ обратно въ главныя стѣны фасада, и въ немъ хранятся нѣкоторые лучшія произведенія современныхъ художниковъ. Всѣ эти залы и галерея, независимо отъ разложенныхъ въ нихъ сокровищъ, возбуждаютъ удивленіе постепенно возрастающею архитектурною роскошью: хотя всюду преобладаетъ одинаковость стilia, но при внутренней отдыжкѣ обращено было величайшее вниманіе на свойство предметовъ, для которыхъ покои воздвигнуты. Такъ, украшенія залы Египетскихъ древностей и другихъ смежныхъ съ нею комнатъ очень просты, между-тѣмъ какъ Римская зала отличается необыкновеннымъ зодческимъ великолѣпіемъ. Полы вездѣ мраморныя; своды и карнизы, независимо отъ своего разнообразія и богатства, получаютъ еще прибавочный блескъ отъ разноцвѣтной расписанной штукагурки и отъ мраморовъ, которыми стѣны осыпаны; но эта галерея, эта чудесная галерея превосходитъ всѣ прочія части зданія; красуясь тремя плоскими куполами, убранными съ большею пышностію въ архитектурномъ отношеніи, подлѣ пѣтильныхъ золотыхъ декорацій, расположенныхъ по красному грунту, и трехъ большихъ аркъ, заключающихъ въ себѣ окна, и рисованныхъ тоже золотыми арабесками.

Въ сравненіи съ этою щедрою расточительностію въ отдыжкѣ, даже новыя залы Британскаго музеума

въ Лондонѣ покажутся бѣдными, а чтобы сооружаемое нынѣ на Трафалгарскомъ скверѣ зданіе для «Национальной Галереи» могло состязаться внутреннимъ богатствомъ съ Мюнхенскою пинакотекою, о томъ и думать нечего. Многіе художники и знатоки утверждаютъ, что обиліе украшеній неумѣстно, даже предосудительно тамъ, гдѣ выставлены произведенія Художествъ: Кленце вовсе противнаго мнѣнія. Онъ называетъ ложной идеей общепринятое мнѣніе, будто простая архитектура и гладкія, слегка окрашенные стѣны лучше отражаютъ статуи и бюсты: напротивъ, блестящая и сильная краска, при извѣстномъ богатствѣ въ другихъ отношеніяхъ, не только самимъ изваяніямъ придаетъ болѣе вышуклости и удачнѣе отдѣляетъ ихъ отъ площади, но и на посѣтителя дѣйствуетъ она полезно, потому что производитъ пріятное раздраженіе въ его зрительномъ органѣ и умѣ. Кленце совершенно правъ! Если гдѣ, такъ въ нашихъ холодныхъ и мрачныхъ климатахъ, блескъ и теплота цвѣта, живость и веселость выраженія должны одушевлять стѣну. Наши зодчіе считаютъ комнатную живопись недостойною своихъ соображеній, и мы не разъ слышали, что архитектура должна пѣнять насъ внутреннею красотою собственныхъ формъ своихъ. Но если эту красоту можно усилить разсудительнымъ примѣненіемъ къ ней другаго Изящнаго Искусства, почему жъ пренебрегать столь законнымъ средствомъ? Никто, мы думаемъ, не рѣшится доказывать, что картины лучше развѣшивать безъ рамъ!

Скульптурныя украшенія на фасадъ глпшотеки, которой лицевая сторона вся мраморная, еще не окончаны: когда онѣ отдѣлаются, это зданіе, хотя и уступающее многимъ другимъ въ величій, будетъ одно изъ знатнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній

нашего вѣка. Оно и Валгалла * суть два главныя, можетъ-быть единственныя, творенія Кленце въ древнемъ Греческомъ родѣ. Пинакотека, базарь, новая «резиденція», или дворець, и другія строенія обрисованы, напротивъ, въ такъ называемомъ *новомъ* Греческомъ стилѣ, въ которомъ сохранилось много Италіянскаго, хотя онъ и значительно очищенъ. Пинакотека, или «храмиллице картинъ», заложена 7 Апрѣля 1826, въ день рожденія Рафаэля. Подобно глиптотекѣ, которая отъ него не далеко, и этотъ второй достойный храмъ художества, совершенно отдѣленъ отъ прочихъ строеній. Снаружи представляетъ онъ продолговатый четырехугольникъ длиною почти въ 500, шириною въ 90 футовъ, на оконечностяхъ котораго стоятъ два флигеля, призмьанные крестообразно къ главному корпусу, наподобіе двухъ соединенныхъ буквъ *твердо* $\text{E}=\text{E}$, что придаетъ всему зданію видъ солидности. Оконечные фасады имѣютъ по 170 футовъ.

* Валгалла стоитъ на холмѣ Донаустауфъ близъ Регенсбурга: это — великолѣпное храмообразное зданіе въ классико-дорическомъ стилѣ, съ благороднымъ портикомъ въ восемь колоннъ по фронту и въ шесть во внутреннемъ ряду; на каждой сторонѣ строснія находится по семнадцати мраморныхъ колоннъ, поставленныхъ на подстройкѣ, въ которой сдѣланъ входъ, идущій между двумя массивными стѣнами Циклопской архитектуры. Самое названіе *валгалла* — рай, въ языкѣ древнихъ Норманновъ и Тевтоновъ, — объясняетъ, что это зданіе — родъ Германскаго пантеона, въ которомъ будутъ помѣщаться вѣтельные изображенія отечественныхъ гражданъ и героев. Внутри находится великолѣпный фризъ работы скульптора Вагнера; основаніе портика будетъ прилично украшено. Кроме обширныхъ построекъ, производимыхъ въ Мюнхенѣ самимъ Кленце, тамъ сооружаются еще другія зданія; въ числѣ ихъ, церковь Св. Лудовика и длинный рядъ строеній для библіотеки и архива. Последніе строятъ Гертнеръ, родившійся въ Кобленцѣ, 1792. стиль ихъ оригиналенъ. Церковь, которой родъ имѣетъ въ себѣ много византійскаго, будетъ украшена алфресками работъ знаменитаго Корнелиуса; одно изъ нихъ будетъ превосходить огромностію даже картину страшнаго суда Микель-Анжело, находящуюся въ Сикстовомъ приделѣ.

Двери и окна выведены арками, заключенными въ четверугольныя рамы: мѣсто, остающееся по угламъ рамъ, наполнено изваяніями. Колоннада Ионическаго ордена окружаетъ все зданіе, и отличается богатымъ фризомъ. Промежутки между колоннами заняты обширными окнами въ видѣ аркъ: на нихъ лежить архитравъ. Расположеніе такого рода, представляя на близкомъ разстояніи множества отверстій, могло бы дать верхней части зданія видъ слишкомъ легкой, если бь солидность выдающихся частей флигеля, не ослабляла этого впечатлѣнія. Цѣлое такъ красиво и величественно, что, несмотря на отвращеніе наше къ Италіанской архитектурѣ вообще, эффектъ, имъ производимый, заглушаетъ въ насъ всякое другое чувство кромѣ восторга, и мы должны сознаться, что художникъ поставилъ превосходный памятникъ своему искусству. Соображая разстояніе колоннъ, мы видимъ, что онъ не могъ поступить иначе, какъ прислонивъ ихъ: при всемъ томъ, нельзя не пожелать, чтобъ капителі были нѣсколько больше въ Греческомъ вкусѣ. Они уже и теперь несравненно лучше обыкновенныхъ Ионическихъ на Италіанскій ладъ, потому что художникъ, не слѣдуя общему примѣру за-Альпійской школы, вмѣсто того чтобъ поставить на четверугольный столбъ круглую шляпу, которая по необходимости должна бы быть незначительнаго размѣра, украсилъ свои пластры антовыми капителями. Кромѣ этого благоразумнаго нововведенія, онъ еще значительно исправилъ и улучшилъ многое въ подробностяхъ зданія, занимаясь въ этомъ случаѣ у настоящей Греческой школы. Между прочимъ, онъ принялъ Греческіе ante-fixae.

Величина и число оконъ, — по двадцати пяти въ каждомъ этажѣ должайшихъ боковъ зданія, — можетъ заставить думать, что картинныя галереи освѣщены

сбоку, и что съ тѣхъ сторонъ гдѣ находятся окна, нѣтъ мѣста для картинъ. Но зданіе устроено совсѣмъ другимъ и весьма замысловатымъ образомъ: залы, назначенныя для помѣщенія картинъ различныхъ школъ, находятся въ серединѣ строенія, и всѣ освѣщаются сверху. По одну сторону этой внутренней галерей расположенъ рядъ кабинетовъ, для малыхъ картинъ: ихъ всего двадцать три комнаты. По другую сторону тянется одна, длинная и узкая, галерея, корридоръ, или «ложка», о двадцати пяти окнахъ и столькихъ же малыхъ куполахъ, устроенныхъ въ сводѣ. Мюнхенскіе художники великолѣпно украсятъ ее арабесками и живописью альфреско. Полы сдѣланы изъ Венеціанскаго *terazzo*; двери обложены красивымъ зеленоватымъ мраморомъ; стѣны будутъ еще покрыты пунцовымъ и зеленымъ штофомъ, а потолоки богато изукрашены льною работою. Должно однако замѣтить, что строители этого музея понапрасну рѣшились быть столь же отчаянными мотами на деньги, какъ и на мѣсто: съ одной стороны мраморныя панели, съ другой широкой карнизъ, впрочемъ устроенный съ такимъ искусствомъ, что свѣтъ падаетъ подъ угломъ самымъ выгоднымъ для живописи, сокращаютъ болѣе чѣмъ на двадцать футовъ пространство стѣны, такъ, что ни одна картина не можетъ быть повѣшена на приличномъ для глаза разстояніи. Богатое убранство стѣны штофною матеріею не позволитъ также размѣстить картины тѣсными рядами: вѣдь надобно жъ хоть мало-мальски показать въ промежуткахъ между рамами свои великолѣпныя обон?

Шинкелево зданіе въ Берлинѣ отнюдь не посвящено исключительно одному роду художественныхъ произведеній: оно соединяетъ въ себѣ галереи живописи и скульптуры, и въ этомъ состоитъ важнѣйшее ся различіе съ Мюнхенскими храмами Искусства.

Впрочемъ оно, подобно имъ, стоитъ совсѣмъ отдѣльно, — что необходимо для всякаго монументальнаго строенія, — главнымъ фасадомъ обращено къ дворцу, и по одну сторону имѣетъ таможию, а по другую соборную церковь. Сверхъ того, тутъ же поблизости расположены и многіе другіе величественные плоды зодчества. Самое зданіе, являющее видъ правильнаго параллелограмма въ 276 футовъ длины и 170 ширины, состоитъ изъ невысокаго подвала и двухъ верхнихъ этажей, снабженныхъ съ трехъ сторонъ окнами. Главный фасадъ, на одномъ изъ должайшихъ боковъ параллелограмма, обращенъ къ югу: это пространная колоннада, образуемая осминадцатю ложчатыми пиластрами Юпитческаго ордена въ сорокъ футовъ вышины, и двумя угловыми же пиластрами, или антами, огромнаго размѣра. Колонна опирается на массивномъ непрерывномъ постаментѣ, или стилобатѣ, высотой равномъ подвалу, и разбитомъ только въ одномъ мѣстѣ, лѣстницею, помещенною въ центрѣ, объемлющемъ пространство семи междустолбій, съ ихъ пиластрами. Внутри портика, этотъ центръ имѣетъ пять открытых междустолбій: тутъ находится невысокій балюстрада со сквозными бронзовыми дверями, предшествующими парадной лѣстницѣ, которой верхняя часть, брошенная такимъ образомъ въ перспективу, не мало содѣйствуетъ живописному величію этой архитектурной сцены. Не менѣе достопримѣчательны и другія части грунта колоннады, по ихъ богатству и вкусу: стѣны, во все протяженіе обвѣнчаны лѣпною работою разныхъ украсительныхъ видовъ, и въ извѣстныхъ разстояніяхъ выложены цвѣтнымъ мраморомъ, кромѣ ряда барельефовъ, занимающихъ промежутки; сверхъ того верхняя ихъ часть будетъ расписана широкими альфресками.

Остановимся, и спросимъ — есть ли гдѣ въ Европѣ твореніе новѣйшаго зодчества, могущее сравниться съ

этимъ здаіемъ? Какая простота въ наружныхъ формахъ! Сколько разнообразія и оригинальности въ рисункъ? Какое счастливое соединеніе классическаго чувства съ новымъ изобрѣтеніемъ, расточительной роскоши съ изысканною чистотою стіля! Тогда какъ Европейскія столицы наполняются тяжелыми и уродливыми массами по правиламъ безтолковой школы, великій Германскій Художникъ соорудилъ чертогъ, достойный вѣка и генія Искусства, и этого образцоваго чертога никто не примѣчаетъ, — всѣ взоры устремлены на развращенныя стѣны Италіи! Щедрый, но не вычурный въ украшеніяхъ, онъ соединилъ прелесть съ величіемъ и окружилъ свое твореніе лучезарнымъ вѣщомъ поэтическаго воображенія. Нѣкоторые критики упрекаютъ Шинкеля въ томъ, что остальные части его музеума не соответствуютъ пышности фасада. Безъ этого недостатка, эффектъ, быть-можетъ, усугублялъ бы восхищеніе; но мы полагаемъ, что правило объ одинаковомъ богатствѣ всѣхъ угловъ зданія не должно уже имѣть ни какого вѣсу въ архитектурѣ, подобно тому, какъ оно не имѣетъ ни какого смысла въ Логикѣ. Конечно прочія стороны Берлинскаго музеума не могутъ сравниться въ великолѣпіи съ главнымъ фасадомъ: за то онъ отличается благородною простотою, и еще тѣмъ достоинствомъ, что превосходно сливаются въ одно прекрасное цѣлое; въ немъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ отъ пышнаго къ пошлomu, такъ часто оскорбляющихъ вкусъ въ произведеніяхъ, почитаемыхъ у насъ хорошими. Стройность и отдѣлка всѣхъ частей удивительны. Одни фасады имѣютъ то несравненное достоинство, что будучи даже разсматриваемы отдѣльно, представляютъ высокую и самобытную архитектурную идею.

Мы еще не упомянули объ одной изъ главныхъ вѣшнихъ чертъ музеума, существенно умножаю-

щихъ красоту и величіе цѣлой массы: низкая четверугольная надстройка, съ особенною прелестью возвышается по срединѣ крыши, для скрытія верхней части купола большой ротонды. Нашимъ архитекторамъ покажется страннымъ, что Шинкель упряталъ въ четыре стѣны такую прелесть, каковъ вообще куполь; но онъ сдѣлалъ это по внушенію того вѣрнаго и яснаго вкуса, который дается только гению. Куполь, недовольно выходящій изъ крыши, есть скорѣе безобразіе, нежели украшеніе.

Эта ротонда раздѣляетъ внутреннее пространство зданія на два двора: она имѣетъ 67 футовъ въ діаметръ и 70 въ вышину; нижняя часть ея окружена перистилемъ изъ двадцати ложчатыхъ колоннъ, которыхъ капители осѣнены листьями въ Греческомъ вкусѣ. Перистиль обведенъ галереєю, имѣющею сообщеніе съ верхнимъ этажемъ. Между покоями нижняго, особенно замѣчательны три большія галереи, одна въ 200 и двѣ въ 125 футовъ длины: ширина первой 50, а остальныхъ двухъ 29 футовъ: всѣ онѣ разрѣзаны на три части двумя рядами дорическихъ колоннъ съ красивыми капителями. Галереи эти служатъ для храненія статуй и антиковъ. Надъ ними, въ верхнемъ этажѣ, въ галереяхъ такого же размѣра, помѣщаются произведенія живописи; перегородки, идущія отъ колоннъ, стоящихъ между окнами, раздѣляютъ внутренность ихъ на многіе кабинеты: ихъ всего одиннадцать въ бо́льшей и по семи въ меньшихъ галереяхъ. Это распредѣленіе доставляетъ возможность размѣстить большое число картинъ, и имѣетъ ту выгоду, что свѣтъ прямѣе падаетъ на картины, висящія на перегородкахъ, чѣмъ если бъ онѣ развѣшены были по стѣнамъ: тогда онъ падалъ бы на нихъ изъ боковыхъ оконъ. Конечно, въ такомъ случаѣ общій видъ галерей менѣе величественъ, но

за то глаза не *разбѣгаются*, и посѣтитель, окнувъ все однимъ взглядомъ, можетъ заняться исключительнымъ разсмотрѣніемъ одного или нѣсколькихъ отдѣленій. Впрочемъ обширность галерей не совсѣмъ потеряна для глаза, такъ какъ между перегородками, посрединѣ, оставлено открытое мѣсто въ десять футовъ, дозволяющее видѣть все протяженіе внутренности отъ одного конца до другаго. Самыя перегородки убраны приличнымъ образомъ, и въ предупрежденіе того, чтобъ картины не были помѣщаемы слишкомъ высоко или слишкомъ низко, строитель возвелъ перегородки только вровень съ высотой оконъ, то есть, на восемнадцать футовъ отъ пола, такъ, что между потолкомъ и верхнею чертою перегородокъ остается еще довольно большое пространство.

Мы желали бы поговорить еще о другихъ произведеніяхъ Шпикеля, между прочимъ о превосходномъ фасадѣ недавно выстроеннаго имъ въ Берлинѣ, великолѣннаго дома г. Фейльнера; но предѣлы статьи, и безъ того уже слишкомъ длинной, заставляютъ насъ положить перо. Если мы утомили сію читателей, то поищемъ себѣ извиненія въ собственной ихъ пользѣ: архитектура, для всякаго народа, который *обстраивается*, предметъ чрезвычайно важный, искусство первой потребности, и въ свѣтъ нѣтъ такой скуки, ксторой бы не стоило подвергнуться, чтобъ не оставлять потомству въковыхъ доказательствъ своего безвкусія.

М. МИХАЙЛОВЪ.

Foreign Quarterly Review.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЛЕГКИЙ СПОСОБЪ ЗОЛОТИТЬ И СЕРЕБРИТЬ РАЗНЫЯ ВЕЩИ.

=

Во всякомъ хозяйствѣ есть множество вещей, которыя было бы не только пріятно, но даже и полезно позолотить или посеребрить; но, какъ или по дороговизнѣ этой работы, или за неимѣніемъ по близости мастеровъ, что также нередко случается, многіе по нволю должны отказываться отъ сего удобства, то для желающихъ и имѣющихъ время заняться этимъ дома, сообщаемъ нѣкоторые легчайшіе способы серебрить и золотить разныя вещи, считая, впрочемъ излишнимъ описывать здѣсь золоченіе и серебреніе черезъ огонь, ибо эта работа трудна, непріятна и даже вредна для здоровья.

Сортучка для серебренія мѣди. Стерши въ какой-нибудь стункѣ, только не въ мѣдной, одну часть мелкихъ оловянныхъ опилокъ или стружекъ съ двумя частями ртути, составляется амальгама, въ которую прибавляютъ одну часть чистаго серебра, осажденнаго посредствомъ мѣди изъ раствора онаго въ селитряной кислотѣ * и тщательно перемытаго;

* Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: измелчавъ какъ-нибудь известное количество чистаго серебра (листоваго или спущеннаго накали) напр. терпугомъ или другимъ образомъ, бросаютъ его понемногу въ крепкую водку (селитрянную кислоту), валитую въ стекляный или фарфоровый сосудъ; когда все серебро распустится, прибавляютъ

все сіе опять растирается въ ступкѣ, и когда серебро совершенно соединится съ амальгамою, прибавляютъ въ смѣсь отъ шести до восьми частей мелкаго порошка пережженныхъ прокаленныхъ добѣла костей. Стерши все вмѣстѣ, получаютъ сухую массу, которая накладывается на металлъ слѣдующимъ образомъ: обернувъ палець мокрою ветошкою пли лайкою, и обмакнувъ ее въ приготовленный порошокъ, натираютъ онымъ мѣдную вещь, которая отъ сего посеребрится очень скоро, прочно и красно. Посеребренная такимъ образомъ вещь, будучи вытерта начисто тонкимъ сухимъ сукномъ, является во всемъ блескѣ, и съ виду ни сколько не уступаетъ настоящей серебряной. — Наведенный по сему способу слой амальгамы, конечно, уступаетъ въ прочности чистой серебряной накладкѣ, наведенной черезъ огонь, однако жъ онъ держится также очень долго, и не измѣняется даже при накаливаніи, разумѣется умѣренномъ. Впрочемъ этотъ слой такъ скоро и легко можно возобновлять, что, имея у себя всегда наготовѣ вышеозначенный порошокъ, едва ли стоитъ платить большія деньги за посеребрение черезъ огонь многихъ вещей; ибо безъ надлежащей бережн. и лучшая серебряная накладка долго не продержится, а въ бережливыхъ рукахъ и самый тонкій слой серебра никогда не сотрется.

въ растворъ чистой, дистиллированной воды вдвое болѣе, нежели сколько употреблено селитряной кислоты. Потомъ погружаютъ въ растворъ кусочекъ выщелоченной красной мѣди, повѣсивъ его на ниткѣ. Черезъ четверть часа мѣдь покрывается слоемъ серебра; тогда ее вынимаютъ, а въ растворъ погружаютъ другой кусочекъ мѣди, вынутый же бросаютъ въ сосудъ съ холодною водою; черезъ нѣсколько времени серебро отъ мѣди отдѣляется и осѣдаетъ на дно сосуда. Это повторяютъ нѣ сколько разъ, до тѣхъ поръ, пока все серебро изъ раствора отдѣлится. Отставшее отъ мѣди серебро перемываютъ въ нѣсколькихъ водахъ, высушиваютъ и хранятъ въ закрытомъ сосудѣ. Почти столь же тонкій порошокъ серебра можно получить и другимъ образомъ, именно, посредствомъ растиранія листового серебра съ медомъ или патокою, на гладкомъ камнѣ пли шлифованной стеклянной плиткѣ. Когда серебро изотрется довольно мелко, тогда вся масса кладется въ теплую воду и хорошенько размѣшивается: мѣдь растворяется въ водѣ, а серебро осѣдаетъ на дно сосуда, перемывается въ нѣсколькихъ водахъ и высушивается. Для сего пригодно также серебро, полученное изъ выщел. серебряныхъ вещей.

Для совершеннаго успѣха въ этомъ дѣлѣ не должно ни на волосъ отступать отъ вышеозначенной пропорціи.

Если потребуется посеребрить многія и притомъ большія вещи, то для ускоренія дѣла можно покрыть ихъ предварительно тонкимъ слоемъ насыщеннаго раствора ртути въ еселитряной кислотѣ, чѣмъ дѣлопроизводство значительно облегчается.

Этотъ же порошокъ можетъ быть съ пользою употребленъ и для серебрения латуни или желтой мѣди.

Здѣсь кетати упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ способахъ серебрить мѣдь и отбѣливать оную безъ примѣси серебра, котарые также очень удобно могутъ быть употреблены во великомъ хозяйствѣ.

Серебрение. Смѣшавъ одну часть, по вѣсу, чистаго серебрянаго порошка, добытаго однимъ изъ вышеописанныхъ способовъ, съ двумя частями креморъ-тартара и двумя частями бѣлой поваренной соли, должно смочить эту смѣсь водою, и сдѣлать изъ нее родъ тѣста. Обернувъ палецъ чистою холатиною или лайкою, взять на нее немного сего тѣста и пагирать имъ мѣдную вещь, доколь она достаточно посеребрится; мѣдь должно напередъ какъ можно лучше вычистить. Посеребренную такимъ образомъ вещь немедленно обмываютъ въ теплой водѣ, въ которой предварительно рапушена щепотъ поташа или золы изъ пережженныхъ дрождей; затемъ обмываютъ ее въ чистую воду, сначала въ теплую, а потомъ въ холодную; наконецъ, вытерши досуха чистымъ полотенцемъ, нагрѣваютъ ее передъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ появляться на ней влага. Съ небольшою привычкою способъ сей всегда удается; должно только посеребренную вещь обмывать какъ можно скорѣе.

Отдѣлка безъ серебра. Растворивъ въ желѣзномъ упловникѣ одну часть, по вѣсу, чистаго олова, прибавляютъ въ него столько же висмуту, и мѣшаютъ желѣзною палочкою, доколь висмутъ также расплавится; потомъ снимаютъ

смѣсь съ огня, вливають въ нее одну же часть ртути, размѣшиваютъ и для охлажденія выливають все на мраморную плиту съ закрапинами. Истолокини полученный сплавокъ, просѣвають его сквозь частое шелковое сито, и смѣшиваютъ съ четвернымъ, противу вѣса всей смѣси, количествомъ Испанскихъ бѣлилъ, * также истолченныхъ и просѣянныхъ. Мѣдныя и латуневые вещи, натертая смѣсь порошкомъ, съ виду совершенно похожи на посеребренныя, только должно замѣтить, что эта отбѣлка очень не прочна и скоро сходить.

Сей послѣдній порошокъ, но безъ примѣси бѣлилъ, можно гораздо съ болѣею пользою употреблять для посеребренія бумаги и дерева: разболтавъ его съ яичнымъ бѣлкомъ, бѣлымъ лакомъ или виннымъ спиртомъ, въ которомъ предварительно распушено нѣсколько Аравійской камеди (Gummi arabicum — вишневый клей), пакладываютъ его широкою кистью на дерево или па бумагу, просушиваютъ и наконецъ лощатъ волчьимъ зубомъ. Отъ сего бумага принимаетъ и очень долго сохраняетъ превосходный металлическій блескъ и цвѣтъ.

Кошачье золото. Во всѣхъ почти химіяхъ можно найти нѣсколько рецептовъ для составленія такъ называемаго кошачьяго золота. Пеллеге, очень много этимъ занимавшійся, предлагаетъ слѣдующій способъ приготоуленія сего порошка.

Растопивъ въ желѣзномъ уполовникѣ 7 частей, по вѣсу, чистаго олова, смѣшай оное съ такимъ же количествомъ ртути, и остудивъ сплавокъ, изотри его въ ступкѣ съ пятью частями стѣрныхъ цвѣтовъ и тремя частями пашатыря; всыпавъ смѣсь въ широкій тигель такой величины, чтобы порошокъ занималъ не болѣе одной трети онаго, вложи въ него глиняную крышку съ нѣсколькими небольшими отвѣрзтіями, такъ, чтобы она не доходила на дюймъ мѣста до

* Нѣсколько разъ перемытый и отъ всѣхъ постороннихъ частей очищенный мѣлъ. Для сего взявъ обыкновенный мѣлъ, толкутъ его и разболтавъ въ водѣ, даютъ грубымъ частямъ осѣсть; потомъ бѣлую воду сливають и снова даютъ ей отстояться. Этотъ-то послѣдній осадокъ и называется Испанскимъ бѣлцямъ.

порошка, потомъ закрой тигель второю крышкою, примазавъ ее хорошенько глинною или другою огнеостойною обмазкою. Приготовленный такимъ образомъ тигель поставь въ песчаную баню, или, что все равно, въ другой тигель, обсыпавъ его тамъ сухимъ пескомъ, и медленно нагревай въ теченіе 8 или 10 часовъ и даже долѣе. Вообще, для полученія хорошаго кошачьяго золота, надобно, чтобъ оно было приготовляемо въ легкомъ, но продолжительномъ жару, который долженъ быть не выше температуры, нужной для возгонки нашатыря, т. е. ниже температуры темно-краснаго накаливанія. По изготовленіи и охлажденіи кошачьяго золота, его толкутъ и просѣвають сквозь частое шелковое сито, и хранятъ для употребленія въ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Поддѣльная позолота мѣди, латуни, дерева, бумаги и проч. Для позолоты мѣди берется одна часть, по вѣсу, кошачьяго золота, и смѣшивается съ шестью частями мелкаго порошка пережженныхъ добѣла костей; потомъ берутъ нѣсколько этой смѣси на мокрую тряпку, и трутъ ею мѣдную вещь до тѣхъ поръ, пока она получитъ желтый цвѣтъ, тогда ее вытираютъ сухимъ полотенцемъ и полируютъ волчьимъ зубомъ. Отдѣланныя такимъ образомъ мѣдныя и латуневья вещи, довольно похожи на золоченыя.

Для позолоты дерева, бумаги, папки и проч., разбалтываютъ кошачье золото въ яичномъ бѣлкѣ, бѣломъ лакѣ или лучисѣ, въ винномъ спиртѣ, въ которомъ распущено достаточное количество Аравійской камеди, и накладываютъ его широкою бареуковою кистью, просушиваютъ и лощатъ волчьимъ зубомъ.

Для сего можно употреблять также и мѣдный порошокъ или поталь, получаемый чрезъ осажденіе онаго посредствомъ кусковъ желѣза изъ раствора мѣди въ крѣпкой водкѣ, такъ же точно, какъ сказано выше объ осажденіи серебра мѣдью.

Другая поддѣльная же позолота. Сплавивъ одну часть цинка (цинк-аутера) съ двѣнадцатью частями ртути, растворяютъ эту амальгаму въ соляной кислотѣ, куда прибавляютъ

также листокъ или два золота и нѣсколько виннаго камня. Потомъ, вычистивъ хорошенько мѣдную вещь, которую требуется позолотить, и обмывъ селитряною кислотою, кипятить ее въ вышеозначенномъ растворѣ, гдѣ она и принимаетъ прекрасную позолоту. Вызолоченная такимъ образомъ мѣдная проволока можетъ быть потомъ вытягиваема въ тончайшія нити, которыя вполне сохраняютъ золотистый свой цвѣтъ и блескъ. Снмъ способомъ обыкновенно дѣлается такъ называемая мишура, идущая на приготовленіе галушевъ, разныхъ офицерскихъ и другихъ вещей, по наружному виду очень близко подходящихъ подъ золоченія.

Настоящій золотой порошокъ. Золото превращается въ порошокъ двумя способами: или посредствомъ растиранія листоваго золота на камень съ медомъ или патокою; или посредствомъ осажденія онаго изъ раствора золота въ селитро-соляной кислотѣ (въ царской водкѣ). Первый изъ сихъ способовъ описанъ уже выше въ особомъ примѣчаніи, ибо золото и серебро растираются и промываются совершенно одинаковымъ образомъ. Второй же способъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Смѣшавъ двѣ части, по вѣсу, селитряной кислоты, съ одною частию соляной*, т. е., составивъ такъ называемую царскую водку, растворяютъ въ ней понемногу листовое золото до насыщенія, т. е., до тѣхъ поръ, пока оно перестанетъ растворяться — обыкновенно же полагается около одной драхмы золота на двѣ унціи царской водки. Раствореніе это производится въ стеклянномъ сосудѣ, поставленномъ въ песокъ, подогреваемый на угольяхъ. Если надобно, чтобъ позолота имѣла красноватый цвѣтъ, должно прибавить въ растворъ отъ 10 до 12 грановъ чистой листовой мѣди или пѣтали; вообще позолота будетъ тѣмъ краснѣе, чѣмъ больше положится мѣди. Приготовивъ растворъ, намачиваютъ въ немъ чистыя полотняныя тряпки, поливая ихъ онымъ слегка до тѣхъ поръ, пока онѣ совер-

* Смѣсь сію должно дѣлать съ осторожностію, чтобы не лопнула банка, и для того соляную кислоту приливаютъ понемногу, безпрестанно побалтывая банку, ибо безъ того она вдругъ сильно нагреется.

шенно имъ питаются; потомъ, положивъ ихъ на фарфоровую или фаянсовую тарелку, ставятъ въ теплое мѣсто, хорошенько просушиваютъ, и наконецъ зажигаютъ лучинкою: полученный пепель и будетъ содержать въ себѣ порошокъ золота.

Чтобы получить золотой порошокъ въ чистомъ металлическомъ видѣ, золотосодержащій растворъ должно напередъ развести прегнанною водою, потомъ приливать въ него понемногу раствора зеленаго (жельзнаго) купороса въ водѣ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ отдѣляться осадокъ; отстоявшуюся жидкость слегка сцѣдить, а на осадокъ налить теплой воды, потомъ воду опять слить, и повторять это нѣсколько разъ. Наконецъ, отдѣливъ осадокъ, высушить и подогрѣвать его на легкомъ жару, доколь золото возстановится, причемъ надобно очень остерегаться, чтобъ оно не сплавилось. Впрочемъ эта работа, требующая большой осторожности и точности, для позолоты вовсе не нужна, ибо окисленное золото возстановляется само собою отъ тренія, употребляемаго при золоченіи онымъ.

Позолота серебра и мѣди. Для позолоты серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, онѣ сначала хорошенько полпругуются и потомъ натираются мягкой пробкою, смоченною слегка чистою водою и потомъ обмокнутою въ золотой порошокъ. Когда позолота приметъ надлежащій видъ, и наведенный слой золота получить желаемую толщину, тогда треніе прекращается и вещь полпругается обыкновеннымъ кровавиковымъ или стальнымъ гладиломъ. Полпруганіе производится съ мыльною водою. При золоченіи золотымъ порошокомъ, имѣющимъ металлическій блескъ, можно вмѣсто пробки употреблять лайку, обернувъ ее около пальца.

Позолота жельза и стали. Давно уже Гютонъ де Морво показалъ весьма легкой и удобный способъ для прочной позолоты жельза и стали послѣ отполировки ихъ. Этотъ способъ и донынѣ съ успѣхомъ употребляется пожевщиками, оружейными и другими мастерами для позолоты и надписей на ружьяхъ, пистолетахъ, ножахъ, бритвахъ, пожинцахъ

и проч., и состоитъ въ слѣдующемъ: Растворивъ чистое листовое золото въ царской водкѣ до насыщенія, вливаютъ въ растворъ равное ему по объему количество сѣрнаго ээира, напр. на рюмку кислоты рюмку же ээира. Эта смѣсь дѣлается въ склянкѣ, емкость которой вдвое болѣе объема обѣихъ жидкостей. По влитіи ээира склянка плотно затыкается и содержащаяся въ ней жидкость сильно сбалтывается; при семъ ээиръ отнимаетъ у кислоты все золото, и принимаетъ красивый желтый цвѣтъ. По прошествіи нѣкотораго времени, золотосодержащій ээиръ всплываетъ наверхъ, и тогда его уже легко отдѣлить отъ кислоты, сливая, или просто черезъ край или посредствомъ сифона, или всего лучше посредствомъ стеклянной воронки съ тоненькимъ носкомъ: кислота, будучи тяжелая, займетъ въ ней нижнюю часть, а ээиръ верхнюю; и такъ, спустивъ сначала кислоту въ одну склянку, переносятъ воронку на другую въ то самое мгновеніе, когда начнетъ вытекать ээиръ. Этотъ составъ хранится для употребленія въ плотно закупоренныхъ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Когда требуется позолотить желѣзо или сталь, или сдѣлать на нихъ надпись, рисунокъ, узоръ и т. п., металлъ прежде тщательно полируютъ, а потомъ слегка нагрѣвши, намазываютъ золотосодержащимъ ээиромъ все тѣ мѣста, гдѣ назначено быть позолотѣ, кисточкою или перомъ, смотря по удобности. На тепломъ металлѣ ээиръ тотчасъ испаряется, а золото остается; тогда его закрѣпляютъ и оживляютъ, полируя обыкновеннымъ гладиломъ.

Говоря о позолотѣ мѣдныхъ и другихъ вещей, кстати уже упомянуть и о способѣ чистить разныя небольшія вещицы изъ дѣльнаго или такъ называемаго Французскаго золота, почернѣвшія отъ времени и долгаго употребленія. Извѣстно, что это золото всегда содержитъ значительную примѣсь мѣди, которая мало-по-малу тускнѣетъ и чернѣетъ. Для совершеннаго очищенія такой вещи стоитъ только вскипятить ее въ растворъ нашатыря: эта соль растворитъ мѣдь, выступившую на поверхность, и оставитъ золото совершенно чистымъ. *Н. Ф.*

СОСТАВЪ АРОМАТИЧЕСКОЙ ГОРЧИЦЫ, ИЗВѢСТНОЙ У НАСЪ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

=

Горчица есть одна изъ необходимѣйшихъ приправъ нашего стола; она весьма полезна, особливо въ холодныхъ и сырыхъ странахъ, для людей слабыхъ, апатическихъ и ведущихъ сидячую жизнь, у которыхъ дурно пищевареніе или которые употребляютъ довольно грубую пищу; она полезна также въ скорбунной и некоторыхъ другихъ болѣзняхъ. — У насъ извѣстны три главные сорта горчицы, а именно, такъ называемыя Англійская, Сарептская и Французская, приготовляемыя изъ семянъ растенія того же имени, которое бываетъ двухъ видовъ: сѣрая горчица (*sinapis nigra*, L.) и желтая (*sinapis alba*, L.). Англійская и Сарептская горчица готовится для стола очень просто: ее смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ сахара и уксуса, и потомъ разводятъ водою. Любителямъ же самой крѣпкой горчицы рекомендуемъ Сарептскую, приготовленную непременно слѣдующимъ образомъ: перемѣшавъ сухую Сарептскую горчицу съ мелкимъ сахаромъ, положивъ онаго по вкусу болѣе или менѣе, должно прибавить въ смѣсь хорошаго уксуса, и растереть ее деревянною ложкою до тѣхъ поръ, пока весь комъ разотрется и составитъ густое, совершенно однородное тѣсто, которое потомъ обварить кипяткомъ, и хорошенько размѣшавъ, оставить на цѣлыя сутки въ открытомъ сосудѣ. По прошествіи сего времени, ее можно вылить въ банку и употреблять, но ранѣе эта горчица къ употребленію не годится; ибо, не выстоявшіе хорошенько, она вмѣстѣ въ себя очень непріятную горечь.

Ароматическая горчица, извѣстная у насъ подъ названіемъ Французской, готовится чаще изъ сѣрой горчицы, но и желтая, или Англійская, одинаково для сего пригодна. Слѣдующіе два способа приготовленія этой горчицы считаются во Франціи лучшими.

1 способъ. На два съ половиною фунта сухой горчицы берется:

Свѣжнхъ листьевъ	петрушки	3½	золотника.
---	--- кервеля	3½	---
---	--- сельдерея	3½	---
---	--- эстрагона	3½	---
	чесноку	1	головка.
	соленыхъ анчоусовъ .	12	штукъ.

Все это вмѣстѣ рубится какъ можно мельче острую съякою, смѣшивается съ горчицею и растирается въ стеклянной или каменной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока получится самый мелкій и совершенно однородный порошокъ. Потомъ эта смѣсь подслащивается винограднымъ сусломъ или, за недостаткомъ онаго, обыкновеннымъ сахаромъ, по вкусу каждаго, только не слишкомъ много; наконецъ прибавляется 7 золотниковъ бѣлой поваренной соли въ мелкомъ порошокѣ, и вся смѣсь растирается, разводится водою и разливается въ банки. Но прежде, нежели банки съ горчицею будутъ закупорены, должно въ каждую изъ нихъ опустить раскаленный докрасна кусокъ желѣза, вслѣдствіемъ въ средній палецъ, и оставить его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно остынетъ. Это нужно для того, чтобы отнять у горчицы часть остроты, и выпарить излишнюю воду. Вынувъ желѣзо, банки доливаются крѣпкимъ бѣлымъ уксусомъ, закупориваются и заливаются смолою. Приготовленная такимъ образомъ горчица сохраняется очень хорошо и чѣмъ дольше стоитъ, тѣмъ дѣлается лучше.

2 способъ. На два съ половиною фунта горчицы должно взять:

Петрушки	} по 1-й большой горсти.
Кервеля	
Сельдерея	
Мелкаго луку	½ гарнца.
Чесноку	1 головку.
Мелкой поваренной соли	14 золотниковъ.
Прованскаго масла	7 ---
Корицы въ мелкомъ порошокѣ	1 ---

Гвоздики	1	—
Мушкатнаго орѣха	1	—
Перцу	1	—
Тимьянова масла (essence de thym)	10	капель.
Коричневаго	8	—
Эстрагоннаго	1	—

Вычистивъ и изрубивъ хорошенько петрушку, кервель, сельдерей, лукъ и чеснокъ, вымачиваютъ ихъ цѣлыя двѣ недѣли въ достаточномъ количествѣ лучшаго бѣлаго уксуса; потомъ вынимаютъ ихъ изъ онаго, растираютъ какъ можно лучше и мельче на камнѣ или въ ступкѣ, въ растертую массу высыпаютъ горчицу, и опять растираютъ, потомъ кладутъ туда же соль, прованское масло, душистыя эссенціи и пряности, снова растираютъ эту емсь, и наконецъ разводятъ ее тѣмъ же самымъ уксусомъ, въ которомъ вымачивались вышеозначенныя растенія, и все вмѣстѣ хорошенько размѣшиваютъ. Черезъ двои сутокъ разливаютъ приготовленную такимъ образомъ горчицу въ банки, закупориваютъ ихъ, и пробки заливаютъ смолою. *И. Ф.*

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ВИШНЕВОЙ ВОДКИ ИЛИ КИРШВАССЕРА.

Водка сія готовится большею частію изъ ягодъ съ испривитыхъ вишневыхъ деревъ. Оборвавши у вишни хвостки, размншаютъ ихъ нестомъ и кладутъ въ чанъ, поставленный въ умѣренню теплому мѣстѣ. Во время броженія, которое начнается, иногда, по прошествіи двухъ недѣль, а иногда, дня черезъ три или четыре; чанъ закрываютъ крышею, и каждая двое сутокъ мѣшаютъ въ немъ вишни чистою деревянною мѣшалкою. Когда броженіе достигнетъ надлежащей степени, тогда можно или тотчасъ же приступить къ перегонкѣ или хранить нѣсколько дней перебродившую массу, закрывши какъ можно плотно сосудъ, въ которомъ она содержится. Чтобы во время перегонки, вишневая мякоть, находящаяся въ кубѣ, не подго-

рѣла, мѣшаютъ ее какъ можно чаще и закрываютъ кубъ шлсомомъ тогда только, когда уже она начнетъ закипать. Впрочемъ, при перегонкѣ поступаютъ точно такъ же, какъ и съ обыкновеннымъ вишнимъ спиртомъ. Покуда жидкость, выходящая изъ куба, безцвѣтна, до тѣхъ поръ она имѣетъ надлежащую крѣпость, но коль скоро начнетъ мутиться, то это значитъ, что она уже дѣлается слабою, и потому ее получаютъ въ особый пріемникъ, и потомъ опять перегонаютъ съ новыми вишнями.

Кишвассеръ можетъ быть получаемъ такъ же и изъ сухеныхъ вишенъ. Для сего кладутъ ихъ сначала въ горячую воду, а потомъ размявши, складываютъ въ боченокъ съ довольно большимъ количествомъ воды, и подвергаютъ броженію, которое въ этомъ случаѣ происходитъ уже гораздо медленнѣе.

Вишневые косточки и ядра такъ же разбиваются: ихъ обыкновенно толкутъ особо, и потомъ уже кладутъ вмѣстѣ съ ягодною мякотью. Отъ нихъ-то собственно и получаетъ вишневая водка тотъ особенный вкусъ и запахъ, которыми она наиболее отличается отъ обыкновеннаго хлѣбнаго вина, особливо если ее разсыропить сахаромъ. Чѣмъ дольше эта водка стоитъ, тѣмъ она дѣлается лучше. Водка, подобная вишневой, дѣлается также и изъ сливъ, но сія послѣдняя уступаетъ въ достоинствѣ вишневой, и отъ примѣси къ ней воды бѣлѣетъ. Водка, сдѣланная такимъ же образомъ изъ ягодъ терновника, предпочтается настоящему кишвассеру. *Н. Ф.*

САКСОНСКИЙ СПОСОБЪ УНАВОЖИВАТЬ ЗЕМЛЮ.

=

Въ Саксоніи и соседственныхъ съ нею странахъ употребляютъ слѣдующій, очень замысловатый способъ увеличивать количество навоза, идущаго на удобреніе пахотныхъ полей.

По мѣрѣ очищенія скотныхъ дворовъ навозъ сваливаютъ въ кучи, перекладывая его слоями дерна, по возможности наблюдая, чтобы на три воза перваго приходилось по два воза послѣдняго. Дернъ сдираютъ не толсто, и перевертывъ вверхъ корнями, оставляютъ его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ начнетъ нѣсколько зеленѣть; тогда его употребляютъ для перекладки навоза. Вообще кучи сіи кладутся вышнюю около шести футовъ, а длиною и шириною, какъ позволяетъ мѣсто; сверху онъ дѣлаются нѣсколько впадинами, дабы удобнѣе проникла въ нихъ дождевая вода.

Такое переслоеніе навоза съ дерномъ весьма много способствуетъ къ перегною сего послѣдняго такъ, что онъ въ теченіе лѣта совершенно перепрѣваетъ, а иногда бываетъ даже достаточно для сего и двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; впрочемъ это болѣе зависитъ отъ погоды. Иногда, смотря по времени, когда кучи сложены и когда онъ должны быть употреблены въ дѣло, бываетъ нужно ихъ переворачивать; такъ напр. если кучи сложены около Михайлова дня, то это необходимо; ибо, если навозъ долженъ быть положенъ подъ яровой посѣвъ, тогда можетъ случиться, что дернъ не успеетъ перегнить какъ слѣдуетъ, и потому ему должно пособить въ этомъ, переворачиваніемъ кучи; когда же навозъ назначается подъ озимый хлѣбъ слѣдующаго года, тогда его должно опять перевернуть около Иванова дня, ибо иначе можетъ поле заглохнуть негодными травами.

Множествомъ опытовъ доказано уже, что три телеги сего назема равняются силою своею двумъ телегамъ чистаго навозу, что и не удивительно; ибо, во-первыхъ, перегнившая трава составляетъ уже сама собою родъ навоза, а во-вторыхъ, дернъ служитъ здѣсь какъ бы губкою, которая, втягивая въ себя всю влагу изъ навоза, столь для почвы питательную, не допускаетъ ее теряться.

Очевидно, что для избѣжанія лишней перевозки дерна, выгоднѣе кучи сіи складывать на самыхъ поляхъ, нежели близъ жнилья. *Н. Ф.*

ЛАКЪ ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ДЕРЕВА ОТЪ ГНИЛОСТИ.

=

Все искусство предохраненія дерева отъ гнилости состоитъ единственно въ томъ, чтобы не допустить ни воздуха, ни влаги проникнуть внутрь оного. Лучшій для сего составъ есть слѣдующій: расплавивъ въ чугунномъ котлѣ 12 унцій смолы, или гарпіусу, прибавить въ него 8 унцій стры, и когда она соединится съ гарпіусомъ, влить туда 6 осмухъ ворвани (китовый жиръ), и подогрѣвая безпрестанно, прибавлять по частямъ 14 лотовъ изрѣзаннаго въ маленькіе кусочки желтаго воска; перемѣшать хорошенъко, и когда весь кусочки разойдутся, положить въ полученную жидкость полфунта растертой на маслѣ какой-нибудь краски, и снова хорошенъко перемѣшать. Если полученнымъ такимъ образомъ горячимъ составомъ вымазать дерево нѣсколько разъ, разумѣется, давая прежде нижнему слою высохнуть, то оно можетъ сохраняться отъ порчи цѣлыя столѣтія. Въ холодномъ состояніи составъ сей твердѣетъ, но для употребленія онъ очень удобно плавится. Ему можно сообщать какой угодно цвѣтъ посредствомъ примѣсен различныхъ красокъ. Такъ какъ этотъ составъ очень горючъ, то не дурно бы для предосторожности не покрывать имъ такихъ частей зданія, на которыя удобно можетъ попасть огонь. Нѣтъ ничего лучше этого состава для сохраненія отъ порчи частей дерева, зарытыхъ въ землю или песокъ. *Н. Ф.*

=====

КЛЮКВЕННЫЯ ВЫМОРОЗКИ.

=

Судя по обширному употребленію клюквы въ Россіи, надобно полагать, что у насъ до нее много охотниковъ; но странно, что повсюду видѣнь одинъ только обыкновенный клюквенный сокъ, выморозки же изъ этой ягоды такъ рѣд-

ки, какъ какая-нибудь драгоценность, — въ самомъ же онѣ могутъ обойтись не многими дороже простаго соку, особливо, если бѣ приготовленіемъ онаго занялись тамъ, гдѣ, какъ говорится, клюква не по чести. Морозами же, кажется, насъ тоже Богъ не обидѣлъ.

Клюквенныя выморозки видомъ, вкусомъ и запахомъ отличаются, какъ небо отъ земли, отъ обыкновеннаго соку: онѣ совершенно чисты, прозрачны, имѣютъ въ себѣ ничто ароматическое, чрезвычайно пріятную кислоту и такую крепость, что одной чайной ложки слишкомъ достаточно для приправы цѣлаго стакана воды или чаю. Сверхъ того онѣ имѣютъ еще и ту выгоду, что могутъ быть сохраняемы въ цѣлости неопредѣленное время, лишь бы только заключались въ совершенно чистыхъ и хорошо закупоренныхъ стеклянныхъ сосудахъ. Вотъ способъ приготовленія оныхъ :

Оттаявъ мерзлую клюкву въ теплой комнатѣ, и положивъ ее на рѣшето, дать постоять въ ономъ столько времени, чтобы вся находящаяся въ ней вода стекла въ подставленный для того сосудъ ; потомъ, размявъ и растерши хорошенько ягоду въ каменной ступкѣ или въ деревянной чашѣ, сложить мякоть въ кадку, и не закрывая ничѣмъ, кромѣ чистаго полотенца, выставить ее на морозъ недѣли на двѣ; когда вся мякоть порядкомъ промерзнетъ, внести кадку въ теплую комнату, накрыть деревянною крышкою, и, отступя пальца на два отъ днища, просверлить въ ней съ боку одно или нѣсколько отверстій, въ которыя вставить по густинному перу, а подъ нихъ бутылки для стока жидкости. По мѣрѣ того, какъ клюква начнетъ въ теплѣ понемногу отходить, сокъ будетъ стекать и собираться въ бутылки. Но какъ сихъ выморозковъ стекаетъ очень немного, то, чтобы не потерять оныхъ ни сколько, можно отстоявшую мякоть снова хорошенько перемять, вторично заморозить и отцѣдить тѣмъ же порядкомъ; только уже полученный при семъ сокъ будетъ качествомъ ниже полученнаго въ первый разъ. На оставшуюся мякоть можно налить нѣсколько теплой воды и выжать: получится обыкновенный клюквенный сокъ. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ НАКЛЕИВАТЬ НА СТѢНЫ

БУМАЖНЫЕ ОБОИ ТАКЪ, ЧТОБЪ ВЪ НИХЪ НЕ ЗАВОДИЛИСЯ
КЛОПЫ.

=

На комнату обыкновенной величины должно взять фунтъ шубнаго клею, и разбивъ, намочить часа на два въ водѣ; потомъ, наливъ на него три штофа воды и прибавивъ туда же восемь унцій скипидару, кипятить, безпрестанно помешивая, доколѣ клей разварится, а скипидаръ въ немъ распустится. Приготовивъ этотъ составъ и оскобливъ и очистивъ хорошенько стѣны отъ сору и пыли, должно покрыть ихъ раза два или три этимъ составомъ, пока онъ еще горячъ. Потомъ, когда стѣны высохнутъ, наклеивать на нихъ обои обыкновеннымъ мучнымъ или крахмальнымъ клеестеромъ, свареннымъ также вмѣстѣ съ скипидаромъ, полагая онаго до пяти унцій на фунтъ муки или крахмала. Этотъ клеестеръ должно, при намазываніи на обои, какъ можно лучше размешивать, дабы скипидаръ не скоплялся въ одномъ мѣстѣ; ибо въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ сквозь бумагу и запятнаетъ обои. *Н. Ф.*

=====

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО

ЗАСТАВИТЬ ПЯВКОКЪ ПРИНИМАТЬСЯ КЪ БОЛЬНОМУ МѢСТУ.

=

Иногда случается, что большія и здоровыя пиявки никакъ не принимаются, и тѣмъ сильно досаждаютъ не только больному, но и тѣмъ, кто ихъ приставляетъ. Въ отвращеніе сего употребляютъ разныя средства, какъ то: натираютъ тѣло рукою или суконкою докрасна, смачиваютъ его чистою или сахарною водою, намазываютъ иногда кровью, будс есть, и проч., но часто безъ всякаго успѣха. Увѣряютъ однако же, что есть вѣрное средство заставить ихъ приниматься, и что для этого стоитъ только натереть тѣло слегка свѣжимъ свинымъ саломъ. *Н. Ф.*

V.

КРИТИКА.

Джакомо Санназаръ, драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе П. К. Санктпетербургъ, 1834.

Въ художествѣ, поэма и романъ по части слова то же что статуя по части скульптуры, что картина по части живописи. Я не знаю предметовъ для Критики, достойнѣе поэмы, романа, статуи или картины. Эпизода, Донъ-Кихоть, Аполлонъ Бельведерскій, Последний день Помпеи, — какіе предметы! Неужели подобныя плоды человѣческаго гения не заслуживаютъ всего вниманія человѣка? Неужели за блестящей лучъ теплоты, наслажденія и счастья, который бьетъ изъ нихъ прямо на наше сердце, который его согреваетъ и облагораживаетъ, должны мы платить художнику равнодушіемъ, считая унижительнымъ для нашей образованности и учености распространяться о такихъ пустякахъ? Есть люди, которые это утверждаютъ: я утверждаю противное. Я говорю, что наши удовольствія ничѣмъ не ниже нашихъ пользъ, даже выше ихъ: пользы суть только орудія удовольствія. По моему, настоящая Критика, совокупное сужденіе ума, сердца и удовольствія, находится только тамъ, гдѣ проявляется гений, творческая мысль, воображеніе и искусство исполненія; гдѣ всѣ высочайшія умственныя силы человѣка соединены для произведенія новаго, цѣлаго и изящнаго; гдѣ человѣкъ осмѣлился спорить съ Творцемъ своимъ о правѣ созданія. Труды учености, въ которыхъ дѣйствуетъ память, логика и прилежаніе, въ которыхъ умъ пережевываетъ событія и

разводить ихъ мыслию , какъ-бы ни были полезны, стоять только разбора и благодарности. Они не что иное, какъ матеріялы для просвѣщенія творческой мысли, хотя гордое педанство и приписываетъ ему пресвосходство передъ ея плодами. Противъ одной истинно хорошей поэмы въ стихахъ или въ прозѣ, люди производятъ по тысячѣ истинно хорошихъ ученыхъ сочиненій. Нѣтъ! поэма и романъ достойны всего нашего вниманія : это первый и благороднѣйшій предметъ Критики.

Передо мной лежитъ поэма, которая внушила мнѣ эти мысли. Это уже большая похвала кингъ, если она такъ увлекаетъ въ пользу своего рода того, кто рассматриваетъ ее съ тѣмъ, чтобы составить себѣ объ ней сужденіе. Судья, прельщенный красотой женщины, можетъ быть не правъ и подавать о себѣ дурное мнѣніе; но о женщинѣ, прельстившей судью, нельзя имѣть невыгоднаго понятія : она должна быть прекрасна собою. Признаюсь откровенно, что я уже увлеченъ, растроганъ моею подсудимой. Чувствую, что мое правосудіе колеблется. Ея видъ, ея черты пробудили во мнѣ самыя сладостныя воспоминанія : это младшая сестра той чудесной Фантазін, которая такъ сильно обворожила меня въ прошлую зиму, — это твореніе ильца Торквата Тасса. Онъ очень не похожъ другъ на друга, —

Non dissimiles tamen, — quantum decet esse.

Эта новая Фантазія Г. Кукольника, какъ видно изъ заглавнаго листа, была писана въ то самое время, когда его Тассъ печатался. Я слишкомъ разсудителенъ, чтобы требовать отъ поэта вдругъ двухъ произведеній равнаго достоинства, и хотя первымъ Г. Кукольникъ сдѣлалъ насъ въ отношеніи къ нему очень нелегкими къ удовлетворенію, однако мы радуемся отъ всего сердца и второму. Въ его Салназаръ нѣтъ

тѣхъ сильныхъ порывовъ высокаго лирическаго вдохновенія, того трескучаго пламени, тѣхъ могущественныхъ эффектовъ, которыми красуются разныя части Торквата Тасса, но здѣсь тоже есть множество прекрасныхъ мѣстъ и прекрасныхъ стиховъ. Это очень хорошая поэма, хотя она и не драма, — и даже не фантазія, которой самое названіе обѣщаетъ всегда что-нибудь фантастическое или сверхъестественное. Здѣсь напротивъ, содержаніе весьма просто.

Саннацаро, или, по Испанскому произношенію, Санназаръ, названный здѣсь Санназаромъ, былъ второстепенный Италіанскій поэтъ XV вѣка: онъ писалъ много по-Италіански и по-Латыни, но сочиненія его примѣчательны болѣе пріятностью и чистотою языка, нежели большими поэтическими достоинствами. Однако при жизни своей, онъ пользовался чрезвычайною славою въ Италіи, всегда склонной къ энтузіазму и преувеличенію, и Венеціанскій сенатъ заплатилъ ему по сто червонныхъ за каждый стихъ славною его Латинскою надписи, которая, по-несчастію для поэта, состояла только изъ шести стиховъ. Саннацаро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, хотя молодость его была преждевременная. Въ дѣтствѣ онъ уже рассуждалъ какъ мужчина, писалъ и импровизировалъ стихи, говорилъ по-Латыни и по-Гречески, а въ восемнадцать лѣтъ былъ избранъ въ члены знаменитой Академіи Понтана. Дѣтская страсть къ маленькой Кармозинѣ Бонифачіо, которая однако была старше его тремя годами, отравила его юность: онъ старался развлечь себя посредствомъ путешествій, но не могъ преодолѣть своего сердца, воротился на родину, и уже не засталъ въ живыхъ своей любовницы.

Изъ этого-то періода его жизни Г. Кукольникъ взялъ сюжетъ своей драматической Фантазіи. Очевидно, что изобрѣтеніе должно здѣсь относиться единственно къ причинамъ, противившимся счастію любовниковъ: тре-

бовалось придумать стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя бы воспрепятствовали Санпацару жениться на Кармозинѣ или по-крайшей-мѣрѣ быть ея женихомъ, — потому что разница трехъ или четырехъ лѣтъ въ возрастъ еще не есть законная причина быть несчастнымъ, особенно въ драмѣ, гдѣ молодые люди такъ часто женятся на весьма пожилыхъ красавицахъ. Успѣшно ли исполнилъ поэтъ эту часть своей обязанности? Не знаю! Но два первые акта, въ которыхъ развиты дѣтство и юность влюбленнаго героя, очень милы.

Что можетъ быть прелестнѣе этой сцены полу-обясненія между влюбленными дѣтьми, между Санпацаромъ и Кармозиною, оканчивающейся импровизаціею маленькаго генія?

САНН..... «О Боже, Боже мой!

Что, если бѣ можно говорить слезами! (*плачетъ.*)

КАРМ. (*про себя*). Я поняла! Понятны эти слезы!

Кого онъ любить, Боже мой, кого? (*громко.*)

Джакобо! САНН. Да, ребенокъ съ этимъ чувствомъ

Несчастное созданіе! — Другимъ

Оно услада горькой жизни; мнѣ

Отравы и какая!... Кармозина,

Уйдите, ахъ, уйдите Кармозина!

КАРМ. Что это съ нимъ? впервые онъ такъ страненъ.

САНН. Глаза горятъ отъ слезъ; уста отъ жару;

Грудь стѣснена и голова болитъ.

Я нездоровъ, кто вылечитъ меня?

Ахъ, Кармозина, дайте вашу руку!

(дрожа и цѣлуя ея руку)

Не понимай, божественная дѣва,

Моихъ пустыхъ рѣчей не понимай!

Не слушай словъ сердечнаго напѣва,

Насмѣшками сожги душевный рай;

О, удержи порывъ нѣжнаго гнѣва,

Не понимай меня, не понимай!...

(какъ бы проснувшись, вздрагиваетъ и отходить отъ Кармозины.)

Черезъ годъ послѣ этого, Саинацаро блуждаетъ одинъ въ долину, гдѣ онъ застигнутъ ночью. Онъ стоитъ на утесѣ:

«Терпѣніе и будущую жизнь!
 О! Я-бъ терпѣлъ, я-бъ вытерпѣлъ все муки
 Божественной Комедіи; но если-бъ
 Мигъ дали каплю сладости земной,
 Минуту полного восторга! — Боже,
 Ты создалъ человѣка такъ прекрасно,
 А женщину такъ сладостно, роскошно!
 Ты умъ провелъ въ холодной головѣ,
 А сердце спряталъ въ персяхъ! — О зачѣмъ-же
 Соединить ты ихъ не захотѣлъ?
 Уравновѣсь ума расчетъ холодный
 И невоздержные порывы сердца. —

.....

Какъ хороша роскошная природа!...
 Какъ эта тѣнь отъ тополи бѣжитъ,
 Становится длиннѣе и длиннѣе!...
 Какая тишина!... О, если бъ сердце
 Могло стихать подобно этимъ пивамъ!
 А на горахъ какой-то дивный призракъ
 Таинственной тѣнію почіетъ!....
 Луна плыветъ, какъ челнъ;... звезда... темнѣетъ....
 Вѣтеръ не шелохнетъ... Кармозина.... Счастье....

(раздается пѣсня пастушки)

Ахъ! гдѣ я былъ? — Туманныя видѣнья!
 И я могу забыться.... Слава Богу!
 Но этотъ голосъ, — звонкій, сладкій голосъ,
 Зачѣмъ ты сонъ разбилъ непостижимый!
 Роскошный сонъ, роскошенъ этотъ голосъ,
 Какъ онъ похожъ на голосъ Кармозины!

ПАСТУШКА (*продолжаетъ пѣть; Саинацаро блуждаетъ къ ней въ долину*)

Съ той поры она не знаетъ,
 Живъ-ли Джуліо молодой;

Стонетъ, слезы проливаетъ
И не спитъ порой ночью....

(увидавъ Саннацара)

Ахъ! САНН. Подойди, пастушка, не пугайся!

Скажи мнѣ: что ты пѣла? ПАСТ. Пѣсню. САНН. Знаю.

Объ чемъ она? ПАСТ. Ахъ, о любви моей!

САНН. Ты любишь? ПАСТ. Да. САНН. Я люблю, пастушка!

ПАСТ. Ха, ха, ха, ха! САНН. Не смѣйся, ради Бога!

Скажи мнѣ лучше: какъ ты любишь? ПАСТ. Какъ?

Да какъ тебѣ сказать? — Люблю и только!

САНН. А эта пѣсня? ПАСТ. Такъ. Сама сложила,

На голосъ навела; пою, люблю;

Люблю, пою; и ты, когда не шутишь,

Люби и пой, пой и люби — и только

И счастье не далеко....

Г. Кукольникъ щедрою рукою разсыпалъ подобныя черты въ первыхъ двухъ актахъ своего Саннацара, и хотя дѣтскія чувства двухъ малолѣтнихъ любовниковъ могли бѣ быть изображены нѣжнѣе, трогательнѣе, обворожительнѣе, однако эта часть поэмы чрезвычайно пріятна. Въ третьемъ актѣ начинается настоящее дѣйствіе страстей: онъ предвѣщаетъ читателю сильную завязку, истинный драматическій интересъ. Саннацару семнадцать лѣтъ; черезъ годъ правила Западной Церкви уже позволяютъ ему быть супругомъ; онъ уже членъ Академіи, и конечно имѣетъ полное право стараться попасть въ члены почтеннаго сословія мужей. Но, подавляя голосъ сердца въ теченіе всей юности, любовники еще ни разу не объяснились на счетъ своихъ чувствованій. Они любили и терзались, въ молчаніи. Теперь пзъясненіе неизбежно. Оно должно извергнуться изъ глубины ихъ груди, быстро и сильно, подобно взрыву волкана, тѣмъ болѣе, что мать Кармозины, ничего не зная о любви ея къ Саннацару, и наскучивъ видѣть дочь въ дѣвкахъ,

сбѣрается помолвить ее съ молодымъ Синьоре Дольчч. Эта сцена изъясненія, между страстною, переждавшею срокъ дѣвицею и робкимъ, семнадцати-лѣтнимъ юношей, безподобна: она дѣлаетъ честь какъ соображенію, такъ и таланту автора. Саппацаро приходитъ къ Кармозинѣ послѣ принятія своего въ члены Академіи.

КАРМ. Позволь себя, мой добрый другъ, поздравить!

САНН. (*про себя*) Она! въ глазахъ темнѣеть.... Кармозина...
Блѣдна какъ тѣнь; какъ тѣнь въ одесѣдѣ мрачной!

КАРМ. Я не ошиблась! ты не отвѣчаешь!

Ты равнодушно принялъ мой привѣтъ. —

Но все равно; ты хочешь, или нѣтъ, —

А я рѣшилась, передъ страшнымъ часомъ,

Открыть, чего не сноситъ больше сердце.

Ты у меня верховный духовникъ!

Не трепещи признанья Кармозины;

Всю исповѣдь прослушай безъ презрѣнья.

Сядишь, мой другъ; я не могу стоять! (*садится*).

Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы вмѣстѣ возростали,

Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы сдѣлались друзьями,

Мы радости дѣлили и печаль;

Но пробилъ часъ, мы разойдемся оба,

Двумя различными путями. — Слушай!

Придетъ пора, и скоро часъ ударитъ,

Меня не станетъ: я хочу безсмертья!

Я жить хочу и послѣ самой смерти!

Чѣмъ вспоминать мнѣ Джакобо будетъ,

Добромъ или зломъ?

САНН. (*вставъ съ мѣста*) Добромъ, всегда добромъ!!

Но для чего вопросъ твой непонятный?

КАРМ. Не прерывай! Добромъ, ты говоришь?

Какимъ добромъ и что оно такое?

Ничтожный звукъ пустаго состраданья,

Пль крикъ пронзительный болынаго сердца!
 Ты понимаешь-ли меня, Джакобо?
 Ты знаешь-ли о чемъ я говорю? —

САНН. (*про себя*) Творецъ мой, мнѣ и стыдно и досадно!
 Я не могу въ своихъ признаться чувствзахъ!
 (*громко*) О Кармозина! КАРМ. Нѣтъ, не отвѣчай!
 И если смыслъ моихъ невольныхъ словъ
 Ты понялъ; — ради Бога, сохрани
 Въ глубокомъ сердцѣ..... Такъ! ты не забудешь
 Несчастной Кармозины!.... САНН. Ради Неба!
 Что значить рѣчь твоя! КАРМ. Не забывай!
 Да, я хочу, чтобъ тѣнь моя, въ потомствѣ,
 Въ твои стихи одѣтая, блуждала;
 И матерямъ жестокимъ какъ урокъ,
 Какъ пламенный, пророческій упрекъ,
 Твоимъ стихомъ торжественно звучала.
 Чтobъ я сама (*встаетъ*), ты видишь, я сама,
 Украшенная небомъ и землѣю,
 Облечена одеждой неземною,
 Въ твоихъ стихахъ прекраснѣе была!
 Я жить хочу и послѣ самой смерти
 И эту жизнь тебѣ я поручаю!
 Не оскверни-же памяти моей
 И помни: сели дѣва, передъ смертью,
 Поэту завѣщанье поручаетъ,
 Исполнить онъ обязанъ.... ты исполнишь?

САНН. О Кармозина, что тебя тревожить?
 Въ лицѣ горитъ болезненное пламя?

КАРМ. Болезненное пламя! О Джакобо!
 Когдабъ ты зналъ, что этотъ жаръ и пламя
 Растопленное сердце Кармозины!
 Когда-бъ ты могъ на жертвенникъ взглянуть,
 Когда самъ Богъ еъ него приѣмлетъ жертвы!
 Ты не дрожишь при видѣ Кармозины?
 Не понимаешь ты, что это пламя

Предвѣстникъ смерти! О, Джакобо, сжаляся,
Пойми меня, скажи, что понимаешь!

(схвативъ дрожащую руку Савназара, съ постепенно
возрастающимъ жаромъ)

Дитя, ты никогда не будешь мужемъ!

Ты леденець отъ руки мой!

Хоть на лицѣ твоёмъ играеть краска;

Но это ложный стыдъ, да ложный стыдъ.

Я старѣе тебя тремя годами;

Ждала, ждала, ты не догналъ меня;

Ты слишкомъ рано сдѣлался поэтомъ,

Но очень поздно будешь человекомъ!

Что, если ты меня не понимаешь!

Пойми меня, Джакобо, ради Иса!

Не доводи до тяжкихъ обьясненій!...

Я такъ больна; и если жаръ горячки

Не охладить суровая могила,....

О, я воскресну, и тогда напрасны

Приличія и правила разсудка!

Я обвиню тебя ужаснымъ змѣемъ (*обнимаетъ его*)

И пламенно, какъ аспидъ, поцѣлую!! (*и цѣлуетъ*)

САИИ. Всесильный! Столько вдругъ!! Пѣть, я не вѣрю...

Моя-ли ты?... О Господи, дай разумъ,

Дай память! Неужли Кармозина

Въ моихъ объятяхъ?

КАРМ. (*съ ужасомъ вырывается изъ его рукъ*)

Что? въ твоихъ объятяхъ!

Ахъ, я погибла; сердце измѣнило!

Прости меня, Джакобо! САИИ. Кармозина!

КАРМ. Пѣть, не смотри на бѣдную, оставь!

Она преступница!... Невѣста Дольчи

Въ объятяхъ другаго!... САИИ. Всемогущій!

КАРМ. (*проливая слезы*) О, въ сладости убійственной горечи!

И грудь полна и муки и отрады!

Уйди, уйди! дай счастье позабыть;

Тогда не такъ ужасно будетъ горе!

Ахъ, какъ ты сладокъ, первый поцѣлуй!
 Хоть безъ любви ты принялъ эту жертву,
 Но ты великодушнѣе.... САНН. Кармозина!
 Я-ль не люблю.... КАРМ. Нѣтъ, ты меня не любишь!
 Ты страдаешь, добрый человекъ,
 Къ моей докучливой любви — и только!

САНН. И только! Боже Всемогущій! только!!
 Нѣтъ! Я люблю тебя, люблю безмѣрно!
 Я весь любовь! Какъ тайный жаръ волкана,
 Душа моя любовію кипѣла;
 Отъ раннихъ лѣтъ ребенокъ осьмилѣтній,
 Я заключилъ тебя въ невѣнномъ сердцѣ,
 Какъ образъ Бога; за холодной книгой,
 Подъ тягостнымъ учителей надзоромъ,
 Я скрывъ тебя такъ глубоко въ душѣ,
 Что мысль чужая немогла проникнуть
 Во глубину моей святости; люди
 Смотрѣли на ребенка съ удивленьемъ:
 Какъ въ немъ широкій разумъ развивался,
 Какъ, огнелышущей душой и сердцемъ,
 Онъ освѣтилъ безмѣрный храмъ искусства!
 Не я ребенкомъ былъ, а эти люди,
 Что чудеса во мнѣ подозрѣвали,
 Тогда, какъ я одной тебѣ молился,
 Въ твоихъ очахъ читалъ я Божью книгу,
 Пророческую книгу вдохновеній!
 Я у тебя учился, Кармозина!
 Къ тебѣ любовью годы упреждалъ!
 И, какъ потокъ, широкими волнами
 Я разрывалъ крутые берега,
 Чтобъ предъ тобой восторговъ бурной силой,
 Могуществомъ искусства похвалиться!
 Ты — гений мой! Когда, съ перомъ въ рукѣ,
 Я надъ стихомъ задумаюсь упрямымъ,
 Ты пролетѣшь — и побѣгутъ стихи
 Невидимо, неслышимо, — а я

Одну тебя, какъ сонъ небесный, вижу!
 Исчезнетъ образъ твой... я ослабѣю!
 Недвижимо перо въ рукѣ лежитъ,
 И нѣтъ тебя и нѣтъ стиховъ прекрасныхъ.
 Ты сомнѣваешься? КАРМ. Не сомнѣваюсь!
 Какъ мнѣ не вѣрить счастью своему
 И своего не чувствовать несчастья?!

САНН. Несчастья? Какого?.. КАРМ. Грозный долгъ,
 Но долгъ святой!... Позволь мнѣ скрыть, Джакобо!

САНН. Скрыть отъ меня?! Нѣтъ ты меня не любишь,
 Ты испытать меня хотѣла только!...

КАРМ. Лобзашьемъ не испытываютъ дѣвы!
 Онѣ сплещаютъ сѣть изъ словъ притворныхъ
 И напоивъ заботливую гордость
 Роскошнымъ изліяньемъ сладкой рѣчи,
 Въ сѣтяхъ, съ насмѣшкой, оставляютъ сердце!
 Я — не онѣ. САНН. Я вѣрю, Кармозина!
 Но этотъ долгъ, по эта тайна... КАРМ. Смерть!

САНН. Всесильный! КАРМ. Успокойся! Этотъ долгъ
 Теперь не такъ ужасенъ; я узнала
 Всю полноту блаженства моего
 И въ гробъ иду съ всею надеждой!

САННАЦАРО. (*упавъ на колѣна*)
 О, скалься надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ!
 Не дай груди сомнѣньемъ волноваться
 И медленной, мучительной отравой,
 Не сожигай блаженства моего!
 Скажи мнѣ эту тайну! КАРМ. Я не вѣста
 Лоренцо Дольчи. САНН. (*вставъ*) Боже Всемогуцій!
 Кто?... Какъ?... Когда?... Кто смѣлъ? Нѣтъ, я не вѣрю!
 Чѣмъ я тебя обидѣлъ, Кармозина?..
 Подумай! Этой клеветы — довольно,
 Чтобы открыть могилу Санпазару!

КАРМ. Несчастный! для чего-же ты молчалъ,
 Любовь свою скрывалъ въ холодномъ сердцѣ...

САНН. Зачѣмъ? Зачѣмъ: сегодня — не вчера?

Но этотъ змѣй... есть средство у меня!

Я отниму убійственное слово

И вмѣстѣ съ жизнью отниму...

Но тутъ и закрываю книгу! Закрываю; не выйду болѣе ни слова; даже не загляну на слѣдующія страницы, хотя тамъ еще много превосходныхъ мѣстъ, — чтобъ не разстроить сладостнаго волшебія сердца. Охотнѣе откажусь я отъ цѣлой тысячи прекрасныхъ ямбовъ Г. Кукольника, чѣмъ отъ надежды на сильную занимательность, возбужденной послѣдними словами. Юный Санняцаро хочетъ драться съ своимъ соперникомъ; онъ хочетъ убить его, чтобъ овладѣть рукою Кармозины; я уже вижу собирающуюся драматическую бурю; мое сердце трепещетъ въ ожиданіи ужаса.....

Ничего не бывало! Буря разсѣялась отъ одного слова Кармозины: это была только ребяческая угроза. Санняцаро, уже на другой страницѣ, не думаетъ о дракѣ, а на третьей даже соглашается убѣгать той, которую обожаетъ до безпамятства.

Драться или не драться — совершенно зависить отъ его воли: но почему жъ убѣгать такой прекрасной дѣвицы, какова синьорина Кармозина? Какъ членъ академіи, онъ долженъ знать, что каноны Римско-Католической вѣры позволяютъ мужчине жениться въ восемнадцать лѣтъ, а ему остается только нѣсколько мѣсяцевъ до этого благополучнаго срока. Самое простое средство — сказать матери Кармозины, что онъ любитъ ея дочку, и хочетъ на ней жениться. Мать навѣрное не откажетъ, потому что она короткая пріятельница съ матерью юнаго академика, да и сама желала этого союза, въ первомъ актѣ Фантазіи, когда Кармозинѣ было лѣтъ одиннадцать, а Санняцару осьмой годъ отъ роду. Скрытность дочери съ нѣжной

и доброй матерію, вразсужденіи питаемаго съ дѣтскихъ лѣтъ чувства, вещь совершенно неправдоподобная, равно какъ и непроницательность мамельки, которая въ теченіе столь долгаго времени не примѣтила этой страсти. И на чемъ основана непреодолимая преграда къ соединенію любовниковъ! На томъ, что мать за часъ передъ тѣмъ общала выдать ее за Г-на Дольчи, и что дочь уже его невѣста. Когда жъ званіе чьей невѣсты было помѣхой двушкамъ выходить замужъ за другихъ? У католиковъ, для помолвленія, нѣтъ ни какихъ церковныхъ обрядовъ, и союзы, условленные родителями, разрываются до брака безъ всякаго соблазна. Въ Италіи не ставится даже въ порокъ барышнѣ быть три и четыре раза невѣстой, лишь бы она обвинчалась съ послѣднимъ своимъ женихомъ. Сверхъ-того, я увѣренъ, что если бъ словомъ сказали Г-ну Дольчи, что Кармозина обожаетъ Сапнацара, тотъ бы самъ немедленно отъ нея отказался.

Всѣ эти невѣроятности вдругъ похищаютъ у читателя наслажденіе, съ такимъ искусствомъ подготовленное въ теченіе двухъ съ половиною актовъ: онъ негодуешь на недогадливость дѣйствующихъ лицъ, и холодно принимаетъ остальную часть повѣсти. Впрочемъ, эта остальная часть и сама по себѣ не занимательна: дѣйствіе, движеніе, игра страстей, интересъ прекращается съ той минуты, какъ Сапнацаро понапраснуобщалъ убѣгать той, для полученія которой долженъ былъ сверва употребить все усилія и истощить все средства. Онъ ѣдетъ путешествовать, и, подъ концѣдрамы, является только для того, чтобъ узнать о кончинѣ своей матери, видѣть смерть любовницы, и упасть въ обморокъ. Это — простое историческое повѣствованіе въ лицахъ.

Я твердо убѣжденъ въ справедливости этого упрека: но инымъ онъ можетъ показаться слишкомъ стро-

гимъ , — потому что благодаря звучнымъ стихамъ и множеству счастливыхъ мыслей , поэма Г-на Куколышка съ удовольствіемъ читается до конца и при всѣхъ этихъ невѣроятностяхъ.

Взглядъ на суевѣріе и предрасудки. Полкарпа Пузины. *Санктпетербургъ, 1834.*

Я всегда былъ увѣренъ, что книга въ стро-синей оберткѣ, напечатанная дурнымъ шрифтомъ и на дурной бумагѣ, не стоитъ чтенія. Теперь вижу, что это былъ предрасудокъ, или суевѣріе. Книга Г. Полкарпа Пузины умна и занимательна, и стоитъ чтенія, несмотря на свои обертку, шрифтъ и бумагу. Одно мнѣ въ ней нравится, — что Г. Полкарпъ Пузина хочетъ быть не *esprit fort*, когда все мы явно клонимся къ мистицизму! Онъ ни во что не вѣритъ, — ни въ чертей, ни въ колдуновъ, ни въ зѣздочетовъ, ни въ чернокошничиковъ, ни въ алхимиковъ, ни въ гадашій, ни въ видѣнія, ни въ насіансы, ни въ домовыхъ, ни въ лѣшихъ, ни въ вампировъ, ни въ призраки, ни въ вѣщіе сны, ни въ предчувствія. Изъ-за какой же потѣхи жить на свѣтъ, истребивъ въ немъ все забавное, страшное и поэтическое? Когда Г. Полкарпъ Пузина искоренитъ все эти мечты, что жъ останется ему и намъ въ жизни? Врожденныя идеи Канта! *я* Шеллинга! всеобщая и всемогущая полярность Океана! безконечное совершенствованіе рода человѣческаго! освобожденіе женскаго пола! Нѣмецкая гомеопатія и Французскіе журналы! Да тогда умному человеку не объ чемъ будетъ и говорить. Г. Полкарпъ Пузина гонитъ чертей изо всей силы: я стою за нихъ горой. Суевѣріе за суевѣріе, — я нахожу чорта изобрѣтеніемъ гораздо замысловатѣе *я*, которое, ей-ей, очень скучно, не говоря уже о другихъ его неудобствахъ! Я буду защищать чорта: онъ необходимъ для нашего счастья.

Довольно примѣчательно современное вооруженіе прозы во всей Европѣ противъ новѣйшей мнѳологіи, или такъ называемаго суевѣрія, тогда какъ поэзія дѣлаетъ изъ него первѣйшее основаніе красотъ своихъ. Сальвертъ во Франціи, Годвинъ въ Англіи, Г. Пузина въ Россіи почти въ одно и то же время съ трехъ сторонъ напали на чертей, колдуновъ, призраки и видѣнія. Изъ трехъ сочиненій, Годвиново, — *Lives of the necromancers*, — безспорно самое занимательное по множеству любопытныхъ историческихъ подробностей, собранныхъ съ большимъ тщаніемъ и разборчивостью. Творенію Г. Пузины можно сдѣлать упрекъ, что онъ пренебрегъ исторію предметовъ, которые старается опровергнуть, и тѣмъ лишилъ читателей самой любопытной и наставительной части бесѣды о заблужденіяхъ человѣческаго ума; но съ другой стороны книга его выиграла отъ этого сжатость и быстроту въ разсужденіяхъ, доставляющія много удовольствія въ чтеніи. Она содержитъ въ себѣ много фактовъ, много разнообразія, хотя и мало естественнаго порядка.

Авторъ начинаетъ свой взглядъ на суевѣріе съ кабалистики, которая есть уже ученость суевѣрія, математика человѣческой глупости. Слова *Егова* и *Адонай* играли въ ней первую роль, и Оригенъ, осмѣивая легковѣріе своего вѣка, говоритъ, что, будучи переведены на Греческій языкъ, имена эти теряютъ свою силу, по сказанныя по-Еврейски творять чудеса. Скандинавскія руны, которымъ многіе критики приписывали историческую важность, принадлежатъ также къ письменамъ кабалистическимъ.

«Древніе сѣверные народы, замѣчаетъ авторъ весьма кстати по Маллету, имѣли большую вѣру къ рунамъ своимъ. У нихъ были руны *горькія*, то есть, буквы, могущія начертаніемъ своимъ произвестъ всякое зло; руны *добрыя*, или

помощницы, отвращали неприятные случаи; руны *побѣдоносныя* доставляли употреблявшимъ ихъ побѣду; руны *срачебныя* исцѣляли отъ болѣзней; наконецъ были руны, способствующія къ избѣжанію кораблекрушенія, къ облегченію родильницъ, къ предохраненію отъ дѣйствія яда, къ смягченію жестокой красавицы, и проч. Въ Шведской провинціи Блекингги, есть дорога между утесовъ, на которыхъ видны руническія буквы, вырѣзанныя по приказанію Короля Геральда Гильдетада, жившаго въ VII вѣкѣ.....»

«Волхвы славялись при Олегѣ гаданіемъ будущаго; вотъ древнѣйшіе мудрецы наши! Наука ихъ основана была или на обманахъ или на заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ певѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предпріятіе; и Кисляне, удивленные славою и сокровищами, привезенными Олегомъ изъ Константинополя, единогласно называли его вѣщимъ, то есть, мудрымъ или волхвомъ. Самая смерть его казалась потомству чудесною. Волхвы, такъ говоритъ летописецъ, предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ осень пятого, вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами, захотѣлъ видѣть его кости, сталъ ногою на черепъ, и сказалъ: Его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и герой скончался. Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуетъ такимъ вымысламъ; и сообщаетъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, говоритъ Карамзинъ, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею, на могилѣ любимаго коня своего; но мнимое пророчество волхвовъ, или кудесниковъ, есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.»

Эта, какъ незабвенный исторіографъ называетъ, «народная» басня есть басня иностранная: Шанфари, Арабскій поэтъ и вѣтязь, жившій въ концѣ VI и въ началѣ VII столѣтія, скончался точно такимъ же обра-

зомъ; одинъ изъ Индѣйскихъ богатырей, гораздо древнѣе Шапфарія, испыталъ такую же судьбу. Если есть что-нибудь примѣчательнаго въ этой баснѣ, то конечно не ея древность на Руси, а то, что у нашего лѣтописца вѣроятно былъ сборникъ знаменитѣйшихъ басенъ всего міра, изъ котораго избиралъ онъ лучшія, чтобъ приписать ихъ *ad libitum* Русскимъ князьямъ: легенды Скандинавскія, легенды Еврейскія, легенды Греческія, Арабскія и Индѣйскія соединены у него съ недавними для того времени именами Олега, Ольги и Владиміра, и мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ онъ могли лѣтъ въ полтора ста или во сто такъ утвердиться въ народѣ, чтобы писатель былъ добродушно обманутъ общемою молвою. Я бы скорѣе назвалъ ихъ эрудиціей, ученостью самого лѣтописца: она совершенно въ духъ его вѣка, и по сіе время въ употребленіи у Восточныхъ историковъ. Русскій народъ, я думаю, ни сколько не виноватъ въ этихъ историческихъ повѣрьяхъ: онъ былъ суевѣренъ, но не такимъ ученымъ образомъ.

«Если бы суевѣріе произраждало одни ужасы, оно вредило бы только умамъ слабымъ: но сколько оно причинило бѣдствія всему человѣчеству! Оно породило ереси, расколы, междоусобія, инквизицію. Оно возжигало вездѣ и во всякое время неугасаемыя костры противу свободы мыслей. Оно вдохнуло опустошенія, убійства, преслѣдованія. Оно заставило Кароагенянь приносить въ жертву своему божеству Молоху людей, даже собственныхъ дѣтей своихъ. Оно вперило мысль предкамъ нашимъ Славянамъ, на берегу Волхова воздвигнутому Перуну, у подножія его, закалать плѣнныхъ.

«Когда голодъ свирѣпствовалъ въ Суздаль, оно, во время Ярослава, заставило суевѣрныхъ граждавъ, приписывавшихъ его злему чародѣйству, безжалостно убивать некоторыхъ старыхъ жепъ, мнимыхъ волшебницъ. Имъ ослѣпленные Новгородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на

дворѣ Ярослава въ 1027 году, а Псковитяне во время морової язвы, въ 1415 году, желая смягчить Небо, сожгли двѣнадцать мнимыхъ вѣдьмъ. Въ 1547 году, послѣ пожара Москвы, духовникъ Царя Іоанна и единомышленники его объявили, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь въ удивленіи велѣлъ изслѣдовать дѣло. Бояре спрашивали народъ въ Кремль, кто жегъ Москву, и нѣсколько голосовъ отвѣчали: «Глинскіе! А мать ихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и крошила ея въ улицы, вѣдя по городу. Вотъ отъ чего мы сгорѣли!» Басню эту выдумали и разгласили заговорщики, а разъяренная чернь совершила дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣяніе: мятежники въ Святомъ Храмѣ убили роднаго дядю Государева.....»

«Паними военными законами строгойше запрещается чародѣйство, которое ни въ лагерѣ ни гдѣ не можетъ быть допущено и терпимо. «И ежели кто изъ воинскихъ людей «найдется идолопоклонникъ, чернокнижець, ружья заговоритель, суевѣрный и богохульный чародѣй, оный, по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи въ желѣзахъ, гонимемъ «шницрутена, наказанъ или *весьма сожженъ* имѣеть быть.»

Такъ и въ древнѣйшія времена, у насъ кудесники были наказываемы смертію. Въ царствованіе Великаго Князя Изяслава, одинъ изъ кудесниковъ явился въ Новгородъ, и торжественно осуждалъ Христіанскую Вѣру, бранилъ Епископа, и хотѣлъ итти прыпкомъ чрезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человека божественнаго. Ревностный Епископъ Осодоръ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ: но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика. Одинъ Князь Глебъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глебъ подошелъ къ мнимому чародѣю, и спросилъ, предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день. Волшебникъ отвѣчалъ: Я сделаю великія чудеса. Нѣтъ! сказалъ смѣлый Князь, — и топоромъ разбѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Около того же времени, когда сдѣлался въ Ростовской области голодъ, два кудесника, жители Ярославля, ходили въ селеніяхъ по Волгѣ, и объявляли, что бабы причиною всего зла. Эти злодѣи, мнимые волхвы, съ шайкою помощниковъ, убивали псевидныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣла-озера, гдѣ всельможка Ягь приказалъ поймать ихъ. Черезъ нѣсколько дней привели къ нему двухъ главнѣйшихъ обманщиковъ, которые не хотѣли вѣститься, и доказывая мудрость свою, открыли за тайну, между прочими нелѣпостями, что Антихристъ сидитъ въ безднѣ, что они вѣруютъ въ его могущество, и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. — «Но знаете ли собственную вашу участь?» сказалъ Ягь. — Ты представишь насъ Святославу, говорилъ кудесники: а ежели умертвишь, то будешь несчастливъ. Смѣясь надъ угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу.

«Князь Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти, по взявъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій. Онъ старался просвѣтить Россіянъ, завелъ училища, и приказалъ неволею брать дѣтей въ науку, которыхъ оплакивали жены знаменитыя, какъ мертвыхъ; ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

«Въ 1025 году, когда въ Суздаль свирѣпствовалъ голодъ, суевѣрные, приписывая оный опасному чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ жепъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ, наказавъ виновниковъ мятеза, объявлялъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей голодомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ жизни долженъ только умолять благость Всевышняго.

Авторъ собралъ въ отечественной Исторіи и посредствомъ наблюденія надъ простымъ народомъ еще много другихъ примѣровъ несчастныхъ слѣдствій суевѣрія, которыя надобно читать въ самомъ сочиненіи. Иностранная его чертовщина не такъ полна, какъ Русская, хотя и къ этой слѣдовало бы кое-что прибавить. Между писателями, которыхъ онъ приводитъ,

мы не видимъ Гигдена; а его Polychronicon доставилъ бы Г. Пузинъ богатый кладъ очень любопытныхъ и забавныхъ анекдотовъ по части сверхъестественнаго. Но разсужденія автора, хотя часто и согрѣтыя огнемъ краснорѣчія, особенно недостаточны въ томъ отношеніи, что онъ не старался разобрать подвиговъ извѣстнѣйшихъ чародѣевъ и кудесниковъ, и обнаружить, что въ ихъ дѣйствіяхъ принадлежитъ естественной магіи, или физическимъ способамъ, что шарлатанству, и что превеличенію. Называя все напсваль плутовствомъ, обманомъ и слабоуміемъ, еще весьма трудно преклонить на свою сторону тѣхъ, которые вѣрятъ сверхъестественному въ естественномъ мірѣ и, по ихъ мнѣнію, имѣютъ тому доказательства. Мы бы очень благодарили автора, если бъ онъ, при сей вѣрной оказіи, представилъ намъ критическую картину чудесъ Герберта, Альберта Великаго, Корнелія Агриппы, Доктора Фауста, Твардовскаго и другихъ славныхъ магиковъ. Оптическіе обманъ, или то, что въ среднихъ вѣкахъ называли «трегитуріей,» были, кажется, главнѣйшимъ ихъ средствомъ изумленія современниковъ. Даже высшаго рода открытія участвовали въ ихъ фокусахъ. Гербертъ, бывшій впоследствии папою подъ именемъ Сильвестра II, не только дѣлалъ чрезвычайно любопытные опыты съ оптическими стеклами, но еще, какъ говоритъ Гигденъ, применилъ *пары* къ двиганію органическихъ мѣховъ. Это весьма замѣчательно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ кучѣ нелѣпныхъ сказокъ о чудахъ магіи таятся многія истины опытной Науки, которая и въ наше время съ пользою могла бы заняться ихъ разсмотрѣніемъ: во всякомъ случаѣ, важныя показанія о состояніи Наукъ въ среднихъ вѣкахъ были бы плодомъ подобнаго предпріятія.

Г. Пузина знаетъ всѣ крючки на діавола. Кто хочетъ вызвать чорта, говоритъ онъ, тотъ долженъ при-

нести въ жертву ему собаку, кошку и курицу, и поклясться ему въ вѣчномъ повиновеніи: онъ тотчасъ получить знакъ на лицѣ, и будетъ имѣть трехъ духовъ въ своемъ распоряженіи; не то можетъ произнести слѣдующія магическія слова — Dies, mies, jesquet, benedo, efet, douvema, enitmaus, — и нечистый непременно передъ него предстанетъ. Такъ какъ слова эти не трудны, то авторъ совѣтуетъ попробовать произнести ихъ. Но тутъ еще злой духъ явится подъ какою-нибудь личиною. Чтобъ заставить его показаться въ своемъ естественномъ видѣ, надобно..... Покорно прошу извиненія, но мнѣ кажется, что авторъ здѣсь ошибся: человѣкъ не въ силахъ видѣть чорта въ естественномъ его видѣ! Бароній свидѣтельствуетъ, что одна очень набожная Италіянская дама, которой имени теперь не упомяну, потому что давно уже не читаю Баронія, вздумала однажды пожелать увидѣть чорта: онъ показалъ ей только одинъ свой коготь, и она умерла отъ ужаса, сказавъ, что предпочла бъ сто лѣтъ горѣть въ аду, чѣмъ одно мгновеніе видѣть кончикъ его когтя. Такъ какъ же человѣкъ могъ бы вынести видѣ цѣлаго чорта *in naturalibus*?

Авторъ очень справедливо замѣчаетъ, что въ Парижѣ всегда водилось пропасть нечистой силы. Во время Карла IX считалось тамъ 30,000 колдуновъ, которыхъ выгнали всѣхъ изъ города. По-несчастью, и у насъ, въ простомъ народѣ, есть ихъ довольно, обоюго пола: почти каждая деревня имѣетъ своего колдуна или колдунью.

«Чернь вѣритъ, что колдунъ по своему произволу можетъ обращаться и обращать другихъ, особливо повобрачныхъ, въ волка, медвѣдя, корову, свинью, кошку, и проч. Простосердечныя деревенскія старушки болѣе всего поддерживаютъ это суевѣріе, рассказывая легковѣрной молодежи, что онѣ за вѣрное слышали о подобныхъ превращеніяхъ отъ

своихъ бабушекъ, или отъ проходящихъ иноземцевъ, плѣнныхъ Поляковъ, Калмыковъ и т. д. Есть между ними и столько безсовѣстныхъ, что не стыдятся увѣрять внучать своихъ, будто-бы сами онѣ видѣли такія превращенія, еще въ молодости своей. Но не у однихъ насъ рассказываются подобныя бредни!

Рассказываютъ! Вольно Г. Пузницъ называть это рассказами. Исторія подтверждаетъ несомнѣнность этого факта. Одинъ Датскій король былъ убитъ короюю, въ которую превратилась его придворная колдунья. Сожженныя въ Веронѣ, въ 1566 году, вѣдьмы собирались въ развалинѣхъ подъ видомъ кошекъ; нѣсколько человекъ посямѣе попытались ихъ разогнать, папали ночью на ихъ сборище и принялись стѣчь ихъ прутьями, но число кошекъ было такъ велико, что одинъ изъ противниковъ остался на-мѣсть, а прочіе ушли исцарапанные: на другой день въ городъ примѣтили множество бабъ и молодыхъ женщинъ, у которыхъ на лицѣ видѣлись раны отъ ударовъ прутьями, полученныхъ вчера въ званіи кошекъ, и всѣ онѣ были преданы огню. Титъ Ливій повѣствуетъ о двухъ женщинахъ, Фетузѣ и Анамизин, которыя были превращены въ мужчинъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что Луцій Коссиній, въ первую ночь брака, изъ женщины былъ пожалованъ въ мужчины. Ломбардскій король, Куннбердъ, замышляя умертвить двухъ вельможъ, былъ обезпокоенъ большою черною мухою; онъ схватилъ ножъ, чтобъ убить ее, ударилъ, не попалъ въ туловище, и только отсѣкъ ножку у мухи; она улетѣла, — и черезъ минуту явился къ вельможамъ знакомый имъ колдунъ безъ ногъ, и предостерегъ ихъ о намѣреніи короля. Петръ Гандильонъ былъ сожженъ за то, что прикидывался зайцемъ. Все это авторъ очень хорошо знаетъ, однако жъ называетъ баснями! Положимъ, что это еще басни: Титъ Ливій былъ пустой человекъ, — онъ выдумалъ Ромула, котораго, го-

ворять, никогда не было на свѣтъ, такъ же какъ и Рурика; но бывшее въ Испаніи, въ 1788 году, послѣднее ауто-да-фѣ утвердило судебнымъ образомъ достовѣрность подобныхъ превращеній. Все производство этого дѣла напечатано на Испанскомъ языкѣ особою книжкою, съ документами и съ картинками, и тутъ уже никакъ нельзя сомнѣваться. Вотъ оно.

Донна Мархита, молодая и хорошенькая вдова одного Толедскаго студента, оставившея безъ пропитанія по смерти мужа, который добывалъ насущный хлѣбъ помощію своей гитары, предалась чтенію, книгамъ, — словомъ, чернокнижію. Она скоро купила себѣ двухъ куръ, и стала продавать яйца; но продавала ихъ такъ много, что всѣ мигомъ примѣтили содѣйствіе нечистой силы по сему дѣлу. Подозрѣнія становились тѣмъ основательнѣе, что донна Мархита, въ молодыхъ лѣтахъ, не хотѣла выйти вторично замужъ; и даже поселилась квартирою въ домъ, гдѣ некогда жили Жиды. Всѣмъ было извѣстно, что двухъ этихъ куръ держала она только для виду, и что, для производства яицъ, которыми снабжала весь кварталъ, сама превращалась въ курицу; но никто не могъ представить явной улики. И какъ это открылось! Въ одномъ домѣ докторъ прописалъ больному глотать свѣжія яйца, и мальчикъ посланъ былъ ночью искать ихъ по всему городу. Лавки были заперты. Онъ отправился къ доннѣ Мархитѣ. Взбираясь въ пятый этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, онъ услышалъ въ ея квартиру ужасный шумъ и вой, которые вдругъ прекратились, какъ скоро онъ постучался въ дверь. Донна Мархита отперла, и ввела его въ комнатку, убранную очень чисто, но обитую съ верху до низу чернымъ сукномъ: по всей вѣроятности, сукно служило здѣсь къ тому, чтобъ черти въ случаѣ пужды скорѣе успѣвали за нимъ попрятаться, хотя она и утверждала, что это

былъ трауръ по возлюбленномъ, безцѣнномъ ея мужъ, студентъ, котораго будто-бы забыть она не можетъ. Мальчикъ спросилъ яиць; она отвѣчала съ гнѣвомъ, что ихъ нѣтъ, что куры не несутъ въ это время года. Мальчикъ сталъ умолять ее со слезами; она согласилась итти поискать на чердакъ. Засвѣтивъ фонарь, напередъ подошла она къ шкафу, въ которомъ стояло нѣсколько бутылокъ и стклянокъ, и напилась чего-то изъ одной бутылки; потомъ отправилась одна къ своимъ курамъ. То было зимою. Мальчикъ, дрожа отъ холоду, вздумалъ напиться изъ той же бутылки. Напитокъ показался ему очень вкуснымъ виномъ: онъ опорожнилъ бутылку до дна. Черезъ четверть часа, донна Мархита воротилась, и вручила ему десятокъ яиць: а въдь сама сказала прежде, что куры перестали нести! Лишь только мальчикъ ушелъ за двери, опять послышались страшные голоса въ ея жилищѣ. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ улицей, онъ почувствовалъ ужасную рѣзь въ животъ. Сначала онъ не обращалъ на то вниманія, но скоро принужденъ былъ остановиться и, къ величайшему своему удивленію, началъ самъ нести куриныя яйца посреди мостовой. Онъ снесъ ихъ двѣсти двадцать пять! Приѣмъ, видно, былъ слишкомъ сильный. Онъ тотчасъ подобралъ ихъ, и побѣжалъ съ ними къ алькаду. На слѣдующе утро Св. Инквизиція задержала колдунью и ея куръ; всѣ обстоятельства ея чернокнижія и превращеній были приведены въ подлежащую ясность судебнымъ порядкомъ, и донна Мархита была сожжена торжественно въ Толедѣ 15 Мая 1788 гола. Въ Испаніи по-сю-пору продаются лубочныя картинки этой церемоніи съ печатнымъ описаніемъ.

Но авторъ, который не вѣритъ въ чертей, можетъ возразить, что это было давно и въ Испаніи. Въ такомъ случаѣ, я приведу ему живой, недавній примѣръ

одного нашего помѣщика, жителя П — ой губернии, который въ 1824 году самъ рассказывалъ мнѣ свое приключеніе съ чертями. Онъ возвращался ночью съ имянниъ своего сосѣда, предводителя ихъ уѣзда, верхомъ на пѣгой кобылѣ, за которою бѣжалъ рыжій жеребенокъ. Дорога пролегла черезъ большое болото. Хотя разстояніе до дому было небольшое, но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, и конца не видѣлъ дорогъ. Антонъ Михайловичъ Г*** былъ увѣренъ, что онъ сбился съ пути, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный каменный домъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ. Хотя ему было извѣстно, что на тридцать верстъ кругомъ нѣтъ такого строенія, однако онъ рѣшился взѣхать на дворъ съ намѣреніемъ испросить себѣ ночлегъ. Слуги въ богатой ливреѣ выбѣжали къ нему на встрѣчу, и онъ узналъ отъ нихъ, что мыза принадлежитъ одному его знакомцу, богатому помѣщику, съ которымъ недавно подружился онъ въ губернскомъ городѣ. Зная, что она лежитъ въ семидесяти верстахъ отъ его села, онъ не постигалъ, какимъ образомъ такъ скоро проѣхалъ это разстояніе; но, маленькій, толстый, боченковатый хозяинъ, выскочившій въ ту самую минуту на крыльцо, принялъ его съ такимъ радушіемъ, съ такимъ восторгомъ, что онъ мигомъ забылъ объ этой невѣроятности. Владѣтель дома приказалъ слугамъ отвести его кобылу съ жеребенкомъ на конюшню, а его самого, привѣтствуя, обнимая, цѣлуя, потащилъ въ комнаты. Здѣсь тоже были имянны: гостей бездна, женщины прекрасныя, музыка, танцы, карты, шампанское, — рай! Хозяинъ представилъ его своей супругѣ, та своимъ дочерямъ, и черезъ нѣсколько минутъ они уже были какъ старые друзья. Дочери посадили его между собою, и, хотя Антонъ Михайловичъ былъ лѣтъ сорока пяти, цѣклюжь, толстъ и съ краснымъ посомъ, такъ стали подлинать къ нему, что онъ совсѣмъ потерялся.

Наконецъ, хозяйка объявила, что онъ долженъ непременно жениться на одной изъ нихъ. Хозяинъ и гости подоспѣли съ шампанскимъ и съ поздравленіями. Антошъ Михайловичъ, которому старшая дочь весьма понравилась, схватилъ рюмку въ руки и, въ восхищеніи, — самъ не зная что-дѣлать, — перекрестился. Въ одно мгновеніе, домъ, хозяйка, гости, освѣщеніе, невѣста, — все исчезло, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на огромномъ пнѣ, вышиною сажень въ шесть, съ черною головъшкою въ рукъ, вмѣсто бокала съ искристымъ обручальнымъ напшткомъ. Тамъ просидѣлъ онъ до самаго утра, не смѣя пошевелиться и не видя средства сойти съ такой высоты наземь. Около десяти часовъ, нѣкоторые изъ гостей, пировавшихъ вмѣстѣ съ нимъ у предводителя, возвращаясь въ свои села, подѣхали къ тому мѣсту. Онъ остановилъ ихъ крикомъ, и тутъ же, съ пня, рассказалъ почтеннымъ своимъ сосѣдямъ ужасное свое приключеніе, — какъ чуть-чуть не женился на чертовкѣ, впрочемъ очень хорошенькой собою! Они пособили ему спуститься на землю. — «Гдѣ жъ ваши лошади, Антошъ Михайловичъ?» — «Ахъ, батюшки, что и говорить о лошадяхъ! Право, не знаю! Ихъ отвели на конюшню!» — Не онъ ли это? сказалъ кучерь одного изъ сосѣдей, указывая кнутомъ на сосну подлѣ дороги? — Въ самомъ дѣлѣ, это была пѣгая кобыла Антона Михайловича съ своимъ рыжимъ жеребенкомъ, оба связанные вмѣстѣ хвостами и перевѣшенные черезъ сукъ на самой верхушкѣ высочайшей въ цѣломъ болотѣ сосны! Подлинность этого событія подтвердили мнѣ два почтенные сосѣда несчастнаго Антона Михайловича, помогавшіе ему слѣзть съ пня, и головъшка, въ которую превратился бокаль съ шампанскимъ, хранится у него по-сю-пору. Если авторъ «Взгляда на суевѣріе и предразсудки» опровергнетъ мнѣ эту несомнѣнную исторію, то я — дарю ему всѣхъ содержащихся въ ней чер-

тей, для помѣщенія во «Взглядъ» между предразсудками!

Но пусть же теперь Г. Пузина расскажетъ намъ въ свою очередь пару исторій о чертяхъ или о домовыхъ. Онъ расскажетъ ихъ по-своему, — вѣдь онъ не вѣрнть и въ домовыхъ! — но я люблю рассказъ его.

«Одинъ чрезмѣрно скупой и столько же богатый купецъ, взялъ къ себѣ въ главные прикащики сметливаго племянника, полагая имѣть въ немъ усерднѣйшаго слугу и безъ всякой платы: двойной выигрышъ, и для скупаго не шутка! Безвкусный, скудный столъ, которымъ купецъ полвѣка привыкъ довольствоваться, ежедневно приправлялъ онъ для племянника щедрыми совѣтами, — чтобъ оберегалъ его интересы; чтобъ не привыкалъ роскошничать и мотать; чтобъ не имѣлъ ложнаго стыда обманывать должниковъ; чтобъ не считалъ за тяжкій грѣхъ иногда и побожиться кстаги, передъ тѣмъ, у кого можно утянуть лишній рублевикъ. «Живя по этимъ правиламъ, я нажилъ и капиталецъ «въ тѣ скудныя времена, когда многіе наши щеголи купчишки, отъ лишняго честнаго слова, разорилсь.» Племянникъ казался понятливымъ; дядя былъ въ восхищеніи. Проходитъ годъ, другой; племяннику худо одетому, еще хуже кормленному, падаетъ одна сухая мораль дядюшкина. Ему наскучило уже таскать денежные мѣшки въ кладовую, и тамъ, какъ мертвецовъ погребать ихъ на-вѣкъ. «Грѣхъ зарывать «сокровища въ землю! Деньги любятъ обращеніе въ свѣтъ «онъ вторая душа жизни человѣческой» — такъ разсуждалъ молодой племянникъ, и задумалъ освободить ихъ изъ мрачной ихъ могилы. Но какъ достигнуть этого? Дядя всегда самъ запиралъ кладовую и ключъ носилъ на поясъ, котораго и ночью не снималъ съ себя. Затѣйливый племянникъ прибѣгнулъ къ хитрости. Замѣтивъ въ дядѣ суевѣрную боязнь къ домовымъ, онъ ждалъ только случая. Однажды въ темный вечеръ, за ужиномъ частые перекаты грома и яркій блескъ молній, освѣщая скудный ужинъ, такой навели страхъ на старика, что онъ, въ смущеніи духа, потерялъ весь апетитъ. Присемъ, печальный стукъ объ уголь дома довер-

шил испугъ его. Онъ поспѣшно всталъ изъ за-стола, перекрестился и прощаясь съ племянникомъ, сказалъ со вздохомъ: «Это не къ добру! Видно домовой не на шутку разънгрался» — и съ тѣмъ ушелъ въ свою спальню. Племянникъ рѣшился воспользоваться смущеніемъ дяди. Долго прислушивался онъ у дверей, пока безпокойный старикъ уснулъ первымъ сномъ. Затѣмъ удаляется къ себѣ, закутываетъ лицо мѣховою маскою, обвертываетъ руки овчиною, обувается въ оленьи сапоги, надѣваетъ шубу наизнанку, и подвязываетъ на брюхо подушку. Въ этомъ странномъ нарядѣ, надѣясь исправно сыграть роль чертенка, чтобъ настрачать дядю и подѣлиться его деньгами, онъ взявъ въ руки ножикъ, тихо вошелъ въ спальню, и, навалившись на спящаго старика, обшарилъ поясъ, разрѣзалъ его и снялъ ключъ. Скупецъ въ просонѣ испугался, ощущалъ чудовище въ шерсти, принялъ его за домового, и, видя себя, дрожалъ, стоналъ, обливался холоднымъ потомъ, читалъ шопотомъ молитвы, прощался съ жизнію, и лишь покаялся въ душѣ, что такъ праведно карается за зло, причиненное ближнимъ скупостію, лхвою, обманомъ, какъ вдругъ привидѣніе исчезло. Онъ отъ страха не замѣтилъ ни скрипу дверей, ни шуму уходящаго, и заключилъ, что домовой шутилъ и забавлялся надъ нимъ. Между-тѣмъ племянникъ не зѣвалъ: въ ту же ночь онъ сходилъ въ кладовую, набилъ полную суму деньгами, спряталъ ихъ, и кладовую заперъ по-прежнему. Раюо поутру всталъ дядя мрачный и безпокойный; тотчасъ призвалъ къ себѣ племянника, рассказалъ свое приключеніе, описалъ домового, — какъ онъ страшенъ, — какой брюхастой, — какой мохнатой, — да какъ его тяжело давилъ, что отъ страха даже поясъ разорвался и ключъ отъ кладовой пропалъ! Племянникъ, казалось, дивился этому, и сожалѣлъ о безпокойствѣ дядюшки, а втайнѣ сердечно радовался успѣху своей шутки; потомъ, стряхнувши подушки и одѣяло, поднялъ выроненный изъ руки ключъ и подалъ скупому. Обрадованный находкою сею дядя, легъ отдохнуть и успокоиться, а племянникъ съ деньгами, вссело покидая навсегда домъ его и въ немъ брошенный нарядъ домового, написалъ записку, чтобъ впередъ

дядя не вѣрилъ домовымъ, и лучше бы содержалъ втрныхъ прикащиковъ.»

«Докторъ Фламстедъ, Англійскій Королевскій астрономъ Гринвичской обсерваторіи, былъ отъ природы веселаго нрава: какъ простой народъ обыкновенно думаетъ, что люди его званія знаютъ все и все могутъ угадывать, почитая Астрономію и Астрологію за одну науку, то это было поводомъ къ слѣдующему смѣшному съ нимъ приключенію. Одна бѣдная прачка, у которой ночью покрали много бѣлья, увѣренная въ погібели своей, если присудятъ заплатить за него, пришла къ Фламстеду съ твердою надеждою, что онъ отвратитъ угрожающую ей бѣду. Со слезами молила она его употребить все свое искусство къ отысканію потеряннаго. Докторъ въ то время сидѣлъ за бутылкою вина, и бесѣдовалъ съ пріятелями. Онъ былъ навеселъ, и сказалъ простодушной жещинѣ, чтобъ она нѣсколько времени подождала его; что онъ скоро узнаетъ, можно ли ему помочь ей; потомъ началъ для забавы чертить нѣкоторые знаки и круги на бумагѣ, и, измаравъ ее всю, передъ глазами прачки, которая смотрѣла на это съ изумленіемъ и съ чувствомъ возражающейся надежды отыскать потерю; наконецъ съ важнымъ видомъ сказалъ ей: «Ежели ты пойдешь въ такое-то поле, и станешь искать во рву, на лѣвой сторонѣ, то «вѣрно найдешь бѣлье свое». Докторъ сказалъ то, что ему первое вошло въ голову; но случай сдѣлалъ иначе. Прачка въ самомъ дѣла нашла бѣлье свое въ показанномъ мѣстѣ. Возвратившись къ нему, она благодаритъ его, и въ знакъ признательности даетъ полуефимокъ. Докторъ, изумленный успехомъ своего предсказанія, и не будучи уже расположенъ смѣяться, сказалъ ей: «Любесная моя! я самъ не понимаю, какъ «ты могла отыскать свое бѣлье. Я клянусь тебѣ, что вовсе не «зналъ, было ли бѣлье тамъ, гдѣ я указалъ тебѣ, или нѣтъ. «Мое намѣреніе было только пошутить надъ тобою и по- «казать неблагоразуміе твое, съ тѣмъ, чтобъ ты впередъ «не приходила спрашивать у человека о томъ, что отъ не- «го скрыто и чего знать ему невозможно; но я вижу, «что самъ сатана захотѣлъ со мною имѣть дѣло, несмотря «на то, что я ни малѣйшаго не имѣю намѣренія съ нимъ

«познакомиться. Такъ, впередъ прошу не приходить ко мнѣ
«и никого не присылать.»

Но мы никогда не кончимъ, если все будемъ раз-
сказывать исторіи. Я знаю ихъ довольно; Г. Пузина
знаетъ еще больше моего.

Что касается до чорта, то сказать по совѣсти, ав-
торъ несправедливо его преслѣдуетъ: это самое милое и
умное существо повѣйнаго міра, — шутъ невидимый,
созданный потѣшно и одѣтый самымъ уморительнымъ
образомъ, — проказникъ легкій, веселый, затѣшли-
вый, — который передразниваетъ бабъ и мужиковъ,
мѣшается во все любовныя дѣла, помогаетъ во всехъ
хитростяхъ, предостерегаетъ мужей, падоумѣваетъ
женъ, запутываетъ хитрецовъ, и самъ обыкновенно
вконцѣ запутывается, — который вечеркомъ хохочетъ
за кустами, ночью порхаетъ около постелей, крадетъ
ключи, щекочетъ дѣвушекъ, шалитъ со страстями,
всегда смѣется, никогда не плачетъ, по-временамъ
отпускаетъ острия словца и выкидываетъ самыя замы-
словатыя штуки, — бойкій грамотый, неподражаемый
крючекъ, сутяга, энциклопедистъ, подьячій, злой
фигляръ и въ особенности большой философъ: его
ругаютъ, его мучатъ, обманываютъ быють, ему отры-
ваютъ хвостъ и выкалываютъ глаза, — онъ только у-
ходитъ въ ключевую дырку или сквозь дымящуюся
трубу, и черезъ минуту опять возвращается къ вамъ,
здоровъ, веселъ, беззаботливъ, съ новою насмѣшкою,
съ затѣей еще забавнѣе, съ энграммою еще язвитель-
нѣе прежняго. Въ деревнѣ нельзя было бѣ жить, при-
шлось бы умереть со скуки, безъ чорта! Сверхъ-того,
онъ преплезный мальчикъ: правда, что по случаю его
сожгли нѣсколько тысячъ бабъ на свѣтъ; но теперь
уже не сожигаютъ, а между-тѣмъ навѣрное сто мил-
ліоновъ дурныхъ и безправственныхъ помышлений

остаются каждая сутки безъ исполненія единственно по опасенію костей чорта. Черный народъ безъ чорта былъ бы толпа черныхъ философовъ безъ узды и безъ воображенія. Я советую Г. Пузину примириться съ этимъ честнымъ господиномъ.

Что касается до Критики на его книгу, то я советую читать ее, несмотря на ея слогъ, вездѣ, гдѣ только есть черти, колдуны, колдуньи, чернокнижники, астрологи, алхимики, вампиры, мертвецы, призраки, домовые, лѣшіе, кикиморы, пасиансы, гаданія, видѣнія, сны, предчувствія, суевѣрія и предразсудки. И нельзя кончить рѣчи объ ней лучшею похвалою, какъ представляя читателямъ слѣдующее разсужденіе автора, съ которымъ я вполне согласенъ :

«Все народы имѣли свои національныя слабости и предразсудки, которые, по мѣрѣ образованія, измѣнялись совершенно. Каждая почти нація, въ первую эгзеху младенчества своего, не только чуждалась иностранцевъ и убѣгала всякаго съ ними сношенія, но даже презирала ихъ. Иноземецъ, за два столѣтія, въ глазахъ нашихъ едва казавшійся человекомъ, бывъ привлеченъ въ Россію особеннымъ случаемъ или видами коммерческими, считалъ за милость, ежели мы позволяли ему жить между собою и обогащать насъ своими познаніями. Мало-по-малу приглядѣвшись къ ихъ художественной смыслености, мы постепенно дошли до того, что начали уже перенимать не только ихъ познанія, но даже нравы и обычаи; наконецъ страстно полюбили самыя ихъ слабости и пороки. Быстро презрѣніе къ иноземцамъ превратилось въ безусловное уваженіе. Мы видѣли въ каждомъ изъ нихъ своего учителя, наставника; какъ-бы не довѣряя самимъ себѣ, мы ввѣряли имъ воспитаніе дѣтей нашихъ. Все чужеземное казалось намъ прекраснымъ, все свое называли дурнымъ. Этотъ модный національный предразсудокъ до того ослѣпиль насъ, что Русскіе стыдились даже въ кругу своемъ, говорить прекраснымъ своимъ языкомъ, а нѣкоторые литераторы, изъ

среды лучшаго общества недавно еще не почитали себѣ за порокъ, въ Россіи, писать Исторію великихъ отечественныхъ событій, на языкѣ Французскомъ.

«Наконецъ горизонтъ Россіи озаряется лучами національнаго солнца. Прекрасные плоды безсмертныхъ гениальныхъ трудовъ Правителей нашихъ и достойныхъ сподвижниковъ ихъ, обрабатывающихъ родную почву, начинаютъ созрѣвать, и, подѣ благотворнымъ вліяніемъ истиннаго просвѣщенія, на прочныхъ началахъ основаннаго, разливаютъ тихій, но благодѣтельный свѣтъ по всей странѣ. Мы не презираемъ иностранцевъ; но ужь и не боготворимъ ихъ; перенявъ отъ нихъ Искусства, мы сравниваемся съ ними и стараемся нравственно прсвосходить ихъ. Народный характеръ нашъ и фнзіономія примѣтно образуются. Мы познаемъ настоящую свою цѣну; начинаемъ любить свой языкъ, уважать отечественные таланты, дорожить одной національной своей славою. Ко всему иностранному мы дѣлаемся равнодушными, а все свое хорошее приводитъ душу нашу въ восторгъ и пріятное восхищеніе. Это благородное пристрастіе къ отечественному — источникъ всего пзячнаго, великаго, будущаго; это зародышъ чувства святаго, — безпредѣльной любви къ отечеству; это возникающая эпоха истиннаго народнаго просвѣщенія!»

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДЖАКОВО САННАЗАРЪ, *Драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Н. К. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1854, въ-8., стр. 11 и 120.*

Разсужденіе объ этомъ новомъ твореніи автора «Горквато Тассо» помѣщено въ предъидущемъ отдѣленіи журнала.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ, *Русская Сказка. Сочиненіе П. Ершова. Въ трехъ частяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1854, въ-8., стр. 122.*

Читатели наши вѣрно не забыли удовольствія, доставленнаго имъ первою частью этой поэмы, напечатанною въ Б. для Ч. Теперь они могутъ утронуть это удовольствіе: всѣ три части ея вышли изъ печати особою книжкою. Дѣло идетъ о поощреніи юнаго и прелестнаго таланта вниманіемъ къ первому залогу будущихъ его успѣховъ: Русской публикѣ не нужно говорить болѣе.

ПѢСНОПѢНІЯ *Пречистой и Препоблагословенной Владычицы Богородицы и Приснодѣвы, Маріи. Москва, въ тип. Семена, 1854, въ-8., стр. 16.*

ПѢСНОПѢНІЯ *Святителю Митрофану, первому Епископу Воронежскому, новоявленному Чудотворцу. Москва, въ тип. Семена, 1854, въ-8., стр. 24.*

ТРИДЦАТОЕ АВГУСТА, 1854 ГОДА. *Стихотвореніе Графа Хвостова. Сп.-бургъ, 1854, въ-12., стр. 7.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ, ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ. *Стихотвореніе С. Стромиллова. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-8., стр. 8.*

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Коптсва. *СП.-бургъ, въ тип. Вин-гебера, 1854, въ-12., стр. 127 и VIII.*

ДѢТСКІЕ Гимны и Стихотворенія, *переведенныя съ Англійскаго, Д-ра Вуастъ, Еленою Тютчевой. Москва, въ тип. Семена, 1854, въ-12., стр. 81.*

Я хотѣлъ что-то сказать о поэтическомъ дарованіи любезной переводчицы, и покраснѣлъ..... Нѣтъ, я не смѣю судить объ ея поэтическомъ дарованіи! Я ужасно робокъ. Но содержаніе дѣтскихъ стихотвореній чрезвычайно мнѣ нравится: оно мило и нерѣдко трогательно. Это будетъ первый отъ меня подарокъ моимъ дѣтямъ, когда у меня будутъ дѣти.

Повѣсти, *изданныя Александромъ Пушкинымъ, СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1854, въ-8., стр. XIII и 246.*

Мы не думаемъ, чтобы тѣмъ нарушали права безыменности, если скажемъ, что Повѣсти «изданныя» Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, значитъ — «сочиненныя» самимъ же ихъ издателемъ. Хотя предисловіе и приписываетъ ихъ покойному Бѣлкину, но самъ авторъ, кажется, не совсѣмъ желаетъ остаться безыменнымъ, когда на оборотѣ обертки тѣ же Повѣсти помѣстилъ въ числѣ твореній пѣвца Кавказскаго плѣнника. Такъ, это — второе изданіе извѣстныхъ «Повѣстей Бѣлкина», сочиненныхъ А. С. Пушкинымъ, и читанныхъ публикою въ прошломъ году съ такимъ удовольствіемъ. Къ нимъ присоединена еще «Пиковая дама», которою авторъ украсилъ нашъ журналъ въ началѣ года. Мнѣніе наше объ этомъ превосходномъ разсказѣ извѣстно читателямъ Б. для Ч.

Похожденіе червонца и послѣдняя участь его на Макарьевской ярмаркѣ. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-12., стр. 18.*

Викторъ Полинской, *Романъ. Сочиненіе П. Машкова. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1854, въ-12. Двѣ части, стр. 121 — 124.*

Гарась, или Умныхъ учитъ дуракъ. *Сатирическая Повѣсть, сочиненіе Александра Орлова. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-12., стр. 28.*

ПРАВДА Божія, сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-1^о, стр. 12.

Повѣсти Безумнаго. Москва, въ тип. Степанова, 1854, въ-1^о, стр. 202.

Не хотите ли, честныя господа, поглядѣть на Русскаго, доморощеннаго Бальзака? Онъ здѣсь! онъ у меня въ рукахъ! я поймалъ его! Я покажу вамъ его безденежно, хотя онъ очень любопытенъ и могъ бы сдѣлать мнѣ состояніе, если бъ я захотѣлъ показывать его за деньги.

Котораго Бальзака прежде желаете вы видѣть? Угодно ли Парижскаго? Угодно Московскаго? Вотъ вамъ нашъ Московскій!.... Нѣтъ, вотъ сперва Парижскій.

Должно знать, что Вильфридъ стоитъ ночью передъ Шведскимъ замкомъ, и разсматриваетъ свѣтъ огней, мерцающій въ окнахъ, и что это называется *Etude philosophique*:

«Qu'ai-je donc vu? se demandait-il. Non, ce n'est pas une simple création, mais toute une création. De ce monde, entrevu à travers des voiles et des nuages, il me reste des retentissemens, semblables aux souvenirs d'une douleur dissipée, ou pareils aux éblouissemens causés par ces rêves, dans lesquels nous entendons le gémissement des générations passées, qui se mêle aux voix harmonieuses des sphères élevées, où tout est lumière et amour.»

Вотъ Бальзакъ Парижскій. Всмотритесь въ него хорошенько: онъ весь тутъ, весь въ этомъ періодѣ. Что жъ вы видите? Глуность? «Нѣтъ, это не простая глуность, а цѣлый міръ глуостей. Изъ этого міра, подсмотрѣннаго сквозь занавѣсы и облака, остаются вамъ только раскаты, похожіе на воспоминанія разсѣянной скорби, или подобные обморокамъ, причиненнымъ тѣми сновидѣніями.....» Но вы и сами переведете себѣ этотъ періодъ! Переводите жъ, подбирайте логическое значеніе, думайте, — думайте, изъ всей силы, ищите смыслу міромъ, — а когда его найдете, то и сами будете умны, и мнѣ скажете, о чемъ здѣсь говорится. Между-тѣмъ я покажу вамъ нашего доморощеннаго Бальзака. Поглядите!

«Мазурка огласила высокіе своды. Шелестъ ногъ раздался восторженно тишины и порядка. Говоръ стульевъ пробудилъ усиленіе и дѣятельность. — Быстрый взоръ его (Американца) молніею сверкалъ по лицамъ присутствующихъ, но разожженный бунтующимъ пламенемъ свободной ильги, онъ блестѣлъ какимъ-то упоительнымъ

лучше мечтательности. — Занесенному бурю обстоятельствъ на край просвѣщенной Европы, смутно представляется ему вѣра отцевъ его, смутно рисуются воображенію священные ихъ обряды, имѣющіе предметомъ источникъ жизни и свѣта. — Мирныя его селенія вымываютъ воображенію изъ сумерекъ прошедшаго. — Тамъ, подъ наклономъ стройныхъ пальмъ и банановъ, привыкъ онъ думать о народахъ — первообразахъ созданія. — Тамъ хотѣлъ онъ заглушить порывы первыхъ впечатлѣній, дивныхъ и благородныхъ, какъ молитва. — (Онъ увидалъ Елену, и), какъ избавленіе, приковался къ этимъ очамъ, и только изрѣдка какіе-то болѣзненные стоны или раздражающіе вздохи вырывались изъ устъ его. — Часы длились для него годами безконечнаго. — Все кругомъ ходило въ его глазахъ; мутно въ нихъ было какъ въ водоворотъ океана; еще мутнѣе было въ душѣ. — Онъ хотѣлъ бы изорвать всѣхъ, все твореніе (т. е., toute une création), чтобъ залить бунтующій огонь души. — Кровь, какъ лава, кипѣла въ его жилахъ; судорожныя движенія ревности, злобы, отчаянія, неукротимаго бышества, адскимъ холодомъ пробѣгали по его членамъ. — Разговоръ гостинныхъ, эта вѣчно-возрастающая гидра, между-тѣмъ улиткою кружился и переплывался изъ предмета въ предметъ. — Но пламя, неукротимое пламя, кипѣло въ груди юноши. — Въ ней свирѣпствовала буря. — Помните ли, Елена, эту тѣсную комнатку? Я могъ васъ видеть свободно! чувствовать блаженство сообщества! ощущать нигу дышанія!.... Потомъ, на подоблачныхъ высотахъ Альпъ, опоясанный громами и бурями, ярящихся подѣ ногами моими.....»

Ну, прямой Бальзакъ! Въ самомъ дѣлѣ, это прелестно. Мы восхищаемся всѣми этими фразами въ Парижскомъ Бальзакѣ: почему жъ бы онъ не чаровалъ насъ въ нашемъ собственномъ, родномъ, Московскомъ? Сколько здѣсь огня! сколько бурь въ груди и подѣ ногами! сколько созданія, творенія, любви, лавы, нѣги, безконечнаго, неукротимости, пламени! Авторъ, изъ неумѣстной скромности, напрасно такъ обидѣлъ свой неподобный талантъ, назвавшись *Безулитнымъ*. При такихъ дарованіяхъ, надо имѣть немножко благородной гордости.

Собственно, мы бы не должны были говорить объ этомъ сочиненіи ни слова, но, во-первыхъ, этотъ слогъ чрезвычайно любопытенъ, а во-вторыхъ, есть иногда вещи ниже молчанія. Авторъ понимаетъ, что мы говоримъ о содержаніи первой его Повѣсти и о вдовахъ порока: читателямъ нашимъ советуемъ не понимать этого. Г. Безумный прямой Бальзакъ не только по слогу, но даже по своимъ предметамъ и по своей Философій!

Кто пишетъ такія Повѣсти, какова «Любовь и долгъ,» тотъ можетъ быть увѣрснъ, что, ежели се прочитають первую, остальныхъ уже читать не стануть. Мы объявляемъ Г. Безумному, что дажѣ не хотимъ знать, сколько еще остается подобныхъ красотъ въ этой первой части его творенія, и что онъ, поймавъ насъ своею первою Повѣстью, пріобрѣлъ полное право впредь никогда не быть читаннымъ нами. Если бъ изъ всего не было видно, что авторъ — молодой человекъ, и что самъ онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ юношей, въ груди которыхъ свирѣпствуютъ бури и которые еще подносятся громами, мы дажѣ не приняли бъ на себя труда дать ему почувствовать отвращеніе, порожденное въ насъ такимъ злоупотребленіемъ чувства и дарованія, которыя конечно заслуживаютъ лучшаго употребленія.

Интересантъ, или *Вотъ тебѣ и проценты!* Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Г. Свѣшшкова. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-8., стр. 64.

Черный день Трещеткной, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ стихахъ, А. Соболева. Сп.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1854, въ-8., стр. 180.

Образецъ постоянной любви, Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго языка, изъ театра Скриба. А. П. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-12., стр. 64.

Стряпчій подъ столомъ, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго Дмитріемъ Ленскимъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-8., стр. 95.

Ахъ, если бъ Водевили были безъ куплетовъ, какъ бы тогда Г. Ленскій хорошо переводилъ ихъ! Правописаніе въ Водсвляхъ еще не есть необходимость, но куплеты.... Я советую Г. Ленскому писать Водевили безъ куплетовъ.

Графиня поселянка, или *Медовой мѣсяцъ*, Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Гг. Скриба, Мельвилля и Кармуша, переведенная съ Французскаго И. М. Т. актеромъ, К. Барановымъ. Москва, 1854, въ-12., стр. 150.

Эта мнѣшная пьеса повѣйшаго Французскаго репертуара не только персведена, какъ то сказано на заглавной страницѣ, но еще, какъ говорится въ нашей драматургiи, «передѣлана на Русскіе нравы». Это особенное искусство, для котораго нуженъ умъ очень оригинальный. Наперсдъ Баронессу де Сюрвилъ превращаете вы въ *Бароншу Владимірскую*, а управителя Дюпона или Дюфура — напримеръ, въ Куликова. Баронша и Куликовъ идутъ очень хорошо другъ съ другомъ. Половина иностраннаго цвѣта уже исчезла посредствомъ этой легкой поправки. Но этого не довольно: остаются еще иностранные нравы, которые тоже надо исправить. Вы исправляете чужіе нравы, перелагая ихъ на свои собственные: это самый вѣрный способъ совершенствованія нравственныхъ понятій. Карста съ путешественниками опрокинулась близъ замка; мусье Дюфуръ кричитъ Французскимъ крестьянамъ — «Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ франковъ тому, кто первый явится на мѣсть!» Какъ же исправите вы эти нравы? какъ переложите ихъ на свои? Очень простымъ образомъ: Куликовъ является на сцену и, рассчитавъ, что франки не въ нашихъ правахъ, что спасеніе погибающихъ не можетъ быть вознаграждено деньгами, что это совсѣмъ неблагородно, кричитъ — «Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ палокъ тому, кто первый не явится на мѣсть!» И переводчикъ утверждаетъ, въ скобкахъ, курсивными, что послѣ этого *крестьяне бѣгутъ, перегоняя другъ друга*. Вотъ, что въ нашей драматургiи называется «передѣлываніемъ на Русскіе нравы!» Для этого нужно особенное искусство.

1. Пальмовый листъ. *Собраніе Восточныхъ Повѣстей и Сказокъ, перевелъ съ Французскаго Осдоръ Бобровскій. Съ картинками. Москва, въ тип. Университетской, 1854, въ-12., стр. 144.*

2. Дѣтскій разсказчикъ, или *Собраніе Повѣстей изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: Бланшарда, Беркела, Бертраиа, Г-жи Зонтагъ и многихъ другихъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Попомарева, 1854, въ-24., стр. 101.*

5. Блестящій червякъ, правоучительная Повесть для дѣтей, сочиненная Анною Зонтагъ, издательницею «Повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ». Переводъ съ Французскаго. М. Г. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-24.. стр. 56.

Мы всегда съ удовольствіемъ рекомендуемъ вниманію родителей сочиненія, могущія доставить малолѣтнему ихъ потомству пріятное и полезное занятіе. Три книжки, которыхъ привели мы здѣсь заглавія, могутъ быть смѣло употреблены ими для этой цѣли, особенно первая, которая даже переведена хорошо. При двухъ послѣднихъ находятся тоже картинки: онѣ литографированныя и, во второй, довольно изрядныя.

Малороссійскія присказки. Е. Гребенки. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1854, въ-8., стр. 57.

Краткія Записки, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и Словесности, издаваемыя отъ Россійской Императорской Академіи. СП.-бургъ, въ тип. Р. Академіи, 1854, въ-8., стр. IV и 90.

Это первая книжка безсрочнаго повременнаго изданія, предпринимаемаго Россійскою Академіею. Какъ цѣль «Краткихъ Записокъ», изложенная въ предисловіи, нѣсколько различна съ содержаніемъ книжки, которую имѣемъ мы передъ глазами, то, чтобы дать понятіе о существѣ этого новаго на пользу Русскаго языка предпріятія почтсшаго ученаго сословія, считаемъ нужнымъ выписать здѣсь «Предупрежденіе.»

«Записки сіи не съ тою цѣлію издаются, чтобъ быть полными и послѣдственными въ языкѣ и Словесности наставленіями, каковы суть: Риторикѣ, Грамматикѣ, Словари, и проч; но съ тѣмъ, чтобъ въ сихъ важныхъ сочиненіяхъ быть помощію тому, кто ихъ предприметь. Онъ въ разныхъ отрывкахъ сихъ записокъ найдетъ многія замѣчанія, коими можетъ воспользоваться, и которыя послужатъ ему къ обученію его труда: такъ напримѣръ, сочиняющій Риторикѣ, или иное какое о краснорѣчій разсужденіе, найдетъ въ нихъ выписанные изъ книгъ хорошіе примѣры, собранные и готовые для употребленія тѣхъ изъ нихъ, которые ему понадобятся. — Сочиняющій всякую другую учебную или неучебную книгу тожь найдетъ собранные отвсюду примѣры свойственныхъ и несвойственныхъ языку выраженій, изъ коихъ первыми, когда хочетъ писать по-Русски, наставлять себя, а отъ другихъ избѣ

гать долженъ. — Писатель Грамматикн можетъ также найти многія касающіяся до сей науки замѣчанія. — Пристрастившійся къ употребленію иностраннѣхъ словъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ есть соотвѣтствующія Русскія слова, и что одни только навѣкъ, а не здравый разумъ, побуждаетъ его чужія предпочитать своимъ столько же или еще больше знаменательнымъ. — Забвсію старѣхъ и выдумыванію новыхъ словъ приложится разборъ, довольно ли, и къ пользѣ ли языка, одни изъ нихъ оставлены, а другія вводятся. Словопроизводство, только нужное для основательнаго познанія не только своего, но и всѣхъ другихъ языковъ; словопроизводство, отгоняющее отъ очей нашихъ мракъ, въ какомъ сокрываются дѣйствія составляющаго языка ума человѣческаго; сіе, мало извѣстное, и необходимо потребное для насъ просвѣщеніе, получить въ помѣщаемыхъ здѣсь словахъ опыты истолкованія оныхъ, и подастъ поводъ къ дальнѣйшимъ въ томъ упражненіямъ. — Всѣ подобныя симъ замѣчанія, хотя отрывками и безъ послѣдственнаго порядка собранныя, могутъ быть полезными напоминаніями тому, кто разсуждаетъ и любитъ не одному самолюбію своему вѣрить, но вникать и выслушивать силу доводовъ, хотя бы они были и противъ его понятія. Станетъ, что не вездѣ въ запискахъ сихъ съ новѣйшими писателями встрѣтится согласіе, но да не прогнѣваются они, когда навѣкъ ихъ не предпочтется яснымъ доказательствамъ и здравому разсудку.»

Эта первая книжка «Краткихъ Записокъ» состоитъ изъ двухъ длинныхъ переводныхъ статей, относящихся къ Французской Словесности, и вся направлена противъ романтизма. «Два письма о романтической Словесности», взятые изъ сочиненій Г-на Же (Jay), слѣдуютъ за «Предувѣдомленіемъ»; потомъ — «Вечеринка Романтиковъ», или возложеніе вѣнца на Ронсаровъ бюстъ; подъ нею подпись: «Конецъ первой книжки».

Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Казань, 1854, вѣ-8., стр. 164.

Также первая книжка новаго повременнаго изданія. «Ученныя Записки» замѣнятъ прежній «Казанскій Вѣстникъ», и будутъ составляться изъ однихъ *подлинныхъ* сочиненій. Въ этой первой книжкѣ заключаются, по части Наукъ, диссертація Г. профессора Лобачевскаго «О пониженіи степени двучленнаго уравненія, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8», и часть прекрасныхъ трудовъ Г. профессора Симонова по опредѣленію географическаго положенія разныхъ мѣстъ восточной Россіи. Въ отдѣленіи Словесности, нашли мы очень любопытную для ориенталистовъ

записку Г. Ковалевскаго о содерженіи Монгольской рукописи подъ названіемъ «Море притчъ», которос собственно входитъ въ составъ Гаиджура. Мы приведемъ отчетъ автора объ одной притчѣ, для показанія читателямъ, какія иллюминаціи бывають въ Далай-Ламской вѣрѣ.

«О Кганашанибали, могущественномъ и милосердомъ Царь, который для блага подданныхъ своихъ рѣшился всѣмъ пожертвовать за ученіе святыхъ. Лю-Дважда, браминъ, прибывъ во дворець его предложилъ свои услуги въ семь дѣлъ, съ условіемъ, чтобы Царь дозволилъ вознѣтъ въ тѣло тысячу свѣчъ и зажечь ихъ. Царь охотно соглашается, но подданные заклинають его любовью къ нимъ не подвергать жизни столь великой опасности. Просьба ихъ тщетна. Свѣчи воткнуты въ тѣло и зажжены; браминъ, по желанію Царя, научаетъ что *все приобретенное имущество со временемъ истощится; всякая высота низринется; все любимое будетъ отлучено; все что родится, должно неминуемо умереть*. После сихъ словъ Царь съ радостью произноситъ, что онъ ищетъ ученія единственно для приобретения достоинства Будды, дабы всѣ одушевленные существа просвѣтитъ свѣтомъ премудрости. Лишь окончилъ сіи слова, потряслось небо, земля и святыя обиталища Тегріевъ, которые, испутившись во вселенную и узрѣвъ разрушенную всю плоть Царя, пролила слезы. Наконецъ Хормуста, владыка 33-хъ Тегріевъ, прибылъ спросить у страдальца, не раскаивается ли онъ въ своемъ поступкѣ при толкихъ мученіяхъ. Ни мало! возразилъ Царь, — и въ одно мгновеніе тѣло его исцѣлилось. Въ лицѣ Царя находился тогда самъ Сакямуни.»

Мы не смѣемъ приписать той же степени любопытности или ученой важности длинному разсужденію Г. Булыгина о происхожденіи слова *князь*. Подобныя диссертаціи, въ которыхъ *olacum et opus* обыкновенно бывають потеряны, доказываютъ только необходимость соединенія весьма разнородныхъ лингвистическихъ свѣдѣній въ разсуждающемъ. Авторъ силится вывести слово *князь* отъ Славянскаго корня *конъ*, и никакъ не соглашается, чтобы оно происходило отъ Германскаго титула *konung*, или *koenig*. Какъ трудно судить о настоящемъ происхожденіи словъ, не обнявъ памятью множества языковъ, авторъ имѣетъ примѣръ тому въ производствѣ своемъ слова *краль*, или король, которое выводитъ онъ отъ «старога Славянскаго корня — *кара*,» по образцу слова *враль* и ему подобныхъ. То, что онъ почитаетъ старымъ Славянскимъ корнемъ, есть просто старое Нѣ-

мецкое слово каг или кагг,» штрафъ, пеня,» которое находится во всѣхъ этимологическихъ лексиконахъ.

Самоучитель, или Новѣйшая и полная Россійская Азбука, составленная по новѣйшей, нѣмъ употребительной методѣ, съ новыми облегченіями къ изученію чтенія, Александромъ Кузнецовымъ, и проч. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ картинками. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8., стр. 154.

Французская Грамматика, содержащая въ себѣ произведеніе, сочиненіе и правописаніе словъ, сочиненная профессоромъ Ломондомъ, исправленная и дополненная профессоромъ Лепелье. Переводъ съ сороковаго изданія. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 8. Три части, стр. 152 — 124 — 51.

Самое заглавіе этой Грамматики говоритъ все, что можетъ быть сказано въ ея похвалу. Мы прибавимъ только, что она издана на двухъ языкахъ, Французскомъ и Русскомъ, текстъ и переводъ въ двухъ параллельныхъ столбцахъ, и что переводчикъ еще присоединилъ разговоры и небольшую христоматию Русско-Французскую.

Общій Церковно-Словяно-Россійскій Словарь, или Собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ иностранныхъ, въ Церковнославянскомъ и Россійскомъ нарѣчійхъ употребляемыхъ, и проч., по порученію Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній составленное П. С***, съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій, заимствованныхъ изъ Грамматики Г. Востокова, введенной въ употребленіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сп.-бургеъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. V, 1692 и 14 — 1778 и 14.

Съ благоговѣніемъ преклоняемъ колѣни передъ колоссальнымъ терпѣніемъ Г-на П. С***, осуществленнымъ этими двумя огромными томами мелкой печати! Какъ трудъ одного чловѣка, и притомъ трудъ на поприщѣ, не украшенномъ ни какими памятниками, нерасчищенномъ, почти пустомъ, словарь, о которомъ мы извѣщаемъ, достоинъ и удивленія

и благодарности. Авторъ очень справедливо избралъ себѣ эпитафіомъ стихъ Эпінія:

Alii alio plus invenire possunt; nemo omnia.

Другіе сдѣлають болѣе! Это только начало, первое ядро полнаго Русскаго лексикона: когда, постепенно обрабатываясь и усовершеншаясь, достигнетъ онъ десятаго или пятнадцатаго изданія, тогда и мы будемъ имѣть своего Буаста. Многіе недостатки могутъ быть отысканы въ трудѣ Г-на П. С***, — тѣмъ, кто ихъ ищетъ, — какъ въ опредѣленіяхъ значеній, такъ и полнотѣ и логической постепенности ихъ списковъ; даже въ разныхъ мѣстахъ правильность, современность и изящность языка автора можетъ подлежать сомнѣнію; но онъ въ правѣ отвѣчать критикамъ, что еще никто на свѣтѣ не сдѣлалъ словаря, достаточнаго и совершеннаго, и тѣмъ менѣе никто не создалъ его тамъ, гдѣ дотолѣ почти ничего не было въ этомъ родѣ. Для чистыхъ, тонкихъ и прочныхъ работъ лексикографическихъ нуженъ лексикографическій архивъ, который составляется изъ трудовъ цѣлыхъ столѣтій по части языка. Этого у насъ нѣтъ, и Критика, разсматривая трудъ Г-на П. С***, должна соразмѣрять свои сужденія съ пользою этого труда въ настоящемъ положеніи отечественной Филологіи, и съ недостаткомъ, который онъ пополняетъ на первый случай. Уваженіе къ безпримѣрному у насъ трудолюбію, снисходительность и благодарность!

Исторія Донскаго Войска, *Описаніе Донской Земли и Кавказскихъ минеральныхъ водъ*. Владиміра Броневскаго, СШ.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1854, въ-8.. Три части — VIII-и 511—210—214.

Наконецъ зсмя Донскихъ героевъ имѣетъ своего исторіографа. Г. Броневскій овладѣлъ этимъ богатымъ и любопытнымъ для всей Россіи предметомъ, и подарилъ Русскую Литературу сочиненіемъ, важнымъ по своему содержанію, и съ которымъ познакоимъ мы нашихъ читателей въ непродолжительномъ времени.

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Москва, въ тип. Селшвановскаго, 1854, въ-8., стр. X и 224. Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и 27 пунзиматическими таблицами.

Въ Москвѣ часто появляются такія книги, которыя создаются только въ настоящихъ ученыхъ атмосферахъ. Въ прошломъ году, «Поездка къ Ледовитому Морю,» Г. Бялявскаго, весьма пріятно изумила насъ посреди толпы книгъ, грубо и неискусно обдѣланныхъ, хотя нередко и важныхъ по содержанію: авторъ ея оказался намъ знакомымъ съ понятіями, требованіями и авторскими обычаями свѣта ученаго и образованнаго. Недавно, «Памятшки XVII вѣка,» издашныя Г. Мухановымъ, доставили намъ новое удовольствіе своей Европейской формою. Нынѣ мы имѣемъ случай возвѣстить о новой книгѣ, также заслуживающей полную похвалу въ этомъ отношеніи, кромѣ справедливости, которую должно отдать особо важности ея для Историческихъ Наукъ. Г-нъ А. Ч., — мы находимъ эту фирму внизу предисловія, — взялъ за образецъ для своего труда описанія Восточныхъ монетъ Г. академика Френа: не возможно было избрать себѣ образецъ лучшій и точнѣйшій, ни удачнѣе подражать избранному. Судя по предисловію, Г-нъ А. Ч. описалъ въ этомъ сочиненіи собственное свое собраніе древнихъ Русскихъ монетъ: тѣмъ похвалнѣе для Г-на А. Ч! тѣмъ хуже для нашихъ офиціальныхъ антикваріевъ! Простому любителю обязаны мы первою, истинно отлично выполненною книгою на Русскомъ языкѣ объ отечественной Нумизматикѣ, тогда какъ богатая этого рода собранія публичныхъ заведеній остаются неизданными. Г-нъ А. Ч. нарисовалъ очень чисто и объяснилъ большею частью очень удовлетворительно около 450 нумизматическихъ экземпляровъ, начиная съ кожаныхъ денегъ до монетъ 1456 года, раздѣливъ ихъ на чеканы — I, Великаго Княжества Московскаго; II, Великаго Княжества Тверскаго; III, Великаго Княжества Рязанскаго; IV, Князей Удѣльныхъ; V, Новгородскія и Псковскія, и VI, неопредѣленные. Къ нумизматическому ихъ описанію присоединены историческія примѣчанія, родословныя нѣкоторыхъ Князей, вѣсовая таблица и азбучный аналитическій реестръ. Все сдѣлано такъ, какъ слѣдовало быть сдѣланнымъ. Мы увѣрены, что любители Русской Исторіи и въ особенности собиратели старинныхъ монетъ поспѣшатъ пріобрѣсти себѣ это важное сочиненіе, могущее имъ служить очень хорошимъ руководствомъ и пособіемъ въ археологическихъ изысканіяхъ.

КРАТКАЯ ГЕОГРАФІЯ. *Книжка первая. Физическое обозрѣніе Глобуса, Москва, въ тип. Университетской, 1854, въ-8., стр. 180.*

Г. Гастевъ возымѣлъ очень счастливую мысль составить курсъ Географіи, раздѣленный такъ, какъ ся преподаваніе раздѣлено въ нашихъ училищахъ, чтобы каждый классъ снабженъ былъ особою книжкою, особымъ и ему только служащимъ руководствомъ. Эта метода весьма благоприятствуетъ развитію классныхъ предметовъ. За первую книжкою, вообще очень хорошо приспособленною къ своему назначенію, скоро должны последовать другія.

МАГАЗИНЪ ПОЗНАНІЙ, или *Собраніе изъ многихъ отечественныхъ и иностранныхъ, въ разныя времена изданныхъ, сочиненій, объ открытіяхъ по экономической части, Механикѣ, Физикѣ, Земледѣлію и разнымъ другимъ предметамъ. Москва, въ тип. Университетской, 1854, въ-12. Четыре части въ одной книжкѣ, стр. 85 — 76 — 69 — 69.*

ОПИСАНІЕ МЕТАЛЛОГРАФІИ, или *вновь изобрѣтеннаго способа печатать всякаго рода металлическими досками (какъ-то, мѣдными, цинковыми, желѣзными и ц. н.) различные рисунки, и рукописи, не гравировавъ на сихъ доскахъ рѣзцомъ или крѣпкою водкою, а просто написавъ на нихъ желаемое обыкновеннымъ перомъ и нѣкотораго рода тушью; также переводить написанное съ бумаги, и при томъ стлмать до 5000 оттисковъ и болѣе. Сочиненіе В. Озергіескека. Съ приложеніемъ (металлографированнаго) рисунка. Сп.-бургъ, въ тип. Вангебера, 1854, въ-8., стр. 11.*

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы уже извѣстили нашихъ читателей, посредствомъ особаго прибавленія къ предъидущей книжкѣ Б. для Ч., о важномъ для Литературы и народнаго просвѣщенія предпріятіи А. А. Плюшара, который рѣшился, во что бы то

ни стало, подарить насъ Энциклопедическимъ Лексикономъ въ двадцати четырехъ томахъ мелкой печати, и который сдержитъ свое слово, — во что бы то ни стало! Самая мысль объ этомъ огромномъ литературномъ подвигѣ на Руси наполняетъ насъ восторгомъ: нельзя не удивляться быстротѣ, съ какою просвѣщеніе движется въ нашемъ отечествѣ, нельзя не быть проникнутымъ благодарностью къ попечительной и мудрой Власти, которая споспѣшествуетъ почти волшебнымъ его успѣхамъ, и даетъ имъ благоснаправленіе. Для тѣхъ, которые желали бѣ просвѣтить Россію по своимъ понятіямъ или по какой-нибудь Французской книгѣ, успѣхи эти могутъ быть непримѣтны; но надобно быть пораженнымъ нравственною слѣпотою, чтобъ не видѣть того, что способно не только пролѣть въ сердце живѣйшую отраду, но даже заставить насъ гордиться своею страпою. Кто бы могъ подумать въ 1824 году, когда вся наша Словесность заключалась въ альманахахъ, о возможности существованія у насъ лѣтъ чрезъ десять такого журнала, какъ напримѣръ Библиотека для Чтенія, котораго одніе издержки изданія простираются до 250,000 рублей, и который для перваго года своей жизни требовалъ содѣйствія не менѣе 5,000 подписчиковъ! Въ прошломъ году еще многіе тому не вѣрили, и громко предсказывали разореніе издателю. Какому частному человѣку, лѣтъ десять тому назадъ, когда всякая книга, немножко потолще или поважнѣе, припуждена была прибѣгать къ щедротамъ Правительства, чтобъ на его деньги увидѣть бѣлый свѣтъ, — какому частному человѣку пришло бы тогда въ голову основать на своемъ имѣніи судьбу сочиненія, долженствующаго, подобно Энциклопедическому Лексикону, занять двѣсти человѣкъ Ученыхъ и литераторовъ, имѣющаго стоить около миліона, и требующаго для вознагражденія своихъ издержекъ до 6,000 подписчиковъ, не говоря уже о возмездіи за безчисленные труды и хлопоты устройства и исполненія дѣла! Это факты, и факты утѣшительные. Сравненіе числа платящихъ читателей въ 1824 году съ числомъ ихъ въ 1854 одно можетъ дать вѣрную выкладку успѣховъ нашего просвѣщенія, котораго масса поэтому, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, явно увеличилась въ четверо, если не болѣе.

Библиотека для Чтенія удостоверила А. А. Плюшара въ возможности привести въ дѣйствіе это колоссальное для частнаго человека предпріятіе, а мы ручаемся ему въ томъ, что Русская публика въ полной мѣрѣ пойметъ и оценитъ благородную довѣренность къ ея патриотизму и не оставитъ его въ убытокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ относится къ нашему патриотизму. Не зная программы Энциклопедическаго Лексикона и его условій, мы ошибочно заключили въ извѣстїи, сообщенномъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ, что Нѣмецкій *Конверсационсъ - Лексиконъ* будетъ служить ему образцомъ и основаніемъ. Это, напротивъ, будетъ твореніе совершенно Русское, національное, составленное въ Россіи, Русскими и для Русскихъ, въ духъ нашего политическаго быта и въ формахъ нашего образованія, и почти вдвое обширнѣе Нѣмецкаго Лексикона, который только доставитъ ему все хорошее и полезное, въ немъ заключающееся, наравнѣ съ подобными же Лексиконами, издающимся въ Англіи и во Франціи; твореніе, котораго главное достоинство — въ огромной массѣ оригинальныхъ статей обо всемъ касающемся до Россіи, до насъ, до нашихъ умственныхъ и вещественныхъ потребностей. Всякой изъ насъ, кто только въ состояніи отдѣлать 50 рублей въ годъ отъ своихъ расходовъ, долженъ пожертвовать ими на поддержаніе этого общепользнаго и истинно народнаго предпріятія литературнаго. Мы совершенно согласны съ Г. Плюшаромъ, что подобное сочиненіе сильно содѣйствовало бы распространенію въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія *положительнаго*, которое, послѣ религіознаго просвѣщенія, считаемъ мы за первое и единое существенное; что оно должно быть подъ рукою у каждаго умѣющаго читать, и что мы теперь находимся именно на той точкѣ нашей постепенной образованности, гдѣ оно дѣлается книгою первѣйшей потребности. Но, сверхъ пользы, тутъ еще и честь Русскаго имени должна нѣсколько воспламенить насъ къ содѣйствию Г. Плюшару: въ эту самую минуту издаются во Франціи и въ Англіи подобныя нашему Лексикону полезныхъ и необходимыхъ свѣдѣній; все, что только шарлатанство можетъ придумать благовиднаго, употребляется ихъ издателями для обнадешенія ихъ

успѣховъ; вся Европа, и Россія въ особенности, дважды въ годъ бываетъ закидана ихъ программами, въ которыхъ заключаются самыя лестныя обѣщанія и самыя краснорѣчивыя призывы къ нашимъ карманамъ. Отвергнемъ эти лъстивыя приманки! докажемъ иностранцамъ, что мы, безъ ихъ пособія, въ состояніи сдѣлать у себя то же и въ то самое время, — и даже сдѣлать лучше!

Съ тѣмъ пламеннымъ чувствомъ, какое возбуждаетъ въ насъ каждое прекрасное начинаніе и все отечественное, поручаемъ мы вниманію благомыслящихъ нашихъ читателей предложеніе Г. Плюшара. Оно вполне достойно не только ихъ содѣйствія, но и покровительства. Энциклопедическій Лексиконъ, выходя въ свѣтъ отдѣленіями, по четыре тома въ годъ, можетъ почти считаться журналомъ съ годичною подпискою въ 40 рублѣй: и дѣйствительно, по формѣ и занимательности статей своихъ это родъ журнала, — разница только въ томъ, что онъ будетъ существовать определенное число годовъ (шесть лѣтъ), и разсуждать обо всемъ по алфавитному порядку. Чтобы нѣсколько себя обезпечить, Г. Плюшаръ слагаетъ двадцать пять процентовъ съ годичной подписной цѣны въ пользу тѣхъ, которые внесутъ деньги до 1 Января 1835 года: уступка безъ-сомнѣнія очень благородная, и жители ближайшихъ губерній конечно поспѣшатъ ею воспользоваться; но условіе ея немного тягостно для отдаленныхъ мѣстъ; которыя едва въ концѣ года получаютъ самую программу. Зачто жъ любителей чтенія и народности, обитающихъ въ тѣхъ странахъ, исключать изъ выгодъ преміи, определенной за поспѣшность, за ревность къ общей и къ своей пользѣ, за умѣніе быстро постигнуть и оцѣнить важность дѣла? Намъ по-крайней-мѣрѣ кажется, что Г. Плюшаръ могъ бы сдѣлать изъятіе для извѣстныхъ губерній хоть посредствомъ особаго объявленія, и, для Кавказа, Дона, Сибири и Бессарабіи, продлить урочный срокъ двумя или тремя мѣсяцами. Если только есть возможность, то мы просимъ бѣ сего принять наше посредничество въ пользу читателей нашихъ въ тѣхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи.

VII.

С М Ъ С Ъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Газовыя лампы и маяки.* Много писали о лампахъ, дающихъ ослѣпительный свѣтъ, и въ которыхъ употребляется известь и два газа, водородный и кислородный. Изобрѣтеніе однако жъ было неполно потому, что представляло многія практическія неудобства. Нынѣ Г. Рура уведомилъ Академію, что въ своихъ кислородно-водородныхъ лампахъ онъ удачно замѣнилъ известь гипсомъ, обдѣланнымъ въ видѣ плоской светилни. Когда струя зажженного газа направляется на стѣрнокислую известь, пламя бываетъ сначала слабое, а потомъ чрезвычайно яркое. Гипсъ разлагается, стѣрная кислота освобождается, и остается известь. По этому случаю, Г. Араго сообщилъ результатъ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ для примѣненія открытія капитана Друммонна къ маякамъ. Свѣтъ, производимый пламенемъ двухъ газовъ, устремленнымъ на цилиндръ извести, проходитъ сквозь увеличительное стекло. Въ направленіи оси онъ равняется свѣту двадцати тысячъ свѣтлостей. По мнѣнію Г. Араго, этотъ свѣтъ можетъ быть видимъ въ морѣ за шестьдесятъ и за восемьдесятъ верстъ. При геодезическихъ работахъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ Англіи, онъ былъ употребляемъ вмѣсто сигнала, который съ береговъ Англіи былъ виденъ въ Ирландіи. При томъ, этотъ свѣтъ, по своей яркости, проникаетъ густой туманъ, чего при обыкновенныхъ маякахъ не бываетъ. Между-тѣмъ, чтобы это примѣненіе сдѣлать общеупотребительнымъ, надобно еще отвратить многія затрудненія. Известь, скоро твердѣетъ, и тогда свѣтъ значительно ослабѣваетъ; пламя надобно непрерывно устремлять на новыя части цилиндра, и притомъ часто возобновлять; но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что какъ пламя при выходѣ своимъ весьма тонко, то оно почти не расходится въ разныя стороны. Однако

жъ эти неудобства не столь непреодолимы, чтобы не можно было надѣяться скорого усовершенствованія газовыхъ маяковъ.

2. *Причина чесотки.* Съ давняго времени нѣкоторые врачи утверждали, что подъ верхнею кожицею людей, больныхъ чесоткою, существуютъ маленькія насѣкомыя, изъ рода клещей. Были даже и рисунки съ изображеніемъ этихъ насѣкомыхъ. Какое соотношеніе существуетъ между ними и порожденіемъ или распространеніемъ этой заразной болѣзни? Случайно ли только существуетъ чесоточный клещъ подъ верхнею кожицею? Эти вопросы были неоднократно разсматриваемы, но досель оставались безъ разрѣшенія. Большая часть врачей отвергала существованіе клеща въ чесоточныхъ пузырькахъ, въ которыхъ многіе наблюдатели ихъ не находили. Г. Бодъ показывалъ въ Академіи шесть живыхъ клещей, вынутыхъ въ то же утро въ госпиталь Св. Лудовика у чесоточныхъ, которые къ нему приходили. Эти насѣкомыя находились подъ верхнею кожицею на концѣ бороздки, длиною въ линію, которая всегда начиналась въ пузырькѣ. Г. Рекуцци, который первый снова нашелъ ихъ, былъ, какъ кажется, руководимъ изысканіями Боноціо: этотъ ученый говоритъ въ одномъ своемъ сочиненіи о существованіи клеща подъ верхнею кожицею въ бороздкѣ, о чемъ упоминаетъ, по словамъ его, и Бакеръ, въ своемъ разсужденіи о микроскопѣ.

3. *Резиновое масло.* Г. Дюма представилъ отъ имени Гг. Биль и Эндерби летучее масло, полученное посредствомъ перегонки каучука, или резины. Извѣстно, что это вещество состоитъ только изъ угля и водорода. При перегонкѣ оно едва оставляетъ небольшой угольный остатокъ, и производитъ масло, въ которомъ Г. Дюма нашелъ 88 частей угля и 12 водорода; изъ 12 фунтовъ каучука получается 10 фунтовъ масла. Гг. Биль и Эндерби, перегоняя его во второй разъ, получили прозрачную жидкость, самую легкую изъ всѣхъ досель извѣстныхъ, потому что плотность ея составляетъ 0,640; она чрезвычайно летуча, лучше всякаго другаго вещества растворяетъ каучукъ,

который принимая снова твердый видъ, по испареніи масла, получаетъ опять всю свою упругость, — открытіе чрезвычайно важное при пылнѣшемъ стараніи употреблять резину для разныхъ предметовъ, при несомнѣнной ея пользѣ и несовершенствѣ средствъ, придуманныхъ для обращенія ея въ жидкое состояніе. Эта жидкость растворяетъ также и высушенную копаловую смолу, составляя такимъ образомъ весьма хорошій лакъ. Г. Дюма присовокупилъ, что торговля каучукомъ, во Франціи почти ничтожная, въ Англіи начинатъ распространяться. Онъ продается такъ дешево (по 12 коп. фунтъ), что его намѣрѣваются употреблять во флотъ для смоленія канатовъ и веревокъ. Въ Европѣ не имѣютъ понятія о томъ, какое огромное количество каучука производятъ жаркія страны. Одна Ява могла бы доставлять 2,500,000 фунтовъ каучука, если бы было куда сбывать его.

4. *Инструментъ для измѣренія пульса.* Г. Мажанди читалъ донесеніе объ инструментѣ, изобрѣтенномъ Гг. Гериссопомъ и Гарнье, и который они назвали сфингометромъ, или пульсометромъ. Этотъ инструментъ назначенъ для измѣренія пульса такъ, чтобы сдѣлать видными измѣненія въ обращеніи крови, которыя врачи наблюдали доселѣ посредствомъ осязанія. Если бы этотъ инструментъ дѣйствительно представлялъ средство измѣрять и съ точностію выражать главнѣйшіе феномены кровообращенія, то важный пунктъ въ Медицинѣ былъ бы доведенъ до совершенства, потому что врачъ самый искусный не можетъ приблизиться въ изслѣдованіи пульса къ совершенной достовѣрности, какъ бы ни изоцирено было его осязаніе.

Сфингометръ состоитъ изъ капиллярной трубки, открытой съ одного конца и оканчивающейся съ другой полусферической воронкою, закрытою круглымъ пузыремъ, прикрѣпленнымъ къ краю воронки. Определенное количество ртути впускается въ эту воронку, и придерживается стальнымъ краномъ. На трубкѣ означается произвольная лѣствица, раздѣляющая ее на 65 градусовъ. Пузырь этого инструмента прикладывается къ артеріи, которой біенія чувствительны. Кранъ открываютъ и жмутъ довольно сильно для того, чтобы ртуть поднялась въ часть, раздѣленную

на градусы. При всякомъ расширеніи артеріи, ртуть отталкивается и поднимается на нѣсколько градусовъ, а потомъ спускается, когда сжимается артерія. Но при употребленіи сфигмометра встрѣчаются затрудненія. Давленіе слишкомъ сильно или слишкомъ слабое можетъ уничтожить результаты или сдѣлать ихъ мало замѣтными. Это важно неудобство, потому, что указанія инструмента зависятъ отъ большій или меньшей ловкости того, кто его употребляетъ. Гг. Гериссонъ и Гарнье пробовали одинъ за другимъ артеріи тѣхъ же лицъ, не сообщая другъ другу своихъ наблюденій, и результаты, ими полученные, разнились между собою 2, 3 и даже 10 градусами. Г. Араго, признавая, что сфигмометръ — инструментъ весьма замысловатый и что врачи могутъ и нынѣ уже имъ пользоваться, полагаетъ, что, если изобрѣтатели хотятъ, чтобы приборъ ихъ вошелъ въ общее употребленіе, они должны сдѣлать его проще и такъ, чтобы указанія были, по возможности, независимыми отъ ловкости и предосторожностей наблюдателя.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Новая теорія горнія. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Докторъ Вильямсъ читалъ весьма занимательную записку объ этомъ предметѣ. Вотъ ея содержаніе. Положивъ, что горніе всегда есть произведеніе химическаго дѣйствія, болѣе или менѣе сильнаго, Г. Вильямсъ различаетъ нѣсколько степеней горнія. Онъ разсматриваетъ сначала простыя тѣла, въ которыхъ горніе происходитъ совершеннѣе, и потомъ переходитъ постепенно къ тѣмъ, въ которыхъ оно труднѣе производится. До новой теоріи Доктора Вильямса, извѣстны были двѣ крайнія степени въ лѣсвицѣ горнія. Съ одной стороны крайнюю степень составляли тѣла, которыя горятъ, отдѣляя наибольшее количество теплотвора, и твердыя тѣла, нагреваемые до-красна; съ другой вещества, отдѣляющія наименѣе теплотвора во время горнія, какъ напримѣръ фосфоръ, когда онъ горитъ при обыкновенной температурѣ, или сѣра, когда ее расплавляютъ на легкомъ огнѣ. Но теорія Доктора Вильямса показываетъ намъ, что ниже этой послѣдней степени горнія, существуетъ еще другая, которой открытіе

разливаетъ сильный свѣтъ на множество явленій, казавшихся доселѣ неизъяснимыми. Вотъ какимъ образомъ Докторъ Вильямсъ сдѣлалъ опытъ, доставившій ему этотъ важный результатъ.

Онъ заперся въ комнату, въ которой произвелъ совершенную теплоту; положилъ въ желѣзный шаръ разныя горючія вещества, какъ то, воскъ, масло, китовый жиръ, сало и проч. Нагрѣвая нѣсколько времени этотъ шаръ, онъ увидѣлъ, что изъ отверстія, находившагося въ верхней части его, выходитъ легкое пламя. Онъ разсмотрѣлъ это пламя и нашелъ, что оно совершенно отличнаго свойства отъ того, которое производится обыкновеннымъ горѣніемъ, и замѣтилъ сверхъ того, что это пламя не есть фосфорованіе сала, какъ говорили, когда сравнивали это вещество съ *spath-fluor* и другими ископаемыми; потому что, если бы это пламя было не что иное, какъ фосфорованіе сала, то оно не усиливалась бы отъ соприкосновенія съ кислородомъ, и не потухало бы при погруженіи въ угольную кислоту. Очевидно, что это пламя особаго рода.

Его должно почитать звеномъ, связывающимъ между собою горѣніе и гніеніе. При помощи этого открытія не мудрено объяснить столь обыкновенныя явленія внезапнаго возгорѣнія шерсти, сильно напитаанной овечьимъ потомъ, маслястой конопля, хлопчатой бумаги, угля, сыраго стна, турфа, льна. Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ поглощеніе кислорода, начинается гніеніе, и броженіе усиливается до того, что возвышаетъ температуру до 500 градусовъ. Тогда появляется пламя, открытое Докторомъ Вильямсомъ, и начинается обыкновенное горѣніе. Такимъ же образомъ можно объяснить и феноменъ внезапнаго возгаранія человеческого тѣла. Въ этомъ случаѣ разложеніе мяса возвышаетъ температуру тѣла, и тотчасъ производитъ небольшое пламя, замѣченное Докторомъ Вильямсомъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРНАГО МАСЛА. Изъ всѣхъ теорій, предложенныхъ естествоиспытателями, самая общепринятая та, которая приписываетъ образованіе горнаго масла подземному

горююю каменно-угольныхъ коней. Однако жъ, это объясненіе — чисто предположительное, потому что не видалъ еще горнаго масла послѣ пожаровъ, случающихся въ каменно-угольныхъ ломняхъ, и никому не удалось получить его посредствомъ переугливанія каменныхъ угольевъ ни на вольномъ воздухѣ, ни въ покрытыхъ сосудахъ. Докторъ Рейхенбахъ, полагая, что это обстоятельство могло зависѣть отъ способа перегонки, и особенно отъ того, что она производилась сухимъ путемъ, сдѣлалъ слѣдующій опытъ, который увѣнчался, какъ увидимъ, счастливейшимъ успѣхомъ.

Онъ всыпалъ въ большую желѣзную реторту 50 килограммовъ (122 фунта) крупно избитаго каменнаго угля, и развелъ его значительнымъ количествомъ воды. Каменный уголь взятъ былъ изъ Ославаны, въ двухъ миляхъ отъ Брюнна, и содержалъ много камамитовъ, сфеноптеровъ и окаменѣлыхъ зубовъ. Перегонка продолжалась до тѣхъ поръ, пока въ угольяхъ было еще хоть нѣсколько воды; но когда ея не стало, перегонка тотчасъ была остановлена, такъ что не могло произойти переугленія. Лишь только производенія перегонки начали показываться, Г. Рейхенбахъ замѣтилъ на водѣ масляный кругъ, и въ отверстіи снаряда слышанъ былъ запахъ горнаго масла. Это производство повторялось восемь разъ съ пятидесятью килограммами угля, и когда всѣ восемь произведеній были соединены, а потомъ отдѣлено масло и передвонено безъ примѣси, то вышло его полтора килограмма.

Такъ какъ количество полученнаго масла было незначительно, то Г. Рейхенбахъ вслѣлъ въ самой ломнѣ наложить въ сосудъ свѣжаго каменнаго угля, покрыть его и вынести къ нему на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ тотчасъ же подвергъ его перегонкѣ. Изъ этого угля вышло больше масла, чѣмъ изъ того, который пролежалъ нѣсколько времени въ амбарахъ.

Масло, получасное такимъ образомъ, совершенно чисто и прозрачно; однако жъ все остается въ немъ какой-то зеленовато-желтый отбѣнокъ, который, вѣроятно, исчезъ бы при вторичной перегонкѣ. Оно чрезвычайно тескуче, и

пахнетъ точно какъ горная смола. На открытомъ воздухѣ скоро испаряется; горитъ ярко и безъ свѣтлыни.

Докторъ Рейхенбахъ хотѣлъ распространить свои наблюденія на другіе роды каменныхъ угольевъ, но не получилъ горнаго масла, и даже перегоночная вода ни сколько имъ не пахла. Изъ этого опыта должно, повидному, заключать, что господствующее доселѣ мнѣніе, будто горное масло производится дѣйствиємъ весьма высокой температуры на горючія ископаемая, несправедливо. Очевидно, что горное масло существуетъ въ каменномъ углѣ, какъ составная его часть. Чтобъ отделить его совершенно, надобно разогрѣть уголь до кипяточнаго жару, и онъ не потеряетъ отъ этого ни одного изъ наружныхъ своихъ признаковъ, кромѣ блеска въ изломѣ.

«Если захотимъ узнать, продолжаетъ Докторъ Рейхенбахъ, какъ горное масло образуется въ углѣ, и откуда получаетъ оно первое свое начало, мы дойдемъ до столь же удовлетворительныхъ выводовъ. Давно уже я замѣчалъ разительное сходство, которое запахъ горнаго масла весьма часто имѣетъ съ терпентиновымъ, такъ что я приписывалъ это сходство подмѣсѣ, дѣлаемой продавцами изъ выгодъ; но какъ же я удивился, найдши тотъ же самый запахъ и то же сходство въ искусственномъ горномъ маслѣ, въ чистотѣ котораго я ни сколько не могъ сомнѣваться. Тутъ я удостовѣрился, что запахомъ терпентинъ подходитъ къ самому чистому горному маслу, и что чѣмъ оно чище, тѣмъ этотъ запахъ сильнѣе.

«Дальнѣйшее сравненіе физическихъ и химическихъ свойствъ естественнаго или искусственнаго горнаго масла и скипидара не позволяетъ мнѣ сомнѣваться въ сходствѣ этихъ двухъ маселъ, и заставляетъ предполагать, что главныя ихъ стихіи суть одніи и тѣ же. Когда вспомнимъ, что въ каменномъ углѣ попадаютъ всякіе остатки растений, и что образованіе его приписываютъ истребленію древнѣйшихъ прозябеній, тогда покажется вѣроятнымъ, что горное масло образовалось изъ растений, доставляющихъ терпентинъ, или, другими словами, что горное масло не что

нное, какъ терпентинъ изъ елей предшествовавшаго нашему вѣку. Не только дерево, но и большія скопища словыхъ уголь могли содѣйствовать къ этому явленію. Вотъ обстоятельство, повидимому не важное, но доставляющее намъ положительныя свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ допотопныхъ органическихъ тѣлъ. Горное масло, которое выходитъ изъ земли въ видѣ источниковъ, или которое собирается въ родникахъ, не зависить слѣдственно отъ горѣнія, но есть просто результатъ дѣйствія подземной теплоты; и намъ извѣстно, что даже не глубоко лежащіе слои каменнаго угля разогрѣваются до кипятичнаго жару, который потребенъ для гонки горнаго масла.»

УГРИ. Споръ объ угряхъ всдется очень давно между учеными, — не вразсужденіи ихъ вкуса или того, съ какимъ соусомъ слѣдуетъ подавать ихъ ко столу, а на счетъ образа ихъ рожденія. Извѣстный Англинскій естествоиспытатель, Джессъ, занимавшійся въ особенности наблюденіями надъ угрями, утверждалъ еще недавно, что эта порода родитъ живыхъ дѣтенышей. Напротивъ, Г. Яррель, натуралистъ тоже весьма уважаемый, считалъ угрей рыбами яецеродными. Никто однако жъ не могъ представить ясныхъ доказательствъ свосму мнѣнію. Наконецъ, вскрывъ множество живыхъ угрей въ разныя поры года, оба натуралиста вдругъ удостовѣрились, что угорь — дѣйствительно яецеродная рыба, какъ всѣ прочія рыбы, и что онъ переходитъ въ соленую воду для метанія икры. При благоприятной погодѣ, это происходитъ отъ Ноября до конца Января мѣсяца, и ходъ угрей бываетъ такъ правиленъ, что рыбаки, промышляющіе въ Темзѣ, ставятъ всегда мрежи отверзтіемъ противу теченія рѣки. Одни старые угри уходятъ въ море, изъ чего заключить можно, что переходы эти имѣютъ цѣлю метаніе икры. Молодые слѣдуютъ за старыми только до моря, и, дошедши до него, возвращаются назадъ. Г. Джессъ слѣдовалъ за ихъ ходомъ отъ Блакфрїарскаго моста до Чертсея. Удивительно, съ какимъ инстинктомъ совершаютъ они свои странствованія, не останавливаясь ни какими препятствіями на пути. Мы привели въ статьѣ чувствахъ и способностяхъ рыбъ (кн. 9)

любопытныя наблюденія Г. Джесса надъ переправою угрей черезъ плотины, и надъ воздушною экспедиціею ихъ на дерево, растущее подлѣ пруда въ окрестностяхъ Бристоля. Во время переходовъ своихъ, молодые угри идутъ обыкновенно густою колонною. Расчитано, что черезъ одно мѣсто рѣки проходитъ ихъ до 1,800 въ минуту.

Г. Яррель полагаетъ, что за дѣтенышей были принямы черви, находимые иногда во внутренности угрей, и что они-то подали поводъ считать эту рыбу между живородящими. Но и Аристотель уже говорилъ, что черви эти не суть порожденія угрей, а Г. Яррель, дѣлавшій многіе опыты надъ ихъ икрою, убѣдился самымъ положительнымъ образомъ, что маленькіе угри выходятъ изъ икорныхъ янчекъ не въ чревѣ матери, но въ водѣ, подобно другимъ рыбамъ.

Переходы въ другую воду совершаются угрями дважды въ годъ: въ первомъ изъ нихъ, по общему мнѣнію естественнытателей, старые угри, перешедши изъ рѣкъ въ море, не возвращаются уже болѣе въ прѣсную воду; молодые же, напротивъ, вступаютъ обратно въ рѣки. Вопреки этому мнѣнію, Г. Яррель полагаетъ, что переходъ старыхъ угрей въ море есть дѣйствіе не необходимости, но произвола, и что они точно также возвращаются въ рѣки, какъ и молодые. Причина, заставляющая ихъ предпринимать эти путешествія, заключается въ томъ, что рыба эта, ища въ зимнее время воды не столь холодной, удаляется въ устья рѣкъ, гдѣ, отъ смѣшенія прѣсной воды съ соленою, температура нѣсколько повышается. Желая удостовѣриться собственнымъ опытомъ, говоритъ Г. Яррель, какъ велико различіе между температурою воды въ рѣкѣ и температурою ея въ устьѣ, я воспользовался поездкою въ Рамсетъ, на пароходѣ. Вода прибывала; коль скоро приливъ соленой воды сдѣлался ощутителенъ для вкуса, температура ея стала повышаться, и мы еще не достигли Гревсенда, какъ она возвысилась двумя градусами. Приближаясь къ Нору, мы были встречены, первымъ приливомъ съ моря, и тутъ температура воды начала понижаться, несмотря на то, что

воздухъ сдѣлался значительно теплѣе. Въ четыре часа обогнули мы мысъ Нордъ-Форлендъ, и были застигнуты сильнымъ приливомъ съ открытаго пролива : температура совершенно соленой морской воды оказалась одинаковою съ чистою рѣчною, хотя температура воздуха возвысилась на 9°. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что прѣсная вода, смѣшанная съ соленою, бываетъ обыкновенно 2 градусами теплѣе каждой изъ нихъ въ особенности, — и вотъ одна изъ причинъ, отчего устья рѣкъ, впадающихъ въ море, вообще избилуютъ рыбою, и особенно угрями, которые очень чувствительны къ холоду. *В. М.*

СРЕДНЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ВРАЧЕЙ. Слишкомъ десять лѣтъ уже, говоритъ знаменитый профессоръ Касперъ, посвящаю я все мои свободныя минуты разысканіямъ объ этомъ предметѣ. Я изучалъ большую часть обстоятельствъ, измѣняющихъ продолженіе жизни человѣческой, и въ особенности тѣ, которыя касаются до отравленія разныхъ профессій. Уже за два вѣка передъ симъ дѣлано было много подобныхъ разысканій, и между-тѣмъ часть эта еще далеко не изслѣдована, потому что, за исключеніемъ книги Г. Денарсё о продолженіи жизни особъ обоюго пола, посвятившихъ себя монастырской жизни, все другія не представляютъ довѣренности, необходимой въ изысканіяхъ этого рода.

«Чтобы получить важнѣйшіе пункты сравненія, я собралъ свѣдѣнія о шести стахъ двадцати четырехъ смертныхъ случаяхъ у медиковъ и хирурговъ, большею частію Нѣмецкихъ; но я не смѣшивалъ съ ними анатомиковъ, ветеринарныхъ врачей, естественспытателей и медиковъ, посвятившихъ себя въ особенности Литературѣ. Я начиналъ исчисленія мои съ двадцатитрехлѣтняго возраста; но если бъ кому вздумалось начать ихъ съ двадцати четырехъ или съ двадцати пяти лѣтъ, то результаты ни сколько бы не измѣнились. Само собою разумѣется, что изъ слѣдующей таблицы нельзя выводить ни какихъ точныхъ заключеній о жизни какого-нибудь отдѣльнаго лица, но, несмотря на это, общія заключенія, какъ доказано опытомъ, чрезвычайно вѣрны.

Таблица смертности врачей.

Возрасть.	Число умершихъ въ каждаго изъ сихъ періодовъ.	Вероятное продолженіе жизни.	Возрасть.	Число умершихъ въ каждаго изъ сихъ періодовъ.	Вероятное продолженіе жизни.
25 лѣтъ.	2 чел.	35, 5.	58 лѣтъ.	10 чел.	11, 0.
24.....	1.....	34, 4.	59.....	17.....	10, 6.
25.....	4.....	33, 4.	60.....	12.....	10, 3.
26.....	3.....	33, 0.	61.....	15.....	9, 7.
27.....	7.....	32, 0.	62.....	14.....	9, 0.
28.....	5.....	31, 4.	63.....	19.....	8, 8.
29.....	5.....	30, 1.	64.....	20.....	8, 50.
30.....	5.....	29, 8.	65.....	11.....	8, 0.
31.....	11.....	28, 6.	66.....	18.....	7, 5.
32.....	8.....	28, 0.	67.....	6.....	7, 2.
33.....	11.....	27, 6.	68.....	16.....	6, 5.
34.....	11.....	26, 8.	69.....	9.....	6, 0.
35.....	8.....	26, 0.	70.....	17.....	5, 5.
36.....	7.....	25, 5.	71.....	14.....	5, 4.
37.....	8.....	24, 7.	72.....	15.....	5, 0.
38.....	14.....	24, 0.	73.....	14.....	5, 0.
39.....	8.....	23, 5.	74.....	13.....	4, 7.
40.....	9.....	22, 7.	75.....	10.....	4, 6.
41.....	11.....	22, 0.	76.....	9.....	4, 4.
42.....	6.....	21, 3.	77.....	8.....	5, 9.
43.....	8.....	20, 3.	78.....	10.....	5, 3.
44.....	8.....	19, 7.	79.....	4.....	5, 0.
45.....	11.....	19, 0.	80.....	11.....	3, 0.
46.....	4.....	18, 2.	81.....	6.....	4, 0.
47.....	14.....	17, 3.	82.....	5.....	4, 0.
48.....	11.....	16, 7.	83.....	5.....	4, 0.
49.....	12.....	16, 0.	84.....	2.....	4, 0.
50.....	13.....	15, 4.	85.....	3.....	4, 0.
51.....	8.....	15, 0.	86.....	2.....	3, 5.
52.....	11.....	14, 2.	87.....	0.....	2, 6.
53.....	10.....	13, 5.	88.....	2.....	2, 0.
54.....	18.....	12, 8.	89.....	4.....	1, 5.
55.....	14.....	12, 6.	90.....	1.....	0, 5.
56.....	13.....	12, 4.	91.....	2.....	0, 0.
57.....	8.....	11, 9.	92.....	0.....	0, 0.

«Эта таблица ясно показываетъ, какъ кратко поприще, предоставленное людямъ, занимающимся медицинскою практикою. Если мы положимъ, что обыкновенное продолженіе

жизни есть семьдесятъ пять лѣтъ, то увидимъ, что только четвертая часть врачей доживаетъ до этихъ лѣтъ, и только пятнадцать до восьмидесяти лѣтъ. Какъ горестно думать, что люди, которые въ молодости ревностно занимаются изученіемъ медицинскихъ наукъ, и потомъ практикою, въ надеждѣ подъ старость пожать плоды трудовъ своихъ, на половину бывають похищаемы смертію, не достигнувъ старости!

«Не бесполезно сдѣлать нѣсколько сравненій между смертностью врачей и людей другихъ состояній. Богословы всѣхъ болѣе имѣють надежды на долговѣчіе: они наслаждаются самою долгою жизнію, а врачи — напротивъ. Слѣдующая таблица показываетъ соотношеніе между ними.

<i>Лѣта.</i>	<i>Умерло: Врачей.</i>	<i>Богослововъ.</i>
Отъ 23 — 32	82	45.
— 33 — 42	149	58.
— 43 — 52	168	64.
— 53 — 62	212	182.
— 63 — 72	228	328.
— 73 — 82	141	255.
— 83 — 92	50	70.
	Всего 1000	1000

«Слѣдующая таблица доказываетъ, что врачи живутъ несравненно менѣе лицъ другихъ состояній. Изъ ста человѣкъ взятыхъ въ каждомъ классѣ, достигаютъ 70 лѣтъ:

Богослововъ.....	45.
Сельскихъ хозяевъ.....	40.
Высшихъ государственныхъ чиновниковъ.	55.
Купцовъ.....	55.
Военныхъ.....	52.
Низшихъ чиновниковъ.....	32.
Адвокатовъ..	29.
Художниковъ.....	28.
Преподавателей.....	27.
Практикующихъ медиковъ — только...	24.»

ПРЕЖНЯЯ НОВОСЕРБІЯ. Немногіе знаютъ нынѣ въ Россіи, гдѣ была Новосербія, и что съ нею сдѣлалось, но многіе, къ стыду образованныхъ чувствъ нашего вѣка, дѣлають изъ Гайдамаковъ отличныхъ геросовъ. Не измѣнимъ счи-

таемъ дать настоящее понятіе о той и о другихъ, составленное по свѣдѣніямъ, собраннымъ на-мѣстѣ.

Страна, лежащая по небольшимъ отраслямъ Карпатскаго хребта, нынѣ сѣверная часть Херсонской губерніи, подъ именемъ Заднѣпровской Украйны, со временъ Императрицы Елисаветы населена была вышедшими изъ-заграницы Сербами, Арнаутами и Черногорцами, которые, смѣшавшись съ Чигиринскими казаками, жили въ большихъ деревняхъ, раздѣленныхъ на роты, и долго составляли прекрасное пограничное войско, гусарь. Долго слова «гусаринъ» и «Сербинъ,» означая одно и то же, для слуха тамошнихъ молодыхъ людей были столь же пріятны какъ «казакъ» для Полтавскаго Малороссіянина. Да и самая страна скоро стала называться Новосербією; такъ какъ большая часть поселенцевъ, выведенныхъ при Хорватъ изъ-за Дуная, состояла изъ Сербовъ.

Возвышаясь между Днѣпромъ, Синюхою и Бугомъ, на горахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, Новосербія съ юга ограничивалась безпредѣльною степью, — разгульнымъ привольемъ Запорожцевъ, а къ сѣверу отдѣлялась она отъ Польши небольшими рѣчками Высью, Ирклѣйцемъ и Тясиномъ.

Несмотря на малое пространство, прелестный край этотъ обилелъ всеми произведеніями умереннаго климата. Небрежно разбросанныя цветущія нивы, дышавшія здоровьемъ и прохладою тѣнистыя рощи и покрытыя душистыми травами долины, не только всегда удовлетворяютъ ожиданіямъ трудолюбиваго, но и доставляютъ ему съ избыткомъ все нужное къ довольству и сельской роскоши.

Жители Новосербіи легко обходились безъ многихъ предметовъ утонченной жизни: живя въ простотѣ нравовъ и сердца, они долго не занимались ничемъ чужеземнаго; земледѣліе и скотоводство составляли единственный ихъ промыселъ. Правила общежитія утверждались у нихъ на самыхъ простыхъ, почти дѣтскихъ понятіяхъ о приличіи и обязанности. Неустойчивому должнику вмѣнялось въ неизгладимое пятно, если заимодавецъ снималъ съ него шапку на мірской сходкѣ или при выходѣ изъ церкви: обезславленный такимъ образомъ подвергался всеобщимъ насмѣ-

шкамъ, навсегда терялъ доброе имя, и нередко, отъ стыда, переходилъ въ другую деревню, гдѣ бы не указывали на него какъ на бездѣльника. Но лихоимство и заемныя обязательства, какого бы они рода ни были, считались однимъ изъ главныхъ непетеримыхъ между Христіанами пороковъ: безынтересное одолженіе вънуждѣ было, по мнѣнію Горцевъ, священнѣйшій долгъ каждаго чловѣка. Всякъ, кто преступалъ положительные пункты принятыхъ обычаевъ, былъ преследуемъ съ такою строгостію, что военное вѣдомство, въ силу настоятельныхъ требованій общества, часто принуждено бывало отсылать виновнаго въ дальнія Молдаванскія роты, находившіяся за Днѣпромъ, опасаясь въ противномъ случаѣ возмущеній, къ которымъ Горцы вообще очень склонны.

Находясь въ безпрестанной опасности отъ внезапныхъ нападений Ногайцевъ, бодрые поселенцы Новосербіи всегда ходили въ полномъ вооруженіи. Во время жатвы, обыкновенно разставляли они часовыхъ на высокихъ курганахъ, съ длинными шестами, по наклоненіи которыхъ, всѣ мужчины, бросивъ работу, тотчасъ принимались за оружіе. То былъ условленный знакъ. Въ тѣ времена въ глуши степей, тщательно скрывая движенія свои отъ поисковъ гусаръ и Запорожцевъ, Орда часто пробиралась разсыянными толпами въ Подолію, и какъ туча саранчи внезапно пожирала Польшу. Бывали случаи, что Татары шли туда прямо и черезъ Новосербію. Тогда жители ея, подозрѣвая не безъ основанія начальниковъ своихъ въ согласіи подѣлиться съ Ханомъ Польскою добычею, уходили съ имуществомъ на церковный погостъ, составлявшій въ каждой ротѣ родъ маленькой крѣпости, окопанной ровомъ и обнесенной дубовымъ, зубчатымъ частоколомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Татары при такихъ обстоятельствахъ спокойно продолжали путь свой далѣе, не трогая ничего, и только въ то время приступали къ грабежу, когда возвращаясь изъ неудачныхъ въ Польшу походовъ, бывали пристыжаемы и укоряемы убѣжавшими на погостъ поселенцами.

Не рѣдко и Запорожцы тревожили Новосербію, не дѣлая однако никому насилій. Отчаяннѣйшіе изъ нихъ люди безъ всякаго понятія о состраданіи и чести, безъ правилъ, безъ стыда, пзвѣстные между своими подъ именемъ Голтя-

накъ, «сперяхъ», каждое лето отиравались изъ Сѣчи на разбой въ Польшу, куда особенно заманивало ихъ изобиліе въ крѣпкихъ напитки. Отличаясь неизменною жестокостію, Сѣчевые безпачдно истребляли тамъ все попадавшееся въ руки, отъ человека до скота, и послѣ, на возвратномъ пути, заходили на некоторое время — погулять въ Новосербскихъ деревняхъ, и похвастаться передъ дѣвушками своимъ удалствомъ. Щеголяя иные въ парчевыхъ *кунтушахъ*, но вмѣсто сапогъ въ изношенныхъ *постолахъ*, обуви изъ нестигаго куска свиной кожи; другіе, въ бѣдныхъ, оборванныхъ полукафтанныхъ, и сафьянныхъ съ серебряными шпорами сапогахъ, Запорожцы, окруженные толпою услужливыхъ *шинкарей* и кабацкою голью, бродили изъ деревни въ деревню, гуляли, шли день и ночь на улицахъ и въ домахъ; наконецъ, щедро разсыпавъ за угощеніе награбленное въ Польшѣ золото, возвращались въ Сѣчь въ такой же бѣдности, съ какою оттуда вышли.

Существованіе Новосербиі, въ видѣ округа, состоявшаго на военныхъ правахъ, было не очнь продолжительно: скоро она поступила въ общее вѣдомство правительства; но жители долго удерживали свой воинственный духъ, и охотно любили называться гусарами до самаго конечнаго ея преобразования. Въ этомъ небольшомъ промежуткѣ времени, при мирныхъ своихъ занятіяхъ, они пользовались совершеннымъ благоденствіемъ; однако бѣдствія, порожденные въ Польшѣ Уніею, оставили и между ними страшныя воспоминанія.

Несчастныя времена извѣстны въ Новосербиі подъ именемъ Колівицны и Паливицны.

Въ Подоліи народъ, раздраженный насиліями пановъ и преслѣдованіемъ Православія, воспользовавшись вступленіемъ въ Польшу Россійскихъ войскъ, и вдругъ взъушевалъ подъ предводительствомъ какаго-то Гонты. Мстители безпачдно начали рѣзать Поляковъ и Жидовъ. Истребленіе послѣднихъ было тѣмъ ужаснѣе, что чернь думала, будто Жиды, примавивъ къ себѣ Христіанскихъ дѣтей, качаютъ ихъ въ бочкѣ, набитой острыми гвоздями, чтобы добыть свежей крови, и мазать ею глаза своимъ младенцамъ, которые рождаются слѣпыми какъ цыплята. Въ заднѣпровской Украинѣ двое

отчаянныхъ, Жельзнякъ, родомъ изъ Мельниковъ, и Иванъ-Усачъ изъ Медвѣдовки, деревень Чигиринскаго округа, составили изъ отважныхъ молодцевъ страшныя полчища подъ названіемъ Гайдамаковъ, и увели ихъ для большей безопасности въ густыя лѣса, покрывавшіе все пространство на предѣлахъ Польши съ Новосербією.

Сюда, по времени, стекались изъ окрестностей всѣ, кого неистовство Поляковъ, надежда на богатый грабежъ или неудачная любовь возбуждали къ ожесточенію. Праздно скитаясь по Днѣпровскимъ берегамъ и непроходимымъ дебрямъ, сбродъ молодыхъ людей, движимый мщеніемъ, корыстолюбіемъ и другими страстями, день со дня пріучался болѣе и болѣе къ отчаянному равнодушію и къ готовности на всякое злодѣйство. Въ такомъ положеніи часы бездѣйствія, сокращаемые пьянствомъ, сномъ и куреньемъ неугасаемыхъ трубокъ, текли медленно, грустно. Мрачныя, подобно окружавшей ихъ пустынь, Гайдамаки прерывали грозное ея молчаніе плаксивыми своими пѣснями, въ которыхъ слышались, то сердечная тоска по роди-нѣ, то сильное чувство обманутой любви, то неутѣшная скорбь о потерѣ друга, убитаго въ набѣдахъ; или отзывались, какъ завыванье голоднаго звѣря, ненасытная алчность къ мести и буйное разгулье. Наполнивъ въ лѣсахъ душу свою скукою и отчаяніемъ, радостно спышили они изъ своихъ убожищъ на кровавый пиръ, приготоленный злобымъ духомъ Ушии по всему пространству отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра и Западной Двины.

Иванъ-Усачъ остался въ Польскихъ предѣлахъ; но Жельзнякъ, для ближайшаго сообщенія съ Запорожцами, перешелъ въ соседственныя лѣсистыя пустыни Новосербіи.

Тамъ, въ глубокихъ оврагахъ, подъ сводами столѣтнихъ дубовъ, довольный варварскими своими походами, веселился онъ съ сподвижниками своей отважности стопами молодыхъ Полячекъ и Жидовокъ, обвернутыхъ намоченною въ горячую смолу пенькою, и привязанныхъ къ сухимъ колямъ, которыя служили ему вмѣсто факеловъ и потѣшныхъ огней; плясками пыльных Мазуровъ, обутыхъ въ набитые остры-

ми гвоздями сапоги, и визгомъ младенцевъ, подбрасываемыхъ на пикахъ подь тактъ музыки, въ виду матерей.

Жители деревень, прилегающихъ къ большому лѣсу, раздѣляющагося на двѣ отрасли, изъ которыхъ юго-восточная именуется Чернымъ Лѣсомъ, а сѣверная Чутою, долго болясь пролагать черезъ него дороги: въ немъ былъ станъ и гнѣздница Желѣзняка.

До сихъ поръ Черный Лѣсъ и Чута доставляютъ тамошнимъ жителямъ обильные предметы для разныхъ ужасающихъ рассказовъ; до сихъ поръ запоздавшему путнику чудится, будто онъ слышитъ въ томъ лѣсу то громкій призывный свистъ, то отдаленный крикъ погибающаго отъ руки убійцы. Къ тому, все почти понамари соседственныхъ приходовъ увѣряютъ, что въ ночь на Светлый праздникъ всегда виднѣтъ поднимающійся изъ Чернаго Лѣса необычайной величины огненный кругъ, который быстро катится по верху дѣрсуевъ къ Чутѣ, гдѣ въ видѣ дракона лопается и исчезаетъ: наконецъ весь лѣсъ клубится сплнмъ пламенемъ. Избави Богъ, говорятъ суевѣрные, отъ тѣхъ страховъ, какіе въ томъ лѣсу по ночамъ бываютъ. — Избави Богъ всякаго, говорятъ старики, дожить опять до такихъ времєнъ, въ какія мы жили!

Теперь въ Черномъ Лѣсу все мертво, и только въ захластѣяхъ виднѣются кой-гдѣ разбросанные черепы замученныхъ Жидовъ, наполненные многочисленными роями шмелей и осъ.

Каждый годъ, передъ началомъ своихъ опустошительныхъ набѣговъ, предводители Гайдамакъ совѣтовались вмѣстѣ, объ общемъ планѣ войны и о послѣдствіяхъ, какими она должна сопровождаться. Въ собраніяхъ этихъ, иногда рѣшали все предавать огню и мечу, иногда довольствовались однимъ душегубствомъ. Первый образъ войны назывался «Паливщиною», а второй «Коліивщиною.»

При наступленіи зимы, шайки Гайдамакъ, по неудобности и недостатку содержанія, оставивъ лѣса, расходились по Украинскимъ и Новосербскимъ деревнямъ — насильно требовать себѣ гостепримства отъ всякаго попадавшагося имъ на встрѣчу хозяина, который безусловно долженъ былъ доставлять незванымъ гостямъ, въ продолженіе зимы, пше-

но, сало и водку, подь опасеніемъ жестокихъ побоевъ *кѣлми*, если окажется недостатокъ въ этихъ предметахъ Малороссійской роскоши.

Пропивши съ Запорожцами все награбленное въ Польшѣ, Гайдамаки босые и безъ всякой одежды, кромѣ изодранныхъ въ лохмотьс рубашекъ и засаленныхъ ёламковъ, или бараньихъ шапокъ, вмѣсто которыхъ иногда употребляли они пузыри, качались всю зиму, съ *люльками* въ зубахъ, на солонь, осушивая еженедѣльно привозимую бочку горьлки; выдумывали отъ бездѣля адскія мученія для Ляховъ, Жидовъ и Полячекъ, сохраняя впрочемъ строгое уваженіе и приличіе къ хозяйкѣ дома; держали заклады, кто больше съестъ сала, *кулешу* (жидкой кашницы изъ пшена), и проч., и проигравшаго безжалостно съкли батогами. Проведя такимъ образомъ зиму, они, при наступленіи весны, требовали отъ хозяина достать непременно всякому изъ нихъ свиту и коня. Тогда Гайдамаки дѣлались опять ужасомъ для пшовецъ, пробирались до Умани и Бердычева, жгли города, ушивались кровью шляхты, грабили пановъ, и возвращались съ благодарностію къ прежнимъ хозяевамъ, дарили ихъ парчею, бархатомъ, чеканнымъ серебромъ, а наконецъ спѣшили на Печеную Балку, пропить остальное съ сотрудниками своими, Сѣчевыми, откуда вновь являлись на зимнія квартиры въ прежнемъ горемычномъ видѣ. Печеною Балкою до сихъ поръ называется, въ пыньшинемъ Ольвѣопольскомъ уѣздѣ, одинъ лотъ, въ которомъ некогда стоялъ кабакъ, находившійся подь особеннымъ покровительствомъ Сѣчевыхъ и Гайдамакъ, помѣсячно гулявшихъ тамъ послѣ своихъ походовъ. Гулянья сопровождалось, по варварскому обычаю, жестокими забавами. Пльнныхъ Поляковъ и Жидовъ жарили здѣсь въ разныхъ, ужасныхъ видахъ, отъ чего и мѣсто названо *Печеною Балкою*.

Къ чести Ивана-Усача, котораго огромные усы, торчащія изъ-подъ орлиного носа, приводили всякаго въ невольный трепеть, должно сказать, что онъ не лилъ крови подобно Желѣзнику, а только жестоко каралъ за коварство и обманы: часто хитростію выманывалъ изъ *ватаги* Желѣзника женщинъ и дѣтей, обреченныхъ на сожженіе въ Пече-

пой Балкъ, и отдавалъ ихъ подь сохраненіе монаховъ и монахинь Мотрешинскаго и Лебсдинскаго монастырей.

Упоминають объ одномъ только жестокомъ поступкѣ его, когда онъ, раздраженный Жидами вслѣлъ сечь городокъ Смилу со всеми жителями, исключая *крещеныхъ*, (Православныхъ), которымъ заблаговременно приказано выбраться оттуда. Три ночи зарево пожара отражалось на соседственныхъ синыхъ лѣсахъ; три дня солнце восходило и заходило въ видѣ кроваваго круга безъ лучей; трое сутокъ смрадный дымъ и удушливый чадъ клубились по отдаленнымъ окрестностямъ до Днѣпра и Тясмина: между-тѣмъ Гайдамаки бдительно сторожили кругомъ Смилы, чтобы ни одному Жиду, ни Поляку, не можно было избѣжать приготовленной гибели.

Пожаръ Смилы такъ памятенъ въ тѣхъ мѣстахъ, что составляетъ нѣкотораго рода эру, отъ которой старики любить вести свое лѣтосчисленіе, наравнѣ со взятіемъ Бендеръ и Очаковскою зимою.

Нѣсколько лѣтъ Гайдамаки торжествовали победы свои ужасами разрушенія, отчаяніемъ и муками Поляковъ: наконецъ, ихъ шайки, пріучившись къ праздности и душегубству, обратились въ самыхъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, нещадившихъ даже и своихъ единоземцевъ. Купцы, зажиточные поселяне и духовныя особы дѣлались жертвами ихъ остревенія и лютости.

Тогда Екатерина II, усмиривъ раздоры въ Польшѣ, прислала, по просьбѣ Поляковъ, эскадронъ гусаръ и два уланскихъ для истребленія мятежниковъ. Иванъ-Усачъ, въ общемъ собраніи *ватажковъ*, советовалъ добровольно покориться и не поднимать оружія противъ единовѣрныхъ: его не слушали. Эскадроны тронулись изъ Кіева къ Смилѣ, и Иванъ-Усачъ найденъ мертвымъ въ лодкѣ, плившей по Тясмину. Произошли споры, несогласія; часть бѣжала къ Запорожцамъ, и навела на всю Сѣчь страхъ извѣстіемъ, что «Москва уже поднялась». Сѣчевые призадумались, вспоминая древнее между ними преданіе, что Сѣчь неминуемо падеть отъ руки «Бѣлой Царицы», и что «Сѣверный Царь правдою и вѣрою положитъ конецъ всемъ крамоламъ». Тщетно другіе упорствовали; они были схвачены; отда-

ны Полякамъ, и умерли съ Жельзнякамъ смертію злодѣевъ, на кольяхъ и висѣлицахъ.

По уничтоженіи Сѣчи, могущественная воля Потемкина, великаго замыслами и роскошью, начала обращать все къ одной цѣли, — разрушенію Оттоманской Имперіи. Вдругъ, среди глухихъ степей, гдѣ прежде не было ни одного хуторка, ни одного деревца, возвысились города Николаевъ и Херсонъ. Нѣсколько сотъ семействъ было переведено изъ Великороссіи въ Новосербію, для рубки лѣса, годнаго на постройку кораблей, и Новосербія, потерявъ навсегда прежнее свое названіе, поступила въ число уѣздовъ Новороссійскаго края. Покрывавшіе се дремучіе лѣса совершенно исчезли: остались только Черный Лѣсъ да Чута, какъ гигантскія тѣни, напоминающія позднему потомству о бѣдствіяхъ вѣковъ прошедшихъ.

МАШИНЫ И ДѢТИ. Машины вообще требуютъ со стороны работниковъ болѣе вниманія, чѣмъ силы: почему, съ самаго начала употребленія ихъ надобно было предвидѣть, что часто работы можетъ быть производима женщинами и дѣтьми. Такимъ образомъ люди, которые дотолѣ оставались безъ дѣла, были употреблены, когда работа, производившаяся раздѣльно въ деревняхъ, была сосредоточена въ заведеніяхъ, снабженныхъ машинами. Эта перемѣна была сначала благодѣяніемъ для тѣхъ, которые первые ею воспользовались. Плата, получаемая матерью и дѣтьми, присоединившись къ жалованью отца, доставила имъ возможность и лучше ѣсть и лучше одѣваться, чѣмъ при прежней системѣ.

Между-тѣмъ, это такъ не осталось. Новые совѣстники захотѣли раздѣлить выгоды первыхъ, и задѣльная плата по необходимости понизилась отъ этого соперничества, потому что увеличеніе работы не равнялось увеличенію числа работниковъ. Между-тѣмъ заработную плату можно было понижать только до известной степени: тогда начали постепенно увеличивать рабочій день. Но этого мало: работа, и безъ того трудная, сдѣлалась еще тягостнѣе отъ неравнаго распредѣленія.

Когда паденіе Наполсона открыло Англійской торговлѣ и

фабрикаціи новыя источники сбыта, дешевизна сдѣлалась первымъ условіемъ успѣха: тогда, со всѣхъ сторонъ потребовали дѣтей для исполненія работъ менѣе трудныхъ, и родители, обольщенные прибылью, не побоялись подвергнуть дѣтей своимъ этому роду рабства. Въ такомъ возрастѣ, когда ребенку средняго класса не позволяютъ перейти черезъ улицу безъ провожатаго, эти малютки уже были удерживаемы по тридцати и тридцати шести часовъ почти непрерывно за работою однообразною и утомительною. Положеніе ихъ возбудило заботливость филантроповъ и они, своими жалобами и прошеніями, обратили наконецъ вниманіе правительства на несчастныя жертвы. Въ 1832 году Нижняя Палата нарядила комиссію для разсмотрѣнія положенія этихъ юныхъ работниковъ и для изслѣдованія основательности жалобъ. Вотъ результаты произведенныхъ Комиссіею разысканій.

Продолжительность работы, требуемой ежедневно, не одинакова въ Шотландіи и Англій. Въ первой изъ сихъ странъ она составляетъ обыкновенно отъ двѣнадцати до двѣнадцати съ половиною часовъ; въ Англій отъ одиннадцати до четырнадцати. Дѣти принимаются въ работники, начиная съ семи лѣтъ, по большею частію только съ десяти. Въ этомъ возрастѣ они получаютъ отъ двухъ до трехъ шиллинговъ въ недѣлю (отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп.), отъ десяти до пятнадцати лѣтъ дѣвочки получаютъ обыкновенно отъ пяти до пяти шиллинговъ съ половиною (отъ 6 р. 25 к. до 6 р. 92 $\frac{1}{2}$ к.) За прибавочные часы работы платится по пенни (10 к.) за часъ. Изъ этого жалованья удерживается еженедѣльно небольшая сумма на издержки въ случаѣ болѣзни; сверхъ-того фабрикантъ удерживаетъ всякую недѣлю отъ двухъ до трехъ пенсовъ до конца истеченія срока условія; работникъ не имѣетъ права требовать возвращенія этой суммы, если онъ оставилъ работу добровольно, или если уволенъ за какую-нибудь вину. За малѣйшее опозданіе на работу, налагаются сильныя пени.

Съ дѣтьми особенно дурно обходятся на небольшихъ фабрикахъ. Напротивъ того, на фабрикахъ обширныхъ и недавно устроенныхъ, съ ними обращаются несравненно

человѣколюбивѣе; оба пола не смѣшиваются, и дѣтей не наказываютъ тѣсно, какъ это часо бываетъ на старыхъ фабрикахъ.

Дѣйствія работы чрезвычайно пагубны для здоровья дѣтей. Въ этомъ отношеніи, существуетъ большая разность между мануфактурами, устроенными въ деревняхъ, и теми, которыя находятся въ большихъ городахъ, — что зависитъ частію отъ вліянія воздуха и пищи. Въ первыхъ мастерскія лучше провѣтриваются, и пища бываетъ здоровѣе и обильнѣе.

Списокъ мѣстныхъ и общихъ недуговъ, которыми страдаютъ люди, употребляемые съ малолѣтства на фабрикахъ, чрезвычайно великъ. Кажется, впрочемъ, что люди, писавшіе объ этомъ предметѣ, вообще преувеличиваютъ вліяніе фабричной работы на развитіе костянаго состава и особенно талии, которая, по изслѣдованію членовъ Коммисіи, бываетъ безобразною не такъ часто, какъ можно было бы полагать. Но болѣзни плюсныя, опухоль ногъ, особенно у женщинъ, язвы, глазныя болѣзни, весьма обыкновенны между работниками; нечистота воздуха, возвышенная температура мастерскихъ, сырость, необходимая для приготовленія тканей, производятъ, особенно у дѣвочекъ, охриплость и кашель, оканчивающіяся почти всегда одышкою и чахоткою; послѣдняя болѣзнь такъ обыкновенна, что можетъ быть чрезвычайное распространеніе этой болѣзни въ Англии въ сравненіи съ другими странами происходитъ не столько отъ разности климата и температуры, какъ отъ множества заведеній этого рода. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ обширными статистическими разысканіями. Какъ бы то ни было, но машины, которыя такъ увеличиваютъ массу произведеній для удобствъ чловѣка, въ то же самое время истребляютъ родъ его, и за пользы, приносимыя родителямъ, пожираютъ ихъ потомство. Люди, осторожно съ машинами!

Мѣры, предписанныя новымъ биллемъ, далеко не соответствуютъ ожиданіямъ, возбужденнымъ обширными разысканіями Коммисіи; но между-тѣмъ эти мѣры принесутъ большую пользу и притомъ она будетъ первымъ шагомъ къ преобразованію полнѣйшему. Вотъ правила, постановлен-

ныя этимъ закономъ. Дети моложе девяти лѣтъ ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть употребляемы въ работу на фабрикахъ, и до осмнадцати-лѣтняго возраста не должны работать ночью, то есть, съ половины девятаго по полудни и до половины шестаго по полуночи. Дети отъ девяти до тринадцати лѣтъ должны работать не болѣе осьми часовъ въ день и сорока осьми часовъ въ недѣлю; дети отъ тринадцати до осмнадцати, не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки или шестидесяти-девяи часовъ въ недѣлю. Возрастъ ребенка всегда долженъ быть засвидѣтельствованъ врачомъ, и четыре инспектора будутъ наблюдать за исполненіемъ постановленій этого билля. Всѣ дети, отъ десяти до тринадцати лѣтъ обязаны ходить въ школу, по выбору родителей или военитателей, по-крайней-мѣрѣ два часа въ недѣлю, и ежемѣсячно представлять инспектору свидѣтельство учителя о томъ, что они бывають въ классахъ. Но все это не вымечитъ ихъ отъ чахотки.

ЧУГУННЫЯ ДОРОГИ ВЪ АМЕРИКѢ. Первою етспенью настоящей образованности, говорилъ Франклинъ, были хорошія шоссе; второю суть каналы; третьею будетъ — еухонутное еообщеніе на машинахъ. Онъ, кажется, угадывалъ, что пары скоро будутъ весь грузъ корабля тащить на колесахъ по желѣзнымъ колеямъ съ быстротою вѣтра. Предсказаніе сбывается. Множество такихъ колеѣ уже вырыто въ старой почвѣ Европы; но въ Америкѣ чугуныя дороги — мода, страсть, бредъ, всеобщее занятіе. Въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ есть даже особый «Журналъ чугуныхъ дорогъ», *Railroad Journal*. Въ разговорахъ вы слышите слово *railroad* по-крайней-мѣрѣ разъ въ каждыя десять минутъ. Въ Нью-Йоркѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, я осматривалъ бассейны для починки кораблей (*docks*). Показавъ мнѣ *dry-dock* и два или три другіе *docks*, проводникъ мой, большой охотникъ до чугуныхъ дорогъ, повелъ меня на *railroad-dock*, въ которомъ корабли движутся по чугуной дорогѣ. Я нашелъ чугуныя дороги въ Виргиніи, въ глубинѣ угольныхъ ломокъ. Въ Филадельфій я обозрѣвалъ превосходный емпрительный домъ, *Warden*. Г. Вудъ, управляющій этимъ заведеніемъ съ ревностію и

человѣколюбіемъ, показалъ мнѣ кельи заключенныхъ, дворы, на которыхъ они прогуливаются, кухню, въ которой кушанье готовится посредствомъ паровъ, и когда я хотѣлъ уже проститься съ нимъ, сказалъ мнѣ: «Но вы еще не все видели: я покажу вамъ мою чугунную дорогу.» И въ самомъ дѣлѣ, въ тюрьмѣ есть чугунная дорога, во второмъ этажѣ: по ней возятъ въ телѣжкѣ кушанье заключенныхъ. Близъ небольшого городка въ Виргиніи, Петербурга, при паденіи Апшоматокса, есть прекрасная чугунная дорога. Тамашній купецъ Г. М*** водилъ меня на свою табачную фабрику, въ которой работа производится особыми способами. Мы ходили по мастерскимъ, посреди маленькихъ черныхъ невольниковъ, которыми онѣ населены. Г. М*** сказалъ мнѣ: «Вы любите чугунные дороги, такъ вамъ непременно надобно посмотреть дорогу моей фабрики.» Мы перешли въ мастерскую, въ которой табакъ набивается въ ящики. Машина, производящая давленіе, весьма необыкновеннаго устройства: главная часть ея, чугунная дорога, привѣшенная къ потолку. Нѣкто Следъ, богатый чудакъ, вельмѣ на великолѣпной дачѣ своей въ окрестностяхъ Филладельфин отодвинуть кухню саженъ на триста отъ дома, чтобъ не слышать стука поварскихъ пожей и не обонять жирнаго дыма, и провелъ, изъ кухни въ столовую крытую чугунную дорогу, по которой блюда привѣзжаютъ на столъ, и тарелки отправляются со стола къ судомойкамъ въ коляскѣ, движущейся помощію паровой машины величиною съ большой самоваръ. Такимъ образомъ Американцы провели чугунные дороги въ водѣ и во внутренности земли, даже повѣсили ихъ на воздухѣ; практическая ихъ смѣтливость такъ хорошо постигла всѣ выгоды этого изобрѣтенія, что они примѣняютъ ее вездѣ и ко всему, иногда даже и не кстати. Если ужъ они не могутъ устроить настоящей чугунной дороги, положительной и особенно полезной, черезъ поля, отъ рѣки къ рѣкѣ, отъ города къ городу, отъ области къ области, то дѣлаютъ потѣшную чугунную дорогу для собственного своего удовольствія, въ видѣ игрушки, употребляя ее хоть въ шутку.

Отъ Бостона до Новаго-Орлеана двѣ тысячи пять сотъ пятьдесятъ верстѣ. Между-тѣмъ весьма вѣроятно, что эта

огромная линія будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ уложена чугушными дорогами, идущими отъ бухты къ бухтѣ, отъ рѣки къ рѣкѣ; такъ чтобы нетерпѣливые спекулянты могли употреблять крылья своихъ паровыхъ повозокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не могутъ пользоваться крыльями паровыхъ еудовъ. Это не пустой проектъ, но предпріятіе, отчасти уже совершенное. Чугунная дорога изъ Бостона въ Провиденцію (на Нью-Йорской дорогѣ) уже строится; работы идутъ по Американской модѣ, то есть, чрезвычайно скоро; во всемъ свѣтѣ нѣтъ другаго народа, который бы такъ спѣшилъ наслаждаться плодами трудовъ своихъ. Между Нью-Йоркомъ и Филадельфіею, намѣреваются открыть въ нынѣшнемъ году не одну, а двѣ соперническія дороги, одну по правому, другую по лѣвому берегу Делавары; и изъ одной столицы въ другую можно будетъ переѣзжать въ семь часовъ: чстыре часа по чугушнымъ дорогамъ и три часа на пароходѣ по прекраснымъ водамъ Гудсона въ великолѣпной бухтѣ Нью-Йоркской, которую Американцы, люди не очень скромные, сравниваютъ съ Неапольскимъ заливомъ. Изъ Филадельфій въ Балтиморъ ѣздятъ по Делаварѣ и Чезенику, и по чугушной дорогѣ между Ньюкастлемъ и Френчтоупомъ, въ восемь часовъ; изъ Балтимора въ Вашингтонъ положено провести чугушную дорогу; компанія составлена, утверждена, акціи разобраны и работы начаты, — все въ нѣсколько мѣсяцевъ. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ (въ Сѣверной Каролинѣ) устроено уже тридцать шесть верстъ чугушной дороги отъ послѣдняго города. Нынче составлена и утверждена компанія для окончанія остальной части дороги, то есть, для соединенія Ричмонда съ Потوماкомъ (45 верстъ), а Потомакъ ведетъ къ главному федеральному городу, проходя у подошвы Монъ - Вернона, прелестнаго помѣстья, принадлежавшаго Джоржу Вашингтону, гдѣ протекла его старость, и гдѣ возвышается его екронная могила. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ, любители пароходовъ могутъ слѣдовать другимъ путемъ. Спустиась по Чезенику до Норфолька, они найдутъ тамъ другую чугушную дорогу въ 105 верстъ, которой треть уже окончена, и которая доведетъ ихъ до Блекелея и даже нѣсколько далѣе. Блекелей городъ совсѣмъ новый, котораго не найдете

ни на одной картѣ: это старшій и досель еще единственный сынъ дороги Петербургской. Изъ Блекслея въ Чарльзтоунъ далеко, но люди здѣсь предприимчивы, и притомъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было такъ удобно и такъ дешево устроить чугушную дорогу; почва инвентирована самою Природою, и обширныя лѣса, ее покрывающіе, доставятъ лѣсъ, необходимый для дороги, потому что здѣсь чугушныя дороги строятся большою частію изъ дерева. Изъ Чарльзтоуна чугушная дорога въ сто пятьдесятъ семь верстѣ съ половиною (самая длинная изъ всѣхъ досель извѣстныхъ) ведетъ въ Огуста (въ Георгіи); между Огуста и Монтгомери (въ Алабамѣ) надобно еще проѣхать большое пространство. Изъ Монтгомери пароходы идутъ внизъ по Алабамѣ до Мобилля, по тѣ, которые не хотятъ ѣхать изъ Мобилля въ Новый-Орлеанъ, поклонившись мимоѣздомъ Мексиканскому Заливу, найдутъ въ скоромъ времени чугушную дорогу, которая избавитъ ихъ отъ необходимости воздавать эту почесть памяти великаго Кортеса.

Черезъ десять лѣтъ все это будетъ окончено; по всему этому пространству станутъ ходить машины, — если только нынѣшній переломъ окончится благополучно. Десять лѣтъ — долго. Въ наше время предприятие, исполненія котораго надобно ждать десять лѣтъ, кажется романомъ, мечтою. Но въ отношеніи къ чугушнымъ дорогамъ, въ Америкѣ уже много сдѣлано. Въ Пенсильваніи, гдѣ, по послѣдней переписи (1830), считалось 1,547,670 жителей, есть чотыреста пятьдесятъ пять верстѣ чугушныхъ дорогъ, которыя уже окончены или будутъ окончены въ нынѣшнемъ году, и большею частію въ два ряда, не говоря о чугушной дорогѣ во сто двадцать шесть верстѣ, которую Филадельфійскіе капиталисты провели по землѣ небольшихъ штатовъ Нью-Джерсея и Делавара. Во Франціи чугушныхъ дорогъ только сто одиннадцать верстѣ, то есть, менѣе того, что Филадельфійскіе купцы, по своей щедрости, подарили бѣднымъ своимъ сосѣдямъ. Нью-Йоркскій штатъ, котораго народонаселеніе самое смѣлое и самое счастливое въ своихъ предпріятіяхъ, имѣетъ только чотыре или пять небольшихъ чугушныхъ дорогъ; но если хотя шестая часть пред-

положенныхъ и дозволенныхъ Правительствомъ дорогъ будетъ устроена, то Нью-Йоркъ не уступитъ Пенсильваніи. Кунцы въ Бальтиморъ, городъ, въ которомъ, при объявленіи независимости, было только шесть тысячъ жителей, а теперь считается восемьдесятъ, вздумали устроить чугунную дорогу отъ себя въ Огаіо, на пространствѣ четырехъ сотъ пятидесяти верстъ. Вздумали, и начали; треть этой дороги уже готова. На востокъ отъ Огаіо и Миссисипи есть чугуныя дороги окончанныя, дороги начатыя, дороги предначертанныя. На большей части изъ нихъ дѣйствуютъ паровыя машины, даже и въ Аллегансахъ, гдѣ дорога представляетъ страшные склоны: эта дорога назначена для однихъ товаровъ. Есть дороги и хорошія, и дурныя. Есть дорогія (120,000 р. верста), и дешевыя (40,000 р. верста). Въ Новомъ-Орлеанѣ есть тоже чугунная дорога, правда, очень скромная, только въ семь верстъ съ половиною; но скоро будутъ и другія. Виргинія, которой народонаселеніе немногочисленно и довольно бѣдно, имѣетъ уже сто шесть верстъ съ половиною готовой дороги, и сто пятьдесятъ четыре версты дороги строящейся, не говоря о той, которая будетъ начата въ нынѣшнемъ году.

Эти быстрые успѣхи въ производствѣ публичныхъ работъ, многочисленность и дѣятельность коммерческихъ заведеній, какъ напримѣръ банковъ, и ихъ благосостояніе, часто составляютъ въ Европѣ, особенно во Франціи, предметъ самыхъ несомнѣтельныхъ объясненій. Есть головы, которыя утверждаютъ, что это плодъ республиканскаго образа правленія, и что если какой народъ хочетъ наслаждаться подобными выгодами, то прежде всего долженъ учредить у себя республику. Эти головы такъ точно знаютъ Америку, какъ Американскія паровыя повозки Политическую Экономію! Вся тайна дивныхъ успѣховъ этого края въ промышленности и благосостояніи заключается въ одной, главной, непродолимой, господствующей страсти Англо-Американцевъ, — корыстолюбіи. Они ей преданы; она управляетъ всѣми ихъ помыслами. Можно написать томы самыхъ прекрасныхъ проповѣдей противъ этой страсти: она гнусна, отвратительна, безнравственна, все что вамъ угодно, — но въ промышленности и физическомъ процвѣтаніи народовъ

она дѣлаетъ чудеса. Сѣверная Америка есть старшая и прекраснѣйшая дочь корыстолюбія, которое не имѣетъ ничего общаго съ правительственными формами. Созданный имъ духъ промышленности, духъ дѣятельный, могущественный, дивотворный не только не состоитъ въ связи съ республиканскими формами, но еще очевидно ихъ подавляетъ. Всѣ люди богатые, значительные, умные, заняты оборотами, предпріятіями и стяжаніемъ богатства; почти никто изъ нихъ не думаетъ о выборахъ, совѣщаніяхъ и другихъ политическихъ обязанностяхъ гражданина республики, и дѣла общественныя каждый день болѣе и болѣе переходятъ въ руки праздныхъ интригантовъ безъ состоянія и безпокойныхъ журналистовъ. Это посылало уже раздоры, и во многихъ мѣстахъ произвело опасныя потрясенія. Республика начинаетъ уже мѣшать промышленности, а богатство республикѣ, которая можетъ существовать только между нищими. Однажды спросилъ я Г-на Ф***, члена тамошней Палаты депутатовъ, весьма уважаемаго въ публикѣ, для чего Соединенные Штаты строятъ столько чугунныхъ дорогъ въ одно и то же время. «Для того», сказалъ мнѣ онъ равнодушно, «чтобъ скорѣе пріѣхать къ монархіи.»

ЛОВЕЛЛЬ. Кто знаетъ Ловелль? Кто слыхалъ объ немъ въ Европѣ? Ловелль есть новое чудо духа новѣйшей промышленности. Ловелль есть городъ, который родился за одиннадцать лѣтъ передъ симъ, и въ которомъ теперь считается, вмѣстѣ съ Бельведерскимъ сто предметіемъ, отъ 14 до 15,000 жителей. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, это была бѣдная земля, невоздѣланная пустыня, которой тишина возмущалась только журчаніемъ рѣчки Конкорды, и шумомъ волнъ Мерримака, ударяющихся о гранитныя скалы, которыя вдругъ заграждаютъ имъ дорогу. Нынѣ это самое мѣсто уставлено огромными строеніями, въ пять, шесть, семь этажей, каждое съ небольшою бѣлою колокольнею, которая рѣзко отдѣляется отъ красныхъ кирпичныхъ стѣнъ, и явственно отличается отъ темнаго цвѣта холмовъ, ограничивающихъ горизонтъ. Тутъ же видите вы небольшіе домики четвероугольные, деревянные, выкрашенные бѣлою краскою, съ зелеными ставнями; домики чистенькіе, хоро-

шо затворяющіеся, уложенные коврами, окруженные деревьями; или каменные дома въ Англійскомъ вкусѣ, то есть, красивые и простые снаружи, удобные внутри; съ одной стороны лавки, кладовыя, модныя магазны, потому что женщины въ Ловеллѣ больше чѣмъ мужчины; большіе дома на Американскій манеръ, похожіе на казармы; съ другой каналы, гидравлическія колесса, водопады, мосты, плавильни, банки, школы, книжныя лавки, потому что въ Ловеллѣ много читаютъ, и чтеніе—единственное развлеченіе, которое тамъ можно имѣть; въ Ловеллѣ издается семь журналовъ. Со всѣхъ сторонъ возвышаются церкви всѣхъ возможныхъ сектъ, епископскія, баптистскія, конгрегационалистскія, методистскія, универсалитетскія, унитаріальныя и проч., и проч.; есть также и католическая часовня. Тутъ есть всѣ зданія цвѣтущаго города Стараго Свѣта, за исключеніемъ только тюремъ и госпиталей. Со всѣхъ сторонъ слышны удары молотковъ, шумъ машинъ, утковъ, звонъ колоколовъ, сзывающихъ на работу или бьющихъ шабашъ, стукъ прѣзжающихъ или отѣзжающихъ дилижансовъ въ шесть лошадей; громъ пороха, которымъ взрываютъ скалы, чтобы прочистить дорогу водѣ, движущей колеса, или чтобы уравнять почву; мирное жужжаніе трудолюбиваго народонаселенія, котораго всѣ движенія размѣрены какъ ходъ часовъ; народонаселенія, которое родилось не въ Ловеллѣ и котораго большая половина окончить жизнь гдѣ-нибудь далѣе, принявъ постепенно участіе въ основаніи трехъ или четырехъ городовъ. Американецъ *чистой крови* имѣетъ ничто общее съ Киргизомъ: онъ не селится, а только кочуетъ на землѣ, имъ занимаемой.

Въ Массачусетъ и небольшихъ сосѣднихъ штатахъ, составляющихъ такъ называемую Новую Англію, есть много мануфактурныхъ городовъ, подобныхъ Ловеллю; но ни одинъ не достигъ столь дивнаго развитія. Вотъ какимъ образомъ туземецъ, хорошо знающій своихъ соотечественниковъ, рассказывалъ мнѣ о происхожденіи всѣхъ этихъ промышленныхъ мѣстъ и Ловелля въ особенности.

«Въ 1812^о году, сказалъ онъ мнѣ, Соединенныя Штаты объявили Англій войну, для защиты чести своего флага. Бостонъ и вся Новая Англія воспротивилась этой войнѣ, что на-

влекло на нихъ и навлекаетъ еще и понынѣ упреки отъ нихъ соотечественниковъ, центральныхъ и южныхъ штатовъ. Но между-тѣмъ они не менѣе другихъ чувствовали оскорбленіе, нанесенное ихъ флагу владыками океана. Но настоящіе *Янки* ничего не дѣлають, такъ какъ другіе. Для достиженія своей цѣли они всегда употребляютъ средства, которыя никому не приходили въ голову. Они *расчислили* (Американцы расчисляютъ все на свѣтъ: это любимое ихъ слово), они расчислили, что главный источникъ богатства Англіи суть ея хлопчато-бумажныя фабрики, и рѣшились вести съ нею войну, заводя у себя фабрики того же рода, чтобы подорвать тѣ, которымъ она обязана своимъ благосостояніемъ.

«Лѣтъ десять прошло въ опытахъ, попыткахъ, предварительныхъ работахъ для обученія собственныхъ работниковъ и заведенія фабрикаціи машинъ. Въ 1825 году Компанія Merrimackcorporation основалась въ Ловелль, гдѣ Мерримакъ, падая вдругъ съ высоты 52 футовъ, образуетъ огромную движущую силу. Потомъ явился одна за другою компаніи Гамильтонъ, Эпплтонъ, Ловелль, Суффолькъ, Тремонтъ, Лоренсъ. Вотъ и Ловелль. Ему дали имя негоціанта, который былъ однимъ изъ первыхъ основателей бумажныхъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Этотъ городъ не какое-нибудь богоугодное заведеніе, не убѣжище гонимыхъ, не военный постъ: это одна изъ спекуляцій Бостонскихъ купцевъ. Тотъ же промышленный духъ, который внушилъ имъ въ прошломъ году перевезти грузъ льда изъ Бостона, за мысъ Горпъ, въ Калькутту, этотъ же самый духъ заставилъ ихъ построить на свой счетъ цѣлый городъ со всѣми заведеніями, необходимыми для народа образованнаго, и выработывать въ этомъ городѣ ситцы и набойки; и они совершили предпріятіе свое съ успѣхомъ, обыкновеннымъ во всѣхъ ихъ спекуляціяхъ. Дивидендъ Ловелльскихъ мануфактурныхъ компаній всегда почти составляетъ 5 или 6 процентовъ въ полгода.»

Это изложеніе весьма точно. Хлопчато-бумажныя фабрики, которыя завелъ въ Америкѣ со времени войны ея съ Англіею, дѣлають большіе успѣхи, хотя послѣднія измѣненія въ тарифѣ, произведенныя по требованіямъ Южной Ка-

рошны, нѣсколько охладил мануфактурную дѣятельность. Бостону хотѣлось бы имѣть позади себя Ланкашейръ, такой же какъ у Ливерпуля. Какъ водопадъ въ Новой Англіи весьма много, то тамъ долго еще можно будетъ обходиться безъ паровыхъ машинъ. Эта часть Американской земли вообще не плодородна: чтобы переселить на эту землю удобства жизни, необходимы были постоянство и даже упрямство пуританъ. Почва не ровна, гориста, холодна; здѣсь начало цѣпи Аллеганскихъ горъ, которая потомъ идетъ къ Мексиканскому Заливу, удаляясь отъ берега Атлантическаго Океана. Водяныхъ токовъ тамъ весьма много, и они вообще быстры. почему, можно дѣлать много плотинъ и, слѣдственно, строить мануфактуры. Жители обладаютъ въ высочайшей степени геніемъ Механики; они терпѣливы, внимательны, изобрѣтательны; они необходимо должны успѣвать въ мануфактурномъ дѣлѣ. Впрочемъ это уже и доказано: Ловелль — маленькій Манчестеръ. Тамъ выдѣлываютъ ежегодно до пяти милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, не говоря о шерстяныхъ матеріяхъ, казимирахъ, коврахъ. Въ дѣло идетъ ежегодно болѣе тридцати тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги, то есть, шестая часть всего количества, обрабатываемаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Чтобы дополнить сходство между своимъ городомъ и Ливерпулемъ, Бостонскіе купцы рѣшились устроить чугунную дорогу между Бостономъ и Ловеллемъ; разстояніе между ними составляетъ сорокъ пять верстъ. У нихъ уже былъ каналъ, такъ же какъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; но этого имъ показалось недостаточно, такъ же какъ и жителямъ Ливерпуля и Манчестера. Они не захотѣли, чтобы эта дорога была построена, какъ нѣкоторыя другія Американскія дороги, въ смѣломъ родѣ, какъ бы на время; желали имѣть нѣчто прочное, въ Римскомъ духѣ, и ихъ инженеры построили дорогу, какой имъ хотѣлось, — самую прочную во всемъ свѣтѣ. До другаго времени отложены только деревянныя постройки, каменные своды, колонны и вся монументальная архитектура, которая дѣлаетъ Ливерпульскую и Манчестерскую дорогу однимъ изъ чудесъ позднѣйшихъ временъ; всѣ эти великолѣпныя украшенія оставлены, потому что они не приносятъ ни какого дохода.

Впрочемъ чугушная дорога изъ Бостона въ Ловелль, въ своей Римской, или Циклонской простотѣ, будетъ стоить по 160,000 руб. за версту, а можетъ-быть и болѣе.

Путешественникъ, протѣжая окрестности Манчестера, невольно поражаема видомъ огромныхъ мануфактуръ. Глядя при свѣтѣ луны на эти обширныя бѣлыя зданія, рисующіяся повсрхъ домиковъ, на сотни оконъ, льющихъ потоками свѣтъ газа, на трубы выше самаго высокаго обелиска, подумаешь, что это дворцы, жилища празднествъ и счастья. Обманчивая наружность! Все это очарованіе исчезаетъ, какъ скоро переступишь за порогъ, какъ скоро увидишь печальный видъ, лохмотья толпы, наполняющей эти зданія, какъ скоро взглянешь на несчастныхъ дѣтей, которыхъ Парламентъ старается защитить отъ *многочлдія* ихъ родителей, непрерывно рождающихъ имъ соперниковъ, и отъ плети фабричнаго смотрителя. По пріѣздѣ въ Ловелль пріятное впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ, новымъ, свѣжимъ, разнообразнымъ какъ театральная декорація, исчезаетъ предъ горестною мыслію — не такъ ли же и здѣсь, какъ въ Ланкашейръ? Этотъ лакъ благоденствія не скрываетъ ли нищеты, горестнаго положенія работника, разврата и пьянства, порождаемыхъ бѣдностію въ городахъ мануфактурныхъ; непрерывныхъ опасеній людей богатыхъ, надъ головою которыхъ висятъ мятежи, возбуждаемые самымъ простымъ случаемъ, самую ничтожною неосторожностію или первымъ изволеніемъ порочныхъ страстей.

Въ нашихъ обществахъ, успѣхи Механики произвели мануфактуры, которыя должны сдѣлаться для рода человеческого неистощимымъ источникомъ благоденствія. Англійскія мануфактуры производятъ нынѣ около восьми сотъ милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, то есть, почти по аршину на каждого жителя нашей планеты. Если бы эту огромную массу тканей надобно было производить, безъ помощи машинъ, руками, едва-ли каждый изъ насъ успѣлъ бы вычесать, связать и соткать свой аршинъ въ цѣлый годъ, такъ, что все время рода человеческого занято было бы работою, которую, благодаря Механикѣ и мануфактурамъ, производятъ въ Великобританіи какія-нибудь полторы тысячи рукъ. Изъ этого надобно заключить, что ко-

гда мануфактурное производство надлежащимъ образомъ устроится, умѣренной работы небольшой части рода человеческого достаточно будетъ для того, чтобы доставить всѣмъ остальнымъ людямъ удобства матеріальной жизни. Въ Европѣ сомнѣваются въ томъ, что это некогда будетъ; но этотъ прекрасный порядокъ вещей досель еще не установился и установится еще не скоро. Мануфактурная система еще очень нова, а между-тѣмъ эта система имѣетъ ужаснѣйшія псудобства. Это язва Англіи, и язва столь отвратительная и жестокая, что, по мнѣнію многихъ, всѣ усилія, все искусство, употребленныя въ послѣдніе три года знаменитѣйшими государственными мужами, останутся тщетными.

Введеніе мануфактурной системы на землѣ новой и въ обстоятельствахъ совершенно отличныхъ отъ нашихъ, есть событіе, достойное величайшаго вниманія. Бумажныя фабрики одніе занимаютъ въ Ловеллѣ шесть тысячъ человекъ. Изъ этого числа, около пяти тысячъ—дѣвушки отъ семнадцати до двадцати четырехъ лѣтъ, дочери мызниковъ разныхъ штатовъ Новой Англіи, и особенно Массачусетскихъ, Нью-Гемпшейрскихъ и Вермонтскихъ: онѣ живутъ тутъ далеко отъ семействъ своихъ, предоставленыя самимъ себѣ. Поутру и вечеромъ около обѣда и ужина видишь ихъ на улицѣ: онѣ одѣты очень чисто; въ мастерскихъ висятъ по стѣнамъ, между цвѣтами и деревцами, ихъ платки, шали и капшоны изъ зеленой тафты, которыми онѣ прикрываютъ голову, чтобы защититься отъ солнца и пыли: пыли въ Ловеллѣ много (за недосугомъ улицы еще не вымощены). Тотчасъ догадываешься, что здѣсь не такъ какъ въ Манчестерѣ, а посмотрѣвъ на расписаніе жалованья, совершенно убѣдишься, что это уже совсѣмъ не такъ какъ въ Манчестерѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ предметы первой потребности, хлѣбъ, мясо, сахаръ, кофе, обыкновенно дешевле не только чѣмъ въ Англіи, но даже чѣмъ во Франціи: поэтому Ловелльскія работницы, получая въ недѣлю отъ 15 р. 75 к. до 21 р. 12 к., могутъ сберегать въ недѣлю по 8 р. Такимъ образомъ, проработавъ четыре года на фабрикѣ, онѣ могутъ скопить отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ долларовъ

(отъ 1555 до 1600 р.). Вотъ и приданое! Тогда онѣ оставляютъ фабрику и выходятъ замужъ.

Въ Европѣ довольно трудно понять положеніе дѣвушекъ, большею частію хорошенькихъ, которыя живутъ за пятьдесятъ, сто, полтора ста верстъ отъ своихъ родителей и въ такомъ городѣ, гдѣ некому за ними присматривать и поддерживать ихъ добрыми совѣтами. Между-тѣмъ, за немногими исключеніями, которыя скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ испровергають общее правило, этотъ порядокъ вещей не представляеть въ Ловеллѣ дурныхъ послѣдствій. Англійская порода имѣеть совсѣмъ другіе нравы, чѣмъ всѣ прочія Европейскія породы; другіе обычаи, другія общепринятія идеи. Англійское воспитаніе ограждаетъ людей кругомъ, черезъ который переступить трудно. Отъ этого происходитъ съ одной стороны болѣе холодности въ общественныхъ сношеніяхъ, менѣе искренности и добродушія; но зато съ другой стороны всякой принужденъ привыкнуть и привыкаетъ болѣе уважать личность другаго. То, что у насъ почитается шалостью молодого человѣка, строго запрещено у Англичанъ и Американцевъ, и особенно у Американцевъ Новой Англій, въ которыхъ болѣе Англійскаго, чѣмъ въ самихъ Англичанахъ. Тамъ никто не удивляется, что дочери мызниковъ, владѣющихъ воздѣлываемою ими землею, получивъ довольно порядочное воспитаніе, покидаютъ своихъ родителей, отправляются жить за двѣсти или триста верстъ отъ дома, въ городѣ, въ которомъ у нихъ нѣтъ знакомыхъ, и въ которомъ онѣ проводятъ три или четыре года въ одиночествѣ и въ независимости. Онѣ подѣ охраною общественной честности. Это предполагаетъ въ нравахъ чрезвычайную скромность, въ общественномъ мнѣніи чрезвычайную строгость и взыскательность. Сверхъ-того мануфактурныя компаніи пекутъ о безопасности этихъ дѣвушекъ. При самой постройкѣ мануфактуръ приготовлены также и жилища для работницъ. Каждая компанія выстроила на своемъ мѣстѣ нѣсколько домовъ, которые сдѣланы boarding-house (пенсіонами), исключительно назначенными для этихъ дѣвушекъ. Ихъ кормить и за ними надзираеть обыкновенно пожилая женщина, въ пользу которой компанія удерживаетъ по доллару съ четвертью (6 р. 67 коп.) въ недѣлю. Эти

женщины отвѣчаютъ за своихъ пенсіонерокъ, и сами находятся подъ надзоромъ компаніи. У каждой компаніи свои постановленія, которыя не только написаны на бумагѣ, но даже исполняются съ обыкновенною точностію, составляющею отличительную черту Англійскаго и Американскаго характера. Эти постановленія, которыя у Французовъ и даже у другихъ народовъ возбудили бы ропотъ, и были бы совершенно неисполнимыми, въ Америкѣ почитаются вещью самую простою и обыкновенною: они исполняются безо всякаго противорѣчія и затрудненія. Напримеръ, Воскресенье у другихъ народовъ—праздникъ, день веселія и забавъ: въ Америкѣ онъ посвящается тишинѣ, усидчивости и молитвѣ; театры въ этотъ день запираются вездѣ, кромѣ только Луизианы, которая населена Французами. Въ Новой Англии это наблюдается еще строже: напримеръ, въ Бостонѣ муниципальное начальство запретило театральныя представленія даже и въ Субботу, потому что это близко къ Воскресенью, и подобное приказаніе исполняется безприскословно. До сего времени вообще, все правила Ловелльскихъ компаній исполняются съ величайшею точностію. Ловелль, со своими мануфактурами, надъ которыми возвышаются колокольни, походитъ на Испанскій городъ съ его монастырями. Ловелль не весель, но онъ чистъ, смиренъ и пристоеенъ. Навсегда ли онъ такимъ останется, долго-ли онъ таковъ будетъ, трудно сказать. До сихъ поръ мануфактурная жизнь не благоприятствовала сохраненію строгой правдивости. Между-тѣмъ можно полагать, что пока плата за работу останется въ Ловелль столь же высокою какъ нынѣ, вліяніе воспитанія, религія, чувство долга и боязнь общественнаго мнѣнія будутъ поддерживать добрую правдивость. Теперь спрашивается: всегда ли плата за работу будетъ въ Ловелль столь же высокою какъ нынѣ? Есть причины, по которымъ она должна уменьшиться; тарифъ, покровительствующій Американской промышленности, постепенно понижается, и 1 Юля 1842 года пошлины будутъ составлять только двадцать-сотыхъ прежняго. Это заставляетъ думать, что со временемъ Ловелль будетъ во всемъ походить на Манчестеръ, и тогда—прощай, Ловелль!

НОРВЕЖСКІЕ ВИДЫ. Весьма недавно вышла въ Лондонѣ книга, подъ заглавіемъ — *Excursions in the north of Europe*, «Поездка на сѣверъ Европы въ 1850 и 1855 годахъ», Г-на Джона Барро. Въ два лѣта, почтенный джентльменъ успѣлъ побывать въ Петербургѣ, Москвѣ, Финляндіи, Швеціи, Дании и Норвегіи, и рассказы его перепечатаются теперь въ Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ, журналахъ. Наблюденія Г-на Джона Барро надъ Россіею очень остроумны: борода у Русскихъ расходитя внизу наподобіе вилъ, — она такъ ужъ создана! — а брить бороду «позволяется» только чиновнымъ лицамъ; персидъ обѣдомъ, — ктобы этому повѣрилъ! — Русскіе пьютъ шнапсъ: Г-нъ Джонъ Барро видѣлъ это собственными глазами у Дюмэ, въ тактирѣ, гдѣ онъ познакомился съ Россіей; но какъ примѣръ всегда заразителенъ, то, въ подражаніе Русскимъ, онъ и самъ напился шнапсу передъ супомъ, и, къ удивленію, нашель это — *very comfortable*, «очень отраднымъ обычаемъ». Больше не открылъ онъ въ Россіи ничего достопримѣчательнаго. Но виды Норвегіи, кажется, особенно его поразили: по крайней-мѣрѣ, описаніе ихъ отличается такою живостью, что мы не можемъ не сообщить его, хотя въ отрывкѣ. Авторъ ѣдетъ изъ Христіаніи въ Бергенъ.

«Выѣхавъ на другой день рано утромъ, мы увидѣли то, что я бы готовъ былъ почесть за востигительнѣйшіе виды, какіе только можетъ представить не одна Норвегія, а даже цѣлая Природа, если бъ поездка наша здѣсь и кончилась. Казалось, трудно постигнуть воображеніемъ что-нибудь величественнѣе, диче, грознѣе этихъ горъ съ ихъ каменными вершинами, почергѣвшими отъ времени и непогодъ, распавшимися въ видѣ главъ и башенъ, и торчащими на крутыхъ какъ стѣны утесахъ, отъ которыхъ отдѣлялъ насъ глубокой оврагъ, наполненный обломками скаль и гольшанн: въ этомъ оврагѣ текъ большой ручей, быстро умалявшійся въ своемъ излучистомъ теченіи, но безпрестанно пересѣкаемый обломками, которые заступая ему путь вынуждали его передвигаться черезъ нихъ съ оглушительнымъ шумомъ. По направленію этого ручья тянулась непрерывная череда водопадовъ, изумительная для слуха и зрѣнія. Одинъ изъ нихъ былъ особенно прекрасенъ: въ паденіи его съ вы-

сокихъ утесовъ, раздѣлялся онъ на два каскада, черезъ которые брошенъ деревянный мостъ первобытной постройки. По здѣшней дорогѣ путешественникъ окруженъ со всехъ сторонъ высокими скалами, которыя торчатъ почти отвѣсно къ своему основанію, а скаты горъ покрыты лѣсами темнозеленыхъ елей, выглядывающихъ одиѣ надъ другими, и какъ-бы хотящихъ перерости крутые утесы, съ которыми онъ перемѣшаны. Вверху и внизу узкой дороги такія пропасти, что страшно на нихъ смотрѣть; а между-тѣмъ не взято ни какихъ предосторожностей, чтобъ проѣзжіе не скользили въ эти бездны. Во многихъ мѣстахъ онъ не только отвѣсны, но даже иногда нависли надъ своимъ основаніемъ. Дорога такъ узка, что, между однимъ ся краемъ и прилежащимъ скатомъ горы, колеса телѣжекъ едва могутъ уместиться, и случись намъ повстрѣчаться здѣсь съ другими путешественниками, мы были бѣ принуждены выпрячь лошадей и перетащить одну телѣгу черезъ другую. Видно, такихъ встрѣчъ бояться нечего, когда во всю дорогу мы не видали еще ни одной души человѣческой. Иногда казалось, что тропа примыкаетъ впередн къ самому краю пропасти, но достигнувъ того мѣста, мы обыкновенно находили, что она круто поворачиваетъ въ сторону: эти крутые повороты надъ зіяющимъ внизу оврагомъ угрожаютъ неминуемою гибелью, если лошадь станетъ бить или какъ-нибудь опрокинется телѣжка.

«Достигнувъ вершины высокой горы, по которой мы взбирались теперь такою крутою дорогою, какой не припомню я даже въ Швейцаріи, мы поражены были самымъ пріятнымъ образомъ, увидѣвъ, что она была почти совершенно ровна на небольшое пространство, и покрыта прекраснымъ еловымъ лѣсомъ.

«Подѣсьмъ на эту гору казался намъ труденъ и довольно опасенъ, а спускъ даже приводилъ насъ въ ужасъ: такая крутизна, что лошади должны были, въ буквальномъ смыслѣ, скользить на бедрахъ. Мы видѣли, на нѣсколько сотъ футовъ подъ собой, долину, окруженную со всехъ сторонъ крутыми, утесистыми и высокими горами: отдаленнѣйшія изъ нихъ по-верху одѣты снѣгомъ, и, сіяя на солнцѣ, составляютъ совершенную противоположность съ мрачнымъ

видомъ всей картины. Водоскаты быстро бѣжали во всѣхъ направлєніяхъ, то сверкая по уступамъ горъ, то исчезая въ черной тѣни густаго еловаго лѣса:»

ВИДЪ СТОКГОЛЬМА СЪ МОРЯ. По случаю Путешествія Г-на Барро, сообщимъ нѣсколько чертъ Швеціи изъ одной Французской книги, еще довольно новой. Стокгольмъ лежитъ насупротивъ Петербурга, а мы не имѣемъ понятія о красивомъ мѣстоположеніи этой сосѣдственной столицы.

«Къ вечеру, говоритъ Г. Домонъ въ своемъ любопытномъ Путешествіи по этому государству, пришли мы въ обширный архипелагъ, образующій входъ въ Стокгольмскую пристань: море усыяно множествомъ острововъ, которыхъ, говорятъ, болѣе четырехъ тысячъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣются они купами, разбросанные въ самомъ дикомъ безпорядкѣ: намъ казалось, что мы плывемъ непсходнымъ лабиринтомъ. Проливъ, по которому мы шли, былъ окаймленъ островами, то цвѣтстыми и зеленѣющими, то поросшими густымъ лѣсомъ, то наконецъ безплодными и каменными. Вдругъ обступилъ насъ хребетъ зубчатыхъ горъ: я воображалъ себя перенесеннымъ на какое-нибудь тихое озеро, обманутый чистыми и свѣтлыми водами Балтики. Мы увидѣли проходъ, но такой узкій, что въ немъ едва было мѣста для нашей лодки; мы почти могли касаться земли по обѣ стороны. Но вотъ онъ расширился, и мы очутились среди чудныхъ, фантастическихъ острововъ: здѣсь возвышается горбатая скала, точно форверкъ какой-то готической крѣпости, которой бойницы и башни вы будто видите передъ собою; тамъ островсрхій гранитный обелискъ всталъ изъ-подъ волнъ и вознися въ свѣтло-голубое небо; а тамъ печально смотритъ голый островокъ, который, кажется, только и предназначенъ для отдохновеній морскихъ птицъ, выводящихъ гнѣзда на высотахъ его. Изрѣдка потынитъ взоръ зеленая мурава какой-нибудь обработанной поляны, усаженной рощицами, между которыхъ мелькаетъ веселая мыза или сельскій домикъ, брошенный прихотью или нуждой въ это уединеніе. Теряясь въ лабиринтѣ острововъ, никто не подумалъ бы, что находится вблизи большой и прекрас-

ной столицы; но приблизясь къ ней, видишь кое-гдѣ домики и казенныя строенія, разбросанныя по горамъ и подъ горами или на вершинахъ стѣрыхъ гранитныхъ утесовъ. Лѣсу и скаль все еще очень много; обработаннаго мало; Искусство, кажется, отнюдь не мѣнялось въ красоты Природы, все здѣсь глухо, дико и величественно. Желаніе прїѣхать усиливалось въ насъ по мѣрѣ приближенія къ городу, и терпѣніе мое выходило изъ всехъ предѣловъ, какъ, при обходѣ одного мыса, очаровательный видъ Стокгольма вдругъ развернулся передо мною. Ничто не можетъ сравниться съ эффектомъ этого внезапнаго и почти мгновеннаго перехода отъ безмолвія пустынь къ шумной роскоши великолѣпнаго города. Видъ его отъ входа въ гавань особенно прелестенъ. Красивыя зданія стоятъ въ купахъ или разбросаны около пристани, загроможденной кораблями, которые — одни на якоряхъ, другіе прикрѣплены вдоль на набережныхъ: прекрасныя дома, роцци, утесы, луга и сады нестрѣтъ среднюю панорамы, а замокъ, возвышая свои грозныя бойницы надъ веѣми башнями, въ уединенной величавости влѣчаетъ эту чудную картину.»

ФАЛУНСКІЯ РУДОКОПИИ. Вотъ еще любопытныя подробности о главной отрасли богатства ближайшихъ нашихъ соседей. Известно, что Шведское желѣзо тягуче и ковче всехъ прочихъ, и что такое превосходство приписываютъ отчасти употребленію въ горнахъ березовыхъ дровъ. Число рудоконей въ Швеціи простирается до 586; не менѣе 561 находятся въ Нерикѣ, Вестерманѣ и части Далекарліи, какъ-бы въ самомъ сердцѣ королевства. Главный желѣзный рудникъ въ Данеморѣ, гдѣ ежегодно получается на 1,600,000 рублей металла. Послѣ желѣза, мѣдь составляетъ главную вѣтвь минеральныхъ богатствъ Швеціи, и самый значительный рудникъ ея съ давнихъ поръ въ Фалуни: въ царствованіи Густава Адольфа производилъ онъ ежегодно не менѣе 6,850,000 фунтовъ металла, но теперь почти истощился, и дастъ не болѣе 1,485,000 фунтовъ.

«Руду копаютъ на глубинѣ 171 сажени отъ поверхности, говоритъ Г. Домонъ, но какъ первоначально сверленіе произво-

дилось не искусно, то около входа множество страшныхъ обваловъ. Съ одной стороны есть отлогій сходъ съ лѣстницами, довольно удобными до послѣднихъ тридцати сажень, но тутъ онъ уже совершенно отвѣсны. Рудокопы обыкновенно спускаются въ бочкѣ, которой бока въ четыре дюйма толщиной и всѣ окованы желѣзомъ: часто они принуждены бываютъ вытаскивать ее для того, чтобъ она не наткнулась на торчащія скалы. Случается видѣть, что жены ихъ стоятъ на этой бочкѣ, когда она спускается, и обхвативъ канатъ, преспокойно вяжутъ чулокъ надъ страшною пропастью. Не возможно описать впечатлѣній, ощущаемыхъ въ этомъ подземномъ мѣрѣ; глубокое безмолвіе, царствующее подъ мрачными сводами, прерывается только визгомъ машинъ, которыми поднимаютъ руду, паденіемъ ручьевъ, низвергающихся въ бездну, и отдаленной пѣснью рудокоповъ, которые порой мелькнутъ кое-гдѣ съ пылающимъ факеломъ. Иногда гулъ отъ взрыва медленно катится по переходамъ, или, когда его не слышно за отдаленностью, то по-крайней-мѣрѣ всѣ своды дрожатъ примѣтнымъ образомъ. Иногда путешественникъ слышитъ грозный трескъ, какъ будто — бы часть скалы срывалась съ вѣчныхъ основаній.

«При открытіи одной штольны, въ которую давно ужъ никто не ходилъ, рудокопы нашли на глубинѣ восьмидесяти сажень трупъ молодаго человека: онъ окаменѣлъ отъ купоросной воды и отъ щелочей, отнюдь не утративъ своей юношеской наружности. Когда его вынесли на открытый воздухъ, тотчасъ собралось множество любопытныхъ, и вдругъ послышался въ толпѣ крикъ одной старухи, которая отъ слабости едва дотащилась до этого мѣста: въ сохранившемся трупѣ узнала она черты своего бывшего жениха, который болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ исчезъ таинственнымъ образомъ наканунѣ самаго того дня, который назначенъ былъ для ихъ свадьбы. Годы изобразили щекн и сморщили лобъ бѣдной любовницы, а женихъ ея, только что вынутый изъ могилы былъ свѣжъ и молодъ по-прежнему: въ этой противоположности было что-то тяжело трогательно!»

КОНФИСКАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪ ТУРЦІИ.

По силѣ обѣщанія и по собственному влеченію мы опять являемся съ отрывкомъ изъ Моріера, изъ его «Айшѣ, Карской красавицы.» Всѣ знаютъ, какимъ образомъ Европейскія таможенни производятъ досмотръ вещей путешественниковъ, и какъ ихъ конфискують; но это искусство далеко не дошло до совершенства, на которомъ поставлено оно у Турокъ. Карскій паша, заключивъ лорда Осмонда въ тюрьму, велѣлъ конфисковать въ казну всѣ его пожитки. Досмотръ имъ происходилъ въ приѣмной залѣ пашы, въ присутствіи его и всѣхъ сановниковъ города.

«Во-первыхъ вытащили все, что было въ чемоданѣ. Развертывали поочередно жилеты, косынки, рубашки, панталоны и чулки, которые возбудили изумленіе предстоявшихъ, — потому что и въ самомъ дѣлѣ удивительно, зачѣмъ одному человѣку столько вещей, и еще все такихъ, которыхъ употребленіе казалось непостижимымъ! Они долго любовались блестящими красотами параднаго мундира, который лордъ возилъ съ собою для того, чтобъ являться въ немъ ко Дворамъ и къ высокимъ особамъ; но когда дѣло дошло до пары лосиныхъ панталонъ, тогда и самые ученые, при всемъ остроуміи, никакъ не могли придумать, къ чему бы они служили. Турецкіе шаравары, если растянуть ихъ, совершенно похожи на женскую юбку, сшитую внизу, или на огромнѣйшій мучной мѣшокъ, съ прорѣхами по угламъ, чтобъ просунуть ноги. Послѣ этого не удивительно, что проникательность почтеннаго общества стала втупикъ надъ узкими кожаными панталонами въ обтяжку. Ихъ персвертывали на всѣ стороны, задомъ и передомъ, налицо и наизнанку. Наконецъ Карскій муфти осмѣлился изъяснить свое мнѣніе, что это быть-можетъ какой-нибудь нарядъ, и велѣлъ длиннобородому чоходару, камердинеру пашы, погруженному въ море недоумѣній, примѣрнуть ихъ на себѣ. По всѣмъ соображеніямъ муфти, ихъ слѣдовало носить въ видѣ головного убора: угрюмый чоходаръ вздѣлъ ихъ себѣ на чалму до самаго шага, такъ, что нижнія части висѣли изгибами по спинѣ и по плечамъ его, придавая ему видъ Геркулеса съ львиной кожей на головѣ. «*Барикъ Аллахъ!* слава Аллаху!» вскричалъ муфти: вѣдь я же вамъ открылъ тайну!

Это очевидно головной парядь Англійскаго двухбунчужнаго пашн. » — *Афериръ!* браво! браво! примольни въ правотѣрные; но наша думалъ иначе. Взглядъ его на панталоны былъ совершенно различенъ, потому что онъ смотрѣлъ на нихъ глазами чловѣка, у котораго только то и на умѣ, что онъ любить. «Что вы ѣдите грязь! воскликнулъ онъ. Слава Аллаху, вы, кажется не ослы, видали свѣтъ, а не можете узнать простаго *Дулума*, «кожанаго мѣшка», въ какомъ и пашн водоносы разносятъ воду. Только это мѣшокъ не для воды, а для вина. Въдь Франки держатъ вино въ кожаныхъ мѣшкахъ такъ же, какъ и вы, Гауры: не правда ли?» спросилъ онъ обращаясь къ Армянину Богосу. — «Такъ точно! отвѣчалъ красильщикъ: совершенно такъ, какъ вы изволите приказывать! — «Ну, такъ въ этой кожѣ было вино! продолжалъ наша, довольный своимъ открытiемъ: по благословенiю Аллаха, мы опять употребимъ се въ дѣло. Эй, ты! сказалъ онъ одному изъ своихъ слугъ: возьми это, вели сакъ (водоносу) зашить прорѣхи, и палить водою для казенныхъ потребностей. Это собственность государя нашего, Падишаха.» И въ самомъ дѣлѣ, панталоны лорда, палитые водою, нѣсколько дней, отпечались по городу за синной водоноса; но это сдѣлано было только для виду: скоро потомъ они очутились въ погрѣбу пашн, и въ Карсѣ сказывали за тайну, что Его Превосходительство, велѣлъ наполнить отпятой у Англійскаго лорда, прекрасный *Дулумъ* своимъ любимымъ виномъ.

«Въ крышкѣ чемодана найденъ былъ разувальникъ и пара сапожныхъ крючковъ. Эти вещи подвергли Турецкую смѣтливость еще сильнѣйшему искушенiю. Гдѣ жъ имъ было догадаться, что этотъ многосложный механизмъ имѣеть хоть какую-нибудь связь съ сапогами, которые для нихъ такъ же легко и падеть и скинуть, какъ вставить въ ротъ и выпнуть яитаръ чубука? Они сперва думали, что это что-нибудь чернокнижническое или астрологическое: наконецъ имъ пришло въ голову, что это снарядъ для пытки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удобно давить пальцы и ломать суставы складнымъ разувальникомъ; какъ ловко выдергивать глаза сапожными крючками! На этомъ они и порѣшились; а чтобъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнiя, наша приказалъ любн-

тому писцу своему положить палецъ въ смычку разувальника. Когда тотъ не-хотя исполнилъ приказаніе, Его Благополучіе наградилъ его за угодность такимъ щелчкомъ, что тотъ завизжалъ на весь дворецъ, а предстоящіе покатались со смѣху. Этотъ снарядъ передали главному пыта-телю, съ повелѣніемъ держать его въ готовности до пер-ваго случая.

«Потомъ стали разсматривать вещи, бывшія въ туалетъ. Каждый приготовился къ чему-нибудь лакомому, увидѣвъ множество бутылочекъ, которыми былъ набитъ ящикъ. Одинъ отвѣдалъ о-де-колоню, другой о-де-лавану: они и думали и пѣть, что это какіе-нибудь отличные Франкскіе напитки. Но кто опишетъ рожу, которую соорилъ самъ паша, когда, прельщенный цвѣтомъ, хлѣбнулъ онъ почти цѣлую склянку мирровой тинктуры! Муфти былъ человекъ несмѣливыи, но и тотъ, увидѣвъ, какъ морщился его то-варищъ, не могъ воздержаться отъ улыбки, между-тѣмъ какъ всѣ окружающіе принуждены были потушить глаза, и, чтобъ не забытья, глядѣли на ноги, которыя прежде всего слѣдовало уберечь въ этомъ случаѣ отъ палочныхъ ударовъ.

«Пока это происходило, имамъ главной мечети, въ ко-торомъ постные взгляды обличали надкость на все лако-мое, преспокойно вытащилъ изъ ящика обдѣланную въ сс-ребрѣ коробочку, и, открывъ ее, увидѣлъ что-то похожее на тѣсто. Оно такъ пріятно пахло, что почтенный мужъ ни-какъ не могъ воздержаться; сунулъ туда палецъ, выковы-рялъ сколько могъ зацѣпить, разинулъ ротъ шире обыкно-веннаго, и, поймавъ гостинца на языкъ, чмокнулъ отъ удо-вольствія. Но скоро пришлось раскаяться: тошнота одѣлѣ-вала его; онъ трусилъ пашу, и потому только отплевывался. «Что такое?» сказалъ кто-то съ усмѣшкою. — «Бей! смо-трите-ка! проревѣлъ паша, радуясь что нашелъ себѣ това-рища: смотрите-ка! Иمامу что-то не по себѣ.» Но бѣлой пѣнѣ, выходившей у него изъ рта, скоро обнаружилось, что такое онъ проглотилъ: тогда всѣ стали бояться, чтобъ съ нимъ не было припадка, — чтобъ онъ не взбѣлся. Бѣд-ный имамъ пришелъ въ такое состояніе, что наконецъ дол-женъ былъ опрومتью бѣжать изъ комнаты, и всѣ сторо-нились отъ него какъ отъ человека, до котораго нельзя до-

тронуться. Почти не нужно говорить, что онъ съѣлъ порядочный кусокъ превосходнаго Нсаполитанскаго мыла.

«Много сдѣлали они промаховъ, кромѣ тѣхъ, которые здѣсь описаны, и быть-можетъ скучно было бы исчислять ихъ. Каждую вещь обсуживали съ величайшимъ вниманіемъ; персвернули всѣ книги низомъ вверхъ, пролили ртуть изъ искусственнаго горизонта, переломали термометры, разобрали барометръ, раскидали математическіе инструменты такъ, что ихъ въкъ не собрать бы въ ящикъ. Маленькая костяная коробочка особенно привлекла ихъ вниманіе: она была такъ хорошо выточена, такъ мила, такъ красива, что всѣ хотѣли имѣть ее, какъ дѣти игрушку. Наконецъ уступили ее муфтію. Эта мудрая особа наслаждалась удовольствіемъ смѣяться надъ другими, а надъ ней еще ни разу не посмѣялись. Повертывая коробку во всѣ стороны, онъ наконецъ открылъ ее, къ великому удовольствію, и увидѣвъ внутри маленькую стеклянную трубку, окруженную мелкими палочками, онъ заключилъ, что это должна быть Франкская чернилица, тѣмъ болѣе, что она была очень похожа на Турецкую; жидкость въ ней—чернила, а палочки—перья. Извѣстно, что Восточные пишутъ тростяными палочками. Вотъ онъ обмокнулъ одну изъ нихъ въ трубку, вынимаетъ, — и вдругъ вспыхнулъ огонь! Нельзя описать его ужаса. Онъ бросилъ купоросное огниво. «Ай, Аллахъ!» закричалъ онъ, выпучивъ глаза, разинувъ ротъ и уклоняясь назадъ всѣмъ тѣломъ: «Аллахъ спаситель! Аллахъ, Аллахъ, единъ Аллахъ! Нѣтъ Аллаха кромѣ его!» Онъ глядѣлъ на коробку и на маленькія палочки, разбросанныя передъ нимъ по полу, съ такимъ выраженіемъ страха, которое ясно обнаруживало мысль о *шейтанѣ*, о чертовщинѣ, готовой сейчасъ выскочить и погубить человека. Предстоявшіе Турки не могли не разделять чувствъ его: они видѣли огонь. Они тоже перепугались. Всѣ отступили отъ коробочки; потомъ, составивъ около нея кругъ, смотрѣли на нее молча, и съ опасеніемъ ждали, что будетъ; только тихія «Аллахъ, Аллахъ!» перерывали ихъ безмолвіе; имъ, кажется, было ужъ не до смѣху. Однако, видя, что коробка не трогается съ мѣста, они начали обращать вниманіе на смѣшную фигуру муфтія, и какъ онъ былъ вообще нелюбимъ, то

каждый, кто только смѣлъ, похотѣлъ падъ нимъ отъ всего сердца. Важный Сулейманъ, который видавъ Франковъ чаще нежели другіе, рѣшился наконецъ подпять коробку, хоть и съ большою осторожностію; но паша заклиналъ его именемъ Пророка положить ея намѣсто, и приказалъ Армянину Богосу собрать весь этотъ снарядъ и, хоть съ опасностію собственной жизни, а немедленно идти и бросить его въ рѣку: онъ клялся Кораномъ, что если *шейтанъ*, «чортъ», опять между ними явится, то онъ велитъ умертвить не только Богосу, но и всехъ Армянъ и Христіанъ въ Карсѣ.

«Оставалось досмотрѣть одинъ ящикъ съ лекарствами, но послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ, никто не изъявлялъ охоты продолжать изслѣдованіе; однако, едва Богосъ объяснилъ имъ, что Франкъ всегда прибѣгалъ къ этому ящику, когда имѣлъ нужду въ лекарство, все Турки сейчасъ почувствовали желаніе принять что-нибудь для здоровья, и вѣрно начали бы лечиться, если бы муфти, которому все чудилось какое-то дьявольское навожденіе, не остановилъ ихъ своею властію. Но онъ скоро придумалъ весьма удобное средство. Онъ послалъ собрать къ пашѣ столько Жидовъ, сколько можно ихъ найти въ скорости. Мало этихъ несчастныхъ жило въ Карсѣ подъ самымъ жестокимъ мучительствомъ; но если дѣло шло до какого-нибудь новаго угнетенія, то они всегда первые его испытывали. Скоро добыли ихъ съ полдюжины, и поставили въ рядъ на концѣ залы. Тутъ изъ ящика стали вынимать есклянку за склянкой, и давать Жидамъ каждаго лекарства *ad libitum*, сколько вздумается; потомъ вывели ихъ въ другую комнату, гдѣ они сидѣли съ печальнымъ видомъ, ожидая рѣшенія своей участи, какъ приговоренные къ смерти, оплакивая свои бѣдствія, и въ душѣ желая гибели мучителямъ. Дѣйствія лекарствъ были и разнообразны и сильны. Турки глядѣли съ ужасомъ; въ Жидахъ все подавлялось чувствомъ отвращенія. «Аллахъ, Аллахъ!» восклицали зрители, и вся церемонія кончилась полнымъ убѣжденіемъ, что самъ печальный посѣтилъ ихъ городъ: ящикъ съ лекарствомъ бережно поставили на одинъ бокъ, а все остальное паша приказалъ сжечь, «какъ могуще павлечь несчастіе на госу-

«дарство Падшаха, убижища міра, — да продлится его царствованіе до дня преставленія свѣта!»

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО. Еще разъ возвращаемся мы къ вслѣдующему писателю, и тѣмъ охотнѣе, что имѣемъ случай познакомить читателей съ примѣчательными объ немъ подробностями и вмѣстѣ съ новымъ сочиненіемъ знаменитаго «Этрикскяго пастуха,» Г-на Гогга, — *The domestic manners and private life of Sir Walter Scott, etc.* Само собою разумѣется, что мы извлечемъ изъ разныхъ мѣстъ этого сочиненія, избилующаго анекдотами, только разительнѣйшія черты характера Сиръ Вальтера.

Почти никто не знаетъ, что Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ одною изъ тѣхъ памятей, которыя можно назвать феноменами въ людской природѣ. Однажды отправился онъ съ Г. Гоггомъ и прочими своими друзьями ловить рыбу въ рѣкѣ Твидѣ:

«Ночь была пріятная и тихая, но темная—хоть глазъ выколи. Въ ожиданіи пріятели нашего Флечера, говоритъ Г. Гоггъ, мы втроемъ, Вальтеръ-Скоттъ, я и еще одинъ бывший съ нами, сѣли на берегу рѣки, на небольшой зеленой лужайкѣ, и Сиръ Вальтеръ попросилъ меня спѣть мою Шотландскую балладу. Эта баллада никогда не была напечатана; я сочинилъ ее почти въ умѣ, и за три года до нашей прогулки только однажды пропѣлъ ее Вальтеръ-Скотту. По просьбѣ его, я сталъ пѣть ее теперь во второй разъ, но на восьмой или на девятой строкѣ остановился и никакъ не могъ припомнить слѣдующей. Тогда онъ началъ ее съ перваго стиха, и прочиталъ наизусть всю до конца, отъ слова до слова. Эта баллада очень длинна, — въ ней восемьдесятъ восемь строкъ: зная, что онъ слышалъ ее только разъ и по-видимому не обращалъ на нее особеннаго вниманія, я не могъ не изъявить моего удивленія. Вальтеръ-Скоттъ отвѣчалъ мнѣ, что, ѣдучи однажды съ знакомыми на гулянье къ Фортскому Замку, и желая запясть свою компанію, онъ прочелъ наизусть эту балладу и еще одну Соутея, именно «Абсрбротокское аббатство»; оба эти стихотворенія слышалъ онъ не болѣе разу отъ самихъ сочини-

телей и, кажется, не сдѣлалъ въ нихъ ни одной перестановки.»

Теперь нѣсколько подробностей объ его характерѣ:

«Вальтеръ-Скоттъ былъ человекъ непостижимый, говоритъ Г. Гоггъ. Никто не знаетъ, какъ и когда писалъ онъ свои безчисленные творенія. Во время пребыванія его въ Эдинбургѣ, все дообѣденное время было посвящено судебнымъ дѣламъ. Когда онъ бывалъ дома, то принималъ всѣхъ безъ исключенія, мужчинъ, женщинъ, бѣдныхъ и богатыхъ; никогда не досадывалъ на посѣтителей; всегда былъ въ духѣ, приветливъ, ласковъ. Часто, боясь отяготить его, останавливался я въ его кабинетѣ, выжидая минуты, чтобъ сказать ему на свободѣ нѣсколько словъ; и былъ свидѣтелемъ, какъ десять человекъ одинъ за другимъ подходили къ нему прежде меня. Вельможи, живописцы, поэты, музыканты, — все стремились къ Вальтеръ-Скотту, не говоря уже о книгопродавцахъ и типографщикахъ: съ ними у него нельзя было разойтись, но ихъ принималъ онъ наединѣ. Когда онъ жилъ въ Абботсфордѣ, то въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ домъ его былъ почти непрерывно наполненъ посторонними. Не возможно было не сожалѣть о времени, которое отнимали у этого знаменитаго мужа. Я находилъ это безсовѣстнымъ. Онъ однажды пригласилъ меня на двѣ недѣли: я пріѣхалъ, но не рѣшился остаться болѣе трехъ дней, — обыкновенно посѣщенія мои были непродолжительныя. Но Вальтеръ-Скоттъ былъ всегда въ добромъ расположеніи. Послѣ завтрака онъ былъ готовъ сопровождать гостей своихъ куда угодно, — бродить по лѣсу, — ѣхать въ Ярро, въ Мельрозъ или въ Дрейбургъ, гдѣ теперь покоится прахъ его. Онъ былъ постоянно веселъ, когда здоровъ, но при болѣзни очень раздражителенъ: онъ былъ подверженъ злокачественному желчному недугу, соединенному съ жесточайшими судорогами. Когда приходилъ его припадокъ, грудно было улучшить минуту, чтобъ поговорить съ нимъ, и въ это время лучше было вовсе его не беспокоить. Случалось, что страданія его бывали чрезмерны. Ему было предписано приложить къ грудной ложкѣ поджаренной соли: это было исполнено; на другой день увидѣли, что грудь его затянуло однимъ большимъ пузыремъ, и что часть ру-

башки перегорѣла,—между тѣмъ онъ ничего этого не чувствовалъ!

«Разговоръ Вальтеръ-Скотта былъ всегда забавенъ, всегда занимателенъ. Его кротость, непринужденность и вѣрность суждений, неподражаемы. Онъ сыпалъ анекдотами, и я почти увѣренъ, что онъ самъ изобрѣталъ ихъ, потому что я никогда ни отъ кого другаго ихъ не слыхивалъ. Однажды только разговоръ его былъ для меня нисколько не любопытенъ: въ этотъ разъ онъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ Лондонскимъ книгопродавцемъ, Мурреемъ. Они толковали только о знати, о членахъ парламента и о литераторахъ. Я въ жизнь свою объ нихъ не слыхивалъ, да и слышать не хотѣлъ; но Муррей зналъ о каждомъ самыя мелочныя подробности. Вальтеръ-Скоттъ слушалъ его съ жаднымъ вниманіемъ, и этотъ разговоръ продолжался битыхъ четверо сутокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, необходимыхъ для сна.

«Кошелекъ Вальтеръ-Скотта всегда былъ открытъ для вспоможенія бѣднымъ литераторамъ. Я знаю многихъ неудачныхъ сочинителей, которыхъ онъ содержалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ какою деликатностью помогалъ онъ имъ! Онъ обыкновенно давалъ имъ переписывать какія нибудь старыя бумаги, говоря, что онъ для него чрезвычайно важны; за эту работу они получали еженедѣльную плату, въ полномъ увѣреніи, что собираютъ плоды своихъ трудовъ.

«Въ одно утро я болталъ съ Г. Баллентиномъ въ его конторѣ, куда приходилъ я почти каждый день, также какъ и мой знаменитый другъ. Мнѣ какъ-то пришлось къ слову сказать, что я въ жизнь мою не встрѣчалъ человѣка, подобнаго Скотту; что онъ, будучи самъ знаменитымъ писателемъ, помогаетъ многимъ бездарнымъ, но въ особенности возбуждаетъ уваженіе тѣмъ, что «шуйца его никогда не знаетъ того, что творить десница.»

«При этихъ словахъ лице Баллентина заблестало радостію, и слезы выступили изъ глазъ. «Вы правы, вы совершенно правы! сказалъ онъ: какъ я радъ, что вы знаете и умѣете уважать достоинства нашего благороднаго, неоцѣннаго друга! Посмотрите.» Онъ взялъ дневную расходную книгу.

«До Вальтеръ-Скотта дошли слухи, что Ирландскій поэтъ, Метьюринъ, содержится въ тюрьмѣ за небольшой долгъ: онъ тотчасъ поручилъ мнѣ переслать ему шестьдесятъ фунтовъ (1500 р.), и Метьюринъ никогда не будетъ знать, отъ кого получилъ онъ эти деньги.

«Сиръ Вальтеръ не слишкомъ жаловалъ религіозныя секты и ханжество. Онъ былъ въ душѣ аристократъ, и общественное благосостояніе составляло предметъ близкій его сердцу. Побѣда, одержанная въ Британскомъ министерствѣ партією Виговъ надъ Торіями, нанесла ему смертельный ударъ. Да! утвердительно могу сказать, что это событіе растерзало его сердце, разстроило здоровье, и наконецъ повергло его самого во гробъ. Мысль о неизбежной революціи въ Англіи долго устрашала его; онъ боролся съ нею, гнался, и она, безпрестанно къ нему возвращаясь, подѣйствовала на его организмъ, убила его. Съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ, что демократія беретъ верхъ, онъ потерялъ всю надежду на благоденствіе не только Британіи, но и частныхъ лицъ въ народѣ. Однажды, говоря со мною объ этомъ, онъ съ особеннымъ, глубокимъ чувствомъ желалъ мнѣ счастья и успѣха въ моихъ предпріятіяхъ, и желанія свои перемѣшивалъ соболѣзнованіями о постигшихъ меня мірскихъ бѣдствіяхъ и о тѣхъ, которыя должны еще меня постигнуть, какъ Англичаина.

«Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ чистымъ, свѣтлымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ; онъ былъ истинно добрый человекъ, нѣжный, попечительный супругъ, синхронительный родственникъ, откровенный, не злопамятный другъ, справедливый судья и исправный корреспондентъ. Онъ отвѣчалъ на каждое получаемое имъ письмо, отъ кого бы оно ни было, — отъ богатаго или отъ бѣднаго, и большею частію отвѣчалъ не слишкомъ коротко. Вотъ каковъ былъ человекъ, котораго мы лишились, и какого никогда уже имѣть не будемъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ человекъ необыкновенный, великій.

«Жена моя, продолжаетъ Г. Гоггъ, была любимица Вальтеръ-Скотта; онъ всегда оказывалъ ей величайшее уваженіе. Скоро послѣ нашей свадьбы привезъ я ее въ Абботсфордъ. Невзирая на многочисленное собраніе дамъ, онъ торже-

ственно похвалилъ мой выборъ, и даже присовокупилъ, что удивляется, откуда взялось у меня столько ума и вкуса, жениться на такой прекрасной женщинѣ. — Покорно благодарю за комплиментъ, Сиръ Вальтеръ! отвѣчалъ я ему на простонародномъ Шотландскомъ нарѣчїи.

«Что касается до моей жены, то она, бѣдняжка, безъ памяти обожала его. Разъ онъ обѣдалъ у насъ. Уходя, онъ схватилъ на руки мою маленькую дочь, Маргариту, поцѣловалъ ее, и положивъ ей на голову руку, сказалъ: «Всемогущій Богъ да благословитъ тебя, милое дитя мое!» Жена моя заплакала слезами.»

Вотъ некоторые черты его семейства: «Леди Скоттъ всегда сохранится въ моей памяти, какъ милое, любезное, нѣжное существо. Когда кто нибудь изъ Абботсфордскихъ поселянъ бывалъ боленъ, отъ нея старались скрывать это, зная, что она будетъ страдать болѣе самого больного. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ она проплакала цѣлый день и почти всю ночь объ одномъ престарѣломъ бѣднякѣ, послѣ котораго осталось безпомощное семейство. Дочь ея, Анна, была чрезвычайно похожа на нес и лицомъ, и обращенїемъ.»

«Мнѣ извѣстны только немногія подробности о дѣтяхъ Вальтеръ-Скотта. Сообщу то, что знаю.»

«Софїи было не болѣе трехъ мѣсяцевъ, когда я въ первый разъ посетилъ его: съ тѣхъ поръ она росла и развивалась на моихъ глазахъ. Когда дѣта младенчества миновали, я предвидѣлъ, что она будетъ любимницею отца. Такъ и вышло. Она была невинное дитя природы; въ ней не было ни тени лицемерїя. Ктому жъ она такъ любила отца! О, какъ горячо любила она его! Я никогда не забуду тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, которые она устремляла на него, когда онъ, опершись на костыль свой и склонивъ голову къ ея арфѣ, слушалъ, какъ она пѣла его любимыя старинныя баллады или самымъ имъ собранныя пѣсни горныхъ Шотландцевъ. Когда онъ входилъ къ ней въ комнату, она измѣнялась въ лицѣ, и нередко невольно вскрикивала отъ радости. Она уже давно замужемъ и сама имѣетъ дѣтей; но я увѣренъ, что память нѣжнѣйшаго отца для нее всегда драгоценна.»

«Сынъ его, Вальтеръ, благородный, откровенный, добрый малый; но въ немъ нѣтъ и искры отцовскаго гения. Воспитанный въ литературномъ обществѣ, которымъ съ дѣтства окруженъ былъ безпрестанно, онъ, кажется, мало уважаетъ Словесность и Науки, и въ особенности терпѣть не можетъ Поэзіи.

«Украшеніемъ семейства Вальтеръ-Скотта всегда считалъ я другую дочь его, Анну, (которая теперь замужемъ за Г. Локгардомъ, издателемъ известнаго журнала Quarterly Review.) Она проникательна, чувствительна и остроумна, но должна быть нѣсколько насмѣшлива: по-крайней мѣрѣ, я знаю, что когда она была еще ребенкомъ, подруги боялись ея какъ змѣи. Девизомъ втораго сына его, Карла, можетъ служить поговорка — либо папъ, либо прощаль».

«О дарованіяхъ Г. Локгарда Вальтеръ-Скоттъ отзывался всегда съ такимъ восторгомъ, какого онъ, по мнѣнію моему, не заслуживаетъ: я знаю его гораздо лучше, нежели зналъ его Сиръ Вальтеръ, и, что бы Локгардъ ни говорилъ, я знаю Сиръ Вальтера сто разъ лучше, нежели онъ.» *М. М.*

ВСЕОБЩІЙ ПРИМИРИТЕЛЬ. Есть въ Лондонѣ предобрый и претихій человекъ, нѣкто Чарльзъ Топлесъ, Кошачій, — почти тоже что порядочный человекъ, — который приходилъ въ отчаяніе всякой разъ, какъ читалъ въ газетахъ, что гдѣ-нибудь вспыхнула война, и что люди дерутся. Онъ готовъ былъ сдѣлать все въ свѣтѣ, чтобъ только убѣдить людей не драться, и жить такъ дружелюбно и тихо, какъ живетъ онъ съ своей кошкой и съ своей кухаркой. Ища средствъ примирить народы, онъ напередъ сталъ искать ихъ въ Исторіи; но въ Исторіи нашлись только сѣмена вражды и источникъ тѣхъ предрасудковъ, которые будутъ вѣчно вооружать одни племена противъ другихъ. Онъ принялся за Дипломатію, о пользѣ которой слышался много отъ одного секретаря посольства: но справка оказалась, что Дипломатія служитъ только къ отсрочкѣ драки до слѣдующаго утра, чтобъ между-тѣмъ ночью собраться съ силами. Онъ хотѣлъ еще прибѣгнуть къ пособію Правовучительной Философіи, но друзья ему отсвѣтовали, говоря, что онъ лучше сдѣластъ, если начнетъ учиться Логикѣ. Ми-

стерь Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, началъ учиться Логикѣ: мы уже сказали, что онъ все готовъ былъ сдѣлать для удержа- нія людей отъ дракъ и кровопролитія! Послѣ нѣсколь- кихъ уроковъ, онъ вдругъ вывелъ изъ двухъ старыхъ по- сылокъ такое умозаключеніе, которое никогда людямъ и въ голову не приходило, хотя оно удивительно просто и ес- тественно. Онъ сказалъ себѣ: извѣстно, что пока на свѣтѣ будутъ люди, они всегда будутъ истреблять другъ друга,— слѣдственно, если бъ разомъ истребить людей, они бы пере- стали истреблять другъ друга. Это силлогизмъ *ab absurdo*, но очень основательный. Г. Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, рѣшился примѣнить его къ пользамъ челоувѣчества, и какъ онъ въ то же время превосходный механикъ, то ему не трудно было выдумать такую машину, которая была бы въ состояніи въ каждый поворотъ рукоятки истреблять миллионъ людей. Онъ въ самомъ дѣлѣ ее выдумалъ. Сна- чала хотѣлъ онъ назвать ее — *Всеобщій истребитель*, но, подумавъ пемножко, предпочелъ назвать—*Всеобщій прими- ритель*. Это отнюдь не шутка. Машина существуетъ; весь Лондонъ бежитъ любоваться на нее. Вотъ, что пишутъ объ ней въ газетѣ *Sun*.

«Г. Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, членъ Британскаго Музеума Мануфактуръ, изобрѣлъ большую воинскую машину, которой разрушительная сила не имѣетъ ни- чего подобнаго въ извѣстной дослѣ Исторіи народовъ всей земли. По мнѣнію изобрѣтателя, это ужасное ору- діе произведетъ то дѣйствіе, что впредь вести войну бу- деть уже невозможно, потому что самое многочисленное войско не въ состояніи будетъ побѣдить нѣсколькихъ чело- вѣкъ, которые, при помощи этой машины, вздумаютъ рѣ- шительно защищаться. Съ помощію новой силы, изобрѣ- тенной г-мъ Топлисомъ, нѣсколькихъ челоувѣкъ достаточно для того, чтобы истребить величайшую армію, какую только можно вывести въ поле. Эта машина такъ легка, что два челоувѣка удобно могутъ поставить ее на колеса, и двигать по всѣмъ направленіямъ или самп, или при помощи одной лошади. Ее можно провести по всякой дорогѣ, по которой только могутъ пройти челоувѣкъ или лошадь. Чтобы при- готовить ее къ дѣйствію, для этого нужно только нѣсколь-

ко минутъ. Машина эта построена и расположена такимъ образомъ, что можетъ бросать въ столько времени, сколько угодно, градъ ядеръ, направляемый въ ту или другую сторону, точно такъ же, какъ направляется вода, извергаемая пожарною трубою, и притомъ съ такою же легкостію. Между тѣмъ, какъ этотъ смертоносный дождь будетъ съ величайшею точностію литься на непріятельскую армію, два человека, приводящіе машину въ движеніе, будутъ вѣгъ всякой опасности. «Мы должны признаться, говорятъ редакторы газеты *Sun*, что покуда еще не рассмотрѣли въ подробности этого ужаснаго орудія смерти, мы очень расположены были сомнѣваться въ силѣ, приписываемой ему изобрѣтателемъ. Но г. Топлисъ такъ ясно растолковалъ намъ дѣйствіе своей машины, устройство ея такъ просто, приведеніе въ дѣйствіе такъ легко, всѣ части такъ хорошо приспособлены къ ея назначенію, что все это совершенно уничтожило наши сомнѣнія, и мы убѣдились, что небольшое число этихъ приборовъ, искусно употребленныхъ, достаточно было бы для того, чтобы истребить армію не малочисленнѣе той, которую Наполеонъ повелъ въ гибельный походъ на Россію.

«О дѣйствующей силѣ этой машины, скажемъ мы только то, что изверженіе ядеръ производится развитіемъ газа въ то время, какъ пушечный порохъ постепенно загорается. Люди, приводящіе машину въ движеніе, располагаютъ этою силою такъ произвольно, что могутъ останавливать изверженіе ядеръ, и потомъ возобновлять его, почти безо всякой потери времени. Докторъ Биркбекъ и другіе ученые люди разсматривали эту машину, и ни сколько не сомнѣваются въ ея дѣйствительности. Что касается до изобрѣтателя ся, г. Топлиса, то онъ совершенно убѣжденъ въ благотельномъ дѣйствіи, которое она произведетъ на будущую судьбу народовъ, сдѣлавъ войну столь кровопролитною, что никто не осмѣлится предпринять ее; и потому-то именно г. Топлисъ назвалъ это ужасное орудіе разрушенія утѣшительнымъ именемъ *всеобщаго примирителя*.

БЕЗКОНЕЧНАЯ МУЗЫКА. До сихъ поръ только глупость и злость считались совершенно неизлечимою болѣзнію: теперь

видно, что и музыка иногда сопротивляется всемъ усиліямъ врачебнаго искусства. Докторъ Беффоріо имѣлъ не давно случай наблюдать необычайное дѣйствіе произведенною музыкаю надъ одною женщиною. Этой женщинѣ было двадцать восемь лѣтъ отроду; она родилась и жила въ небольшой Пиемонтской деревнѣ, семь лѣтъ была замужемъ, цвѣтъ лица имѣла живой и сложеніе здоровое. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года она была на храмовомъ праздникѣ въ своей деревнѣ. На балѣ, данномъ по этому случаю, былъ хорошій и весьма громкій оркестръ, который она слышала въ первый разъ въ жизни. Праздникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и балъ продолжались три дня, и эта женщина танцевала почти безпрерывно и съ какимъ-то энтузіазмомъ; никогда она не слышала музыки такой громкой, и никогда съ такимъ удовольствіемъ не танцевала.

По окончаніи праздника, ей все слышались звуки музыки, которая такъ прельстила ее. Что бы она ни дѣлала, ѣла ли, ходила ли, лежала ли, мелодическіе звуки безпрерывно раздавались въ головѣ ея, такъ что она не могла спать. Оркестръ игралъ все монферины, а такъ какъ ихъ было очень много, то всѣ онѣ одна за другою проходили въ ея головѣ.

Бессоница, произведенная этою безконечною музыкаю, разстроила пищевареніе и другія жизненные отправления. Разные шарлатаны и нѣкоторые ученые врачи были призываемы, но ни какое пользованіе не могло прескратить этой музыки. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ разстройство жизненныхъ отравленій, слабость и почвныя испаренія, увеличивались, звуки въ головѣ ея усиливались. Докторъ Беффоріо, который былъ три раза приглашаемъ на консультацію, всегда находилъ, что пульсъ бьется у ней сильно, неровно и съ перемежками какъ у человѣка, который испуганъ. Черезъ полгода эта женщина умерла отъ первичской чахотки, и во все это время ни на минуту не переставала слышать музыки, которая становилась все болѣе и болѣе тягостною, по мѣрѣ разстройства здоровья.

Первый скрипачъ для забавы общества, иногда нарочно фальшивилъ, и эти звуки также повторялись въ головѣ ея, и тѣмъ чаще, чѣмъ состояніе ея становилось хуже: до-

шло до того, что она, хватаясь обѣими руками за голову, вскрикивала: Ахъ какія фальшивыя поты!

Не мудрено, что звуки, такъ сильно подѣйствовавшіе на органъ слуха, и произведшіе столь чрезвычайное дѣйствіе на sensorium commune, могли возбудить въ немъ посторепіе, какъ бываетъ при долговременныхъ ощущеніяхъ; но испостижимо, отчего это дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, усиливалось безпрерывно, до того, что произвело нервическую чахотку, которая, сколько намъ извѣстно, досель еще не была наблюдаема.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ. Мы уже однажды говорили о вліяніи нашего спутника на перемены въ воздухѣ. Дѣйствіе его на животную и растительную жизнь, съ недавнихъ поръ, такъ же обратило на себя вниманіе естествоиспытателей. Въ Сиріи и Египтѣ вообще мнѣніе приписываетъ его свѣту очень вредное вліяніе на здоровье человека, и въ лунныя ночи тамошніе жители садятся на открытомъ воздухѣ не иначе, какъ въ тѣни. Сильная головная боль бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ пренебреженія этой осторожности, которой пользу можемъ мы подтвердить личнымъ опытомъ. Любопытны слѣдующіе факты, сообщаемые Г-мъ Монтгомери Мартинномъ въ его «Исторіи Англійскихъ Колоній.»

«При изслѣдованіи климата тропическихъ странъ, вліяніе мѣсяца, кажется, совсѣмъ потеряно было изъ виду; но если дѣйствіемъ луны поднимаются изъ бездонныхъ пучинъ воды обширнаго океана, то безъ преувеличенія можно утверждать, что приливы и отливы атмосферическаго воздуха подвержены тому же вліянію: это такъ вѣрно, что, въ низменныхъ тропическихъ странахъ, каждый внимательный наблюдатель Природы непременно замѣтитъ силу мѣсяца надъ временами года, и надъ животнымъ и растительнымъ организмами. Что касается до послѣдняго, то можно рѣшительно утверждать, что въ Демерарѣ бываетъ тринадцать разъ въ годъ весна и осень, потому что именно столько разъ сокъ въ деревьяхъ поднимается къ вѣтвямъ, и опускается къ корню. Напримеръ, срубите вы валабу, — смолистое дерево, нѣсколько сходное съ краснымъ, — въ темнотѣ, незадолго передъ новолуніемъ, и вы увидите, что это

одно изъ крѣпчайшихъ строевыхъ деревъ на свѣтѣ: попытайтесь расколоть его, при всѣхъ вашихъ успѣхахъ раздѣрется оно очнь неровно. Теперь, срубите другую балабу, выросшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ первой, въ полнолуніе, и можете расколоть ее въ прекраснѣйшія гладенькія лучинки, какой угодно толщины; но для постройки это дерево слишкомъ рыхло. Бамбуковый тростникъ, въ руку толщиной, перѣдко употребляютъ для частоколовъ: если онъ былъ срубанъ въ безлуніе, то выдержитъ десять и двѣнадцать лѣтъ, если жъ въ полнолуніе, — пропадетъ въ два, въ три года. То же самое и съ другими деревьями, хотя, можетъ, и не со всеми. Если перейдемъ ко влиянію луны на животный организмъ, то увидимъ, что издѣсь за примѣрами дѣло не станетъ. Я вѣдалъ въ Африкѣ, что новорожденные животныя издыхали въ нѣсколько часовъ подлѣ матери, если были подвержены дѣйствию лучей полного мѣсяца; рыба скоро начинала гнить, а мясо портилось даже и соленое; моряки, неосторожно спавшіе на палубѣ, получали куриную слѣпоту; иногда же дѣйствіе мѣсячныхъ лучей производило въ лицѣ ихъ отвратительную опухоль; отъ перемѣнъ луны припадки сумасшествія страшно усиливались, и влияніе этого свиду кроткаго, но могущественнаго свѣтла часто причиняло спящему лихорадочный ознобъ. Пусть только изучать дѣйствіе Луны на Землю, и тогда увидятъ, что оно слыше, нежели какъ вообще полагали.»

АМЕРИКАНСКІЕ ИНДѢЙЦЫ. Вотъ еще нѣсколько строкъ объ Американскихъ туземцахъ, которыя мы заимствуемъ также изъ сочиненія Г. Мартина, въ дополненіе къ тому, что сказано объ нихъ въ отчетѣ о книгѣ почтеннаго Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ.

«Гвіанскіе Индѣйцы — народъ чрезвычайно способный, и быстрота ихъ хода въ родныхъ лѣсахъ, по самымъ труднымъ дорогамъ, изумительна для Европейцевъ, изъ которыхъ мало кто въ состояніи поспѣвать за ними даже на небольшомъ разстояніи. Ни какой Европейскій переходъ не сравнится съ быстрыми движеніями Индѣйскихъ полковъ Боливаровой арміи. Экспедиція, состоящая изъ однихъ Индѣйцевъ, въ нѣсколько дней прошла то, что европейцамъ стоило бы нѣсколько мѣсяцевъ.»

дѣйствѣ, пройдетъ известное пространство втрое скорѣе такого жъ Европейскаго отряда, и это преимущество дастъ имъ возможность съ выгодою противостоять въ дикихъ краяхъ своимъ непріятелю, который вдвое ихъ многочисленнѣе. Сверхъ-того, они могутъ удобно прожить тамъ, гдѣ Европейское войско должно умереть съ голоду, и коммисаріата для нихъ не нужно. Съ 10 фунтами кассавнаго хлѣба Индѣецъ пробудетъ въ полѣ недѣли три или мѣсяць. Ружье его всегда будетъ исправно, аммуниція суха и годна въ дѣло. Нѣтъ возможности застать его въ распlochъ, и съ начальникомъ, который не уступитъ ему въ этихъ качествахъ и къ которому онъ имѣетъ довѣріе, Индѣйскій рядовой лучше всякаго для службы въ тропическомъ краѣ, подъ палящимъ солнцемъ экватора.»

Эти люди одной породы съ первобытными жителями Острововъ: но гдѣ теперь послѣдніе! Они истреблены другими людьми, которые не только назывались образованными, но и хотѣли слыть чрезвычайно пажными: не будемъ разлагать чувствъ, возбуждаемыхъ сближеніемъ слѣдующихъ предписаній Ямайкскаго Совета:

«Августа 14, 1656 года. Приказъ, за подписью Эдварда Д'Ойли, о раздачѣ солдатамъ 1701 Библіи.»

«Августа 26, 1656 года. Предписаніе, давное казначею Питеру Нью, объ уплатѣ Джонъ Гою двадцати фунтовъ стерлинговъ, изъ податной суммы, за пятнадцать собакъ, привезенныхъ имъ для травли Индѣйцевъ.»

Конечно, теперь не въ модѣ употреблять собакъ для очистки земель отъ первобытныхъ людей; но Европейцы скоро затравятъ ихъ своею промышленностью. Они искоренятъ своею торговлею это злополучное поколѣніе, и слѣды его смоютъ потокомъ рому. Черезъ два столѣтія, Американскихъ Индѣйцевъ можно будетъ называть тоже предпотопными народами.

ПЕРСИЯНЕ. Въ статьѣ о Средней Азій, по изобилію предметовъ, не могли мы замѣтывать столько, сколько бы желали, изъ любопытнаго Путешествія поручика Кополли въ Индію черезъ Россію, Персію и Афганстанъ. Вознаградимъ этотъ пропускъ вышескою нѣсколькихъ подробностей

о Персіанахъ. Во-первыхъ, разговоръ поручика съ однимъ изъ сыновей Шаха, — съ шахъ-заде (принцемъ) Ахмедъ-Али-Мирзою, и визиремъ его, въ Мешгедъ:

1. *Кто такой Остъ-Индская Компанія?* «Шахъ-заде желалъ знать, у кого я въ службѣ, у Англійскаго Короля или у *Кумпани*. — У Кумпани, отвѣчалъ я: по члены Кумпани сами подданные Его Величества Короля Англии и Падишаха морсей. — «*Кумпани чи чизъ эсть?* Что за такая штука, Кумпани?» спросилъ принцъ. Я сталъ было толковать о двадцати четырехъ директорахъ, но визирь пересбилъ меня и рѣшительно отвѣчалъ, что, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, будто Остъ-Индская Компанія есть старая баба, которая никакъ не можетъ умереть, но это неправда: Компанія — просто Сиръ Джонъ Малкольмъ. Я хотѣлъ сказать, что онъ ошибается. Не тутъ-то было, — онъ крѣпко стоялъ на своемъ. — «Вы меня спросите!» говорилъ онъ съ видомъ чловека, который знаетъ всю подноготную: «поверьте, что это мнѣ очень хорошо извѣстно. Сиръ Джонъ «Малкольмъ прѣехалъ сперва въ качествѣ *эльчи* (посла) къ «нашему Царю Царей, а тамъ отправился въ Бомбай, и «сталъ *Компаніей*.» Явно, что все разуверенія съ моей стороны были бы напрасны. При томъ же, думалъ я, почтенной Компаніи могутъ навязать представителю гораздо хуже: такъ пусть себѣ визирь остается при своемъ мнѣніи, а на меня падеть укоръ, что я не знаю дѣлъ своего отечества.»

2. *Персидскій астрономъ.* Г. Конолли прѣехалъ въ Мешгедъ, съ товарищемъ своимъ, Персіаншиномъ, по имени Сеидъ. «Черезъ нѣсколько дней Сеидъ взялъ меня съ собою объѣхать къ старинному пріятелю своему, мнрзѣ Абдуль-джовату, который былъ муджтеномъ, то есть, главнымъ богословомъ и однимъ изъ сановниковъ города. Мешгедцы почитаютъ мнрзу Абдуль-джовата настоящимъ *Ифлатуномъ*, Платономъ: Онъ все знаетъ! Когда мы шли къ нему, Сеидъ сказалъ мнѣ: «Вы какъ-то говорили, что завоеванія Чингисхана и Монголовъ не простерлись въ Англию: пусть оно и по вашему, но не советую вамъ спорить объ этомъ съ мнрзой Абдуль-джоватомъ, потому что у него «есть историческая книга о Френгистанъ (Европѣ), гдѣ ска-

«зано, что Монголы были въ Англіи: такъ зачѣмъ разстроивать его съ этой книгою?»

«Мы дождались, пока старикъ кончилъ свои молитвы въ маленькой мечети, у самыхъ воротъ его дома. Сидѣть поцѣловаль у него руки въ знакъ глубочайшаго почтенія; я привѣтствовалъ его по-Персидски, положивъ руку на сердце, и поклонившись впередъ. Только-что мы усѣлись на пятахъ, мирза сказалъ мнѣ: «Добро пожаловать! Вы оказали «милость! Весьма пріятно васъ видѣть! Ванъ мозгъ въ несправности? Какова географическая широта Лондона?» Заглянувъ въ книгу, о которой упоминалъ мой товарищъ, и которая тутъ же лежала, онъ удостовѣрился, что мнѣ извѣстна широта Лондона, и я прослылъ у него человекомъ съвѣдущимъ. Потомъ онъ говорилъ о своихъ астрономическихкихъ наблюденіяхъ въ Мешгедѣ, по которымъ опредѣлялъ будто-бы положеніе его почти согласно съ Г. Фрезеромъ: думаю, что старикъ немного прихвастнулъ! Онъ сильно напиралъ на меня отвлеченными мѣстами изъ Астрономіи, пока счастію случился другой гость, который помѣшалъ нашему разговору сдѣлаться слишкомъ ученымъ: то былъ купецъ изъ Решта, который, переплывъ однажды черезъ Каспійское Море въ Астрахань, считалъ себя въ полномъ правѣ рассказывать самыя удивительныя вещи объ *Урусалъ*, то есть, Русскихъ.

«Разговоръ былъ очень кетати перерванъ превкуснымъ обѣдомъ, поданнымъ на серебряныхъ подносахъ, и я наконецъ увидѣлъ, какъ живутъ здѣсь люди высшихъ сословій. Тутъ былъ продолговатый Пишаверскій рисъ, который можете вы придавить, какъ хотите, и онъ опять поднимется собственной своей упругостью: онъ такъ легокъ, что никогда не почувствуешь, довольно ли его съѣлъ или нѣтъ. Вмѣстѣ съ нимъ подали намъ разноцветныхъ пилавовъ, личицъ, отличныхъ мясъ съ сладкими епронами и чесноку въ молоко; а для питья, шербетовъ и соку свѣжихъ гроздь, — сущихъ нектаровъ, которые изъ фарфоровыхъ кувшиновъ персливаются въ ротъ глубокими ложками грушеваго дерева, такъ изящно выточенными, что онъ выблѣются подъ тяжестью паштока. Хозяинъ подчивалъ гостей самымъ учтивымъ образомъ, выбирая намъ лучшіе куски мяса пальцами,

и даже удѣляя съ своей собственной тарелки, — въжливость, существующая по-крайней-мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ Юсіѣвъ угощалъ братьевъ при Дворѣ Фараона, и почитаемая въ Персіи за первую ласку, какую только можно оказать дорогому гостю: онъ приправлялъ обѣдъ, разсыпая въ промежуткахъ его цвѣты поэтическаго остроумія, и перебрасывался ими съ Сидомъ, который самъ былъ на это большой мастеръ.»

3. *Персидская въжливость.* «Персіанъ сравнивали иногда съ Французами въ отношеніи къ умѣнью пріятно бесѣдовать и къ въжливости въ обращеніи; но, право, сомнительно, наговаряютъ ли вамъ Французы такъ много объ какой-нибудь бездѣлицѣ, и не потерчатъ ли слава ихъ учтивости отъ сравненія съ сынами Востока. У Персіанъ нѣтъ настоящихъ свѣдѣній, изъ которыхъ бы они могли извлекать пищу для своего остроумія; однако жъ, рѣдко бываетъ, чтобъ, сошедшись глазъ-на-глазъ, они не завели съ вами бойкаго разговора: притомъ и объясняются они такъ учтиво и весело, что въ обществѣ ихъ вы тотчасъ чувствуете себя на свободѣ, и можете находить въ немъ удовольствіе, даже при весьма несовершенномъ знакомствѣ съ ихъ языкомъ. Мнѣ показалось, что они учтивѣе Французовъ, особенно нынѣшнихъ; что, обладая ихъ пріятностью, они не имѣютъ такой склонности къ гримасамъ и той опрометчивости, той brusquerie, которая перѣдко оскорбляетъ въ нынѣшнемъ Французѣ. Правда, они могутъ быть такъ же грубы и непріятны, какъ и всякой другой народъ, но для этого надобно тронуть ихъ религіозные предразсудки: иначе рѣдко забудутся они до такой степени.»

ВОДЯНОЙ ТЕАТРЪ. Наконецъ открыли въ Парижѣ водяной, или такъ называемый, паутичскій театръ: то есть, онъ былъ открытъ уже въ Іюнь мѣсяцъ; но мѣсто, приготовленное для воды, для рѣкъ, озеръ, водопадовъ, морей и океановъ, тогда было еще покрыто досками, и на нихъ-то разыграли двѣ пьесы, — *Les Ondines* и *Guillaume Tell*. Теперь зрители увидѣли и бассейнъ, и воду, и въ придачу новый Балетъ, «Робинзонъ Крузе», сочиненный для этого случая Г. Блашемъ, братомъ нашего Петербургскаго хоре-

графа. Да! на театрѣ была вода: но какая вода! Нечистая, печальная. На водѣ былъ Балетъ: но какой Балетъ! Вполнѣ достойный воды и бассейна.

Въ бассейнѣ за деревомъ, течетъ вода. Шумъ падающей воды очень печаленъ, и скорѣе располагаетъ къ задумчивости, чѣмъ къ смѣху. Прошу смѣшнить и дурачиться при шумѣ водопада!

Неразь уже говорили, что истинная истина въ Искусствахъ не существуетъ: теперь можно сказать напротивъ, что истинная истина вредитъ Искусству. Поставьте посреди декораций, изображающей лѣсъ, дерево настоящее, земное, покрытое листьями и плодами: оно будетъ подавлено живописью. При представленіи этого Балета на водяномъ театрѣ, искусственное море, изъ полотна и панки, виднѣвшееся вдаль, совершенно затмѣвало воду настоящую; настоящія суда походили на орѣховыя скорлупы въ сравненіи съ нарисованнымъ линѣйнымъ кораблемъ, а настоящая обезьяна была дрянная обезьяна въ сравненіи съ актеромъ, который нарядился бы въ кожу покойнаго Мазюрьс.

Театръ всегда предполагаетъ вымыселъ, обманъ чувствъ. Оставьте попугавъ и обезьянъ въ ихъ лѣсахъ: есть много актеровъ, которые могутъ играть очень естественно роль обезьянъ и попугавъ. Искусство человека, ловко подражающаго животному, приноситъ вамъ удовольствіе и возбуждаетъ удивленіе, которыя вдругъ исчезаютъ при видѣ подлиннаго животного, дѣйствующаго безъ всякаго усилія. Къ чему принуждать честныхъ звѣрей играть комедію, когда они не имѣютъ къ тому ни какого расположенія? Къ чему мучить водовозовъ, заставляя ихъ натаскивать вамъ настоящее море, за которое вы платите очень дорого, между тѣмъ какъ размалеванное полотно стоитъ такъ дешево?

О Балетѣ и говорить нечего. Вода не оставила мѣста Балету. Что касается до содержанія, то дѣло все въ томъ, чтобы взбѣсить бѣднаго ученаго, который заброшенъ бурсю на островъ Робинсона. Бѣдный ученый бросается въ воду, а какъ это вода настоящая, то больно видѣть несчастнаго

актера, который для того, чтобы размягчить васъ, подвергается опасности получить воспаление въ груди. Парижскіе критики советуютъ Парижскому Г. Блану лучше взяться за что-нибудь другое.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Fille du Régence, *Царская дочь*, Комическая Опера въ двухъ дѣйствіяхъ.

Музыка этой Оперы написана артистомъ, Г. Фельтромъ, который давно уже начинаеть; слова г-мъ Скрибомъ. Дѣйствіе происходитъ въ обширномъ лѣсу одного Великаго Герцогства. Великій Герцогъ сказалъ своему сыну: Альберту, — *Я хочу, чтобы ты женился на Бланкѣ Симмеренъ!* Но какъ строгій Герцогъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрейшій изъ отцевъ, то онъ позволилъ сыну своему, Альберту, въ тотъ же день ѣхать на охоту.

Вы слышите валторны, тромбоны, громъ: это сынъ Герцога, Альбертъ, ѣдетъ на охоту. Въздвигъ часто на охоту, Альбертъ встрѣтилъ однажды пастушку Эммелину; Эммелина, несмотря на зеленое, вышитое золотомъ платье Альберта, приняла его за богатаго мызника. Она влюбилась въ него, потомъ тайно вышла за него замужъ, и теперь любить его всѣмъ сердцемъ. Въ этотъ день Альбертъ очень печаленъ; ему приказано жениться на Бланкѣ Симмеренъ, которой онъ не любитъ, и онъ нарочно прѣзжаетъ въ лѣсъ, чтобы предувѣдомить объ этомъ жену свою, Эммелину. Но Эммелина такъ добра и мила, она такъ любитъ своего Альберта, что у него не достаетъ духу сказать ей объ этомъ. Альбертъ не смѣетъ сказать ей наотрѣзъ что онъ Альбертъ и сынъ Великаго Герцога, и только рѣшается открыть ей, что онъ не простой мызникъ, что онъ племянникъ Великаго Герцога: да, племянникъ его, Адольфъ! При этой вѣсти, Эммелина остается въ недоумѣніи; въ глубинѣ сердца она очень огорчена этимъ, но потомъ утѣшается, вспомнивъ, что пословица говоритъ: *Бываетъ, что и цари женятся на пастушкахъ!*

Принцъ Альбертъ, немножко успокоившись этою полудовѣренностію, возвращается домой, къ батюшкѣ. Тутъ

снова появляется охота, и подымается шумъ и тревога такъ, что самые старые дубы и самые крѣпкія ушнѣ трещать. Является новый охотникъ, Адольфъ, именно племянникъ Герцога. Адольфъ тоже влюбленъ; но не въ пастушку, а въ принцессу: онъ любитъ Бланку Симмеренъ, невѣсту двоюроднаго его брата, Альберта, и, что всего лучше, онъ любимъ. Правда, что онъ съ нею еще не въ такой дружбѣ, какъ Альбертъ съ Эммелиною, но не далеко отъ этого. Они оба къ этому готовы, и Бланка и Адольфъ. Они даже согласились между собою, чтобы Адольфъ нарочно бросился въ пропасть для того, чтобы не исполнить приказанія Великаго Герцога, который и его хочетъ женить. Распустивъ слухъ о своей смерти, Адольфъ увезетъ Бланку Симмеренъ, и женится на ней въ чужихъ краяхъ.

Адольфъ дѣлаетъ все какъ условлено; ѣдетъ на охоту и притворяется, будто убитъ. Весь дворъ сожалеетъ о молодомъ Принцѣ. Сильнѣйшая горестъ этого траура раздается въ сердцѣ пастушки Эммелины, которая почитаетъ Адольфа своимъ супругомъ. Услышавъ, что онъ умеръ, она приходитъ ко двору Герцога, чтобы оплакивать супруга своего въ уединеніи. Тутъ она объявляетъ, что была обручена съ Адольфомъ, и часто видалась съ нимъ въ лесу при звукахъ валторнъ и тромбонновъ. При этой вѣсти нетерпѣливая Бланка Симмеренъ вскрикиваетъ: *Адольфъ обманщикъ!* Она рассказываетъ, что Адольфъ не умеръ, что онъ только притворился мертвымъ для того, чтобы дядя о немъ поплакалъ; что онъ въ эту же ночь долженъ прѣхать, чтобы увезти ее, невѣсту Альберта. Великій Герцогъ въ ту жъ минуту посылаетъ за своимъ племянникомъ; его схватываютъ и приводятъ. О ужасъ! это не онъ! это не супругъ Эммелины! Эммелина обманута во второй разъ. Сначала она думала, что вышла замужъ за мизника въ зеленомъ, вышитомъ золотомъ платьѣ, и была очень довольна своимъ мизникомъ; потомъ думала, что вышла за племянника Великаго Герцога, и опять покорилась судьбѣ своей, согласилась быть герцогиней, какъ и слѣдуетъ доброй и покорной женѣ. Теперь что же думать? Ктоже это на ней женился? Почему знать! быть-можетъ, Баргушъ. Бѣдная Эммелина!

Тутъ Великій Герцогъ подходитъ къ пастушкѣ, и советуе ей требовать правосудія: это все же утѣшительно, да притомъ и занимательно. Эммелина проситъ правосудія. Она подходитъ къ трону и требуетъ мести противъ обманщика, который, обольстивъ ее, женился на ней, покинулъ ее. Но вы можете вообразить ея удивленіе, когда поднявъ прекрасные глаза свои, она видитъ на тронѣ того же самага, который обольстилъ ее, женился на ней, покинулъ ее! Она смущается, блѣднѣетъ, едва держится на ногахъ. Принцъ Альбертъ, которому отецъ уступилъ на время свой тронъ, чтобы онъ поучился отправлять правосудіе, смущенъ не менѣе самой Эммелины; такъ смущенъ, что не можетъ выговорить ни слова, не то придумать рѣшеніе дѣла столь казуснаго. Великій Герцогъ, видя смущеніе сына, воображаетъ себѣ, что у него вертится голова отъ того, что онъ сидитъ не на своемъ мѣстѣ; отецъ спѣшитъ на помощь къ своему сыну, садится на тронъ, и произноситъ твердымъ, привычнымъ голосомъ слѣдующее рѣшеніе: «Повелѣваю, чтобы обольститель Эммелины палъ къ ногамъ ея, просилъ у ней прощенія, и женился на ней во второй разъ, сообразивъ съ законнымъ порядкомъ, чѣмъ въ первый.» Сказано, сдѣлано. Принцъ Альбертъ, который не хочетъ быть повѣшенъ какъ обольститель, падаетъ къ ногамъ Эммелины. «Что ты дѣлаешь?» вскрикиваетъ Великій Герцогъ. Исполнимо ваше повелѣніе, отвѣчаетъ Принцъ Альбертъ. Кто тутъ больше всѣхъ удивленъ и разогорченъ? Разумѣется Великій Герцогъ: онъ самъ себя связалъ слишкомъ скорымъ рѣшеніемъ; торжественный приговоръ его падаетъ на его же голову всею своею тяжестію; собственное правосудіе его угнетаетъ и доброта сердца приводитъ въ крайность. Какъ-бы то ни было, но дѣлать нѣчего, говорить нѣчего, пѣть нѣчего: онъ прощаетъ, пастушка становится Герцогиннею. и Опера кончается. Плоха? Это правда; но музыка еще хуже.

2. *Judith et Holopherne*, *Юдиѣ и Олофернѣ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Теолона и Неззля.

Вы думаете, что рѣчь плетъ о библейскихъ Юдиѣ и Олофернѣ? Вы ошибаетесь. Это только пѣчто въ томъ же родѣ. Дѣло происходитъ во время Испанской войны. У подошвы Сиерра-Морены (гора, упоминаемая въ *Донъ-Кихотѣ*), въ

одной из прелестных дачъ, расположенныхъ на полу-горѣ, живетъ, въ качествѣ наследника почтеннаго своего батюшки, Донъ Меринось, честный и смиренный гвидальго. Дону Мериносу хотѣлось бы развести потомство, но онъ не находитъ, поблизости, жены себѣ по вкусу, и выписываетъ нарочно изъ Америки какую-то свою родственницу, известную ему съ весьма хорошей стороны по своей невинности и чистосердечію.

Эта родственница, молодая Тереза, природная дочь Америки, гдѣ она цѣлый день спала въ своей койкѣ и, просыпаясь, курила сигарку, страстная и избѣженная Креолка, ужасно скучаетъ въ горахъ родственника своего, Дона Мериносо. Между-гѣмъ важная вѣсть разносится въ горахъ и повторяется эхомъ: Французы! непріатели! Мужья смущаются, любовники блѣднѣютъ, женщины радуются. Донъ Меринось рѣшается, изъ предосторожности, жениться на своей Терезѣ въ тотъ же вечеръ.

Дѣлаются приготовленія къ свадьбѣ. Конечно: черезъ нѣсколько часовъ-бѣдная Тереза будетъ женою глупаго какъ мериносовый башмакъ, родственника своего, Дона Мериносо, какъ вдругъ является родъ монаха, котораго зовутъ Руи-Гомесомъ. У Руи-Гомеса, старика хилаго и ревниваго, жена молоденькая и хорошенькая. Г-жа Гомесъ ужъ видѣла непріятельскаго генерала, Артюра, когда Испанцы еще не видали непріятельскаго огня. Женщины всегда любятъ непріятельскихъ генераловъ, и Г-жа Гомесъ влюбилась въ Артюра. Старикъ поклялся отомстить ему за эту любовь. Вотъ для чего надѣлъ онъ рясу капуцина, вотъ для чего возмущилъ онъ всѣхъ обманутыхъ мужей и всѣхъ любовниковъ, которые боятся быть обманутыми. Это родъ страховаго общества противъ волокитства непріателей. Руи-Гомесъ предлагаетъ Дону Мериносу вступить въ это общество, и Меринось съ радостію соглашается. Для лучшаго успѣха въ мщенія, онъ созываетъ всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ. Бѣдняжки сбѣгаются, думая найти у него музыкантовъ и танцы, и находятъ монаха и проповѣдь. Проповѣдь противъ непріателей вообще, и генерала Артюра въ особенности, производитъ такое впечатлѣніе на этихъ женщинъ, что Тереза, слыша, какъ, въ проповѣди, Артюра сравнивали съ Олоферномъ, рѣшается съ-

грать съ нимъ роль Юдиѳи: терять сѣ тутъ нѣчего, а между-тѣмъ свадьба ея будетъ такимъ образомъ отсрочена.

Сказано, сдѣлано. будущій супругъ будущей Юдиѳи даетъ ей сообразныя съ обстоятельствами наставленія, объясняетъ въ подробности что ей дѣлать, чтобы вполнѣ походить на образецъ свой: нарядиться, забраться ночью въ спальню генерала, играть ему на лютнѣ, пѣть романсы, ужинать съ нимъ, пить съ нимъ вино, воспламенять его своими взглядами и поцѣлуями. Напрасно Донъ Мериносъ трудится: Юдиѳь и сама все это знаетъ, а остальнаго и слушать не хочетъ.

Во второмъ дѣйствии вы въ палаткѣ Олоферна, или, лучше сказать, въ спальнѣ Французскаго генерала Артюра: онъ спитъ, и ужинаетъ, и пьетъ Испанское вино, въ ожиданіи Испанскихъ приключеній. Вдругъ является къ нему Юдиѳь, во всеоружіи красоты и юности. Она оставила за дверями монаха, Рун-Гомеса, и жениха своего, Дона Мериноса. Вы можете вообразить, что Артюру очень пріятно видѣть прелестную Креолку. Онъ идетъ къ ней на встрѣчу, беретъ ее за руку, сажаетъ подлѣ себя, самъ ей прислуживаетъ, сначала съ учтивостію, потомъ съ любовію. Она восхищается, воспламеняетъ, уповааетъ его; позволяетъ ему разныя *невинныя* шалости; однимъ словомъ, исполняетъ какъ нельзя лучше наставленіе жениха своего, Дона Мериноса; а тотъ стоитъ за дверьми, все видитъ, все слышитъ, бѣсится и кусаетъ губы, пальцы, а можетъ-быть и локти; но дѣлать нѣчего. Наконецъ Артюръ, упоенный любовію и виномъ, засыпаетъ. Мериносъ торжествуетъ, входитъ, подастъ Юдиѳи свой мечъ, и готовится принять голову Олоферна. Но генераль просыпается, Донъ Мериносъ и Рун-Гомесъ убѣгаютъ, чтобы не попасться въ руки непріятелей, а Тереза объявляетъ Артюру, что она пришла совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы отрубить ему голову, и все дѣло кончается, какъ обыкновенно кончаются Водевилы.

5. *Le Septuagénaire, Семидесятилтній старикъ*, Мелодрама въ четырехъ дѣйствияхъ, Гг. Мервилля и Альбитта.

Добрый и умный молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, Г. Юлій Лакруа, старшій братъ почтеннаго Библиофила Жакоба, которому, какъ всѣмъ извѣстно, девяносто шесть

леть отъ роду, издалъ въ прошломъ году Романъ подъ заглавіемъ (съ позволенія сказать) — *Беременность*. Въ этой книгѣ Г. Юлій Лакруа прикидывается злымъ, жестокимъ, мстительнымъ, кровожаднымъ безъ мѣры, — точно какъ маленькіе, миленькіе дѣтки, выведутъ себя пробкой усы и думаютъ, что они очень страшны.

Г. Юлій Лакруа, чтобы доказать, что онъ умѣетъ написать Романъ въ повѣйшемъ Французскомъ вкусѣ, собралъ въ своемъ твореніи множество происшествій, одно другаго невѣроятнѣе, одно другаго страшнѣе, одно другаго отвратительнѣе, и заключаетъ все это слѣдующими словами: «Видъ себя отъ ярости, Виконтъ отрываетъ ребенка отъ материнской груди, и бросаетъ имъ въ мужика, который нагибается, чтобы увернуться отъ удара. Ребенокъ разбивается объ стѣну!»

Чтобы доказать Г-ну Лакруа, что не только дурное дѣло, но и дурная книга не остается безъ наказанія, Гг. Мервилль и Альбиттъ сдѣлали изъ его Романа отвратительную Мелодраму, которой мы замъ рассказывать не станемъ. Довольно вамъ знать и то, что Мелодрама идетъ по пятамъ за Романомъ, и что авторы жестоко падули Парижскую пубку. Зрители сбѣжались, чтобы посмотреть, какъ ребенокъ разобьется о холстяную стѣну, а этого совсѣмъ и не было: сочинители Мелодрамы придумали развязку невинную и полу-нравственную. Я право не знаю для чего: чего тутъ церемониться! Мы, кажется, ужъ порядочно обстрѣляны. Съ тѣхъ поръ какъ играютъ Ричарда д'Арлингтона и другія пьесы той же школы, дѣти уже перазъ рождались на сценѣ: почему же бы ребенку не разбиться на сценѣ объ стѣну! Но погодите: прійдетъ и это своимъ чередомъ!

4. *Le noviciat diplomatique*, *Первый шагъ на дипломатическомъ поприщѣ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Араго и Фуше.

Дѣйствующія лица: Король Лудовикъ XIV, Маршалъ Тюрень, Министръ Лувуа, Маргерита Рогашъ-Шао, Маркиза Коэтканъ! Вотъ вамъ и Водевиль.

Рецептъ этого Водевилья похожъ на извѣстный рецептъ какъ испечь оливку:

Возьми оливку, положи ее въ тѣло подорожника, положи подорожника въ тѣло красной перепелки, красную перепелку въ тѣло фазана, фазана въ тѣло поросенка; изжарь все это на вертелѣ, прикажи подать прямо на столъ, и скушай оливку.

Добрый, великій, скромный Тюрень, который одинъ столъ армін, о смерти котораго Г-жа Севинье писала со слезами истинами, столъ рѣдкими въ ея прекрасныхъ глазахъ, — тотъ человекъ, какъ вы знаете, въ припадкѣ любви, измѣнилъ государственной тайнѣ. Этотъ герой ни въ чемъ не умѣлъ отказать женщинѣ, если только женщина сама ни въ чемъ ему не отказывала. Такимъ образомъ онъ открылъ однажды Г-жѣ Коэтканъ тайну отъѣзда супруги Дофина въ Англію. Изъ этой погрѣшности великаго человека Гг. Араго и Фуше сдѣлали Водевиль.

Водевиль ихъ очень дурень, хотя умно написанъ. Г-жа Коэтканъ не довольно мила, чтобы сдѣлать Тюрень извинительнымъ. Г-жа де Коэтканъ просто развратная кокетка; она предается всею душою молодому негодяю, дипломату, который подслушиваетъ у дверей, и такимъ образомъ узнаетъ государственную тайну; потомъ продаетъ эту тайну и убѣгаетъ. Этотъ Г. дипломатъ просто гнусень; и Г-жа Коэтканъ, которая жертвуетъ ему Тюренемъ, неизвинительна; Тюрень, который для подобной женщины измѣняетъ государственной тайнѣ, тоже; Гг. водевильисты, которые беспокоятъ тѣнь великаго человека, тоже.

5. *Tout chemin mène à Rome, Всякая дорога ведетъ въ Римъ*, Водевиль въ одномъ дѣйстви Гг. Лафитта и Денюэ.

Водевиль въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ пустился въ дипломатию, и очень неудачно: этотъ второй Водевиль еще хуже перваго.

6. *Gribouille, Грибуль*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, подражаніе Англійскому, Гг. Рошфора и Дюмануара.

Fin comme Gribouille, хитеръ какъ Грибуль, говоритъ пословица; изъ этой пословицы сдѣлали Водевиль. Грибуль влюбленъ въ жену одного колбасника; онъ съ нею въ большихъ ладахъ, и однажды забывается у нея до двухъ часовъ

почи. Колбасникъ приходитъ домой, стучится; Грибуль выскакиваетъ въ окно и попадаетъ въ чанъ съ водою. — Первая хитрость Грибуля.

Пока колбасникъ, работники колбасника, собака колбасника ищутъ Грибуля, Грибуль выскакиваетъ изъ чана, и залезаетъ въ тюфякъ, оставленный у дверей обойщиками. — Вторая хитрость Грибуля.

Тюфякъ уносятъ въ комнату въ четвертомъ этажѣ; въ этой комнатѣ сидельцы пируютъ съ гризетками, ѣдятъ, пьютъ, поютъ, хохочутъ, наконецъ ложатся спать, мужчины въ одной комнатѣ, женщины въ другой. Одна толстуха, мамзель-Индiana, бросается на тюфякъ Грибуля. Грибуль вскрикиваетъ; всѣ сбѣгаютъ и посылаютъ за полицейскимъ. Потомъ вы видите Грибуля въ Судѣ Исправительной Полици, гдѣ онъ ругаетъ судей, въ Школѣ Плаванія, гдѣ онъ дерется на кулачки, наконецъ въ Тиволи, гдѣ онъ женится на мамзель-Индianѣ, толстухѣ, которой онъ служилъ тюфякомъ. Это послѣдняя и самая неудачная хитрость Грибуля.

Этотъ Водевиль очень хорошая фарса, живая, разнообразная, наполненная островами.

7. *La frontière de Savoie, Савойская граница*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Адольфа Барда.

Вслушайте повесть злослученій москотильника!

Графъ Таско, человекъ, котораго никто не знаетъ, даже и слуга его, графъ Таско — первокласный карбонаро. Пиемонтская полиція его преслѣдуетъ; графъ старается убѣжать во Францію; но прежде онъ хочетъ проститься съ женою. Онъ пробирается въ свой замокъ, гдѣ живетъ жена его; но едва онъ пріѣхалъ, какъ полиція окружаетъ замокъ. Страхъ и тревога! Какъ же графиня спаси мужа?

Тутъ является нашъ москотильникъ, москотильникъ, разумѣется, Французскій, настоящій Парижскій москотильникъ. Знаете ли вы, что такое москотильникъ? Москотильникъ (*récisier*) существо исключительно Парижское. Москотильники настоящіе, совершенныя москотильники не водятся нигдѣ кромѣ Парижа. Это произведеніе, — я чуть было не сказалъ, произрастеніе Парижское.

Вышертьченый москотильникъ изгнаъ былъ изъ Парижа несчастіями всякаго рода, постигшими достопочтенное сословіе москотильниковъ. И онъ простился съ Парижемъ. *Неблагодарное отечество, тебѣ не достанутся мои кости!* сказалъ онъ и отправился на Савойскую границу, чтобы тамъ поселиться, увезши съ собою только великолѣпную свою вывѣску съ изображеніемъ «Золотой Иготи» и нѣжную свою супругу, чувствительную Адольфину, честь и украшеніе его лавки.

Невинный и простосердечный, какъ истинный москотильникъ, онъ является къ графинѣ Таско съ почтеніемъ и москотильными товарами, и собирается уже домой; но, къ несчастію, какъ-то въ разговорахъ, показываетъ ей свой паспортъ, въ которомъ написано — «Почему и благоволятъ «господа на заставахъ команду имѣющіе пропускать означеннаго москотильника Жапа - Хрисостома Годинѣ безпрепятственно», — паспортъ, явленный въ обѣихъ полиціяхъ, Французской и Пиемонтской, — паспортъ совершенно чистый, настоящій москотильничій.

Графиня подмѣняетъ у него этотъ паспортъ, и Г. Годинс, съ паспортомъ графа и карбонаро Таско, отправляется въ свой трактиръ къ супругѣ своей, Адольфинѣ, и къ своей вывѣскѣ съ золотою иготью.

Между-тѣмъ графъ Таско выходитъ изъ замка, и тѣмъ, которые его останавливаютъ, предъявляетъ паспортъ съ именемъ Годинс; полицейскіе ему ласково кланяются и толкуютъ между собою, что ихъ должность была бы очень легка, если бы весь свѣтъ населенъ былъ москотильниками.

Годинс съ своей стороны, хочетъ перейти черезъ границу: его останавливаютъ. Онъ съ важностію отдаетъ свой паспортъ, и — о ужасъ! — его привѣтствуютъ, или лучше сказать, поражаютъ именемъ графа Таско! Графъ Таско! Какая радость для сыщиковъ! Графа Годинс-Таско берутъ и отводятъ въ его замокъ Таско, къ его супругѣ Таско. Графиня, не зная еще, удалось ли мужу ея перейти во Францію, признастъ Годинс своимъ мужемъ; бросается къ нему на шею; плачетъ, что ему не удалось уйти. Годинс не постигаетъ, что значитъ этотъ пріемъ, но, какъ человекъ скромный и сговорчивый, не отрицается отъ графини и не вы-

рывается изъ ея объятій; онъ садится съ нею за столъ и ужинаетъ, повелѣваетъ слугами и ни сколько не заботится о сыщикахъ, которые не спускаютъ съ него глазъ. Наступаетъ ночь; Године надѣваетъ шляфрокъ графа, и хочетъ идти въ спальню графини. Положеніе Графини становится затруднительнымъ. Къ счастью, горничная ея поспѣваетъ къ ней на помощь. Она требуетъ Године къ себѣ; увѣряетъ, что онъ съ нею тайно обвѣчанъ; что онъ ея, а не чей другой. Горничная молода и мила; Године сбѣгается и ей уступить, какъ вдругъ является первоначальная, настоящая, единственная Г-жа Године, Адольфина Године. Соскучившись ждать мужа въ трактиръ, она приходитъ за нимъ въ замокъ. Вы можете вообразить, какъ она бѣсится, увидѣвъ, что мужъ ея сдѣлался мужемъ двухъ женъ. Вы можете вообразить, какъ затрудняется Године, навязавъ себѣ на шею трехъ женъ, въ томъ числѣ одну свою собственную. Вы можете вообразить, съ какимъ посомъ остаются сбирь, принявъ москотильника за карбонара и карбонара, за москотильника!

9. La Toque bleue, *Голубой токъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствиі Гг. Дюпена и Дюмануара.

Вы при дворѣ Карла II, конин двора Лудовика XIV. Въ то время царствовалъ въ Виндзорѣ, по крайней мѣрѣ столько же какъ самъ Король, — кавалеръ де Граммонъ. Съ Граммономъ царствовали Буккингамъ и Сидней; но въ этомъ Водевиль, Водевиль очень умномъ, нѣтъ ни Буккингамы, ни Сиднея, ни Граммона и ни одного изъ пріятелей Г-на Ансело.

Въ этомъ Водевиль вы видите просто Герцога Юркскаго, мужа болтливаго, и обманутаго; Лорда Коривалиса, дворянина и придворнаго деревенскаго, которой смѣшить нехотя; наконецъ Кавалера Литльтона, который влюбленъ въ Миссъ Темплъ, и послѣ многихъ занимательныхъ приключеній на пей женится.

Вотъ въ чемъ дѣло. Герцогъ Юркскій встрѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ Лорда Коривалиса, и привезъ его въ Лондонъ, чтобы женить его на молодой и прекрасной Миссъ Темплъ, которая втайнѣ любитъ кавалера Литльтона. Свадебный договоръ долженъ быть подписанъ въ тотъ же день, и лордъ Литльтонъ въ отчаяніи.

Между-тѣмъ является Герцогъ Йоркскій. Онъ въ этотъ день очень веселъ; онъ рассказываетъ своимъ пріятелямъ, что въ одномъ павильонѣ онъ видѣлъ сквозь замочную скважину двухъ любовниковъ, очень нежныхъ и очень счастливыхъ; молодой человекъ стоялъ на колыняхъ, а дама къ нему нагнулась. Правда, что герцогъ не видалъ лицъ ихъ; но онъ замѣтилъ, что на дамѣ былъ голубой токъ съ перомъ. По этому дамѣ узнать будетъ не мудрено. Кавалера тоже узнать можно, потому что онъ потерялъ цѣпочку. Придворные хохочутъ и идутъ отыскивать даму въ голубомъ токъ и кавалера безъ цѣпочки.

Литльтонъ знаетъ больше ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ узналъ цѣпочку пріятеля своего Сиднея, и видитъ голубой токъ на головѣ Герцогини Йоркской. Онъ старается спасти его и герцогиню; но какъ предупредить ее не возможно, то онъ начинаеть оуждать этотъ токъ, увѣряеть, что онъ герцогинѣ не къ лицу; герцогиня, къ удивленію, съ нимъ соглашается и не хочетъ уже носить этого тока. Въ эту минуту входитъ Миссъ Темплъ, и Герцогиня надвѣваетъ на нее роковой токъ. Литльтонъ не успѣлъ еще сказать ни слова, какъ Герцогъ Йоркскій и графъ Корнваллисъ приходятъ, чтобы подписать свадебный договоръ.

Но при видѣ роковаго голубаго тока на головѣ Миссъ Темплъ. Герцогъ и Корнваллисъ останавливаются. Это она! Сначала Герцогъ Йоркскій шутитъ и смѣется; потомъ спрашиваетъ Миссъ Темплъ, какъ зовутъ счастливаго молодаго человека, который утромъ былъ въ павильонѣ у ногъ ея. Миссъ Темплъ, удивляясь подобному вопросу, не знаетъ что отвѣчать на шутки Герцога. Герцогъ объясняетъ въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ Миссъ Темплъ или по крайней мѣрѣ ея токъ, съ мужчиною. При этихъ словахъ герцогиня объявляетъ, что это ея токъ, и что онъ былъ на ней въ это утро. Всеобщій смѣхъ падаетъ тсперь на Герцога. Онъ бѣсится и съ крикомъ требуетъ объясненія, сдѣлавшагося необходимымъ. Тогда лордъ Литльтонъ выходитъ впередъ и объявляетъ, что, онъ, Литльтонъ, былъ въ это утро съ герцогинею въ павильонѣ, и на колыняхъ просилъ позволенія жениться на Миссъ Темплъ. Это объясненіе успокоиваетъ Герцога, и онъ отъ души признается въ винѣ своей.

10. Charles III et l'Inquisition, *Карль III и Инквизиція*, Драма Гг. д'Эпаньи и Де.

Карль III былъ однимъ изъ лучшихъ Испанскихъ Королей. Испанія обязана ему превосходнѣйшими своими дорогами и полезнѣйшими своими памятниками. Карль III и министръ его, Г. Аранда, не любили Инквизиціи. Не надобно однако же думать, на основаніи этой Драмы, будто-бы этотъ государь уничтожилъ ужасный Судъ Santo-Ufficio. Инквизиція была въ то время въ Мадридѣ то же самое, что она нынѣ въ Римѣ; — скорѣе воспоминаніе прошедшаго, чѣмъ учрежденіе еще существующее.

Забавны только авторы, которые черезъ тридцать четыре года послѣ XVIII столѣтія вздумали снова разглагольствовать противъ инквизиторовъ, ихъ подземельевъ, ихъ кровавыхъ судовъ, ихъ костровъ! Притомъ въ этой пьесѣ вы только и видите колеса, цѣпи, орудія пытки, монаха честолюбца, лицембра и убійцу, который дѣйствуетъ и говоритъ какъ знаменитый Базиль: что же все это значить передъ тѣмъ, что выставляли на сцену Гг. Викторъ Гюго и Александръ Дюма съ братією?

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Или мы вовсе ничего не видимъ, или во Франціи рѣшительно наступила эпоха новаго нравственнаго припадка, котораго еще не доставало въ длинномъ спискѣ мученій, причиненныхъ ей сороко-лѣтнею лихорадкою. Съ юною Словесностью и ея омерзительною Философією, предначертанною какъ-бы нарочно для ней еще Годвиномъ, — съ юною Словесностью дѣло, кажется, рѣшено, кончено, подшито и передано въ огромный архивъ человѣческихъ глупостей: результатъ всей бури тотъ, что впредь Французы могутъ писать драмы безъ соблюденія трехъ единствъ, если пожелаютъ, въ подражаніе Шекспиру и Шиллеру. Сенсимонизмъ и Французская Церковь упали. Гг. Фурье и Эмё Мартенъ сдѣлали много шума разогрѣтою нелѣпницею, бывшею нѣсколько времени въ модѣ въ Англіи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда Марія Волльстонкрафтъ проповѣдовала тамъ «права женщины,» и бра-

лась возродить родъ человѣческой посредствомъ «свободной жены». Но и это быстро клонится къ забвенію: ученіе Г. Мартена, подобно холерѣ, обходитъ теперь другія страны Европы, опустошаетъ молодыя головы, и вѣроятно исчезнетъ не ближе какъ на Турецкой границѣ. Судя по эпиграфамъ множества статей и книгъ, сочиненіе его, «О воспитаніи матерей семейства», въ эту минуту читается у насъ на подхватъ и въ большой милости у тѣхъ, которые разсуждаютъ о человѣчествѣ по послѣдней Французской книгѣ. Что жъ теперь новаго во Франціи? Ничего особеннаго! Философія прошлаго столѣтія гнала католицизмъ; Французская республика исключила его даже изъ списка религій: слѣдственно, послѣ ужасовъ республики, послѣ гоненія на католическое вѣроисповѣданіе, послѣ безвѣрія и отчаянія юной Словесности, оставалось одно только — умозрительное соединеніе республики съ католическимъ фанатизмомъ, — религіозно-политическій мистицизмъ. Онъ уже начался во Франціи, и предвѣщаетъ страшныя глупости. Эта новая и опасная горячка быстро распространяется по головамъ и пожираетъ умы. Аббатъ Деламенѣ, главный пророкъ этого страннаго ученія, впрочемъ, чрезвычайно схожаго съ нынѣшею теоріею Шеллинга, въ своихъ сочиненіяхъ излагаетъ такія противообщественныя правила, которыя могутъ быть приняты только Французскою логикою. Тогда какъ его система, безтолковая, противная всемъ выводамъ Исторіи, враждебная здравому смыслу и настоящему духу Христіанства, покоряетъ себѣ удивленіе и приверженность короче все въ устарѣвшей юной Словесности, негодованіе и печаль здравомыслящей и религіозной части Франціи по-истинѣ раздирающи для посторонняго наблюдателя. Духовная полемика, самаго раздражительнаго рода, вторглась въ Словесность; сочиненія подъ заглавіями — «Слова вѣрующаго», — «Мысли вѣрующаго», — «Отвѣтъ вѣрующаго», и т. д., слѣдуютъ одинъ за другими; къ *Revue des deux mondes*, которая прежде одна исповѣдовала эти мнѣнія, рѣшительно присоединилась *Revue de Paris*; къ Александру Дюма, его соперникъ Викторъ Гюгô съ своими поклонниками; издаютъ Библии для юношества, печатаютъ творенія Св. Іоанна Златоуста и другія аскетическія книги, — и эти выпрепненіе ис-

точники свѣта, истины и мира соединяють тамъ съ самыми ложными и разрушительными началами превратной теоріи общества! Плачевное состояніе ума! Несчастливая страна!

Романъ Г. Сентъ-Бѣва, *La Volupté*, о которомъ мы уже говорили, принадлежитъ къ этой вновь образующейся школѣ. Романъ Г-на Д'Ортигъ, *La Sainte-Beaume*, — тоже, хотя онъ вышелъ еще въ началѣ года. Католическій мистицизмъ въ Романѣ! И еще поддѣльный, въ угожденіе модѣ!.... Мы, право, не знаемъ, кто изъ людей здравомыслящихъ и почитающихъ Вѣру можетъ это одобрить.

— «Цецилія» Г. Евгенія Сю, объявленная въ газетахъ въ видѣ поваго Романа, какъ по справкѣ оказалось, есть только отдѣльное изданіе одной изъ Повѣстей его «Кукарачн.» Г. Евгений Сю, неутомимый пѣвецъ эгоизма, продолжастъ пражнюю свою школу отчаянія на морѣ и на сушѣ: для него человѣкъ и извергъ всегда будутъ одно и то же. Его *Vigie de Coat-Ven* есть новое воплощеніе этой несчастной идеи.

— Мы не хотимъ пугать нашихъ читателей, и предупреждаемъ ихъ благовременно, что собираемся говорить о страшномъ происшествіи для ума и нравственности: Г-жа Дюдеванъ, облеченная кровавымъ именемъ Георга Занда, которое удивительно какъ идетъ къ лицу женщины съ дарованіемъ, издала новый Романъ, подъ заглавіемъ — *Jacques!*

— Г-жа Гè издала новое сочиненіе, — *Souvenirs d'une vieille femme*, о которомъ еще ничего не пишутъ. Последний ея Романъ, — *La duchesse de Chateaugoux*, спискиваетъ всеобщія похвалы. Ругательства, клевета и грязь, которыми философы юной литературной школы закидали всѣ высокія лица Исторіи своего народа, причиною, что Парижскіе читатели встрѣчаютъ сочиненіе Г-жи Гè съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ, какого давно уже не испытывали: Лудовикъ XV и несчастный другъ его, герцогиня Шатору, выставлены здѣсь со стороны благородной, нѣжной, трогательной, человѣческой, и согласной съ подлинными ихъ характерами. Но сверхъ-того твореніе Г-жи Гè отличается примѣчательными красотами и въ отношеніи къ Искусству.

— «Генрихъ Фарель», Г. Лафатера, тоже сочиненіе благородное и выходящее изъ разряда обыкновенныхъ Фран-

цузскихъ Романовъ. Оно нѣсколько въ Нѣмецкомъ родѣ. Сцена происходитъ въ Альзаци, и предметъ его — несчастія, протекующія изъ несогласія супруговъ въ мнѣніяхъ и чувствованіяхъ. Но въ немъ много таланта, много воображенія, много прелестнаго; характеры истинны, даже разительны своею естественностью; повсюду видно глубокое изученіе человеческой природы и общества.

— Marie de Médicis, историческій Романъ Г. Лоттенъ-де-Лавалля, удостоивается похвалъ за чрезвычайную точность историческую, которая однакожь не всегда у него въ ладахъ съ чрезвычайно хорошимъ вкусомъ.

— Великіе мужи, или выспреннія дѣти, ничего не производятъ: за то, ужъ ссорятся усердно и отписываются въ газетахъ не весьма лестнымъ для ихъ же самихъ образомъ. Мы, кажется, ничего не говорили о войнѣ Г. Александра Дюма съ сотрудниками газеты Journal des Débats? Одинъ изъ ихъ (Г. Шаль) доказывалъ знаменитому драматургу, что всѣ лучшія мѣста въ его драмахъ выписаны изъ Шекспира, Шиллера, Гёте, даже изъ Мольера; знаменитый драматургъ отвѣтствовалъ ему на то, что это не правда: онъ ихъ не выписывалъ, а просто *отпаялъ* ихъ у рѣченныхъ писателей какъ *свою собственность*; онъ имѣетъ *право* взять собственность свою всюду, гдѣ ее ни находитъ; онъ *завоевалъ* эти мѣста, — это его *покоренія*; на что Г. Шаль возразилъ знаменитому драматургу почти въ томъ смыслѣ, что такимъ точно образомъ извѣстный классъ завоевателей покоряетъ себѣ платки и табакерки въ чужихъ карманахъ. Едва эта война кончилась, какъ тотъ же Г. Дюма принужденъ былъ начать новыя непріятельскія дѣйствія противъ Г. Гальярдѣ, издателя «Семейнаго Музеума», и противъ Жюль-Жанена. Весьма трудно понять, въ чемъ первоначально состояло дѣло: теперь оно превратилось въ пошлыя и оскорбительныя личности, которыми эти господа и ихъ пріятели наполняютъ не только литературные журналы, но и политическія газеты. Правда или нѣтъ, — но Г. Жаненъ утверждаетъ вснародно, что извѣстная Драма Александра Дюма, La tour de Nesle, написана большею частію имъ, Жаненомъ. Еще прежде того Г. Гальярдѣ объявилъ въ Журналахъ, что та же самая Драма написана имъ, Г. Гальярдѣ.

Смѣтливость директора одного театра придала этому спору видъ еще забавивѣйшій. Въ одно утро неожиданно явилась афишка, которую должны мы удѣлать нашимъ читателямъ: «Сегодня, во Вторникъ, актерами театра Портъ-Сенмартенскаго, будетъ представлена — LA TOUR DE NESLE, «Драма Г. Александра Дюма, сдѣлавшаяся еще занимательнѣе по поводу брани между двумя авторами. Цѣна мѣстамъ однако жъ не будетъ возвышена.» Это безподобно! Дюма и Гальярдэ вызвали другъ друга на дуэль, и грозятъ непременно умертвить себя, какъ скоро улучатъ *свободное время*.

— Два первые тома Исторіи Библиофила Жакоба, PISTOIRE du XVI siècle en France, уже вышли изъ печати: по-видимому здѣсь, такъ же, какъ въ Исторіи Г. Мишлэ, вальтеръскоттизмъ будетъ преобладающимъ началомъ. Шотландскій романистъ, — таково могущество истиннаго таланта надъ посредственностью! — привилъ свою поэтическую форму цѣлому вѣку; она проникла даже въ классическую Критику, въ Исторію, въ Политическую Экономію; она должна все испортить, все сдѣлать смѣшнымъ, прежде чѣмъ сама сдѣлается смѣшною. Въ многочисленномъ кругу нелѣпностей вѣка, жслашіе примѣнить теорію историческаго Романа къ изложенію Исторіи имѣсть полное право занять председательскія кресла.

Г. Барантъ продолжаетъ издавать свой переводъ Шиллера, Г. Капфигъ свою «Исторію Реформацій, Лиги и царствованія Генриха IV»: перваго уже вышло шесть томовъ, второй семь выпусковъ, livraisons.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛИИ. Лондонскія извѣстія за послѣдній мѣсяць не представляютъ ничего примѣчательнаго по части Словесности, въ которой все тихо и чинно. Всѣ почти новыя книги принадлежатъ къ разряду ученыхъ сочиненій. Отечественная Исторія и Путешествія суть господствующіе предметы. «Очерки Италіи, Испаніи и Португаліи» (Г. Бекфорда), о которыхъ мы уже говорили, твореніе прелестное: въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. мы сообщимъ изъ него нѣкоторые отрывки, такъ же какъ изъ Путешествія Г-жи Троллопъ по Бельгіи и Западной Германіи.

— «Жизнь Г-жи Сиддонсъ», сочиненіе Г. Кампбелля, относящееся къ Исторіи Англійской Словесности послѣдней эпохи, весьма занимательно и усыпано любопытными подробностями о знаменитыхъ поэтахъ и литераторахъ того края. Оно можетъ доставить большое удовольствіе тѣмъ, кто хорошо знакомъ съ литературными дѣлами Англій. Другое, совершенно такое же сочиненіе, есть — «Жизнь и переписка Г-жи Анны Моръ». Третье, носитъ названіе — «Домашніе нравы и жизнь Сиръ Вальтеръ - Скотта», и принадлежитъ перу извѣстнаго Гогга. Изъ книги Г. Кампбелля о славной актрисѣ, Г-жѣ Сиддонсъ, Европейскіе журналы дѣлаютъ пространныя извлеченія; мы не смѣемъ подражать ихъ примѣру, потому что по-сю-пору Англійская Словесность вообще извѣстна у насъ только дамамъ, — и это не парадоксъ! Изъ мужчинъ, одни литераторы читаютъ иногда по-Англійски, и то большію частію Шекспира и Байрона, которыми и оканчивается для нихъ вся Словесность. Мы всегда утверждали и утверждаемъ, что наши Русскія дамы гораздо образованнѣе насъ, Русскихъ мужчинъ, — и если бѣ онѣ болѣе читали по-Русски!..... то есть, если бѣ мы писали такъ, чтобъ онѣ могли находить удовольствіе и пищу въ нашихъ писаніяхъ!.....

— Въ заключеніе должны мы упомянуть о появленіи въ Англійскій новаго поэта, котораго первая поэма, «Божество», *The Deity*, дѣлаетъ тамъ впечатлѣніе и подаетъ большія надежды. Его зовутъ — Джонъ Раггъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Французскія.

LA RAISON DU CHRISTIANISME, ou Preuves de la vérité de la religion tirées des écrits des plus grands hommes, par M. de Genoude.

HISTOIRE DU SEIZIÈME SIECLE en France, par P. J. Jacob, bibliophile. I et II vol.

PANDECTES FRANCAISES, ou Recueil complet des lois et de la jurisprudence, etc., par M. Isambert. 36 vol., par souscription.

ECONOMIE POLITIQUE CHRETIENNE, ou Recherches sur les causes et la nature du pauperisme en France et en Europe, et sur les moyens de le prévenir et de le soulager, par le vicomte de *Villeneuve-Bargemont*. 3 vol.

PENSEES D'UN PRISONNIER, par le comte de *Peyronnet*. 2 vol.

MEMOIRES ET SOUVENIRS de Charles de Pougens. 1 vol.

MEMOIRES de Madame la duchesse d'*Abrantes*. Tomes XV et XVI.

TABLEAU SYNOPTIQUE DU REGNE VEGETAL, d'après la méthode de M. Jussieu, modifié par M. Richard. Par M. *Charles d'Orbigny*. 1 vol.

REVUE élémentaire et progressive des sciences physiques et naturelles, avec un bulletin archéologique, par les rédacteurs de l'*Echo du monde savant*, sous la direction de M. *Boubée*. Nouveau journal.

ARCHIVES de la médecine homéopathique, publiées par une société de médecins sous la direction de M. *Jourdan*, de l'Académie. Nouveau journal.

ETUDES sur la personne et les écrits de Ducis, par O. *Leroy*. Ouvrage couronné. 1 vol.

LIVRE DES CENT-ET-UN. XV et XVI vol. Ouvrage terminé.

UN SPECTACLE DANS UN FAUTEIL, par *Alfred de Musset*. 2 vol.

LE MAGNETISEUR, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

LA NAPOLITAINE ou la Couronne de la vierge, roman, précédé de deux histoires à propos d'un livre, par *Michel Masson*. 1 vol.

ANATHEME, roman, par *Jules Favre*. 1 vol.

SOUVENIRS de servitude militaire, par *Alfred de Vigny*. 1 vol.

SOUVENIRS d'une vieille femme, par *Mme Gay*. 1 vol.

LONG-TEMS APRES, 1812—1830. Par *Anatole de Mont-Gray*. 1 v.

Английскія.

LARDNER'S CYCLOPÆDIA, Nro LVII. Lives of British Admirals, with a View of naval history of England. By *Robert Southey*. 3 vols.

ROTULI LITTERARUM CLAUSARUM. The Close Rolls, preserved in the Tower of London. Vol. I, from 1204 to 1224.

MEMOIRS OF JOHN NAPIER, of Merchiston, his lineage, life and times, with a history of the invention of logarithms. By *Mark Napier*. 1 vol. 4to.

- LIFE** of Ma-ka-tai-me-she-kia-kiak, or Black Hawk, embracing the traditions of his nation, Indian wars and a history of late war. By *himself*, Boston. 4 vol.
- MEMOIRS OF SPAIN** during the reign of Philip IV and Charles II, from 1621 to 1700. By *John Dunlop*, author of the History of Fiction. 2 vols.
- EUROPEAN COLONIES**, viewed in their social, moral and physical conditions. By *John Howison*. 2 vols.
- A HISTORY OF THE UNITED STATES**, from discovery of the American continent to the present time. By *George Bancroft*. Boston.
- STIGHT REMINISCENCES** of the Rhine, Switzerland and a corner of Italy. 2 vols.
- LADY'S BOTANY**, or a Familiar introduction to the natural system of Botany. By *John Lindley*, professor of London University. 1 vol.
- BIRDS OF AMERICA**. By *John Audubon*. Parts XL—XLIII.

-
- THE DOMESTIC MANNERS** and private life of Sir Walter Scott. By *James Hogg*. 1 vol.
- LIFE AND CORRESPONDENCE** of Mistress Hannah More. 2 vols.
- TREATISE** on the progress of literature and its effects on society. Edinburgh. 1 vol.
- THE DEITY**, a poem. By *John Ragg*. 1 vol.

М О Д Ы.

=

Парижъ. Сентябрь.

Пробилъ часъ страшнаго недоумѣнiя для тѣхъ, которыя, возвратясь съ дачъ, желаютъ шить себѣ новыя платья и дѣлать новыя шляпки по послѣдней Парижской модѣ! Въ Парижѣ, лѣтнiя моды кончились, осеннiя еще не наступили, а въ Петербургѣ между-тѣмъ уже начинается зима. Ужасное положенiе! И какъ тутъ быть? Вечера и балы требуютъ чего-нибудь новаго. Гулянья на тротуарахъ, тоже..... Мы право не знаемъ, какъ пособить въ этомъ случаѣ прекраснымъ нашимъ читательницамъ.

Въ числѣ полученныхъ изъ Парижа картинокъ только двѣ представляютъ непосредственную пользу, и мы соединили ихъ въ приложенной гравюрѣ, на которой изображены — парадное платье для вечернихъ собраний и родъ осенняго капота для прогулки. Оба эти костюма очень красивы, и могутъ служить пока руководствомъ вкусу. Сверхъ-того, они знаменуютъ уже новую эпоху въ фасонѣ вышшняго года. веланы опять появились на платьяхъ, и бранденбуры разныхъ модъ, шелковые и изъ матерій, на капотахъ. Рукава попрежнему дѣлаются очень широкіе у кисти; юбки длинныя, и притомъ немножко длиннѣе сзади нежели спереди. Корсажи со складками у кушака, называемыя Греческими или à la Nouvelle, начинаютъ быть въ употребленіи: складки однако жъ не должны быть высокія. Но все это еще опыты, пробы, фантазіи, въ которыхъ есть ничего рѣшительнаго. Въ Сентябрѣ только начнется настоящій переломъ моды, долженствующей царствовать всю зиму.

— Тѣ, которые имѣютъ даръ прорицанія, утверждаютъ, что бархатъ будетъ преобладать въ головныхъ уборахъ.

— Говорить ли о новыхъ матеріяхъ, приготовляемыхъ въ Парижѣ для осени и для зимы? Увы, мы ихъ увидимъ въ нынѣшнемъ году! А жалко! Во-первыхъ прелестныя шерстяныя ткани для пелажё, богатая шелковая матерія для вечерняго парада, и *шерстяная кися* совсѣмъ новаго рода; *одалиска*, ткань чрезвычайно нестрая, съ яркими цвѣтами; *тигринна*, родъ круаза, мягкаго и прочнаго; наконецъ *Лукоорскій бархатъ*, satin l'uxor, шелковый на кашемировой основѣ, который волнуется мягче и передвигается сѣтьмѣе самаго атласа.

— О шляпкахъ мы ничего не скажемъ: въ Парижѣ носятъ еще шляпки соломенныя и гроденаплевныя, которыя у насъ давно уже вынесены въ кладовыя. Въ этомъ отношеніи, читательницы наши должны совершенно встрѣться вкусу Петербургскихъ модистокъ, которыя вообще дѣлаютъ теперь атласныя осеннія шляпки въ видѣ тѣхъ шляпокъ-капотовъ, какія изображены на приложенной здѣсь картинкѣ.

==

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Открытіе памятника Императору <i>Александрѣ I. М. Маркову</i>	5.
Е. П. Высочеству, Государю Наслѣднику, Ц. и В. К., <i>Александрѣ Николаевичу</i> , въ день его тезоименитства. <i>И. П. Козлова</i>	8.
Божій судъ. <i>В. А. Жуковскаго</i>	11.
Элегія. <i>А. С. Пушкина</i>	16.
На открытіе монумента <i>Александрѣ I. А. Бистрома</i> ..	—

ПРОЗА.

<i>Кавказскіе очерки. Александра Марлинскаго.</i>	
I. Прощаніе съ Каспіемъ.....	17.
II. Горная дорога изъ Дагестана въ Ширванъ чрезъ Кунакенты.....	25.
III. Последняя станція въ Старой Шамахъ.....	55.
IV. Переездъ отъ станціи Тончи въ Куткаши.....	44.
О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. <i>И. И. Давыдова</i>	55.
Всякій гость, прошенствіе неправдоподобное, пото- му что истинное. <i>Барона Брамбеуса</i>	68.
Петербургская чухонская кухарка, или женщина навсѣхъ правахъ мужчины. <i>La femme émancipée des St.-Si-</i> <i>moniens. О. В. Булгарина</i>	88.
Мѣстныя пословицы Русскаго міра. <i>И. М. Снегирева</i>	100.
Отсталое, будущая Повесть. <i>И. И. Греча</i>	110.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Два мужа, Повесть. <i>А. П. Ситниковой</i>	1.
Доморощенныя гении, Нравственная и литературная картина. Изъ <i>Edinburgh</i> и <i>Quarterly Reviews, Re-</i> <i>vue Britannique, etc.</i>	27.

Китайскія женщины-поэты. Изъ <i>Revue Britannique</i> ..	57.
Гёте въ посмертныхъ его сочиненіяхъ. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	65.
Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ.....	95.
Гайдеръ-Санбъ, Остъ-Индская быль. Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	107.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ. <i>Д. П. Языкова</i>	1.
Сикстъ V, историческая характеристика. <i>С. П. Шевырева</i>	57.
О достоверности древней Русской Исторіи. <i>М. П. Погодина</i>	77.
Средняя Азія. Путешествія Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Борнса. <i>Е. К.</i>	105.
Нынешняя архитектурная школа въ Германіи. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i>	157.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Легкій способъ золотить и серебрить разныя вещи..	1.
Составъ ароматической горчицы, извѣстной у насъ подъ названіемъ Французской....	9.
Приготовленіе вишневой водки или киршвассера.....	11.
Саксонскій способъ уваживать землю.....	12.
Лакъ для предохраненія дерева отъ гнилости.....	14.
Клюквенныя выморозки.....	—
Способъ наклеивать на стѣны бумажные обои такъ, чтобъ въ нихъ не заводились клопы.....	16
Вѣрное средство заставить пивокъ приниматься къ большому мѣсту. <i>Н. П. Филипова</i>	—

V.

КРИТИКА.

Санназаръ, драматическая Фантазія, <i>Н. В. Кукольника</i>	1.
Взглядъ на сусвѣріе и предрасудки, <i>Поликарпа Пузыны</i>	14.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>Сентябрь</i> , 1854. Новыя книги	1.
Разныя извѣстія	15.

VII.
СМѢСЬ.

Парижская Академія Наукъ. 1. Газовыя лампы и маяки.	
2. Причина чшотки. 3. Резиновое масло. 4. Инструментъ для измѣренія пульса.....	1.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новая теорія горънія.....	4.
Происхожденіе горнаго масла.....	5.
Угри.....	8.
Средне продолженіе жизни врачей.....	10.
Ирѣжняя Новосербія.....	12.
Машины и дѣти.....	20.
Чугунныя дороги въ Америкѣ.....	25.
Ловель, новый городъ.....	28.
Норвежскіе виды.....	36.
Видъ Стокгольма съ моря.....	58.
Фалунскія рудоконни.....	59.
Конфискація Европейскихъ вещей въ Турціи.....	41.
Вальтеръ-Скоттъ и его семейство.....	46.
Всеобщій примиритель.....	51.
Безконечная музыка.....	55.
Вліяніе луны.....	55.
Американскіе Индѣйцы.....	56.
Персіане. 1. Кто такой Остъ-Индская Компанія? 2. Персидскій астрономъ. 3. Персидская вѣжливость	57.
Водяной театръ.....	60.
Французскій театръ въ Парижѣ. <i>Сентябрь, 1854.</i> La fille du prince, Г. Скриба. Judith et Holopherne. Le Septuagénaire. Le noviciat diplomatique. Tout chemin mène à Rome. Gribouille. La frontière de Savoie. La toque bleu. Charles III et l'Inquisition..62—73.	
Словесность во Франціи. <i>Сентябрь, 1854.</i> Мистцизмъ. Аббатъ Деламенѣ. Сентъ-Бѣвъ. д'Ортигъ. Сю. Г-жа Дюдеванъ. Г-жа Гѣ. Henri Fagel. Marie de Medicis. Ссора Гг. Дюма, Жанена и Гальярдѣ. Библиофильъ Жакобъ и его Исторія, и проч.....	75.
Словесность въ Англіи. <i>Сентябрь, 1854.</i> Жизни Г-жъ Сиддонсъ, Анны Горъ и Вальтеръ-Скотта. Гогтъ. Новый поэтъ.....	77.
Новыя книги. <i>Сентябрь, 1854.</i> Французскія. Англійскія	78.
Моды. <i>Сентябрь, 1854</i> (съ картинкою).....	80.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine

AP50

.B5

t.6

